Валентин Лесков

СТАЛИН
И ЗАГОВОР ТУХАЧЕВСКОГО

Москва
«Вече»
2003

УДК 882-3
ББК 66.3(2Рос)8
Л 50
С лучшими книгами издательства «Вече»
можно познакомиться в Интернете на сайте
www.100top.ru
ISBN 5-94538-388-0

Заговор маршала М.Н. Тухачевского и группы высокопоставленных командиров Красной Армии действительно существовал в 1930-е годы. Это реальность, а не плод больного воображения И.В. Сталина и его окружения или тем более следователей из НКВД. Историк Валентин Лесков раскрывает как внутренние, так и внешние движущие силы заговора, на богатом фактическом материале показывает малоизвестные стороны жизни и деятельности советских и зарубежных политиков, военных, дипломатов, разведчиков. Особое внимание уделено сторонникам полной реабилитации Тухачевского, действовавшим в период хрущевской «оттепели» и вновь оживившимся в ходе горбачевской «перестройки».

ПРЕДИСЛОВИЕ

Необходимо сказать несколько слов относительно обстоятельств появления настоящей работы.

Интерес к личности Тухачевского и его друзей появился у автора после ознакомления с блестящей книгой, посвященной тайной кремлевской истории (Сейерс, Кан. Тайная война против Советской России. М., 1949). В те давние времена казалось невероятным и непонятным: почему столь крупные люди, все получившие от Советской власти, ринулись вдруг в крайне опасную политическую авантюру, когда им было положено по роду их деятельности заниматься только военными делами и защищать Советскую власть? Это казалось непонятным, невероятным, вызывало удивление, устойчивый интерес к названным лицам, несомненным героям Гражданской войны, и желание раскрыть целый «букет» тайн.

Постепенно появлявшиеся документы позволили сформировать определенное представление о Тухачевском и его товарищах. Решающий толчок дал 1988 г., когда в газете «Правда» (29. 04. 1988) появилась большая статья Б. Викторова «Заговор» в Красной Армии». Эта статья вызвала громадный интерес у читателей, но и большое разочарование. Она порождала множество вопросов, но ответов на них в статье не имелось. Виден был также ряд несомненных передержек, часто очень грубых. Тот, кто действует в интересах истины, не прибегает к подтасовкам![1]

ГЛАВА 1. КТО ПРОИЗВОДИЛ ПОВТОРНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ?

СТРАННЫЕ «ОШИБКИ»...

Соловья за песни кормят
Пословица

С чего следует начать исследование? Конечно, с рассказа о жизненном пути «реабилитаторов» Тухачевского. Ведь только незапятнанные и безупречные люди, не имеющие личной корысти и не связанные родственными или фракционными отношениями с осужденной при Сталине военной группировкой, могут отличаться необходимой степенью добросовестности, только они заслуживают доверия.

Биографическая справка Б. Викторова, генерал-лейтенанта юстиции в отставке (с 1982 г.), одного из главных «реабилитаторов», составлена отнюдь не лучшим образом. Почему-то она обходит ряд немаловажных вопросов: в какой семье автор родился[2], в каком году закончил Всесоюзный заочный юридический институт, где работал до ухода в Красную Армию (1941 г.), какие посты занимал в армии во время войны и после нее[3], какие имел награды и за какие дела. Все это весьма важные вопросы. Ибо необходимо знать; почему выбор Генерального прокурора СССР Р. Руденко, которому Н. Хрущев поручил новый разбор дела Тухачевского, проверку различных жалоб и писем, пал именно на него? Почему именно Викторова Руденко назначил заместителем Главного военного прокурора СССР (фамилия последнего опять почему-то не называется)? Почему именно ему и сформированной им группе следователей и прокуроров выпало проверять «дело Тухачевского»?

Такие вопросы задавались уже в ответе на газетную публикацию Б. Викторова. В вышедшей позже книге «Без грифа «секретно». Записки Военного прокурора (М., 1990) Викторов от неприятных вопросов старается уклониться. И сообщает о себе лишь кое-что[4]. Из книги этой мы узнаем, что он пришел на работу в Прокуратуру по рекомендации Бюро райкома комсомола и начал службу народным следователем в Веневском районе Московской области (с февраля 1934 г.). Последовательно занимал должности старшего следователя, нач. следственного отдела прокуратуры Тульской обл.; с начала войны — военный следователь и военный прокурор, имел дело лишь с воинскими и общеуголовными преступлениями (хулиганство, хищения, грабежи и пр.). Был военным прокурором Бакинского гарнизона (1946—1951). Близко общался и работал с М. Багировым (1896—1956, чл. партии с 1917), ближайшим соратником Берии, тогда первым секретарем азербайджанской компартии. Этот бывший учитель сельской школы во время революции и Гражданской войны стал активным военно-политическим работником, позже — видным чекистом Азербайджана (1921—1932), затем Председателем Совнаркома Азербайджана (1932—1933). Смешно, конечно, но Багиров

имел орденов больше, чем вознесенный до небес Тухачевский: пять (!) орденов Ленина, два (!) ордена Красного Знамени, два ордена Трудового Красного знамени, орден Отечественной войны, орден Трудового Красного знамени Азербайджанской республики. Имел, как положено, значок «Почетный чекист». При всем при этом являлся страшнейшим палачом собственной партии и народа. Был страшно суеверен! И больше всего боялся черной кошки, перебежавшей дорогу его машине!

И вот с ним-то Викторов прекрасно и мирно работал, пользуясь его полным расположением. Разве это кое о чем не говорит?!

Из Азербайджана — с прекрасными рекомендациями! — он переходит с повышением: военным прокурором Западно-Сибирского военного округа в чине полковника. А в начале 1955 г., когда у власти утверждается Н. Хрущев, новый Генеральный прокурор СССР Роман Андреевич Руденко (1907—1981, чл. партии с 1936), давний соратник Хрущева, бывший прокурор Украинской ССР (1944—1953), назначает его заместителем Главного военного прокурора СССР[5].

По какой причине выбрали его, Викторов почему-то и в книге не объясняет, а это заставляет читателя делать некоторые предположения, для него не очень почетные, вопрос ставится так: как это удалось ему остаться чистеньким, если он часто общался с кровавым палачом Багировым?! Как это ему удалось, если он послушно выполнял все его указания и поручения?! Не составляет ли эта его деятельность (не говоря о других периодах жизни!) тот «крючок», на котором его держали Н. Хрущев и новый Генеральный прокурор СССР Р. Руденко? Не заставляли ли они его фабриковать фальшивые реабилитации, прикрываясь лицемерными рассуждениями о «глубоко объективных проверках», под угрозой собственного разоблачения?! Не из этого ли источника (страха за себя) идут карьеристские обобщения такого рода:

«Мы видели (?), что самый главный виновник, организатор этих преступных деяний — И.В. Сталин. Пришло время (!), и его справедливо объявили преступником. (??) Нужен ли еще какой-либо суд нам? (И это говорит прокурор, ярый противник Особых совещаний! Браво! — *В.Л.)* Не сомневаюсь (!), преступления И.В. Сталина настолько тяжелы и доказаны (??), что ни у какого справедливого суда (буржуазного и «право»-троцкистского. — *В.Л.)* не может быть иного приговора: «Не может быть прощен».

Подобным же образом Викторов, этот апостол прозападного «правосудия», честит и Ворошилова: «Справедливость требует преступником объявить (!) и К.Е. Ворошилова. История советского правосудия не знает такого изобилия достоверных неопровержимых (?) доказательств, которые так неотразимо (?) изобличали бы подсудимого в преднамеренном уничтожении многих неугодных ему людей»[6]. Как г. Викторов торопится! Обратили внимание? Ни в каком гласном суде, с трансляцией по радио и телевидению, с непременным печатанием стенографического отчета, Викторов не предъявил этого «изобилия достоверных

доказательств», не доказал в открытом суде своих обвинений! И тем не менее без суда, который только и может объявить человека преступником, попирая обеими ногами ту самую презумпцию невиновности, о которой он, как и все ему подобные, очень любит порассуждать (!), он требует Сталина как можно скорее признать преступником! Такова «прокурорская принципиальность» этого воспитанника Багирова, лучшего друга Берии! С помощью такой «принципиальности» он быстро обрел чин генерал-лейтенанта (!), вошел в элиту хрущевской юстиции!

И вот после всего прояснившегося Викторов хочет еще, чтобы читатели верили в его «честность и искренность»? Не слишком ли много он хочет?! Не больше ли оснований верить в другое: что он пропитан насквозь двурушничеством, махинациями и карьеризмом?!

Есть ли основания сомневаться? Посмотрим, какие реабилитации он, по его словам, устраивал: 1954 г. — В.Ф. Пикина (бывш. секретарь ЦК ВЛКСМ, соратница А.В. Косарева); 1955 г. — ученики и соратники Бухарина (П.Г. Петровский, Д.И. Марецкий, А.Н. Слепков, Я.Э. Стэн); 1957 г. — участники знаменитого процесса 1937 г. (Л.П. Серебряков, Г.Е. Пушин, И.И. Граше, И.Д. Турок, Н.И. Муралов, О.Б. Норкин, И.А. Князев, М.С. Богуславский, М.С. Строилов); 1957 г. — А.И. Икрамов (Первый секретарь ЦК Компартии

Узбекистана), В.Ф. Шарангович (Первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии); 1959 г. — Г.Ф. Гринько (нарком финансов СССР), И.А. Зеленский (председатель Центросоюза), В.И. Иванов (нарком лесной промышленности СССР); 1963 г. — Н.Н. Крестинский (первый заместитель наркома иностранных дел, один из друзей и единомышленников Троцкого!); 1965 г. — Ф.У. Ходжаев (председатель Совнаркома Узбекистана, этой республики чудовищного взяточничества и прочих преступлений); 1966 г. — С.А. Бессонов (советник советского полпредства в Германии). Все последние восемь лиц — участники знаменитого процесса Бухарина и Рыкова в 1938 г. Где стенографические отчеты процессов по реабилитации? Их нет! Следовательно, общее направление «реабилитации» не подлежит сомнению: реабилитировалась «право»-троцкистская оппозиция. Последняя — с помощью махинаций! — объявлялась «святой», «ни в чем не виновной», «собранием настоящих марксистов-ленинцев», посмевших себя противопоставить «тирану Сталину»! Все это, однако, совершенно не доказано! И процессы эти даже просто не транслировались по радио и телевидению! Не печатались судебные отчеты в газетах!

Состав специальной группы для пересмотра дела по «вновь открывшимся обстоятельствам» Викторовым даже не перечисляется. Называются лишь два лица в качестве рядовых следователей (Н.Г. Савинич и Л.Н. Кожура) и их непосредственный начальник Д.П. Терехов, «имевший опыт работы не только в органах военной юстиции, но и в центральном военном аппарате»[7]. В той же книге, что уже называлась, дается еще одна важная деталь (с. 18): «В нее (т.е. группу. — *В.Л.)* вошли в основном выпускники (!) Военно-юридической академии последних лет,

9

взятые на работу в центральный аппарат. Новички не имели практического опыта (!), зато все они прошли фронт. Это были преимущественно строевые командиры, политработники (!), которые после окончания войны решили приобрести военно-юридическое высшее образование. Среди них были два Героя Советского Союза: Б.С. Нарбут и А.Г. Торопкин. Командир саперной роты Нарбут обеспечил в июне 1944 г. под непрерывным огнем противника 1010 рейсов через Днепр, захват и удержание плацдарма на правом берегу реки. Командир батальона капитан Торопкин штурмовал Сапун-гору». Да, понятно, такое слабо «оперенное» пополнение было очень удобно!

Вот и все фактические данные, которые из писаний Викторова можно извлечь. Ясно видно, в чем заключалась и другая важная неправильность в исследовании самого «дела». Сначала следовало особым рядом фотографий показать следователей, каждый из которых «вел» дело определенного лица (Тухачевского, Якира, Уборевича и т.д.). Надо ясно указать, кто персонально отвечает за честность сделанных выводов. Умалчивать об этом, «темнить» и отделываться общей фразой о «тяжелом труде» и «горьком хлебе» этой работы — это значит подрывать к себе доверие. Надо также давать характеристики моральных и политических качеств следователей, указывать, кто является за них поручителем. И этому вопросу о следователях надо было посвятить особую статью. Ей надлежало идти перед статьей, посвященной самому Тухачевскому. Беглая скороговорка в столь важном вопросе о следователях рождает большое недоверие к публикации и ее конечному выводу. Ибо какая может быть гарантия в правильности и честности вывода, если неизвестно точно, кто производил разбор дела?! А что, если эти люди — флюгеры и карьеристы?! А может, они во всех отношениях продажны?! Может, они из породы тех, кто любит «заглядывать в рот» своему начальству, постоянно спрашивать: «Чего изволите?» Люди такого рода готовы «доказывать» что угодно, лгать и мошенничать без всякого

смущения! Только бы им лично подняться вверх как можно выше! Глядишь, и в генералы выйдешь! Подлость, угодная начальству, у нас всегда высоко оплачивалась! История многих лет неоспоримо доказывает правильность подобного тезиса. И об этом неразумно забывать.

Итак, для нового рассмотрения «дела Тухачевского» сформировали специальную группу военных следователей и прокуроров — людей, чьи биографии, честность и принципы никому в народе и партии не были известны. У всех имелось лишь то общее, что они «не имели в прошлом отношения к делам спецподсудности».

И вот эти люди, тщательно отобранные, едва приступив к работе, сразу же делают очень странную при их квалификации ошибку: извлекая дело из архива (из какого — опять-таки не говорится!), они не обращают внимания на то, кто персонально отвечал за сохранность данного дела и в каком состоянии оно находилось. Группа расследования и ее начальство не считают нужным даже вкладывать в свое собственное

дело в качестве первого листа текст гарантийного свидетельства за подписями хранителя дела и директора архива, скажем, такого рода: «Свидетельствуем, что настоящее дело Тухачевского имеет в своем составе все те документы, которые фигурировали в нем после его закрытия в 1937 г., что документы из настоящей папки не изымались и не подменялись другими. Настоящее дело за период после 1937 г. столько-то раз бралось на просмотр такими-то лицами, на основании таких-то разрешений и через столько-то дней (недель) возвращалось назад с теми же документами, согласно приложенной к делу описи». Данный текст свидетельства (такой по существу, а форма может быть и другая) чрезвычайно важен! Проверяющие должны иметь гарантию, — еще до начала расследования! — что папка содержит подлинные документы, что среди них нет фальшивок, изготовленных и вставленных задним числом, что из папки (кому-то в угоду!) не похищались какие-то важные документы

Подобного рода опасения вполне понятны: чем дело важнее, тем больше оснований опасаться подлога и фальшивок, кражи важных документов, как и намеренно неправильного истолкования оставшихся. Для подобного рода мыслей, которые кое-кому могут показаться «беспочвенными подозрениями», есть все основания. Вот сам Викторов в третьем абзаце публикации пишет: «Первые страницы дела. Справки на арест: органы НКВД располагают данными о враждебной деятельности». О самой деятельности ничего конкретного А где санкции прокурора на арест? Нет санкций Не может быть! Ищем. Убеждаемся, нет! Как же это возможно?..»

Действительно, «как возможно»? Дело, разумеется, не в пресловутой «Конституции», только что принятой! Во всякой стране, в определенных условиях, полицейские органы с формальностями и Конституцией не очень-то считаются. Это происходит и в сегодняшние дни! Даже самые элементарные права граждан и честных людей, как показывают публикации разных газет, очень часто попираются самым бесстыдным образом!

Казалось бы, следователи и прокуроры, столкнувшись со странным исчезновением из дела Тухачевского прокурорских санкций на арест, должны были немедленно забить тревогу, призвать сначала к ответу и объяснению хранителя дела и начальника архива, получить от них на этот предмет письменное объяснение. Ибо кто же может поверить, что высших чинов Красной Армии могли хватать «просто так», без прокурорских санкций на арест?! Ведь подписывать их приходилось Вышинскому, а он, по распространенным заверениям, «всецело находился в руках Сталина». А Сталину не было никакого

смысла арестовывать маршала и его товарищей, нарушая закон. Зачем ему так поступать? Ведь Вышинский находился «всецело в его руках», ведь он не посмел бы не выполнить указаний! А сам Сталин ничего не боялся.

Так куда же делись эти прокурорские санкции, несомненно имевшиеся? Похищены? Тогда кем? Вышинским? А зачем? Не хотел их ос-
11
тавлять в деле в качестве доказательства своего преступления? Но как он их сумел изъять?

Выяснением этого вот вопроса следователи и прокуроры, работавшие под начальством Викторова, и должны были заняться прежде всего! А что сделали они? Ограничились лишь «недоумениями», «размышлениями» и «поисками» (где — не говорится!). Никакого вразумительного объяснения в виде оформленной справки, посвященной исчезновению этих прокурорских санкций на аресты, в свое дело в качестве второго документа Викторов и его коллеги не положили. И совершенно напрасно! Такое странное поведение не увеличивает к ним доверия!

ГЛАВА 2. НЕКОТОРЫЕ ИЗ ВИДНЕЙШИХ КОМАНДИРОВ 20-Х И 30-Х ГОДОВ

Смерть пришла, богатырь ушел, слава осталась. Какое счастье!
Восточная мудрость

Очень подозрительно выглядят у Б. Викторова сетования по поводу неосведомленности относительно жизни и боевого пути видных военачальников: «Скажу честно: а ведь мы мало что толком знали об этих людях! Гражданской войны, собственно, мы не видели. Потом, когда повзрослели, только и слышали: наша гражданская война, была ожесточенная битва с белогвардейцами, с интервентами, все эти победы принадлежат Иосифу Виссарионовичу Сталину. Среди героев гражданской войны чаще всего называли Ворошилова и Буденного. Распевали песни о них. Знали, конечно, Чапаева, Щорса, Пархоменко. Вот и все. А эти? Они-то что сделали?»

Тут следует напомнить, что сам Викторов родился в 1916 г. Следовательно, в 1920 г. ему было 4 года, в 1934 г. (год убийства Кирова) — 18, в 1937 г. — 21, в 1941-м — 25. Конечно, трудно ожидать, чтобы Викторов много слышал о Тухачевском и его товарищах. Как правило, лишь с 10—12 лет ребенок начинает внимательно слушать разговоры взрослых о делах общественных, интересоваться тем, что занимает его близких. В возникновении интереса к армии и ее героям большую роль играют черты личного характера (честолюбие, воинственность), кинофильмы, книги, домашнее окружение, даже город, в котором живешь. Трудно поэтому поверить, чтобы с 1935—1937 гг. Викторов ничего не знал хотя бы о Тухачевском! Ведь его слава накануне скандального падения достигла зенита: он был самым молодым маршалом, и стал им вместе с Ворошиловым, Буденным, Блюхером (1889—1938), Егоровым (1883— 1941) в один день — 20 ноября 1935 года. Позже них (1940) получил чин маршала Б. Шапошников (1882—1945). Газетная реклама Тухачевского была безудержной!
12

Из остальных семи командиров, осужденных вместе с Тухачевским, особенно широкую известность имели: командарм 1-го ранга И. Якир (1896—1937), руководивший Киевским военным округом (1925—1937), член ЦК ВКП(б), член Политбюро ЦК КП(б) У, и командарм 1-го ранга И. Уборевич (1896—1937) — командующий Белорусским военным округом (1931—1937), кандидат в члены ЦК ВКП(б), член Бюро ЦК Компартии Белоруссии. Первый пользовался громадной

славой, как начальник знаменитой 45-й стрелковой дивизии, действовавшей на Южном фронте, командующий Южной группой войск 12-й армии, командующий группами войск на Польском фронте, организатор разгрома войск Петлюры. В 1924—1925 гг. он являлся руководителем военно-учебных заведений РККА. За боевые заслуги имел 3 (!) ордена Красного Знамени и Почетное Золотое оружие. А Уборевич был командующим 13, 14 и 5 армий, действовал на Румынском фронте, против австро-германских оккупантов на Украине, на Северном фронте, на юге против Деникина, против поляков. Он уничтожил банды Булак-Булаховича, опасного организатора сил контрреволюции. Уборевич имел тесную связь с Фрунзе в качестве его помощника на Украине (1921). Он же являлся военным министром Дальневосточной республики и ее главнокомандующим. Именно он отнял у белогвардейцев знаменитый Спасск («Дальневосточный Верден») и освободил от врагов Владивосток. Он же командовал Московским военным округом (1928—1930) и едва-едва не стал преемником Ворошилова на посту наркома обороны СССР, замещая его во время длительного отпуска (1930). Он же являлся некоторое время начальником вооружений РККА. Уборевич имел за боевые заслуги такие же награды, как и Якир. Знаменитый конник Котовский (1881—1925, чл. партии с 1920), командир кавалерского корпуса, служил именно у него. Уборевич являлся также командующим 3-й Кавказской армии (1925—1926), которой приходилось вести упорную борьбу с бандитизмом в горных аулах. Ему принадлежали капитальные труды: «Подготовка комсостава РККА» (1925), «Оперативно-тактические и авиационные военные игры» (1929), «Как должен работать командир полка» (1935).

По сравнению с названными лицами широко прославленные Чапаев, Пархоменко и Щорс являлись, конечно, второстепенными фигурами. Все трое — лишь командиры дивизий, каких имелось очень много[8]. Щорс, командир знаменитого Богунского полка, потом 44-й стрелковой дивизии, освободитель Киева от петлюровцев, награжденный за это почетным Золотым оружием, мог бы много сделать. Но в 1919 г. в бою в районе Коростеня — всего в 24 года! — оказался убит. Но не врагом, а одним из «своих» — в результате политических интриг[9]. Столь необычная судьба, замечательный ум и отвага сразу сделали его, как греческого героя Ахиллеса, героем народных песен. Воистину, тот, кого любят боги, умирает молодым!

Следует отметить, что решительно все биографические справки, представленные Б. Викторовым, чрезвычайно неудачны. В них нет необ-

ходимых дат, показывающих движение по должностям (а это очень важный момент), не указывается конкретно, где и чем командовал каждый из «военачальников высокого ранга», не указывается круг друзей данного лица, да и круг подчиненных не очень-то называется.

Больше того, в биографические справки вкрадываются подозрительные «умолчания» и передержки. Например, о Тухачевском говорится, что он в годы Гражданской войны командовал «фронтами». Такое утверждение создает искаженное представление о степени значимости Тухачевского. Его командование в этом плане имело на деле следующие этапы: 28. 12. 1918—19. 01. 1919 г. — помощник командующего войсками Южного фронта (затем командующий 8-й армией); 31. 01. 1920—28. 04. 1920 г. — временно командующий войсками Кавказского фронта; 29. 04. 1920—04. 08. 1921 г. — командующий войсками Западного фронта (против поляков). Как видим, «командование фронтами» не занимало у Тухачевского слишком много времени, было эпизодичным. Всякого рода похвалы по его адресу, часто и в виде поощрения, всегда перемежались с угрозами ареста и даже трибунала. Ими

грозили политический комиссар 1-й армии Калнин, член РВС Восточного фронта Кобозев, командующий фронтом Вацетис, даже сам Троцкий[10].

Не отмечается, что маршалом Тухачевский стал лишь в конце 1935 г. (согласно постановлению ЦИК СССР и Совнаркома СССР), т.е. маршалом он был вполне «свежеиспеченным»; что первым заместителем наркома обороны СССР он был не просто «до 11 мая 1937 г.», а лишь с апреля 1936 года, то есть он находился в указанной должности не пять или десять лет, а всего только 13 (!) месяцев. Эта кратковременность пребывания в столь важной должности, куда просто так не попадают, говорит о страшнейшем интриганстве, процветавшем «за кулисами». И, разумеется, «забывает» Б. Викторов отметить (вот она, его «добросовестность»!), что в период с февраля 1915 по август 1917 г. Тухачевский находился в немецком плену! Он, следовательно, в Первую мировую войну почти и не воевал, значит, военный опыт его был весьма скромный!

Как он попал в плен? Об этом щекотливом моменте всегда умалчивали, дабы не подпортить «героическую» репутацию прославляемого маршала! Но вот, наконец, слегка копнули и этот сакраментальный эпизод. Что же обнаружилось? Картина вовсе не почетная, хотя Тухачевский явно старался ее приукрасить, чтобы спасти подмоченную репутацию!

Он попал в плен в Карпатах 19 февраля 1915 г., в снежную ночь, когда бездарный командующий Сиверс позорно погубил свою 110-тысячную армию. Ночью, в метель, немцы прорвали фронт и внезапно напали на гвардейскую роту Тухачевского, спавшего в это время в окопе, завернувшись в бурку. Героическая версия маршала гласила: «Но когда началась стрельба, паника, немецкие крики, Тухачевский вскочил, выхватил револьвер, бросился, стреляя направо и налево, отби-

вался от окружавших немцев. Но врывавшимися в окопы немецкими гренадерами был сбит с ног и вместе с другими взят в плен»[11].

Это кажется совершенно недостоверным. Стали бы немецкие гренадеры щадить его, если бы он убил или ранил их товарищей? Конечно нет! Они бы его тут же прикончили в горячке боя! Если же этого не случилось, то лишь по одной причине: увидав, что дело безнадежно, Тухачевский бросил свой револьвер, закричал по-немецки: «Мы сдаемся!» — постыдно поднял руки и велел сдаться остаткам роты. А последняя в этом бою, как говорят осведомленные люди, была «почти полностью уничтожена»[12].

Вот почему он сам уцелел: в виде благодарности за такую услугу! Хотя, возможно, немцы сгоряча и задали ему «трепку»!

Для удивления нет места. Поручик Тухачевский пошел на фронт не воевать за Россию, как многие другие, а, по его собственным словам, просто делать карьеру, блестящую карьеру. Он твердо намеревался выйти в генералы — уже в 30 лет! И вот такая незадача, конец всем честолюбивым мечтам! Поскольку в настоящей отчаянной ситуации «светили» не генеральские погоны или хотя бы орден, а немецкий штык или пуля, он решил проявить благоразумие, утешая себя вполне понятной мыслью: «Из плена еще можно, брат, сбежать, а с того света уже не удастся».

За то, что Тухачевский сдался сам, без серьезного боя, говорят два факта, совершенно неоспоримых:

1. Он не получил ни одной раны, ни одной царапины;

2. А вот его начальник, командир роты Веселаго, участник русско-японской войны, имевший за храбрость Георгиевский крест, тот действительно яростно сражался до конца. Его закололи штыками четыре немецких гренадера. На теле доблестного капитана позже насчитали более 20 (!) пулевых и штыковых ран[13].

В других биографических справках также кое-что «стыдливо» опускается: что Уборевич был в немецком плену (!) в феврале—августе 1918 г. (откуда бежал); что вместе с Якиром в 1927—1928 гг., — по распоряжению Правительства и своего наркома он учился в Академии германского Генерального штаба; что подполковник царской армии Корк (1887— 1937), командарм 2-го ранга, исполнял обязанности военного атташе в Германии и тоже учился там в Академии (вместе с Эйдеманом, Аронштамом, Тимошенко и Мерецковым), что комкор Путна (1893—1937) был не просто «военным атташе в Великобритании», но и военным атташе в Германии, Японии и Финляндии, что он имел личную связь с крупнейшим троцкистом И.Н. Смирновым (1881—1936, чл. партии с 1899 г.), поддерживавшим тайный контакт с Троцким, высланным за границу[14]; что Примаков (1897—1937) являлся открытым и яростным троцкистом, ведшим агитацию в пользу Троцкого не только в своей дивизии, но и в целом ряде волостей[15]; комкор Фельдман (1890—1937), солдат царской армии, друг Тухачевского, начальник его штаба в Ле-

15

нинградском военном округе, имел постоянную связь с Пятаковым (1890—1937, чл. партии с 1910), одним из «твердых» троцкистов, первым замом Орджоникидзе в Наркомате тяжелой промышленности. Формально о связи Путны со Смирновым, Фельдмана с Пятаковым Викторов мельком упоминает, но обычному читателю эти имена уже ни о чем не говорят. «Социалистический Вестник» (1937, № 14—15, с. 23) добавляет к сказанному ту интересую деталь, что Фельдман являлся «старым одесским (!) большевиком» и, будучи соратником Тухачевского, успел побывать на должности начальника военного отдела Наркомтяжпрома СССР, то есть являлся важным связующим звеном между маршалом и С. Орджоникидзе, главой данного наркомата.

Эта политика лицемерных умолчаний также очень подрывает доверие к Б. Викторову. Вывод же, венчающий биографические справки неподражаемым фарисейством, вызывает смех гомерический! Вывод таков: «Словом, перед нами яркие образы большевиков-ленинцев. (??) Усомниться в преданности этих людей советской власти, казалось, было совершенно невозможно».

Следует Б. Викторова спросить:

— Да какие же они «настоящие большевики-ленинцы»?! Что за фарс?! Из 8 человек только один Примаков (!) вступил в партию в 1914 г., т.е. до Февральской революции 1917 г. Из 7 остальных: 1 (Корк) — в 1927,

1 (Фельдман) — в 1920, 1 (Тухачевский) — в 1918, 4 — в 1917 (Путна — февраль, Уборевич и Эйдеман — март, Якир — апрель). Иначе говоря, за исключением Примакова, все они, как говорил Ленин, «мартовские большевики», т.е. присоединившиеся к партии в условиях ее успехов и легальности, когда тюрьма за такую партийность не угрожала. Этой породе людей Ленин никогда не верил! И свое недоверие зафиксировал требованием отмечать в анкетах делегатов на партийных и советских съездах месяц вступления в партию в 1917 году!

Итак, как видим отсюда, говорить о «настоящих большевиках-ленинцах» не приходится!

Кстати, следовало бы прояснить еще один вопрос. Почему «настоящие большевики-ленинцы» не пожелали переправить своих родителей и родственников в СССР из буржуазного «рая»? Уж, конечно, хуже им здесь не было бы, поскольку их дети и племянники в РККА сделали блестящую карьеру! Что могло их в буржуазном мире так сильно удерживать?

Особенно интересно замечание Примакова о связях Фельдмана с Южной Америкой. Такого не выдумаешь, фантазии не хватит! А проверить при необходимости легко: хорошо известно, что евреи через Одессу в массовом

порядке, в поисках счастья, уезжали за океан в страны Нового Света! Казалось бы, надо дать этому странному пункту обстоятельный разъяснительный комментарий! Но, по своей твердой привычке, Б. Викторов опять проявляет «интересную забывчивость»! И после этого он еще претендует на доверие?!
16

Маленькое замечание следует сделать еще о Примакове. Хотя он и вступил в партию в 1914 г., он, видимо, с самого начала имел сильную предрасположенность к идеям Троцкого. Удивляться не следует. На Украине троцкизм был особенно силен. Троцкий и сам родом с Украины, сын сахарозаводчика. Первое советское правительство Украины возглавлял лучший друг Троцкого, член его фракции Х. Раковский[16]. Видную роль на Украине играли и другие сторонники Троцкого (Пятаков, Бош и др.). Думать, что «грехопадение» Примакова случайно, нет оснований. Один из видных оппозиционеров (Ломинадзе, чл. партии с 1917) на XVII съезде партии говорил: «Случайно на оппортунистический путь люди не становятся. Случайных оппозиций в партии не бывает и не может быть». Эти слова, безусловно, относятся и к Примакову.

Итак, можно ли усомниться «в преданности этих людей Советской власти», зная, какие должности они занимали, какие ордена от правительства страны имели? Действительно, казалось бы, абсурдная ситуация: с одной стороны, Тухачевский имеет орден Ленина и Красного Знамени, Якир, Уборевич и Путна — по 3 (!) ордена Красного Знамени, Корк — 2, Эйдеман — 2, нет орденов лишь у Фельдмана, а с другой — все они — «враги народа». Как такое может быть?! Разве не глупость?! Не клевета?!

Увы, ордена ни о чем еще не говорят! Ими награждают в армии не за преданность, а за военные подвиги, за успешное командование доверенными войсками. Но степень успешности командования означает просто карьеру, а в ней всякий командир кровно заинтересован[17]. Будь другая власть (царская), вся восьмерка, попав на руководящие посты, командовала бы столь же энергично и старалась отличиться. А старый режим отличал умелых и талантливых командиров, энергично продвигал их, прекрасно обеспечивал материально (деньгами, землей). Напомним, что маршал Егоров в царской армии был полковником, Корк — подполковником, Бонч-Бруевич, Свечин и др. были генералами. Точно так же многие офицеры и генералы получали ордена от царя, а потом с легкостью изменяли ему и монархии.

Еще меньше доказывают «преданность» казенные речи с трибун (достаточно вспомнить речи Хрущева с прославлениями Сталина!). Эти речи — всего лишь непременное условие карьеры, одно из «правил игры»! Поэтому совершенно нелепо и смехотворно выглядит утверждение Тухачевского о его отношении к Троцкому и троцкизму: «Я всегда, во всех случаях выступал против Троцкого, когда бывала дискуссия, точно так же выступал против правых». Это ровно ничего не значит, так как ровно ни к чему не обязывает! Ведь и Хрущев выступал с пламенными панегириками в пользу Сталина, а после смерти последнего быстро обнаружилось, что он — остервенелый антисталинец[18]. Лицемерие Хрущева не знало никаких границ, но он, конечно, не составлял какого-то исключения.
17

Итак, оставим в покое нелепые разговоры о «преданности» и «настоящих большевиках-ленинцах». Посмотрим, что предлагает Б. Викторов своим читателям дальше.

ГЛАВА 3. КОМАНДУЮЩИЙ ПРИВОЛЖСКИМ ВОЕННЫМ ОКРУГОМ

Кто сеет ветер, пожнет бурю.
Пословица

Тухачевский оставил Москву и отправился в Куйбышев, главный город округа, не сразу после своего смещения с поста первого заместителя наркома (11 мая 1937). В день рокового смещения Ворошилов вызвал его к себе в кабинет, сухо объявил ему о новом назначении, велел сдать дела и выезжать немедленно[19]. От каких-либо объяснений он категорически отказался.

То, что случилось, для маршала явилось неожиданностью, хотя чего-нибудь неприятного он ждал. По наркомату уже шли разные слухи, дискредитировавшие его. Личного общения с ним демонстративно избегали. Приказания исполнялись неохотно или под всякими предлогами саботировались. На посланное Сталину письмо с просьбой объяснить причину изменения отношения к нему — ответа не последовало. Как человек опытный в делах политики, маршал отлично понимал, что это означает.

При таких обстоятельствах, с самым мрачным лицом и в очень плохом настроении, он отправился навестить больного Гамарника. Тот находился дома, но продолжал усиленно работать с помощью своих секретарей, непрерывно доставлявших ему служебные бумаги. С ним Тухачевский наедине обсудил ситуацию, а затем отбыл к себе на подмосковную дачу. Видимо, предлогом он избрал то, что «ждет ответа от Сталина».

Конечно, там он не тратил времени впустую: ставкой являлась собственная голова! Надо было что-то предпринимать И он, ясное дело, предпринимал. Такой вывод следует даже из весьма скупого рассказа сестры. Она, как и другая сестра Тухачевского и мать, несмотря на привилегированное положение мужей, была совсем не в курсе дел брата. Зиму 1936 г. Арватова вспоминала так: «Никто (из домашних. — *В.Л.)* и заподозрить не мог, что над нашей жизнью собираются черные тучи»[20]. О последующем она рассказывает таким образом: «Перед отбытием (в Куйбышев. — *В.Л.)* маршал поехал на несколько дней на дачу в Петровское (!) — провести время с семьей. Туда мы и нагрянули вместе с мужем (Юрием Ивановичем Арватовым. — *В.Л.)* и Николаем Николаевичем (братом маршала. — *В.Л.).*

И до этого в его служебной судьбе бывали назначения и перемещения. И ни у кого из нас не вызывало сомнений очевидное. Но когда я

увидела Мишу, поняла, что происходит нечто экстраординарное. Я никогда до того не видела его столь подавленным и удрученным. И обед за столом, обычно веселый и оживленный, происходил с ощущением неясного беспокойства. И самое удивительное, прежде приветливые женщины, обслуживающие маршала и его семью, были надменны и откровенно враждебны. Они тоже что-то чувствовали или знали уже о происшедших переменах. Больше я никогда не видела Мишу.

Пришла и наша черная пора (арестована 14 июля 1937 г. — *В.Л.).* Моего мужа, военного летчика, героя гражданской войны, обвинили в присвоении орденов и шпионаже. Меня в том, что я была связной между двумя шпионами — братом и мужем. Позднее, года через два, подобрали мне формулировочку хоть и более жесткую, но и более «правдивую». Она обозначалась ЧСИР, что расшифровывалось — член семьи изменника Родины. Иначе говоря, 58 статья»[21].

Ясно, что после тревожного обеда (мужчины имели достаточно информации ввиду исключительной опасности положения) они уединились, отправившись на прогулку, чтобы не было подслушивания. И обсуждали ситуацию вполне

откровенно. А затем Тухачевский дал им свои указания, и они тут же вернулись в город, чтобы встретиться с нужными людьми.

13 мая вдруг позвонили из секретариата Сталина. И сообщили, что генсек Михаила Николаевича все-таки примет, сегодня. Действительно, 13 мая («зловещее» число, на которое Сталин предпочитал ставить всякие неприятные вопросы) он принял опального маршала. И в разговоре обнадежил и успокоил. Перемещение маршала в округ он объяснил необходимостью замять страшный скандал: ведь его, Тухачевского, порученец — арестован НКВД вместе со «знакомой» Кузьминой, как иностранные шпионы, вина их неоспоримо доказана.

Тухачевский Сталину, понятно, не поверил. И какие-то действия продолжал предпринимать. Сомнительно, однако, что их сопровождал успех: противная сторона тоже действовала, имея большое преимущество, будучи официально признанной властью.

20 мая, перед самым отъездом, маршал зашел в Наркомат, в партбюро, заплатить партийные взносы. Он был мрачнее тучи[22]. Сказал в разговоре, что сегодня уезжает. Некоторые верные друзья высказали желание проводить его. Он попросил, однако, проводы не устраивать. (Слишком бы напоминало проводы Троцкого в ссылку и грозило таким же скандалом, совершенно не нужным!) В тот же день Тухачевский отбыл, как частное лицо.

21 мая, в первый день работы партийной конференции Приволжского военного округа, Тухачевский прибыл в Куйбышев. Вот тут-то и начинается самое интересное.

По вполне официальным данным, еще 15 мая (когда маршал находился в Москве) был арестован его лучший друг, бывший начальник его штаба, а в то время заместитель командующего Московским воен-

ным округом Б. Фельдман. Уже 19 мая (всего через 3 дня!) он дал показания против Тухачевского, как главы заговора, и рассказал в НКВД много «интересного». Конечно, Тухачевский, при его связях, тут же об этом узнал. Следовательно, оснований к тому, чтобы быть темнее тучи, имелось с избытком!

Следственная машина, подгоняемая Ежовым, работала полным ходом. Одного за другим участников заговора, связанных с Фельдманом, Корком и другими крупными руководителями — оппозиционерами, подвергали аресту и отправляли на допросы. Заговор рушился буквально на глазах. Находить полноценную замену арестованным командирам становилось все труднее, появилось много колеблющихся, учащалось неповиновение.

Тухачевский появился на заседании конференции к вечеру 21 мая. До этого он уже успел побывать в штабе округа и там провести совещание с командирами соединений[23]. При этом своему старому сослуживцу Я.П. Дзениту он предложил пост начальника штаба округа. Дзенита, бывшего в 1920 г. начальником разведотдела штаба Западного фронта, позже крупного штабного работника, генерал-лейтенанта, он знал очень хорошо. Тот имел крепкие антисталинские убеждения и вполне находился под влиянием своего начальника. Это явно чувствуется по его воспоминаниям. «Михаил Николаевич, — пишет он, — обладал счастливым даром: сразу находить общий язык с подчиненными, подключался к их работе и подключал их к своей»[24].

«Судьба сводила меня с ним неоднократно. На моих глазах протекала почти вся его практическая деятельность по подготовке и осуществлению наступления войск Западного фронта весной 1920 года. В том же году осенью я выполнял боевые приказы М.Н. Тухачевского как командир 12-й стрелковой дивизии. Затем, уже после Гражданской войны, меня назначили в одно из управлений Штаба РККА, и по характеру своей новой работы мне опять очень часто

приходилось встречаться с тогдашним начальником этого высокого учреждения М.Н. Тухачевским»[25].

Дзенит вполне разделял взгляды маршала на генсека. Это видно из такой вот его реплики: «Сталин всегда с ревнивой предубежденностью относился к деятельности и мыслям Тухачевского. Михаил Николаевич не заблуждался на сей счет»[26].

И тем не менее даже Дзенит, при очень сложной и тревожной обстановке, решил, что следует держаться осторожно. И когда в конце совещания с командирами соединений (все уже разошлись) Тухачевский вдруг предложил ему занять пост начальника штаба округа, тот, несмотря на явную лестность предложения, ответил, что «предпочел бы пока остаться на должности командира дивизии». Во время разговора вдруг раздался звонок из Москвы. Маршал взял трубку. «От моего внимания не ускользнуло, что, разговаривая с Москвой, Тухачевский становился все более мрачным. Положив трубку, он несколько минут молчал. Потом признался, что получил недобрую весть: арестован началь-
20
ник Главного управления кадров Фельдман. — Какая-то грандиозная провокация! — с болью сказал Михаил Николаевич»[27].

Дзенит, понятно, не знал, что маршалу была уже известна эта «новость»! Он знал ее еще накануне отъезда из Москвы! Но теперь имелись все основания думать, что Ежов эту «новость» сделал уже общим достоянием. Чтобы подорвать таким образом его репутацию, оттолкнуть от него людей, поставить перед необходимостью сдачи или немедленного выступления!

С совещания Тухачевский отправился на конференцию. Сохранился еще один ценный фрагмент воспоминаний, принадлежащий генерал-лейтенанту П.А. Ермолину, бывшему в 1937 г. начальником штаба корпуса, который возглавлял Ефремов (1897—1942). О первом дне конференции он рассказывает так: «Это (замена Дыбенко Тухачевским. — *В.Л.)* казалось странным, маловероятным. Положение Приволжского военного округа было отнюдь не таким значительным, чтобы ставить во главе его заместителя наркома, прославленного маршала.

Но вместе с тем многие командиры выражали удовлетворение. Служить под началом М.Н. Тухачевского было приятно.

На вечернем заседании Михаил Николаевич появился в президиуме конференции. Его встретили аплодисментами. Однако в зале чувствовалась какая-то настороженность. Кто-то даже выкрикнул: «Пусть объяснит, почему сняли с замнаркома!» (Ответ на реплику лицемерно опускается! — *В. Л.)*

Во время перерыва Тухачевский подошел ко мне. Спросил, где служу, давно ли ушел из академии. Непривычно кротко улыбнулся: «Рад, что будем работать вместе. Все-таки старые знакомые».

Чувствовалось, что Михаилу Николаевичу не по себе. Сидя неподалеку от него за столом президиума, я украдкой приглядывался к нему. Виски поседели, глаза припухли. Иногда он опускал веки, словно от режущего света. Голова опущена, пальцы непроизвольно перебирают карандаши, лежащие на столе.

Мне доводилось наблюдать Тухачевского в различных обстоятельствах. В том числе и в горькие дни варшавского отступления. Но таким я не видел его никогда. На следующее утро он опять сидел в президиуме партконференции, а на вечернем заседании должен был выступить с речью. Мы с нетерпением и интересом ждали этой речи. Но так и не дождались ее. Тухачевский больше не появился»[28].

22 мая, пробыв в новой должности всего два дня, Тухачевский был арестован сотрудниками НКВД (или, вернее сказать, «временно задержан»)[29].

* * *

Мы постепенно приближаемся к правде, продираясь сквозь громадные завалы умолчаний, лицемерия и самой бесстыдной лжи. В течение
21
десятилетий их сооружали шкурно заинтересованные лица и толпы «ученых» карьеристов. Казалось бы, Тухачевский давно умер (прошло более 60 лет), можно, наконец, сказать правду, хотя бы по некоторым вопросам, если уж не по всем! Куда там! Замалчиваются факты, даты, документы, реальные политические и дружеские связи[30], подлинные причины личных недовольств и взаимных претензий, карьеристские поступки разных лиц, факты тайного доносительства, порожденные трусостью или желанием «свалить» конкурента. История намеренно «подчищается» и обезличивается, сводится к общим фразам, голословным заверениям и сомнительным прославлениям. Так, если говорят о Тухачевском, то его величают обязательно «человеком с твердым характером и независимостью суждений» — и, разумеется, доказательств никаких не дают. Или лицемерно именуют его «высоко образованным». А между тем отлично известно, что он имел за плечами всего лишь (!) Александровское военное училище, где учился меньше трех лет (1912—1914), вышел оттуда с уровнем знаний подпоручика, которые расширил лишь постепенно, путем самообразования и общения с теми генералами царской армии, которые перешли на сторону Советской власти. К ним, однако, никакой благодарности он не чувствовал. За период с 1920 по 1937 г. будущий маршал не удосужился даже закончить Академию им. М. Фрунзе, не говоря уже об Академии Генерального штаба! В 1920 г. он, правда, оказался переведен в Генштаб и даже «причислен к лицам с высшим военным образованием», но это было лишь весьма условно и опиралось только на сильно раздутые успехи периода Гражданской войны, да еще на личное расположение высокого начальства (Троцкого, Склянского, Фрунзе и др.).

Подобного рода лицемерные умолчания и махинации порождают к реабилитации Тухачевского глубочайшее недоверие. Ведь если бы «за кормой» все было чисто, не приходилось бы брать на вооружение такую сомнительную политику!

Известно, что когда Тухачевский приехал в Куйбышев, в связи с назначением его на пост командующего Приволжским военным округом, его предшественником там являлся П. Дыбенко (1883—1938, чл. партии с 1912), бывший матрос, председатель Центробалта, герой Октября и Гражданской войны, видный военачальник, один из его личных друзей[31]. Естественно, они встречались и беседовали, ибо Дыбенко предстояло сдать ему дела. Известно и то, что он являлся свидетелем ареста маршала. (В лицемерных «Воспоминаниях» об этом, разумеется, умалчивается!) О чем же они тогда говорили? Что делали совместно и каждый в отдельности за время, предшествовавшее аресту Тухачевского? Ни в одной биографии или статье найти ответа нельзя. А где свидетельские показания Дыбенко, которые он давал руководству НКВД сразу после ареста маршала?! Их нет, их бесстыдно скрывают, стараясь читателей обмануть! Для прояснения того, что происходило в действительности, их следует немедленно опубликовать! Вместе с дру-
22
гими показаниями, которые давались в НКВД другими работниками данного округа.

А почему биографы Тухачевского избегают говорить о самом округе, его командных кадрах, о заместителе командующего, фигуре очень важной? Особенно интересно это замалчивание имени и дел последнего. Чем это заслужил он такую ненависть, такое нерасположение, что о нем и говорить не хотят?!

Но, может, все дело в том, что просто мало данных? Ничуть не бывало! Данных более чем достаточно! А фигура — одна из интереснейших, и даже исключительных по героизму!

Имя этого человека — Иван Семенович Кутяков (1897—1942). До своей гибели он был человеком исключительной известности и популярности. Последние же определялись количеством орденов и геройскими подвигами. В РККА высший орден Красного Знамени имели около 15 тысяч бойцов и командиров, два ордена — 300 человек, три — более 30, четыре — 9, 5 (!) орденов — всего два человека — Буденный и Кутяков[32]. Следовательно, Кутяков по количеству орденов Красного Знамени опережал даже очень разрекламированных Якира и Уборевича (те имели их по 3!). Легко поэтому представить, какой он имел в армии неформальный авторитет!

Какова его биография? Кутяков родом из бедной семьи, а родился в селе Красная Речка Самарской губернии. При царской власти работал пастухом, в армию призван в 1916 г. Но в военных действиях Первой мировой войны почти не участвовал (сначала находился в качестве унтер-офицера в запасном пехотном полку в Астрахани и Царицыне, затем, как командир взвода, — на Румынском фронте).

После Февраля 1917 г., всего двадцати лет, избран председателем полкового комитета. В декабре 1917 г. участвовал в работе II Всероссийского съезда крестьянских депутатов. Исполнял обязанности командира и комиссара Туркестанского полка, председателя волостного ревкома. Затем во главе красногвардейского отряда, им сформированного (200 человек), влился в полк Чапаева, ставший вскоре дивизией. В этой дивизии стал командиром бригады и близким другом своего начальника[33].

В 1918 г. Кутяков получил первый орден Красного Знамени за выдающуюся храбрость и распорядительность (Уфимская операция). После гибели Чапаева командовал его дивизией до ранения. Получил почетное революционное оружие, затем второй орден (1922), потом третий (1924) В 1923 г. окончил Военную академию РККА. Последующая служба имела такие этапы: помощник командира стрелкового корпуса (1925—1926), командир стрелковой дивизии (1927), командир и комиссар стрелкового корпуса в Витебске (1928). Кончил Курсы усовершенствования высшего начсостава РККА (1931). С апреля 1931 по декабрь 1935-го — начальник корпуса Московского военного округа (МВО). С 1935 г. — член Военного совета при наркоме обороны. В августе 1935 г. присутствует на военных маневрах чехословацкой армии в составе военной делегации

(возглавляет ее Шапошников). Был делегатом III съезда Советов СССР и членом его президиума, избирался членом Совета ЦИК СССР (1935), участвовал в работе II чрезвычайного съезда Мордовской республики (ноябрь 1936). В начале 1936 г. прибыл в Куйбышев, чтобы занять пост заместителя командующего округом.

Будущий маршал Г.К. Жуков знал Кутякова очень близко: по его словам, их связывала «близкая дружба». И отзывался он о нем так: «Знал я Ивана Семеновича более 20 лет и всегда восхищался им и как командиром, и как сильным и волевым человеком»[34]. Очень лестными были отзывы и других людей. Жена С. Вострецова (1883—1932, чл. партии с 1920), знаменитого героя Гражданской войны, командира корпуса, имевшего три Георгиевских креста за храбрость и четыре (!) ордена Красного Знамени[35] , хорошо знавшая его в силу дружбы с мужем, отзывалась о нем так: «Его простота в обхождении, отсутствие рисовки, какой-либо позы (все же герой) сразу же располагали к себе. Его смех, громкий, раскатистый, какой-то открытый, делал его лицо добрым. А глаза, когда улыбались, всегда были с лукавинкой, хитринкой. Коренастая, ладно скроенная

фигура говорила о физической силе, тренировке. Все эти внешние качества в нем привлекали, вызывали чувство симпатии»[36].

Бывший командир бригады И. Занин вспоминает так: «Все бойцы дивизии, от рядового до командира, непоколебимо видели в Кутякове преданного борца за советскую власть, а командиры особенно восхищались его природными способностями — настолько он был сообразителен, находчив, с такой здравой логикой, что даже приходилось завидовать»[37] .

Очень интересную черту выделяет в характере мужа его жена К.Т. Додонова, бывшая гимназистка, работавшая во время Гражданской войны в штабе чапаевской дивизии: «Требуя честности от других, он сам был во всем честен. Его боязнь — использование служебного положения — была беспредельной, болезненной щепетильностью»[38].

Сын же Кутякова Владимир Иванович выделяет в личности отца следующее: «Сколько я помню, он всегда чему-нибудь учился. У него уже была своя большая библиотека, а он продолжал выписывать академические издания. Книги он любил безгранично. Не меньшая страсть была у него к театру. Восхищался балетом, посещал Малый театр, но больше всего преклонялся перед оперным искусством. В Большом театре он не пропускал ни одной постановки. И всякий раз, когда я приезжал домой из Ленинграда, где учился в военно-морском училище, встречая меня, он говорил: «Сегодня ты пойдешь в театр. Я слушал эту оперу, а ты нет!» Если я начинал возражать, он нередко принимал артистическую позу и шутливо затягивал:

О дайте, дайте мне свободу,

Я свой позор сумею искупить!

Отец любил эту арию и часто ее пел. А когда в нашем доме бывали чапаевцы, после долгих воспоминаний и серьезных разговоров, пелись

песни степные, Гражданской войны, о Чапаеве. Отец как-то затихал, опускал голову, пел с болью, обняв кого-нибудь за плечи. А когда песня обрывалась, он говорил: «Вот она жизнь». Но стоило кому-нибудь затянуть маршевую, победную, он преображался неузнаваемо. Любил он и веселую удаль.

Но таких минут становилось у него все меньше и меньше: то он уезжал на учения, то спешил в издательство, то на конференцию какую-нибудь».

Кутяков был искренне предан делу социализма. И сам о себе любил говорить: «Я всего лишь солдат моей партии и моего народа». Как выходец из деревни и бывший батрак, Кутяков охотно поддерживал связь с сельским миром (брат его продолжал жить и работать в родной деревне). Он признавал значимость коллективизации. И ничуть не сомневался в большом ее значении для страны в будущем. «Колхозный строй, — говорил Кутяков в 1936 г., — создаст такой твердый, крепкий тыл в нашей стране, что мы можем выдержать не только любую продолжительную войну, но и обеспечить Красной Армии возможность победить не только отдельно взятую какую-либо капиталистическую страну на востоке или западе (Германия или Япония), но и вести продолжительную борьбу со многими государствами»[39].

Как же, благодаря чему Кутяков погиб, почему он попал в списки военачальников, репрессированных в 30-е годы? Объяснение заключается (в самой общей форме) в близких отношениях с Тухачевским, которого он рассматривал как своего уважаемого начальника, с Эйдеманом и многими другими сторонниками опального маршала. Жена Вострецова, вспоминая события 30-х годов, в связи с подготовкой Кутяковым его военно-исторических книг (а он создал ряд книг очень интересных[40]), пишет: «Собирались главным образом у нас в номере, куда частенько наезжал и Борис Миронович Фельдман

(друг Вострецова по Дальнему Востоку, начальник штаба Ленинградского военного округа). Приезжал и Иван Федорович Федько, тоже герой (4 ордена Красного Знамени) — помощник командующего. А уж Михаил Николаевич Тухачевский, отличавшийся особым хлебосольством, собирал своих боевых друзей у себя на квартире. Обсуждения, споры порой бывали горячими, критика дружеская, но порой острая — в спорах рождалась истина»[41]. Та же жена Вострецова замечает еще (с. 106), что к мнениям Тухачевского Кутяков «всегда прислушивался с особым вниманием».

Успехи маршала в «обработке» и привлечении на его сторону людей удивления не вызывают. Он имел громкую славу, устойчивую репутацию, большой моральный авторитет, имел подход. Сестра Тухачевского Арватова так характеризует брата: «Понимал человека и обладал редким даром разговорить любого. Для него не было закрытых людей. И при всем том был Очень прост в общении»[42].

Итак, Кутяков являлся твердым военно-политическим сторонником Тухачевского. По прошлому считал себя учеником М. Фрунзе и В. Ча-
25
паева, поскольку их дивизия входила в 4-ю армию М. Фрунзе и он поддерживал с ним тесные отношения. Поскольку Кутяков являлся старостой влиятельного чапаевского землячества, Тухачевский был очень заинтересован, чтобы привлечь его вместе со всеми соратниками на свою сторону. И это ему удалось. Уже отсюда ясно, что Кутяков пострадал не «просто так».

Но в чем конкретно заключалась его вина? На этот вопрос можно ответить с полной уверенностью: выполняя секретные указания Тухачевского, он пытался завербовать в оппозиционную организацию еще некоторых высших командиров округа, без поддержки которых выступление являлось невозможным, и подтолкнуть войска округа к военному мятежу.

Правильно ли такое утверждение? Чтобы ответить на данный вопрос, придется сначала вкратце описать сам округ и его командные кадры.

Приволжский военный округ по тем временам считался второстепенным, поскольку являлся внутренним. Значительными военными силами он не располагал. Этому способствовала и недавно проведенная военная реформа, уменьшившая его размеры. В сентябре 1937 г. в военных маневрах участвовали 24 тыс. солдат и офицеров, 105 танков, 29 самолетов, более 400 автомашин. Резерв вооруженных сил составляли войска ПВО (только в Саратове их числилось более 10 тыс. человек), милиция и пожарная охрана! Лагеря Осоавиахима за лето пропускали до 3 тыс. человек. И работа по отбору и подготовке кадров велась с большой энергией.

За все время существования до войны с Германией округ имел опытных и уважаемых командующих: Г.Д. Базилевича (1927—1931), командарма 1-го ранга Б.М. Шапошникова (1931—1932), командарма 2-го ранга И.Ф. Федько (1932—1935), давнего друга Кутякова, с которым они жили в одной комнате во время учебы в академии, командарма 2-го ранга П.Е.Дыбенко (1935—1937), маршала М.Н. Тухачевского (1937), комкора М.Г. Ефремова (1937), комкора П.А. Брянских (1937—1938), комкора К.А. Мерецкова (1938-1939)[43].

Кто входил в то время еще в руководство округом? Назовем некоторые важные фигуры: член Военного совета комиссар 2-го ранга А.И. Мезис (1933—1937), затем — Р.Л. Балыченко (1937—1938), начальник штаба Н.В. Лисовский, Н.Е. Варфоломеев, заместитель начальника штаба— В.Д.Соколовский[44], П.С. Кленов, командующий ВВС Ф.А. Астахов, начальники тыла — Милуцкий, Н.А. Гаген, командир 12-го стрелкового корпуса — М.Г. Ефремов, командиры дивизий — Ф.И. Голиков, И.Б. Болдин, А.И. Баринов, Я.П. Дзенит и др.[45].

Будущий маршал А.М. Василевский служил в этом округе при Федько и Дыбенко (1935—1936) и как раз в 1937 г. закончил Академию Генерального штаба, став в Великую Отечественную войну выдающимся штабным работником, близким соратником И.В. Сталина. В своих воспоминаниях («На службе военной») будущий маршал писал, что он «с боль-
26
шим удовольствием и удовлетворением» вспоминает два года работы «в составе замечательно подготовленного, дружного и работоспособного коллектива штаба окружного аппарата Приволжского военного округа того времени».

В 1937—1938 гг. почти все руководство этого округа, за исключением нескольких «счастливцев», погибло от репрессий Ежова. Как эти «счастливцы» уцелели? Нетрудно догадаться, как и о том, что в округе происходило.

В течение многих лет в округе на верхах шла свирепая и закулисная борьба — между сторонниками Сталина и его противниками. Последние старались прибрать к рукам округ, господствовавший на Волге, очень важный экономический и продовольственный район, что показала уже Гражданская война, где с 1933 г. работали две бронетанковые школы (Ульяновская, Саратовская). Начальником Политуправления этого округа в силу нового назначения стал Аронштам (1896—1937, чл. партии с 1915), бывший военком инспекции артиллерии и бронетанковых сил РККА, бывший член РВС и начальник Политуправления Белорусского военного округа, то есть правая рука Уборевича! Очень, конечно, интересное «совпадение»! Не мешало бы особой статьей и сборником документов пояснить, как он попал на эту должность, сколько на ней продержался, каким образом пал, какие показания давал в НКВД!

Кто сыграл в победе Сталина в Куйбышевском военном округе самую главную роль? Сомнений нет: генералы Ефремов и Голиков. Именно они проявили в критические дни много ума, хитрости и храбрости (вполне могли убить из-за угла!) в изобличении местной оппозиции Тухачевского. Сразу после завершения «операции» они резко пошли «в гору». И в самый короткий срок сделали блестящую карьеру. Такую карьеру могли обеспечить лишь серьезные тайные заслуги — перед партийным и государственным руководством во главе со Сталиным.

В таком выводе нет преувеличений. Это доказывают факты биографий названных лиц. Вот они:

М.Г. Ефремов (1897—1942, чл. партии с 1919) — генерал-лейтенант (с 1940). Участник Первой мировой войны (закончил школу прапорщиков) и вооруженного восстания в Москве в Октябре 1917 г. А в Гражданскую войну командовал ротой, батальоном, бригадой, дивизией (Южный и Кавказский фронты), отрядом бронепоездов. После Гражданской войны — командир стрелковой дивизии и корпуса. Был военным советником в Китае (1927). Возвратившись, вновь командовал корпусом, затем руководил округами: Приволжским (с мая 1937!), Забайкальским (с ноября 1937), Орловским (с июня 1938), Северо-Кавказским (с июня 1940), Закавказским (с августа 1940). С января 1941 г. работал на посту Первого заместителя генерального инспектора пехоты РККА. В Отечественную войну — командующий армией и заместитель командующего фронтом.
27

Ф.И. Голиков (1900—1980, чл. партии с 1918) — маршал Советского Союза (с 1961 г.). Участник Гражданской войны, в армии с 1918 г. Прошел обычный путь политического и военного работника. В Приволжском военном округе прослужил 10 лет (1927—1936). Был командиром и комиссаром лучшего 95-го стрелкового полка, за успешную работу в 1933 г. награжден орденом Красной Звезды. Пользовался в округе большим авторитетом. Позже занимал посты командира 61-

й дивизии (1933— 1936), механизированного корпуса (1937—1938). В 1938 г. переведен в Белорусский военный округ членом Военного совета. Его тяжелую руку испытал на себе маршал Жуков. С ноября 1938 г. — в Киевском военном округе, командует Винницкой армейской группой. С июня 1940 г. — заместитель начальника Генштаба, начальник Главного разведывательного управления (!). В Отечественную войну — командующий армиями и фронтами (Воронежским, Сталинградским, Брянским). С апреля 1943 г. — заместитель наркома обороны по кадрам! Оставил интересное литературное наследство, не все еще опубликованное[46].

Механизм разоблачения заговора, по нашему мнению, таков. Тухачевский поручил своему заместителю Кутякову завербовать в секретную военную организацию оппозиции двух авторитетнейших людей в округе — командира корпуса Ефремова и командира механизированного корпуса Голикова (без их участия не имелось ни одного шанса на успех задуманного дела). Последние притворились «сочувствующими», позволили себя «завербовать», связавшись предварительно с Ворошиловым и Ежовым. Потом, овладев секретами врагов, помогли чекистам схватить всю оппозиционную верхушку, с совершенно неоспоримыми доказательствами вины. Они же парализовали всякую возможность выступления.

В силу этого Сталин не нуждался ни в каком «секретном досье» от Гейдриха! Собственные доказательства оказались ужасными и сокрушительными! Поэтому не приходится удивляться, что Тухачевский так быстро сдался, признал свою вину в организации и руководстве военным заговором.

Становится также понятно, почему Кутяков, несмотря на прошлые подвиги и выдающиеся заслуги, так и не получил прощения (он скончался в лагере 23 сентября 1942 г.). Несмотря на разразившуюся тяжелейшую войну с фашизмом, когда войска отступали и терпели страшные поражения, когда имелась явная нужда в опытных командирах, Сталин все-таки не простил Кутякова, не внял ходатайствам за него, не распорядился отправить его на фронт искупать кровью свою вину.

О чем это говорит? Несомненно об одном: он считал его опаснейшим преступником, которому не может быть прощения. Ибо, благодаря прошлым большим заслугам, пяти (!) орденам Красного Знамени, Кутяков имел в армии слишком большой авторитет. Противопоставив себя Сталину и правительству, он создал для страны очень опасную

ситуацию, дал оппозиции шанс в борьбе за власть, в попытке совершить государственный переворот. Этого Сталин простить не мог. Как и чудовищного обмана! Вот почему Кутяков был схвачен, судим и погиб в лагере. Если верить, конечно, что его не расстреляли в 1937—1938 гг. «под горячую руку»!

Генсеку пришлось, конечно, поломать голову: как быть? Кутяков, правая рука Чапаева, имел слишком громкую славу. И казнь его, в соединении с другими казнями, должна была произвести на солдат и офицеров удручающее впечатление, может быть, породить даже новую военную оппозицию — из страха.

Такого, понятно, Сталин не хотел. Так что имелись серьезные основания, чтобы отправить его в лагерь. Возможно, имелось еще одно обстоятельство: Кутяков, припертый к стене своими «партнерами» по заговору (Ефремов, Голиков и др.), не стал запираться и уличил (!) Тухачевского и его единомышленников в заговоре. Это ему зачлось при вынесении приговора. Это же обстоятельство вызывает ныне злобу и «нерасположение» к Кутякову со стороны биографов Тухачевского.

Так представляется дело в настоящий момент. Прояснить детали — задача будущего. Сейчас же вполне ясно одно: надо выпустить том всех работ Кутякова, его докладов, статей, писем; опубликовать полностью показания в НКВД и на суде; выпустить сборник воспоминаний и особую книгу под названием «Гибель Кутякова». Тогда не останется места для предположений и всяких анекдотов. А сейчас они имеют место. Так, Л. Разгон описывает арест Кутякова следующим образом, ссылаясь при этом на рассказ начальника маленького полустанка, сидевшего с ним в лагере (последний лично все наблюдал летом 1937 г.)[47].

В ту ночь чекисты на полустанке отцепили вагон Кутякова от поезда. И попытались его арестовать. Кутяков, ехавший из округа в Москву, пришел в неистовый гнев, схватил саблю и выбросил их из вагона прочь, а потом даже открыл по своим врагам стрельбу из пулемета, — бронированный вагон предназначался для поездок на фронт. Чекисты устроили с ним переговоры через начальника станции, старого бойца, участника Гражданской войны. По требованию Кутякова тот по телеграфу соединился с наркомом, сообщил о попытке ареста и спросил приказа: «Сдаваться ли?» Ворошилов ответил утвердительно, обещая «лично разобраться». Кутяков сдался и, благодаря такому «коварству» Ворошилова, попал в лагерь (туда же угодил и начальник станции, как ненужный свидетель).

Все это очень подозрительно, слишком напоминает оппозиционные анекдоты К. Радека. И при том количестве лжи, с которой уже приходилось сталкиваться, внушает недоверие. Ибо ясно видна тенденция рассказа: он заострен против Ворошилова, изображая его «коварным» и «предателем лучших друзей»! Было бы лучше найти официальный рапорт чекистов об инциденте и опубликовать его вместе с прочими доку-

ментами, имеющими отношение к суду и смерти Кутякова. Только тогда все разъяснится. И место сомнительнейших анекдотов займет историческая правда.

*** * ***

Как же адвокаты Тухачевского изображают его прибытие в Приволжский военный округ, его деятельность там и арест? Весьма примитивно, неискренне и в самых общих фразах[48]. А многие, сочиняя прославляющие панегирики, вообще стараются обойти конец жизни маршала[49] и отделываются лицемерными фразами типа: «Жизнь этого замечательного человека, выдающегося военного деятеля оборвалась в расцвете творческих сил, в пору полководческой зрелости». Или, что ничуть не лучше: «Коммунистическая партия, ее ленинский Центральный Комитет возродили память верных сынов народа, павших жертвами культа личности Сталина. Советские люди свято чтят (?) эти замечательные имена».

Все это не вызывает никакого доверия, ибо не сопровождается документами и фактами. Весьма примечательны усилия Л. Никулина, который выдавался в определенных кругах как «величайший специалист» по Тухачевскому. Этот лауреат Сталинской премии (1952 г., за роман «России верные сыны», где изображается поход русской армии в Европу в 1813—1814 гг.) рисует такую картину ареста и пребывания его в Приволжском округе:

«В Куйбышеве он (Тухачевский) переоделся (в своем вагоне. — *В.Л.)* в парадную форму и при всех орденах (!), как полагается, отправился в штаб округа. Предварительно его попросили заехать (!) в областной комитет партии.

Нина Евгеньевна (жена. — *В.Л.)* ждала его долго, он не возвращался. Затем к ней явился смертельно бледный (!) Павел Ефимович Дыбенко и сказал, что Михаила Николаевича арестовали.

Нина Евгеньевна вернулась в Москву. Спустя день-два она, мать и сестры Михаила Николаевича, братья Александр и Николай тоже были арестованы»[50].

Спрашивается:

Разве можно верить почтеннейшему Льву Вениаминовичу, чей рассказ сплошная фигура умолчания? Ничего фактического не сообщается: ни когда Тухачевский выехал из Москвы, ни с кем ехал, какие разговоры вел в дороге, что читал, в какое время прибыл, кто встречал его на вокзале, что говорилось при этом, как он отправился в штаб (пешком, может быть? или на трамвае? Если на машине, то где рассказ шофера о том дне?!), кто и как передавал ему о необходимости заехать в обком партии, о чем Тухачевский говорил с Дыбенко и сколько раз, при каких обстоятельствах Нина Евгеньевна вернулась в Москву, что

стала там предпринимать, за что арестовали всех близких маршала? Вот ведь сколько вопросов! И ни на один нет ответа! И это при похвальбе автора относительно своей «осведомленности», при полной благосклонности Хрущева к реабилитации Тухачевского! Какое же может тут быть доверие?! Не слишком ли много хотят от читателей?!

*** * ***

Лишь совсем недавно стало известно, как именно происходил арест Тухачевского. До сих пор это замалчивалось. Новые данные, правда, не вполне стыкуются со старыми. Кто-то, очевидно, вполне намеренно занимается дезинформацией.

Новые данные принадлежат П. Редченко, служившему в охране Куйбышевского обкома партии. При переводе П. Постышева, кандидата в члены Политбюро ЦК ВКП(б), с Украины в город на Волге на пост первого секретаря обкома (март 1937), Редченко оказался назначен охранять его[51].

Автор воспоминаний допускает некоторые погрешности. Большая удаленность того времени сдвинула в памяти некоторые события. Тем не менее послушаем его рассказ: «Весной 1937 г. в Куйбышев приехал М.Н. Тухачевский. Он оставил на вокзале в салон-вагоне жену и дочь, а сам явился в обком партии представиться (!) Павлу Петровичу Постышеву.

В приемной я был один.

В кабинете находился секретарь Чапаевского горкома партии. М.Н. Тухачевский обратился ко мне. Я зашел к Павлу Петровичу и сказал:

— Просит приема Тухачевский.

— Одну минуту, — ответил мне Павел Петрович, — я кончаю и сейчас же приму Михаила Николаевича.

Я вышел из кабинета и попросил маршала подождать.

Не прошло и 10 минут, как в приемную ворвались начальник областного управления — старший майор госбезопасности Папашенко (правильно — Попашенко. — *В.Л.)*, начальники отделов Деткин и Михайлов. Они переодели Тухачевского в гражданское платье и черным ходом вывели к подъехавшей оперативной машине»[52].

В рассказе две погрешности. Первая: Тухачевский прибыл в Куйбышев не «весной», а 21 мая. Вторая погрешность, большая: арестован он был не в день приезда, а на следующий день, после того как проработал уже день на военной партконференции. Хорошо было бы прояснить все детали. Пора, давно пора раскрыть Куйбышевский эпизод в биографии маршала! Сколько можно заниматься лицемерием?! Жаль, что нет уже работников НКВД, производивших этот арест! Они бы охотно поделились подлинными воспоминаниями!

*** * ***

Все-таки очень интересно отметить: ни один из казенных авторов, ни один из адвокатов Тухачевского не пожелал рассказать, как происходил арест маршала, хотя в их распоряжении находились все архивы. Видно, было что скрывать!

Впрочем, и без них все устанавливается очень легко. Совершенно бесспорно: живой Тухачевский властям был не нужен, мертвый казался гораздо удобнее. Поэтому Ежов, конечно, дал приказ своим сотрудникам в Куйбышев живым маршала не брать, а инсценировать его смерть в возникшей перестрелке. Вместе с тем он прислал с нарочным ордер на арест.

Получив ордер, начальник Куйбышевского управления НКВД майор Попашенко стал обсуждать ситуацию со своими заместителями, Деткиным и Михайловым[53]. Все очень хорошо знали дипломатию своего ведомства и склонность Ежова к разным «трюкам». Знали и другое: Тухачевский очень силен, метко стреляет, свою храбрость он доказал в период Гражданской войны. Поэтому можно было ожидать вооруженного сопротивления и перестрелки. Он вполне может успеть сделать три выстрела, что тогда? Один или двое из них будут убиты. А тот, кто уцелеет, попадет в лагерь — «за самоуправство и превышение власти». Сцену ареста в горкоме партии отрепетировали заранее, все, казалось, предусмотрели. И все же все трое трусили.

Когда они вошли в приемную первого секретаря горкома, Тухачевский сидел на стуле у стены, дожидаясь, когда его вызовет Постышев.

Попашенко шел впереди, выставляя бумажку ордера, точно щит, его замы топали позади, держа правые руки в карманах, где находились пистолеты со спущенным предохранителем.

Подойдя к Тухачевскому на расстояние нескольких шагов, Попашеко поднял правую руку с ордером вверх.

— Михаил Николаевич?

— Да, в чем дело?

— Вот ордер товарища Ежова! Вы арестованы!

Тухачевский вскочил, вырвал правую руку из кармана, где тоже держал пистолет со спущенным предохранителем. Попашенко завизжал от страха (маршала еще не приходилось арестовывать!), бросился на пол и завопил: «Стреляйте! Стреляйте же!»

Замы вырвали пистолеты из карманов и дрожащими руками (советских маршалов им тоже еще не приходилось арестовывать!) сделали два выстрела. Пули просвистели мимо головы и ударили в стену, так что посыпалась штукатурка. Каждый из них с ужасом ждал, что в следующий миг сам получит пулю. Но произошло невероятное: Тухачевский поднес пистолет к своему виску и выстрелил. Пуля царапнула голову, вырвала клок кожи, полилась кровь[54].

Доблестные сотрудники Ежова бросились на маршала и, действуя рукоятями пистолетов, словно кастетами, свалили его на пол, отняли пистолет и надели наручники. Затем выволокли в соседнюю комнату, осмотрели голову, заклеили пластырем поверхностную рану, велели снять форму, переодели в хороший серый костюм и ботинки. Все документы рассовали по своим карманам, форму спрятали в сумку. После этого, не теряя времени понапрасну, вывели арестованного во двор и усадили в машину, на которой ему предстояло вернуться в Москву. Постышеву в двух словах Попашенко поведал о случившемся: «Порядок, мы арестовали его! Он хотел нам оказать сопротивление, а потом застрелиться».

Потрясенный Постышев не стал углубляться в детали, но лишь сказал: «Скорее везите его и охраняйте как следует в пути. Чтобы чего-нибудь дурного не случилось».

*** * ***

В день ареста Тухачевского (22 мая) среди офицеров в гарнизоне, городе и округе распространялись самые невероятные слухи. Почти каждый из командиров дрожал за самого себя. Каждый думал: «Арестом одного маршала, конечно, не ограничатся». Так оно и получилось.

Сотрудники органов, тайно следившие за каждым шагом маршала, говорили командирам и горожанам, что Тухачевский — немецкий шпион, член контрреволюционной организации, что он отстреливался при аресте (!) и даже пытался улететь на самолете. Кстати сказать, Арватов-то как раз летчик! А лететь было куда: в Сибирский военный округ или к Блюхеру.

Все поведение Тухачевского до ареста свидетельствует против него. Человек, ни в чем не виновный, не ведет себя так! Да и ясно, что за кулисами происходила подозрительная «возня». Сама краткость «воспоминаний» о пребывании маршала в Куйбышеве доказывает это.

Оппозиция явно прилагала отчаянные усилия, стараясь сорганизоваться. Партийная конференция давала возможность легально собраться всем видным командирам, корпоративно связанным, обсудить опасное положение, взвесить шансы, сговориться о дружных действиях. Решающим моментом должна была стать обличительная речь командующего, арест несогласных и последующее вооруженное выступление.

Ежов и его сотрудники такую попытку путча отнюдь не считали невероятной. И поэтому не дали возможности Тухачевскому выступить, но уже на второй день конференции арестовали его и отправили назад в Москву. Вслед за ним отправили часть его местных сообщников, из тех, кто был им выдвинут, кто вел в его пользу агитацию в гарнизоне, а на конференции — «недозволенные речи».

Тухачевский возвращался в Москву под крепкой охраной. О чем он думал, глядя в окно машины, шедшей на большой скорости, в сопро-
33
вождении двух других? Думал о доме, матери, жене, дочери, близких, о своей судьбе, бросившей его в страшный позор. Что там, в Москве, все потеряно, маршал мог не сомневаться. Он знал, что Сталин — человек редкой энергии, в борьбе врагов не щадит, что весь округ цепко держит в руках его новый начальник — маршал Буденный, знаменитый глава Первой конной армии[55], что Ворошилов и Ежов в дружном согласии устраняют с постов его выдвиженцев, подвергая их арестам, что в Управлении кадров наркомата происходит чистка.

По всему маршруту находились легковые машины с сотрудниками НКВД. Они придирчиво проверяли проезжающих по маршруту: нарком опасался, что приспешники, напав на след, постараются освободить маршала. Но все обошлось без неприятных инцидентов, и 24 мая, ранним утром, три черные машины в сопровождении тюремного фургона, куда Тухачевского пересадили на последней остановке, прибыли в столицу. Они подкатили к железным воротам гранитного дома на Лубянке, где их уже ждали.

ГЛАВА 4. КАК АРЕСТОВАЛИ ЯКИРА И УБОРЕВИЧА?

Мы сеем бури и ураганы и хотим, чтобы нас ласкали нежные зефиры?!
Еврейский афоризм

С событиями, происходившими в Куйбышеве и Москве, оказались тесно связаны другие, весьма интересные, — в Киевском и Белорусском военных округах.

Якир уже практически находился в состоянии открытого мятежа. За кулисами он разворачивал самую активную деятельность, на происходившем тогда XIII

съезде компартии Украины (27 мая — 3 июня 1937 г.). И ясно в каком духе, если из официального военного приказа, приуроченного к 1 мая 1937 г., вычеркнул общепринятую фразу: «Под руководством великого Сталина вперед к победе коммунизма!» Как должны были это расценить собственные войска в Киеве и Сталин в Москве?! Ясно, как![56] Что идет активная подготовка к бунту, подтверждение этому дали и последующие события: быстро нараставшее число всяких «бандитских акций» и отказ партийной конференции округа тихо прекратить свою работу. Конференцию удалось прикрыть после яростных дебатов (3 июня 1937 г.), арестовав всех «смутьянов».

Якир имел в Киевском округе, конечно же, значительную опору. Этот округ являлся, наверное, ведущим по части иудейско-сионистс-

ких (и троцкистских) руководящих кадров. О весе их красноречиво говорит следующий небольшой список имен и фамилий (данные ноября 1935 — июня 1936): Иона Эммануилович Якир — командующий войсками Киевского военного округа; Яков Осипович Охотников — адъютант командующего (тот, кто однажды оскорбил самого Сталина рукоприкладством!); Лазарь Наумович Аронштам — начальник политуправления округа; Наум Иосифович Орлов — зам. начальника политуправления округа; Мордух Лейбович Хорош — еще один заместитель в политуправлении округа; Дмитрий Аркадьевич Шмидт (Давид Аронович Гутман) — командир 8-й механизированной бригады, любимец Якира, тот самый, что в 1927 г. публично грозил Сталину «отрезать уши» (!); Илья Дубинский — командир 4-й танковой бригады[57]; Григорий Наумович Марков — помощник по политчасти командира корпуса военно-учебных заведений округа; Иосиф Борисович Певзнер — начальник отдела продовольственно-фуражного снабжения округа; Георгий Александрович Ахиезер — начальник санитарно-эпидемической лаборатории округа; Максим Григорьевич Маршак — заместитель военного прокурора округа; Григорий Григорьевич Белир — старший помощник военного прокурора округа[58].

В сговоре с Якиром находилась значительная часть партийно-советской верхушки Украины (во главе с первым секретарем С. Косиором, председателем Совнаркома В. Чубарем и председателем ЦИК Украины М. Петровским[59]. Этот сговор и совместные действия определенного рода и вызвали вскоре гибель двоих, устранение от власти третьего.

Им противостояла в округе мощная группа, возглавлявшаяся С.К. Тимошенко. Тимошенко (1895—1970, член партии с 1919)— сын крестьянина-бедняка, участник Первой мировой войны (пулеметчик), активный участник Гражданской войны в составе Первой конной армии — был командиром взвода, эскадрона, полка, бригады, дивизии, корпуса. Кончил Высшие военные курсы (1922) и Курсы командиров-единоначальников (1930). Побывал в должности заместителя командующего войсками Белорусского военного округа (август 1933 — сентябрь 1935) и совершенно «не сошелся характерами» с Уборевичем. Тогда его перевели на ту же должность в Киевский военный округ, где он превратился в тяжелую и неприятную проблему для Якира.

Заслуги Тимошенко были оценены: с июня 1937 г. он уже командует округами (Северо-Кавказским, Харьковским, Киевским). Возглавляет поход для освобождения Западной Украины после распада польского государства, молниеносно разбитого фашистской Германией (1939). В 1940 г. становится маршалом, Героем Советского Союза, новым наркомом обороны СССР. Активно участвует в войне с немецким фашизмом, занимая крупные должности. После войны вновь командует округами. Был награжден орденом «Победы», имел 4

ордена Ленина, много других орденов и медалей. По количеству наград он, следовательно, далеко затмил Тухачевского и всех его товарищей[60].
35

Ход событий все ускорялся. 28 мая Якир был вызван к телефону лично Ворошиловым. Тот предложил ему прибыть немедленно в Москву на заседание Военного совета. Нарком велел ехать поездом и запретил лететь самолетом. Командующий округом сказал: «Слушаюсь!» И выехал поездом, но в дороге той же ночью был арестован работниками НКВД. Они пересадили его в машину, чтобы сбить с толку возможную погоню, и под крепкой охраной повезли в Москву. Якир встретил арест молча, сжав зубы, и задал лишь один вопрос: «А где решение ЦК партии?» Старший в группе захвата ответил: «Приедете в Москву, там все решения и санкции покажут»[61].

Понятно, что об отъезде Якира и его аресте Уборевич узнал сразу: работала фракционная разведка. Что происходило в его владениях? У него в Смоленске, в доме Красной Армии в это время шла партийная конференция округа (27—29 мая). Как и положено, «лучший друг Орджоникидзе» (так любили называть его сторонники, — они действительно находились в тесной дружбе!) сидел в президиуме. Его сторонники старались создать атмосферу «братского единения» и всячески прославляли своего командующего, называя его «общим любимцем», подчеркивая, что он — кандидат в члены ЦК ВКП(б). Уборевич записывал в блокноте выступления ораторов и сам готовился к выступлению. Он уже знал, что Тухачевский и Якир арестованы, и ему предстояло решить важнейший вопрос: стоит ли сыграть ва-банк? или подставить голову без сопротивления?!

В сущности, он тоже мог вполне считаться мятежником: с 20 мая 1937 г. приказом по наркомату числился уже командующим Среднеазиатского военного округа, но отбывать туда не хотел.

За кулисами шла бешеная борьба. Партию Уборевича составляли старшие командиры, его выдвиженцы, разделявшие его военные и политические взгляды. Среди них находились: заместитель начальника штаба округа Б.И. Бобров (1896—1937, чл. партии с 1918), начальник артиллерии округа комкор Д.Д. Муев (1887—1937, чл. партии с 1918), начальник ВВС комкор А.Л. Лапин (1899—1937, чл. партии с 1917), начальник бронетанковых сил С.С. Шаумян (1900—1936), заместитель командующего округом комкор В.М. Мулин (1885—1938, чл. партии с 1906)[62], командиры корпусов комкоры Л.Я. Вайнер (1897—1937, чл. партии с 1917), С.Е. Грибов (1895—1938, чл. партии с 1926), член Военного совета, комиссар 1-го ранга П.А. Смирнов (1897—1937, чл. партии с 1917)[63]; начальник разведывательного отдела, старый соратник Уборевича, воевавший с ним еще в Сибири в 5-й армии А.П. Аппен (его жена являлась личным секретарем командующего).

Было еще много сторонников, тайных и явных. Все они искренне верили в Уборевича, смотрели на все дела и людей его глазами. В то же время они хорошо знали: продвижение по карьерной стезе обеспечено только тем, кто хорошо подготовлен, упорен в учебе и работе, добросовестно исполняет обязанности и отличается абсолютной верностью. Старшие товарищи, оппозиционные Сталину, перебрасывают своих
36
людей из одного округа в другой, непрерывно повышая их в должностях и показывая им стиль работы самых выдающихся военачальников — Якира, Блюхера, Егорова и т.д.

Оппозиция упорно создавала культы личности собственных военачальников и в этом плане добилась больших успехов.

Командир бригады бомбардировщиков, перед этим командир разведывательной эскадрильи, 38-летний М.С. Мединский (р. 1899, чл. партии с 1917), подвергшийся в 1937 г. заключению, как почти все сторонники Уборевича, при Хрущеве освобожденный и уволенный в отставку полковником, очень ярко показывает стойкость определенного стереотипа. Вот что он пишет в воспоминаниях:

«Высокий авторитет И.П. Уборевича в Красной Армии, как видно, пугал Сталина и ежовых даже после его гибели. Не потому ли они выискивали всякую грязь, какой можно было облить славного полководца?

Я очень хорошо знал Иеронима Петровича и никогда, ни на одну секунду не сомневался в его преданности Родине, партии, социализму. Верил в высокую партийность его большого друга Ионы Эммануиловича Якира, показавшего в Гражданскую войну и последующие годы замечательные качества верного сына своего народа. Я знал Р.П. Эйдемана, много работал с В.М. Примаковым, преклонялся перед полководческим талантом большевика до мозга костей (!) М.Н. Тухачевского.

Как можно простить Сталину, что замечательные полководцы, готовившие нашу армию к жестокой схватке с германским фашизмом, были умерщвлены и не смогли стать во главе защитников Родины в грозные годы Великой Отечественной войны?!»[64]

Подобное заявление могло бы считаться убедительным, если бы за ним не просматривалась явная личная заинтересованность автора! Всякому должно быть понятно: гораздо выгоднее в глазах общества принадлежать к окружению несправедливо пострадавшего выдающегося военачальника, чем полководца-заговорщика! Но тогда не менее ясно и другое: ни о какой правде в изображении происходивших событий не может быть и речи! Да и сами-то воспоминания очень уж кратки! Эта подозрительная краткость тоже подрывает к ним доверие!

Лагерь противников Уборевича, сторонников Сталина, возглавлял в ранге заместителя командующего округом комкор И.Р. Апанасенко (1890—1943, чл. партии с 1918), сын батрака, участник Первой мировой войны, знаменитый герой Гражданской войны, воевавший в качестве командира дивизии и бригады в Первой Конной армии Буденного, окончивший академию им. М.В. Фрунзе. По своему авторитету он почти не уступал командующему, имея, как и тот, три ордена Красного Знамени[65]. Он тесно контактировал с Ворошиловым и Буденным, сообщая им в докладах, что происходит в округе. Апанасенко поддерживали младшие и средние командиры, часть командиров полков, дивизий и корпусов (И. Конев, В. Соколовский и др.), значительная часть штабных работников (И. Баграмян, Р. Малиновский, М. Захаров, В. Курасов и др.).

37

Благодаря громадной работе, Апанасенко удалось сорвать вполне несомненное выступление. Его заслуги не были забыты. Он стал генералом армии, в 1941—1943 гг. командовал Дальневосточным фронтом, в 1943 г. занимал пост заместителя командующего Воронежским фронтом. Погиб от ранения в бою под Белгородом.

Белорусский военный округ в 1937 г. располагал, как пограничный, значительной силой — 300 тыс. человек, объединенных в четыре армии (3, 4, 10, 11), предельно был насыщен артиллерией, авиацией и танками. Поэтому неповиновение командующего грозило весьма опасными последствиями.

29 мая, в середине дня, из наркомата пришла телеграмма, срочно вызывавшая Уборевича в Москву. Он показал ее председательствующему, обменялся с ним несколькими словами и вышел из-за стола. Один из участников этой конференции вспоминает: «Направляясь в фойе, Уборевич прошел через весь зал. Он казался

веселым и бодрым. И никто не представлял себе, что видит своего командующего в последний раз. В 16 часов был объявлен перерыв до следующего дня. «Электропроводка испортилась», — объяснили причину перерыва.

А в это время Уборевич подъезжал по залитой солнцем площади к Смоленскому вокзалу.

Но не успел Иероним Петрович переступить порог салон-вагона, как случилось невероятное: он был схвачен, обезоружен и взят под стражу.

На следующий день перед началом работы конференции член Военного совета Смирнов объявил: «Уборевич вчера арестован как враг народа и во всем уже признался».

В зале стало так тихо, что я услышал стук сердца. Из президиума объявили, что конференция продолжается, но каждый — и в президиуме, и в зале — немо смотрел перед собой, думая о чем-то другом. Не хотелось верить случившемуся. Голову сверлила одна мысль: не ошибка ли это?»[66]

Для всей антисталинской оппозиции арест Якира и Уборевича, располагавших, благодаря положению, громадной силой в округах, означал полный крах. Гамарник, правая рука Тухачевского в военно-политических делах в Москве, координировавший всю закулисную деятельность, мужественно сражавшийся с тысячами страшнейших препятствий, теперь совершенно отчаялся в успехе и потерял последние надежды. 31 мая он признал поражение и предпочел «красиво» выйти из игры, совершив, как говорили, добровольное самоубийство.

*** * ***

Арест Якира, как и Уборевича, нанес тяжелый удар многим командирам, так как они им верили. Характерно высказывание А.В. Горбатова (1891—1973). Этот будущий Герой Советского Союза, прошедший через Гражданскую войну, один из лучших командующих армией, в Великую

Отечественную войну очень отличился и был даже комендантом Берлина в 1945 г. В 1937 г. вместе со многими другими он, однако, попал в заключение. Но сумел оттуда вырваться, благодаря помощи друзей и изменившимся обстоятельствам. После чего успешно делал карьеру.

У Якира он занимал в Киеве пост начальника 2-й кавалерийской дивизии, вышедшей из состава корпуса Червонного казачества (следовательно, он являлся прямым подчиненным Примакова). Это была не простая дивизия. В шефах у нее состояла с 1926 г. компартия Германии. К ней на праздники 1 мая и 7 ноября регулярно приезжал член ее руководства и представитель Исполкома Коминтерна Вильгельм Пик.

В ноябрьские праздники 1936 г. на ужине у начальника этой дивизии Пик поднял странный тост:

«За встречу в свободном от фашизма Берлине!» (Это говорилось в 1936 г., когда с Германией отнюдь не воевали, но в военной верхушке зрел против Сталина заговор и рассматривались варианты крупных пограничных конфликтов.)

Вот этот самый А.В. Горбатов, возвращенный в Киев из Средней Азии, вспоминая дела минувшие, в своих мемуарах «Годы и войны» (М., 1980, с. 117) пишет:

«Для меня это (арест Якира) был ужасный удар. Якира я знал лично и уважал его». Он не раскрывает в мемуарах деталей взаимоотношений с Якиром, не говорит о том, как с его помощью делал карьеру, он ограничивается двумя общими фразами. Но можно не сомневаться, что рассказать он мог бы о многом! Однако не рассказал! А почему? Не потому ли, что его воспоминания могли подтвердить утверждение следствия об участии Якира в заговоре?!

Во всяком случае, совершенно несомненно и другое: так, как он, на Якира и Уборевича смотрело значительное количество командиров. Одни шли за ними по доверию, а другие в надежде на блестящую и быструю карьеру, третьи — как тайные члены нелегальной оппозиционной организации. И именно поэтому все эти «верные» и представляли значительную опасность, так как авторитет командующих вполне мог увлечь их в самую гнусную и опасную авантюру. Поэтому с государственной точки зрения решительные действия Сталина были абсолютно правомерны и справедливы.

ГЛАВА 5. ВНЕЗАПНАЯ СМЕРТЬ ГАМАРНИКА

Солдату честь дороже жизни.
Пословица

Как умер глава ПУРа РККА, долго держалось в секрете. Но наконец-то некоторые важные факты все-таки оглашены, так что можно составить достаточно правильную картину.
39
Теперь известно, что после праздника Первое мая 1937 г. у Гамарника началось жестокое обострение диабета. (Полковник А. Якубовский. Выбор Яна Гамарника. // Сб.: Реабилитированы историей. М., 1989, с. 83). Болезнь заставляла его то сидеть дома, то снова выходить на работу, когда становилось легче. От своих людей, занимавших значительные посты в ведомствах, он получал приватную информацию, приводившую в трепет.

. Первые признаки серьезных провалов наметились в связи с арестами двух видных военных руководителей — В.М. Примакова и В.К. Путны (14 и 20 августа 1936 г.). Обоим вменялось в вину (пока еще!) участие в «боевой группе троцкистско-зиновьевской контрреволюционной организации». Положение Путны было при этом особенно сложным: его, как военного атташе, работавшего за границей, обвиняли в прямых связях с Троцким и переправе в СССР его «директивы о терроре».

Начиналась новая волна арестов, все больше затрагивавшая армию. В ноябре 1936 г., на Чрезвычайном восьмом съезде Советов, очень взволнованный Тухачевский отвел в сторону Н.Н. Крестинского, зам. наркома по иностранным делам, и сказал ему: «Начались провалы, и нет никаких оснований думать, что на тех арестах, которые произведены, дело остановится». Маршал высказывался за немедленное выступление. Крестинский отправился на совет к Розенгольцу. После обсуждения пришли к единогласному выводу, что Тухачевский прав. Оба корреспондента Троцкого послали ему по письму, излагая обстановку. Тот ответил согласием. При этом письмо Розенгольцу, который всегда поддерживал Троцкого, пришло раньше, Крестинскому же — только в конце декабря (с Троцким у него часто случались серьезные размолвки).

Противная сторона, однако, тоже не дремала. Ягода, несомненно, попал под подозрение, был снят с поста главы НКВД и заменен Н.И. Ежовым (27.09. 1936 г.). Ему был предоставлен до 4 апреля 1937 г. пост наркома связи (Рыков лишился и этого).

Уже через месяц Ежов объявляет о раскрытии крупного троцкистского заговора в Сибири. Это никак не могло показаться удивительным или невероятным, так как Сибирь с начала революции служила одной из политических баз Троцкого.

Раскрытие этого заговора «подвело под монастырь» всю верхушку НКВД, состоявшую из старых чекистов — сторонников Ягоды[67]. Трудно было поверить,

что люди с таким опытом могли «прохлопать» достаточно разветвленный заговор. Началась чистка и аресты (в том числе и по обвинению в шпионаже). Позже Ягода признался, что он ждал собственного ареста уже с начала нового, 1937 г.

10 апреля. В этот день Гамарник фактически снят с поста начальника Политуправления Наркомата обороны (но приказ еще не подписан). На его место назначен Л.Л. Мехлис (1889—1953, чл. партии с 1918), бывший начальник секретариата Сталина, затем главный редактор «Правды»[68]. В тот же день в Наркомате произошло бурное партийное собрание. Туда

вызвали для доклада о текущем моменте Ежова. После его доклада стороны столкнулись в жесточайшей полемике. Уже на следующий день пошел слух, что НКВД потребовало от Политбюро санкций на арест Тухачевского, Якира, Уборевича, Корка, Фельдмана, что Тухачевский уже не сидит в своем кабинете. (Александров. С. 162—163.)

21 апреля 1937 г. Ежов передал в адрес Сталина, Молотова и Ворошилова уведомление относительно Тухачевского, который собирался ехать в Лондон на коронацию нового английского короля Георга VI, как официальный советский представитель. Ежов сообщал, что по полученным зарубежным данным на него готовится покушение с целью вызвать «международное осложнение», что НКВД не может гарантировать безопасность и потому просит отменить поездку.

22 апреля решением Политбюро ЦК партии поездка была отменена. По согласованию с Ворошиловым, чтобы не срывать мероприятие, маршала решили заменить В.М. Орловым, другим заместителем наркома обороны. На другой день, 23 апреля, Тухачевский расписался на бланке уведомления Ежова, показав, что знаком с документом.

В это время уже шли усиленные допросы ближайших сотрудников Ягоды. Среди них находились и те, кто в 1935 г., по распоряжению своего наркома, доставили в НКВД арестованных Зиновьева и Каменева: начальник секретно-политического отдела Молчанов (ведал борьбой с нелегальными троцкистскими организациями), начальник оперативного отдела и глава охраны Сталина Паукер, его заместитель Волович и секретарь наркома Буланов.

22—25 апреля Ежов получил данные о преступных связях Ягоды со многими военными руководителями, в том числе с Тухачевским, Корком, Уборевичем, Эйдеманом. Сам Ягода отчаянно отпирался от близкого знакомства с ними. Но бывшие соратники различными неоспоримыми фактами его изобличали. Первыми стали кое-что вспоминать начальник Особого отдела НКВД М.И. Гай и заместитель наркома НКВД Г.Е. Прокофьев.

Уже 27 апреля их примеру последовал З.И. Волович. Он прямо заявил, что Тухачевский — из числа самых видных руководителей заговора, и что он должен обеспечить ему вооруженную поддержку. Воловича лично допрашивал Ежов, а «работали» с ним следователи Ярцев и Суровицких.

Позже, во времена Хрущева, при новом рассмотрении «дела военных» в КПК, Суровицких объявлял показания Воловича, как и прочих чекистов, «подготовленной провокацией», ибо они таким образом «закрепили нужную Ежову» «солидность и серьезность заговора». (Известия ЦК КПСС. № 4, 1989 г., с. 46). Однако никаких доказательств своим утверждениям он не дал. И весь материал, относящийся к данному эпизоду, до сих пор не опубликован, не может быть подвергнут проверке, поэтому не вызывает доверия. Слишком мало голословно заявить: «Они (показания) были добыты с помощью обмана, провокации и насилия». (Там же, с. 46.) Все это выглядит смехотворно! Ведь допрашивали не

детишек или школьников, а чекистов-профессионалов, которые сами за свою жизнь провели тысячи допросов! Уж они-то отлично знали все способы ухода от ответа, «запутывания следов», тончайшей клеветы на невиновных, которых надо было втянуть в дело для выигрыша времени!

Ярость Сталина не знала границ! После первомайского парада на квартире у Ворошилова состоялся званый обед с участием многих военных руководителей. Сталин сначала молчал, слушал других, потом выступил с краткой речью, говоря, что пробравшиеся в партию враги будут разоблачены, партия их сотрет в порошок. И поднял тост за тех, кто, оставаясь верным, займет свое место за славным столом в октябрьскую годовщину. (Там же, с. 47.)

От этих слов многие похолодели, у некоторых выступил пот на лбу. Каждый понимал: подобные вещи не говорятся просто так. О том же говорил и размах шедших арестов. Только за апрель—май 1937 г., по представлениям Леплевского (начальник Особого отдела НКВД), Ворошилов и Гамарник завизировали сотни арестов командиров разных ступеней, получая списки ежедневно! (Роговин В. 1937. М., 1996, с. 387). Все обвинялись в заговоре и нелегальной троцкистской деятельности. Шумные вопли о «сталинском произволе» почему-то документами не подтверждаются! В самом деле, где они, эти списки с фотографиями командиров и их биографиями, с указанием военных округов и подлинной национальности?! Они до сих пор не опубликованы! Это лучше всего говорит о том, что обвинения справедливы!

Ворошилов, в меру своих возможностей, пытался защитить офицерский состав. В одной из телеграмм, рассылаемых в округа (14.06. 1937 г.), он сообщает: «Разрешение на аресты троцкистов, двурушников и пр. Даю только лично я» (Волкогонов Д. Маршал Ворошилов. — «Октябрь», 1996, № 4, с. 163). Но и его возможности были не безграничны, и под яростным натиском Ежова приходилось многократно уступать.

6 мая 1937 г. арестован комбриг запаса М.Е. Медведев, прежде (до 1934 г.) бывший начальником ПВО РККА. Сразу же он дает показания на некоторых сослуживцев, которые вызывали у него сомнение «в их искренности и преданности».

8 мая Примаков (арестован 14. 08. 1936 г., содержался в Лефортовской тюрьме) пишет письмо Ежову: «В течение 9 месяцев я запирался перед следствием по делу о троцкистской контрреволюционной организации. В этом запирательстве дошел до такой наглости, что даже на Политбюро перед тов. Сталиным продолжал запираться и всячески уменьшать свою вину. Тов. Сталин правильно сказал, что «Примаков — трус, запираться в таком деле — это трусость». Действительно, с моей стороны это была трусость и ложный стыд за обман. Настоящим заявляю, что, вернувшись из Японии в 1930 г., я связался с Дрейцером и Шмидтом, а через Дрейцера и Путну — с Мрачковским и начал троцкистскую работу, о которой дам следствию полные показания». (Дело о так называемой «антисоветской троцкистской военной организации» в Крас-

ной Армии. — Известия ЦК КПСС, 1989 г., № 4, с. 48.) В этот же день М.Е. Медведев заявляет о своем участии в «троцкистско-военнной организации», главой ее он называет Б.М. Фельдмана, лучшего друга Тухачевского, недавно (с 15 апреля) перемещенного на пост заместителя командующего Московским военным округом.

10 мая М.Е. Медведев рассказал о существовании в РККА «военной контрреволюционной организации», ставившей своей целью «свержение советской власти, установление военной диктатуры, с реставрацией капитализма, чему должна была предшествовать вооруженная помощь интервентов»[69]. В состав

руководящего центра этой организации входили, по его словам, М.Н. Тухачевский (возможный кандидат в диктаторы), И.Э. Якир, В.К. Путна, В.Н. Примаков, А.И. Корк. (Там же, с. 47.)

В этот же день последовал неожиданный для оппозиции удар: постановлением ЦК и СНК СССР вновь возрождается Институт военных комиссаров — для штабов, управлений и учреждений, для воинских подразделений, начиная с полка и выше; для рот вводились политруки (50 лет вооруженных сил СССР. М., 1968, с. 214). Это постановление и последующие быстрые назначения комиссаров из рабочих и партийных работников, твердых сторонников Сталина, связали оппозиции руки, лишили ее свободы маневра. При прежнем положении вещей, имея в своих руках Политуправление РККА, оппозиционеры умело обходили возникавшие трудности с помощью различных комбинаций, несмотря на большой процент членов партии и комсомольцев в разных родах войск. Цифры эти известны: ВВС — 89,4%, механизированные войска — 86,1%, флот — 69,5%, в самом командном составе: 64,1% — коммунисты, 5,9% — комсомольцы. (Там же, с. 213).

Другим ударом явилось (по постановлению СНК СССР от 10 мая 1937 г.) преобразование РВС округов в военные советы. Последние подчинялись лично Ворошилову и проводили политику, намеченную им и Сталиным. Секретариат партии и НКВД потеряли влияние на политику в РККА.

В тот же день Политбюро ЦК партии и Правительство произвели в армии важные кадровые перемещения: 1. Первым заместителем наркома обороны стал маршал А.И. Егоров, близкий к Сталину; 2. Начальником Генерального штаба РККА — командарм Б.Н. Шапошников (бывший командующий Ленинградским военным округом); 3. Начальником Ленинградского военного округа назначен командарм И. Якир (бывший командующий Киевским военным округом); 4. М.Н. Тухачевский освобожден от обязанностей заместителя наркома, ему предстояло отправиться в Приволжский военный округ его командующим.

11 мая в наркомате было объявлено о произведенных перемещениях. Очень взволнованный, Тухачевский зашел к Гамарнику, сообщил о такой новости, и они вкратце обсудили ее.

От таких вестей впору было заболеть: человеку, занимавшему такие посты, как Гамарник, столько лет работавший в центральном военном
43
аппарате и имевший много тайных осведомителей, не надо долго объяснять, что «пахнет жареным».

Затем в Наркомате обороны состоялось совещание руководства с командующими округов, их заместителями и начальниками штабов. С яростной речью выступил Мехлис. Он открыто обвинил Тухачевского, Гамарника, Якира, Фельдмана, Уборевича, Корка в попытке сговориться между собой для выступления против ЦК партии. Те выступили с резкими возражениями и угрожали жаловаться на Ежова, распространяющего клевету по их адресу, Пленуму ЦК.

Поздно ночью вдруг позвонил Тухачевскому Сталин (!). Он весьма миролюбиво уведомил его лично: 1. О перемещении маршала на пост командующего Приволжским военным округом; 2. О том, что не следует усматривать в этом какую-то «немилость»; он, Сталин, очень интересуется его теоретическими разработками, и возвращение его в Москву произойдет вскоре; 3. Выпады и преувеличения Мехлиса не следует близко принимать к сердцу: «Меня окружают ограниченные люди, и Вы должны понять трудности моего положения»[70].

13 мая Сталин принял Тухачевского по его просьбе. Запись разговора до сих пор якобы «не обнаружена». Впрочем, в ней и нет особой нужды. Содержание разговора предельно ясно: Михаил Николаевич пытался рассеять «подозрения» и оправдаться. А оправдываться было в чем: как объяснил он 11 мая бывшему члену ВЦИК П.Н. Кулябко (тот рекомендовал его в 1918 г. в партию и сразу же явился к нему домой для прояснения вопроса: «Почему маршала сняли с поста заместителя наркома?»), — его, Тухачевского, страшно подвели: бывший порученец и его «знакомая» Кузьмина (на самом деле бывшая жена!) оказались неприятельскими агентами и уже арестованы. Вероятно, на этом свидании присутствовали и обычные свидетели: Ворошилов, Молотов, Каганович, Ежов. Они скорее всего недобро молчали.

14 мая Примаков, называя соучастников, впервые упоминает о Якире. Его сообщение вызывает сенсацию: «Троцкистская организация считала, что Якир наиболее подходит на пост народного комиссара вместо Ворошилова. Считали, что Якир является строжайшим образом законспирированным троцкистом, и допускали, что он, Якир, лично связан (!) с Троцким, и, возможно, он выполняет совершенно секретные, нам не известные самостоятельные задачи». (Известия ЦК КПСС, с. 48.)

В ночь на 15 мая Путна, переведенный из тюремной больницы Бутырской тюрьмы в тюрьму Лефортовскую, после длительного ночного допроса дал показания против Тухачевского и ряда других крупных работников, как участников «военной антисоветской троцкистской организации».

Б. Фельдман, едва его арестовали (15 мая 1937 г.), очень быстро дал показания на Тухачевского и «остальных участников заговора».

16 мая Корк (арестован в ночь на 14 мая, т.е. спустя всего два дня после ареста) произвел своими показаниями не меньшую сенсацию,

чем Примаков и Фельдман. В двух заявлениях на имя Ежова он признал участие в антисоветской деятельности, сообщал, что в организацию правых был вовлечен А. Енукидзе (секретарь Президиума ЦИК СССР, правая рука М.И. Калинина), указывал, что военная организация правых включала в себя троцкистскую военную группу Путны, Примакова и Туровского (работник армейской инспекции РККА), что с ними «был связан сам Тухачевский». Корк писал, что основная задача группы состояла в проведении военного переворота в Кремле, а возглавлял военную организацию правых штаб переворота в составе его, А.И. Корка, М.Н. Тухачевского и В.К. Путны. (Там же, с. 49.)

Новый страшный удар — показания Фельдмана на допросах 19, 21 и 23 мая. Он называет, как заговорщиков, группу из более 40 видных армейских командиров и политработников. (Там же, с. 49.)

Теперь страх чувствуют сам Ежов, Фриновский и другие работники НКВД, не имевшие тайной ориентации на Троцкого, Бухарина или Тухачевского. Ежов каждый день делает личный доклад Сталину, посылая ему протоколы допросов.

20 мая Ежов представляет Сталину, Молотову, Ворошилову, Кагановичу протокол допроса Фельдмана и просит разрешения арестовать всех, кого тот назвал. Среди них числятся М. Тухачевский, И. Якир, Р. Эйдеман. Гамарник назначается членом Военного совета Среднеазиатского военного округа.

21 мая Примаков дает письменные показания, что во главе заговора стоит М. Тухачевский, лично связанный с Троцким, называет, как «участников предприятия», еще 40 видных советских работников, объявляет, что с ними находились в тайной связи Б.Н. Шапошников, С.С. Каменев, Я.Б. Гамарник, П.Е. Дыбенко, СП. Урицкий и др.

В этот же день личный доклад Сталину делает заместитель Ежова Фриновский. Он рассказывает о ходе следствия, дает характеристики арестованным. Фриновский, видимо, тоже начинает терять голову, заражаясь общим страхом. Он все чаще побуждает следователей пускать в ход кулаки и резиновые дубинки. И сам (забывая о сане!) участвует в избиениях «несговорчивых» арестованных.

22 мая. Сессия Академии наук СССР единогласно исключила Бухарина из числа академиков, как врага народа. («Последние Новости», 23. 05. 1937, с. 1.) Тогда же, 22 мая, арестованы М.Н. Тухачевский и Р.П. Эйдеман (Председатель Центрального совета Осоавиахима). Узнав об аресте Тухачевского, который перед отъездом в Куйбышев заходил к нему домой для последнего совета и прощания, Гамарник снова слег. Но продолжал через силу работать с бумагами, которые ему доставлял секретарь, бригадный комиссар Н. Носов.

24 мая Троцкий, который находится в Мексике, делает заявление о Сталине перед журналистами. И при этом многозначительно говорит: «Его политические дни сочтены». («Последние Новости», 25. 05. 1937, с. 1.) 24 мая Политбюро ЦК ВКП(б) на своем заседании вынесло такое

45

решение: «Поставить на голосование членов ЦК ВКП(б) и кандидатов в члены ЦК следующее предложение: «ЦК ВКП получил данные, изобличающие члена ЦК ВКП Рудзутака (кандидат в члены Политбюро партии, заместитель Председателя Совнаркома и Совета Труда и Обороны СССР. — *В.Л.)* и кандидата ЦК ВКП Тухачевского в участии в антисоветском троцкистско-«право»-заговорщическом блоке и шпионской работе против СССР в пользу фашистской Германии. В связи с этим Политбюро ЦК ВКП ставит на голосование членов и кандидатов ЦК ВКП предложение об исключении из партии Рудзутака и Тухачевского и передаче их дела в Наркомвнудел». (Известия ЦК КПСС, 1989, № 4, с. 51—52.) Отчаянные попытки заинтересованных лиц провалить это «предложение» оказались сорваны. 25—26 мая постановление было принято, оформлено и подписано Сталиным.

26 мая Тухачевскому устраивают очные ставки с В.М. Примаковым, В.К. Путной и Б.М. Фельдманом, т.к. маршал отрицает свое участие в заговоре. Они дружно его изобличают, приводя разные факты и свидетельства. На маршала со всех сторон наседают «лютые псы» Ежова: Г.М. Леплевский, З.М. Ушаков и др.

В этот же день, 26 мая, Тухачевский в заявлении на имя Ежова признает наличие заговора, свою роль в нем и немедленно приказом по Наркомату обороны увольняется из РККА.

Распространяются подробности о «Деле Бухарина» в ученых кругах. О деятельности АН СССР делает отчетный доклад академик Н.П. Горбунов (1892—1938, член партии с 1917, член и секретарь АН СССР). Особый раздел доклада он посвящает злокозненному Бухарину. Попутно докладчик яростно нападает на покойного президента Академии Карпинского (1846—15. 07. 1936), знаменитого ученого, видного представителя русской геологической школы. Последний обвиняется в том, что он потворствовал Бухарину, попустительствовал шпионам и диверсантам на ниве советской науки. Последнее академиками отклоняется (прах усопшего в ознаменование заслуг замурован в кремлевской стене!). Но относительно любимца Ленина принимается следующее постановление: «Ввиду того, что Н.И. Бухарин использовал свое положение академика и члена Президиума Академии во вред нашей стране и в своей борьбе против партии и советской власти поставил себя в ряды врагов народа, общее собрание постановляет: исключить Н.И. Бухарина из числа действительных членов Академии наук». («Последние Новости», 28. 05. 1937, с. 2.)

27 мая в Наркомате обороны уже все знают об аресте Тухачевского. Обстановка страшно нервозная.

28 мая газеты сообщают о передаче дела М.Н. Тухачевского в следственные органы. В тот же день это знают уже все в Киеве, в том числе и сын Якира, тогда еще мальчик. (Командарм Якир. Воспоминания друзей и соратников. Москва, 1963, с. 229.)

46

Заговорил Р.П. Эйдеман: уже через два дня после ареста (!) он соглашается «помочь следствию» в раскрытии преступления.

28 мая арестован Якир, 29 мая — Уборевич.

29 мая Тухачевского лично допрашивает Н.И. Ежов. Присутствовали: Г.Н. Леплевский, нач. отделения Я.Л. Карпейский, ст. оперуполномоченный В.В. Ярцев, следователи И.Д. Суровицких, А.А. Авсеевич, З.М. Ушаков. На вопросы Ежова Тухачевский отвечал сначала отрицательно или уклончиво. Следователи смотрели свирепо, с ненавистью, поигрывая резиновыми дубинками. Потом стали выходить один за другим в соседнюю комнату, и оттуда тотчас стали доноситься вопли избиваемых и шум падающих тел.

Ежов замолчал, допрос взял на себя Леплевский. Он начал повышать голос, потом орать. Возбужденные следователи, возвращаясь из соседней комнаты, били своими резиновыми палками по столу, угрожающе размахивали ими над головой Тухачевского. Снова притащили на очную ставку Фельдмана, Корка, Путну и Примакова. Прибавили к ним Эйдемана, Карахана, Осепяна, Бухарина и Ягоду. Все дружно обличали маршала, как заговорщика и своего тайного главу. Даже Ягода, который до того стойко держался и на вопрос о преступных связях с Тухачевским, Эйдеманом, Корком, Уборевичем и др. высшими командирами от всех отпирался и отвечал: «Были официальные знакомства. Никого из них я вербовать не пытался» (Известия ЦК КПСС, с. 46), — даже он теперь признал, что вместе с Тухачевским руководил заговором. Этот допрос решил дело. И Тухачевский («в состоянии нервного потрясения», как извиняюще говорят его сторонники) тоже дал признательные показания, которые были тут же зафиксированы и которые он подписал. Показания гласили: «Еще в 1928 г. (будучи начальником Ленинградского военного округа. — *В.Л.)* я был втянут Енукидзе в правую организацию. В 1934 г. я лично связался с Бухариным. С немцами я установил шпионскую связь с 1925 г., когда я ездил в Германию на учения и маневры. При поездке в 1936 г. в Лондон Путна устроил мне свидание с Седовым (сыном Л.Д. Троцкого. — *Ред.).* Я был связан по заговору с Фельдманом, С.С. Каменевым, Якиром, Эйдеманом, Енукидзе, Бухариным, Караханом, Пятаковым, И.Н. Смирновым, Ягодой, Осепяном и рядом других». (Там же, с. 50.)

30 мая Уборевичу, отрицавшему свою вину, устраивают очную ставку с Корком. Тот утверждал, что Уборевич с 1931 г. входил в «право»-троцкистскую организацию. Уборевич отвечал: «Категорически отрицаю. Это все ложь от начала и до конца. Никогда никаких разговоров с Корком о контрреволюционных организациях не вел». (Там же, с. 51.)

Выведенный из терпения, Леплевский вновь пускает в ход средства физического воздействия. Только после этого Уборевич признает участие в заговоре, называет соучастников, подписывает протокол допроса с признанием своей вины.

47

Все, что происходит в НКВД, быстро становится известным Гамарнику. Очень может быть, что ему даже намеренно сообщали, по прямому указанию Сталина. Видимо, последний не сомневался уже в его участии. И таким образом

хотел лишить его душевного равновесия, побудить к опрометчивым действиям, которые при существовавшей слежке можно было быстро разоблачить и пресечь[71].

30 мая было принято официальное предложение Политбюро ЦК ВКП(б) относительно Якира и Уборевича: «Утвердить следующее предложение Политбюро ЦК: Ввиду поступивших в ЦК ВКП(б) данных, изобличающих члена ЦК ВКП(б) Якира и кандидата в члены ЦК ВКП(б) Уборевича в участии в военно-фашистском троцкистском правом заговоре и в шпионской деятельности в пользу Германии, Японии, Польши, исключить их из рядов ВКП и передать их дела в Наркомвнудел». Это «предложение», подписанное Сталиным, было тотчас отправлено для сбора подписей вкруговую ко всем членам ЦК и кандидатам в члены ЦК партии. Легко представить, как чувствовал себя каждый, когда к нему поступила такая бумага, начиненная «динамитом»! Не подписать, протестовать? Равносильно самоубийству!

Неизвестно, успело ли это «предложение» поступить на подпись Гамарнику. Хотя было бы логично прислать его ему в числе самых первых, чтобы увидеть его реакцию.

30 мая в первой половине дня к Гамарнику приезжает с визитом старый друг Блюхер. Он привозит предложение Сталина: чтобы Гамарник вошел в состав суда, которому предстоит судить Тухачевского. Они обсуждают вопрос, и Гамарник решительно отказывается. Блюхеру не удается его переубедить, и он уезжает ни с чем. Свой разговор Гамарник пересказывает жене, которой он вполне доверял, ибо она была настоящим боевым товарищем, членом партии с 1917 г., работала с ним в подполье Одессы против интервентов, участвовала в Гражданской войне, окончила Институт красной профессуры, близко общалась с Бухариным и его окружением, работала редактором-консультантом в московском издательстве, выпускавшем «Историю Гражданской войны в СССР». Очень взволнованный, Гамарник при этом воскликнул: «Как я могу! Я ведь знаю, что они не враги. Блюхер сказал, что если я откажусь, меня могут арестовать» (Волкогонов. Триумф и трагедия. Кн. 1, ч. 2, с. 263). Это был мучительный разговор и мучительные часы! В разговоре мелькали имена близких друзей: Блюхера, Якира, Уборевича, Гарькавого, Дубового, Картвелишвили, Муклевича, Левичева, Осепяна, Кирова, Орджоникидзе, Микояна. (Ян Гамарник. Воспоминания друзей и соратников. Москва, 1978, с. 166 и 186.)

Во второй половине дня 30 мая Политбюро ЦК ВКП(б) принимает другое важное решение: «Отстранить т.т. Гамарника и Аронштама[72] от работы в Наркомате обороны и исключить из состава Военного совета, как работников, находящихся в тесной групповой связи с Якиром,

исключенным ныне из партии за участие в военно-фашистском заговоре». (Там же, с. 52.)

И это тотчас становится Гамарнику известно. В ночь на 31 мая у него происходит исключительно тяжелый приступ диабета[73]. Вызвали медсестру, а также родную сестру — врача Ф.Б. Гамарник, участника Гражданской войны, доверенного человека. К утру больному становится легче. Он начал даже шутить, ибо другая сестра его, Клара Борисовна, член партии с 1929 г., работавшая в Прокуратуре Московской области, передала ему по телефону ободряющие вести.

Но к обеду прибыл крайне взволнованный Блюхер, его очень близкий друг. Они закрылись в спальне и опять тайно беседовали о чем-то очень важном. Затем Блюхер уехал.

О, гримасы судьбы! Знал ли он, что вскоре, вслед за Тухачевским, придет его черед?! Что по ордеру Ежова от 22 октября 1938 г. он сам будет арестован?! Что

будут его остервенело допрашивать в НКВД, в том числе один из замов Ежова, сам Л. Берия?! Что из тюремной камеры Лефортовской тюрьмы, после ряда допросов, он не выйдет живым (11 ноября 1938 г.)?! Что окажет своим врагам отчаянное сопротивление при избиении, и они, вне себя от злобы, забьют его насмерть?! Мог предполагать! Но, конечно, не знал наверное, ибо от каждого закрыта его судьба[74]!

А в пятом часу дня прибыли из наркомата двое сотрудников: новый начальник Управления кадров Наркомата обороны, бывший заместитель начальника Политуправления РККА, т.е. самого Гамарника, А.С. Булин (1894—1938) и армейский комиссар 2-го ранга Управляющий делами Наркомата обороны И. Смородинов. Они привезли приказ за подписью Ворошилова о смещении Гамарника с нового поста и увольнении из наркомата. Они пробыли у Гамарника не больше 15 минут. Эти посетители своему старшему коллеге передали важнейшую новость: все пропало, поднять военные училища, академии и воинские части на выступление в Москве не удается, всюду страшная слежка, всюду люди НКВД. Слежка действительно была всесторонней: за каждым подозрительным люди Ежова следили на службе и вне рабочей обстановки. Переодетые сотрудники «наружки» стояли у домов, фиксируя всех входящих и уходящих, а также длительность их пребывания у «объекта».

Поскольку операция вступила в завершающую стадию, Ежов лично руководил ею. Он разместился прямо в кабинете у Ворошилова, которому тоже не доверял, контролируя таким образом и его действия.

«Пролетарский маршал» со страхом и омерзением следил за разговорами «гнусного карлика». Он знал, что собственная голова висит буквально «на нитке»! Ибо его ближайшие сотрудники — участники антисоветского заговора!

Едва Булин вернулся в наркомат, как тут же вместе с другим видным соратником Гамарника оказался арестован. И тотчас Ежов дал по

телефону своим людям указание: «Войдите на квартиру Гамарника и поступайте так, как я прежде распорядился!»

Сотрудники тотчас вошли и застали всю семью в сборе. Гамарник говорил жене и 12-летней дочери, что роковой момент наступил и следует сохранять достоинство и выдержку. Работники НКВД сказали: «Мы выполняем распоряжение наркома т. Ежова. Вы, Гамарник, отстранены от дел, ваш сейф будет сейчас опечатан. Ваши замы Осепян и Булин арестованы за участие в заговоре. Вам предписывается оставаться дома, пока ваша судьба не решится». Они на глазах семьи опечатали сейф и тотчас ушли. Тогда Гамарник сказал жене и дочери: «Я хочу остаться один». Они послушно вышли. Едва за ними закрылась дверь, как в комнате грянул выстрел. Когда жена и дочь вбежали, бывший заместитель наркома лежал мертвым. Он покончил с собой[75].

Так ушел из жизни сын мелкого конторского служащего из Житомира, сумевший, несмотря на бедность семьи, закончить отличником гимназию и даже поучиться в Петербургском психоневрологическом институте, а потом на юридическом факультете Киевского университета. Судьба сделала его, сына еврея, революционером (член партии с 1916 г.), а потом видным деятелем партии (член ЦК партии, член Оргбюро ЦК ВКП(б) и ответственным работником РККА (начальник Политического управления РККА с 1929 г., армейский комиссар 1-го ранга). Многие годы Гамарник честно и прекрасно работал (получил ордена Ленина и Красного Знамени), потом сделал ставку на Троцкого — и это его погубило.

Семья Гамарника, как и другие подобные семьи, расплатилась по большому счету. Жена его получила сначала 8 лет лагеря, затем еще 10 лет и умерла в лагере

в 1943 г. Дочь до 18 лет находилась в детдоме, затем получила 6 лет лагеря, а по отбытии — ссылку. Освободил ее от мучений лишь приход Хрущева к власти.

Эта жена Гамарника очень даже заслуживает внимания, хотя ее всячески замалчивают. Почему, станет ясно ниже. Она приходилась родной сестрой Хаиму Бялику (1883—1936), сыну мелкого торговца и корчмаря на Волыни, видному лидеру сионистов, известному публицисту, космополиту и буржуазному националисту, основоположнику современной еврейской поэзии (умер в Палестине, из России выехал в 1920 г.).

Наиболее известные вещи его: «Сказание о погроме» (кишиневский погром евреев 1903 г.), символические поэмы «Огненная хартия» (1905), «Мертвецы пустыни» (1902), а также «Еврейские легенды», взятые из талмудической литературы (тт. 1—4, совместно с И. Равницким).

Бялик был очень популярен в еврейской среде и неоднократно издавался на русском языке, хотя писал на древнем иврите. А «прославился» в немалой степени исключительно злобным заявлением: «гитлеризм является спасением, а большевизм — проклятием еврейского народа»[76] .

Таким образом, Гамарник, благодаря жене, имел личную связь с сионистами и мог совместно с ними «проворачивать» некоторые важные и тайные дела, выгодные для обеих сторон[77].

Почему же Гамарник покончил с собой, если он ни в чем не был виновен? Ответ может быть один: вина за ним имелась — и большая. Именно поэтому он не оставил никакого оправдательного или обличительного письма. Он также знал, что Ворошилов ему заклятый враг. О подоплеке этой вражды сам нарком позже, на заседании Военного совета с участием членов Политбюро ЦК ВКП(б), проходившем в Кремле 1—4 июня 1937 г., сказал так: «В прошлом году (т.е. в 1936 г. — *В.Л.),* в мае месяце, у меня на квартире Тухачевский бросил обвинение мне и Буденному, в присутствии т.т. Сталина, Молотова и многих других, в том, что я якобы группирую вокруг себя небольшую кучку людей, с ними веду, направляю всю политику и т.д. Потом, на второй день, Тухачевский отказался от всего сказанного. Тов. Сталин тогда же сказал, что надо перестать препираться частным образом, нужно устроить заседание П. Б. и на заседании подробно разобрать, в чем тут дело. И вот на этом заседании мы разбирали все эти вопросы.

И опять-таки пришли к прежнему результату.

Сталин: Он отказался от своих обвинений.

Ворошилов: Да, отказался, хотя группа Якира и Уборевича на заседании вела себя в отношении меня довольно агрессивно. Уборевич еще молчал, а Якир и Гамарник вели себя в отношении меня очень скверно». (Там же, с. 53.)

Чего же боялся Гамарник, которого прихлебатели пышно именовали «партийной совестью армии»? (Армия, однако, за свою «совесть» почему-то не вступилась!) Чего боялся этот человек, о котором двуличный нарком внешней и внутренней торговли А. Микоян вспоминал: «Он запомнился мне, как человек исключительно честный, прямой, простой и скромный. Это был настоящий комиссар в революционном смысле этого слова, так прочно вошедшего в наш обиход». (Реабилитированы историей. Москва, 1989, с. 88.)

Чего боялся бывший начальник Политуправления РККА, которого на пост рекомендовал сам Ворошилов, долгое время очень хорошо к нему относившийся, считавший его «твердым большевиком»?!

Ответ на это может быть только один: Гамарник знал, что, несмотря на мастерскую конспирацию (о его действительной роли в Союзе знало лишь несколько человек, в том числе Якир и Тухачевский), он полностью разоблачен! Он знал, что если не покончит с собой, то будет арестован — сегодня или через

несколько дней, в лучшем случае, — что этот вопрос решен, хотя совсем недавно (20 мая) он был назначен членом Военного совета Среднеазиатского военного округа. (Известия ЦК КПСС. 1989, № 4, с. 73.) Увы, все проходит!

Подводя итог тайной деятельности Гамарника в Политуправлении РККА, Мехлис, ставший его преемником, вынужденный вести ярост-
51
ную борьбу с его ставленниками, так оценил то, что он видел собственными глазами, читая к тому же документы: «Гамарнико-булинская банда шпионов больше всего навредила политическому аппарату на участке руководящих кадров.

На важнейшие посты она выдвигала врагов народа, людей бездарных, вдребезги разложившихся, продавших свои души агентам иностранных разведок[78]. Лучших комиссаров и политработников, людей способных, культурных и верных партии Ленина—Сталина, она держала в черном теле, в заниженных военных званиях и сравнительно в небольших чинах. Своих провалившихся бандитов она всячески спасала и, как дохлых кошек, перебрасывала их на другие посты. Теперь под руководством тов. Сталина и Ворошилова на руководящие посты расставлены поднятые с низов многие тысячи замечательных большевиков ленинско-сталинской закалки. Эти новые кадры полны энергии, решимости и с любовью несут в массы ленинско-сталинское слово». (XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. Москва. 1939, с. 274.)[79]

Смерть Гамарника для партии, армии и страны явилась большой неожиданностью. И люди, доверявшие друг другу, многократно обсуждали ее, стараясь добраться до истины. За исключением небольшого числа лиц, правды не знал никто. Но некоторые считали, что они знали. Профессор Борев в своей книге «Сталиниада» (Рига, 1990) пишет:

«История самоубийства Яна Гамарника мне известна от его семьи, с которой мои родители дружили, начиная с 20-х годов; сестры Гамарника, Клара и Фаина, были посажены и провели в заключении 17 лет».

Едва ли нужно доказывать, что «дружить» с евреем Гамарником, начальником Политуправления РККА, и его семьей мог только тот, кто: 1) сам был иудейского происхождения, 2) имел дореволюционный партийный стаж или хотя бы с 1918 г., 3) был активным участником Гражданской войны, 4) работал рядом с Гамарником или имел его рекомендации, 5) разделял все его взгляды.

Ю. Борев, обходя некоторые щекотливые моменты, признает лишь следующие (но и это очень интересно!):

«Мой отец — Борис Семенович Борев, вместе с моей матерью участвовал в Гражданской войне, потом учился. В начале 30-х годов заведовал кафедрой философии в Харьковском университете, работал профессором ВУАМЛИНа (Всеукраинская ассоциация марксистско-ленинских научных институтов), главным редактором Партиздата Украины. Директором этого издательства была Мария Демченко — жена будущего первого секретаря Киевского обкома, в подчинении у которого некоторое время работал Хрущев и который затем станет наркомом заготовок СССР и погибнет в 1937 году».

Осенью 1934 г. Борис Борев оказался в очень опасном положении:

«Его исключили из партии, как русского шовиниста, читал лекции на русском языке. Его коллег исключили за украинский национализм:
52
читали лекции на украинском. Кроме того, отца обвинили в том, что он — ученик «украинского националиста», известного философа, академика Владимира Юринца, незадолго до этого арестованного. Отец поехал в ЦК партии Украины обжаловать решение об исключении (столицу только что перевели из Харькова в

Киев). Те, кому он звонил, надеясь на помощь, не отважились его принять. Только завотделом пропаганды ЦК КП(б) Украины Килерог (псевдоним-перевертыш, настоящая фамилия — Горелик) предложил прийти после рабочего дня. Горелик сказал отцу:

— В Харьков не возвращайся, даже не заезжай домой, затеряйся в каком-нибудь маленьком городке и начинай жить сначала. Не мельтешись. Не добивайся восстановления. Сейчас, в связи с делом Кирова, пойдет большая волна. Многих она накроет.

— А как же ты?

— Я останусь до конца, буду стараться помогать людям. Человек, спасший отца, вскоре погиб.

Я, сестра и мать остались одни. Отец уехал, но не в маленький городок, где он был бы как на ладони, а в Москву. Он сменил профессию философа на профессию юриста — благо было второе образование — и начал с нуля. Однако жизнь выталкивала его наверх, и скоро он был уже заместителем главного арбитра в московском областном Госарбитраже. Осенью 1936-го мы переехали к нему. Не зная за собой никакой вины, отец жил в страхе. По настоянию матери, он ради безопасности семьи сжег остававшиеся у него авторские экземпляры двух его книг по философии, изданных еще в прежней, харьковской жизни. Многое из судьбы отца я узнал лишь после XX съезда». (Там же, с. 135—136.)

Делать столь удачную карьеру можно лишь: 1) при мощных рекомендациях «видных людей», 2) при вхождении в политическую группировку Сталина или оппозиции. Украина, вместе с Ленинградом, являлись главными оппозиционными центрами, где засели все враги Сталина, выдвигавшие работников исключительно по фракционному признаку. Тех, кто внушал оппозиции мало доверия, кто не прошел «испытания» на храбрость и верность, — тот беспощадно «задвигался», что удавалось довольно просто — с помощью клеветы и НКВД, а также отделов кадров, где обосновалось много тайных сторонников оппозиции.

* * *

Здесь следует сказать еще об одном человеке, фигуре очень неясной, имеющей отношение к Гамарнику. Он, этот человек, похож на чемодан с тройным дном. О нем, безусловно, следует поговорить.

Кулик Григорий Иванович (1890—1950, чл. партии с 1917) — специалист по артиллерии, активный участник всяких репрессивных мероприятий. Сражался с немцами в Первую мировую войну. Активный участник Гражданской войны. Закончил Академию им. Фрунзе (1932). Маршал Со-

ветского Союза и Герой Советского Союза (1940). Любитель выпить, хорошо пожить, большой поклонник женщин. Женат был трижды. Третья жена — Ольга Яковлевна Михайловская, подруга его собственной дочери. Он женился на ней в октябре 1940 года, когда она была в 10-м классе, и разница в возрасте у них составляла 32 года. По делам бывшего маршала последняя потом попала в лагерь и, освободившись при Хрущеве, возбуждала вопрос о его полной реабилитации. Она, конечно, интересна сама по себе: из какой семьи происходила (об этом лицемерно умалчивается!), чем занималась при своем муже? Ответов пока нет. Можно высказать лишь предположение, что она — внучка Александра Ивановича Михайловского-Данилевского (1790—1848), участника войны 1812 г., адъютанта М. Кутузова, войны с турками (1828—1829), автора популярных работ о войнах 1812—1814 гг. Если верно данное предположение, тогда становится понятным, почему не хотели ничего говорить относительно ее родословной. Приятно ли было сознаваться, что прославленной в России фамилии революция принесла страшные несчастья?! Для Кулика же брак мог казаться очень выгодным, так как

укреплял его личные связи со старым офицерством, вышедшим из рядов царской армии.

Но гораздо более интересны две предыдущие жены Кулика, и именно про них пойдет ниже речь. Первая жена (с 1921 г.) — Лидия Яковлевна Пауль, немка, дочь кулака (!) из Ростовской области. С ней он развелся, чтобы не портить карьеру, заработав тем не менее выговор от ЦКК — «за контрреволюционную связь с мироедом» (1929).

Женился вторично (1932), после двух лет «вольной» связи. И на ком? На дочери бывшего начальника царской контрразведки в Гельсингфорсе, графа (!) из обрусевших сербов, расстрелянного в 1919 г. ВЧК. Кира Ивановна Симонич — особа эффектная и со связями, хорошо знавшая прелести жизни[80]. Она создала у себя дома «салон» для больших командиров — с вином, песнями и музыкой. Брак этой Киры удивителен! Первый муж ее — крупный нэпман Ефим Абрамович Шапиро, связанный со многими иностранными разведками. Мать ее, Мария Романовна, побывавшая в ссылке вместе с дочерью (1929), вернувшись, поехала в Италию (!) ко второй замужней дочери — и не вернулась. Два брата за темные делишки побывали в тюрьме, а один из них, Сергей, бывший офицер Белой армии, угодил в лагерь. Ворошилов, шокированный всем этим, требовал нового развода, но Кулик отказался! Он, несомненно, был сильно влюблен в свою красотку жену. Дочь Кулика от первого брака, жившая с ними, о мачехе говорит:

«Кира была не просто красивая, а очень красивая. И еще в ней была та самая изюминка, которая даже некрасивую женщину делает привлекательной. Вот такое в ней неотразимое сочетание получилось: красота и обаяние. Глаза у нее с каким-то зеленоватым даже не цветом, а светом. Какой-то бесовский в них огонек. Хорошая фигура, красивые стройные ноги. Холеные руки. Нрав веселый. Умна, хитра — не простушка. Да и

воля была твердая, мужа-маршала держала в руках крепко! Мужчин как магнитом притягивала: артисты, писатели, музыканты и другие знаменитости вокруг нее постоянно кружили. Ей это нравилось. Любила быть в центре внимания. А какой красивой женщине это не нравится?»[81]

Столь удивительный отказ Ворошилову относительно жены Кулик дает будучи командиром и комиссаром стрелкового корпуса РККА! Неслыханное дело! Просто беспрецедентное! Возможно ли подобное в России?! И куда только делись обычные послушание и чинопочитание?!

Есть только одно разумное объяснение: эта дама работала в советской контрразведке, подчиняясь Ягоде и Артузову.

Жил Кулик по Большому Ржевскому переулку, устроив себе, когда высоко поднялся, роскошную квартиру, имея соседом самого Гамарника.

Подозрительные моменты, связанные с этим вторым браком, дополнились позже еще одной неаппетитной историей: муж сестры Киры, художник Храпковский, по просьбе жены Кулика получил возможность отправиться на Финский фронт — будто бы с той целью, чтобы живописать героев, штурмовавших линию Маннергейма (1939). Но там был пойман контрразведкой как вражеский лазутчик!

Дело дошло до Сталина, и по его приказу Берия велел тайно арестовать жену Кулика. История с арестом и последующим исчезновением жены Кулика выглядит крайне подозрительной. Об этом говорит уже одна маленькая реплика. Бывший заместитель начальника 1-го отдела по охране НКВД Гульст В.Н. через много лет, уже на процессе Берии, показал:

«В 1940 году меня вызвал к себе Берия. Когда я явился к нему, он задал мне вопрос: знаю ли я жену Кулика? На мой утвердительный ответ Берия заявил:

«Кишки выну, кожу сдеру, язык отрежу, если кому-то скажешь то, о чем услышишь!» Затем Берия сказал: «Надо украсть (!) жену Кулика, в помощь даю Церетели и Влодзимирского (сотрудники НКВД. — *В.Л.),* но надо украсть так, чтобы она была одна». Каково?! И это при «тиране» Сталине!

Две недели четыре чекиста сидели в засаде, а близкий соратник Берии Меркулов В.Н., руководивший операцией, каждую ночь приезжал лично проверить засаду и ругался, так как жена Кулика две недели не выходила из дома, несомненно предупрежденная мужем о возможном аресте.

Через две недели, однако, она не выдержала, вышла из дома, была схвачена и доставлена на Лубянку для допросов (5 мая 1940 г.). Следует отметить, что ордера на арест жены Кулика не было. Берия лично допрашивал арестованную, а Меркулов вел запись протоколов. Никаких показаний о своей шпионской деятельности арестованная не дала, и Берия распорядился отправить ее «для вразумления» в секретную Сухановскую тюрьму. Через какое-то время арестованная дала все-таки показания, и Берия лично завербовал ее в качестве секретного агента,

хотя, согласно установленным порядкам, запрещалось вербовать секретных сотрудников среди высшей номенклатуры и членов их семей.

Дальнейшая судьба Киры Ивановны Симонич находится под большим вопросом. Согласно поздним показаниям, по высочайшему приказу Кулик-Симонич была доставлена из Сухановской тюрьмы на Лубянку и там тайно расстреляна. Поразительно то, что протоколы допросов ее были сразу уничтожены и никаких бумаг с ее фамилией в архивах НКВД не осталось. Исключение составила одна бумажка «О всесоюзном розыске» без вести пропавшей жены маршала. Что за страшные и уникальные тайны связаны со второй женой маршала, что она и ныне засекречена как личность?!

Высказывалось, правда, предположение, что будто бы Сталин сам находился с ней в интимных отношениях и устранил ее для того, чтобы это дело не разгласилось. Предположения подобного рода, конечно, выглядят крайне сомнительно и смехотворно. Красивых женщин, связь с которыми приписывают Сталину, было немало, но никого из них он почему-то к смертной казни не приговаривал. Почему же для Киры Симонич сделали столь «странное» исключение?! Тут явно что-то не то!

Столь замечательные качества, которыми она обладала по части ума, привлекательности и умению воздействовать на мужчин (да еще при том, что она из семьи одного из начальников царской контрразведки!), делало ее незаменимым агентом высшей квалификации в сфере советской разведки на Западе, особенно в кругах белогвардейцев. Так что можно высказать предположение весьма основательное: все данные о ее смерти являются насквозь фальшивыми; на самом деле, сменив фамилию, имя и отчество, она работала в Германии и во Франции как минимум по личным заданиям Берии, отчитываясь только перед ним.

Относительно того, как она кончила свою жизнь на деле, возможны разные варианты: можно было погибнуть в качестве «английской» или «французской» шпионки (случайно ли Берию обвиняли в том, что он был «тайным английским агентом»); а можно было при удаче и умной тактике избежать судьбы генерала Судоплатова, отсидевшего в лагерях много лет, и кончить жизнь почетным пенсионером своего ведомства. Судьба этой женщины, столь необычная, безусловно нуждается в специальной научной разработке и выпуске особого сборника документов, без которого все «воспоминания» не внушают большого доверия.

Видимо, для спасения подмоченной репутации в разных одиозных историях Кулика отправили в Испанию. Пробыв там короткое время, в мае 1937 г. он вернулся домой человеком неузнаваемым: по воспоминаниям разных лиц, человеком самоуверенным и жестоким.

В «деле Тухачевского» он, естественно, выступал против него и его соратников. О своих отношениях с Гамарником, своим соседом по дому, на заседании Военного совета при наркоме обороны (1—4. 06. 1937) сказал:

56

«Кулик. Я к Гамарнику никогда не ходил. Вот тогда, когда вызывали Говорухина, так они хотели представить дело. Я выпил вино и пригласил женщину, так они хотели меня скомпрометировать. *(Смех.)* Не в том смысле. Они говорили, что я бездарный человек. Ну что там какой-то унтеришка, фейерверк. Уборевич так меня и называл «фейерверком». А вождь украинский Якир никогда руки не подавал. Когда Белов проводил в прошлом году учения осенью, как они избегались все, чтобы скомпрометировать это учение.

Я ошибся в Горбачеве, он играл провокаторскую роль в военном отношении, бездарный Корк — вообще дурак в военном деле.

Голос с места. Положим, он не дурак.

Кулик. Нет, Корк в военном деле безграмотный человек. Техники не знает.

Буденный. Он только вопросы умел задавать.

Кулик. Начальник штаба Московского округа Степанков — сволочь, первая сволочь — Гамарник»[82].

Несколько позже, в своей автобиографии от 5 января 1939 г. Кулик многозначительно писал:

«В 1937 году за особые заслуги по выполнению задания правительства награжден орденом Ленина». (Военно-исторический журнал, 1990, № 3, с. 20.)

Что имел он в виду? Военную командировку в Испанию? Но почему не сказал прямо? Ведь автобиография писалась для отдела кадров Наркомата обороны, не для газеты. Тут нечего было бояться «разглашения».

Совсем другое дело, если Кулик участвовал в тайной операции против оппозиции, принимая на себя вид «обиженного Сталиным», готовый оппозиции помочь.

В этом случае разглашение секретной операции (даже в «кадрах» Наркомата обороны!) было вовсе нежелательно. Скорее всего, он имел в виду именно это «деликатное» дело.

Сторонников Тухачевского пересажали, в том числе начальника Артиллерийского управления РККА Н.А. Ефимова, Кулика назначили на его место (1939), а комиссаром к нему — опытного, знающего организатора Г.К. Савченко (начальник стрелкового отдела ГАУ). Сталин требовал от нового главы ГАУ и заместителя наркома обороны (1939) резкого улучшения работы. Кулик отговаривался нехваткой кадров. И в этом ведомстве долго еще происходила острая групповая и тайно-фракционная борьба.

Проявив незаурядную ловкость, Кулик благополучно миновал все опасности 1937—1939 годов, которые для многих оказались роковыми.

Больше того, «кривая судьбы» вскоре высоко вознесла его, и он (через три дня после ареста второй жены!) занял вакантное место Маршала Советского Союза (1940), а за «отвагу и геройство», за прекрас-

57

ную работу артиллерии в период советско-финской войны получил звание Героя Советского Союза. Этому не помешало даже то, что он прежде был членом партии эсеров (1913—1917), а к большевикам примкнул всего за три дня до

начала Великой Октябрьской революции в Петрограде! Можно было радоваться, даже ликовать: блестящая карьера!

Но вот грянула давно ожидаемая — и все таки разразившаяся неожиданно! — большая война, и в ней репутация Кулика почти погибла

И дело было не в том, что Кулик являлся человеком глупым, не умел командовать, как положено. Причины поражений более сложные: тактическая внезапность нападения; потеря огромного количества военных складов, а также танков и самолетов на аэродромах; страшное замешательство в округах и потеря управления войсками; истребление, бегство и сдача в плен целых дивизий; поражение целых армий. Все это создало такую ситуацию, что те, кому поручалось «исправить положение», чувствовали себя «отправленными на заклание».

И одновременно с получением ужасных известий о поражениях — потеря доверия к командующим со стороны солдат и офицеров и, как следствие, развал дисциплины, неполучение вовремя резервов, нового оружия и боеприпасов, — все это приводило к тому, что командующие «теряли голову», принимали ошибочные и даже трусливые решения, приводившие к новым катастрофам.

Так случилось и с Куликом. Он трижды провалился в качестве командующего: сначала на Западном фронте, где не сумел заменить Павлова, угодил в окружение и едва выбрался из него, сменив маршальский мундир на одежду крестьянина (!); затем под Ленинградом, когда ему не удалось прорвать неприятельскую блокаду города; наконец, командуя 54-й армией, когда он должен был организовать оборону Керчи, — последняя вместе с Ростовом («ворота на Кавказ») оказалась взята врагом.

Разъяренный Сталин сорвал с него погоны маршала, разжаловал в генерал-майоры и лишил положения члена ЦК партии.

В апреле—сентябре 1943 г. Кулик получил возможность себя реабилитировать, командуя армией. И снова себя «не показал». После этого его отозвали в Москву на должность заместителя начальника Главного управления формирования РККА.

В самом конце войны (1945) разразилась новая катастрофа. Генералы И.Е. Петров и Г.Ф. Захаров обвинили его в том, что он восхвалял офицерский корпус царской армии, плохо занимался политическим воспитанием офицеров и неправильно расставлял кадры. А его начальник И.В. Смородинов в официальной докладной Сталину сообщил о его «барахольстве» и «моральной нечистоплотности» (тянул, как и многие другие, «добычу» из Германии).

Сталин вновь разжаловал его в генерал-майоры из генерал-лейтенантов и направил заместителем командующего Приволжским воен-

ным округом (командующий — Герой Советского Союза генерал-полковник В.Н. Гордов). Это был, конечно, «сигнал». Ведь Тухачевского арестовали именно в данном округе.

1946 г. превратился в «малую чистку» командного состава, сильно разложившегося в период войны и оккупации советской зоны Германии. Против Кулика накопилось много «материала» (включая его злобные разговоры о Сталине с разными лицами).

Даже один фрагмент из таких его высказываний, дошедший до нашего времени (ибо показания Кулика в НКВД до сих пор не опубликованы), ясно говорит, что у него резко нарастало не просто личное озлобление, но в первую очередь оппозиционные настроения в духе «правых». Вот пример из разговора Кулика со своим заместителем по политической части Г.К. Савченко, 1938 г. (под таким высказыванием мог вполне подписаться Н.И. Бухарин):

«— Мне кажется, что мы куда-то не туда едем. Слишком много людей по тюрьмам рассовали. Не с кем будет воевать, если придется. Что-то с советской властью не то происходит. Не за то мы воевали.

— Что же делать?

— Обстановка сложная. С протестом не больно вылезешь. Вон Тухачевский и Уборевич вылезли. Где они сейчас?»[83]

Одна цитата ярко обозначила образ мыслей, который, почти с полной неизбежностью, должен был привести на позиции Тухачевского, с таким же точно финалом.

11 января 1947 г. НКВД арестовало Кулика. К. Ворошилов, С. Буденный, С. Тимошенко и некоторые другие, в меру возможного, старались спасти своего друга. Вероятно, то же самое пытался сделать и маршал Жуков, которому тот обеспечил возвышение и карьеру. По указанным причинам расследование очень затянулось.

И все-таки неблагоприятный финал наступил. Кулик был признан виновным во многих преступлениях и организации заговора, лишен орденов, чина и звания Героя Советского Союза.

В августе 1950 г. по приговору суда его расстреляли (при Хрущеве в 1956 г., разумеется, без всяких доказательств, он реабилитирован и восстановлен в партии; ему посмертно было возвращено звание Маршала Советского Союза).

Так закончил свой жизненный путь этот противник Гамарника и Тухачевского, кавалер четырех орденов Красного Знамени и четырех орденов Ленина (один — «за испанские дела»), пять раз раненный и два раза контуженный в Гражданскую войну, бывший важным свидетелем против военных заговорщиков[84], имевший также личный подарок Сталина к дню рождения (ноябрь 1939 г., 49 лет) — книгу Золя «Разгром» с именной надписью; «Другу моему давнишнему. И. Сталин»[85].

Наверное, «на том свете» покойные маршал и начальник Политуправления РККА с радостью воскликнули: «Так и надо ему, подлецу! Будет знать, как предавать своих!»

59

Разумеется, Кулик с такой оценкой не согласился бы. После первого суда (февраль 1942 г.), отрицая все обвинения, он писал Сталину:

«Если я вредитель и веду какую подпольную работу, то меня нужно немедленно расстрелять. Если же нет, то строго наказать клеветников, вскрыть, кто они и чего они хотят. Пусть они знают, что никакая травля на меня не повлияет, я был, есть и умру большевиком»[86].

Так писал он о себе и своих убеждениях. Неясные вопросы предстоит еще выяснить.

*** * ***

Многое внушает подозрения и ныне. Ликвидировать их не удалось никому из тех, кто писал о Кулике[87]. Положение современных историков, бесспорно, много хуже, чем следователей НКВД, занимавшихся данным делом: ведь последние имели все материалы относительно личности и дел маршала, могли опрашивать многих свидетелей. В считанные дни, иногда и часы, они могли получить любые нужные сведения из архива и Наркомата обороны. Легко ли опровергнуть их, без обычных для карьеристов подлогов?

Как же нам решить возникающие загадки? Возможно ли? Что вполне ясно нам? И что было ясно им?

Несомненно главное: Кулик люто ненавидел Сталина — за расстрел жены, по его мнению, ни в чем не виновной. Не верил он и в виновность ее репрессированных близких, о чем Сталину прямо сказал.

Считая себя кровно оскорбленным, Кулик жаждал мести. Как человек действия, он хотел попытаться с генсеком сквитаться. Каким образом? Допросы людей, близких к Кулику, дали возможность следователям, при всех увиливаниях и умолчаниях, составить достаточно точную картину и восстановить программу нового переворота. Эта программа тайной агитации и мятежа, существовавшая уже в 1938 г., включала следующие пункты:

— Сталин и его приспешники устраняются со всех постов. Их судьбу решит специальный суд, обязанный воздать за чудовищные злодеяния.

— В армии Ворошилов уходит со своего поста из-за преклонных лет и неспособности, его функции исполнять будет Кулик.

— Советская власть и партия сохраняются, но получают новое руководство — из «борцов» тайной оппозиции.

— Россия будет единой и неделимой — ради ее силы, по-государственному устройству — республикой.

— Судьба правительства определяется всеобщими честными выборами.

— Допускается существование лишь республиканских и социалистических партий: меньшевиков, эсеров, кадетов, трудовиков.

— Партия, стоящая у власти, не может диктовать обществу свою волю. Главная цель — благосостояние и счастье людей сегодня, а не в мифическом «коммунизме», через сто или пятьсот лет.

60

— Троцкий возвращается из изгнания, реабилитируется и занимает пост президента или главы правительства.

— Сосланные, сидящие в тюрьмах и лагерях, немедленно возвращаются, получают работу по заслугам и способностям.

— В интересах государства частная собственность восстанавливается.

— Торговля станет в основном частной, как и прежде, в силу высокой эффективности. Сословию торговцев возвращаются имущество и права, они получают компенсацию за перенесенные страдания.

— Восстанавливается старая и эффективная сбытовая кооперация, при которой все прилавки в России ломились от избытка товаров.

— Главные лозунги новой России: Советская власть, Бог и частная собственность, никаких насилий над народом, народной верой и традиционной культурой.

— Избегать опасных военных авантюр, требующих огромных затрат и не приносящих пользы. Но армию снабжать всем необходимым для обороны страны.

— Другие народы пусть сами добывают себе «социализм», если хотят. Россия в таких авантюрах не принимает участия, она занимается лишь собственными делами.

— Западные державы, на основе взаимной выгоды, будут получать лишь экономические привилегии.

— Иностранная помощь принимается, все средства идут на развитие производства, частью — на улучшение жизни рядовых граждан (домостроение, товары народного потребления и пр.).

— Неэффективные совхозы и колхозы распускаются, земля, скот, инвентарь, зерно, постройки всех видов возвращаются владельцам, если они хотят выйти из совхозов и колхозов. Прекращается практика повседневного грабежа земледельцев под видом всевозможных налогов.

— Индустриализация вводится в пределы разумного, она не должна подрывать сельское хозяйство, транспорт и уровень жизни народа. Не должно существовать незавершенного строительства.

— Пятилетние планы нужны только реальные, а не дутые и хвастливые. Запад все равно не обманешь, там слишком много опытных людей, знающих на практике, как работает экономика.

— Правительственные чиновники, начиная с главы правительства, свободой и карманом отвечают за реальность планов.

— Воровство и расхищение общественного имущества должно энергично преследоваться, иначе порядка не навести. Служба общественного порядка (= НКВД) обязана заниматься именно этим, а не выискиванием «белогвардейских заговоров».

— Белая эмиграция —ради установления общественного согласия — может вернуться, получив постепенно компенсацию за потерянное имущество и государственную службу, согласно знаниям и способностям. Никаким политическим ограничениям подвергаться она не будет. Прошлые дела подлежат полной амнистии.

61

— Церкви возвращается ее положение в обществе. Храмы всюду вновь открываются. Ей возвращается утварь, необходимая для молений. Но церковные земли, согласно заповедям Христа, возвращаться не будут. Церковь должна сама себя реформировать, стать простой, доступной. Тогда она вернет себе уважение масс и сможет учить детей.

— Рабочие получат реальные улучшения условий труда. Цены на продукты понизятся, когда на новой основе заработает сельское хозяйство.

— Станет поощряться рабочая инициатива и создание ремесленных мастерских для скорейшего удовлетворения повседневных нужд трудящихся.

— Будет поощряться акционирование при создании новых предприятий и реорганизации старых. Прибыли, за исключением той части, что идет на развитие производства, станут открыто делиться — согласно денежному вкладу и трудовым заслугам.

— Будет прекращена свирепая цензура. Интеллигенция сможет открыто выражать свое мнение, даже не совпадающее с мнением правительства.

— Газеты и журналы станут действительно свободными. Они будут сами определять свою политику — в интересах укрепления общества и его единства.

— Смутьянов, навязывающих «классовую борьбу», следует преследовать. Гражданская война не дала народу ничего, кроме голода, эпидемий, страшной нищеты и развала производства.

Такова была тайная программа оппозиции на новом этапе, с известной недоговоренностью и демагогией, рассчитанная на максимальное привлечение широкого круга сторонников из различных слоев общества, в том числе белогвардейцев на Западе и остатков буржуазных элементов в СССР.

Разумеется, Сталин такую программу, буржуазно-демократическую по существу, не мог опубликовать. Она заставила бы вспомнить о пропагандистских листовках генерала Власова, перебежавшего к немцам, а с последним имелось слишком много неприятных хлопот. И был слишком велик риск того, что многие к такой программе Маршала, если она будет опубликована, пожелают присоединиться.

Всех новых привлеченных в организацию Кулика тщательно проверяли. Они работали по особым тайным заданиям. По соображениям безопасности организация строилась многоступенчатой. При провале одной «пятерки» надо было пройти еще много уровней, чтобы подойти к самой вершине, на которой находились высшие руководители.

Кто руководил новой секретной организацией, окончательно оформленной уже в 1939 г. после заключения пакта о ненападении между СССР и Германией?

Ведь последним были недовольны очень многие: в стране, партии и армии («Подумать только: Гитлер, этот враг коммунизма и СССР, — теперь друг и союзник!»).
62

Относительно лидерства едва ли могут возникнуть сомнения. Главой являлся старший по званию, авторитетный в силу этого для многих — Маршал СССР Кулик, бывший начальником артиллерии в Первой конной армии, имевший в ее рядах огромные связи, что очень упрощало его задачу и избавляло от каких-либо недоразумений.

А сколько всего имелось высших руководителей заговора? С полной уверенностью можно сказать: только трое. Иначе просто не могло быть: многоначалие в заговоре — дело губительное, что доказала история Тухачевского. Практически в заговоре больше трех высших руководителей и не нужно. Достаточно вспомнить для примера заговор Наполеона против Республики, в результате которого он скоро стал императором.

Кто же являлся «правой и левой рукой» Кулика? И теоретически, и практически ясно: ими могли быть только люди, близко связанные с маршалом совместной работой, прошедшие, как и он, Гражданскую войну, имевшие большой авторитет, что облегчало их контакты. Эта тройка военных диктаторов и определяла все.

Берия, как глава НКВД, и его сотрудники на основе тайной слежки и работы секретных сотрудников считали, что двумя другими высшими руководителями являлись:

1. Савченко Георгий Косьмич — зам. Кулика по политчасти в Главном артиллерийском управлении (ГАУ)[88].

2. Аллилуев Павел Сергеевич — комиссар Автобронетанкового управления. После его скоропостижной смерти был заменен Павловым Дмитрием Григорьевичем (1897—1941, чл. партии с 1919), с июня 1940 г. ставшим командующим Белорусским военным округом.

Организация заговора со стороны Кулика кажется вовсе не такой уж удивительной и невозможной, его отрицания на следствии не вызывают доверия. В чем главная причина?

Надо еще раз повторить: он люто ненавидел Сталина и Берию. По его мнению, они погубили его любимую жену, совершенно ни в чем не виноватую, как и ее родственников, которым он всегда сочувствовал и помогал. Обвинения жены в тайной связи с разведкой фашистской Италии и Муссолини он (как и она) категорически отрицал, а Берию, пока мог, называл наглым клеветником.

Глава НКВД страшно трусил этого зама Ворошилова[89], а затем и Тимошенко. Он считал его человеком самоуверенным, надменным, коварным, жестоким и напористым, понаторевшим в интриганской борьбе. Берия знал о его принадлежности к Первой конной армии, о круге его друзей, о прежней дружбе со Сталиным. А вдруг настроение усатого поменяется?!

Такая мысль преследовала и ужасала Берию в течение многих лет. И, вынуждаемый необходимостью, он не остановился перед самой крайней мерой. Вдобавок к другим любовницам из молодых и симпатичных сотрудниц своего ведомства, которых он старался «подсунуть» маршалу, нарком дал секретное задание собственной жене — затащить Кулика в постель и любой ценой выжать из него все секретные планы.
63

Нина Теймуразовна (в кремлевской кругах ее презрительно звали «Нинка-подстилка», ибо она не раз выполняла такие щекотливые поручения; как говорила доверительная кремлевская молва, она попеременно делила ложе со Сталиным и

Берией) не стала отказываться. Умная женщина, с большим опытом, она хорошо понимала опасность ситуации. А о своих отношениях с мужем, «разоблаченным» уже при Н. Хрущеве, вполне искренне говорила:

«До дня его ареста я была ему предана, относилась к его общественному и государственному положению с большим уважением и верила слепо, что он преданный, опытный и нужный для Советского государства человек (никогда никакого основания и повода думать противное он мне не давал ни одним словом)».

«Операция» вполне удалась. Кулик имел репутацию «женолюба», ни в чем не уступая Тухачевскому, этому «маршалу-танцору». «Соблазнить» Кулика известной красавице оказалось тем легче, что последний отчаянно нуждался в «своих» людях в НКВД. И когда Нина Теймуразовна, среди любовных удовольствий и страшных клятв в «верности», сказала ему, что Берия и сам люто ненавидит Сталина с его самовластием и преступлениями и предлагает маршалу свою помощь для освобождения России от тирании, то Кулик легко попался в ловушку. Он стал высказываться очень неосторожно и выдал себя с головой. Все его разговоры оказались записанными на магнитофонную ленту и стали неопровержимым доказательством его преступных мыслей и дел[90]. Поэтому финал оказался неизбежен: 11 января 1947 г. последовал арест, взяты были также его сподвижники — генерал-полковник В.Н. Гордов (1896—1951, чл. партии с 1918) и генерал-лейтенант Ф.Т. Рыбальченко, начальник штаба Приволжского военного округа.

Последовало тщательное и длительное следствие. Арестованные пытались всячески вывернуться и уменьшить свою вину. Бывший маршал оправдывался так:

«Я был озлоблен против Советского правительства и партии, чего не мог пережить как большевик, и это меня привело на скамью подсудимых. Я допускал антисоветские высказывания, в чем каюсь, но прошу меня понять, что врагом Советской власти я не был и Родину не предавал. Все время честно работал. Я каюсь и прошу суд поверить, что я в душе не враг, я случайно попал в это болото, которое меня затянуло, и я не мог выбраться из него. Я оказался политически близоруким и не сообщил своевременно о действиях Гордова и Рыбальченко».

Естественно, ему не поверили, так как изобличающий материал оказался очень тяжелым. Оказалось невозможным оправдаться от обвинений в том, что он:

1. Группировался с враждебными элементами;

2. Хотел уничтожить в армии институт политических работников;

3. С помощью интриганства и групповщины старался «протолкнуть» на важнейшие должности в военном ведомстве близких к себе людей;

4. Злобно нападал на политику Советской власти;

5. Являлся сторонником реставрации капитализма в стране;

6. Покрывал свою жену, связанную с итальянской фашистской разведкой.

24 августа 1950 г. последовал приговор, после которого он был немедленно расстрелян. Гордова расстреляли позже — 12 декабря 1951 г., а с ним и Рыбальченко[91].

В заключение остается привести несколько показаний, свидетельствующих об образе мыслей Кулика.

О предложении Председателя Госплана Н.А. Вознесенского, высказанном перед войной (размер приусадебного участка колхозника определять количеством трудодней):

«Я возражал, потому что цель этого проекта — вообще лишить колхозника земли, чтоб на общем поле от зари до зари вкалывал. Куда клонил Вознесенский?

Будто земли у нас, как в Иерусалиме, в обрез. А ее у нас — бери, не хочу. Сама просится в руки. Все боимся, как бы кому в карман лишняя копейка не попала. Сколько земли, а все нормируют, нормируют. Проклятый Госплан».

Начало 1941 г.:

«Единственно реальная сила, — говорил Кулик, — которая может нам помочь изменить существующее положение в стране, это война с Германией. Эта война неизбежна, и к ней надо готовиться с таким расчетом, чтобы обеспечить поражение Красной Армии в первых же боях». (Из показаний Г.К. Савченко.)

Начало 1944 г., когда советские войска потерпели поражение под Оршей и Витебском, а группа немецких армий «Центр» (командующий — немецкий фельдмаршал Эрнст Буш, 1885—1945) оказалась торжествующим победителем. Из разговора с порученцем полковником И.Г. Паэгли:

«У нашего Верховного командования одно на уме: «Только вперед!» Техники с гулькин нос, боеприпасы не подвезены, но в Москве рот на одной ноте увяз: «В атаку, вперед!» У нас, бывает, пехоту сначала всю положат, а затем наступление начинается».

Уже после войны: «Война идет за счет крестьян, колхозы после войны не восстановят, так как все хозяйство колхозов разрушено. Видимо, мне придется построить себе домик и жить до старости, ничего не делая».

В свою очередь Гордов говорил:

«При царе пахали сохой и лошадью, а при Советской власти пашут на людях». Или: «Сталин обеспечивает только себя, а нас не обеспечивает».

Этого вполне достаточно для понимания того, что произошло. Таковы-то они, судьбы людские! Так-то одни заговоры, даже неудачные, порождают другие!

ГЛАВА 6. МОГ ЛИ «ДУШКА» ТУХАЧЕВСКИЙ РЕШИТЬСЯ НА АНТИСОВЕТСКИЙ ПЕРЕВОРОТ?

Притча о 30 сребрениках никогда не умрет из-за людского несовершенства, рожденного честолюбивой корыстью.

Юлиан Семенов[92]

Мы переживаем «интересное» время: на глазах происходит бурная ломка старых исторических и политических представлений, делаются упорные попытки ниспровергнуть старую «идеологию» и насадить новую — воровскую, вполне буржуазную.

Как и в 60-е годы, имя Тухачевского снова в центре всеобщего внимания. И вновь сплетаются вокруг его имени сотни лестных небылиц. Вновь определенные силы стремятся создать обстановку бума, изобразить его «гениальным стратегом», непогрешимым и мудрым во всех действиях, образцом гражданина, солдата и полководца, создателем и руководителем лучшей армии Республики в период Гражданской войны, самым крупным военным теоретиком, лучшим другом Орджоникидзе и Куйбышева, любимцем партии и народа.

Вновь выпущенный рекламный буклет «Михаил Николаевич Тухачевский. Фотографии, документы, воспоминания современников» (М., 1989. Автор-составитель В.Г. Коршунов) является самой наглядной иллюстрацией. Чтобы сразу подавить у читателей всякую способность к критическому мышлению, прежде всего пускают в ход эпиграфы, взяв их у «самых-самых» авторитетных лиц. На первом месте стоит, разумеется, великий «бард» Хрущева Е. Евтушенко, этот официальный координатор усилий многих в деле реабилитации Бухарина,

проводившейся, как всем известно, трусливо и закулисно. Данные стишки Евтушенко гласят:

Сейчас ваше время, памятники, время мрамора честного. Ото всего оболганного навек отлипает грязь, и скрипка когда-то раздавленная маршала Тухачевского срастается по кусочкам, мраморной становясь!

Вот так: не больше, не меньше! А затем уже следует (как водится, без указания, откуда взята!) цитата маршала Г. Жукова, тексты которого сейчас без всякого стыда подделываются — в духе остервенелого антисоветизма. Маршал идет, понятно, за Евтушенко: поскольку умом и авторитетом четырежды Герой Советского Союза, крупнейший из всех советских военачальников, указанному «барду», видно, уступает!

66

Венчает буклет высказывание двух сестер Тухачевского: «М.Н. Тухачевский был интеллигентом в самом лучшем смысле этого слова, то есть человеком больших знаний, нерушимых принципов, всесторонней культуры. Человеком, не прожившим впустую ни одного дня!»

Вся эта реклама имеет очень мало значения! Особенно когда она исходит от людей корыстно заинтересованных! Всякому должно быть понятно, что гораздо приятнее и выгоднее быть родственником несправедливо пострадавшего крупного военачальника, входившего в государственную элиту, чем предателя и шпиона! Кроме того, разговор о «нерушимых принципах» (?!) Тухачевского выглядит просто смешным в свете того, что уже известно и на настоящий момент! А что же будет дальше?

Действительное значение имеют лишь сборники документов и всякого рода стенографические отчеты. Только они (а не так называемые «воспоминания»!) создают надежный фундамент при исследовании и позволяют избегать постыдных ошибок! Только они дают возможность изобличать корыстолюбивых мошенников и лицемеров, сборище политических пройдох — «перестройщиков», число которых, к нашей беде, очень велико!

Вспомним для примера, как они во главе со своим лидером, старым троцкистом Н. Хрущевым, нагло навязывали стране и партии свою преступную программу «построения коммунизма» в 1980 г.! Вспомним, как банда преступников и политических двурушников коварно обманула весь народ, всю партию, все коммунистическое движение (исключение — Албания и Китай)!

И вот теперь опять требуют «доверия» к последышам этих гнусных людей, которые могут «реабилитировать» Тухачевского и его друзей только трусливо и закулисно, а не в открытом судебном процессе, только с помощью всяких махинаций! Заслуживают ли они доверия?! Заслуживают ли доверия их выводы?!

Конечно нет!

* * *

> Поскольку протесты, как известно, диктаторам не помеха, властное слово может быть сказано только силой оружия.
>
> *Ганс Гизевиус*[93]

Так можно ли считать Тухачевского вполне чистым от обвинения в заговоре и прочих делах, связанных с ним?

Ответ труден, так как множество материалов до сих пор утаивается (а ведь вышли уже все сроки давности!)[94]. Тем не менее на настоящий момент все заставляет склониться к мнению, что заговор был[95].

67

Само трусливое замалчивание документов говорит в пользу Сталина, а не Тухачевского!

Пока можно сделать одно общее, но чрезвычайно интересное замечание, которое говорит о том, что ничего невозможного и в переменах характера, и самой политики для людей из верхов нет. Еще в 1922 г. Н. Мейер, служивший в 1918 г. в Наркомате юстиции, рядом с первым наркомом Д.И. Курским, а потом эмигрировавший, высказал замечательную и глубоко реалистическую мысль в своих воспоминаниях:

«Работа высших, ответственных деятелей большевизма размалывает, уничтожает людей. Они будто линяют и утрачивают индивидуальные выпуклости своего внутреннего человека»[96].

Это подмечено в высшей степени точно. Подобного рода «обтесывание» характеров наблюдалось во всех сферах государственной и военной жизни. И Тухачевский вовсе не составлял какого-то исключения, поступаться своими амбициями приходилось, естественно, не раз.

Необходимо и еще кое-что напомнить. В «свободном мире», как и в нашей стране, многие достаточно информированные люди (разведчики, дипломаты, журналисты), находившиеся в гуще событий 30-х годов, тоже считали, что заговор был. Одни признавали это прямо, другие с некоторыми оговорками. Например, буржуазная газета «Эко де Пари» («Эхо Парижа») в статье «Что же происходит в России?» (30. 08. 1937) своим читателям сообщала:

«История его (Тухачевского. — *В.Л.)* измены — потому что это был изменник — может быть сейчас раскрыта».

«Измена Тухачевского неопровержима, но по каким причинам он изменил? Можно допустить, что это было сделано не ради денег, а из-за чистого германофильства. Потому что, несмотря на то что он во время войны содержался в немецкой крепости, Тухачевский был поклонником германской армии, как, впрочем, и некоторые офицеры русского штаба. Если вскоре будут произведены аресты русских офицеров, то это должно быть приписано их германофильству.

В России много заговоров, и Сталин не успевает даже наказывать».

«Возникновение заговора относится к февралю 1933 г., немного позже прихода Гитлера к власти. В это время Тухачевский вместе со Сталиным и Ворошиловым намечали войну против Германии. Он надеялся на помощь почти всех европейских государств и международного капитала. Однако в последний момент Сталин и Ворошилов отступили перед неизбежным риском».

«Смелые планы Тухачевского не были больше выполнимы. Надо было оставить мысль о войне с рейхом. Кроме того, на восточной границе России вырос могущественный враг — Япония. Боролись две клики генералов: одни хотели направить военные усилия к Германии, другие — особенно Блюхер — к Японии. Это соперничество объясняет большую часть враждебности Блюхера к Тухачевскому». (Чего хотел Тухачевский. // Военно-исторический журнал. 1990, № 8, с. 61—62.)

Были, разумеется, и более благожелательные оценки. Но внутренне очень противоречивые. Так, журнал «О-З-Экут» в своей статье утверждал (19. 06. 1937): «Маршал Тухачевский не был — те, кто его знал, в этом не сомневаются — ни шпионом, ни предателем». Однако тут же журнал преподносит материал против собственного тезиса: «Скорее сторонник русско-германского сближения, он принял франко-советский договор (2 мая 1935 г., о взаимопомощи. — *В.Л.),* но, однако, думал о континентальном соглашении (т.е. с Германией. — *В.Л.),* направленном против Англии. Он, может быть, думал о том, чтобы взять власть. Во всяком случае, Сталин его ненавидел. Это был советник, которого он больше всего боялся».

«Успех Тухачевского в Париже (начало 1936 г. — *В.Л.)* явился последним ударом. Маршал был в апогее своей известности. После нового пребывания в Лондоне (в апреле 1937 г. предполагалась поездка на коронационные торжества. — *В.Л.)* он мог стать совершенно могущественным. Сталин это хорошо почувствовал. В согласии с Ворошиловым, Буденным и Егоровым он запретил отъезд Тухачевского. С тех пор смерть молодого маршала была предрешена. Говорили, что Тухачевский будто бы хотел воспользоваться отъездом в Лондон для того, чтобы бежать. Это глупость. Он мог также бежать и из России. Но он надеялся до конца, что в случае опалы часть армии станет на его сторону».

Что же за всеми зарубежными данными стоит? Одни только выдумки и слухи? Нет, конечно! Зарубежные корреспонденты (не говоря уже о разведке!) тщательно собирали в СССР сведения по всем интересовавшим их вопросам. Информаторов имелось много: прежде всего ответственные служащие из бывших буржуазных слоев, личные связи в редакциях газет, журналов, издательств. Наконец, западные корреспонденты регулярно обращались за информацией в официальные инстанции: к Сталину, Молотову, Ворошилову. Все данные, документы и намеки тщательно взвешивались, проверялись, анализировались, увязывались с тем, что было известно прежде.

А знали западные корреспонденты немало! Они считали, что к началу 1936 г. Тухачевский потерял всякую осторожность:

«В начале 1936 г. Тухачевский, как советский военный представитель, ездил в Лондон на похороны короля Георга V. Незадолго до отъезда он получил желанное звание Маршала Советского Союза. Он был убежден, что близок час, когда советский строй будет низвергнут и «новая Россия в союзе с Германией и Японией ринется в бой за мировое господство».

Но по дороге в Лондон Тухачевский ненадолго останавливался в Варшаве и Берлине, где он беседовал с польскими «полковниками» и немецкими генералами. Он был так уверен в успехе, что почти не скрывал своего преклонения перед немецкими милитаристами.

В Париже, на официальном обеде в советском посольстве, устроенном после его возвращения из Лондона, Тухачевский изумил европейс-

ких дипломатов открытыми нападками на советское правительство, добивавшееся организации коллективной безопасности совместно с западными демократическими державами. Сидя за столом рядом с румынским министром иностранных дел Николаем Титулеску, он говорил:

— Напрасно, господин министр, вы связываете свою карьеру и судьбу своей страны с судьбами таких старых, конченных государств, как Великобритания и Франция. Мы должны ориентироваться на новую Германию. Германии, по крайней мере в течение некоторого времени, будет принадлежать гегемония на европейском континенте. Я уверен, что Гитлер означает спасение для нас всех.

Слова Тухачевского были записаны румынским дипломатом, заведующим отделом печати румынского посольства в Париже Э. Шакананом Эссезом, который также присутствовал на банкете в советском посольстве. А бывшая в числе гостей известная французская журналистка Женевьева Табуи, выросшая в католической и националистически настроенной семье и находившаяся в родстве с двумя знаменитыми дипломатами братьями Камбонами (ее дядья), писала потом в своей книге «Меня называют Кассандрой»: «В последний раз я видела Тухачевского на следующий день после похорон короля Георга. На обеде в советском посольстве русский маршал много разговаривал с Политисом, Титулеску, Эррио и Бонкуром Он только что побывал в Германии и рассыпался в пламенных

похвалах нацистам. Сидя справа от меня и говоря о воздушном пакте между великими державами и Гитлером, он не переставая повторял:

— Они уже непобедимы, мадам Табуи!

Почему он говорил с такой уверенностью? Не потому ли, что ему вскружил голову сердечный прием, оказанный ему немецкими дипломатами, которым нетрудно было сговориться с этим представителем старой русской школы? Так или иначе, в этот вечер не я одна была встревожена его откровенным энтузиазмом. Один из гостей, крупный дипломат, проворчал мне на ухо, когда мы покидали посольство: «Надеюсь, что не все русские думают так». (Тайная война против Советской России, с. 330—331.)

Это свидетельство, конечно, важно. И очень интересно то, что все сторонники Тухачевского всегда трусливо его обходят! Делают вид, будто его не существует! Едва ли такая позиция говорит в их пользу!

Следует привести еще одно интересное свидетельство. Герман Геринг, 2-е лицо в Германии, на секретном совещании с промышленниками в конце 1936 г. сказал им:

«Битва, к которой мы приближаемся, требует огромных промышленных мощностей. Единственной альтернативой является победа или гибель. Мы живем в такое время, когда решающая битва близка. Мы находимся на пороге мобилизации, и мы уже в состоянии войны. Единственное, чего недостает, так только стрельбы». (И.Д. Овсяный. Тайна, в которой война рождалась. М., 1971, с. 133.)

Совершенно ясно, что так говорить мог лишь тот, кто был в курсе тайных замыслов Тухачевского, составной частью которых являлась немецкая военная интервенция — для поддержки заговорщиков и военного переворота в Москве. Именно поэтому Геринг и говорит очень прозрачно:

«Мы находимся на пороге мобилизации, и мы уже в состоянии войны».

Чрезвычайно любопытно отметить еще следующее. К маю 1937 г. в Германии — под эгидой Геббельса — была выпущена антисоветская пропагандистская картина — «Враг № 1», поносящая марксизм и большевизм, говорящая о близкой расплате за еврейские преступления, совершенные в России, о том, что русская армия защитит свой народ[97].

Поднятая в печати свистопляска и вполне определенная закулисная деятельность властей (увеличение числа лагерей, ускоренное формирование частей СС, подготовка «Красного Креста» и «Гитлерюгенда») не прекращались до конца 1937 г. А в ноябре 1937 г. Геббельс дал указание не выносить в печать на обсуждение приготовления, идущие в НСДАП и «Гитлерюгенде».

Что же, и это «совпадение» — случайность?! Но почему фильм появляется как раз перед предполагаемым выступлением Тухачевского?! Это самая настоящая психологическая подготовка народа к вполне определенным событиям!

Вывод из сказанного абсолютно однозначен! Если такой вывод отрицать, то что могли означать на деле слова Тухачевского, обращенные к министру иностранных дел Титулеску, с которым он оказался рядом, конечно, не случайно? Чего он добивался? Чтобы понять это, надо хотя бы в двух словах коснуться советско-румынских отношений той поры, обстановки в Польше и Германии и дать характеристику самого Титулеску, игравшего в ту эпоху очень значительную роль. Мадам Табуи вспоминает о нем так:

«Беспорядочный в своих манерах, но с холодным разумом, сбивчивый в словах, но методичный в действии, с суждениями зачастую парадоксальными, но всегда основанными на знании документов и всестороннем знакомстве с

международным правом, Титулеску всегда сбивал своего собеседника с его позиции! «Этот министр маленькой страны делает большую политику», — постоянно говорит Эррио, добавляя: «Какой удивительный человек! В области внешней политики он пустился в путь на утлом челне, который он, однако, ведет как линкор, что же касается внутренней политики, то он сидит верхом на прогнившей доске, которой он, в конце концов, придаст твердость скалы. Какой удивительный человек».

В полдень на всех этажах Кэ де'Орсэ слышится оглушительный голос Титулеску:

— Если Франция отказывается от своей священной миссии защитницы малых держав, мы обойдемся без нее. Боги еще не настолько за-

71

были нас, чтобы мы не смогли найти более лояльных и более смелых друзей! И даже если бы мы остались одни, — мы не склонились бы перед решением вашего Клуба мира! Что же касается меня, то моей миссией является откровенно предупредить вас, что пересмотр договоров будет означать войну, за которой последует большевизация Европы!

Леже и Бонкур, когда им удается вставить слово, пытаются объяснить Титулеску французскую тактику.

Но ничто не убеждает проницательного румына, который наносит визиты всем французским политическим деятелям, чтобы выразить им свой гневный протест:

— Однако диктаторские режимы начинают производить сильное впечатление на парламентские круги Бурбонского дворца! Кое-кто подвержен соблазну ждать от Гитлера и Муссолини больших благ»[98].

Но буржуазные политики вовсе не были склонны рассматривать всерьез резкие слова и угрозы Гитлера. Как они смотрели на него, об этом говорят некоторые высказывания. Например, лорд А. Киркпатрик, советник английского посольства в Берлине, рассуждал так (1936 г.):

«Многие политические деятели посетили Германию в предвоенные годы и совершили ту же ошибку, хотя и в различной степени. Они рассматривали Гитлера как политического деятеля, принадлежащего к той же школе, что и они, может быть, более возбудимого и опасного, но родственного им. Все они считали, что удастся заставить его прислушаться к голосу разума, и что если дела зашли в их нынешний злосчастный тупик, то это в значительной мере в результате того, что с ним плохо обращались. Все они искали случая, чтобы доказать ему, что Германия может осуществить свои законные притязания, не прибегая к силе»[99].

Показательно и второе высказывание, принадлежащее лорду Лотиану, в прошлом редактору влиятельного журнала и личному секретарю Ллойд Джорджа, члену палаты лордов, заместителю государственного министра по делам Индии (1935):

«Не является секретом, что Гитлер, который и сейчас испытывает сомнения относительно России, глубоко озабочен в отношении России завтрашнего дня. Он рассматривает коммунизм прежде всего как воинствующую религию, представители которой контролируют 150 млн. человек, огромную территорию и неограниченные природные ресурсы. Россия искренне хочет мира на всех фронтах и будет стремиться к этому еще много лет. Но что представит собой Россия, когда будет организованной, сильной и снаряженной?

Попытается ли она повторить триумфы ислама? И будет ли Германия тогда рассматриваться как потенциальный враг Европы и как ее передовое укрепление, как угроза, или же как защитник новых наций в Восточной Европе?

Кто мог бы ответить сегодня на эти вопросы?»[100]

ГЛАВА 7. «ДЬЯВОЛЬСКИ ХИТРЫЙ» ГЕЙДРИХ, «ПРОСТОВАТЫЙ» СТАЛИН, «НЕПОНЯТНЫЙ» БОРМАН, А ТАКЖЕ ГЕНРИХ МЮЛЛЕР, ВИЛЛИ ЛЕМАН И ДРУГИЕ...

Видать сову и по перьям.
Пословица

«Как-то в зарубежной печати промелькнуло довольно любопытное сообщение, будто бы Гитлер, готовя нападение на нашу страну, через свою разведку подбросил сфабрикованный документ о том, что товарищи Якир, Тухачевский и другие являются агентами немецкого Генерального штаба. Этот «документ», якобы секретный, попал к президенту Чехословакии Бенешу, и тот, в свою очередь, руководствуясь, видимо, добрыми намерениями, переслал его Сталину. Якир, Тухачевский и другие товарищи были арестованы, а вслед за тем и уничтожены» (Н. С. Хрущев).

Итак, «как-то в зарубежной печати промелькнуло». Это считается вполне достаточным в качестве доказательства! И старый мошенник и троцкист, пробравшийся на виднейшие государственные и партийные посты с помощью интриг и чудовищной лжи, не стесняется в удобный момент с трибуны XXII съезда КПСС поднести народу и партии эту непристойную сказку.

Продажные «историки» тут же дружным хором превращают эту «версию» (никем не доказанную!) в непреложный исторический факт. Но имелись ли для нее достаточные и разумные основания? Даже у буржуазных историков басня о «дьявольски хитром» Гейдрихе и «простоватом» Сталине вызывает большие сомнения. Совершенно справедливо немецкий военный историк Пауль Корелл в своей статье «Почему немцы не могли взять Москву?» с явной насмешкой замечает: «Хотя, как Председатель Совета Министров Советского Союза и Первый секретарь ЦК КПСС, Хрущев имел в своем распоряжении все архивы и документы, он не привел никаких доказательств в поддержку своего заявления.

Несомненно, у него были веские причины не разглашать слишком много секретов». (От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. М., 1988, с. 124—125; Также: Коррел П. Заговор против Тухачевского. — «За рубежом». 1988, № 22.)

Еще бы! Уж в этом-то можно не сомневаться! Ведь иначе проще и вернее было бы опубликовать собственные документы, относящиеся к данному делу, а не излагать заграничные предположения и гипотезы, которые где-то там «промелькнули»!

Откуда же вообще взялась эта версия, известная на Западе (не всем, естественно!) уже в 1937 г.? Есть у нее документальные подтверждения?

Собственно документов в настоящее время известно очень мало. Эта слабая документированность заставляет с недоверием относиться ко всем разговорам о «реабилитации». Круг известных документов в настоящее время таков: дипломатическая переписка (шифрованные телеграммы советских послов из Берлина, Праги, Парижа, Лондона и т.д.[101], телеграмма чешского посланника в Берлине Мастного о готовящемся военном перевороте в России, телеграммы и донесения немецкого посла в Москве Шуленбурга, доклады немецкого военного атташе генерала Кестринга, телеграмма генерал-полковника Штюльпнагеля из военного министерства министерству иностранных дел Германии, — все немецкие источники отрицали наличие заговора в военной среде СССР), записка наркома

НКВД Н. Ежова Сталину о пожаре в немецком военном архиве, приказы наркома обороны СССР, телеграмма заведующего корпунктом «Правды» в Берлине А. Климова редактору своей газеты Мехлису о ходящих в немецкой столице слухах, отдельные высказывания Сталина, Молотова, Ворошилова, Ежова, Тухачевского и его товарищей по процессу.

Очень, конечно, показательно, что главный документ — стенограмма процесса (основанная якобы на фальсификации!) до сих пор не опубликована! Но как же можно тогда убедиться, что стенограмма — подлог? Полагаться на утверждения людей сомнительной честности никто не обязан!

Поскольку с документами дело плохо, остается на первое место выдвигать «воспоминания»! О, эти «воспоминания»! Какой такой «беспристрастностью», какой «правдивостью» они отличаются, всем хорошо известно! Достаточно почитать воспоминания самого Хрущева.

Воспоминания четко делятся на две группы. Одна исходит от высокопоставленных руководителей стран антифашистской коалиции, стоявших в стороне от «великой операции» Гейдриха и судивших о ней по рассказам работников собственной разведки и доверенных лиц (таковы мемуары бывшего чешского президента Бенеша и лидера английских консерваторов, бывшего премьера Англии У. Черчилля). Другая группа мемуаров исходит от лиц, входивших в ведомство Гейдриха и прямо связанных, по их словам, с проведением операции против Тухачевского. Оставить такие воспоминания успели двое: Вальтер Шелленберг (1910— 1952), группенфюрер СС, глава иностранной разведки СД (его книга так и называется «Мемуары», 1955) и Вильгельм Хеттль (псевдоним Вальтер Хаген, 1915—?), штурмбаннфюрер СС, большой специалист по изготовлению фальшивых денег (его книга «Операция Бернгард», 1955)[102].

Штурмбаннфюрер СС Хеттль играл позже роль правой руки зловещего Кальтенбруннера. Последний, будучи адвокатом, заменил Гейдриха после его убийства и показал себя таким же кровавым палачом, правда, очень трусливым. Всю войну, прямо с утра, Кальтенбруннер зверски пил, так как ему мерещилась петля на собственной шее. (С 1943 г.

он установил вместе с Шелленбергом тайные связи с англо-американской разведкой.) И, действительно, петли по суду не избежал! Кому суждено быть повешенным, тот не утонет.

В 1937 г. Хеттлю исполнилось всего 22 года. И работал он учителем, преподавал литературу и историю (может быть, это не столь уж удивительно, если знать, что Гиммлер имел диплом агронома и год отработал на фирме искусственных удобрений!). Одновременно тайно выполнял исследовательские задания одного из институтов СС. В 1938 г. перешел туда на кадровую работу, стал доктором философии. Во время войны занимался вместе с Крюгером изготовлением фальшивых денег (фунтов стерлингов), а после войны — американских долларов; ограблением музеев побежденных стран и частных домов (фарфор, гобелены, серебряные столовые приборы и пр.), подрывной работой в австрийском движении сопротивления и налаживанием тайных связей с американской разведкой. В конце войны производил транспортировку в безопасные места документов и сокровищ «Черного ордена» (СС). После окончания войны бежал на Ближний Восток, затем завербовался в американскую разведку. В 1950 г. выпустил книгу «Тайный фронт», а в 1955 г. — «Операция Бернгард» (о производстве фальшивых денег в фашистской Германии). Обладая значительными средствами, вернулся на ниву школьного воспитания. Стал владельцем гимназии и преподавал историю. Постоянно покупал землю и дома.

Содержал школьный интернат, подобие эсэсовской кадетской школы, где господствовала нацистская идеология, соответствующее физическое воспитание, где праздновались день рождения Гитлера, день «пивного путча» и день прихода нацистов к власти. (Мадер Ю. Сокровища «Черного ордена». М., 1965.)

Из сказанного вполне ясно, что сами воспоминания не могут не содержать множества искажений: одни — в силу недостаточного знания предмета, другие — из личной выгоды. На этот счет сомнений нет, кажется, ни у кого. Вот характерное мнение, принадлежащее генерал-майору в отставке К. Шпальке (1891—1966), бывшему в 1931—1937 гг. начальником отдела «Иностранные войска Востока» в Генштабе, а после этого военным атташе в Румынии (1941—1944): «Ни господин Гейдрих, ни СС, ни какой бы то ни было партийный орган не были, по-моему, в состоянии вызвать или только запланировать подобный переворот — падение Тухачевского и его окружения. Не хватало элементарных предпосылок, а именно знания организации Красной Армии и ее ведущих личностей. Немногие сообщения, которые пересылались к нам через Абвер-III партийными инстанциями на предмет проверки и исходившие от якобы заслуживающих доверия знатоков, отправлялись нами почти без исключения обратно с пометкой «абсолютный бред»! Из этих сообщений было видно, что у партийных инстанций не было контактов с подразделениями Красной Армии либо связанными с ней органами. При подобном недостатке знаний недопустимо верить в то, что господин Гейдрих или другие партийные инстанции смогли-де привести в движе-

75

ние такую акцию, как аферу Тухачевского. Для этого они подключили якобы еще и государственных деятелей третьей державы — Чехословакии. И напоследок немыслимое: о подготовке, проведении и в конечном результате успешном окончании столь грандиозной операции не узнал никто из непосвященных! Другими словами: вся история Тухачевский—Гейдрих уж больно кажется мне списанной из грошового детектива, историей, сконструированной после событий на похвалу Гейдриху и СС, с пользой и поклонением Гитлеру». (Источники истории о Михаиле Тухачевском. // Гутен Таг. 1988, № 10, с. 36—37.)

Так думал о «грандиозной операции» Гейдриха очень осведомленный человек, который сам работал в конкурирующей организации (отсюда явное чувство неприязни, не исчезнувшее даже в 1963 г., когда статья автором была опубликована!) — в немецкой военной разведке того времени.

Правда, в его рассуждениях есть свои недостатки, и они сразу бросаются в глаза:

1. Необходимые данные по организации Красной Армии и ее командному составу Гейдрих мог собрать быстро. При его возможностях, создававшихся положением, это не составляло большого труда, а энергии и честолюбия ему было не занимать. Квалифицированные консультации он мог получать от русских белогвардейцев (их имелось достаточно в Германии, Чехословакии, Франции). Часть белогвардейцев уже давно находилась на службе у нацистов, выполняя тайно их поручения (князь Авалов и др.).

2. С руководством Красной Армии «партийные инстанции» нацистской партии (Гитлер, Гесс и др.), конечно, не могли иметь прямой связи: такие контакты исключались в силу непримиримой враждебности идеологий. Но почему не могли устанавливаться тайные контакты через зарубежного посредника оппозиционными элементами, враждебными Сталину (и в армии, и за ее пределами)? Ведь известное изречение гласит: «Враг моего врага — мне друг»!

3. А почему нельзя было найти подход к государственным деятелям Чехословакии? Чехословакия — маленькая страна, с сильным немецким

влиянием, со значительным в то время немецким меньшинством. Гитлер имел здесь свою агентуру уже давно, на всех общественных уровнях.

4. Если весть о подготовке Гейдрихом секретной операции против верховного руководства Красной Армии не достигла ушей руководства военной разведки рейхсвера, то это говорит вовсе не о том, что такая операция не готовилась, а потом не проводилась! Просто секретность операции находилась на очень высоком уровне! А вызывалась эта секретность двумя обстоятельствами: во-первых, сама военная разведка подозревалась в измене фюреру (так позже и оказалось!), а во-вторых, страшная «резня», произошедшая в советском военном руководстве, внушила Гитлеру и Гейдриху большие надежды на проведение в ближайшем будущем аналогичных успешных операций.

76

Как смотрел Шпальке, крупный работник немецкой разведки, на личность Тухачевского? Он оценивал его фигуру с двух точек зрения: 1) по качествам характера и карьере, 2) по отношению к Германии и ее противникам. По первому пункту его суждение таково: «Честно признаюсь, что личность Тухачевского, несмотря на необычайно быструю карьеру в Красной Армии (или скорее всего именно из-за этого), с самого начала казалась подозрительной. Будучи молодым офицером (старшим лейтенантом или капитаном), он служил в царском гвардейском полку, после революции одним из первых офицеров, я бы не сказал, что открыл в себе революционные убеждения, а только тогда открыто заявил о них, когда подобное поведение ничем не грозило. (И было даже выгодно. — *В.Л.)* Он перешел на сторону Красной Армии и сделал для бывшего гвардейского офицера фантастический взлет на высший командный пост в Красной Армии, сделавшись вторым по рангу после наркома обороны Ворошилова. Эта скорая карьера допускает предположение, что он помимо прочих талантов принес с собой и чрезвычайную способность подстраиваться, позволившую ему обойти стороной неисчислимые рифы в водовороте революции, добраться до поначалу неприступного поста.

Он, разумеется, был одним из тех офицеров, для которых один упрямый полковник нашел хотя и примитивное, но меткое определение: «Высоко интеллигентен, но не без изъянов в характере». (Там же, с. 37.)

«В голове этого очень честолюбивого человека, возможно, проносились картины победоносного возвращения на родину корсиканца, а сам он верил, что ему суждена роль, подобная роли Бонапарта». (Там же, с. 38.)

Суждение Шпальке не теоретическое. Он лично встречался с Тухачевским на военных маневрах рейхсвера в 20-е годы, разговаривал с ним, слушал его беседы с другими, беседовал о нем с другими коллегами. Немецким генералам Тухачевский нравился: своими специальными познаниями, светскими манерами. Но офицеры более низкого ранга оценивали его более сдержанно. Многолетний сотрудник Шпальке, которого тот очень ценил, полковник Мирчински, отозвался о Тухачевском отрицательно. Он характеризовал его «как чрезвычайно тщеславного и высокомерного позера, человека, на которого ни в коем случае нельзя было положиться». (Там же, с. 38.)

Относительно второго пункта, подойдя к делу с патриотических позиций (несмотря на господство Гитлера!), Шпальке, естественно, не хочет опасной войны Германии с Россией. В этом смысле он сторонник «русской партии» среди военных, вместе со своим шефом по разведке генералом Штюльпнагелем, казненным Гитлером в 1944 г. за участие в заговоре и покушении на него. Поэтому перемена отношения Тухачевского в вопросе о прежнем союзе вызывает у него открыто враждебное отношение. «Тухачевский, — пишет он, —

превратился в рупор тех офицеров, которые больше ничего и слышать не желали о прежнем много-
77
летнем сотрудничестве с германской армией». (Там же, с. 38.) «Поездка в Лондон, а еще больше остановка в Париже задала нам в Т-3 (Ведомство военной разведки. — *В.Л.)* загадку. Советский Союз представляет на коронации (в Лондоне) маршал, потом этот Тухачевский, знакомый нам своими недружественными речами, едет еще и в Париж! Короче говоря, ничего хорошего за этим мы не видели. Мы в первую очередь опасались, что наши все еще более или менее хорошие отношения с Красной Армией совершенно нарушатся. Тухачевский в Лондоне и Париже — сигнал, дававший пищу для размышлений». (Там же, с. 38.) И еще в одном месте он вполне определенно высказывается на этот счет: «У Тухачевского, с его аристократической польской кровью, можно было предполагать гораздо больше симпатий к Парижу, нежели Берлину, да и всем своим типом он больше соответствовал идеалу элегантного и остроумного офицера французского Генштаба, чем солидного германского генштабиста. Он пошел на дистанцию к Германии, был за войну с Германией на стороне западных держав». (Там же, с. 38.)

Относительно причин гибели Тухачевского Шпальке был вполне согласен с мнением Кестринга, немецкого военного атташе в Москве, тоже являвшегося членом «русской партии» в немецком рейхсвере. (В 1937 г. Кестринг даже выступил с официальным протестом перед Наркоматом обороны по поводу слухов, связывавших его имя, как «фашистского генерала», с тайными переговорами Тухачевского и его заговором, чего на деле не было, так как он всегда лояльно относился к советской стороне, что не составляло ни для кого секрета.) Писал Шпальке так: «Кестринг усматривал в устранении Тухачевского конец внутриполитической борьбы за власть, во время которой Сталин ликвидировал своих действительных или мнимых противников. Мы присоединились к этой хотя и примитивной, но по сути, видимо, правильной оценке, ибо в отношениях с нами — и особенно с Кестрингом — со стороны русских никаких изменений не замечалось». (Там же, с. 37.)[103]

Здесь надо еще раз подчеркнуть, что вопрос о подлинных политических и военных симпатиях Тухачевского остается открытым. Официальные поездки Тухачевского в Лондон и Париж, составляющие якобы «загадку», являлись поручением, следовательно, он проводил там официальную (а не личную!) точку зрения. Поэтому официальные речи о его личных взглядах ничего не говорят!

Теперь следует еще раз посмотреть на фигуры тех, кто возглавлял в сфере разведки антирусскую партию и направлял тайную деятельность против СССР. Главенствовали двое. Из них первый имел твердую и тайную ориентацию на Англию, а второй — на любое указание Гитлера. Люди эти — Канарис и Гейдрих.

Противники считали Фридриха Вильгельма Канариса (1887—1945) инициатором самых подлых преступлений гитлеровского режима, друзья — вдохновителем антифашистского движения в Германии, человеком, погибшим смертью героя и патриота. Находятся и такие люди,
78
которые называют Канариса предателем, обвиняют его в том, что он несет прямую ответственность за поражение Германии в минувшей войне.

О Канарисе написано много всяких былей и небылиц. О нем говорили, как о самом загадочном и таинственном человеке в Германии в промежутке между двумя мировыми войнами. Передавали, что он был одним из любовников Мата Хари, адмиралом, который никогда не надевал военную форму, хотя почти всю

свою сознательную жизнь провел на службе в немецком военно-морском флоте. О Канарисе писали и как о большом гуманисте, и как о коварном интригане[104].

Канарис сменил капитана 1-го ранга Конрада Патцинга на посту руководителя абвера — немецкой военной разведки — совершенно неожиданно. Тогда, в январе 1935 г., Канарису было только 48 лет, но выглядел он гораздо старше, и подчиненные называли его «стариком».

Аморальность служебной деятельности и претензии на моральную чистоту, слепая вера в судьбу и верность долгу, граничащая с фанатизмом, — таков Канарис, оппортунист, сочетавший в себе необычайную решимость и полное безволие. Характер Канариса находил отражение во всем, что он делал, даже в занятии любимым парусным спортом.

Сам Канарис выглядел сугубо гражданским человеком. Вероятно, по этой причине он с отвращением относился к тем из окружавших его офицеров-подчиненных, которые любили «щелкать каблуками» или хвастались своей выправкой. Канарис предпочитал одеваться в гражданское платье и окружал себя людьми, в которых трудно было узнать военных.

Кабинет адмирала на верхнем этаже здания абвера подчиненные называли «лисьей норой». Это название вполне соответствовало главной черте характера их шефа — скрытности и хитрости.

У Канариса никогда не было ни друзей, ни приближенных, которым он полностью доверял бы. Людей он не любил, зато к собакам страсть имел безграничную.

В 1936 г. Канарис с подложным паспортом отправился в Испанию, чтобы помочь заговорщикам в подготовке мятежа. Республиканской полиции удалось каким-то образом узнать о приезде Канариса, и все его телефонные разговоры, особенно с Берлином, подслушивались.

На посту подслушивания часто слышали, как Канарис справлялся о больной собачке. Полиция считала, что это умный код. А шифровальщики всеми силами старались разгадать тайну. Однако этого им сделать не удалось по весьма простой причине: Канарис действительно интересовался здоровьем своего пуделя.

Канарис являлся олицетворением самых мрачных сторон секретной службы. Он был политическим деятелем, и уже по одному этому не мог не нарушать главного правила в работе секретной службы, используя добытую его агентурой информацию в проводимых секретной службой операциях. Канарис пришел в абвер убежденным нацистом, потом

разочаровался в Гитлере и закончил свою карьеру как один из участников заговора против нацистского фюрера. О Канарисе сейчас часто пишут, что он был одним из руководителей антифашистского движения, но его деятельность вряд ли можно признать активной. Он сквозь пальцы смотрел на то, как нацисты насаждают в абвере своих агентов, но не мешал действовать и антифашистам. Адмирал пытался, и не без успеха, использовать в своих целях обе группировки. Принимая во внимание опыт Первой мировой войны, хитрый адмирал решил сделать ставку на США. И с 1938 г. установил тайную связь с военным атташе США в Берлине Трумэном-Смитом. Через него доверенные лица адмирала переправляли американскому президенту самые секретные документы (речи Гитлера, планы военных операций, данные по вооружениям, немецкой обороне на франко-бельгийском побережье и т.п.).

Нацисты повесили Канариса на специально сооруженной виселице с петлей из фортепьянной струны[105].

Юлиан Семенов, рисуя образ Штирлица, кое-что позаимствовал из биографий деятелей абвера — штандартенфюреров (полковников) Германа Гискеса и Йозефа

Шрайдера, которые, как и Штирлиц, занимались организацией «радиоигры», вылавливали вражеских разведчиков и участников Сопротивления. Более близким прототипом может оказаться ас немецкой разведки Франц Эккарт фон Бентивенви.

Но больше всего реальных черт, как считают те, кто изучал данный вопрос, вошло в образ Штирлица от Вилли Лемана, известного под кличкой Брайтенбах («Широкий ручей»), подчиненного Шелленбергу и назначенного им начальником отдела 4-Е, занимавшегося контрразведкой, «разработкой» советского посольства, борьбой с «коммунистическим шпионажем» и обеспечением безопасности военной промышленности Германии. С 1937 г. Леман, представитель видного банкирского дома в Германии (принадлежал к роду банкира Беренда Лемана из города Хальберштадта, который помог курфюрсту Саксонии Августу Сильному (1670—1733) добыть корону Польши)[106], был членом СС. Он, являясь по взглядам «левым», тайным агентом КПГ, оказал большие услуги советской разведке: передавал тексты телеграмм гестапо, технические подробности о ракетах, материалы о новейших образцах военной техники, первые информации о секретной работе молодого инженера Вернера фон Брауна и т.д. Он работал очень ловко и, в отличие от Штирлица, сумел даже получить, в составе четырех сотрудников, чрезвычайно редкую награду — портрет фюрера с личной подписью и сопроводительную грамоту от Гиммлера. Было бы интересно узнать: за что он удостоился такой великой награды?

Собранные им материалы в огромном количестве переправлялись в Брюссель или Париж, а оттуда в Москву.

Жизнь и деятельность этого замечательного человека и выдающегося разведчика (более крупного, чем Зорге!) представляет громадный интерес. Он входил в число разведчиков, работавших лично на Сталина

и по его заданиям. Не потому ли основные факты его деятельности и сама личность оказались оглашены лишь в 1997 г.?!

Вилли Леман (1884—1942) родился в округе Лейпцига, бывшего славянского поселка Липицы, позже — замечательного центра немецкой культуры (имел университет с 1409 г.). Этот крупный промышленный и торговый город являлся также центром деятельности левого крыла немецкой социал-демократической партии (существовала с 1875 г.). Здесь издавалась очень популярная социалистическая газета «Лейпцигер фольксцейтунг» (в ней сотрудничали Роза Люксембург, Франц Меринг и другие видные социал-демократы), здесь вышел первый номер нелегальной марксистской газеты России «Искра», где после 1917 г. не раз происходили выступления немецких рабочих и солдат. И тут после 1933 г. тайно работало много антифашистских и коммунистических групп[107].

Семья Лемана, видимо, находилась в известном упадке, так как отец не поднялся выше положения учителя. Сын кончил народную школу и, полный честолюбивых надежд, желая восстановить заметное прошлое фамилии, по принятому обычаю, с 17-ти лет добровольцем пошел служить в военно-морской флот, где прослужил 12 лет, став старшиной корабельной артиллерии. Пребывание во флоте оказалось очень полезным для приобретения жизненного и политического опыта. Во время службы молодой человек побывал в составе немецкого флота у острова Цусима, где в мае 1905 г. происходило неудачное для русских морское сражение с японцами, а затем плавал и у берегов Африки, где имелись немецкие колонии (флот должен был поддерживать наземные немецкие войска). В 1913 г. он из флота ушел — в силу разочарования в морской карьере и трудностей скрывать свои «левые» взгляды (немецкий флот был строго консервативной и монархической организацией). Неизвестно, входил ли Леман

формально в организацию социал-демократов. Это возможно, хотя было связано с большим риском для служебного продвижения. Начальство и так косо смотрело на него: он отличался избыточной самостоятельностью, выучил английский и русский, а в зарубежных портах покупал для чтения иностранную печать.

Уйдя с флота, — к этому побуждала и вероятность крупных военных авантюр со стороны кайзера, а воевать не хотелось ни против Англии, ни против России! — Леман поступил в полицию — рядовым полицейским. В эту «фирму» социал-демократы посылали свою молодежь в большом количестве по вполне понятным соображениям. Заботясь о карьере, Леман закончил специальные курсы, стал старшим референтом в отделе контрразведки, вел важные расследования, распределял работу, ведал докладами, наблюдал за деятельностью иностранных военных атташе.

В 1914 г. грянула Первая мировая война — и Леману пришлось принять участие в ней на русско-немецком фронте. Обстановка и связи забросили его в отдел разведки и контрразведки, что оказалось очень полезно для будущего.
81

После завершения войны, свержения кайзера и возникновения Веймарской буржуазной республики, Леман вновь вернулся на работу в мюнхенскую полицию. Тяготы жизни он чувствовал, как и все, несмотря на «подработки» в частных детективных бюро. И «добрые старые времена» эпохи кайзера, как и другие, вспоминал сейчас со вздохом: был порядок, а в магазинах полное изобилие, по вполне разумным ценам. А сейчас, в этой «еврейской республике», хорошего что-то ничего не видно. Но что же делать? Оставалось только усердно служить!

Начальство всегда держалось о молодом полицейском самого высокого мнения: он был человек храбрый, понятливый, пунктуальный, с авторитетом среди товарищей. Уже в 1920 г. Леман исполнял обязанности дежурного по отделу контрразведки, затем начальника канцелярии. Ни одна важная операция не обходилась без него.

В 1929 г. он устанавливает связь с советской разведкой (нелегал Самсонов Н.Г., 1896—1936) через своего друга Эрнста Кура. С ним они вместе росли и учились в народной школе (Лейпциг). У обоих отцы были учителями — и это тоже связывало. Правда, дальше пути разошлись надолго: Кур поступил в реальную гимназию, а Вилли (по соображениям житейской осторожности!) сначала получил профессию столяра, а потом пошел служить на флот. Леман служил на флоте достаточно долго, а Кур поступил затем на работу в берлинскую полицию (1904), в более поздний период сблизился с молодой партией нацистов и штурмовиками, импонировавшими ему своей программой. И стал оказывать им тайно полезные полицейские услуги, что неплохо оплачивалось. Затем он, тоже тайно, вступил в партию. Но в 1929 г. произошло «ЧП»: во время служебной командировки в Польшу он в чине обер-вахмистра полиции убил арестованного еврея Вальтера Людерса, и его большие деньги «исчезли» (видимо, «ушли» в кассу партии). Родственники подняли в Берлине скандал. Куру пришлось посидеть в тюрьме, из полиции его уволили с потерей права на пенсию, но партия его не бросила. Он сумел избежать длительного заключения, хотя репутация его сильно пострадала. Он хотел стать художником, но это требовало специального обучения и денег, а денег не было. Некоторое время он работал маляром, а потом, крайне униженный своим положением, по совету одного из бывших сослуживцев, пошел в советское посольство и предложил свои услуги, которые и были приняты.

В качестве секретного агента (А-201) Брайтенбах[108] получал жалованье в 580 марок, «премиальные» к праздникам и продовольственные пакеты из

американского посольства (с продовольствием в Германии дела обстояли неважно). Это в общей сумме было вовсе не много, и выдача денег объяснялось крайне рискованной работой, которая требовала больших расходов на подкупы нужных лиц, а также на угощение своих сотрудников, на лечение (на него также выдавались особые деньги).

Нельзя сказать, что работа в гестапо давалась Леману легко. С течением времени он стал страдать от сахарного диабета (очень тяжелая

болезнь), но тем не менее не оставлял своей деятельности и упорно лечился. А чтобы не возникало вопросов, откуда у него появлялись «лишние деньги», участвовал в тотализаторе на ипподроме, о чем сотрудники знали.

В 46 лет (с 1930 г.) Леман командовал отделением, ведавшем «разработкой» советского посольства. В 1932 г. в его отделении начальство создало специальный отдел, ведавший борьбой с «коммунистическим шпионажем». Почти с полной несомненностью можно сказать, что он входил в состав той секретной группы Гейдриха, которая готовила «досье на Тухачевского». И, следовательно, в Москве, получая «красную папку», отлично знали, что она собой представляла. Но разумеется, Шелленбергу в своих воспоминаниях было об этом крайне неприятно писать, так как Леман его «страшно подвел». Поэтому он предпочел о таком своем сотруднике просто умолчать.

Уже в 30-е годы у Лемана устанавливаются связи с Г. Герингом — вторым лицом в фашистской партии — личные и через Р. Дильса (1900— 1957), начальника отдела I-A (политическая полиция Пруссии). Последний понял, что близок приход наци к власти. И поэтому стал оказывать Герингу, ставшему с 1932 г. председателем Рейхстага (нацистская партия, благодаря большой работе, превратилась в крупнейшую в Германии!), всевозможные услуги полицейского характера, давая ему «материалы» на врагов. Дильс имел огромный полицейский опыт, был очень талантлив. С 1930 г. он служил в Прусском министерстве внутренних дел, оказывал своему патрону помощь всякого рода и даже сумел жениться на его племяннице. Он пробовал удержать гестапо под эгидой Геринга, будучи первым руководителем гестапо и заместителем главы полиции Берлина. Этот Дильс был отнюдь не простым человеком: он получил образование в прекрасном Гамбургском университете. Гамбург — второй по значению город Германии, ее крупный порт, значительный промышленный центр, где имелись также судостроительные верфи и военные предприятия, всякие научные учреждения (Институт мирового хозяйства, Иберийско-американский институт и другие). Город располагал сильным рабочим классом, находившимся под социалистическим влиянием. Именно здесь вышел первый том «Капитала» Карла Маркса. В предместье Гамбурга родился Эрнст Тельман, знаменитый вождь немецких коммунистов. Рабочее движение Гамбурга оказывало влияние на всю Германию.

Тем не менее, имея прекрасную подготовку, Дильс проиграл борьбу большому интригану Гиммлеру и был изгнан со всех постов. Правда, Геринг его не оставил и помог стать правительственным президентом города Ганновера. Дильс участвовал в заговоре генералов против Гитлера (1944), был арестован, освобожден из лагеря союзниками и удачно выкрутился из всех передряг. Оставил мемуары «Перед порталом Люцифера. Между Северином и Гейдрихом» (1949). Они не опубликованы у нас, но их следует опубликовать как ценный источник.

Вот с этим Дильсом Леман всегда старался сохранять добрые отношения и в свою очередь оказывать ему необходимые услуги.

Работать в подобном ведомстве было отнюдь не просто. Ведь он находился «под присмотром» самого рейхсфюрера СС Гиммлера, его заместителя — коварного Гейдриха и помощника последнего — Шелленберга, создавшего в октябре 1939 г. отдел контрразведки, где Леман стал начальником подотдела в чине капитана. Среди работников было большое количество таких, относительно которых говорят: «Ему палец в рот не клади». Достаточно будет назвать всего двоих: Панцингера и Паннвица. Фридрих Панцингер (1903—1959) — полковник полицейской службы и заместитель Мюллера в гестапо. Он особенно прославился тем, как расследовал деятельность «Красной капеллы», нелегальной антифашистской организации, работавшей на советскую разведку. Его соратником являлся Гейнц Паннвиц (1912?—1959), гауптштурмфюрер СС, ведавший в 1942 г. спецкомиссией в Праге, расследовавшей обстоятельства убийства Гейдриха. Своей жестокостью он очень понравился Гиммлеру: по его приказу, в качестве возмездия, была уничтожена чешская деревенька Лидице. И рейхсфюрер лично прикрепил ему на грудь Железный крест и повысил в должности. Позже он отвечал за «радиоигру» в Париже, действуя против союзников и СССР. Оба они оказались в конце войны в советском плену и получили то, что заслужили за свои преступления[109].

Из этих двоих особенно интересен Панцингер (Патцингер), поскольку он занимал пост заместителя Мюллера в СС. Как складываются судьбы? Вот конкретный пример.

Панцингер вырос в обычной трудовой семье. В Первой мировой войне не сумел принять участия из-за возраста. С Мюллером встретился 16-летним юношей, когда оба начинали карьеру полицейских в Мюнхене. Затем они встречались на разных образовательных курсах, сдавая строгие экзамены. Мюллер являлся экспертом по коммунистическому движению и нацистам, которых во время службы в Баварии (они еще не пришли к власти) не любил за наглость и демагогию, непрерывные шумные эксцессы. Панцингер быстро попал под влияние Мюллера и на все смотрел его глазами. Он получил превосходную полицейскую выучку, отличался завидным трудолюбием, и Мюллер держался о нем самого наилучшего мнения. Давая ему аттестацию, глава гестапо писал так:

«Во всех областях он достиг небывалых успехов. Он является примером для всех сотрудников благодаря своей выдержке, трудолюбию, настойчивости и особому чувству ответственности. Понятие дружбы, так же как и национал-социалистское мировоззрение, является для него внутренней потребностью».

При покровительстве Мюллера карьера Панцингера складывалась очень успешно. Он последовательно занимал посты секретаря полиции, асессора в правительстве Верхней Баварии (высший чиновник), а с 1931 г.

был переведен в Берлин. Тогда же вступил в фашистскую партию, успешно шедшую к власти, в 1939 г. — в члены СС. В РСХА с 1940 по 1944 г. занимал пост руководителя группы IVA (ведал коммунистами и другими несогласными, саботажем, службой охраны). В конце 1943 г. работал в Риге начальником службы безопасности и СД. В конце мая 1944 г. срочно был возвращен в Берлин, чтобы занять место изобличенного в измене Артура Небе (1894—1945), шефа V отдела (криминальная полиция), занимавшегося всеми карательными мероприятиями. С окончанием войны попал в русский плен, получил «нормальные» 25 лет и с 1946 по 1955 г. находился в лагерях, но затем, под видом «нормализации отношений» с ФРГ, его возвратил в Германию Хрущев.

Однако вскоре был возбужден вопрос о его выдаче — за участие в массовых убийствах советских военнопленных, что грозило уже виселицей. Вопрос решили в ФРГ положительно. И Панцингер, в ужасе от предстоявшего, отравился, приняв

цианистый калий. На его совести, конечно, имелось много злодеяний и убийств, но они были порождены не столько личными склонностями, сколько характером учреждения, в котором приходилось работать. Он, понятно, как и многие, находился под влиянием обаяния личности фюрера. Адольф Эйхман (1906—1962), соратник Мюллера, большой ненавистник евреев, занимавшийся вопросом их ликвидации, свое мнение о Гитлере выразил в следующих словах:

«Сегодня о нем можно сказать что хочешь, и даже если все это не соответствует действительности, то одно остается неоспоримым: он смог, начав ефрейтором времен Первой мировой войны, подняться до фюрера 80-миллионного народа. Уже один только этот факт указывал на то, что я должен был подчиняться этому человеку, независимо от того, что он мог совершить; он был выдающейся личностью, достигшей высокого поста и окруженной народным признанием».

Такое мнение было и мнением миллионов немцев. И те, кто служил в СС, в силу особого воспитания, особенно твердо стояли на такой позиции. Отсюда становится понятным, что положение людей, сочувствующих СССР, тем более советских разведчиков, было в подобном ведомстве особенно трудным, так как приходилось все время следить не только за тем, что ты говоришь, но даже за тоном своего голоса, даже за взглядами.

В аппарате СС приходилось всегда маневрировать, используя противоречия в стане своих врагов, людей из молодежи привлекая на свою сторону, со «стариками» из полиции стараясь поддерживать добрые отношения. От большого повышения, согласно опыту, Вилли отказывался, ссылаясь на возраст и болезни, не желая опасной «интриганской войны» с карьеристски настроенной молодежью.

Леман пользовался благосклонностью многих, например, графа Генриха фон Гельдорфа (1896—1944), боевого офицера Первой мировой войны, имевшего Железный крест первого и второго класса, депутата

Рейхстага, полицей-президента Берлина с 1935 г., затем участника заговора (!) против Гитлера. Благосклонно относился к нему и Франц Брейтхаупт (1880—1960?), обергруппенфюрер СС, участник Первой мировой войны, командир полка «Берлин» (личная охрана Гитлера!), затем — глава Суда СС, ведавший внутренним расследованием дисциплинарных проступков, финансовых злоупотреблений и т.п.

В этой повседневной адской работе трудно было расслабиться даже с помощью молодой любовницы, которую Вилли имел, как и многие его сослуживцы. Эта молодая подруга, нежно его любившая, служила также источником больших волнений, так как болевшая жена страшно его ревновала к ней.

Как осуществлялась связь с Москвой? Связными Лемана выступали выдающиеся советские разведчики-нелегалы: Александр Агаянц (1900— 1938, чл. партии с 1919)[110], В.М. Зарубин (1894—1972, чл. партии с 1918), А.М. Короткое (1909—1961, чл. партии с 1939)[111], «Маруся», жена Ко-роткова.

«Чистка» кадров советской разведки и контрразведки от тайных оппозиционеров, связанная со множеством ошибок в силу подозрительности и клеветы, принесла много вреда, так как «вывела из строя» много невиновных и опытных разведчиков-нелегалов, парализовала агентурную работу, прежде всего в Германии.

В трудных условиях, при ежедневном страшном риске, Леман добился выдающихся результатов. Как ему это удалось? Его успеху способствовали выдающиеся личные качества: мощный аналитический ум, редкое хладнокровие и выдержка, блестящее знание психологии людей, контактность, умение незаметно

подчинять своему влиянию молодых людей (даже в СС!). Он обладал огромной работоспособностью и никогда не отказывался от трудных поручений своего начальства, которые умел выполнять к полному их удовольствию. Он попеременно проявлял сдержанность и разумную инициативу, умел тактично подсказывать полезные идеи. Он не боялся пролития крови и принимал активное участие в подавлении мятежа Рема. Шелленберг, Гейдрих и Гиммлер очень его ценили, считая прекрасным работником. Этот человек, с круглым добродушным лицом, ямочкой на подбородке и большой залысиной (на лице его часто появлялась улыбка), был, казалось, олицетворением немецкой лояльности и порядочности. Его ценил сам Геринг, давший ему в качестве премьер-министра Пруссии рекомендацию для работы в гестапо. К нему с уважением относился и сам Канарис, глава абвера. Обычно его звали, с учетом возраста, «Дядюшка Леман».

Здесь возникает очень интересный вопрос: а имел ли Леман личные контакты с Гитлером?

По своему положению (капитан СС) он, конечно, не мог на них рассчитывать. Но если на раннем этапе нацистской партии, не бывшей еще у власти, он лично встречался с ним в Мюнхене, где служил в полиции, то и позже возможность контактов сохранялась. Такую воз-

86

можность еще больше увеличивал характер его учреждения и работа под начальством Шелленберга, Гейдриха, Мюллера и Гиммлера. Эти руководители периодически ходили к Гитлеру на доклады, и не все они были приятны из-за провалов агентуры, ошибочных и не очень надежных сведений, получаемых из-за границы. В таком случае было весьма полезно брать с собой низового руководителя (особенно из тех, кого Гитлер знал прежде), чтобы он лично объяснил фюреру трудность положения и причины провала, принял на себя добрую порцию высочайшего гнева, стал неким громоотводом. Названные выше руководители, конечно, так тогда и делали. Но для Лемана такие визиты имели в общем мало значения, хотя, конечно, они показывали интерес и отношение фюрера к тому или иному вопросу.

Больше значения имело другое: неформальные связи с адъютантами Гитлера — людьми, которые видели фюрера в работе каждый день, кто хорошо знал, что его волнует, какие меры он принимает. К большому сожалению, нет ни одной книги, посвященной специально работе адъютантов Гитлера, описанию их фигур и жизненного пути. Вопрос же этот очень важен, так как они могли быть источниками утечки важной информации, больше того, работать тайно на английскую, американскую или советскую разведки. Ничего невозможного в том нет! И фигуры покрупнее, чем они, «завязали» в таких делах! Тем более что англофильская ориентация в нацистской партии и ее руководстве была очень сильна (Гесс — ярчайший тому пример)!

Леман, конечно, мог с соизволения высокого начальства, имевшего собственный интерес (приватное получение важной информации для наиболее правильного проведения личной линии), периодически вступать с ними в общение под тем или иным благовидным предлогом. И, надо думать, такие контакты существовали. Во-первых, ведь не случайно в ведомстве адъютантов Гитлера время от времени происходили тихие скандалы и того или иного отправляли на фронт. Хотя Гитлер, как и Наполеон, смены людей в своем окружении не любил. И тем не менее. Во-вторых, протоколы допросов Лемана в гестапо после его «провала» не дошли. Значит, содержавшаяся там информация о его неформальных связях была столь скандальна, что протоколы или сразу унич-

тожили после расстрела Лемана (1942), или они хранились в личном архиве Гиммлера и в начале 1945 г. их надежно припрятали в силу большой важности.

Кто же были эти адъютанты? Их следует перечислить: Альберт Борман (брат Мартина Бормана); Николаус фон Белов (1906—1983) — полковник, представитель ВВС[112]; Вильгельм Брюкнер (1894—1954) — обер-группенфюрер СА (генерал-майор); Фриц Видеман (1891—1970) капитан; Герхард Энгель (1906—1976) — майор, в 1945 г. уже генерал-лейтенант; Отто Гюнше — капитан, представитель СС; Гайнц Линге — тоже капитан СС (позже камердинер Гитлера в его квартире при рейхсканцелярии, очень симпатичный и обходительный молодой человек, полу-

чивший от него в награду именные часы с гравированной подписью фюрера); Броннер — капитан; Юлиус Шауб (Шуб) (1898—1968) — обер-группенфюрер СС; Юлиус Шрек (1898—1936) — штурмовик и заместитель командира «Ударного отряда Адольфа Гитлера 1923 г.», водитель Гитлера в 1936 г.; майор Иоганнмейер — от сухопутной армии; адъютанты Гитлера от ОКБ — полковник фон Фрейенд и майор Шимонски. Названный Фрейенд очень напоминает полковника Генерального штаба Весселя Фрейтага (1893—1944), начальника Второго отдела абвера (саботаж и диверсии в странах противника), главного распорядителя диверсионной дивизии «Бранденбург», участника заговора против Гитлера (1944), кончившего самоубийством. Были также главные адъютанты Гитлера от вооруженных сил: генерал Фридрих Хоссбах (1894—1980) — сторонник генерала Фрича, командующего сухопутными войсками Германии, автор ценных мемуаров; генерал Рудольф Шмундт (1896—1944), погибший от взрыва бомбы Штауфенберга при попытке переворота в июле 1944 г.; генерал Вильгельм Бургдорф (1895—1945?), личный друг Мартина Бормана.

Список весьма интересный! Чего стоит одно пребывание в этом кругу родного брата Мартина Бормана. Последний знал и так много, благодаря своему положению. А тут еще и брат — адъютант фюрера! При таком положении от старшего брата не могло укрыться ничего: для них Гитлер был «прозрачен как стекло»! Ныне биография этого брата стала тоже известной. Альберт Борман (1902—1977?) кончил школу, курсы бухгалтеров. В 1922—1931 гг. работал в банке (Веймар, Тюрингия). В 1931 г. (апрель) старший брат вызвал его в Мюнхен, и он стал работать начальником отдела в Кассе взаимопомощи НСДАП, которую тот возглавлял. Через пять месяцев (октябрь 1931 г.) перешел в центральный аппарат партии. Там работал в личной канцелярии фюрера под начальством рейхслейтера Филиппа Боулера (1899—1945), старого и влиятельного нациста (партбилет № 12!), депутата рейхстага, заместителя главного управляющего делами НСДАП М. Аманна. Возглавлял в личной канцелярии фюрера Социальное управление (считалось одним из важнейших). В 1938 г. стал депутатом рейхстага, а 3 июня 1938 г. получил назначение на должность начальника личной Адъютантуры фюрера. Со старшим братом произошло охлаждение отношений — они редко виделись. В то же время отношения с Гитлером были прекрасными. Весьма возможно, что «охлаждение» являлось мнимым — это просто тактический ход, чтобы установить «доверительные» отношения с Гиммлером и Герингом: последние были очень заинтересованы, чтобы иметь в его лице «своего человека». С 1943 г. стал личным адъютантом Гитлера по вопросам партии. После падения Берлина (1945) отправился в Латинскую Америку, где работал в нацистском движении до своей смерти.

Среди других лиц особенно интересны: Белов, Шауб, Видеман и Энгель. Все они оказались удивительными долгожителями! Для них войны и преследования нацистов после нее словно и не существовало. Они

умерли в 1983, 1968, 1970 и 1976 гг. Даже Брюкнер умер в 1954 г., через 9 лет после войны! Откуда такая благожелательность к ним западных держав? Может, это они, каждый по-своему, передавали западным разведкам секретную информацию относительно дел Гитлера?

На данный вопрос в настоящий момент нет ответа. Необходимо специальное исследование и опубликование воспоминаний или «Записок» названных лиц. Пока же следует напомнить, что в приемной Гитлера не все делали карьеру (как Энгель, например, ставший уже в 1945 г. генерал-лейтенантом!). Известны подозрительные случаи и другого рода: например, Брюкнер, адъютант в 1930—1941 гг., генерал СА, был разжалован из генералов и отправлен на фронт в чине подполковника. Дело было будто бы в «интригах» Мартина Бормана. На чем же они столкнулись — глухое молчание! Не мешало бы это прояснить, верно, тогда откроется много нового!

Следует еще раз повторить: Гитлер очень не любил менять лиц в своем окружении. И должно было случиться что-то чрезвычайное, чтобы он согласился генерала «изгнать», отправить на фронт, да еще столь чувствительно понизить в чине!

И «ссылка» Видемана консулом (сначала в США, а потом в отсталый Китай) тоже как будто говорит, что и он в чем-то «проштрафился». Если верно утверждение, что оппозиционные элементы проникали даже на посты адъютантов Гитлера (для сравнения вспомним Бажанова, секретаря Сталина, бежавшего на Запад и там выпустившего разоблачительную книгу!), то, несомненно, Леман имел кое с кем связи, прямые и через третьих лиц. Его начальники (ради собственных выгод!) таким связям вовсе не мешали: ведь от Лемана в свою очередь они узнавали много интересного и важного.

И когда вдруг грянул гром и его разоблачили (декабрь 1942), злоба высшего начальства не знала границ. Леман был немедленно арестован прямо на службе, подвергнут зверским пыткам (он никого не выдал) и, как говорили, тут же в камере расстрелян и затем сожжен. Ибо начальство не было заинтересовано, чтобы «выносить сор из избы». А жене Маргарет прислали его вещи, урну с прахом и официальное письмо «конторы». В нем лицемерно писалось, что Леман находился в служебной командировке в Польше, курил в тамбуре, с ним случился припадок, и он «выпал из двери вагона на полном ходу поезда». Жена, разумеется, не поверила, и один из подчиненных Лемана подтвердил насильственность его смерти и сказал о причине — тайной работе на советскую разведку.

Обстоятельства провала Лемана подлежат еще тщательному расследованию. За провал этого суперагента Сталина, работавшего в аппарате СС (какие секреты были ему недоступны?!), конечно, несут прямую ответственность начальник советской военной разведки П.М. Фитин (1907—1971, чл. партии с 1927)[113], его заместитель П.А. Судоплатов (1907—1996, чл. партии с 1928), а также непосредственный руководитель

(1938—1942) немецкого направления майор П.М. Журавлев (1898—1956, чл. партии с 1917), ставший позже (1945) генерал-майором.

Берия, при своем высоком положении, несомненно знал по своим каналам, что новый связной Бек (Ганс Барт), заброшенный в Германию (май 1941), попал под наблюдение немецкой контрразведки. Тем не менее ему дали по радио пароль для связи с Леманом и указали его телефон. В результате последний «провалился». Бек, захваченный врагом, пытался еще обмануть его: при работе на передатчике он передал условный сигнал, что работает «под контролем». Но странным образом «сигнал» не приняли во внимание[114].

Необходимо тщательно разобраться, почему произошел провал «суперагента» Сталина, успешно работавшего в верхушке СС, опубликовать необходимые документы, выпустить книги, посвященные специально Вилли Леману, снабдив их хорошими фотографиями. Создать о его жизни (выдающегося разведчика XX века!) правдивый сериал, который достойно отразил бы его жизнь, его сложную эпоху. Наконец, хотя бы и с большим запозданием, посмертно наградить его высшей наградой — Герой России.

Чрезвычайно интересно, что в «Энциклопедии военного искусства. Операции военной разведки» (Минск, 1997) Вилли Леман даже по имени не называется! Уж, верно, неспроста! Только совсем недавно появилась очень интересная книга Эрвина Ставинского «Наш человек в гестапо. Кто Вы, господин Штирлиц?». М., 2002. В ней сообщается много ценных вещей, но сам главный герой, как ни странно, дается не совсем верно: автор изображает его человеком туповатым, что совершенно не соответствует действительности. И, конечно, в книге не хватает еще многих других «героев»!

Следует также сказать, что биография «Бека», столь трагично связанного с Брайтенбахом, тоже заслуживает внимания. И хотя бы вкратце ее тут необходимо изложить.

Роберт Барт (1910—1945) — сын типографского рабочего, немец. Он сам начал трудовую жизнь учеником наборщика в газете коммунистов «Роте фане» («Красное знамя»), основанной еще в 1918 г. Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург в качестве ЦО «Союза Спартака». В 20 лет вступил в КПГ и работал по поручению своей партии, особенно в красных профсоюзах и редакции «Роте фане». В 1933 г. полиция арестовала его за незаконное хранение оружия. Но с помощью тайных членов партии он отделался лишь одним годом заключения. Узнал безработицу, жизнь на случайные заработки. Повторно вступил в брак со своей женой Анной, поскольку последний одно время распался из-за трудностей жизни. В браке был счастлив, жену очень любил. В 1939 г. его призвали в армию. Как радист, принимал участие в кампаниях против Польши и Франции. С 1941 г. находился на Восточном фронте. При первой возможности сдался в плен, не желая воевать против страны социализма. По поручению руководства КПГ со своим товарищем А. Хесслером («Франц»*), опыт-

ным журналистом и пропагандистом, кончил в СССР разведшколу. Затем они с заданиями были заброшены в Берлин с фальшивыми документами «солдат-отпускников». Документы оказались выполнены на основе устаревших данных, что привело к тяжелым последствиям.

Оба имели важные задания: «Францу» поручалось восстановить прерванную связь с руководителями «Красной капеллы» (Харро Шульце-Бойзен и др.), «Бек» по плану, утвержденному Берией, подготовленному Фитиным и Судоплатовым, должен был восстановить связь с Брайтенбахом в гестапо. Сразу же стали обнаруживаться всякие «неувязки». Устаревшая радиоаппаратура «Красной капеллы» (ее не удосужились заменить на новую!) в новых условиях не смогла обеспечить связь с Москвой; продовольственные карточки, выданные агентам, оказались недействительными; уровень жизни в Берлине очень снизился, привезенных денег резко не хватало; из-за высоких цен «Бек» не мог найти себе квартиру, не мог найти и нужную помощь, так как связь с организацией не удалось установить.

16 сентября попавший под слежку, «Франц» оказался схвачен гестапо, а затем пришла очередь «Бека». Радиоигра, которую гестапо пробовало проводить с помощью захваченных агентов, не удалась. Поэтому Хесслера расстреляли уже в начале 1943 г. «Бека» оставили «сидеть» на всякий случай (возможно, помогли

уцелевшие члены нелегальной антифашистской организации, сохранявшиеся еще в аппарате СС). В мае 1945 г. его освободили американцы и тут же выдали советской контрразведке «Смерш». «Бека» доставили на Лубянку и после ряда допросов расстреляли. Надо же было свалить на кого-то вину за гибель ценнейшего суперагента Сталина Брайтенбаха! Дела названных агентов надо заново и тщательно разобрать.

Да, надо в этой «неаппетитной» истории как следует разобраться! В самом деле, разве не с «чудом» мы сталкиваемся? Московские радисты разучились работать?! Как это они не могут принять надлежащего сигнала и его не могут надлежащим образом истолковать?! И это все происходит в аппарате НКВД, куда всегда брали лучших специалистов?! Или все дело на самом деле в другом: кто-то из «высших» намеренно не принял сигнал во внимание?

В этом деле все замыкается на Берии, как главном руководителе. А ему, готовившему государственный переворот и захват власти, приуроченный к началу войны, был крайне опасен суперагент Сталина в гестапо! Ибо он, имевший доступ ко многим секретным документам рейха, каждый день ведший деловые разговоры с Шелленбергом, Гейдрихом и Мюллером, мог в любой день схватить опасный «кончик нити» и отправить Сталину в Москву секретную телеграмму через своего связного — о предательстве и заговоре Берии. Следовательно, тот должен был еще до 22 июня 1941 г., до начала войны, любой ценой уничтожить его, чтобы обезопасить от провала себя. Сталин должен был на все смот-

реть глазами Берии, работать лишь с его информацией и никакой «посторонней» информации из аппарата СС, помимо Берии, не получать.

Уничтожить Лемана в 1941 г. не удалось: его информация, крайне ценная, всегда оправдывалась. Поэтому Берия взялся сначала за уничтожение его связных, легальных и нелегальных советских разведчиков в Берлине, всем предъявляя лживые обвинения в «троцкизме», «обмане руководства», «намеренной дезинформации» и даже «предательских связях в гестапо». При этом Леман изображался как коварный агент врага, работавший по личным указаниям Гейдриха и Гиммлера, потоком отправляющий в Москву правдоподобные фальшивки, специально изготовленные.

Таким образом, Берии удалось на время сильно подорвать репутацию Лемана (он же не решился отправить личное письмо Сталину с немецким надежным курьером!). В результате Берия выбил из строя много опытных разведчиков, знатоков Германии, которые прекрасно вели дело, которым Леман вполне доверял, которых очень уважал. В обстановке яростных репрессий в Москве связь с ее разведывательным центром прервалась. Ее удалось восстановить только в августе 1940 г. При этом новый связной (А. М. Короткое, 1909—1961) шел на связь с Леманом с немалой опаской: вот она, криминальная «связь с гестапо», из-за которой с 1937 г. унизительно погибли его предшественники! Увы, дела разведки чужды всяким идиллиям! И здесь процветают карьеризм, властолюбие, зависть и продажность. И еще немало других гнусных качеств, что всегда очень осложняет работу и резко повышает риск погибели.

*** * ***

История Лемана — очень, конечно, красноречивый эпизод работы советской разведки. Но история тайной борьбы становится еще интереснее, если рассказать вдобавок одну сверхпикантную, но вполне реальную историю. Она очень наглядно показывает, сколь неисчерпаем человек в своих делах и чувствах

Начинается данная история в 1925 г., когда известный Герман Геринг не имел еще необъятной туши, вызывавшей насмешки врагов. Тогда в городе Липецке на реке Воронеж, притоке реки Дона (основан в XII в. и получил название по обилию

лип в окрестностях)[115], по секретному соглашению с правительством буржуазно-демократической Германии и рейхсвером на базе Высшей школы Красных военных летчиков была создана немецкая секретная авиационная школа. Она имела название «авиаотряд Томсона». Ее оснастили самолетами «Фокер-Д13» (старые) и «Альбатрос» (новые). Немецкие летчики приезжали под видом командированных от частных фирм. С собой они везли — ввиду бедности России — буквально все, от продовольствия до оборудования. Даже обслуживающий персонал состоял из проверенных немецкой разведкой молодых немок. Обучение длилось три месяца, осваивалась новая техника,

бомбометание и т.п. Пилоты (не 180 человек, как сообщают, а 9600 человек за 8 лет — кадры немецкой авиации к началу Великой Отечественной войны) жили на территории винного завода, в административном здании.

Курсантов отбирали среди лучших летчиков Германии, брали тех, кто считался перспективным. Среди них находился и 32-летний Герман Геринг (1893-1946).

В Германии он считался героем Первой мировой войны, имел почетные награды[116], входил в число 17-ти лучших летчиков, получил золотые часы от своего императора с гравировкой «Лучшему летчику Германии от Вильгельма II». Эти часы он позже подарил (не без сожаления, наверное) русскому летчику Виктору Анисимову, победившему его в учебном бою, в знак восхищения его мастерством. Красивый жест!

Немецкие курсанты занимались с большим старанием, а в свободное время веселились, охотились за городом, ходили за покупками на местный рынок, выпивали с местной молодежью и водили с собой медведя, который тоже любил выпить. Они играли на немецких музыкальных инструментах, танцевали, искали себе подружек среди местных деревенских девушек.

Их ухаживания принимались благосклонно: все молодые, здоровые, симпатичные и сильные, всегда привозили с собой подарки из Германии. Довольно быстро они начали говорить по-русски. Все были хорошо воспитаны (что очень резко тогда бросалось в глаза, ибо Гражданская война привела к большому огрублению нравов), умели поддерживать занимательный разговор, осуждали прошлую войну с Россией и очень интересно рассказывали о довоенной жизни в Германии и ее обычаях, о своих семьях и родных городах.

Авторитет «немца» в России, человека очень трудолюбивого, непьющего, с высокой квалификацией и соответствующим уровнем жизни, в русской среде был всегда высоким. Он укреплялся еще больше по следующей причине: много немцев участвовали в Гражданской войне в России в рядах Красной Армии. Тогда-то они себя прекрасно зарекомендовали как офицеры и технические специалисты.

Поэтому возникавшие любовные связи стали быстро превращаться в браки, ибо немцы семью ценят очень высоко. Когда курсант Карл Булингер сыграл первую свадьбу с учительницей из Воронежа Асей Писаревой, на нее сбежался весь город. Их примеру последовала часть других курсантов. Но не у всех судьба сложилась так просто.

Иной жребий достался очень красивой девушке — Наде Горячевой (1908—1983?). Она была из интеллигентной дворянской семьи, что и обеспечило ей очень хорошее воспитание и начитанность (кончила гимназию). Семья, по-видимому, принадлежала к позднему дворянству, так как никто из предков ничем не прославился.

Ее отца и всю семью Гражданская война забросила в Липецк (к северу от Воронежа, к западу от Тамбова), где они осели на городской

окраине, из-за чего их никто не знал. Отец, не распространяясь о прошлом, занял административную должность смотрителя на местной железнодорожной станции. В семье поддерживался дух прошлого, так как отец любил рассказывать о старой счастливой жизни, о прошлых поездках за границу, особенно в Германию, где ему все нравилось. Немцев и немецкую культуру он высоко оценивал и считал необходимым прививать ее России, как делала Екатерина II и другие царицы. Эта склонность к Германии укреплялась наличием немецкой крови в семье по женской линии.

Происходила семья из Ставрополья — завоеванной территории на Кавказе, где центром являлся город Ставрополь («Город креста», основан в 1877 г.). Ставрополь — одна из десяти крепостей для охраны южной границы государства. Здесь проходил главный почтовый тракт, соединявший Кавказ с Центральной Россией. Город представлял собой центр управления войсками Кавказской линии и Черноморья. Население было смешанным: русские, украинцы, армяне, немцы, евреи, грузины, поляки, греки, черкесы, осетины, калмыки, ногайцы и прочие. Ставрополь — купеческий город: здесь занимались торговлей хлебом, скотом и фруктами. К 1900 г. деревенское население края составляло 81%.

Наде было 6 лет, когда началась Первая мировая война, 10 — когда она окончилась, 12 — когда завершилась Гражданская, 13 — когда начался НЭП, почти 16 — когда умер Ленин и возникло ожидание больших перемен. Она успела немного поработать на железнодорожной станции, рядом с отцом, немного в школе — с детьми и взрослыми, затем — в обслуживающем персонале Липецкой немецкой авиашколы. Тут она и познакомилась с Германом Герингом, высоким, худощавым и красивым. Его голубые глаза искрились умом, а рассказывать о прошлом — себе, других и Германии — он мог так, что впору было заслушаться. Он покорял любезностью и умел очаровывать (отец его был губернатором в Юго-Западной Африке, другом самого Бисмарка).

Взаимная склонность быстро переросла в любовную связь и частые свидания. Эта связь, как и другие, тоже могла бы кончиться браком. И даже отъездом в Германию, ибо Надя при ее воспитании была на отъезд согласна, страстно желала вырваться из серой и постылой жизни, поскольку революция, по ее мнению, ничего хорошего не дала, ЧК и евреи всевластны, предательство и доносы стали повседневностью, как и официальная ложь, где никому, даже близким подругам, верить нельзя, ни с кем нельзя откровенно говорить, кроме Германа, матери и отца.

Родители предполагаемый отъезд вполне одобряли. Они полагали, что если в Германии дочь хорошо устроится, перебраться к ней. К такому решению толкала также история с сыновьями. В годы Гражданской войны они очутились в окружении генерала и «Атамана войска Донского» П.Н. Краснова (1869—1947), вместе с ним воевали, затем бежали в Германию, установили связь с фашистами и участвовали в проведении антисоветской и пронемецкой политики Краснова. Сей «атаман» после

Великой Отечественной войны кончил свою жизнь по приговору суда на виселице (Москва), его солдаты и офицеры попали в лагеря. Оттуда их постепенно выпустил Н. Хрущев, полагая, что они станут поддерживать его власть (что и оказалось на деле).

К сожалению для родителей, все получилось не так, как они думали. Красноречивый и обаятельный Герман был уже женат (с 1923 г.) — на шведской аристократке Карин (бывшей жене шведского офицера). И с ней он не собирался

разводиться, ибо очень любил ее, а маленьким «шалостям на стороне», по немецкому обычаю, не придавал большого значения.

Да, все получилось совсем не так, как полагала семья. Ну, кто бы мог тогда подумать, что красавчик Герман, любитель девушек и выпивок, «симпатяга Гера», который одинаково нравился и мужчинам и женщинам, всего через 7 лет (!) станет вторым лицом в фашистской Германии, рейхсмаршалом, главой ВВС, министр-президентом Пруссии, организатором гестапо, которое перейдет позже к Мюллеру, руководителем всех экономических мероприятий по подготовке Германии к войне, главным лесничим Германии, «официальным наследником Гитлера» в случае его смерти и одним из главных организаторов поджога рейхстага, вслед за чем последовало запрещение компартии и аресты ее руководителей и функционеров, а затем и скандальный Лейпцигский процесс, где фашистская юстиция и сам Геринг будут обвинять компартию и болгарского коммуниста Димитрова в поджоге?!

Воистину, судьба играет человеком, а человек играет на трубе! И повинуясь звукам этой воинственной трубы, миллионы строятся в колонны и готовятся к яростной войне!

Обстоятельства, конечно, сильно изменили Германа Геринга за последние 7 лет. Он стал воплощением самоуверенности, грубого тевтонского духа, жаждавшего подчинить всех вокруг, рупором авиации, армии и флота, главным пропагандистом Гитлера вместе с Геббельсом и Розенбергом. Теперь он пылал неистовым тщеславием и честолюбием! Себя он рассматривал как более трезвого политика, чем фюрер, и думал, что надо проявить лишь терпение и выдержку. И тогда высшая власть, как созревший плод, сама упадет к нему в руки.

В большом кабинете, напротив своего стола, он повесил портрет Наполеона. Последний очень ему импонировал тем, что «из самых низов» сумел подняться до положения императора Франции. И Геринг втайне мечтал последовать его примеру и надеялся стать самым прославленным политиком Европы XX века!

Зимой 1926 г. из Германии приехала важная «комиссия» (не ясно, какого профиля) — и Герман, не закончив учебу, вдруг спешно возвращается в Германию. Он обещал возлюбленной еще вернуться. Но возвращения так и не последовало.

Что же случилось? Это до сих пор не ясно, так что можно делать лишь всевозможные предположения. Самым вероятным представляется

следующее: советская разведка пыталась Геринга, как и многих других немцев, завербовать. При этом не постеснялись его шантажировать теми сведениями, которые он выболтал в разговорах с нежной возлюбленной (секретным агентом ЧК!). Геринг от вербовки уклонился, но оказался вынужден сообщить своему начальству о допущенной «неосторожности». В результате пришлось вернуться в Германию, не закончив учебу.

В английской газете «Манчестер Гардиан» появились разоблачительные статьи («Грузы боеприпасов из России в Германию»; «Визиты офицеров в Россию» — 3 декабря 1926 г.).

Ф. Шейдеман, депутат рейхстага, бывший премьер-министр, довольный тем, что можно вставить врагам «фитиль», с трибуны гремел, как Цицерон:

«Мы желаем хороших отношений с Россией, но они должны быть честными и чистыми. Это нечестные и нечистые отношения, когда Россия проповедует мировую революцию и вооружает рейхсвер, (...) когда одновременно обмениваются братскими поцелуями и с коммунистами, и с офицерами рейхсвера. Кто это делает, подозрителен тем, что он из двоих обманывает, как минимум,

одного. (...) Мы хотим быть друзьями Москвы, но мы не хотим быть шутами Москвы. Никакого Советского Союза в обмен на германские пушки»[117].

Относительно немецкой армии он же заявил, что его партия (СДПГ) стоит «за создание вооруженной армии, но действительно демократически-республиканской» .

В результате бурной кампании правительство В. Маркса (католическая партия Центра) пало.

Советской печати оставалось только отругиваться, не заботясь о «хорошем тоне». «Правда» тогда писала:

«Совгранатная компания продолжается. Берлинские социал-Иуды прямо надрываются в мерзопакостной травле страны Советов. Нанизывают легенду за легендой, одну пошлей, отвратительней, несуразнее другой. Интриги «красного сатаны» — СССР, московские «военные тайны», «советские гранаты», «таинственные связи с рейхсвером!» «Aus-gerechnet? Granaten, Granaten, Granaten». «Отличные гранаты, гранаты советские», — вопят лизоблюды английского империализма. Для придания веса «гранатной» чепухе социал-демократическая гоп-компания пользуется вовсю методом «косвенных улик», таинственных намеков, ссылок на какие-то якобы «полупризнания» с нашей стороны, в частности со стороны нашей газеты»[118].

Особенно тесное сотрудничество с Гитлером, главой НСДАП (Геринг познакомился с ним в ноябре 1922 г.) началось с «пивного путча» (1923).

Переписка с «покинутой дамой» из Липецка у Геринга, однако, продолжалась довольно долго — до лета 1941 г. Видно, Геринг действительно ее любил. Никаких других побуждений писать ей у него не имелось. Возможно, эта любовь действительно спасла город. А может, еще и трак-

торный завод, где позже производили танки. Когда начались налеты с бомбежками, Геринг стер с лица земли многонаселенный несчастный Воронеж (оказались разрушены 97% зданий). Так погиб знаменитый русский город и крепость, защищавшая русские земли от набегов крымских и ногайских татар, в XIX в. — культурный провинциальный центр России (население в 1939 г. — 326 тыс. человек). На Липецк же тогда упала пара случайных бомб.

Надежда, сильно усовершенствовавшая за многие годы свой немецкий язык, отвечала Герингу. Но большую часть ее писем перехватывало НКВД, имевшее на нее свои виды, как вообще на всех красивых женщин, которых можно привлечь к «спецоперациям»[119].

О том, как складывалась ее жизнь дальше, почти нет сведений. Любопытно, однако, следующее обстоятельство: когда в 1933 г. НКВД Липецка подвергало свой город «зачистке», произведя аресты подозрительных любовниц немецких летчиков, не уехавших с ними, и их «друзей», Горячева осталась в стороне. А 65 человек (до 1941 г.) «сели» как «враги народа». Как такое «чудо» могло произойти?! Подумать только: некая дама переписывается со «вторым лицом» фашистской Германии и заявляет, что «ждет Геру и готова пронести в сердце любовь к нему через всю жизнь». И ему, этому лицу, — ничего плохого от очень подозрительного ведомства! Как такое возможно?! Разве не чудо?!

Объяснение может быть только одно: данная дама давно служила секретным сотрудником НКВД! В период между 1926 и 1941 гг. она (о чем, понятно, не хотят говорить!) трижды обучалась в спецшколах разведки, переходя с одной ступени на другую и выполняя спецзадания. Из жителей Липецка проследить за ее делами и передвижениями никто не мог: она вообще была склонна к уединению и жила на окраине; затем само ведомство — по соображениям осторожности — «изъяло»

всех, кто знал о ней что-то важное. Так что опасаться разоблачения со стороны не приходилось.

Она начинала свою карьеру в разведке ВЧК-НКВД, как «человек Менжинского и Ягоды». Именно в общении с ними и их сотрудниками, старыми революционерами, получала важнейшие уроки жизни и большой политики. Сначала работала по внутренней линии, «разрабатывая» белогвардейские организации и отдельных лиц, потом, после накопления опыта, исполняла задания за границей (Польша, Австрия, Чехословакия, Германия, Франция, Швейцария).

В Германии она восстановила отношения со своими братьями, офицерами генерала Краснова, и через них вышла на многих видных белогвардейцев, державшихся германофильского направления. Во Франции она поддерживала отношение с руководством РОВСа и генералом Скоблиным, тайным агентом ЧК.

Но самым главным ее достижением являлось восстановление отношений с Герингом, обретение множества знакомых в министерстве авиации и помощь в «проталкивании своих немцев» на ответственные посты.

97

Геринг, несмотря на свой брак, был к ней очень привязан и часто откровенно говорил об очень важных делах, о которых другим не следовало бы знать.

В основном она работала по ведомству авиации, имея большую подготовку, ибо последовательно побывала и в разведке Генерального штаба, а к 1937—1938 гг. добралась до личной разведки Сталина и работала с генералом Лавровым, возглавлявшим ее.

В первые дни войны «интересная дама» исчезла из города — на этот раз не на время краткой командировки, а на целых пять лет. Было ей в то время 33 года (полный расцвет всех сил!). Цель поездки в Германию достаточно очевидна: восстановление отношений с Герингом и получение информации о подлинных намерениях Гитлера.

Во время этой командировки она имела (вполне неизбежные!) контакты с «Красной капеллой» (Шульце-Бойзеном и другими), а также с полковником Герцем, тайным советским агентом, а по должности начальником контрразведки в министерстве авиации. Были, понятно, и другие контакты, но о них труднее догадаться.

Поставленные ей задачи она выполнила и нужную информацию передала в Москву, но сама не убереглась и (неизвестно по какой причине!) «провалилась». СС арестовало ее. Она подверглась допросам и пыткам «третьей степени», но не выдала никого. Геринг, по причине связи с ней и из-за «Красной капеллы», попал в эпицентр страшного скандала. Он выкрутился из него с большим трудом, сильно «подмочив» свою репутацию. Рейхсмаршал не смог уберечь бывшую возлюбленную от ареста и пыток (ярость Гитлера не знала границ), но жизнь помог ей сохранить.

Всю почти войну Надежда просидела в концлагере для особо опасных врагов и была освобождена с победой Красной Армии. В 1946 г. она вернулась в родной город, избежав советского концлагеря, что говорит с несомненностью о ее выдающейся стойкости, проявленной в лапах врага.

Тяжелые испытания уничтожили ее красоту и подорвали здоровье, несмотря на 38 лет от роду. Она долго лечилась, так как, по словам тех, кто ее видел, вернулась «полусумасшедшей» (неясно, однако, в чем это выражалось)[120].

Горячева из Липецка представляет, конечно, очень большой интерес. И по данному лицу, как и по многим другим, необходимо выпустить сборник документов с положенными фотографиями. Запрет на ее личность и сообщение о ней правдивых сведений, как это сделано относительно Зорге и Лемана, давно пора снять.

* * *

Соперником Канариса в интригах и делах разведки являлся 32-летний Рейнгард Гейдрих (1904—1942), руководитель Гестапо и Службы Бе-

98

зопасности — СД (секретного аппарата внутри СС). Гейдрих формально занимался борьбой с «внутренними врагами», а на деле постоянно вмешивался в функции Канариса и собирал сведения по тому же кругу вопросов, что и тот со своими сотрудниками. Его заместителем и фаворитом (с 1937 г.), одним из создателей знаменитой картотеки Гейдриха на врагов рейха, являлся Вальтер Шелленберг (1910—1952), седьмой сын фабриканта роялей, закончивший юридический факультет Берлинского университета, уже в студенческие годы занимавшийся писанием доносов на студентов и профессоров, что было воспринято в СС очень благосклонно. Объявившись там в качестве кадрового работника, Шелленберг быстро прошел по всем ступеням, поскольку отличался качествами организатора и хорошо разбирался в людях. Знал несколько иностранных языков. Сфера его деятельности все расширялась: убийства (в начале карьеры осуществлял их лично), похищения, отравления и т.п. Успешную его деятельность отметил сам фюрер, который начал давать ему личные поручения. В 1941 г. Шелленберг будет уже группенфюрером и начальником VI управления, то есть выйдет в генералы. Стремительная карьера, которой Гейдрих очень способствовал![121]

Ведомство Гейдриха, получившее вскоре (1938), в виду успешности своей работы, полное признание Гитлера и реорганизованное в Главное имперское ведомство безопасности (РСХА), имело 7 управлений: I — Кадры (Эрлингер), II — Хозяйственные вопросы (доктор Вернер Бест, 1903—1989), III — внутренняя служба, СД (Отто Олендорф, 1907— 1951), IV— гестапо (Генрих Мюллер, 1900—?), V — уголовная полиция (Артур Небе, 1894—1945), VI — разведка, внешняя служба (Юст, позже Шелленберг, 1910—1952), VII — идеология (бывший профессор университета, доктор Франц Сикс). Это были очень серьезные противники, с огромным опытом. Все они подчинялись Гейдриху, как своему начальнику, получившему титул «Начальник полиции безопасности и СД», а сам он — рейхсфюреру СС, всесильному и страшному Г. Гиммлеру. Задача ведомства, как объяснил сам Гейдрих, служить «глазами и ушами фюрера», то есть все видеть и все знать, а самим оставаться невидимыми, регулярно доводить до него точную информацию обо всем.

Уже называвшийся выше американский автор этого главу РСХА характеризует так: «Все предпринимаемое Гейдрихом всегда отличалось сложностью и коварством замысла. Вместе с тем деятельность руководимой им службы характеризуется исключительной жестокостью акций.

Личность самого Гейдриха всегда была окутана тайной. Во время Первой мировой войны, еще не достигнув призывного возраста, Гейдрих вступил в террористическую организацию и вскоре приобрел недобрую славу профессионального убийцы. Короткой была служба Гейдриха в военно-морском флоте, где ему удалось стать только лейтенантом[122].

Вступив в нацистскую партию, Гейдрих работал в ее разведывательном аппарате. Шантаж — любимый прием Гейдриха — вскоре открыл перед ним возможность сделать карьеру в нацистском государстве и за-

99

нять высокий пост. Гейдрих случайно узнал о том, что высокопоставленный прусский чиновник ведет тайную переписку с главным соперником Гитлера в нацистской партии, недоброй памяти теоретиком Грегором Штрассером. Гейдрих начал усиленно ухаживать за женой Штрассера и добился ее расположения.

Проникнув, таким образом, в дом Штрассера, Гейдрих выкрал интересовавшую его переписку.

Завладев компрометирующими Штрассера документами, Гейдрих быстро выторговал себе место в мюнхенской гвардии СС. С этого момента его карьера была молниеносной. Гейдриху еще не было 27 лет, когда он стал начальником специального разведывательного отдела партии и командиром отборного отряда гитлеровцев.

В современной истории шпионажа Гейдрих занимает особое место. Его жизнь была непрерывной цепью убийств. Гейдрих отправлял на смерть людей, руководствуясь принципом: мертвый враг лучше живого. Он никогда не искал доказательств, которые могли бы спасти жизнь его жертве. Он убивал людей, к которым испытывал хотя бы малейшую неприязнь, своих коллег, которых считал опасными для личной карьеры, нацистов, подозреваемых им в неверности гитлеризму.

Успехи Гейдриха даже в довоенное время были феноменальными. Но и они не идут ни в какое сравнение с тем, чего ему удалось добиться позже. Война, развязывание которой он помог «оправдать», открыла перед Гейдрихом огромные возможности. Он ждал войны, как хищник ждет своей добычи».

«Гейдрих добивался роспуска абвера и хотел, по крайней мере, ограничить сферу его деятельности сбором военной информации. Эти намерения Гейдриха были продиктованы служебными интересами, но у него были и личные причины для неприязни по отношению к Канарису. Гейдрих был моложе Канариса на 17 лет и, как и он, начинал карьеру в военно-морском флоте. Но служба во флоте не принесла Гейдриху никаких лавров. Канарис стал контр-адмиралом и вышел в отставку с почетом. Гейдрих же, еще будучи младшим лейтенантом, проворовался и был с позором уволен.

Занимая теперь высокий пост, Гейдрих все еще чувствовал себя обиженным и, видя в Канарисе представителя флота, старался стать выше него и подчинить себе руководимую им организацию.

Со своей стороны, Канарис, казалось, делал все, чтобы выполнить возложенные на него обязанности и завязать дружбу с Гейдрихом. Он часто приглашал его к себе домой, уговорил поселиться неподалеку от своей виллы в пригороде Берлина. Но в действительности Канарис презирал Гейдриха и, как подобало руководителю секретной службы, имел козырь для борьбы с ним. В личном сейфе Канариса хранился документ, свидетельствовавший о том, что у Гейдриха, этого ярого антисемита, в жилах текла и еврейская кровь». (Там же, с. 16—18)[123].

Для завершения разговора о личности Гейдриха остается привести еще одно его подлинное письмо Гиммлеру от 20. 10. 1941 г. (ибо справед-

ливо говорят, что «стиль — это человек»). В письме идет речь о принятом Гитлером решении стереть с лица земли Ленинград и Москву и о возможности его осуществления:

«Рейхсфюрер!

Я покорнейше прошу соизволения привлечь Ваше внимание к тому факту, что отданные строгие указания, касающиеся городов Петербурга и Москвы, не смогут быть осуществлены, ежели с самого начала не будут предприняты самые жестокие меры.

Командир айнзатцгруппы «А» бригаденфюрер СС Штальэкер доложил мне, что, по сведениям агентов, вернувшихся из Петербурга, разрушения в городе еще весьма незначительны. Пример бывшей польской столицы показал, что даже самый интенсивный обстрел не вызывает желательных разрушений.

По моему мнению, в таких случаях надо орудовать массовым использованием зажигалок и фугасов. Я покорнейше прошу напомнить при случае фюреру, что если вермахту не будут отданы абсолютно точные и строгие приказы, то оба вышеупомянутые города не смогут быть разрушены.

Хайль Гитлер!

Гейдрих». (Безыменский Л. Особая папка «Барбаросса». М., 1972, с. 246.)

Такое вот злодейство и палаческое усердие проявлял этот крупнейший военный преступник, враг всей Европы, наместник Чехии и Моравии во время войны, убитый в 1942 г. чешскими парашютистами Яном Кубисом и Йозефом Габеком, специально заброшенными из Англии! Так-то вот! Палачи долго не живут! (См.: Иванов М. Покушение на Рейнхарда Гейдриха. Свидетельства, факты, документы. // «Иностранная литература». 1984, № 5—6). Гейдрих едва дотянул до 38 лет! Вот конец человека, носившего множество кличек, данных ему ненавидевшими его людьми: «Шеф черного Олимпа», «Злой гений», «Человек с волчьими глазами», «Отточенный клинок фюрера», «Генерал войны в темноте», «Злобный бог смерти», «Тайный технократ нацистских переворотов», «Фуше Гитлера». Но, кажется, больше всего ему подходила одна-единственная: «Сатана в облике человека»! (См.: Шелленберг В. Лабиринт. М., 1991.)

*** * ***

Теперь о Мюллере. Его фигуру надо хорошо представлять. Он принадлежал к числу очень видных и влиятельных иерархов фашистского государства, специально занимавшегося работой НКВД. Поэтому на нем следует особо остановиться.

Генрих Мюллер (1910—?) родился в Мюнхене в католической и обеспеченной семье. Отец его Алоиз (1875—1962), хотя начинал свою карье-

ру служащим жандармерии и садовником, сумел стать управляющим. Сестра Мюллера умерла, и он рос единственным ребенком, сильно избалованным матерью. Учился в 8-классной рабочей школе в трех городах. Учился превосходно, но, благодаря слишком живому характеру и склонности к каверзам против нелюбимых учителей, подвергался нередко наказаниям. Его характеризовали словами: «резвый и распущенный», «склонный к вранью».

В детские годы очень любил литературу приключений, о путешествиях, индейцах, умных сыщиках и хитрых преступниках. Любил загородные прогулки, очень увлекался игрой в шахматы, которым научил его отец, научился играть на пианино, любил петь баварские песни. Сначала хотел стать путешественником, потом, под влиянием успехов молодой авиации, твердо решил стать летчиком. И, закончив 8-й класс (1914 г.), поступил учеником авиационного механика в авиамастерские Мюнхена, где прилежно учился три года. В середине 1917 г. решил пойти добровольцем на войну. Попал в авиационный отряд на Западном фронте. Проявил большую храбрость, получил тяжелое ранение и закончил войну в чине вице-фельдфебеля и при следующих наградах: Железный крест первого и второго классов, Баварский крест с короной и мечами, значки «Памяти авиатора» и «Авиационный командир». Для 19-ти лет блестящий успех!

Сначала думал не порывать с авиацией и устроился работать в инспекции по аэронавигации экспедитором. Но там удержался лишь пять месяцев с небольшим. Резкий язык, фронтовая привычка громко высказывать свое суждение привели к конфликтам с начальством. В результате он оттуда ушел и по примеру отца, в том же 1919 г., поступил на службу в полицию Мюнхена, указывая на свою профессию — «Авиационный командир».

В последующий период, до переезда в Берлин (1934) он работал и учился у крупнейших специалистов своего дела (начальниками полиции Мюнхена были:

Эдуард Нортц, 1921—1923; Карл Мантель, 1923—1929; Юлиус Кох, 1929—1933). Особое влияние на него оказали начальник гестапо Мюнхена Рейнхард Флеш (1894—1942) и Леонард Гальманзегер (1892—1990), работавший здесь с 1914 г. и бывший одним из основателей политического отдела в полиции Мюнхена.

Став большой величиной, Мюллер о нем не забыл и «перетащил» того в Берлин. В 1938 г. его бывший наставник вступил в СС, в 1941 г. — в НСДАП. В чине гауптштурмфюрера (капитан) тот ведал важнейшим делом: картотекой гестапо и вермахта, сбором информации, интересной для Мюллера.

Учиться приходилось очень серьезно, а среди учителей оказался и Вильгельм Фрик (1877—1946), сын учителя, доктор права (с 1901), учившийся в трех лучших немецких университетах, начальник уголовного розыска с 1923 г., член НСДАП с 1925 г., руководитель партийной фракции в Рейхстаге, тогда начальник отдела VIA, ведавший борьбой с дви-

жениями левой и правой ориентации, стремившимися подорвать Веймарскую республику, будущий министр внутренних дел Третьего рейха. Хотя он и враждовал с Гиммлером, кончил Фрик на виселице — как военный преступник, после завершения войны.

Продвижение Мюллера по службе шло довольно медленно из-за сильной конкуренции и неумения «держать язык за зубами». В 1919 г. Мюллер — помощник в административной части полицейского управления, затем — помощник начальника канцелярии, в 1923 г. — ассистент полиции. В том же году он получает свидетельство о среднем образовании в реальном училище Мюнхена.

В середине 1924 г. Мюллер вступает в брак с дочерью владельца издательства и типографии Отто Гишнера Софией (1900—1990), сторонника Баварской народной партии, вполне консервативной и антисоциалистической, державшей власть в Баварии с 1920 по 1933 г. С будущей женой Мюллер познакомился в 1917 г., в период военной службы. От этого брака Мюллер имел сына и дочь. Брак оказался несчастливым из-за его постоянной занятости работой. Он редко бывал дома. До середины 1924 г. жил у своих родителей, затем, до переезда в Берлин, был формально прописан у родителей жены, какое-то время жил с семьей отдельно на улице Лютцовштрассе. Жена разделяла взгляды отца, к наци относилась отрицательно. Оказавшись в Берлине, позволяла себе довольно свободно и критически высказываться в разговорах с соседями — в результате на нее донесли. Ее вызвал для разговора и внушения лично Гейдрих! Софии пришлось замолчать, а Мюллер понял: такая жена будет препятствием в дальнейшей карьере. Поэтому нет ничего удивительного, что он последовательно завел двух любовниц. С первой, Барбарой (1900—1972), он работал в полиции Мюнхена, позже в Берлинском гестапо она ведала делопроизводством. Со второй, Анной, бывшей младше него на 13 лет, он с 1940 г. думал заключить новый брак. Но война с Советским Союзом расстроила все. И даже собственный берлинский дом Мюллера погиб в результате авианалета (к счастью для него, семья спаслась в подземном убежище, предусмотрительно построенном в саду).

При переезде в Берлин Мюллер поселился вначале в пансионе, а затем нашел себе квартиру, куда и перебралась его семья. Несмотря на разногласия с женой, он считался хорошим семьянином.

В новую работу, при покровительстве Гейдриха, Мюллер вошел очень легко. А занял он место еврея Рейнгольда Геллера (1885—1945?), офицера Первой мировой войны, видного работника в полиции, берлинского эксперта по левым движениям, члена НСДАП с 1933 г., члена СС — с 1938 г., криминального советника (в войну руководил полицией Потсдама), соратника Артура Небе.

Как возникли понимание и доверительные отношения с Гейдрихом? Они познакомились во время поездки Гейдриха, тогда штандартенфюрера, в Мюнхен. Друг и сосед Мюллера, д-р Штеппа об этом вспоминает так:

103

«Райнхард Флеш и Генрих Мюллер являлись противниками национал-социализма и были известны как таковые. Познакомившись с ними, Гейдрих сразу почувствовал их интеллигентность. Мюллер был интеллигентным, Флеш — спокойным и невозмутимым. Именно они наладили работу баварской политической полиции, у Гейдриха были идеи, а они воплощали эти идеи в жизнь».

В самом Берлине, в аппарате СС и СД, состоявшем из профессиональных юристов с высшим образованием, куда Мюллера приняли 29 апреля 1934 г. в чине штурмбаннфюрера (майор), появление провинциала баварца, не имевшего академического образования и аристократической родословной, встретили сдержанно, с удивлением, а некоторые — враждебно. Периодически на него писали доносы. Такого, например, рода:

«Как Мюллер дослужился до руководящей должности в СС, нам непонятно. Он никогда не был членом партии. У нас также нет его заявления о вступлении в партию».

Работа, однако, быстро показала, кто чего стоит. С большим удивлением недоброжелатели увидели, что Мюллер:

1. Криминалист высшей квалификации;

2. Имеет феноменальную память;

3. Обладает исключительными организаторскими способностями;

4. Невероятно работоспособен, и у него полностью отсутствует личная жизнь;

5. Убежденный антикоммунист, но и к нацизму относится сдержанно. Проявились и другие стороны личности:

1. Мюллер стал перетаскивать в Берлин своих сотрудников по Мюнхену, которым полностью доверял (37 криминалистов);

2. В личные отношения он ни с кем не вступал, друзей почти не имел, откровенных разговоров, даже среди «своих», часто избегал, выступал чем-то вроде «сфинкса»; с Шелленбергом, заместителем Гейдриха, быстро вошел во враждебные отношения, так как тот не желал подчиняться, несмотря на свою молодость;

3. Будучи вполне послушным в отношении Гиммлера и Гейдриха (первого он не очень любил, но по телефону всегда четко отвечал: «Слушаюсь, рейхсфюрер!»), Мюллер никогда не брал на себя ответственности за те или иные важные акции, но всегда говорил: «Рейхсфюрер приказал»[124];

4. Он не любил командировок и предпочитал, как бюрократ, работу с бумагами, реагируя на все запросы очень быстро. Против пыток он возражал, а на допросах предпочитал запугивать страшными криками и диким вращением глаз. Своей мимикой он владел блестяще. Мюллер тщательно изучал методы допросов в НКВД и восхищался его работой!

5. Мюллер оказался страшно честолюбив, даже тщеславен (требовал, чтобы его всегда называли «группенфюрер»). Он рвался вверх не на политические должности, а на должность высшего государственного чиновника в полицейской сфере. Его уязвляло, что должность старшего

104

секретаря полиции Мюнхена он получил лишь в 1933 г., через 14 лет службы! Его бесила необходимость доказывать свое арийское происхождение (при темных волосах и карих глазах!), но он справился с этой трудностью и сумел «документально» подтвердить свое родословие с 1750 г.

6. Его очень заботило личное материальное положение, так как многие годы ему пришлось вести достаточно скромную жизнь (в Баварии в качестве секретаря полиции — большая должность — он получал в 1929 г. годовое содержание в 2500 рейхсмарок, тогда как средний рабочий получал 2838 рейхсмарок, что его оскорбляло).

Тем не менее взяток он не брал, чужого имущества не присваивал: во-первых, из-за опасения злобных нападок личных врагов, во-вторых, из необходимости показывать пример сотрудникам и требовать от них порядочности и дисциплины. Видимо, несмотря на должность, материальные трудности были и у него, ибо в войну он не отказался от карточек.

Главным в своей деятельности Мюллер считал организацию отпора коммунистам, немецким и русским, защиту буржуазного немецкого государства с системой частной собственности, беспощадное уничтожение всех «преступных личностей». О стиле его работы Франц Губер, видный руководитель СС, вспоминает так:

«Он практически никогда не выходил из бюро. Он не знал настоящего удовольствия. Даже после небольших развлечений Мюллер уходил работать в бюро. Его брак не удался. Только в конце войны он начал пить коньяк. Он беспрерывно курил бразильские сигары. (...) Он поддерживал в своем окружении, состоявшем из баварских служащих, дружескую атмосферу. Он никого не боялся, даже Гейдриха».

Мюллер сидел в своем кабинете на Принц-Альбрехтштрассе, 8, точно паук, в гигантской шпионской сети, раскинувшейся на всю страну. С помощью бесчисленных бумаг и телеграмм он «вертел» множеством событий и людей. Его резиденция внушала ужас всей Германии. Перед ним трепетали даже высокие партийные иерархи, знавшие, что он с помощью телефонного подслушивания и собирания компромата может доставить массу неприятностей любому, стоит ему передать свой «материал» Гитлеру.

Интересно отметить, что Мюллер не любил интеллигенцию, но толковал это слово «своеобразно»: интеллигент — это не человек с высшим образованием, а профессиональный революционер, редактор или служащий Коминтерна. В столкновении с представителями интеллигенции в СС, несмотря на свой опыт и успехи, Мюллер чувствовал комплекс неполноценности. Весной 1943 г., после следствия по делу «Красной капеллы», он имел поучительную беседу с Шелленбергом. О последней тот вспоминал так:

«Видите ли, Шелленберг, — продолжал он с сарказмом, — у меня скромное происхождение, и я начал службу с низших чинов и прошел

хорошую школу. Вы же, напротив, относитесь к интеллигенции, поэтому Вы являетесь заложником другого мира идей. Вы застряли в развитии уже давно известной схемы консервативных взглядов. Конечно же, существуют интеллигенты, которые совершили прыжок в другой мир, я думаю сейчас о некоторых людях из «Красной капеллы», о Шульце-Бойзене или Харнаке. Это были люди Вашего мира, но другого сорта, они не остановились на полпути, а были действительно прогрессивными революционерами, которые все время искали окончательного решения и до самого конца остались верны своей идее. То, чего они хотели, им не мог предоставить национал-социализм со своими многочисленными компромиссами, впрочем, так же, как и духовный коммунизм. Наше интеллектуальное руководство со своим неясным внутренним миром не предприняло попытки переделать национал-социализм, и в этот образовавшийся вакуум вторгается коммунистический Восток. Если мы проиграем войну, то не из-за военного превосходства русских, а из-за духовного потенциала нашего

руководства. Я говорю в данный момент не о Гитлере, а о находящихся ниже руководителях. Если бы фюрер послушал меня с 1933 по 1938 г., то необходимо было сначала основательно и беспощадно навести здесь порядок и не сильно доверяться руководству вермахта». Я становился все неспокойнее. Чего, собственно, хотел Мюллер?

Я поспешно выпил из своего бокала и в недоумении уставился перед собой. Я невольно думал об изречении, сказанном мне совсем недавно: «Необходимо всю интеллигенцию собрать в шахту и эту шахту взорвать».

Я уже хотел встать, когда Мюллер снова начал говорить: «Я не могу сам себе помочь, однако я все больше склоняюсь к мнению, что Сталин находится на правильном пути. Западному руководству необходимо кое о чем поразмыслить, и если бы я мог как-то повлиять на ход дела, то мы бы объединили с ним свои силы. Это был бы удар, от которого Запад, с его проклятым притворством, так никогда бы и не оправился!»

Я не мог подавить некоторую неловкость. Почему он говорит именно со мной о своей новой точке зрения? Я вел себя так, как будто все это несерьезно, и попытался превратить этот серьезный разговор в шутку, сказав при этом: «Ну, хорошо, дружище Мюллер, давайте мы все сейчас будем говорить «Хайль, Сталин!», и наш папаша Мюллер будет начальником отдела в НКВД». Мюллер зло посмотрел на меня, оценивающе оглядел меня и ехидно сказал: «У Вас на лице написано, что Вы запуганы Западом»[125].

Фридрих Панцингер, давний сотрудник Мюллера, о своем начальнике свидетельствует так:

«Мюллер попал на руководящую должность благодаря своему профессиональному прилежанию и организаторским способностям. Он был начальником и другом, но все в свое время. До сих пор неизвестно,

скольких людей он выручил, как часто он заступался перед высоким руководством за своих подчиненных, а также за арестованных, если была возможность что-либо сделать».

«В НСДАП он пришел не «душистой фиалкой», а только через несколько лет и только для того, чтобы избежать постоянных нападок. Уже отмечалось, что он не лучшим образом отзывался о некоторых проявлениях национал-социалистической системы».

«Заслуживающим внимания является следующее: Мюллер рассматривал эту войну как большое несчастье, как начало конца. Когда господа видели себя уже в Лондоне, диктующими условия мирного договора, и говорили, что «после победы мы будем», он мог только покачать головой, поскольку он знал сильные стороны большевизма лучше, чем ОКБ, сообщавшее фюреру о победах на каждом шагу».

Относительно его участия в репрессиях и расстрелах тот же Панцингер замечал:

«Нельзя не отметить того факта, что для человека, занимающего такую должность в управлении полиции, было небезопасно вызывать подозрение в саботаже или сочувствии к противнику, отсрочивать исполнение высочайших приказов, и которому необходимо было постоянно рапортовать верхушке власти об их исполнении».

Таков был на деле Генрих Мюллер, личность весьма противоречивая, благодаря страшному участку его работы в фашистской Германии. Он получил от Гитлера одну-единственную награду (январь 1942 г.) — Крест за военные заслуги с мечами (второй степени). Этому способствовал Гейдрих. Может, отсюда шло известное недовольство Мюллера, проявлявшееся в ряде высказываний? Например:

«За один год через СД прошло 250 тысяч иностранцев. 40 тысяч сбегают».

«Не существует деревенской культуры. Крестьянин хочет слушать венский вальс или оперу. Диалект — это сепаратизм. Я ненавижу все союзы: НСЛБ (Национал-социалистский союз учителей), РДБ (Союз немецких служащих), Союз юристов; я рад, что война навела здесь порядок».

«В партии царят бюрократия и утомленность!»

После убийства Гейдриха Мюллер уже не получал наград, за исключением Рыцарского креста в октябре 1944 г. — за успешное расследование обстоятельств покушения на жизнь фюрера.

В известном сериале о советском разведчике Штирлице Мюллер изображен весьма неточно, даже внешне. Так, он показан толстяком, человеком преклонных лет, хотя и весьма бодрым. Настоящий Мюллер был не таким, но по-офицерски подтянутым, в возрасте всего 45 лет. Т.е. к моменту окончания войны он находился в расцвете сил. Правда, работа наложила на него отпечаток: из-за постоянных стрессов у него болел желудок, и, как вспоминает один из свидетелей, он «питался черствым хлебом и овсяной кашей». Тем не менее он занимался восточной меди-

тацией, а во время ежегодного отпуска (всего две недели!) ездил к родителям в Мюнхен или в Тироль, к своему другу Карлу Бруннеру (1900— 1975?), начальнику местной полиции, с которым обсуждал интересовавшие его вопросы и где в горах занимался альпинизмом.

После окончания войны Шелленберг, яростно ненавидевший Мюллера, как своего конкурента, стал распространять слухи, что Мюллер предал своего фюрера и через Шольца[126], своего секретаря и друга, жившего на его квартире и ведавшего «радиоигрой», связался с русской разведкой, выдал ей массу секретов, а затем вместе с ним сбежал в Москву. Никакой будто бы мести русских Мюллер не боялся, так как считал, что его бесценные познания о работе коммунистического подполья в Европе и знание всех тайн Рейха обеспечат ему неприкосновенность и безбедную жизнь. Все эти разговоры Шелленберга были злостной выдумкой, в чем он однажды сам признался. На самом деле Мюллер бежал в США и именно там кончил свою жизнь, работая на американскую разведку[127]. О Мюллере достаточно.

Теперь о том, как изготовлялось фальшивое досье. По существующим данным, интрига развивалась так

16 декабря 1936 г. представитель службы безопасности СС (т.е. Гейдриха) в Париже получил исключительно важное сообщение, которое тотчас переправил в Берлин. Сообщение гласило: 1) В руководстве РККА возник заговор против Сталина, глава — маршал Тухачевский, 2) Тухачевский и его сотрудники, учившиеся в германской академии Генерального штаба, находятся в тесном и тайном контакте с видными генералами немецкого рейхсвера и руководителями немецкой разведывательной службы — абвера. Источником этой исключительной по важности информации являлся живший в Париже русский генерал Скоблин[128].

Николай Владимирович Скоблин (1893—1937) — дворянин, участник Первой мировой и Гражданской войн. Прошел путь от офицера до генерала в армии Деникина, командира дивизии. Был строевым офицером, а также организатором разведывательных и диверсионных операций. С остатками разбитых войск Врангеля отправился в эмиграцию. Входил в РОВС (Российский общевоинский союз), который выпускал свой журнал «Часовой». Цель Союза — свержение большевиков путем восстания и восстановление «единой, великой и могучей России». Являлся членом Совета правления общества галлиполийцев (солдат и офицеров Добровольческой армии в эмиграции). Возглавлял Корниловское

общество из бывших солдат и офицеров корниловского полка, в котором прежде служил и сам. Тесно сотрудничал с разведывательными органами РОВСа под начальством шефа контрразведки штабс-капитана Зайцева и начальника 1-го отдела генерала Эрдели. В деловом плане поддерживал связи с галлиполийским генералом Скалоном (в Праге тот занимался распространением листовок, вербовкой новых кадров, подготовкой террористов), террористической организацией «Братство Русской правды» (Париж), генералом Геруа (руководитель отдела РОВСа в Бу-

108

харесте), генералом Абрамовым (руководитель отдела РОВСа в Софии), генералом Шатиловым (руководитель отдела РОВСа в Праге). Разумеется, он хорошо знал и других видных руководителей: генералов Штейфона, начальника штаба Кутепова, Витковского и Туркула. Из руководителей же РОВСа был особенно близок ко второму, представителю старого генералитета, генералу Миллеру. Тот относился к нему с очень большой благосклонностью.

В интересах своей организации (при нем Скоблин стал членом руководства РОВСа) генерал активно сотрудничал с другими разведками, что поощрялось высшим начальством: 2-м отделом Генштаба французской армии, польской дефензивой, румынской сигуранцой, немецкой и финской контрразведкой. Сторонников сближения с немецкой разведкой имелось много. Особенно ярым приверженцем такого курса был атаман Краснов, живший в Берлине.

В 1930 г., когда лопнули все иллюзии быстрого возвращения на родину, в обстановке тяжелых материальных трудностей (после разных неудачных деловых предприятий), Скоблин был завербован советской разведкой. Вербовку произвел его старый товарищ по корниловскому полку, штабс-капитан П.Г. Ковальский, участник Первой мировой войны, имевший 8 боевых наград (больше, чем Тухачевский!), трижды раненный, воевавший на Гражданской в белой армии, затем эмигрировавший, испивший за границей полной чашей все унижения, полностью разочаровавшийся в белом движении. В 1921 г. он перешел на сторону Советской власти и начал выполнять задания ЧК. (См.: Млечин Л. Сеть Москва—ОГПУ—Париж. М., 1991.)

Новому агенту (он действовал под псевдонимом «Фермер» и ЕЖ-13) установили оклад в 200 американских долларов, что позволило ему после похищения генерала Кутепова начать жизнь на широкую ногу. Кутепов — представитель молодого офицерства, выдвинувшегося в Гражданскую войну, являлся председателем РОВСа. Этот пост занимал сначала великий князь Николай Николаевич Романов. Незадолго до смерти он сделал его, как наиболее влиятельного и авторитетного генерала, своим преемником. (О нем: Б.Н. Александровский. Из пережитого в чужих краях. М., 1969, с. 106-115.)

Новый агент работал очень хорошо и поставлял исключительно ценную информацию относительно планов руководства белого движения. С его помощью были схвачены несколько диверсионно-террористических групп, выявлялись конспиративные квартиры белогвардейцев в Москве, Ленинграде, Закавказье, ликвидировались боевые кутеповские дружины. (Вожди РОВСа считали, что террор, диверсии и шпионаж, подготовка новой интервенции и «всенародного восстания» — их главная задача.) Он же помог советской контрразведке похитить опаснейших вождей РОВСа — генералов Кутепова и Миллера (23. 07. 1937). (Михайлов Л. Неизвестные страницы истории советской разведки. // «Неделя» 1989, №48, с. 11.)

109

Благодаря «помощи» советской разведки в РОВСе все время шла страшная грызня — из-за денег, власти, планов, взаимных подозрений и обвинений. Не в

чем-нибудь, а в тайных связях с ЧК! Подозрения падали и на Скоблина, при этом они громко высказывались, недруги пробовали возбудить против него расследование. По крайней мере дважды его пытались убрать. Первый раз была устроена «автомобильная катастрофа». Газета «Последние новости» 1 марта 1936 г. сообщала: «В среду, около 10 часов вечера, Н.В. Плевицкая и ее муж возвращались из Парижа в Озуар ла Феррьер в своем автомобиле. На машину их наскочил грузовик, неожиданно выехавший на дорогу слева. Удар был так силен, что автомобиль сплющился.

Н.В. Плевицкая и генерал Скоблин были извлечены из автомобиля в бессознательном состоянии и доставлены в госпиталь, где им была оказана первая помощь». («Неделя». 1990, № 50, с. 11.) Секретное донесение агента Олега из Парижа в Москву к этому добавляло следующее: «В автокатастрофе оба они уцелели только потому, что дверца машины от удара открылась и они выпали на мостовую. Машину сдавило так, что от сидений ничего не осталось. Она, выпав первой, отделалась ушибами, у него перелом руки, трещины плеча, лопатки и ключицы. Говорят, что состояние его не внушает опасений. Из строя вышел недели на три. Она в синяках, и ничего больше.

Паломничество к ним непрерывное. Миллер бегает к нему чуть не каждый день за советом; привязан он к ЕЖ-13 необычайно». (Там же.)

Вторая попытка покушения произошла, по словам того же агента из Парижа, так: «С ЕЖ-13 чуть было не приключилось большое несчастье. Последние месяцы он лечится от малокровия, впрыскивали ему какую-то сыворотку, и после 18 укола он серьезно заболел. Дней 7 назад он чуть не отдал богу душу. Его оперировали. Врачи заявили, что опоздай они на час, у пациента было бы общее заражение крови. Я узнал о его состоянии случайно. Условились ведь мы с ним месяц не встречаться, и не позвони я ему, так и не узнал бы, что с ним приключилось.

Я его вчера видел. Состояние теперь хорошее. Он поправляется. Лежит и лежа напечатал для нас копию доклада Шатилова «Положение на Дальнем Востоке на фоне местной обстановки».

К ЕЖ-13 относятся прекрасно. У него побывали: Шатилов (второе по значимости лицо в РОВСе после Миллера, державший все в руках. — *В.Л.),* Фок, Туркул, Витковский, делегаты от корниловцев. Шатилов каждый день звонит, справляется насчет состояния больного». (Там же.) Кто являлся организатором этих покушений? На этот счет, кажется, нет сомнений. Это был генерал Эрдели с единомышленниками, среди которых находился и известный журналист-разоблачитель Вл. Бурцев[129] . Думать так заставляет одно место из донесения агента Олега в Москву, который пишет: «Борьба между ним (Скоблиным) и Эрдели — не на жизнь, а на смерть». (Там же, с. 11.)

110

Судьба разведчика и его жены оказалась трагической. После разоблачения в Париже Скоблин был переброшен на работу в Испанию. И там в 1938 г. погиб при невыясненных обстоятельствах. На Западе была распространена даже такая версия: по распоряжению Ежова его арестовали и тайно отправили в СССР для суда за прошлые преступления. Ибо за ним много чего числилось: ведь он являлся руководителем белого террора в Крыму, и по его приказу отправили на виселицы несколько десятков красных комиссаров, взятых в плен. (Александров В. Дело Тухачевского. Ростов-на-Дону. 1990, с. 133.)

*** * ***

Какие же выводы следует сделать в настоящий момент из всей суммы известных фактов о «деле Тухачевского»? Их несколько:

1. Нет оснований считать за выдумку изготовление Гейдрихом и его сотрудниками папки с фальшивыми документами, направленными против ряда высших начальников Красной Армии. Гейдрих славился как человек честолюбивый, полный энергии, жаждавший отличиться и приобрести новую власть. Он знал, как фюрер заинтересован в ослаблении командования РККА. Следовательно, он должен был принимать меры в этом направлении. И, конечно, принимал их, сочиняя разные фальшивки, распуская слухи и пр. Проложить себе дорогу вверх он мог только действием и успехом! Других путей не имелось! Возражения Шпальке против изготовления Гейдрихом и его сотрудниками досье на Тухачевского нельзя признать убедительными.

2. Сталин, как признают даже хвалители Тухачевского (Парнов), не стал использовать «документы» Гейдриха:

а) они являлись сомнительными сами по себе — получены путем «кражи» из секретного архива рейхсвера, да еще за деньги;

б) их передал человек, который якобы имел доступ к этому архиву (к секретному архиву!) и очень нуждался в деньгах. Но разве туда посылают случайных людей?! История шпионажа не знала аналогичных случаев такого похищения подобных по важности документов, да еще с вульгарным поджогом!

3. Настораживало также качество снимков. Тот, кто работает в разведке и военных архивах, владеет фотографией на высоком уровне. Никакая спешка не может отменить навык, доведенный до автоматизма. К тому же к подобной операции тщательно готовятся, это фотографирование не делают случайно! (См.: Базна Э. Я был Цицероном. М., 1965; Базна — камердинер английского посла в Турции, занимавшийся тайной пересъемкой секретных дипломатических документов для немцев за большие деньги. — *В.Л.)* Следовательно, само низкое качество снимков говорило за то, что документы — фальшивка, подброшенная неприятелем!

4. Сталин не имел никакой необходимости прибегать к фальшивым документам Гейдриха для осуждения Тухачевского и его друзей. Для это-

111

го с избытком хватало внутренних документов, свидетельств и улик, данных секретной агентуры и внешнего наблюдения. По этой-то причине стенографический отчет процесса Тухачевского и не хотят опубликовывать! Он его и всех прочих изобличит, а не оправдает!

Выходит, «дьявольски хитрый» Гейдрих, проделав со своими сотрудниками большую работу, сам по себе не добился ничего! «Простоватый» Сталин на деле оказался не так-то прост! Удивляться не приходится! Ведь Гейдриху исполнилось едва лишь 32 года, а Сталину — 58! Огромная разница в возрасте! А о жизненном и политическом опыте уж и вовсе нечего говорить! И окружали Сталина вовсе не простофили! Хотя и они, конечно, тоже по разным причинам время от времени ошибались.

5. Тухачевский со своими товарищами погиб независимо от «операции Гейдриха», в результате острой фракционной борьбы за власть среди старых большевиков, вступившей в 1936—1938 гг. в заключительную фазу. Эта гибель являлась неизбежной, так как речь шла об установлении строжайшей системы фактического подчинения армии и ее генералитета главе партии и государства на всех уровнях, чего до того времени не было. (У Гитлера шел аналогичный процесс.)

6. Викторов со своими сотрудниками из комиссии по реабилитации Тухачевского совершил явный подлог, лицемерно обходя вопрос о «досье Гейдриха», не печатая его. А ведь из книги Л. Никулина о Тухачевском известно, что во времена Хрущева еще существовали «документы на немецком языке»,

имевшие к нему прямое отношение. Где они теперь, эти документы?! В каком бронированном сейфе?! Или, может быть, клика мошенников и карьеристов их уничтожила?!

А где документы немецкого оригинала, с которого делались фотоснимки?! Где папка Гейдриха, оставшаяся в Германии?! Где сообщения, полученные СД от генерала Скоблина?! Почему это все до сих пор не предъявлено?! Кто ведет в этом вопросе на Западе свою игру?! И к чему она сводится?!

А может, и в самом деле, как некоторые считают, никакого досье Гейдриха не было, а имелись одни только слухи, распространение которых, как известно, ничего не стоит?!

«Время обнажает корни событий!»

7. Наконец: почему умалчивается о том, что делали в это время советские послы и их окружение за границей? Какую роль играли они в разоблачении Тухачевского (подлинном или мнимом)? Или они к этому делу вовсе не причастны? Но какую же тогда они в деле Тухачевского занимали позицию? И как послы свою жизнь кончили? Разве это все маловажные вопросы? Конечно нет! Но они тем не менее трусливо и лицемерно обходятся!

Наконец, последнее. В начале 90-х появилась любопытная брошюра, всего 39 страниц, журналиста Бориса Тартаковского «Версия: Мартин Борман — агент советской разведки» (М., 1992)[130]. Она идет в соста-

ве серии «Из истории отечественной разведки». На задней стороне брошюры делается многозначительная пометка: «Эта книга продолжает серию публикаций о советских разведчиках и контрразведчиках, авторами которых являются они сами».

Итак, данная вещь заявляет претензии на строгую документальность. Какие же новые данные она сообщает, по сравнению с известной книгой Л. Безыменского «По следам Мартина Бормана» (М., 1965)? Данные эти действительно сенсационны! Оказывается, Мартин Борман, известный миру военный преступник, близкий соратник Гитлера, чье имя часто упоминалось на Нюрнбергском процессе (См.: Полторак А.И. Нюрнбергский эпилог. М., 1965), рейхслейтер, то есть одно из самых высших лиц Третьего рейха, высокий чин в СС (№ 555, специальным приказом Гиммлера), был в то же время «секретным агентом» советской разведки! И «сосватал» его разведке сам Эрнст Тельман.

Что последний собой представлял, какую роль играл в событиях того времени? Э. Тельман (1886—1944) — видный деятель германского и международного рабочего движения, председатель КПГ. В молодости — портовый грузчик из Гамбурга, член профсоюза транспортных рабочих и социал-демократической партии Германии. Участник Первой мировой войны. В окопах вел социал-демократическую агитацию среди солдат, подвергаясь преследованиям. В 1917 г. перешел в Независимую социал-демократическую партию Германии (Каутский, Гаазе и др.), отколовшуюся от правого крыла. Стал председателем ее организации в Гамбурге. Затем вступил со своей организацией (95%) в КПГ, что резко усилило ее рабочую прослойку и увеличило численность (до 300 тысяч человек). Вел яростную борьбу в руководстве с правыми (Брандлер и его сторонники) и «леваками» (Рут Фишер, Аркадий Маслов и др.). С 1921 г. — член ЦК КПГ, был в Москве на III съезде Коминтерна (1921) и встречался с Лениным. С 1924 г. депутат рейхстага и кандидат в члены исполкома Коминтерна, с октября 1925 г. — председатель КПГ. Тельман один из создателей Союза красных фронтовиков (весна 1924) и его председатель (с 01. 02. 1925). В 1928—1943 гг. — член исполкома Коминтерна. КПГ дважды выставляла кандидатуру Тельмана на выборах президента (1925, 1932). Он одним из первых заявил, что

«Гитлер — это война». Арестованный нацистами 3 марта 1933 г., долго находился в заключении. Казнен в Бухенвальде по личному распоряжению фюрера. (См.: Пшибыльский П. Дело об убийстве Тельмана. М., 1989; Лясс А.М. Эрнст Тельман. Л., 1934; Узник III рейха. // «Новая и новейшая история». М., 1966, №4, с. 102-119.)

О том, как выдвигалась кандидатура Бормана для сверхсекретной миссии, брошюра рассказывает очень невнятно и без точных дат, которые читатель вынужден с большим трудом восстанавливать сам. Весьма странная система умолчаний!

История, по словам автора, такова. Тельман с делегацией немецких рабочих совершает (зачем?) поездку в корпус Червоного казачества (имя
113
командира его Примакова почему-то «стыдливо» опускается!). В этом майском посещении его сопровождают (!) начальник советской разведки Берзин и начальник КРО (отдел контрразведки) Х. Артузов (старый знакомый!).

Прошло несколько дней гостевания (имена, разные детали вновь опускаются). И вот во время прогулки Берзин, являвшийся одним из крупных соратников Тухачевского (на польском фронте в 1920 г. возглавлял контрразведку и потом с его помощью стал одним из виднейших руководителей разведки РККА), попросил Тельмана найти подходящего товарища для внедрения в окружение Гитлера, чтобы знать о всех его замыслах. Тот согласился помочь. И через месяц прислал в Ленинград своего старого товарища, известного в партии под именем «Карла», коммуниста, члена «Союза Спартака», которого он, по его словам, знал с 1918 г. и который, естественно, работал в службе безопасности партии (по слухам среди историков и журналистов, он даже приходился Тельману двоюродным братом!). Приехавшего поместили на специальной даче под Москвой. И там в течение месяца знакомили с основами разведывательной работы. В беседах с Артузовым, которого он часто видел, приехавший Борман (настоящая фамилия) много рассказывал о Гитлере, которого хорошо знал. С ним он познакомился в период Первой мировой войны, когда Гитлер был ранен. Затем они много раз встречались и позже, когда Гитлер в поисках средств к существованию работал, как и Борман, маляром, торговал на улице.

Кандидат Тельмана оказался фигурой очень подходящей. И новому разведчику дали установку произвести в течение 3—4 лет внедрение в окружение Гитлера, обещая помочь в этом деле. Для начала рекомендовалось поступить на работу в Боливийскую экспортную контору в Берлине, затем вступить в нацистскую партию и начать завязывать связи среди промышленников и военных, не жалея денег, которыми обещали снабжать регулярно. Связь с центром обязали поддерживать только через одно лицо — немецкого коммуниста Ройберга, тоже занимавшегося разведывательной работой. Ввиду исключительности задания были проведены исключительные методы секретности. О деятельности нового разведчика издавался только соответствующий приказ по ведомству (он фигурировал как «агент три ноля»), но в дело его не вкладывались ни фотография, ни единая бумажка с образцом почерка или отпечатков пальцев. С немецкой стороны о его задании знали только два человека: сам Тельман и Вильгельм Пик (1876—1960).

С соблюдением строжайшей секретности Бормана (под руководством сотрудника ОГПУ Пилляра), через границы Польши и Чехословакии, из Москвы перебросили назад в Германию. Он включается, как ему было указано, в нацистское движение и довольно быстро приобретает видное положение. С нацистской точки зрения у него имелась вполне хорошая биография. Борман был

сыном военного музыканта, потом чиновника почты. После смерти мужа его мать вторым браком сочеталась с дирек-
114
тором банка. Борман закончил несколько классов реальной гимназии. В армии (1918—1919) служил канониром. В помещичьем крае Мекленбурге работал сначала бухгалтером в имении, потом — управляющим. С 1920 г. — член «Союза против подъема еврейства» и реакционной военной организации лейтенанта Россбаха, филиала фашистской партии. В 1922 г. лейпцигским судом судился за соучастие в убийстве учителя Кадова, обвиненного в неверности нацизму, и просидел некоторое время в тюрьме (с зачетом времени предварительного заключения). В 1926 г. принимал участие в работе партийного съезда НСДАП в Веймаре. В 1927 г. — зав. Отдела печати партии в Тюрингии. В конце 1928 г. уже находится в штабе штурмового отряда в Мюнхене, главной резиденции Гитлера. Свел близкое знакомство с другом фюрера отставным майором Вальтером Бухом, председателем суда чести партии. С намерением укрепить свое положение вступил в брак с его дочерью (июнь 1930). Через месяц стал руководителем «фонда НСДАП». Таким образом, стал контролировать финансы партии. Сына, родившегося в 1930 г., назвал Адольфом в честь фюрера. Тот выступил в роли крестного отца, матери подарил в знак расположения картину, написанную своей рукой, а новорожденному — набор серебряных ложек. В антифашистских и оппозиционных Гитлеру кругах острили, что маленький Адольф что-то уж слишком похож на большого. По-видимому, учитывая обстоятельства своего происхождения и биографии, Адольф Борман (в конце войны его вывезли в Конго!), вместе со своей сестрой Евой Утой, постригся в монастырь. Его наставником является епископ Худал, глава «фонда христианской благотворительности», имевший общие дела с его отцом (он же является наставником сына Джона Фостера Даллеса (1888—1959), известного адвоката в США, председателя совета попечителей «Фонда Рокфеллера», много сделавшего в деле финансирования фашистской партии Германии, в поощрении ее агрессии на Востоке, один из организаторов НАТО, в 1953—1959 гг. государственного секретаря по иностранным делам.

А всего у Бормана имелось 10 (!) детей, что всегда восхищало фюрера. Жену Бормана он называет «истинной немецкой женщиной», ибо она дает Германии солдат.

Борман вступает в НСДАП с некоторым запозданием. Как следует из его анкеты (август 1937 г.) — лишь в 1927 г. (по другим же данным — в 1925 г.). Но карьеру делает тем не менее очень успешно. Он прекрасно понимает психологию людей, умеет находить с ними общий язык и быстро сходиться. Он охотно дает взаймы и угощает, оказывает всяческие услуги. У него огромная работоспособность. Он никогда не проваливает порученных ему дел, не отделывается пустыми обещаниями, знает что к чему в мире деловой и финансовой жизни. Начав с роли снабженца мюнхенских штурмовиков, он быстро продвигается на видное место в штабе у Гесса, заместителя фюрера по партии, а оттуда попадает на пост руководителя управления хозяйством в личной резиденции фюрера в Берхтесгадене.
115

Его влияние непрерывно растет: с 1941г. Борман— начальник партийной канцелярии и член Совета имперской обороны, с 1943 г. — личный секретарь Гитлера. Он оказывает главе партии непрерывные и важные услуги, собирает деньги от промышленников, следит за партийной пропагандой, покупает для фюрера имения, ведет его финансовые дела, стенографирует выступления на секретных совещаниях. Помогает выпутываться из очень щекотливых ситуаций.

Так, он сумел выкупить у полиции за очень большие деньги фотографии обнаженной племянницы Гитлера Гели Раубал. С ней фюрер имел любовную интригу, а потом, как говорили, пристрелил ее в порыве неистового гнева: красотка собралась покинуть его ради нового любовника, еврея-музыканта! Он же (в 1931 г.) сумел замять с помощью полицейского инспектора Мюллера (позже главы гестапо!) газетно-журнальный скандал о любовных грехах фюрера! Он же разрабатывал идею Гитлера по созданию мощного нацистского государства в Латинской Америке с помощью немецкой колонии, которую там предполагалось создать. Он же сочинял закон о выведении «чистой арийской расы», без всяких церемоний обсуждая с женой самые щекотливые вопросы. (См.: Borman M. The Borman Letters: The Private Correspondence between Borman and his Wife from Jan. 1943 to Apr. 1945. L. 1954.) Он же по заданию фюрера трудился над общей концепцией порабощения советского народа и его истребления, разрабатывал директиву о принципах обращения с населением СССР. (См.: Безыменский Л. Ук. соч. с. 34—35.) Он же давал потом приказ о «выжженной земле», но уже Германии, а не СССР, чтобы задержать победоносные советские войска. В общем, он являлся автором сотен меморандумов на важнейшие темы (уничтожение пленных и целых народов, террор против антифашистского подполья и движения Сопротивления и т.п.). По совокупности всех его официальных деяний Нюрнбергский трибунал приговорил его к смертной казни, как одного из главных нацистских преступников.

Стиль официальных писаний Бормана был таков: «Славяне должны работать на нас. Когда они не будут нам нужны, пусть издыхают. Прививки и немецкое здравоохранение для них излишняя роскошь. Весьма нежелательна славянская плодовитость. Образование — опасно. Достаточно, если они смогут считать до 100. Следует разрешать только такой масштаб образования, который создаст из них приличных подручных. Религию мы им оставим как средство отвлечения. Питание дадим такое, чтобы не умирали. Мы — господа, мы стоим на первом месте!» (Безыменский Л., с. 37.)

В 1934 г. Борман по поручению Гитлера побывал в деловой поездке в Аргентине. По дороге, прямо на корабле, он встретился со своим высшим начальством — Артузовым. Они обменялись информацией, и последний поставил ему новую, чрезвычайно дерзкую задачу: вести дело так, чтобы при устранении Гитлера и его окружения (Геринга и других бонз) стать в партии политическим наследником фюрера. (Интересно,

конечно, было бы узнать: кому принадлежала столь дерзкая идея?! Сталину или Радеку?! Или кому-то иному?!)

После этой поездки в Аргентину, результатами которой Гитлер остался очень доволен, Борман стал у фюрера в особой чести. (О стране см.: Пименова Р.А. Аргентина. М., 1987.) Функции его непрерывно усложнялись. Умело улаживая дела, он проявлял неизменную почтительность, никогда не вступал в спор, поддерживал любое предложение фюрера, поражал его постоянной осведомленностью во всех вопросах, которые возникали. Он стал доподлинной тенью своего шефа. Всюду следовал за ним с блокнотом, в котором фиксировал все замечания и пожелания, которые быстро выполнял. Он ведал приемом посетителей, фильтруя их, не пуская к фюреру неугодных, подготавливал тезисы для речей, знакомил его с кратким резюме о вышедших книжных новинках, сообщал последние новости и сплетни. Репутацию людей ему враждебных он умел основательно подпортить одной меткой фразой. Партийные соперники шипели от злости и называли его «Мефистофелем фюрера», «большим

интриганом» и даже «грязной свиньей». Шофер Гитлера Кемпка вспоминал о Бормане так:

«Внешне, и тогда, когда это ему было нужно, он со своими кошачьими манерами казался олицетворением чрезмерного дружелюбия. Однако на самом деле он был предельно жесток. Его беспощадность была безгранична. С расширением своей власти Борман все меньше стеснялся в своих отношениях с подчиненными. Он начал чувствовать себя увереннее. Для своих подчиненных он стал начальником, от которого можно было ожидать чего угодно. Он мог обращаться с человеком очень дружелюбно и предупредительно и даже делать подарки, а минутой позже безжалостно унизить этого человека, оскорбить его и обидеть. Часто он так расходился, что невольно создавалось впечатление, будто пред вами сумасшедший.

Когда под его власть попал весь персонал, он получил право нанимать и увольнять кого хотел. Горе подчиненному, который впал у Мартина Бормана в немилость! Он преследовал его со всей своей ненавистью, и это продолжалось до тех пор, пока тот был в пределах его власти. Совсем иначе он относился к людям, о которых он знал, что им симпатизирует шеф, и которые не стояли на его, Мартина Бормана, пути. Его дружелюбие по отношению к таким людям не знало границ, и он был безмерно любезен, стремясь расположить к себе шефа. Стремясь во что бы то ни стало добиться влияния на Гитлера, Борман не останавливался ни перед чем, чтобы удалить людей, которые не повиновались ему слепо. Если он мог изобличить этих людей в каких-либо проступках, а сами они добровольно не покидали места, несмотря на его угрозы, то он инсценировал «дело», в чем ему охотно помогал его «друг» Генрих Гиммлер. Между этими двумя людьми существовали весьма странные отношения. Внешне они казались лучшими друзьями. При встрече они осыпали друг друга любезностями. Так, например, здороваясь, они

не ограничивались простым рукопожатием, а демонстративно трясли друг другу обе руки. На самом же деле они ненавидели друг друга и между ними постоянно шла борьба. Каждый завидовал друг другу из-за его влияния на Гитлера, каждый старался расширить собственную власть». (Безыменский Л., с. 41—42.)

Так пишет Кемпка, который за время своей работы у Гитлера много чего видел и слышал. Очень интересны и колоритны его воспоминания! (См.: Ich habe Hitler verbrant. Munchen. 1950.) Их давно следовало перевести!

В период войны с СССР влияние Бормана возросло еще больше. Своими разочарованиями и горестями фюрер делился именно с ним, полагая, что только он поймет его правильно. А огорчений имелось множество. И главное: война шла не так, как он спланировал, Красная Армия, этот «колосс на глиняных ногах, не имевший головы», наносил то и дело ответные страшные удары. Три месяца войны (декабрь 1941 г., январь и февраль 1942 г.), по признанию самого фюрера, подорвали его нервные силы. О причинах своего расстройства он сначала не говорил. 19 февраля 1942 г. в его разговоре с Борманом проскользнул вдруг странный пассаж: «Я всегда ненавидел снег, Борман, ты знаешь об этом. Я всегда ненавидел его всеми фибрами души. Теперь я знаю почему. То было предзнаменование». (Яковлев Н. 19 ноября 1942 г. М., 1972, с. 60.) Лишь в ночь с 27 на 28 февраля 1942 г. он, наконец, признался своему обычному окружению, что его повергло в транс: за первые две недели декабря 1941 г. немецкие войска потеряли 1000 танков (!) и 2000 паровозов. (Там же, с. 60.) Этот пример, конечно, хорошо показывает, как Красная Армия «не умела воевать» (?), как она не могла (?) обходиться без «великого» Тухачевского!

Борман оставался при Гитлере до самого конца, когда все партийные бонзы (за исключением Геббельса) в страхе разбежались. Он заверял, как свидетель, своей подписью акт бракосочетания Гитлера с Евой Браун, его давней любовницей, а также его завещание. Гитлер включил Бормана, своего «серого кардинала», в новый состав правительства адмирала Деница в качестве министра партии. Его он сделал душеприказчиком своего личного (очень значительного!) имущества. Ему он поручил, во-первых, казнить, как изменников, Геринга и Гиммлера, отделившихся от него и пытавшихся взять власть путем самостоятельного сговора с Западом. Ему же он продиктовал, во-вторых, письменное проклятие своим военачальникам, которые намеренно плохо воевали и провалили все его великие планы

Последним актом трагедии, по официальной версии, явилось сжигание тела умершего фюрера, выстрелившего себе из пистолета в рот, и тела Евы Браун, умершей от яда. И этим делом командовал тоже Борман, под страшный грохот советской артиллерии, готовившей последний штурм. (См.: Wulff J. Martin Borman — Hitlers Schatten. Gutersloh. 1963.)

118

Сам же Борман, вопреки распространявшимся позже слухам, будто он погиб при попытке выбраться со своей группой из Берлина в самый последний момент, сумел из рейхсканцелярии ускользнуть[131]. С помощью специальной оперативной группы, посланной советским генералом Серовым (реальная личность, работал в НКВД!), в соответствии с его просьбой о помощи по личной рации, благополучно выбрался из развалин и попал на советскую сторону.

Его доставили в Москву. Оттуда, сделав пластическую операцию, он отправился в Аргентину, куда собирались беглецы, выполнять новое специальное задание: мешать восстановлению нацистской партии, держать всех под своим контролем в качестве «наследника фюрера».

Борман умер в 70-е годы и был похоронен в Москве (на специальном кладбище КГБ?). Автор книжки видел памятный камень на могиле с надписью:

Мартин Борман 1900-1973 гг.

Таково содержание этой маленькой, но сенсационной книжки, в рассказе которой биографические данные Бормана, из-за странной системы умолчаний автора, пришлось несколько пополнить по более надежной и документальной книге Л. Безыменского, а также другим источникам. Несмотря на свои недостатки, она чрезвычайно интересна и задает историкам большую работу, ибо, естественно, ей поверят далеко не все. Не то чтобы в принципе такого быть не могло: в жизни и в разведке все бывает. Но все-таки! Очень уж удивительная история! Более удивительная, чем история Зорге, внука соратника К. Маркса, который, будучи коммунистом, под своей фамилией (!) вступил в НСДАП, стал видным журналистом-международником, советником немецкого посла в Японии и тайным информатором разведцентра в Москве!

Эта же история с Борманом ничем не подтверждается, не говорится, какими материалами пользовался автор, нет в книге никаких ссылок на документы и литературу. Даже фамилия маршала Андрея Ивановича, который первым рассказал автору, не называя имени, о «суперразведчике» в Германии в рейхсканцелярии Гитлера, не приводится. Это и вовсе смешно, учитывая, что тот умер. Да и значимость данного маршала в историческом плане не так уж велика, как значимость Бормана, если считать, что рассказанная история достоверна. Короче, если «открывать тайну», то открывать надо или всю, или в такой мере, чтобы главное не вызывало сомнений.

Все рассказанное выше имеет прямое отношение к Тухачевскому и его соратникам. Да, именно так! Есть в книжечке один эпизод июня 1937 г.,

заслуживающий того, чтобы его полностью воспроизвести: «Через несколько минут в кабинет Бормана вошел адмирал Канарис. — Мартин! — сказал он. — Я побеспокоил тебя в позднее время. Но это очень важно. Я уверен: ты сейчас начнешь прыгать от радости. Послушай, какое сообщение я получил из Москвы.

— Слушаю.

— Это колоссально! — Канарис вынул из кармана пиджака голубой лист бумаги. — Слушай! По приказу Сталина расстреляли всю старую гвардию советской разведки. Это колоссально!

У Бормана задергался глазной нерв.

— Это достоверные данные? — спросил он взволнованно.

— Конечно! Стал бы я беспокоить тебя в столь позднее время по пустякам.

Канарис достал сигарету и прикурил ее от красивой золотой зажигалки.

— Что-то ты не радуешься? — неожиданно спросил он Бормана.

— Как не радуюсь?! Я бы сплясал, но внизу дети спят.

— Это еще не все, — сказал Канарис. — Наши достоверные источники сообщают, что арестовано более двадцати тысяч работников разведки и контрразведки. Все ЧК разгромлено.

Он посмотрел на Бормана. Мартин зашатался. Его всегда румяное лицо стало бледным.

— Что с вами? Вы не рады? Борман несколько раз кивнул:

— Рад, рад. Но я себя что-то очень плохо чувствую в последние дни. Канарис пожал плечами.

— Вызови врача.

Он учтиво поклонился.

— Лечись.

Медленно повернувшись, он пошел к двери». (С. 22—23.) Этот эпизод сам по себе чрезвычайно интересен, но и очень противоречив. Если Канарис, глава военной разведки Гитлера, с таким разговором является к Борману (хотя вовсе не обязан был являться!), то, значит, он его подозревал. Борман (опытный разведчик!) ведет разговор крайне неудачно. (Ссылка на спящих детей — смехотворна!) Казалось бы, тут Канарис и должен насесть на него, стараясь «расколоть», но он почему-то ОТСТУПАЕТ! Почему? Непонятно[132].

Но главное все-таки не в этом, а вот в чем. Если, как указывается в книжке, Борман имел личный шифр и личный передатчик для связи с Москвой (да был еще протеже Берзиня и Артузова!), то как же можно поверить, что он находился не в курсе того, что в Москве готовилось за кулисами?! А его реплики на речь Канариса показывают, что сообщение явилось для него полной неожиданностью. И это странно: потому что в курсе этого дела должны были быть также и Гитлер с Гессом, а они от Бормана не имели секретов. Значит, получается, Гитлер и Гесс не знали, что советскую разведку удалось разгромить? Как же это Канарис им о том не сообщил?! Первым! Такой ведь феноменальный успех! Получается какая-то странная неувязка.

Подобным же образом обстоит дело и в отношении Тухачевского. Если Гитлер и Гесс знали, является ли Тухачевский их «союзником», то

знал это и Борман. Какую позицию мог он занять, узнав такую сверхтайну: именно, что в России маршалом готовится военный переворот? Ясно, какую! Ведь Борман-разведчик стоял за социализм! Ради этого и принимал в Германии каждый день великие нравственные муки, участвуя в делах, разрабатывая или подписывая гнуснейшие бумаги государственного плана. Этой именно ценой он получал для

передачи уникальную информацию! А социализм ассоциировался тогда со Сталиным, а не с Тухачевским! Следовательно, получив от Гейдриха, Гесса или Гитлера данные о подготовке в СССР военного переворота, Борман был обязан передать сведения об этом лично Сталину (через Ежова или как-то иначе). Что, конечно, и сделал. В силу служебного долга и убеждения, как сторонник социализма. Поступил ли он так, если был разведчиком? Несомненно! В чем доказательство? В том, что он сохранил свою голову после войны, не был выдан для суда, происходившего в Нюрнберге. Учитывались его громадные заслуги в борьбе с фашизмом, в том числе и в деле изобличения Тухачевского. То есть, иначе говоря, Борман выступает как самый надежный свидетель, который получал свою информацию лично от Гитлера и Гесса. А уж они-то точно знали, кем Тухачевский на деле являлся! Именно поэтому в 1945 г., незадолго до смерти, видя, как генералы отворачиваются от него, фюрер со злостью сказал: «Правильно сделал Сталин, что уничтожил всех своих военачальников. Мне это тоже надо было сделать до начала военных действий». (Мельников Д., Черная Л. Преступник № 1. С. 13.)

Итак, у Гитлера, имевшего перед собой реальный личный опыт грандиозной войны с Россией и изменнических дел своих генералов (заговор, покушение, попытка переворота, связи с Англией и США, измена руководства военной разведки — Канарис и др.), не могло быть никаких сомнений относительно Тухачевского. Стоя одной ногой в могиле, он уже не имел необходимости врать относительно какого-то русского маршала, которого давно и в живых-то не было!

Общий вывод, следовательно, каков? Да тот, что и сделан: Сталин не нуждался ни в каких «фальшивых документах» Гейдриха, чтобы казнить Тухачевского и его коллег. Изобличающих доказательств он имел достаточно и без того! И среди них находилось одно из важнейших: свидетельство Бормана, «Тени Гитлера», человека, который знал все, так как входил в восьмерку самых осведомленных лиц Третьего рейха (Гитлер, Гесс, Геринг, Геббельс, Гиммлер, Канарис, Гейдрих, Борман). Это свидетельство было получено Сталиным скорее всего через Ежова.

Было бы весьма интересно познакомиться с полным вариантом данной книжицы о Бормане и увидеть в качестве приложения необходимые документы из КГБ, узнать, кто такой маршал Андрей Иванович, фигурировавший в самом начале (с. 3), откуда он сам почерпнул свои сведения о Бормане, долго бывшие сведениями государственной важности. Кто такой Аркуша, который о Бормане «много знал» (с. 3), но о кото-

ром ничего дальше не говорится. Если, конечно, данная «версия» соответствует действительности.

* * *

Следует прибавить еще некоторые соображения. Групповая борьба в фашистской верхушке и многочисленные поражения на фронтах вызывали среди лидеров яростные склоки и взаимные обвинения. Наибольшему поношению подвергался всеобщий враг и любимец фюрера Борман. Канарис приклеил ему ярлык «коричневый большевик». Генерал Рейнхард Гелен (1902—1962), которого звали «Человеком 1000 тайн», возглавлявший позже западногерманскую секретную службу (БНД), прямо обзывал его «советским шпионом». Готлиб Бергер (1896—1975), генерал СС, начальник штаба Гиммлера, держался такого же мнения. «Это убеждение относительно Бормана, — говорит он, — по моему мнению, получит подтверждение в будущем». Генерал СС Отто Олендорф (1907—1951), ответственный за многие убийства, отвечавший за контроль над культурой, экономикой и даже партией, тоже объявляет Бормана на Нюрнбергском процессе

«русским шпионом». «То, что Борман работал на Кремль в 1943 году, — сказал он, — является доказанным фактом». Альберт Шпеер заявлял: «Влияние Бормана было национальным бедствием». И добавлял: «Мне казалось, что на него произвела большое впечатление карьера Сталина, который также начал свой путь как секретарь своего лидера, Ленина».

Неудивительно, что с подобных подач западные газеты поднимали страшный шум по поводу жизни Бормана и его передвижений. А газета «Эко де вохе» (ФРГ) даже опубликовала скандальную статью: «Мартин Борман — сталинский гауляйтер?»

Все эти обвинения, хотя и исходят от людей очень осведомленных, не могут приниматься всерьез. Личная и фракционная злоба, как известно, не знают границ: достаточный пример — мошенническая кампания Хрущева против Сталина! А для получения секретных сведений из Германии, что ставилось Борману в вину, имелось достаточно и других источников, ибо Гитлера ненавидели очень многие.

«Верный соратник Борман» тоже потерял доверие ко всем «коллегам» высокого ранга. Показательны его пометки в записной книжке, попавшие затем в руки офицеров Красной Армии. Следует привести некоторые записи:

«25 апреля. Берлин окружен.

26 апреля. Гиммлер и Йодль задерживают дивизии, марширующие нам на выручку!

27 апреля. Мы будем бороться и умрем с нашим фюрером — преданные до могилы[133].

Другие думают действовать из «высших соображений», они жертвуют своим фюрером — пфуй! — какие сволочи! Они потеряли всякую честь!

122

Наша имперская канцелярия превращается в развалины.

Мир сейчас висит на волоске.

Союзники требуют от нас безоговорочной капитуляции — это значило бы измену родине.

Фегелейн[134] разжалован: он пытался бежать из Берлина, переодетый в гражданское платье.

29 апреля. Предатели Йодль, Гиммлер и генералы оставляют нас в руках большевиков.

Снова ураганный огонь!»

Записная книжка ясно показывает разложение фашистской верхушки. Гитлер потерял, по крайней мере, 50% своего авторитета, а Борман у всех вызывал ненависть, особенно у соперников. Геринг во время одного из допросов без всяких церемоний заявил:

«Мы называли Бормана «маленький секретарь, большой интриган и грязная свинья».

Поношения по адресу Бормана вполне естественны. Но разве были лучше другие?!

*** * ***

Следует добавить еще один эпизод, который касается Германа Беренса (1907—1946), соратника Гейдриха, бывшего с 1933 г. руководителем Берлинской службы безопасности (СД), в недалеком будущем депутата Рейхстага (с 1939 г.), генерал-майора войск СС, начальника штаба при Имперском комиссаре по укреплению германской нации, организатора террора в Югославии — против коммунистов и партизан.

Человек этот чрезвычайно интересен — и сам по себе, и по родословной, и по семейным связям, так как они многое в жизни и политике определяют.

Сначала об отце и роде. Отца звали Людвиг Оскарович Беренс. Он был немецким бароном из Эстонии, из Таллина, начало своей фамилии возводил к немецкому барону из Тевтонского ордена (возник в Палестине в конце XII в. во время Крестовых походов, имел большие земельные владения в Германии и Южной Европе, в захваченных землях строил свои замки; резиденция великого магистра находилась сначала в Мариенбурге, а с 1466 г. в Кенигсберге)[135].

В очень давние времена (1346 г.) орден купил у датских феодалов укрепленный поселок эстов Линданис («Находящийся в окружении датчан»), называвшийся в XII в. Калеван («Крепость князя Калева»). Так назывался он в честь князя-предводителя, удачно воевавшего с датчанами, немцами и шведами.

На базе этого древнего укрепления викинги-датчане, склонные к заморским походам, построили свою крепость Ревель («Крепость у песчаных отмелей» — качество весьма важное для моряков, не желавших потерпеть крушение). Поселение вокруг быстро разрасталось за счет

привлечения сюда немецких торговцев и ремесленников, имевших свое самоуправление.

Тевтонский орден, после тяжелых поражений, передал свои владения в земле эстов Ливонскому ордену, от них после распада последнего они перешли к Швеции (с 1563 г.). Эта северная держава очень держалась за земли эстов, рассматривая их как свою «хлебную житницу» и передавая большие земельные владения своему дворянству.

Многие годы город процветал и входил в число знаменитых Ганзейских (северо-немецких) городов, составлявших торговый и политический союз (XIV—XVII вв.).

В результате длительной Русско-шведской войны (1700—1721 гг.) Ревель отошел к России и оказался совершенно преобразован (русские люди построили военный порт и новый город вокруг крепости), с 1870 г. проложили железную дорогу, соединявшую его с Петербургом, что имело большое экономическое значение. Параллельно прежнему названию город стал зваться Таллином — «Датским городом» (так звали его эсты). Сначала город был небольшим (в 1897 г. всего 64 тыс. жителей), вековое немецкое влияние очень долго сохранялось. Немцы имели здесь множество привилегий. Город считался культурным и зажиточным (первая гимназия открылась в 1631 г.).

Со времени Ганзейского союза город являлся крупным торговым центром. Поэтому относительно его названия есть и другое мнение. Таллин — «Город, держащий на канатах множество кораблей». Вполне естественное название, учитывающее его большую морскую торговлю.

О настроениях, господствующих в правящей верхушке, надо сказать следующее. В немецкой дворянской среде, на земле покоренных эстов, веками жили прусская надменность, культ жестокости, вероломства и силы, но одновременно дух вечного беспокойства, предприимчивости и постоянной готовности броситься в дерзкие экспедиции «за моря» — с целью скорейшей наживы, ради роскошной жизни (никогда не умиравший дух завоевателей-конкистадоров, точно так же захвативших у индейцев земли в Америке!). Вот из такой среды и происходил Людвиг Оскарович Беренс (1885—1955?), воспитанный в самом воинственном духе, где из поколения в поколение служили на флоте и в армии, рассматривая их, как основу жизни[136]. Хотя имелись в данном роду и финансисты (например, Лефиан Беренс, субсидировавший избрание своего герцога курфюрстом Ганновера (1692 г.).

Он закончил морской кадетский корпус, получил чин лейтенанта, послужил на Балтийском флоте и оказался замечен начальством. Его командировали на

учебу. После окончания разведкурсов в 1910 г. был отправлен военным агентом в столицу Австро-Венгрии Вену. Здесь, используя всяческие связи, поступил на службу лакеем! Но куда — вот в чем вопрос?! Его «господином» стал начальник Восточного отдела австрийской контрразведки Редль, лицо очень знаменитое (о нем дальше будет говориться особо).
124

С ним Беренс очень успешно «работал» и гнал в Петербург самый ценный разведывательный материал.

После самоубийства своего начальника, изобличенного в шпионской деятельности, Беренс получил повышение. В ноябре 1914 г., когда началась Первая мировая война, он с секретным заданием был отправлен в Берлин.

Но на другой стороне тоже не дремали. Тайный немецкий агент известил свою контрразведку, что такого-то числа поездом из Кенигсберга прибудет известный русский шпион.

Немецкая контрразведка не имела его фотографии, но знала, что он выглядит как типичный немец и говорит идеально — на берлинском диалекте. Его сразу «вычислили» и схватили. Выдала остезийского барона «мелочь», собственная неосторожность: забыл вовремя расстаться с калошами фирмы «Треугольник»!

Его доставили в секретную службу на Вильгельмштрассе. И ее начальник полковник Вальтер Николаи[137] после «увещевательной беседы» (угрожая виселицей по законам военного времени!) лично завербовал вражеского агента для работы в пользу Германии. После этого Беренса обменяли на пойманного крупного немецкого шпиона.

Своему начальству, сгорая от стыда, Беренс признался в своей оплошности и ее последствиях. Начальство не стало взыскивать за «бумажную вербовку». Пожурив, велев впредь быть осторожнее, его снова отправили на работу — за границу, в Турцию, в Стамбул. В этом рассаднике международного шпионажа Беренс успешно работал до 1917г., когда начальство отозвало его в Россию — для помощи в организации контрразведки на Балтийском флоте, где он вновь встретился со своим братом, сделавшим карьеру.

С Балтики, после перехода этого флота на сторону революции и расправы с офицерами, Людвиг Беренс перекочевал на Черноморский флот, продолжая заниматься контрразведкой[135]. А когда и там все оказалось потеряно, ибо и этот флот стал на сторону революции, присоединился к противному лагерю, к Добровольческой армии Деникина, потом к войскам Врангеля, оказывая им немалые услуги.

Когда Гражданская война кончилась полным поражением, Беренс бежал с остатками белых войск за границу. Будучи капитаном первого ранга, он обосновался в маленьком провинциальном югославском городке в кадетском училище, выступая в скромной роли преподавателя немецкого языка. Уже к этому времени он имел значительные связи с английской и французской разведками, поскольку Англия и Франция проявляли в течение многих лет большой интерес к Балканам.

Один английский журналист, хорошо знавший ситуацию в том регионе по своим многочисленным поездкам, писал:

«Шпионы слетались на Балканы, как мухи на мед. Английские учителя и лекторы, французские фольклористы, прибалтийские бароны, увлекавшиеся фотографией, и гитлеровские «туристы», проявлявшие
125
живой интерес ко всему, проезжали через Белград, выполняя там какие-то подозрительные миссии. Мало кому из моих товарищей журналистов в той или иной форме не предлагали выполнять секретные поручения. А так как журналист

есть журналист, то всякие такие предложения становились быстро всем известны. Один утверждал, что как-то на прогулке к нему обратился английский дипломат Джулиан Эмери с предложением помогать тайной переброске оружия и денег в горные районы одной из балканских стран. Другому корреспонденту, по его словам, предлагали ехать на барже со взрывчатыми материалами, предназначенными для взрыва у Железных Ворот с целью помешать входу в Дунай германских кораблей.

Одна из таких многочисленных попыток завербовать представителей прессы на секретную работу окончилась весьма неприятно для моего коллеги. Однажды знакомый из дипломатической миссии попросил его взять к себе чемодан на хранение. Корреспондент согласился. Через некоторое время ему понадобилось уехать из города по какому-то делу, и он, для большей сохранности, оставил доверенный ему чемодан в британской миссии, а там нашлись люди, которые в большей степени, чем он, заинтересовались содержимым чемодана. Вернувшись, он, к своему ужасу, узнал, что его обвиняют в хранении взрывчатых веществ в британской королевской миссии. В результате этого инцидента его срочно перевели и другое место.

Не только журналисты, но и многие англичане, работавшие на Балканах в качестве инженеров, коммерсантов, технических руководителей и директоров концессионных фабрик и шахт, были завербованы здесь агентами тайной британской дипломатии. Из различных толков, ходивших по всем белградским кафе и ночным клубам, явствовало, что эта тайная организация снабжала оружием людей, которых намеревались впоследствии использовать как английскую опору на Балканах. Вместе с тем оружия не давали тому, кто мог бы повернуть его против изменников своего народа. Это было не только на Балканах, даже в момент падения Франции и поражения в Дюнкерке английское правительство не решилось дать оружие в руки рабочего класса и сельского пролетариата.

Большинство агентов английской разведки были молодые люди из буржуазной среды, и поэтому такая «осторожность» английского правительства их ничуть не смущала»[139].

В том маленьком городке, где Беренс обосновался, в генеральских и офицерских кругах, среди кадетской молодежи, к 1921 г. он имел громкую славу: его рассматривали чём-то вроде нового Томаса Лоуренса (1888—1935), этого знаменитого английского разведчика, известного своими операциями на землях арабов (Сирия, Палестина, Египет, Аравия), а также в Индии.

Но Беренса хорошо знали не только в белогвардейской среде. Его ничуть не хуже знали и в ЧК. Один из разведчиков ЧК, отправленный в Югославию для разложения белой эмиграции, писал о нем в Москву так:

«Фон Беренс — по внешнему виду простоватый и застенчивый, на самом деле — человек с железной волей, любимец корпусного персонала и кадет. Его необычайная физическая сила, знание джиу-джитсу, богатая приключениями жизнь и эпикурейский взгляд на вещи, его намеренная отстраненность от политики вызывали всеобщее уважение»[140]. Другие люди, хорошо знавшие Беренса, считали, что он как враг «смертельно опасен». И сам разведчик ЧК Алексей Алексеевич Хованский, бывший морской офицер, служивший на подлодке «Буревестник» в качестве второго помощника капитана, в чине капитана третьего ранга, после общения с ним одному из своих коллег говорил:

«Порой мне кажется, что он уже все разгадал, все рассчитал и, как тигр, готовится к прыжку, а порой — он лишь ради любопытства наблюдает за «мышиной возней» и посмеивается».

Сам Беренс, потерявший много иллюзий в ходе жизненной борьбы, однажды так сформулировал свое жизненное кредо, ссылаясь при этом на знаменитого поэта Востока Саади: «Со злым будь злым, с добрым будь добр, среди рабов будь рабом, среди ослов — ослом».

Находясь в Сербии, Беренс женился вторым браком на дочери мелкопоместного помещика из Херсона Ирине Жабоклицкой, очень красивой женщине, вдове сотрудника отдела польской разведки.

Используя свои многочисленные связи (в том числе с Канарисом и Альфредом Розенбергом, который тоже был уроженцем Таллина[141]), Беренс установил доверительную связь и с немецкой военной разведкой. После 1933 г. Беренс перебрался в Берлин и стал работать у Розенберга в Бюро иностранной помощи НСДАП. Его лично принял «маленький Одиссей», как называл Канариса Риббентроп. Адмирал сказал, что много слышал о нем хорошего от ныне покойного начальника военной разведки Штейнхауера, что он хочет вернуть его в свое ведомство и поручить ему важную миссию. Беренс согласился, поскольку военную разведку считал более близкой себе. После прохождения особых трехмесячных курсов его вновь отправили с женой в Югославию для выполнения особых заданий (обнаружение там советских разведчиков, выявление связей НТСНП/НТС с иностранными разведками, противодействие образованию патриотических русских организаций из числа эмигрантов и т.п.).

С большим усердием он трудился в Белграде, в небольшом особняке на Крунской улице, постоянно контактируя с немецким посольством и комиссаром гестапо (!) Гансом Гельмом при посольстве. Кто у него только не побывал! Знали сюда дорогу: вождь югославских фашистов Летич, начальник русского отдела тайной белградской полиции Губарев, терский атаман Вдовенко, известный атаман Шкуро, полковник белогврдеец Павский, испанский шпион Чертков, будущий начальник «Русского охранного корпуса» генерал Скородумов (корпусу предстояло действовать как полицейской силе), вождь югославских немцев Янко Сеп.

127

Гитлер оказывал организации этих фольксдойчей за границей, как «пятой колонне», много внимания. Он обращался к ним в своем воззвании так:

«Вы будете нашими разведчиками, нашими впередсмотрящими! Ваш долг подготовить для армии плацдарм задолго до ее прихода. Ваша задача замаскировать нашу подготовку к нападению. Считайте, что вы на фронте! Для вас вступили в действие законы войны. Отныне вы сама соль, сама суть германского народа. И теперь все зависит от вас, чтобы после победы не нашлось бы такого немца, который поглядел бы на вас косо. Ваша миссия стать в грядущем опекунами в покоренных странах и от имени великого «третьего рейха» вершить неограниченную власть. Управлять от моего имени теми странами и народами, где вы были преследуемы и угнетены. И, таким образом, наша прежняя старая беда — вынужденное переселение многих миллионов немцев в чужие земли — превратится в величайшее счастье!»[142]

Бывал у Беренса «в гостях» также генерал Николай Батюшин, бывший начальник разведки в Варшавском военном округе. После завершения Гражданской войны он постоянно проживал в Белграде, придерживался, естественно, белогвардейских убеждений. По своим делам он, однако, приезжал в Германию, где в 1921—1923 гг. не раз бывал в доме Эриха Людендорфа, видного руководителя германской армии периода Первой мировой войны. А в этот дом был вхож и полковник Николаи, человек весьма близкий к этому всем известному генералу.

Дальнейшая судьба Людвига Беренса неизвестна. Если он не умер во время войны 1941—1945 гг., не «влип» в дело германских генералов, составивших заговор против Гитлера, то скорее всего он сдался американцам после 25 августа 1944 г., когда в освобожденный от немцев Париж вступили французская и американская дивизии.

Передав американцам все известные ему секреты (как и другие немецкие разведчики), он обеспечил себе мягкий приговор и новую работу. Отслужив положенный срок, вышел на пенсию и завершил жизнь то ли в Германии, то ли в США.

О трех сыновьях Людвига Беренса (рождения 1907, 1909 и 1911 гг.) известно мало, — и уж верно неспроста! Имелась у него и дочь — актриса Маня (!) Беренс. Она тоже работала в разведке, в 30-е годы была любовницей Бормана (!) и играла роль связной между ним и отцом.

Можно не сомневаться: все сыновья Беренса следовали семейной традиции — службе на флоте. И в силу этого кончили кадетский морской корпус в Киле, представлявшем собой центр судостроения, важнейший порт Германии на Балтийском море, где находилась военно-морская база и где моряки в 1918 г. подняли восстание против монархии, послужившее началом ноябрьской буржуазной революции 1918 г.

Выбор учебного заведения не был, понятно, случаен: отец думал о будущей карьере сыновей. Он учитывал, что адмирал Эрих Редер (1876— 1960), начальник военно-морских сил Германии, и сам закончил это

учебное заведение. Отец намеревался в будущем устроить сыновей на работу в разведывательное ведомство. Чем занимается адмирал Кана-рис, он, разумеется, как разведчик, отлично знал. Судьба, после окончания кадетского корпуса и положенной службы на корабле, раскидала сыновей в разные стороны. Первый, Герман Беренс, имея чин полковника, оказался в ведомстве Гиммлера-Гейдриха, занимался внешней и внутренней разведкой. Второй, Фридрих Беренс, осел в разведывательном аппарате у адмирала Редера, бывшего в 1935—1943 гг. главнокомандующим ВМФ. Там он занимался научными исследованиями по экономике и вооружениям Германии и ее врагов. Он долго был под большим влиянием своего адмирала. Редер отличался большой самостоятельностью мышления и многократно спорил с Гитлером, за что тот отправил его в отставку (1943 г.). Адмирал оставил после себя интересные мемуары «Моя жизнь» (Тюбинген. 1956—1957).

Взгляды Фридриха все больше расходились с официальными. Войдя в контакт с элементами, настроенными враждебно к Гитлеру, он тайно вступил в компартию Германии и долго работал в ее пользу, ни разу не попав в руки гестапо. Вероятно, в этом сильно помог старший брат — уж если не из братской любви, то ради собственной безопасности. Благополучно пройдя сквозь ужасную войну, этот Беренс 36-и лет с почетом вошел в новую Германию. Он жил и работал в ГДР, занимая пост профессора и директора Института политической экономии Лейпцигского университета им. К. Маркса.

Третий брат, впитав в себя неприязнь части офицерского корпуса к Гитлеру и его завоевательной программе, к его намерению вести войну с Россией, незадолго до прихода Гитлера к власти, на основе секретных соглашений, переехал в Россию и поступил здесь на службу в советский Балтийский флот, который очень нуждался в опытных офицерах[143]. Он не пожелал возвращаться в Германию Гитлера, отказался от немецкого гражданства, принял советское, вступил в ВКП(б) и, подобно многим немцам, стал делать вполне успешную карьеру, получив много орденов.

Всемогущее ЧК-НКВД никогда особенно не тревожило его из-за кровного родства с крупным чином в СС. Это родство с выгодой использовалось в разных чекистских операциях за рубежом.

В заключение следует сказать, что в системе родственных связей Беренсов много неясного. Необходимо специальное и подробное исследование по этой фамилии. Выводы могут оказаться в высшей степени неожиданными и сенсационными. Ведь у нас изучением родословных никогда серьезно не занимались (исключение составляла небольшая группа людей — Пушкин, Лермонтов, Л. Толстой, Фет и т.п.). А Беренсы играли видную роль в истории России и Германии. Очень показательным является следующий факт: только в Москве до 1914 г. немцев числилось 30 тысяч человек, и среди них имелось немало Беренсов разного уровня благосостояния и профессии. В связи с войной многие перебрались в Германию и воевали затем с Россией.
129

Русская же часть Беренсов, которых до 1914 г. очень много проживало в Москве, достаточно известна. Например: Беренс Александр Иванович (1825—1888) — генерал-лейтенант, профессор военной истории и стратегии в академии Генерального штаба (1855—1875); Беренс Евгений Андреевич (1876—1928), родившийся в дворянской семье, окончивший Морской корпус, участвовавший в Русско-японской войне (на крейсере «Варяг»). В 1910—1914 гг. последний был военно-морским атташе в Германии (!), в 1915—1917 гг. — в Италии. С 1917 г., имея чин капитана первого ранга, числился в Морском Генштабе начальником Иностранного отдела. Он стал на сторону Октябрьской революции и занимал видные посты (начальник Морского Генштаба, командующий морскими силами республики, офицер для особо важных поручений при РВС республики). Был влиятельным экспертом при заключении мирного договора с Финляндией, участвовал в Генуэзской и Лозаннской конференциях, был также экспертом в комиссии по сокращению вооружений в Женеве. В 1924 и 1925 гг. занимал посты военно-морского атташе в Великобритании и Франции. Известен также в 30-е годы К.Ю. Берендс, преподаватель военной академии имени М. Фрунзе. (Его фото есть в книге: Казаков М.И. Над картой былых сражений. М., 1965, с. 31.)

Эти примеры неизбежно наводят на глубокие размышления. Совершенно несомненно, что в германском морском флоте, хотя офицерский и адмиральский состав был монархическим, неизбежно в силу разных обстоятельств появлялись всякие «шаткие» элементы. Часть из них переходила на сторону революции, а часть уходила к нацистам. При этом и сами нацисты на них полагаться могли не вполне. Из этих вот последних элементов выходили союзники русской «оппозиции». Об одном таком руководителе ВМФ Германии следует рассказать. Что он являлся тайным союзником Тухачевского и его сторонников, можно утверждать с абсолютной несомненностью. К их числу принадлежал генерал-адмирал (1940) Рольф Карльс (1885—1945). Так заставляют думать удивительные «зигзаги» его карьеры. Они говорят ясно о крайнем недоверии Гитлера к нему.

Карльс начал служить на флоте кадетом с 18-ти лет (1903). Кончил военное училище, стал лейтенантом. Хорошо зарекомендовал себя. Участвовал в Первой мировой войне и, окончив школу подводных лодок, успешно командовал двумя подводными лодками, действовавшими против торговых кораблей союзников (U-9 и U-124). Продолжал службу после официальной демобилизации. Упорно учился и при Гитлере (1935—1936) стал командиром линейных кораблей. Получил адмиральский чин и руководил действиями германского флота в Гражданскую войну в Испании. После возвращения в Германию (Киль) командовал немецким военным флотом (1.01.1937—17.06.1938). Был смещен Гитлером, как думали в обществе, со страшным понижением (в связи с «делом

Тухачевского»). Отправлен командовать военно-морской станцией («Остзее»). Ради своей реабилитации, с рядом других руководителей флота, выступал за
130
захват Норвегии и ее военно-морских баз, чтобы обеспечить беспрепятственный подвоз железной руды из Швеции. Гроссадмирал Эрих Редер (1876—1960) его поддерживал, Норвегию удалось захватить, но с очень большими потерями для немецкого флота. Тем не менее свою «репутацию» восстановил. С апреля 1940 г. стал командовать группой ВМФ «Север». Когда на линкоре «Бисмарк» в бою с англичанами погиб командующий флота Гюнтер Лютьенц (1889—27.05.1941), а вместе с ним погиб и штаб флота, и почти вся команда (числилось 2100 человек), был назначен на его место, с сохранением старой должности. Но вскоре оказался вынужден уступить должность коллеге — адмиралу Отто Шнивинду (1888—1964), которого все время поддерживал гроссадмирал Э. Редер.

Тем не менее пользовался на флоте громадным уважением — за широкий круг познаний, организаторские способности, смелость и прямоту. Сослуживцы звали его «Морской царь». Сам Э. Редер, уходя в отставку (1943) из-за споров с Гитлером, своими возможными преемниками назвал его и К. Деница. Гитлер выбрал более покладистого — Деница (имел клички «Лев» и «Папа Карл»). Последний выступал с программой резкого увеличения строительства подводных лодок и уничтожения торгового флота врага на его главных коммуникациях. Его кандидатуру поддержали А. Шпеер и военно-морской адъютант Гитлера — капитан Ф. Путткамер. Дениц, с согласия фюрера, немедленно предпринял «чистку» своего ведомства от личных врагов и «сомнительных». В конце мая 1943 г. Карльс оказался вынужден уйти в отставку. В свои 60 лет (умер в середине апреля 1945 г.) он увидел полное поражение Германии и мог только проклинать своих врагов и предаваться сожалению, что силы его и опыт были использованы не в полной мере.

Возникает естественный вопрос: за что же обрушилась на адмирала такая беда? Ответ вполне очевиден и неоспоримо подкрепляется временем его смещения с важной должности — летом 1938 г., т.е. временем разгрома военного заговора в России. Гитлер и Сталин являлись гражданскими и партийными руководителями, их противники — в значительной мере военные. Адмирал Карльс входил в оппозиционные круги немецких военных групп. Он поддерживал Людендорфа, и ему предстояло стать главным исполнителем крайне дерзкого и опасного плана: переправить на своих судах отборные десантные войска под Ленинград, произвести там высадку и с помощью заговорщиков на верхах взять город, затем развивать наступление на Москву, чтобы помочь другим заговорщикам захватить и столицу советской страны, свергнув «тирана» Сталина.

Гитлер, когда он через свою секретную агентуру узнал о таком плане, до смерти испугался. Хотя он и сам являлся авантюристом, такая авантюра (при армии, не готовой к большой войне!) казалась безумной даже ему. Из правильного понимания обстоятельств последовала молниеносная «расправа» с адмиралом и его снижение в ранге. Воистину можно было бы сказать: «Не лезь раньше батьки в пекло!»
131

Впрочем, «пострадал» не один Карльс. Да и что значит «пострадал»? Невинное название «Остзее» на самом деле лишь прикрывало кое-что для несведущих: эта военно-морская станция являлась тогда крупнейшим соединением кораблей ВМФ Германии. На этом посту побывал и соратник Карльса, участник намеченного предприятия генерал-адмирал (1940) Конрад Альбрехт (1880—1969). Он был участником Первой мировой войны, командовал флотилией торпедных катеров, награжден за боевые заслуги Железным крестом

1-го и 2-го класса и Рыцарским крестом Дома Гогенцоллернов. Побывал также на посту начальника штаба военно-морской станции «Остзее» (1925—1928), затем на посту руководителя отдела офицерских кадров Морского управления, в 1932—1935 гг. — он начальник названной «Остзее». А с начала декабря 1935 г. очутился на посту военно-морского адъютанта у Гитлера. В конце 1937 г. вновь вернулся на пост начальника «Остзее», а в середине 1938 г. получил назначение на пост командующего более сильного соединения ВМФ «Восток». Руководил немецким флотом в польской кампании 1939 г., затем занимался его реорганизацией в группу «Север», после чего (из-за недоверия к нему Гитлера) 31 декабря 1939 г. смещен с должности и отправлен в отставку.

ГЛАВА 8. ПРОКУРОР СССР АНДРЕЙ ВЫШИНСКИЙ

Красноречие — дорога, ведущая в ад.
Античный афоризм

Вышинский — лицо очень видное во всех тех и других важных событиях советской жизни[144]. Как складывалась его жизнь?

Андрей Януарьевич Вышинский (1883—1954, чл. партии с 1920) — родом из дворян, с польскими корнями. Родился в Одессе, в 1913 г. окончил юридический факультет в Киеве. Участвовал в студенческом и революционном движении; будучи социал-демократом, вошел во фракцию меньшевиков. Так как его по политическим основаниям не допустили к получению профессуры, усиленно занимался литературой и педагогической деятельностью. В 1917 г. установил секретные отношения с Лениным и представлял собой его тайного агента среди меньшевиков, передавая руководителям большевиков важную информацию. Он подписал ордер Временного правительства на арест Ленина, но он же сделал так, что Ленин благополучно ускользнул от ищеек правительства. При Советской власти удачно делал карьеру, как человек, обладавший широким кругозором и выдающимися способностями: в 1921—1922 гг. — преподаватель Московского университета, декан экономического факультета Института народного хозяйства, в 1923—1925 гг. — прокурор

уголовной коллегии Верховного суда СССР; в 1925—1928 гг. — ректор Московского университета, 1928—1931 гг. — член коллегии Наркомпроса РСФСР, 1931—1933 гг. — прокурор РСФСР, заместитель наркома юстиции РСФСР, 1933 г. — заместитель прокурора СССР, 1935—1939 гг. — прокурор СССР. Он был активным участником всех политических процессов 30-х годов. Его прах захоронен в Кремлевской стене, рядом с самыми уважаемыми людьми страны.

Отзывы о Вышинском у разных людей были различные. Л. Берия, ставший преемником Ежова, к нему относился неприязненно. Серго Берия о причинах говорит так: «У отца были совершенно другие представления о прокурорском надзоре. При Вышинском органы прокуратуры, по сути, были таким же карающим мечом, как и органы безопасности». «И дипломатом Вышинского отец никогда не считал. Называл помесью дипломата с прокурором. А чаще — мерзавцем. (...) У него к Вышинскому была давняя неприязнь, еще с Грузии. Он не мог и ему, и Ульриху простить гибель людей, которых он пытался спасти»[145]. Личные неприязненные отношения, конечно, были — их порождали должностное положение и разница во взглядах. Но неизбежность столкновения с Ежовым делала их временными союзниками: Берия хотел сесть на место Ежова, Вышинский — спасти свою голову.

Вот каково было действительное положение! Удивительно, но многие авторы его просто не понимают. И поэтому в адрес Вышинского идут самые ужасные обвинения. Несомненно, многие из них обоснованны. Типично высказывание М. Ишова, военного прокурора. Каков его собственный путь? Вот главные вехи: родился в 1905 г., вступил в комсомол и в 1919 г. ушел в Красную Армию. Воевал на Польском фронте, был контужен, после излечения служил в Днепропетровске, учился и работал. С 1928 г. работал в Ленинградском округе, с 1931 г. — заместитель военного прокурора пограничных и внутренних войск Северо-Кавказского края, с 1935 г. — военный прокурор пограничных и внутренних войск Калининской обл., с сентября 1937 г. — заместитель военного прокурора[146] пограничных и внутренних войск Западно-Сибирского военного округа (в подчинении находились военные прокуроры Алтайского и Красноярского края, Омской и Новосибирской областей), член окружной партийной комиссии. В 1938 г., в связи с попытками остановить безумную лавину арестов в военной среде, был арестован как «троцкист и участник право-троцкистской организации», проводившей «антисоветскую агитацию». Осужден на пять лет лагерей. В 1955 г. реабилитирован. О дальнейшей судьбе его не сообщается, но, видимо, до выхода на пенсию работал в системе комиссий, занимавшихся реабилитацией политических заключенных. Умер, вероятно, до 1980 г.

Каковы были политические взгляды Ишова? Прямо об этом он в своих воспоминаниях не говорит, но определить его ориентацию можно достаточно точно по ряду фактов:

133

1. Его сестра Розалия была старым членом партии, с партстажем до 1917 г., сидела еще в царских тюрьмах, таковы же были и ее подруги. Их Ишов глубоко уважал, и они очень влияли на него.

2. Среди его друзей числились лица, имевшие партстаж с самого начала Советской власти (В.Р. Домбровский, нач. управления НКВД Калинской обл. — с 1918 г., М.В. Слонимский, нач. областного управления милиции — с 1917 г., первый секретарь Калининского обкома партии М.Е. Михайлов — с 1919 г.). Это было поколение людей очень смелых и самостоятельных — потому, что они сами создавали и утверждали Советскую власть.

3. Среди политиков ориентировался на С. Орджоникидзе и его окружение (а в нем находились также и Бухарин с Пятаковым!).

4. Среди военных больше всех почитал М. Тухачевского и не очень это скрывал (в 1937 г. Ишову было всего 32 года!). Поэтому, когда над маршалом разразилась «гроза», на него самого тут же был подан донос со стороны сослуживца и «друга» — председателя военного трибунала Серпуховитинова. В своем заявлении, переданном начальнику политотдела внутренних и пограничных войск Калининской обл. Яновскому, этот «сослуживец» писал, что Ишов «выражал сожаление по поводу ареста Тухачевского, Якира и др». (Там же, с. 197.) Дело дошло до ЦКК в Москве. Доносчик был изобличен в клевете и лжи, документально изобличен в том, что сам служил секретарем суда при гетмане Скоропадском на Украине (!), что охотно прибегал к лжесвидетельству. Из партии его исключили, с работы сняли, позже уволили из РККА.

Впечатлениями и встречами с разными людьми, и прекрасными, и крайне гнусными, жизнь Ишова оказалась очень богата. Все он испробовал на себе. Обстановка 1937—1938 гг., по его словам, была самой ужасной: «Продолжались аресты крупных военных и партийных и советских работников. Развернувшиеся и принявшие массовый характер аресты стали лихорадить страну, вселяя в людей страх и неуверенность. Руководители предприятий, учреждений, партийных организаций, командиры воинских частей сменялись один за другим.

Были арестованы видные деятели партии и государства: Енукидзе, Ломов, Уншлихт и другие. Создалась обстановка всеобщей подозрительности, породившая целую армию клеветников и провокаторов. Они действовали беспрепятственно, открыто, нагло и беззаконно. Люди в то время стали бояться собственной тени, перестали общаться (!).

Любого доноса, анонимки было достаточно для ареста и осуждения. Страх обуял и парализовал всех. Лжедоносительство приняло колоссальные размеры.

Многие коммунисты и комсомольцы, на протяжении долгих лет боровшиеся с оппозицией за генеральную линию партии, арестовывались как троцкисты и осуждались как «враги народа». Ярлык врага народа приклеивали всем арестованным без исключения и какого-либо повода». (Расправа. С. 196—197.)
134

«Было мучительно тяжело. Найти должное объяснение происходившим массовым арестам я не мог, а между тем многие товарищи, выступавшие на партактиве, говорили с пафосом и большой легкостью о «врагах народа», будто им все ясно. Мне же было непонятно, как могло случиться, что известные всему народу старые, честные, беспредельно преданные рабочему классу большевики, внезапно заболели страшной инфекционной болезнью, называющейся изменой родине? Как же, — думал я, — люди, отдавшие свои силы революции, народу, партии, вдруг стали на путь предательства, измены, шпионажа?

Мои сомнения и тревога за судьбы многих людей еще более усилились в связи с происшедшим у нас событием». (С. 201.) (Имелся в виду арест первого и второго секретарей обкома партии М.Е. Михайлова и А.С. Калыгиной, члена партии с 1915 г.)

«Стремясь выгородить себя и других своих сотрудников, Мальцев (нач. Новосибирского управления НКВД. — *В.Л.)* систематически продолжал мешать нормальному ходу следствия, не прекращая массовых арестов невиновных людей. Число арестов росло, принимая чудовищные размеры.

Не было человека, спокойно и уверенно работавшего. Никто не знал, что с ним будет завтра. На борьбу с «врагами народа» были мобилизованы практически все сотрудники НКВД. Все это крайне настораживало и беспокоило. Вначале мне казалось, что в Москве мало знают о произволе органов, поэтому я систематически доносил о всех случаях грубого нарушения законов в Главную военную прокуратуру. Многочисленные донесения, меморандумы, докладные записки адресовывались мною персонально Главному военному прокурору Розовскому, прокурору Дорману и др. Отдельные донесения писал непосредственно Прокурору СССР Вышинскому и в ЦК партии. К сожалению, ни помощи, ни поддержки со стороны Главной военной прокуратуры не было, хотя на словах меня обнадеживали, обещали поддержку. Атмосфера создавалась крайне удушливая, невыносимая. На всех лежала тяжелая тень подозрения». (С. 217.)

«Мои сигналы, донесения Вышинскому, Розовскому, а также ЦК партии никаких положительных результатов не дали. Мой развернутый доклад Новосибирскому обкому партии также ни к чему не привел. И все же я принял решение продолжать свои обращения к партии. В тот период я направил множество подробных писем и докладов в Политбюро партии и лично Сталину[147]. Я питал надежду и твердую уверенность, что мой голос будет услышан, но этого не случилось. Как-то получилось все иначе. Все наоборот. Вокруг меня быстро начали сгущаться тяжелые тучи.

9 февраля 1937 г. мою сестру Розалию Ишову арестовали в Москве органы НКВД, а брат, инженер Военно-морского флота Леонид Ишов, арестован в

Кронштадте в апреле того же года. Если раньше на все мои сигналы, записки и докладные Главная военная прокуратура никак не
135
реагировала, то сейчас она оказалась «на высоте». Как ни странно, получив от кого-то «сигнал» об аресте моих сестры и брата, ГВП как никогда проявила мобильность и бдительность. От меня срочно затребовали письменного объяснения о моих взаимоотношениях и «связях» с сестрой и братом. Требуемые от меня сведения я изложил с исчерпывающей полнотой и немедленно передал в Главную военную прокуратуру». (С. 219.) «Усилив борьбу с нарушителями советского закона, я был вынужден снова перенести вопрос об этом в областной комитет партии, приводя в подтверждение сотни фактов грубейшего нарушения прав человека. Как я понял, секретари обкома все чувствовали, видели и знали, но, к великой печали, были не в состоянии что-либо изменить. Я начал убеждаться, что я борюсь с ветряными мельницами и что руководящие партийные работники обкома тоже находились под неослабным наблюдением и контролем НКВД. Партийных руководителей райкомов, обкомов, крайкомов с необычной легкостью арестовывали и заключали в тюрьму. Страшный ярлык «врага народа» продолжал навешиваться на честных людей.

Мои усилия в борьбе за законность практически оказывались тщетными. Ничего изменить я не мог, если не считать нескольких десятков невиновных людей, освобожденных мною из тюрьмы и арестов немногих мерзавцев, фабриковавших уголовные дела. Все это было каплей в море.

Во мне все восставало против клеветы и издевательств. Непрерывно мучила мысль, как же выйти из создавшегося тупика. Ведь отчетливо было видно, как вся государственная машина работает на такое страшное зло. Но одновременно с этим я не переставал верить в доброту и справедливость. Мечталось о правде, а число фактов нарушения и искажения законов росло с каждым днем.

Бороться с фальсификаторами становилось все труднее и труднее. И вот в июле 1938 года я принял решение добиться свидания с Генеральным прокурором СССР Вышинским, для чего выехал в Москву, захватив с собой собранный мной материал о фактах грубейшего нарушения законности. За каждым документом стоял живой человек.

Кроме того, произведенные к тому времени аресты членов ЦК, секретарей ЦК Украины Косиора, Хатаевича, видного политического деятеля Постышева, вожака питерской комсомолии и секретаря Ленинградского обкома партии П. Смородина, о ком слагали поэмы, секретаря ЦК комсомола Косарева[148], наркома просвещения Бубнова, крупного военачальника Дыбенко и многих др. — заставили серьезно и очень о многом задуматься. Творившееся беззаконие зашло слишком далеко, приняв огромные размеры.

Вскоре я узнал об аресте еще ряда видных государственных деятелей, таких, как Крыленко и Антонов-Овсеенко[149]. Тогда же стало известно об аресте Карахана, Калмыкова, Шацкого, Рудзутака, Сосновского, М. Кольцова, Бруно-Ясенского, Эйхе и многих-многих других.
136

Еще острее я почувствовал результаты произвола и беззакония, от которых бессмысленно гибнут лучшие ленинские кадры, а их и так с каждым днем оставалось все меньше и меньше». (С. 224—225.)

«Чрезмерная боязнь, страх перед органами НКВД, я бы назвал это массовым психозом, обуяли всех поголовно, парализовали и психику и разум людей. Многие, стремясь доказать свою «приверженность и преданность» органам, утратили мужество и порядочность. Они стремились делать абсолютно все, что ждало от них НКВД. В прошлом достойные, уважаемые люди готовы были в

угоду работникам органов доносить на самых близких людей и даже родных, готовы были подписать любой, даже ложный документ или показание». (С. 228.)

Как же выглядел на фоне этих событий Вышинский? В июле 1938 г. Ишов, приехав со своими материалами в Москву, сумел пробиться к нему на прием. Он пришел в сопровождении Главного военного прокурора Розовского. Состоялся большой и опасный разговор. «Долг коммуниста заставил меня доказывать Вышинскому порочность применяемых физических методов при допросах. Хотя я чувствовал, что мои доказательства ни к чему не приводят, все же продолжал настаивать на своем, на что-то надеясь. И вдруг я почувствовал леденящий душу холодок, который стоял в зрачках Вышинского и даже проступал сквозь стекла очков. Этот холодок был в лице, голосе, обращении. Он чувствовался даже в рукопожатии.

Когда я выходил от Вышинского, он, обращаясь к Розовскому, сказал: «Ну что ж, нужно проверить изложенные здесь тов. Ишовым материалы и принять меры, а поскольку у тов. Ишова в Сибири создались обостренные отношения с руководством НКВД, то переведите его на работу в аппарат Главной военной прокуратуры, а там будет видно».

Так уж издавна повелось на свете: обманщики обманывают, а легковерные верят. Не отношу себя к категории особо легковерных, но в том, что Вышинский оказался чудовищным и коварным человеком, обманщиком, я убедился после отъезда из Москвы. Прошло немного дней, и я ясно увидел, что из всех «врагов народа» самый опасный тот, который прикинулся другом. У меня не было сомнения, что у самого Вышинского и вокруг него все дышало жестокостью и ложью». (С. 227.)

«Анрей Януарьевич действовал в сговоре с Берией и другими преступниками из органов НКВД, а роль честных прокуроров была им сведена к нулю. Прокуроры, поднявшие голос протеста против произвола и беззакония, убирались немедленно. Их арестовывали, расстреливали, лишали свободы, отправляли в дальние лагеря. Под руководством Вышинского продолжала работать группа прокуроров, утратившая партийную и гражданскую совесть, трусливо поглядывавшая на работников НКВД, выполняя все их указания, не возражая и не борясь с их нечеловеческими, противозаконными действиями.

По сути получилось, что не прокуратуры осуществляли надзор за органами НКВД, а органы НКВД полностью распоряжались прокуратурой, как своим органом. Такие прокуроры покупали себе жизнь и сво-

137

боду ценой жизни и свободы многих тысяч честных людей. Соглашаясь с беззаконием, они способствовали произволу. Дорогой ценой, большой кровью они платили за личное благополучие и награды». (С. 293.)

Так общая картина виделась со стороны. Ибо Ишов не участвовал в закрытых совещаниях руководства, не знал, кто какую точку зрения защищал, чем он руководствовался. Поэтому в настоящий момент окончательное мнение о Вышинском высказать нельзя. Слишком велико было сплетение интриг вокруг него. Такого мнения держался и Лев Шейнин, автор известных детективных рассказов, а до того следователь по особо важным делам при Вышинском.

Добросовестность требует массовой публикации документов — целыми сборниками. Только тогда станет ясно, кто был кто на деле.

И все-таки, вопреки мнению многих, Вышинский за «кулисами» предпринимал какие-то очень серьезные меры в союзе с рядом очень влиятельных людей (Берия и другие) по низложению «железного» наркома. Когда последнего судили, выясняя объем его преступлений, Сталин решительно отверг его обвинения в адрес Вышинского.

Падение Ежова не только не стоило Вышинскому головы и карьеры, хотя они формально действовали вместе, но, напротив, вознесло его еще выше: с 1939 г. Вышинский действительный член Академии наук СССР, в 1939—1944 гг. — заместитель председателя СНК СССР, в 1940— 1946 гг. — первый заместитель наркома по иностранным делам СССР, с 1949 г. — министр иностранных дел СССР.

Он был участником важнейших международных конференций и совещаний после Великой Отечественной войны, неоднократно выступал с трибуны Генеральной ассамблеи. Он автор двухсот с лишним книг и брошюр по вопросам юриспуденции, международного права и международной политики. Имел за работу 4 ордена Ленина (больше, чем Тухачевский!), орден Трудового Красного Знамени и медали[150].

ГЛАВА 9. ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СЛЕДСТВИЕ

Кто съел виноград? Козлик.
А что стало с козлом?
Его съел кровожадный волк.
А в волка выстрелило ружье.
Ружье погибло от ржавчины.
А ее съел беспощадный огонь.
И у огня был враг — вода.
И у того врага — СВОЙ ВРАГ.
Из грузинской песни

Итак, все крупные командиры, кого Ежов подозревал в измене, на кого он имел «данные», были арестованы. Хватали в следующем поряд-

ке: Медведев — 14 августа 1936 г., Примаков — 14 августа 1936 г., Путна — 20 августа 1936 г. (почти за год до Тухачевского!), Корк — 14 мая 1937 г., Фельдман — 15 мая 1937 г., Тухачевский и Эйдеман — 22 мая, Якир — 28 мая, Уборевич — 29 мая. При этом Примаков и Путна обвинялись еще, помимо прочего, в тайной троцкистской деятельности.

Расследование происходило исключительно быстрыми темпами и уложилось буквально в две недели

Самым прославленным и удачливым следователем Ежова считался Ушаков (Ушиминский). В 1937 г. Ушакову был 41 год (1896—1938, чл. партии с 1930). Он родился в Киевской области, в еврейской семье. Его близких хорошо знал один из братьев Л. Кагановича, что очень способствовало карьере членов семьи.

Участвовал в Гражданской войне. Командуя ротой под Нарвой, получил ранение в руку (1918). Работал в особом отделе ЧК, долго являлся тайным сотрудником. С 1930 г. — в кадрах ОГПУ-НКВД. Когда Леплевский, видный работник ОГПУ, перебрался из Киева в Москву (он был назначен начальником Особого отдела), как доверенный сотрудник, переехал туда с ним (декабрь 1936). Блестяще знал все виды оппозиционных кругов, в том числе и военных, так как долго вращался в них по заданию своего начальства. Его уровень был — командиры дивизий и начальники военных округов. Допросы Тухачевского вел уже в чине капитана. За образцовое выполнение важнейших заданий имел награды (орден Красного Знамени, орден Ленина).

На предварительном следствии Ушаков старался «не за страх, а за совесть». Перелопачивая громадный материал показаний, он напоминал охотничью собаку, которая стремительно бежит по следу, боясь потерять его. Позже, сам находясь в

положении подсудимого (оппозиции удалось его «свалить»!), с гордостью подчеркивал свои заслуги перед руководством страны: «Я восстановил Якира. Вернул его к прежним признательным показаниям, а Глебов был отстранен от дальнейшего участия в следствии. Мне дали допрашивать Тухачевского, который уже 26 мая сознался у меня. Я, почти не ложась спать, вытаскивал от него побольше фактов, побольше заговорщиков».

Тухачевский, по словам Ушакова, дал показания 26 мая. Б. Викторов это изумительно интересное место даже не комментирует! А ведь оно исключительно ценно! Почему? Да потому, что маршал был арестован в Куйбышеве 22 мая. Неизвестно точно, устраивали ли ему первый допрос в Куйбышеве. Но весьма вероятно. Допрос на месте имел свои преимущества. Во-первых, все свидетели его поведения за время пребывания в Куйбышеве находились под рукой. Во-вторых, можно было использовать эффект ареста («Меня, маршала, арестовали! Все! Крышка»). В первые часы ареста Тухачевский не выработал плана защиты на допросе, не знал еще, чем располагает следствие, и мог действовать лишь в духе вполне понятного, голословного отрицания. В день ареста Тухачевский находился в самом психологически неустойчивом положе-

нии — происходил переход от великого почета к его утрате. Для следствия важно было получить от него первые показания еще до возвращения в Москву, до того, как о его аресте станет известно в столице, в Наркомате обороны, в Политуправлении РККА.

Такую новость удержать в секрете было невозможно! И никто не сомневался, что из Куйбышева, от сторонников Тухачевского, сразу последуют секретные кодовые звонки в разные стороны — другим виднейшим сторонникам оппозиции.

Б. Викторову кажется невероятным, что в папках с делом о заговоре не было протоколов с допросами, помеченными днем ареста. Он пишет: «Вот что сразу обратило на себя внимание: несоответствие дат арестов с датами первых допросов, которые были учинены спустя несколько дней. Не могло же быть так, чтобы арестованных не допрашивали? Предположили, что допросы велись, но показания не устраивали тех, кто возбудил это дело. Показания, безусловно, были нужны, но какие? Только и только признательные. Получить их надо было любой ценой».

В таких рассуждениях нет никакой логики. Во-первых, непонятно, почему Сталину, Ежову и Вышинскому нужны были сразу признательные показания? Почему они не могли 3—4 дня подождать? У них имелось времени достаточно: они являлись несомненными победителями, сидели крепко, им некого было бояться (новым командующим в Московском военном округе фактически уже стал вполне надежный человек — знаменитый глава Первой конной армии — маршал С. Буденный!). Во-вторых, конечно, могло быть и так, что арестованных в первые дни не допрашивали по психологическим соображениям: давали подумать, вели с ними лишь небольшие разъяснительные беседы, убеждая покаяться. В конце концов — устраивать допрос сразу или через несколько дней — это вопрос лишь следственной тактики, которая всегда меняется в зависимости от личности подсудимого. Гораздо важнее было сделать так, чтобы «задержанный» сам рвался на допрос! В-третьих, арестованные, по крайней мере часть их, несомненно, давали первые показания еще до привоза их в Москву. Поэтому торопиться с новыми допросами не было необходимости, требовалось осмыслить полученные данные и проверить их.

Викторов достаточно прозрачно намекает, что раз на некоторых протоколах имелись серо-бурые пятна (следы капель крови, как установлено судебно-

химической экспертизой), то, значит, дело ясное: обвиняемых хлестали по щекам, пытали, и они подписывали лживые протоколы против воли.

Для доказательства этого тезиса приводятся отрывки из показаний следователя Ушакова, данные позже следственной комиссии:

«Мне дали допрашивать Тухачевского, который уже с 26 мая сознался у меня. Я, почти не ложась спать, вытаскивал от них (Тухачевского и Якира. — *В.Л.)* побольше фактов, побольше заговорщиков. Даже

140

в день процесса я отобрал от Тухачевского дополнительные показания об участии в заговоре Апанасенко и других»[151].

«Вызвал Фельдмана в кабинет, заперся с ним в кабинете, и к вечеру 19 мая (т.е. всего через три дня после ареста. — *В.Л.)* Фельдман написал заявление о заговоре с участием Тухачевского, Якира, Эйдемана и других».

Эти примеры мало убедительны. Пятна крови могли появиться на протоколах самым банальным и случайным образом: следователь чинил карандаш и случайно порезался, у него самого от яростного раздражения и душевного напряжения вдруг пошла носом кровь. А могло быть и так, что эти пятна заинтересованное лицо «посадило» на бумагу много позже. То, что следователь на 8 часов заперся с Фельдманом в кабинете для разговора о его тайной деятельности, а к вечеру он написал заявление «о заговоре с участием Тухачевского, Якира, Уборевича и других», — это еще не доказательство, что он его там избивал резиновой дубинкой или чем-нибудь подобным! Да и вряд ли Фельдман выдержал бы восемь часов избиений! Сама длительность допроса говорит как раз об обратном: следователь держался «в рамках», будучи опытным психологом, терпеливо убеждал, давал всякие обещания, яро поносил Тухачевского, как вполне изобличенного, вкрадчиво советовал подумать о себе и семье.

Упорнее всех отстаивал на следствии свою невиновность Примаков. Все обвинения он категорически отклонял, указывая на их, по его мнению, абсурдность, ссылаясь на свою безупречную революционную биографию. Только одно слабое место в ней имелось: в период дискуссии 20-х годов он вел открытую агитацию среди своих бойцов и командиров в пользу Троцкого. В остальном же действительно было придраться трудно. Отец его Марк Григорьевич (ум. в 1921) происходил из казаков. Был владельцем хутора, занимался сельским хозяйством, а одновременно около 30 лет учительствовал в соседнем селе. Имел 4-х сыновей и прислугу из женщин для домашних работ. Виталий рос под влиянием деда, запорожского казака, постоянно вспоминавшего Сечь и казацкие походы. Кончил сельскую школу и Черниговскую гимназию. За неукротимый характер товарищи звали его «печенегом». Находился в большой дружбе с семейством знаменитого украинского писателя М. Коцюбинского. Его сыном Юрием (позже известным деятелем советского правительства на Украине) был привлечен к работе в молодежной революционной организации. С 1913 г. считал себя социал-демократом, с января 1914 г. — большевиком, руководил рабочими кружками, вел революционную работу среди солдат гарнизона. За агитацию против войны был осужден на вечную ссылку в Сибирь (февраль 1915). Февральская революция освободила его. Работал сначала в Чернигове, потом в Киевском большевистском комитете, затем снова в Чернигове, где по партийному заданию вступил рядовым в полк. С этого начинается его стремительная карьера: избран делегатом II Всероссийского съезда Советов,

141

затем во ВЦИК, участвует в штурме Зимнего дворца, в Харькове, по поручению ВЦИК организует полк Червоного казачества, которой скоро становится крупной силой и приобретает громкую славу. Занимает посты командира полка, бригады,

дивизии, корпуса (с ноября 1920). Потом он начальник Высшей кавалерийской школы в Ленинграде (1924— 1925), командир Уральских стрелковых корпусов, военный атташе (Япония, Афганистан), заместитель командующего в округах (Северо-Кавказский, Ленинградский). Работу свою любил, отличался высокой квалификацией и громадной работоспособностью. Сам о себе говорил: «Для себя считаю желательной военную работу в коннице. Люблю кавалерийское дело». (Автобиография. — В кн.: Червоное казачество. Воспоминания ветеранов. М., 1969, с. 15.)

Под стать командующему, человеку большого ума и храбрости (о чем свидетельствовали 3 ордена Красного Знамени), были и другие командиры и бойцы, среди которых с течением времени стал преобладать еврейский элемент.

Заместителем Примакова в полку и бригаде, затем начальником тыла, помощником начальника разведотдела, имевшим 16 (!) ранений, был А. Багинский. Рядом же находился, как ближайший помощник, брат Владимир (1899—1941), ставший чуть позже командиром 1-го полка. Награжденный орденом Красного Знамен и Почетной грамотой ВЦИК, он погиб в Отечественную войну на фронте. С. Туровский, сын крупного предпринимателя, друг по черниговскому подполью, занимал посты начальника штаба бригады, дивизии, корпуса. Командиром батареи был М. Зюк (Нехамкин), адъютантами — Б. Кузьмичев и Ф. Пилипенко. В боях люди росли и мужали, непрерывно выдвигалась новые командиры, проявлявшие большую храбрость и смекалку. Командирами 1-го полка (Мариупольского) были также рабочий и унтер-офицер П. Григорьев, имевший два ордена Красного Знамени, Ф. Спасский, Л. Беспалов, И. Никулин. Вторым полком (Бердянским) командовали бывший кузнец П. Потапенко, участник вооруженного восстания в Горловке, старый большевик, побывавший на каторге в страшном Орловском централе, за ним — А. Генде-Роте. Третьим полком (Криворожским) командовал В. Федоренко — родом из крестьян, подпрапорщик, георгиевский кавалер, И. Щербаков, родом тоже из крестьян, бывший гусар. Эти полки составляли первую дивизию.

Из корпуса Примакова вышли позже знаменитые советские военачальники:

— П. РЫБАЛКО (1894—1948, чл. партии с 1919) — маршал бронетанковых войск, дважды Герой Советского Союза, кончивший в 1934 г. Академию им. Фрунзе, считался лучшим танковым генералом;

— П. КОШЕВОЙ (1904—1976, чл. партии с 1925) — маршал, дважды Герой Советского Союза. В РККА он с 1920 г. (воевал рядовым против белой Польши и банд на Украине). До Отечественной войны был командиром взвода в Московском военном округе (1923—1924), команди-

ром эскадрона, начальником полковой школы в особой кавалерийской дивизии, начальником штаба полка, начальником штаба кавалерийской дивизии Забайкальского военного округа, с февраля 1940 г. — командир стрелковой дивизии. Окончил кавалерийскую школу (1927), Военную академию им. Фрунзе. (См.: Люди бессмертного подвига. М., 1975; Василевский А. От красноармейца до Маршала Советского Союза. — «Военно-исторический журнал». 1974, № 12);

— И. ПЕРЕСЫПККИН (1904—1978, чл. партии с 1925) — маршал войск связи. В РККА с 1918 г. В Гражданскую войну — красноармеец (на Южном фронте). С 1920 г. — в железнодорожной милиции, политрук эскадрона (с 1925), военком, командир эскадрона связи 1-й кавалерийской дивизии. С 1937 г. — военный комиссар НИИ связи, с января 1938 г. — военный комиссар, с марта 1939 г. — зам. начальника управления связи РККА, С 1939 по 1944 г. — нарком связи СССР. Окончил военно-политическую школу (1924), военную электротехническую академию РККА (1937). Награжден 4 орденами Ленина,

орденом Октябрьской революции, 2 орденами Красного Знамени, орденом Кутузова, орденом Красной Звезды, иностранными орденами. (О нем: И.Т. Пересыпкин. Связь сердец боевых. Автобиографический очерк. Донецк, 1974; Он же. Военная радиосвязь. М., 1962; Он же. Радио на службе обороны страны. М., 1946.)

— С.А. ХУДЯКОВ (1902—1950, чл. партии с 1924), Худяков — псевдоним, на деле он — армянин), родился в Азербайджане, маршал авиации (с 1944). В РККА с 1918 г. Был в Красной Гвардии. В Гражданскую войну командовал взводом и эскадроном. Затем: начальник полковой школы (с 1924), начальник штаба кавполка (1928—1931), начальник оперативного отделения штаба авиабригады (с 1936), начальник оперативного отделения штаба ВВС (с 1937), начальник тыла управления ВВС (с 1938), начальник штаба ВВС Белорусского военного округа (с 1940). Окончил: кавалерийские курсы усовершенствования комсостава (1922), Военно-воздушную академию им. Жуковского (1936). Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова, орденом Кутузова, орденом Красной Звезды[152].

Что можно сказать по поводу этих биографий? Удивительно быстрый должностной рост Пересыпкина и Худякова начинается, как видим, после 1937 г. Это является несомненным доказательством, что они делом доказали Сталину свою преданность и стойкость. А что это означало в тех условиях? Только одно: надо было за кулисами, входя в сталинское меньшинство в корпусе Примакова, вести со своим начальником и его окружением яростную борьбу и поставлять Буденному и Ворошилову необходимую секретную информацию о кознях врагов. Оба по должностям имели к тому самые блестящие возможности (Пересыпкин — военный комиссар НИИ связи, Худяков — начальник оперативного отделения штаба ВВС!). И нет сомнения, что оба сильно помогли провалу дел оппозиции в корпусе Примакова и победе Сталина в

борьбе с Тухачевским. Именно поэтому оба получили вожделенные звания маршалов в самом расцвете сил: Пересыпкин в 40 (!) лет, Худяков — в 42 года. Тогда как имевшие значительно меньшие заслуги Кошевой — лишь в 64 года, а Рыбалко — в 50 лет! Разная степень заслуг дала совершенно разные результаты на карьерной стезе. Было бы очень интересно познакомиться с подробностями этой закулисной борьбы, столь типичной для той сложной эпохи!

Остается сказать еще пару слов о И. Минце (чл. партии с 1917), будущем известном советском историке и академике. В корпусе Примакова он был его помощником и возглавлял всю политработу. Политработой в РККА он занимался с 1918 по 1920 г. В 1926 г. кончил Институт красной профессуры. Находился на преподавательской и научной работе (зав. кафедрами, профессор Академии общественных наук, председатель научного совета АН СССР по комплексной проблеме «История Октябрьской революции»). Написал много книг и статей. Направления работ: Октябрьская революция, интервенция и контрреволюция, Гражданская война, международная дипломатия. Лауреат Государственной премии (1943—1946). Академик (1946). Роль Минца в борьбе с оппозицией (в научной и военной среде) ждет еще своего исследователя. Но можно не сомневаться, что она была очень значительна, учитывая, до каких высот он сумел по части карьеры подняться.

Конечно, и Примаков не был обойден за свою деятельность наградами. И вдобавок к орденам имел за фронтовые успехи золотой портсигар с надписью от своего командарма Уборевича, а от Киевского губревкома — Почетное Красное Знамя и золотые часы с хвалебной надписью.

Как шли его допросы? Арестовали Примакова 20 августа, первый допрос состоялся 25 августа, затем еще два (31 августа, 23 сентября); ему устраивались различные очные ставки, в том числе с Радеком. В итоге последовал ряд признаний, грозивших смертным приговором:

1. Что он состоял в секретной троцкистской военной организации с 1926 г.

2. Что встречался с сыном Троцкого Л. Седовым в Германии, когда работал там военным атташе.

3. Что получил через него от Л.Д. задание о проведении терактов — против Сталина и Ворошилова.

Затем следуют восемь месяцев перерыва, нахождения в Бутырской и Лефортовской тюрьмах, некоторое время он находится в тюремной больнице из-за болезни желудка (понятно, что на нервной почве). В феврале 1937 г. один раз он получает денежный перевод (50 руб.). В мае — июне 1937 г. Примаков допрашивается еще несколько раз, в связи с арестами главной группы руководителей предполагавшегося заговора. Вину свою, как следует из протоколов и стенограммы, признал полностью. Сопротивлялся он, однако, отчаянно. А. Авсеевич, бывший тогда начальником отделения НКВД, во «времена Хрущева», на допросе в проку-

144

ратуре показал (05.07.1956): «Я вызывал их (Примакова и Путну. — *В.Л.)* по десять—двадцать раз. Помимо вызовов на допросы ко мне, они неоднократно вызывались к Ежову и Фриновскому».

Якир допрашивался в Москве всего 4 (!) раза: 30 мая (арестован 28 мая), 3, 5 и 7 июня. Сначала — все отрицал с возмущением. На очной ставке с обличавшим его Корком (30 мая) он говорил: «Я знал всегда, что Корк очень нехороший человек (!), чтобы не сказать более крепко, но я никогда не мог предположить, что он просто провокатор». Тогда допрос ему устраивает сам Ежов.

И вечером следующего дня он пишет о своей сдаче: «Я не могу больше скрывать свою преступную антисоветскую деятельность и признаю себя виновным вина моя огромна; я не имею никакого права на снисхождение».

1 июня он дает письменные показания с признанием во всем и пишет о своем раскаянии. (Где они? Куда их спрятали?) 5 и 7 июня он углубляет прежние показания по разным вопросам и лицам. 10 июня он посылает письмо на имя Ежова (30 страниц машинописного текста), где содержится такое заверение: «Я все сказал. Мне кажется, я снрва со своей любимой страной, с родной Красной Армией». Он излагает в письме разные мысли по вопросам армейской жизни и работы, высказывает опасение, что из-за его близости ко многим командирам, на местах может возникнуть «обстановка недоверия», что станет выдвигаться масса лживых обвинений.

Что побудило Якира к откровенным показаниям? Пытки? Да нет, в них не было никакой необходимости. Сбивали с позиции захваченные документы, которые говорили о заговоре, свидетельские показания коллег и показания собственной жены — 37-летней Сарры Лазаревны Якир. Она прошла вместе со своим мужем Гражданскую войну, была шифровальщицей в штабе 45-й дивизии, вошедшей потом в состав 1-й Конной армии. Затем работала в Осоавиахиме, рядом с Эйдеманом, наконец, занимала пост начальника шифровального отдела в штабе Киевского военного округа. И, разумеется, работала в Киевском управлении НКВД, имея чин капитана. Именно она находится под наибольшим подозрением, что через нее шла секретная переписка с Троцким, находившимся в Мексике. Шифрованные письма оттуда шли в советское посольство в Германии и через советника посольства, сторонника Троцкого, пересылались в военный отдел ЦК КП(б(У в Киев. Оттуда специальный курьер, тоже сторонник оппозиции,

переправлял их в руки жены Якира, а она передавала собственному мужу. Такая сложная система пересылки писем должна была гарантировать максимальное сохранение незапятнанными политические ризы Якира, который будто бы являлся, согласно официальным выступлениям, непримиримым противником Троцкого. Однако всем хорошо известно, что официальные речи часто не соответствуют тому, что думает человек в действи-

тельности. Достаточно посмотреть на речи и дела Н. Хрущева, А. Микояна и многих-многих других.

Опрашивали по тайным делам Якира, конечно, и его командиров. И не все считали возможным его защищать. Припоминали много интересного. Где они ныне, эти показания?! Почему до сих пор не напечатаны? Но особенно убийственную роль сыграли материалы, связанные с комдивом Д. Шмидтом (1895—1937, чл. партии с 1918), близким другом и подчиненным Якира. Шмидт, арестованный 9 июля 1936 г., вместе с тремя своими коллегами попал под воистину страшные обвинения. По утверждению следствия, была создана тщательно законспирированная троцкистская боевая группировка, состоявшая из четырех человек. Входили в нее следующие лица: Голубенко Н.В. (1898—1937, чл. партии с 1914), бывший член РВС 3-й Украинской армии, председатель повстанческого комитета в Одессе (1918), политический комиссар 45-й стрелковой дивизии, большой друг Якира, который называл его в обиходе просто Коля; второй — сам Шмидт; третий — майор Б. Кузьмичев, игравший роль личного адъютанта Примакова. У него, как легко догадаться, была вполне респектабельная биография. Он участник Октябрьской революции в Москве. В Гражданскую войну — командовал в войсках Примакова (Червоные казаки). Последняя его должность — начальник штаба авиационной бригады; четвертый — комкор, латыш А. Лапин (1899— 1937, чл. партии с 1917), помощник командующего Белорусским военным округом и ОКДВ по ВВС.

Всю четверку следствие обвиняло в том, что они готовили покушение на К. Ворошилова, своего наркома, во время Киевских военных маневров — в местном Театре оперы и балета или в кабинете самого Якира. Попавшим под такое обвинение на следствии пришлось весьма круто. Якир со своей стороны пытался выручить сначала Голубенко, потом Шмидта. Ради последнего он специально прилетел в Москву, встречался с Ворошиловым, потом с Ежовым, затем добился личной встречи со Шмидтом. По словам сына Якира, у Шмидта будто бы был вид «марсианина»[153]. Однако это не помешало ему все обвинения отрицать и тут же вручить Якиру-отцу записку для Ворошилова (автор воспоминаний не говорит, была ли она написана предварительно, или в присутствии Ежова). Разумеется, текст записки не приводится. Понятно, почему! «Марсианин» (т.е. находящийся под гипнозом или принявший дозу некоего «лекарства») не способен писать вполне разумные записки! Но вот ее текст из одной поздней работы:

«Дорогой Климентий Ефремович! Меня арестовали и предъявили чудовищные обвинения, якобы я — троцкист. Я клянусь Вам всем для меня дорогим — партией, Красной Армией, что я ни на одну миллионную не имею вины, что всей своей кровью, всеми мыслями принадлежу и отдан только делу партии, делу Сталина. Разберитесь, мой родной, сохраните меня для будущих тяжелых боев под Вашим начальством!»[154] Похоже ли это на записку «марсианина»?! Нисколько!

как реагировал на данное письмо (почему-то не датированное!) Ворошилов? Ведь он-то Шмидта хорошо знал? А вот как (это говорилось через четыре месяца после ареста Шмидта, на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г.):

«Как видите, в этом хотя и кратком письме, но сказано все, ничего не упущено. Предатель Шмидт, с достойной двурушника циничностью, даже заботится о том, чтобы я был его начальником «в будущих тяжелых боях». А через месяц этот наглец, будучи уличен фактами, сознался во всех своих подлых делах, рассказал во всех подробностях о своей бандитской и контрреволюционной работе»[155].

Разумеется, сочинил Шмидт, после предварительного следствия, и письмо Сталину, тоже не имеющее даты, но, судя по содержанию, написанное в конце предварительного следствия. Это письмо — по своей фальсификаторской привычке — поклонники Тухачевского тоже не желают полностью приводить! А оно очень интересно и многозначительно (даже в приводимом «усеченном» виде):

«Все обвинения — миф. Показания мои — ложь на 100%. Почему я давал показания, к этому мало ли причин. Я у Вас прошу не милости. После моего разговора с Вами совершить какое-нибудь преступление перед партией, это было бы в меньшей мере вероломство. Пишу я Вам зная, что Вы можете все проверить. Дорогой Сталин! Самое основное, что я ни в чем не виновен. Честному человеку, бойцу и революционеру не место в тюрьме»[156].

Возникает вопрос: а где они, эти «лживые показания» Шмидта? Почему до сих пор не опубликованы и публично не опровергнуты? И где биография Шмидта, вполне исторического лица, которое заслуживает большого интереса? Так называемые «демократы» должны были бы опубликовать эту биографию уже 30 лет назад, а также сборник его писем и воспоминаний о нем.

Можно сказать, наибольшую услугу Шмидту оказал близко знавший его советский дипломат А. Бармин, сторонник Троцкого, бежавший на Запад. Ввиду исключительности материала здесь его придется привести:

«Впервые я встретился со Шмидтом на ступеньках академии в сентябре 1920 года. Его энергичное, тщательно выбритое лицо окаймляла аккуратная «флотская» бородка такого типа, какую сейчас носит Радек. У него были тонкие губы и пронзительный взгляд. На голове его была папаха, лихо сдвинутая набекрень, как это принято у конников на юге. Голубую гимнастерку украшали два ордена Красного Знамени, по тем временам — очень редкое военное отличие — даже среди хорошо известных военачальников Красной Армии. Он был подпоясан кавказским ремешком, с которого свисали серебряные украшения. На поясе в ножнах висела большая инкрустированная кривая сабля. Он еще не вполне оправился от полученной раны и, прихрамывая, опирался на трость. Двигался медленно и чувствовал себя в Москве не совсем в своей та-

релке. Это был типичный командир революционной эпохи, воплощение энергии, как туго натянутая тетива лука.

Как и многие, Шмидт был выдвинут революцией из деревенской безвестности в первые ряды революционной армии. Он был сыном бедного еврейского сапожника и, если бы не революция, вероятно, пошел бы по стопам отца, растрачивая всю свою огромную энергию на мелкие проказы и деревенские предприятия. Социальная буря раскрыла огромное число талантов, позволив тысячам людей проявить свои способности лидеров в национальном масштабе. В начале революции Шмидт поступил на флот, но когда одна половина российского флота вмерзла в балтийский лед, а вторая была затоплена в Черном море, чтобы не попасть в руки немцев, матросы превратились в солдат. Шмидт стал командиром одного из ударных отрядов, который был грозой для белых. Обнаженные до пояса, опоясанные крест-накрест пулеметными лентами отважные красноармейцы шли во весь рост на врага под жестоким огнем, забрасывая его гранатами. Они наводили ужас на белых, которые прозвали их

«красными дьяволами». В конце концов Шмидт решил превратить своих моряков в конников, и его отряд стал известен по всей Украине. Молодые крестьяне валили к нему валом, и вскоре его отряд вырос до размеров полка, а затем бригады.

Шмидт проучился в академии два года, и это были годы упорных занятий. Мы стали большими друзьями. Он отличался беззаветной храбростью, был скромен, целеустремлен, любил шутки, был по-детски сентиментален. Его характер сложился в суровой военной обстановке, и таким он остался до конца своих дней.

Мы часто проводили вместе вечера в его маленькой комнатке на Тверской улице. Его очаровательная жена Валентина угощала нас чаем и тем, что в те дни могло сойти за пирожное. Дмитрий Шмидт рассказывал о героических делах тех, кто воевал рядом с ним, о моряках, ставших кавалеристами, чтобы драться с немцами, белыми, петлюровцами и всякого рода бандами, которые даже не знали, за кого или против кого они боролись.

Мне запомнился один из его рассказов.

— В тысяча девятьсот девятнадцатом году город Каменец-Подольский на границе с Австрией, — говорил он, — был окружен мародерствующими бандами. Население города буквально стонало от разбоя. Тогда я решил, — сказал Шмидт, — прорваться туда и оборонять город любой ценой. Трудно было навести порядок, но другого было нам не дано. Стены города мы обклеили прокламациями, в которых угрозы чередовались с обещаниями защитить город. И город мы удержали.

В Каменец-Подольске у Шмидта состоялась встреча с народным комиссаром обороны Советской Венгрии Тибором Самуэли, который самолетом направлялся в Москву. Возможно, это впоследствии и явилось существенным фактором в назначении его командующим ударной группировкой. Именно этой группировке предстояло через границы

Польши и Румынии прийти на помощь венгерской революции. Как я тогда узнал, Шмидта нисколько не смущала перспектива прорыва через две границы. Я убежден, что он всегда жалел о том, что приказ о наступлении так и не был отдан. Красный Будапешт пал слишком быстро... Спустя несколько лет после окончания академии я снова услышал о Шмидте, который в это время служил в Минске. Один из старших офицеров оскорбил его жену, и Шмидт, всадив пулю в живот обидчику, спустил его с лестницы. Обидчик выжил, и скандал замяли.

В период 1925—1927 годов Шмидт присоединился к оппозиции. Он приехал в Москву на съезд партии как раз в тот момент, когда было объявлено об исключении из партии троцкистской оппозиции. Он был одет, как обычно, в форму своей дивизии: большая черная бурка, пояс с серебряными украшениями, огромная сабля и папаха набекрень. Выходя вместе с Радеком из Кремля, он столкнулся со Сталиным. Политические страсти в тот момент были накалены. Сталин активно интриговал в партийных делах, но ему еще не удалось подчинить себе партию.

Шмидт подошел к нему и начал полушутя-полусерьезно поносить его, как только может делать это настоящий солдат, то есть такими словами, которые надо слышать, чтобы поверить в это. А под конец сделал вид, что обнажает шашку, и пообещал Генеральному секретарю когда-нибудь отрубить ему уши.

Сталин выслушал обиду, не проронив ни слова, с бледным лицом и плотно сжатыми губами. В то время он решил проигнорировать оскорбление, нанесенное ему Шмидтом, но нет никакого сомнения в том, что десять лет спустя, с началом чисток в 1937 году, он все это вспомнил. Шмидт был одним из первых

исчезнувших офицеров Красной Армии. Его обвинили в терроризме. Никаких признаний от него не добились, и он был расстрелян без суда»[157].

Вывод из приведенного материала может быть только один: человек с такими взглядами и чертами характера, что бы там ни говорили, способен был на многое, в том числе и на самые крайние поступки! Напомним, что за Гражданскую войну он имел два ордена Красного Знамени, а их просто так не давали!

Теперь становится понятным, почему Якир с такой энергией старался выручить его: он слишком много знал, и оставлять его в руках Ежова было равносильно самоубийству!

Уборевич также не хотел признавать свою вину. Его козырная карта — опубликованные в советских газетах хвалебные отзывы генерала Лужи (1891—1944), командира корпуса, главы чешской военной делегации, побывавшей на Белорусских военных маневрах (1936). Встретившись с корреспондентом одной из советских газет, генерал поделился своими впечатлениями о проходивших недавно маневрах:

«Командный состав войск Белорусского военного округа показывает высокую степень тактической и технической подготовки, большую физическую неутомимость, высокий моральный уровень и преданность

своей родине. Ваш командный состав быстро решает сложные задачи современного боя. Красная Армия обладает тем, что считается самым ценным во всякой армии, — прекрасными кадрами».

Корреспондент спросил генерала:

«Каково ваше мнение о техническом оснащении Красной Армии?»

Чешский генерал ответил:

«Красная Армия богато насыщена самой современной техникой. В этом отношении она является, по моему мнению, самой передовой армией в мире. В настоящее время нет другой армии, которая могла бы сравниться в отношении технического оснащения с Красной Армией.

На маневрах Белорусского военного округа мы видели много интересного, и последнее мы постараемся использовать в своей армии, а также и опыт этих маневров» (Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. М., 1978, т. 3, с. 276—277).

На этот аргумент, который Уборевич считал «неубиенным», его противники отвечали, что чешский генерал — по политическим соображениям — все намеренно преувеличил, и в действительности дела обстоят вовсе не так радужно.

После нескольких допросов сильно сникший Уборевич все же признал свою вину. Пункты его признаний таковы:

1. Сочувствовал правым;

2. Политику коллективизации считал неправильной;

3. Политику Ворошилова в армии не одобрял;

4. В заговоре участвовал;

5. Лично вовлек в него 12 командиров своего округа;

6. Готовил вместе с другими поражение Красной Армии в предстоящем военном конфликте.

На этих допросах Уборевичу пришлось, конечно, несладко. И это вполне понятно: ведь он командовал Белорусским военным округом, который закрывал границу на самом решающем участке, поэтому подозрения против него были вполне естественными, а кроме того имелись, конечно, и агентурные данные, полученные от зарубежной военной разведки и разведки НКВД.

Неизвестно, нашелся ли в тех условиях хотя бы один человек, который мог свидетельствовать в его пользу. Вся беда была в том, что если бы даже такие

люди находились, то они сами были под подозрением, как тайные участники оппозиции. Характерным примером в этом смысле мог служить будущий Герой Советского Союза и маршал Советского Союза К. Мерецков. С 1932 по 1937 г. он был в Белорусском военном округе начальником штаба округа. По возрасту между ним и его начальником разница была всего полгода, но Уборевич проделал совершенно исключительный путь и в военной среде пользовался громадным уважением. Его высоко ценили и восхваляли немецкие генералы. Было даже время, когда считали, что именно он заменит Ворошилова на посту наркома обороны.

150

Став Героем советского Союза и маршалом СССР, Мерецков в своей книге «На службе народу» (Москва, 1969) вспомнил крупнейших деятелей армии и о своем бывшем начальнике отозвался в высшей степени похвально:

«Этот человек сыграл в моей жизни огромную роль. Я проработал с ним около пяти лет, и годы эти — целый новый период в моей службе. Не скажу, что только я один находился под его влиянием. Все сделанное Уборевичем: воспитанные, выращенные и обученные им командиры разных рангов; его методология работы; все, что он дал нашей армии, — в совокупности не может быть охарактеризовано иначе как оригинальная красная военная школа, плодотворная и поучительная. Когда мы познакомились, мне шел уже 32-й год. Я занимал довольно высокую военную должность и мог считаться сложившимся человеком. И все же ни один (!) военачальник раньше (да, пожалуй, и позже) не дал мне так много, как Иероним Петрович. Его интересное и богатое творческое наследие, недостаточно, к сожалению, изученное у нас специалистами, заслуживает самого пристального внимания». (С. 92—93.)

В других местах Мерецков отмечает: «Он непрерывно рос сам, а вместе с ним росли и мы». (С. 104.)

«Свои действия и поступки он рассчитывал буквально до минуты». (С. 101.)

Очень хорошо отзывается Мерецков и о Блюхере: «Как военачальник, Блюхер во многом напоминал мне Уборевича». (С. 122.)

Более удивительно другое его утверждение: «В целом Уборевич был чуть собраннее, пожалуй, чуть организованнее; Блюхер человек более размашистый, более открытый. Но им обоим было присуще такое качество полководца, как широта мышления». (С. 122.)

Таков взгляд Мерецкова на Уборевича. Конечно, в то тяжелое время отзыв подобного рода мог бы оказать какое-то положительное воздействие, но спасти Уборевича вряд ли смог бы. Что Уборевич хороший, или даже отличный военачальник (градации были разные), — этого никто не отрицал. Но ведь речь шла вовсе не о том. Речь шла о тайном политиканстве, о секретных зарубежных связях, о том, какие важные сведения передавались за рубеж. А такие вещи знали очень и очень немногие.

Фельдман был арестован 15 мая, а уже 19 мая написал заявление на Тухачевского, Якира, Уборевича, Эйдемана и ряд других командиров. Узнав, что Якира и Уборевича арестовали без всякого сопротивления с их стороны, понял, что все потеряно, а поэтому надо спасать собственную голову. И вот 31 мая он пишет весьма любопытное письмо своему следователю Ушакову, которое, как очень важный документ (это не «воспоминания»!), до сих пор лицемерно замалчивалось: «Изложив вам все факты, о которых я вспомнил за последние дни, прошу вас, т. Ушаков, вызвать меня лично к вам. Я хочу через вас или т. Леплевского передать НКВД тов. Ежову, что я готов, если это нужно для Красной Армии, выступить перед кем угодно и где угодно и рассказать все, что

знаю о военном заговоре. И это чистилище (как вы назвали мою очную ставку с Тухачевским) я готов пройти, показать всем, которые протягивают мне руку помощи, чтобы вытянуть меня из грязного омута, что вы не ошиблись, определив на первом допросе, что Фельдман не закоренелый непоправимый враг, а человек, над коим стоит поработать, потрудиться, чтобы раскаялся и помог следствию ударить по заговору. Последнее мое обращение прошу передать и тов. Ворошилову.

Б. Фельдман

31.05.1937».

(Хорев А. Как судили Тухачевского. — «Красная Звезда». 17.04.1991, с. 4.)

Сам Тухачевский на первом допросе 25 мая отрицал все, и с возмущением. Но после трех очных ставок решил изменить линию поведения. И уже 26 мая (!) пишет своему следователю Ушакову такую записку: «Мне были даны очные ставки с Примаковым, Путна и Фельдманом, которые обвиняют меня как руководителя антисоветского военно-троцкистского заговора. Прошу представить мне еще пару показаний других участников этого заговора, которые также обвиняют меня[158]. Обязуюсь дать чистосердечные показания без малейшего утаивания чего-либо из своей вины в этом деле, а равно и других лиц заговора». 26 же числа он пишет Ушакову показания на 6,5 страницах и заявление Ежову на одной странице. Показания двух свидетелей, Корка и Эйдемана, ему предоставили. И тогда он понял: «Все пропало!»

Наркому НКВД бывший маршал писал: «Будучи арестован 22 мая, прибыв в Москву 24, впервые был допрошен 25-го и сегодня, 26 мая, заявляю, что признаю наличие антисоветского заговора и то, что я был во главе его. Обязуюсь самостоятельно изложить следствию все касающееся заговора, не утаивая никого из его участников, ни одного факта и документа». (Итак, следствие получило от Тухачевского какие-то документы! Вот факт! — *В.Л.)*

«Основание заговора относится к 1932 году. Участие в нем принимали: Фельдман, Алафузо, Примаков, Путна и другие, о чем я подробно покажу дополнительно».

Эти признания совершенно сокрушили Ворошилова. До сих пор он всеми способами отчаянно боролся за Тухачевского. Но теперь, когда торжествующий Ежов, в присутствии Сталина, Молотова, Кагановича и Калинина, представил ему свой гнусный документ, сопротивляться дальше было невозможно. Приходилось уже бояться за собственную голову и покорно принимать брань коллег за то, что «выдвинул этого сукиного сына и дал ему слишком много воли». В этот же день (26 мая) Воршилов скрепя сердце подписал приказ об увольнении Тухачевского из РККА, что до сих пор тормозил изо всех сил, и, чтобы отключиться от тягостных мыслей, с горя напился.

Удивляться такому обороту событий никак не приходится. Тут имелись свои тонкости, не видные постороннему глазу. Ежов усиленно «ко-

пал» под Ворошилова, считая его заклятым врагом: ведь «деревенщина Клим» не хотел ему подчиняться, закулисно оспаривал его решения, защищал своих офицеров и генералов от обвинений НКВД. С ним приходилось серьезно считаться: за ним стояла, по крайней мере, половина армии. Надо было любой ценой сокрушить его, чтобы самому реально стать вторым лицом в государстве. Ежов со своим заместителем Михаилом Фриновским разрабатывал разные варианты хитроумных планов, стараясь «свалить» конкурента. О Ворошилове распускались всякие скверные слухи, должные дискредитировать его. Ежов пытался подвести какую-нибудь «мину» через жену Ворошилова — Екатерину Давидовну Горбман (1887—1959, чл. партии с 1917). Она происходила из мно-

годетной семьи (два брата, три сестры) немецких евреев, где сильны были сионистские настроения. Настоящее ее имя было Голда. Но, перебравшись из своего села Мардаровка в Одессу, там быстро изменила имя. Ходила в школу для взрослых, чтобы поднять уровень своего образования. И там познакомилась с Серафимой Гопнер (1880—1966, чл. партии с 1903), в будущем доктором исторических наук и Героем Социалистического Труда, верной сторонницей Ленина. Она и дала ей «путевку в революцию», а в 1917 г. и рекомендацию в партию.

Екатерина Давидовна рано включилась в революционную борьбу, но сначала пошла не с большевиками. Другие знакомства в тот период оказались сильнее. И она работала в одной из организаций сионистов, а затем Бунда. За революционную деятельность, как член партии эсеров, побывала в ссылке (Архангельская губ., 1906). Ее главным занятием была вербовка молодежи в партию революции.

Сама она работала белошвейкой, общалась с буржуазными кругами и шила платья для всяких состоятельных особ из купечества и дворянства. Общение с этими кругами наложило на нее заметный отпечаток — по части разговора, культуры и умения одеваться. Навыки шитья позже ей очень пригодилось: платья, которые приходилось носить, она шила сама. И после революции одно время обшивала своих близких.

С Ворошиловым Екатерина Давидовна познакомилась еще в дореволюционный период, когда он был простым рабочим-клепальщиком на Луганском паровозостроительном заводе, где был построен первый в России паровоз. Эта молодая дама, прекрасно одетая, хорошо воспитанная, с большой начитанностью, пришлась очень по душе Ворошилову. Их связь укрепилась благодаря общности взглядов и революционной работе, а затем и ходом всей русской революции. Ее начитанность, умение просто растолковывать теоретические вопросы, увлекательно рассказать о работах Маркса и Энгельса, вызывая интерес к ним, — все это оказало на Ворошилова очень большое влияние. Позже он многократно обращался к работам этих революционных классиков и, к удивлению многих, был способен цитировать целые страницы из них наизусть.

По условиям революционного времени Екатерина Давидовна во всех анкетах писала, что происходит «из семьи еврея-бедняка». На самом деле

это было совсем не так. Она происходила из древней семьи, очень состоятельной и торговой, где в ряде поколений занимались скупкой и перепродажей хлеба в больших масштабах и еще много чем, в зависимости от обстоятельств. Деревня Мардаровка на реке Кучурган (Одесская губерния), в которой обитала семья, являлась отнюдь не рядовой[159]. Во-первых, она находилась за чертой еврейской оседлости. Во-вторых, деревня имела громадные зарубежные связи, особенно с Турцией, откуда прибыли ее богатые основатели. В-третьих, ее название («Солнце солнц») говорит ясно о том, что она являлась с весьма давних времен еврейской резиденцией какого-то очень знатного лица и местом хранения статуи древнего божества, привезенного сюда из-за моря, после разрушения Вавилона персидскими войсками (538 г. до н.э.). Здесь находились самая настоящая крепость и святилище высокочтимого кумира. В Турции и ныне можно найти город Мардин («Место спуска солнца») — торговый центр на пути в город Мосул на реке Тигр, который в течение веков торговал скотом, хлебом, кожами, лесом, фруктами, металлом, оружием, ювелирными изделиями, восточными благовониями, различными рукописями на многих языках, рабами и прекрасными лошадьми. И в соседнем Азербайджане, на берегу Каспийского моря можно найти климатический курорт Мардакяны («Город зимнего солнца»), очень древнее

поселение XIII в., и село Мардакерт («Поле бога Солнца»), Прежде и здесь было укрепленное имение какого-то знатного лица, от которого осталась высокая башня XIII в.

Города эти живо напоминают о древневавилонском боге Мардуке («Солнце счастья»), покровителе города и царе местных богов (с XVIII в. до н.э.), боге весеннего солнца. Вавилон являлся крупным городом, ведшим международную торговлю. Там проживало множество евреев-торговцев, среди которых главенствовал торговый дом «Сыновья Эгиби». Эти многочисленные торговцы, в погоне за прибылью, многократно устраивали свои фактории в чужих землях. Поэтому неудивительно, что они добрались и до Северного Причерноморья, где прочно обосновались, по крайней мере, с XIII в., когда в Турции появились и укрепились новые господа. Это было кочевое племя огузов, ставшее вскоре называться «турками-османами».

Все сказанное вполне ясно определяет путь еврейских торговцев (в том числе и предков Екатерины Давидовны): Палестина и Сирия — Турция — Австрия — Чехия — Германия — Польша — Украина и Россия. Были, конечно, и другие пути — через Кавказ и по Волге[160].

Екатерина Давидовна делала свою карьеру вместе с Ворошиловым в качестве его жены (1912), проходя различные ступени: была членом Женсовета Первой Конной армии, заведовала собесом в Екатеринославле, работала в редакции «Крестьянской газеты», шефствовала над детским домом, заведовала парткабинетом, в конце жизни занимала пост заместителя директора Музея Ленина. Как положено, закончила Коммунистическую академию (так она называлась с 17 апреля 1924 г.; с

1918 г. именовалась Социалистической), где слушала лекции крупнейших работников партии и экономистов.

Екатерина Давидовна сочувствовала Троцкому, Зиновьеву, Каменеву, Луначарскому и вообще всем руководящим евреям. Изгнание Троцкого из страны, лишение Зиновьева и Каменева их постов нанесло ей тяжелый нравственный удар, так как она считала их честными людьми и революционерами. Но она не могла не считаться с обстоятельствами и положением своего мужа, который под покровительством Сталина сделал блестящую карьеру: после смерти М. Фрунзе он занял его пост и стал главой Красной Армии. Поэтому ей приходилось, особенно после 1930 г., держаться очень осторожно и говорить словами «Правды». В более ранний период она вела себя более откровенно и выглядела более доступной, так как процветали более простые нравы. Она могла слегка пококетничать с офицерами Конной армии, служившими прежде в царских кавалерийских полках, а теперь — Советской власти. Но тут приходилось соблюдать меру и быть осторожной, так как Ворошилов был страшно ревнив.

В гостиной Ворошилова и Буденного собирались в значительном числе командиры старой конницы, и разговоры велись не только пролетарские, но весьма нередко и буржуазные. Екатерина Давидовна старалась «соответствовать» новой обстановке своими туалетами, разговором и даже широкой золотой браслеткой с часиками. Недоброжелатели говорили, что у нее «слишком буржуазный вид». И она сама признавала, что партийный комитет не любит ее «за непролетарские наклонности».

Согласно положению мужа, Екатерина Давидовна знала очень многое. Она жила в Кремле, дружила с женой Сталина, Калинина и многими другими. После убийства Кирова (1 декабря 1934 г.) ей пришлось стать особенно осторожной,

утратив прежнюю склонность к разговорам, в ней стала чувствоваться некая «зажатость».

В течение всей жизни Екатерину Давидовну очень интересовал «еврейский вопрос» и положение евреев в России. Отечественные «несправедливости» против евреев ее очень возмущали, но она ничего не могла поделать, ибо бессилен был даже сам Лазарь Каганович, являвшийся членом Политбюро ЦК партии. Вполне естественно, что в душе стали возрождаться прежние надежды на создание особой «еврейской родины», борьбу за которую усиленно вели сионисты в разных концах мира. Когда появилось государство Израиль, все евреи в Советском Союзе встретили эту новость с величайшим ликованием. И даже она, которую насмешники звали «парттетя», не смогла устоять против общего поветрия и в разговоре со своей невесткой как-то торжествующе сказала: «Вот теперь и у нас тоже есть Родина!» Невестка была страшно поражена таким высказыванием, поскольку оно исходило от жены видного государственного мужа, которая просто обязана была быть ортодоксальной коммунисткой. Тем более что еще в молодые годы за разрыв с еврейс-

155

кой религией она оказалась официально проклята в синагоге. Как видно отсюда, не только жена В. Молотова Жемчужина поддавалась агитации сионистов. Но первой повезло больше, вторая же — попала в тюрьму и лагерь, откуда удалось выйти лишь после смерти Сталина.

Екатерина Давидовна умерла от рака в больнице, но на свою болезнь никогда никому не жаловалась. Супруг пережил ее на 11 лет. Когда он умер, немедленно явились люди из КГБ, перевернули весь архив и унесли с собой весьма многое, в том числе воспоминания Екатерины Давидовны, писавшиеся много лет. Они до сих пор не опубликованы. Видимо, там, наряду с комплиментами в адрес Сталина, содержалась и злая критика разных лиц, как подхалимов, а также большого количества прискорбных ошибок.

Что же пытался найти Ежов в качестве «темного пятна» в ее биографии? За что он пытался «зацепиться»? Один эпизод, конечно, мог бы посчитаться очень пикантным: в молодые годы была она любовницей красивого и темпераментного грузина Авеля Енукидзе, ставшего при Советской власти «правой рукой» Калинина. Последствием пылкой любовной связи оказался плохо сделанный аборт, после чего Екатерина Давидовна потеряла возможность иметь детей. Это обстоятельство очень огорчало Ворошилова, за которого она вышла замуж.

Естественно, что Енукидзе Ворошилов не любил. Но ссор сам не затевал, находя это нелепым. Жена его любила, в доме существовал маленький «культ личности Ворошилова». Жена сына Ворошилова, Надежда Ивановна, вспоминает:

«Думаю, ей было трудно выдерживать контактность и импульсивность Климента Ефремовича. И вообще ей трудно было быть женой человека с такой властью. Она никогда им не командовала, но он без нее ничего в доме не решал. Разногласий у него с ней никогда не было.

Екатерина Давидовна как-то внутренне всегда была уверена, что переживет Климента Ефремовича. Очень рано начала собирать материалы для его музея. Порвав с родной семьей, она гордилась Ворошиловым, как своим родом. Все, что касалось его, должно было быть отличным и достойным имени»[161].

Не имея детей, Ворошилов в 1918 г. усыновил 4-летнего мальчика Петю, взяв его из детского дома, поскольку он понравился ему и его жене[162]. Этот мальчик рос в семье, как настоящий родной сын. Кончил школу, затем институт, стал конструктором танков, в 1935 г. женился на Надежде Ивановне, в то время просто Наденьке, с которой учился в одной школе, но познакомился только в 1932 г. И вот тогда-то Ежов нанес коварный удар по родителям жены молодого человека.

Упор делался на следующее: ее отец, агроном по профессии, прежде был эсером, приехавшим в Москву из Саратова; как и многие, перешел в партию большевиков, работал в Наркомземе СССР заместителем начальника главка, занимался сахарной свеклой и жил в знаменитом Доме на набе-
156
режной (1931 —1934). По утверждению Ежова, он готовил с группой эсеров-террористов покушение на Сталина. В результате родители попали в тюрьму, а затем в лагеря. Надежда Ивановна вспоминает:

«В 1937 году моего отца арестовали как врага народа. Вскоре взяли и мать. А я при этом жила в семье Ворошилова. Ходила с передачами в тюрьму.

Никогда ни одного слова упрека не сделал мне Климент Ефремович. Я ни разу не попросила его ни о чем, касающемся моих родителей. Вела себя, как будто ничего не случилось, но однажды в разговоре наедине Екатерина Давидовна сказала мне, что моя мать — мещанка.

Я ответила: — Это не криминал.

Свекровь моя — ни слова в ответ. Она, видимо, пыталась самой себе объяснить, за что посадили мою мать, не находила ответа, и это «мещанка» было попыткой объяснения. Климент Ефремович, ни слова не сказав мне о «моих врагах народа», накануне войны все же вытащил маму из тюрьмы. По состоянию здоровья. Она жила с нами, с Климентом Ефремовичем и Екатериной Давидовной в одной квартире.

Жили мы мирно. Ворошиловы очень оберегали мою с Петром Климентьевичем любовь. Мы наполняли их жизнь суетой, заботой, давали ощущение семейного клана»[163]. И еще:

«Она (мать. — *В.Л.)* жила в вечном страхе. Появились в доме дети Фрунзе, она стала бояться моего растлевающего влияния на них: дочь репрессированных родителей, мало ли какие критиканские речи я могу вести.

Все это особенно усилилось в ней к тридцать седьмому году и позже тоже серьезно проявлялось. Вообще с тридцать седьмого между всеми кремлевскими семьями пролегла пропасть. Оставшиеся на свободе замкнулись внутри семейных кланов, прекратились совместные вечеринки. Как-то все внезапно осели, огрузли, постарели. Словно ураган пролетел над Кремлем. И его окрестностями»[164].

Ежов надеялся, что Ворошилов — в силу испытанного позора — подаст в отставку. Но Ворошилов не сделал этого, а Сталин его к тому не принуждал. По тем лихим временам Ворошилов и его жена проявили самое настоящее благородство. Не каждый, даже из «ответственных», считал возможным поступить подобным образом.

Это лишь два эпизода из жизни семьи Ворошилова. Трудных же моментов имелось очень много. О том может рассказать лишь подробная биография, основанная на документах. Воспоминания же самого Ворошилова очень неполные[165].

Чего только не делал Ежов, стараясь «свалить» главу армии! Не удалось. Не он Ворошилова «похоронил», а Ворошилов его!

Как видно из этого небольшого рассказа, принадлежность к высокопоставленным семьям связана не только с удовольствиями и роскошной жизнью, но также часто и со смертельным риском

Возвращаемся к арестованному маршалу и его дальнейшей судьбе.
157

На следующий день, 27 мая (еще до ареста Якира и Уборевича. — *В.Л.),* Тухачевский вновь обращается к Ушакову с письмом и просьбой: «Но т.к. мои преступления безмерно велики и подлы, поскольку я лично и организация, которую я возглавлял, занимались вредительством, диверсией, шпионажем и

изменяли родине, я не мог стать на путь чистосердечного признания всех фактов. Прошу предоставить возможность продиктовать стенографистке, причем заверяю вас честным словом, что ни одного факта не утаю». (Там же.)

Вот так они, эти «невиновные», о себе говорили и писали, так вели себя во время следствия! Никто не пожелал покончить самоубийством, как Гамарник или Томский! Как же можно квалифицировать их поведение? Если они были невиновны, но говорили о себе и писали такое, значит, были они завзятыми трусами, не признававшими ни стыда, ни совести, ни чести! Чем они тогда лучше генерала Власова, перебежавшего на сторону Гитлера?!

Маршал Жуков о последнем отзывался с презрением: «Трус! Должен был застрелиться раньше, чем попал в плен к немцам! Но предпочел предательство — подлость всегда рядом с трусостью ходит». (Миркина А. Маршал пишет книгу. — «Огонек». 1988, № 18, с. 18.)

Справедливо сказано! Но разве к Тухачевскому и его коллегам эти слова не относятся?! Ведь они своим подлым поведением (если они невиновны!) причинили вреда в тысячу раз больше, чем Власов!

Поклонники маршала придают очень большое значение разным психологическим моментам, в частности тому, в каком виде бывшего маршала вели на первый допрос к Леплевскому. Шел он в таком наряде: прекрасном сером штатском костюме, с армяком из шинельного сукна на плечах, а на ногах его находились лапти!! Наверное, это имело некоторое значение: лапти наглядно показывали бывшему маршалу изменение его социального статуса! Но могла ли такая мелочь заставить действительно честного человека оговаривать себя и других людей?!

Нет, не убедительно выглядят все попытки оправдать Тухачевского и найти ему извинения! Даже если били его «под микитки»! Ведь известны же примеры стойкости со стороны других людей! Так, комкор Василенко, которого оговорил Медведев, несмотря на все допросы, виновным себя так и не признал! Его тоже расстреляли, но он ни других, ни себя не оговорил! (Поляков Н. Заговор, которого не было. — «Социалистическая законность». 1990, № 10, с. 59.)

Так почему же, вновь следует спросить, если Тухачевский был действительно не виновен, — почему же он проявил такое малодушие, такое отсутствие душевной стойкости?! Едва его арестовали, как он тут же признал себя виновным в заговоре, измене, шпионаже и прочих позорных вещах! Что, разве он не понимал, чем грозят такие признания?! Каков будет позор его самого, близких, друзей?! Каковы будут политические последствия: страшная чистка командного состава РККА, Наркомата обороны, всех ведомств военной промышленности?!
158

Конечно, все это маршал понимал, не из детского же он сада. И тем не менее очень быстро сознался в гнуснейших делах. Сваливать все на пресловутые «пытки» едва ли правильно: нет ни свидетелей, давших показания в открытом суде, ни подкрепляющих такую версию официальных и надежных документов.

Остается поэтому только один вывод: то, что говорилось, правда! Заговор против Сталина и ЦК партии, с намерением свергнуть их, действительно существовал. Остальное (шпионаж и пр.) — уже детали.

Во время предварительного следствия арестованные всячески юлили и меняли показания, переходя от первоначальных признаний к отрицанию их и обратно (из-за кулис подследственных всячески старались поддержать «свои» люди!). Подобная линия поведения окончательно лишила маршала доверия. Так всегда вели себя пойманные преступники! На «чудовищную несостоятельность» предъявленных им обвинений Тухачевский и его товарищи посылали многочисленные жалобы Сталину, Молотову, Ворошилову, Кагановичу, Ежову,

Маленкову. Жалобы, как ни странно (ибо они подрывали авторитет Ежова!), до адресатов доходили. Но положительного отклика — не имели. Понятно, почему: люди, сами себя признавшие виновными в заговоре, шпионаже, измене и пр., не могли рассчитывать на доверие.

Особенно уязвленным и опозоренным чувствовал себя Ворошилов: ведь это были сплошь люди «его ведомства», в котором, как он прежде неоднократно утверждал, нет и не может быть никаких врагов, с которыми он проработал «бок о бок» много лет, которым он лично способствовал в их карьере. О, людская неблагодарность![166]

Что касается Сталина, то его больше всего озлобляло участие в деле Якира. Последний, вместе с Маленковым и Хрущевым, числился среди его любимцев и многократно заверял главу партии в своей преданности. Вот почему, ознакомившись с его письмом из тюрьмы, обозленный генсек в бешенстве написал: «Подлец и проститутка!» Другие вожди тоже чувствовали себя подло обманутыми, и потому не стеснялись писать свирепые и матерные резолюции.

Можно сказать с полным основанием, что решающими факторами в изобличении обвиняемых служили: свидетельские показания их подчиненных и коллег, немалое количество документов, которые были захвачены в их сейфах, магнитофонные записи, которые секретно делало НКВД в течение достаточно длительного времени. Именно это было главным, а вовсе не пресловутые самооговоры «под пыткой»!

Современному читателю может показаться удивительным, что уже в то время применялась магнитофонная запись. Однако удивляться вовсе не следует. СССР был широко связан с Германией и применял в следственной практике все новинки техники. Сохранилось одно удивительно интересное свидетельство. Вячеслав Рудольфович Менжинский как-то без. всякого смущения сказал наркому по иностранным делам Г.В. Чичерину (1872—1936):
159

«ОГПУ обязано знать все, что происходит в Советском Союзе, начиная от Политбюро и кончая сельским советом. И мы достигли того, что наш аппарат прекрасно справляется с этой задачей»[167].

Г. Беседовский, соратник Чичерина, бежавший в 1929 г. на Запад (с ним Чичерин однажды поделился этим «секретом»), позже так передавал свое впечатление:

«Я вышел от Чичерина в подавленном состоянии. Всемогущество ОГПУ и его всепроникающая осведомленность не составляли для меня тайны. Я имел возможность лично наблюдать за границей, как отделы ОГПУ наблюдают за жизнью в посольствах и за всеми сотрудниками, начиная от посла и кончая последним швейцаром. Но там, в заграничной обстановке, это могло еще если не оправдываться, то, по крайней мере, объясняться специальным положением каждого специального аппарата, находящегося за границей, в обстановке непрерывной борьбы и столкновений с окружающей действительностью. Но здесь, внутри СССР, такая система шпионажа, когда ОГПУ держит под наблюдением всех высших сановников Советской Республики, не могла найти никакого объяснения, кроме одного: постепенного перерастания аппарата ОГПУ из одного орудия государственного управления в механизм всесильного полицейско-террористического властвования, не имеющего перед собой никаких задач и целей, кроме одной — утверждения своего всепроникающего полицейского террора»[168].

Был и еще один источник получения важнейших сведений из-за границы. Советская разведка в разных странах проникала даже в руководящие органы

неприятельских разведок, откуда, благодаря этому, «выкачивала» важные сведения. Тот же Г. Беседовский вспоминает:

«В связи с покупкой шифров я вспоминаю один разговор, который происходил на квартире Довгалевского во время игры в покер. Одно время эта игра была постоянным занятием всех высших советских чиновников Парижа. В частности, и Довгалевский и Пятаков отдавали много времени игре в покер. Я также иногда принимал участие в их игре, происходившей обычно на квартире Довгалевского. Вскоре, однако, я прекратил играть, так как часто обыгрывал дочиста своих партнеров и мне было неловко перед ними. Однажды я застал за игрой в покер Яновича. Он сильно нервничал, так как ему не везло и он успел проиграть Довгалевскому несколько тысяч франков. На мое ироническое замечание, что ему незачем волноваться, так как осталось еще немало дураков, бесплатно отдающих шифры, Янович с огорчением ответил: «Да что там я на этом заработал? Тысчонку долларов. Вот у нас одному дяде счастье привалило с румынами. Это было дело. Удалось ему, через одну бабу, подъехать к руководителю румынской сигуранцы в Бессарабии, и он имеет теперь в своих руках все румынские шифры и самую секретную информацию обо всем, что происходит в Бессарабии и Румынии. Вот тут была награда». Я был удивлен этим заявлением и не удержался, чтобы не задать Яновичу несколько вопросов. Обстановка игры в покер и несколько

выпитых рюмок водки создали в нем расположение отвечать. Я сказал ему: «Неужели румыны могут прозевать такой факт, как работа на ОГПУ одного из руководителей сигуранцы?» Янович только засмеялся в ответ: «Знаете, это такой гусь, которого никогда не поймают. Он буквально перепорол почти всю Бессарабию. Арестованных коммунистов пытает в своем кабинете, чуть ли не сдирая с них кожу. Как могут румыны подумать, что такой гусь является нашим секретным сотрудником?»

Я остолбенел. Наш секретный сотрудник, пытающий румынских коммунистов, — это была действительно дьявольская выдумка. Я сказал Яновичу, что считаю такой факт позором и дискредитированием для всего советского правительства, так как это ничем не отличается от самых худших методов самых отвратительных охранок. Это, пожалуй, превосходит такие методы. Янович только усмехнулся в ответ: «Да бросьте вы эту ерундистику разводить. Знаете, что значит иметь такого сотрудника? Мы сами его попросим, чтобы он порол побольше, лишь бы он мог продолжать свою работу для нас. А когда произойдет революция в Румынии, пускай румынские коммунисты поставят его к стенке. Заступаться за него мы не станем. А пока что он выполняет объективно революционную работу и тем, что служит для нас, и тем, что порет крестьян. Кстати, благодаря его информации мы знаем иногда даже, с кем танцует жена посла в Париже. (Янович посмотрел при этом в сторону Довгалевского, который покраснел.) Потанцует жена посла с несколькими румынами, и нам это сразу же известно. Да и не только это. Ведь румынская сигуранца обменивается своими сведениями с разведками других стран, и мы имеем в своих руках такие сведения, которые стоят сотни тысяч долларов. А вы вздумали вдруг вспоминать о нескольких лишних выпоротых бессарабских крестьянах; это просто накладные расходы в нашей работе, и больше ничего»[169].

Совершенно ясно, что при таких отношениях с сигуранцей и другими иностранными разведками можно было получать самые секретные сведения относительно тайной деятельности той части советских военных деятелей, которые находились в оппозиции. Особой продажностью среди этих разведок отличалась именно сигуранца. А так как Якир родом был из Кишинева, то на него

в первую очередь в Румынии имелось огромное секретное досье, самая главная часть которого и перешла затем в руки Ежова.

Таким образом, никакой необходимости в так называемых «пытках» не было. И гораздо больше оснований полагать, что сторонники оппозиции в НКВД просто разукрашивали гримом всю восьмерку для того, чтобы создать вполне определенное впечатление и таким образом скомпрометировать их показания. Нельзя забывать, что все сторонники оппозиции в ЧК-НКВД имели громадный опыт и работали в своей сфере с самого начала революции, еще под руководством Дзержинского. Поэтому они прекрасно знали, как употреблять все виды дезинформации и обмана.
161

8 июня следствие завершилось, и прокурор СССР подписал официальное обвинительное заключение. 9 июня под расписку оно было передано подследственным для ознакомления. Следователи в очень сжатые сроки проделали громадную работу. Суду предстояло рассмотреть дело, материалы которого составляли 15 томов!

Как же на этом предварительном следствии Тухачевский рисовал картину предстоящей войны с Германией, представляя себя «великим экспертом»? Весьма интересно сравнить его «прогнозы» с тем, что в 1941 г. случилось в действительности!

Итак, слово Тухачевскому:

«Вряд ли можно допустить (?), чтобы Гитлер мог серьезно надеяться на разгром СССР. Максимум, на что Гитлер может надеяться, это на отторжение от СССР отдельных территорий. И такая задача очень трудна».

«Белорусский театр военных действий только в том случае получает для Германии решающее значение, если Гитлер поставит перед собой задачу полного разгрома СССР с походом на Москву. Однако я считаю такую задачу совершенно фантастической».

«Вопрос заключается в том, является ли захват Ленинграда, Ленинградской и Калининской областей действительным решением политической и экономической задачи по подысканию сырьевой базы. На этот последний вопрос приходится ответить отрицательно. Ничего, кроме дополнительных хозяйственных хлопот, захват всех этих территорий Германии не даст. Многомиллионный город Ленинград с хозяйственной точки зрения является большим потребителем. Единственно, что дал бы Германии подобный территориальный захват, — это владение всем юго-восточным побережьем Балтийского моря и устранение соперничества с СССР в военно-морском флоте. Таким образом, с военной точки зрения результат был бы большой, зато с экономической — ничтожный».

«Итак, территорией за которую Германия, вероятнее всего, будет драться, является Украина. Следовательно, на этом театре войны наиболее вероятно появление главных сил германских армий». (1937. Показания маршала Тухачевского. — «Военно-исторический журнал». 1991,

№ 8, с. 45-46.)

Что видно отсюда? А вот что: картина, нарисованная Тухачевским, представляет собой полную противоположность тому, что было в СССР в 1941 г. в действительности. Какой отсюда вывод? Их два:

1. Или слава о «несравненных» стратегических способностях и умении «все предвидеть» со стороны Тухачевского непомерно раздута, так как он обнаружил полную непредусмотрительность и несостоятельность.

2. Или он намеренно старался ввести в заблуждение советское партийно-государственное руководство, прикрывая подлинный план немецкого вторжения,

относительно которого имел тайное соглашение с руководством немецкого рейхсвера.
162

Так как первый вывод в свете всего известного отпадает, то остается, следовательно, второй. И, таким образом, этот второй вывод неоспоримо доказывает наличие военно-оппозиционного заговора.

Пусть кто хочет, попробует опровергнуть настоящее заключение. Едва ли это ему удастся[170].

А указание на какие-то «неправильности» следствия не стоят ничего! Ибо у следствия могли быть свои соображения. Уинстон Черчилль, политик мирового класса, уж, конечно, знал, что говорил: «Правда обладает такой ценностью, что должна быть окружена стражей из лжи».

В этот же день 9 июня Якир написал три письма: Сталину, Ворошилову и Ежову. Два письма ниже воспроизводятся.

Первое письмо:

«Родной близкий тов. Сталин. *Я смею так к Вам обращаться*, ибо я всё сказал, всё отдал, и мне кажется, что я снова честный, преданный партии, государству, народу боец, каким я был многие годы. Вся моя сознательная жизнь прошла в самоотверженной, честной работе на виду партии и ее руководителей — *потом провал в кошмар, в непоправимый ужас предательства...* Следствие закончено. *Мне предъявлено обвинение в государственной измене, я признал свою вину, я полностью раскаялся. Я* верю безгранично в правоту и целесообразность решения суда и правительства Теперь я честен каждым своим словом, я умру со словами любви к Вам, партии и стране, с безграничной верой в победу коммунизма»[171] .

Второе письмо:

«К. Ворошилову.

В память многолетней, в прошлом честной работы моей в Красной Армии я прошу Вас поручить посмотреть за моей семьей и помочь ей, беспомощной и ни в чем не повинной. С такой же просьбой я обратился к Н. И. Ежову».

Эти письма не встретили никакого положительного отклика.

На письме Якира появились следующие резолюции:

«Подлец и проститутка. И. Сталин».

«Совершенно точное определение. К. Ворошилов».

«Мерзавцу, сволочи и бляди — одна кара — смертная казнь. Л. Каганович».

Б. Соколов и тут вполне справедливо замечает: «Нельзя не признать, что резолюция Сталина и его товарищей вполне соответствуют содержанию письма. В самом деле, что можно сказать о человеке, который признается в активном участии в заговоре и тут же заявляет о своей честности». (С. 425.)

На втором письме, К. Ворошилову, появилась следующая резолюция: «Сомневаюсь в честности бесчестного человека вообще».

Понятно на этих примерах, что письма и других подсудимых встретили прием не лучше.

163

ГЛАВА 10. МЕТОДЫ ДОПРОСОВ. НАСКОЛЬКО СПРАВЕДЛИВ ТЕЗИС О ПЫТКАХ?

Власть утверждается не теми сторонниками, с которыми ее завоевывали.
Макиавелли

У Б. Викторова, как и у других авторов, части статей и книг, посвященные

методам следствия и вытекающим отсюда выводам, весьма уязвимы. Во-первых, применение физических мер воздействия (само по себе аморальное!) вовсе еще не говорит о лживости показаний. Известно, что буржуазные разведки и полиция систематически применяют избиения и пытки к революционерам и уголовникам, часто даже к подозреваемым, добиваясь правдивых показаний. (Это очень хорошо видно из зарубежных фильмов, в том числе из знаменитого сериала «Спрут», посвященного борьбе полиции с мафией.) Таким же образом в течение веков поступали при царях на Руси и в странах Запада. И никто не отрицал на этом основании подобных показаний, тщательно корректировавшихся другими данными и документами. Во-вторых, не следует забывать вот еще о каком обстоятельстве.

В следственном аппарате НКВД все время кипела страшная борьба, так как там постоянно находилось значительное число тщательно законспирированных следователей-фракционеров и начальников разных направлений. Противники Сталина намеренно фабриковали массу фальшивых дел, стараясь выиграть время, затормозить следствие, увести из-под удара «своих» и подставить «чужих», создать путем чудовищной лавины массовых арестов обстановку дикого страха и паники в стране, чтобы их влиятельные сторонники, находившиеся на свободе, могли ею воспользоваться для военного переворота. Это обстоятельство (а вовсе не «маниакальный страх» Сталина!) и объясняет, почему следователей и их начальников периодически расстреливали, как изобличенных врагов, какими они и являлись на деле. В-третьих, упорное запирательство — в традициях всех заговорщических организаций. Кто же станет в заговоре по доброй воле признаваться?! Ведь за это орден не получишь! И Ленин, когда его царские следователи пытались изобличить в антигосударственной деятельности, все решительно отрицал! Тем не менее революционной работой он все-таки занимался.

Все следователи Ежова работали в атмосфере страшнейших внутренних и внешних (часто зарубежных) интриг, подвергаясь из-за кулис давлению, шантажу и угрозам. Против каждого пускались в ход всякие провокации, защититься от которых было невозможно, так как противоположную сторону представляли опытнейшие политики и чекисты-профессионалы с громадным опытом, полученным еще во времена Дзержинского, обладавшим обширными досье на своих врагов, каждый шаг, каждое слово которых брались тотчас на учет.

164

Бешеные удары наносились по самому Ежову, по Фриновскому, по тем следователям, которым они больше всего доверяли. Возможностей оппозиция имела еще много: «свои» люди имелись везде, никакие «чистки» не могли выявить всех.

Сталин и Молотов требовали быстрых результатов, исходя из сложности положения. Нужно правильно понимать обстановку того времени. Рассматривалось дело об опасном военном заговоре во главе с маршалом и двумя заместителями наркома обороны (Тухачевский, Гамарник). Конечно же, высшее руководство, как всегда бывает в подобных случаях, находилось в большом страхе и тревоге, понимая, какие возможности находились в руках заговорщиков. Именно поэтому Сталин и Молотов требовали от НКВД скорейшего изобличения виновных, требовали список руководителей заговора. Ежов, по необходимости, в свою очередь давил на своего заместителя Фриновского и на следователей.

Следователи (даже самые честные!) нервничали: неумение выдать «результаты» в кратчайший срок можно было в таком деле расценивать не только как доказательство профессиональной непригодности, но и как злостный саботаж и тайную оппозицию со всеми вытекающими отсюда ужасными последствиями.

Поэтому, понятно, они, тоже по необходимости, упрощали процесс расследования, а прокуратура, по тем же причинам (как во времена Дзержинского!) ради быстрых результатов на многое «закрывала глаза». Важен был только быстрый результат!

Среди следователей главную роль играл Ушаков. Самые трудные допросы, самые упрямые арестованные поручались именно ему. Он допрашивал Аронштама и Фишмана, людей близких к Тухачевскому, никак не желавших выдавать известные им факты его тайной деятельности.

Позже, на его собственном процессе, посвященном его преступной деятельности, Фриновский как можно больше вины старался свалить на Ушакова: он-де вообще был «липач» и для собственного удовольствия избивал арестованных, не желавших давать ему нужных показаний. (Он сумел добыть почти по 20 показаний даже на Буденного и Щаденко!) Такое обвинение весьма подозрительно. Зачем Ушакову было брать на себя дело столь щекотливое, ввиду высокого ранга обвиняемых? А вдруг оправдаются?! И что тогда? Нет, выгоднее в подобных случаях действовать по приказу! Ведь кто приказывает, тот и несет главную ответствнность!

В начале сентября 1938 г. Ушаков (сам Ушаков!) был арестован, как член секретной сионистской организации, и в Киеве, во владениях С. Косиора, подвергся яростным допросам, поскольку не давал признательных показаний. «Тогда меня стали бить, — вспоминал он потом. — Пробовал протестовать. Не расставаясь мысленно и сердцем с Николаем Ивановичем (Ежовым. — *В.Л.),* я заявил, ссылаясь на его указания, что бить надо тоже умеючи, на что Яролянц (местный следователь. — *В.Л.)* цинично ответил:
165

— Это тебе не Москва, мы тебя убьём, если не дашь показания. Невозможно передать, что со мной в то время происходило. Я был скорее похож на затравленное животное, чем на замученного человека. Мне самому приходилось в Лефортовской (и не только там) бить врагов партии и Советской власти, но у меня никогда не было представления об испытываемых избиваемым муках и чувствах. Правда, мы не били так зверски, к тому же допрашивали и били по необходимости, и то — действительных врагов (не считая несколько отдельных случаев, когда арестовывали ошибочно, но быстро, благодаря Николаю Ивановичу, исправляли свои ошибки). Короче говоря, я сдался физически, т.е. не выносил больше не только побоев, но и напоминания о них.

Можно смело сказать, что при таких изобличениях волевые качества человека, как бы они ни были велики, не могут служить иммунитетом от физического бессилия, за исключением, может быть, отдельных редких экземпляров людей». (Без грифа «секретно». С. 229.) [172]

«Образцовый» следователь Ежова Ушаков имел самый жалкий конец: отведав избиений, попал в лагерь, потом был расстрелян!

А вот следователю Авсеевичу, который при необходимости тоже умел виртуозно действовать резиновой палкой, пускать в ход кулаки, крупно повезло! Он сумел вовремя «перестроиться», помог с разоблачениями Ежова и его клики новому начальнику НКВД Берии и таким образом не только ускользнул от наказания за гнусные делишки, но даже сделал карьеру! И вышел в генерал-лейтенанты авиации!

Во времена Хрущева Авсеевича, как одного из следователей 30-х годов, уцелевшего от расстрелов, вызвали для допросов в военную прокуратуру в качестве свидетеля. Б. Викторов пишет: «Нам он представился как участник обороны Сталинграда. Грудь его была в орденах. За какие заслуги они были получены, мы не проверяли». Такова тщательность «исследований» хрущевских

«реабилитаторов»! Берутся о следователях судить, а сами не знают даже их жизненного пути! Не знают дел и наград! При таких обстоятельствах трудно «реабилитаторам» верить: тут и не пахнет добросовестной работой! Вот что главное!

Итак, по утверждениям очень многих, показания против других и против себя при Сталине добывались исключительно «недозволенным путем». На этом настаивает и Арватова: «Заплечных дел мастера могли сломать кого угодно. Вот, скажем, начальник военной разведки Берзинь — несгибаемый чекист. Я познакомилась с ним еще в 1935 году на отдыхе. (Интересно было бы прочитать статью и воспоминания на тему: «Берзинь и Тухачевский». — *В.Л.)* Могучий, волевой, непоколебимый латыш. Со мной вместе отбывала срок сотрудница его аппарата, проходившая с ним по одному делу о «шпионаже» (фальсификаторы фантазией не отличались, а на шпионах просто помешались). Однажды она рассказала мне об очной ставке с Берзинем. Еще на предварительных допросах следователь убеждал ее в том, что Берзинь дает показания. Она не верила до тех пор, пока не встретилась со своим бывшим начальни-

ком. Он преданно смотрел на следователя и покорно подтверждал все, что ему диктовали. (А что именно? Почему стенограмма не опубликована до сих пор?! Это чтобы легче было мошенничать?! — *В.Л.)* Это был не Берзинь, это был другой Берзинь. Его телесная оболочка. По мнению сокамерницы, его, похоже, накачивали наркотиками. (В тени монумента. — «Огонек». 1988, № 17, с. 21.)

(А бесфамильная «сокамерница» — не подсадная «утка», способная на любые показания?!)

Знал ли Сталин о применении пыток в НКВД? Как он к этим злоупотреблениям власти относился? Вопросы эти встают потому, что и буржуазные, и «право»-троцкистские элементы решительно все документы, для них невыгодные и позорные, объявляют «сфальсифицированными», добытыми с помощью физического принуждения. При этом продажные борзописцы доходят до того, что, если им поверить, так Сталин чуть ли не лично изобретал «методы воздействия» и уж, во всяком случае, сам их санкционировал. Разумеется, доказательств не приводится никаких.

На самом же деле все обстояло как раз наоборот. Пытки Сталин принципиально не одобрял, считал их недопустимыми, поскольку они (не всегда, но чаще всего) сильно искажают картину действительности и являются чудовищно несправедливыми по отношению к тем людям, которые в результате клеветы попали в какие-либо гнусные дела.

Наличие такой его позиции доказывается официальными документами. Когда в сентябре 1934 г. на его имя, с сопроводительным письмом М.И. Ульяновой (она возглавляла Бюро жалоб ЦК партии), поступило письмо арестованного А.Г. Ревиса, одного из руководящих работников «Тракторцентра», и еще некоторые другие документы, касавшиеся деятельности руководства НКВД во главе с Ягодой, он тут же отправляет их своим влиятельным коллегам — Куйбышеву (первый заместитель председателя Совнаркома и СТО СССР, председатель комиссии советского контроля при Совнаркоме СССР) и Жданову (секретарю ЦК партии). В своем собственном письме он пишет (заметим, что в современных газетах и журналах, занятых бесстыдными фальсификациями, этого письма нигде нельзя найти):

«Т.т. Куйбышеву, Жданову.

Обращаю Ваше внимание на приложенные документы, особенно на записку Ревиса. Возможно, что содержание обоих документов соответствует действительности. Советую:

а) Поручить комиссии в составе Кагановича, Куйбышева и Акулова проверить сообщаемое в документах;

б) Освободить невинно пострадавших, если таковые окажутся;

в) Очистить ОГПУ от носителей специфических «следственных приемов» и наказать последних, «невзирая на лица» (намек явный на Ягоду! — *В.Л.*). Дело, по-моему, серьезное и нужно довести его до конца.

И. Сталин». (Б.А Викторов. Без грифа «секретно». М., 1990, с. 139.)

В соответствии с решением Политбюро от 15 сентября 1934 г. (и зачем это «диктатору» нужно было такое решение??) создали комиссию в составе Кагановича, Куйбышева, Акулова, Жданова. Состав очень представительный: Каганович — член Политбюро, секретарь ЦК партии, первый секретарь МК и МГК партии, Акулов — прокурор СССР (1933—1935), Жданов — секретарь ЦК партии (с января 1934). Помощь всех видов оказывали им в проверке материалов помощники самого Сталина — А.М. Назаретян (1889—30.10.1937, чл. партии с 1905) и ДА. Булатов (1889-1941, чл. партии с 1912)[173]. Акулов (1888—1939, чл. партии с 1907) играл особенно важную роль[174]. Его высоко ценили в партии. И отзывались о нем так:

П. Баранов[175] (1892—05.09.1933, чл. партии с 1912), начальник ВВС республики:

«Хороший товарищ, замечательный работник».

М. Коковихин (старый большевик, работавший с Акуловым в ЦКК-РКИ): «Иван Александрович был поистине прекрасным человеком. Нужно отметить, что он был очень прямой, что если он был с чем-нибудь не согласен, он прямо ставил вопрос по-партийному, по-большевистски».

М. Ульянова (сестра В. Ленина): «Он человек необычайной воли и правды». (А.С. Блинов. Иван Акулов. 1967, с. 65, 70, 73.)

Акулов находился в тесной дружбе с Орджоникидзе, Барановым, который при очень подозрительных обстоятельствах погиб в 1933 г. вместе с женой в авиакатастрофе, с Якиром, его женой Саррой Лазаревной, его заместителем Н.Д. Кашириным, начальником штаба Украинского военного округа В. Бутырским (в 1925—1928 годах вместе с Якиром, Кашириным и Бутырским он даже жил в одном доме!).

С Якиром его связывали особенно близкие отношения. А познакомил их Баранов, который тоже дружил с Якиром и которого Акулову рекомендовал с самой наилучшей стороны. Было это в 1920 г., и они вместе работали в составе Крымского обкома, Якир же занимал в то время пост командующего войсками Крыма. Жизнь тогда среди всеобщей разрухи, при только что завершившейся Гражданской войне, была очень тяжелой и голодной. Люди много работали и жили святой верой, дружбой и любовью. Жена Якира вспоминала то время так: «Ионочка часто после заседания затаскивал Ваню к нам. У нас все же лучше. Мы жили большой коммуной, все работали, и у нас было много хамсы» (Хамса, или анчоус — род сельди). (Там же, с. 58.) Их отношения непрерывно крепли. «Постепенно, — пишет биограф, — у них выработалась взаимная потребность, сохранившаяся до конца жизни, советоваться по всем вопросам». (Там же, с. 59.) Когда чета Барановых погибла в катастрофе, именно Акулов вместе с Якиром и Булиным, соратником Гамарника, стали опекунами их детей.

Легко себе представить, каковы были страх и паника Ягоды, лучшего друга Бухарина и Рыкова, покрывавшего все делишки «право»-троцкистских организаций! Широкое расследование угрожало падением ему

самому! Единственная надежда заключалась в собственном искусстве маневрирования в море большой политики и еще в помощниках Сталина, да еще, пожалуй, в Кагановиче. Ну, может ли иудей «продать» иудея?! А помощникам в предыдущие годы сумел он оказать достаточно услуг, способствуя их карьере.

За кулисами началась бешеная борьба, со взаимными подвохами и страшными ударами. Кончилась она тем, что Киров, тоже оказавшийся вовлеченным в эту борьбу (как политик с Кавказа и друг Сталина!), получил пулю 1 декабря 1934 г., а Куйбышев скоропостижно скончался 25 января 1935 г., якобы от «разрыва сердца», как врачами было официально объявлено, согласно секретному указанию Ягоды[176]. В оставшейся тройке Каганович и свежеиспеченный секретарь ЦК Жданов поддержали Ягоду, Акулов же выступил против него. Этим он, в глазах Ягоды, сам себе подписал смертный приговор.

Раскол в комиссии привел Ягоду к победе. И Сталин на заявлении невиновного Маркевича, заместителя наркома земледелия СССР, члена партии с 1921 г. (невиновность его подтвердила комиссия по реабилитации, освободившая его в 1957 г.), наложил неожиданную для того резолюцию: «Вернуть в лагерь». Было это в январе 1935 г., после убийства Кирова.

И все-таки победа для Ягоды оказалась воистину «пирровой»! Доверие к нему явно пошатнулось. Ибо комиссия успела составить итоговый документ, охватывавший дела Наркомзема, Наркомата совхозов и еще ряда других, для руководства НКВД очень неблагоприятный. Там зафиксированы следующие пункты:

1. Надо искоренить незаконные методы следствия.

2. Наказать виновных.

3. Дела о Ревисе и Маркевиче пересмотреть.

Ясно было, что точка не поставлена, что расследование дел следователей НКВД, словно бумеранг, может вновь возвратиться на прежнюю орбиту. Так и получилось в конце концов. В результате Ягода лишился всех постов и затем сел на скамью подсудимых, уличенный во множестве отвратительных преступлений, среди которых числилось и убийство Куйбышева. На процессе Бухарина и Рыкова в 1938 г. этот вопрос также рассматривался, и показания обвиняемых были более чем интересны[177].

Смерть Куйбышева поразила многих людей, близко знавших его, в том числе и его сестру, которая в последний раз видела брата 23 января и как раз говорила с ним о его здоровье. Вспоминая о том свидании и его смерти, она позже говорила: «Валериан ушел от нас совсем молодым. Ему было всего 46 лет, он был в расцвете своих сил.

Не верилось, никак не верилось, что человек с таким богатырским здоровьем мог так внезапно, так неожиданно сгореть». (Там же, с. 41.)

Все поклонники Тухачевского представляют дело так, что Куйбышев умер «сам собой», «вполне естественно», «от чрезмерно напря-

169

женной и нервной работы». Какие доказательства? Никаких! Поэтому подобные утверждения и не внушают доверия. Фактом является другое, как видно уже из одного приводившегося эпизода: что Куйбышев слишком много знал о деятельности оппозиции в аппарате НКВД, по этой причине он был очень опасен, все время создавая угрозу множества провалов и полного разоблачения. Следовательно, его надлежало убрать! Что и сделали по заданию высоких шефов. В свете этого становятся понятными следующие факты:

1. Подсовывание Куйбышеву некоего «невинного лекарства», якобы для поддержания бодрости его нервной системы среди напряженной работы.

2. Странное поведение секретаря Куйбышева: когда тому стало плохо, он решил пойти домой (жил нарком в Кремле), секретарь не пошел проводить его, не вызвал с работы жену, не позвонил в амбулаторию, которая находилась в доме Куйбышева, этажом ниже, чтобы оттуда пришел дежурный врач или сестра для помощи, но поручил кому-то другому разыскать персонального врача Куйбышева, прикрепленного к нему Ягодой (!).

3. Позвонить, однако, одному из своих шефов, секретарю ВЦИКа Енукидзе, он не позабыл. Ему он тотчас сообщил, что Куйбышеву очень плохо и конец приближается. Тот бодро ответил: «Все в порядке, не зовите врача и держитесь молодцом».

Из последних сил Куйбышев позвонил жене Ольге Андреевне, та — в амбулаторию. Когда она вернулась домой, там уже хлопотали медики. Но все было бесполезно: Куйбышев уже не дышал.

Сестру Куйбышева тоже вызвали с работы, сказав ей по телефону: «Валериану очень плохо, приходи скорее!» Эти слова привели ее в ужас. «Я поняла, — вспоминала она позже, — что произошло что-то ужасное. Приходит на мысль недавняя трагическая гибель Кирова! Гоню эту мысль от себя, но все же она неотступно, все сильнее и сильнее точит мой мозг».

При вида мертвого брата она спрашивает именно о том, что кажется ей наиболее «естественным»: «Его убили?» Жена Куйбышева отвечает (со слов проф. Левина, врача Менжинского, Енукидзе и Куйбышева!): «Умер от разрыва сердца».

Вот в такой атмосфере Сталину приходилось жить и работать. Трудно при таких обстоятельствах пылать ко всем «братской любовью», трудно желать устроить общий «консенсус».

Акулов, следуя лучшим традициям партии, пользуясь поддержкой Крыленко, наркома юстиции СССР[178] (1936—1938), яростно боролся за справедливость сначала с Ягодой, потом с Ежовым, с недобросовестными и бесчестными следователями, которые, по его наблюдениям, на 75% определяли судебный приговор своими материалами[179]. Еще до убийства Кирова, 4 июля 1934 г. он в своей директиве прокурорам союзных республик писал: «По данным Прокуратуры СССР, за последнее

время (!) наблюдаются частые случаи нарушения судьями и прокурорами во время судебного заседания элементарных процессуальных правил, обеспечивающих нормальный ход судебного следствия.

Судьи и прокуроры при допросах обвиняемых, свидетелей или экспертов проявляют нередко грубое к ним отношение, обращаются к ним на «ты», позволяют в их адрес неуместные шутки и прибаутки, задевающие достоинство опрашиваемых и роняющие авторитет пролетарского суда в глазах трудящихся. Грубый тон рассматривается некоторыми судебно-прокурорскими работниками как проявление «демократической» простоты пролетарского суда, в то время как он является лишь проявлением собственной некультурности этих работников. Судебное заседание при таких условиях утрачивает серьезный характер, которым оно должно отличаться, и, превращаясь в «веселое» зрелище, не может оказать на трудящихся воспитательного воздействия.

Грубому, недопустимо фамильярному отношению к допрашиваемым сопутствует, в большинстве случаев, и неряшливое, кустарное, упрощенное отношение к исследованию обстоятельств дела и ведению всего судебного следствия». (Блинов. Иван Акулов, с. 75.) А как ведут «исследование обстоятельств дела» Викторов и К°?!

В соответствии с предложениями Акулова, для переподготовки судей и прокуроров ЦИК и СНК СССР приняли важное постановление от 5 марта 1935 г. Это постановление предусматривало:

1) Создание Всесоюзной правовой академии при ЦИК СССР с двухгодичным сроком обучения.

2) Организацию Харьковского и Ташкентского правовых институтов.

3) Создание сети юридических школ и курсов.

И вот этой-то деятельности, направленной на резкое улучшение правосудия, «диктатор» Сталин и не думал препятствовать! Понятно, почему. Ведь эта деятельность находилась в полном соответствии с духом его собственного письма!

Так разрушаются те басни, которые распространяют современные «право»-троцкистские элементы!

— Но все-таки, — трагически вопрошают оппоненты, — применяли при Сталине «недозволенные методы»?! И с его согласия, даже по его указаниям?!

— В известном числе случаев, возможно, и применяли. Но никаких документов на этот счет нет. Бесспорных документов! Если бы они имелись, то противники Сталина уже тысячу раз бы их опубликовали! Если же никаких публикаций мы до сих пор не видели, то, значит, их нет!

— А как же знаменитая сталинская телеграмма?! Ее-то он разослал по всем ЦК национальных компартий?! Разве не обосновывал он в ней право НКВД на пытки, на самый ужасный произвол?!

— А с чего вы взяли, господа, что она сталинская? Под ней что, подлинная подпись его стоит? И где подлинник этой телеграммы?! Почему он до сих пор не опубликован фотографически?! Почему сама те-

леграмма до сих пор не предъявлена? Почему не рассказано самым подробным образом, кто ее отправлял, как и когда, какие пометки она имеет; кто персонально и при каких обстоятельствах принимал ее на местах и кому о ней лично докладывал, кто с ней знакомился на верхах национальных компартий, какие есть по этому поводу документы? Короче, какие есть доказательства тому, что сама эта «телеграмма» не подлог, который совершила всем известная клика, чтобы бросить тень на Сталина и взорвать партию?! Надо подробно разобрать все вопросы, связанные с существованием «телеграммы Сталина», опубликовать все необходимые документы! Без этого все обвинения ничего не стоят!

Нужно обладать редкой наглостью и бесстыдством, чтобы ссылаться на сомнительную «телеграмму Сталина»! Ведь отлично известно, каковы были принципы подбора документов на Нюрнбергском процессе, юридическая часть которого считается образцовой. Вот пример: разбирался вопрос о телеграмме Фишера Франку, содержавшую приказ Гитлера «сровнять Варшаву с землей». Что, довольствовались какой-то жалкой копией? О нет! Польский журналист, присутствовавший на этом процессе, в своей книге пишет:

«Так вот, оказывается, для включения этой телеграммы в число вещественных доказательств процесса, потребовалось еще шесть других документов. Вот они:

— два показания свидетелей, которые нашли телеграмму;

— описание телеграммы;

— протокол осмотра;

— официальное подтверждение подлинности телеграммы польскими властями;

— выписка из «Дневника Франка», которая окончательно подтверждает подлинность как содержания, так и даты телеграммы.

Позже этот маленький пример даст представление о масштабах подготовительной работы, а вместе с тем о скрупулезности и тщательности, с которыми стремились установить подлинность документов и фактов, чтобы ни адвокаты во время процесса, ни — значительно позднее — историки и политики не могли бы опровергнуть документально подтвержденной правды». (Малцужиньский К. Преступники не хотят признать своей вины. М., 1979, с. 102.)

* * *

В настоящий момент следует констатировать, что вопрос о пресловутых пытках сильно раздут заинтересованными лицами. Последние таким образом хотят оправдать свое предательство и клевету на других. На деле, как правило, следователи ограничивались кратковременными и примитивными избиениями, лишением сна, а чаще всего — руганью и угрозами, да еще психологическим шантажом — угрозами расправы с близкими. Подследственному демонстрировались резиновые дубинки,

172

следователи били ими по столам, иногда прохаживались ими по спине и плечам подследственного, давали услышать вопли из соседней комнаты (а являлись ли они настоящими?).

Существуют очень интересные воспоминания Нины Гаген-Торн. Она была кандидатом исторических наук и специалистом по этнографии и фольклористике, успешно печаталась, писала стихи, которые ценили Анна Ахматова, Борис Пастернак и Илья Сельвинский. С политическими обвинениями была арестована, узнала тюрьму и лагерь. Не по чужим рассказам знала тюрьму Ленинградскую, Свердловскую, Иркутскую, знакома ей была Владивостокская пересылка, Потьма (Мордовия) и мрачная Колыма. Словом, она хлебнула в жизни горя побольше, чем нынешние «критики». И вот что она пишет в своих воспоминаниях, как производились допросы:

«В первый допрос майор орал и матерился потому, что ему был указан этот прием. При неожиданном варианте — ответный мат от интеллигентной и пожилой гражданки — растерялся.

Другой мой следователь поставил меня у стены. Требовал, чтобы я подписала протокол с несуществующими самообвинениями. Я отказалась.

Устав, не зная, что делать, подскочил разъяренный ко мне с кулаками:

— Изобью! Мерзавка! Сейчас изобью! Подписывай! Я посмотрела ему в глаза и сказала раздельно:

— Откушу нос!

Он всмотрелся, отскочил, застучал по столу кулаками. Чаще допрос был просто сидением: вводили в кабинет, «садитесь» — говорил следователь, не подпуская близко к своему столу. «Расскажите о вашей антисоветской деятельности». «Мне нечего рассказывать». Следователь утыкался в бумаги, делал вид, что изучает, или просто читал газеты: примитивная игра на выдержку, на то, что заключенный волнуется. Без всякой психологии: по инструкции должен волноваться. А следователю засчитываются часы допроса. Раз я спросила:

— Вам сколько платят за время допросов? В двойном размере или больше?

— Это вас не касается! — заорал он. — Вы должны мне отвечать, а не задавать вопросы.

Другой раз, когда он читал, а я сидела, вошел второй следователь. Спросил его:

— Ты как? Идешь сдавать?

— Да вот спартанское государство еще пройти надо, тогда и пойду. Я поняла, что он готовится к экзамену по Древней Греции.

— Спартанское государство? — спросила я мягко. — Хотите, расскажу?

Он покосился, нахмурившись, а вошедший заинтересовался:
173
— Вы кто такая?

— Кандидат исторических наук.

— А ну, валяйте, рассказывайте! Мы проверим, насколько вы идеологически правильно мыслите.

Он сел. Оба явно обрадовались. Я дала им урок по истории Греции, и мы расстались дружески.

— Идите в камеру отдыхать, скоро ужин, — сказал мой следователь»[180].

Очень, конечно, любопытное свидетельство! Оно мало подтверждает те «арабские сказки», которые ныне распространяются. Но с высокопоставленными арестованными, что и можно было ожидать, дела складывались по-иному.

Подавляющая часть заговорщиков сдавалась очень быстро, показывая трусость и слабость духа! Все эти люди, ходившие в военной форме, привыкшие сидеть в начальственных кабинетах, всех поучать, всем приказывать, в час испытания показали себя совсем не готовыми выносить то, что стойко выносили многие гражданские — комсомольцы, молодые коммунисты и те, кто имел партийный стаж до 1917 г.!

Что вопли о «пытках» содержат много преувеличений, доказывается множеством примеров. Вот М. Рютин (личный враг Сталина) пишет свой протест в Президиум ЦИК СССР. На что он жалуется? «Мне на каждом допросе угрожают, на меня кричат, как на животное, меня оскорбляют, мне, наконец, не дают даже дать мотивированный письменный отказ от дачи показаний». (О партийности лиц, проходивших по делу так называемого антисоветского правотроцкистского блока». «Известия ЦК КПСС». 1989, № 5, с. 74.)

Вот говорит К. Радек — на открытом судебном процессе 1937 г., в присутствии иностранных юристов, дипломатов, журналистов, газетчиков, писателей, представителей зарубежных компартий и советской общественности:

«В течение двух с половиной месяцев я мучил следователя. Если здесь ставился вопрос, мучили ли нас во время следствия, то я должен сказать, что не меня мучили, а я мучил следователей, заставляя их делать ненужную работу. В течение двух с половиной месяцев я заставлял следователя допросами меня, противопоставлением мне показаний других обвиняемых раскрыть мне всю картину, чтобы я видел, кто признался, кто не признался, кто что раскрыл.

И однажды руководитель следствия пришел ко мне и сказал: «Вы уже — последний. Зачем вы теряете время и медлите, не говорите того, что можете показать?» И я сказал: «Да, я завтра начну давать вам показания». (Тайная война против советской России. С. 338.)

Тот из подследственных или уже отбывавших наказание, кто был слишком «замаран» причастностью к опасным предприятиям, — бывало, пробовали кончить самоубийством, чтобы таким образом спасти
174
свою репутацию или не выдать товарищей. М. Рютин был вытащен из петли, ученик Н. Бухарина А.Н. Слепков несколько раз пытался покончить жизнь самоубийством.

Но высшие командиры такого конца не жаждали, особенно Тухачевский, который уже однажды сдавался врагу в плен, а во время Гражданской войны дважды бросал свои войска на произвол судьбы, потеряв управление.

Наконец, сами следователи и работники НКВД производили аресты только «с высокого согласия» и пускали в ход кулаки и дубинки лишь по приказу. Осторожность в арестах часто доходила до смешного! Боялись тронуть людей вовсе не сановитых. Так, Г. Ягода в сентябре 1936 г. пишет Сталину: «Прошу

разрешить арест Я.И. Ровинского, управляющего Союзкожсбыта, и Котова, зав. сектором Соцстраха ВЦСПС». (Там же, с. 73.)

Подобным же образом, с крайней осторожностью, поступал и Ежов, хотя по его адресу высказывается много лжи. Типична такая характеристика, идущая от его врагов: «Мне доводилось встречаться с людьми, которые лично знали Ежова, работали с ним в одном аппарате. Общее впечатление от этой фигуры — весьма зловещее. Говорят о его низких моральных качествах, явных садистских наклонностях. Женщины, работавшие в НКВД, боялись встречаться с ним даже в коридорах. Не исключено, что это был человек с какими-то серьезными отклонениями в психике». (Ю.С. Борисов, Р. Гусейнов. Человек и символ. В Сб.: Реабилитированы посмертно. М., 1988, вып. 2, с. 215.)

Такие вот делаются важные выводы! И не подкрепляются никакими фактами, никакими документами, никакими доказательствами!

В силу всего сказанного можно считать установленным, что огромное количество характеристик Ежова несостоятельно, так как рисует его образ в совершенно искаженном виде. Типична характеристика В. Александрова[181]: «Почти карлик, больной одновременно туберкулезом, астмой и грудной жабой, ожесточенный и злой человек, это был садист, который по своему лицемерию мог лишь сравняться с великими инквизиторами эпохи Игнация Лойолы».

Нет, не так-то все было просто! Не так просто! И болезни Ежова не настолько уж одолевали: разве смог бы он выдержать тогда такой объем страшнейшей и чудовищно нервной работы?! И «лицемерие» его не превосходило лицемерия Хрущева, Бухарина, Рыкова, Радека и многих других!

Нужны документы, доклады и письма Ежова! Только они помогут без ошибок нарисовать его действительный и рельефный портрет, политический и человеческий. Без документов все обвинения мало чего стоят. Лишь это ясно вполне.

*** * ***

Мы не имеем права работать на чувствах и предположениях.
Афоризм чекистов 30-*х годов*

Вопрос о следователях очень важен и интересен. Но материала по ним в настоящее время мало, хотя и выпущен недавно очень полезный словарь[182].

Поговорим поэтому об одном счастливчике, пережившем всех своих «господ» (Ягода—Ежов—Берия). Речь идет об Андрее Свердлове (1911— 1969, чл. партии с 1930). Он — сын председателя ВЦИК Я. Свердлова[183], фигура весьма интересная. Разные нелестные суждения о нем высказывают всякие заинтересованные лица (А. Ларина и др.) или близкие им по духу. Рой Медведев характеризует его как «палача-теоретика». Он пишет: «Незадолго до своей смерти, тяжело больной, Яков Михайлович сказал своему маленькому сыну: «Когда я умру, я оставлю тебе огромное, замечательное наследство, лучше которого нет ничего на свете. Я оставлю тебе ничем не запятнанную честь и имя революционера». Однако Андрей Свердлов, став взрослым, сделал все, чтобы растранжирить это наследство и запятнать своей грязной жизнью имя своего отца»[184]. Однако документальных данных для такого «крепкого вывода» пока очень мало. Сами «воспоминания» часто не вызывают доверия: из-за личности автора (например, Солженицын неоспоримо изобличен как секретный осведомитель и предатель страны!), или явной корысти (себя обеляя, других поливает грязью!), или слабой документации воспоминаний. Ведь хорошо известно, чего стоят советские «мемуары», особенно исходящие от политиканов: в зависимости от карьерных расчетов и надежды на награду, они переделываются как угодно! Подлость известных лиц замалчивается, «добродетели» раздуваются,

с легкостью приписываются им чужие решения и чужие успехи[185]. И авторы не чувствуют при этом никакого стыда! Какой там стыд? Все по народной пословице: «Стыд — не дым, глаза не выест»!

Учитывая это «тонкое» обстоятельство, следует твердо держаться фактов, тщательно их проверяя. Что известно о Свердлове-младшем?

Первое, самое важное: он принадлежал по положению к могущественному иудейско-сионистскому клану, которым с начала революции руководили виднейшие лица в государстве: Свердлов, Троцкий, Зиновьев, Каменев[186]. Потеряв этих руководителей, клан очень нуждался в руководителях такого же масштаба и старался приобрести их: частью среди других старых членов партии, путем их закулисного проталкивания на важные должности в государстве, путем усиленной рекламы, частью путем выдвижения молодежи, имея в виду будущие перспективы. Отборную молодежь усиленно двигали вверх[187].

176

А Свердлов-младший, благодаря своему отцу, казался, конечно, одним из самых перспективных кандидатов на роль вождя в молодом поколении.

Но и на другой стороне вопрос о молодежи тоже рассматривался и служил предметом обсуждения. Сталин, которого Хрущев обвиняет в «антисемитизме», не хотел нового усиления иудейско-сионистской клики. Поэтому его тоже очень занимал вопрос, что делать с этой подрастающей молодежью, в первую очередь с сыном Я. Свердлова, который — именно в силу имени отца и могущества клана! — казался опасным в предвидении будущего.

Решение нашли быстро. Оно оказалось очень простым: молодого человека надо держать за границей. А чтобы он приносил пользу, определить его на работу по линии военной разведки. Убедить молодого человека поступить в соответствующее училище не составило труда. Во-первых, разведка всегда служила предметом восхищения и глубокого интереса у молодежи, во-вторых, можно было воспользоваться добровольной помощью Ягоды, как родственника молодого человека.

Вот объяснение другому важному и странному факту: весной 1927 г., едва кончив школу, всего 17 лет, молодой Свердлов вдруг командируется в Южную Америку — «для изучения языков». (Как будто не мог он их изучать в Москве!) Там он и находился до лета 1929 г., когда его вдруг вызвали в Москву и там судьба его дала новый поворот: ему сказали, что он должен оставить старые планы и поступить учиться в Московский университет

В чем дело? Что вдруг случилось? Ответ несомненен: началась коллективизация, яростная фракционная борьба правых при создании фракционных кружков и бешеная борьба за молодежь, прежде всего в крупных студенческих центрах.

Стала ясна необходимость переиграть, чтобы с большей пользой использовать имя Свердлова. Все это время молодого человека за границей тщательно воспитывали, формируя его убеждения. В итоге в страну он вернулся несомненным сторонником Сталина. Его «бросили» на работу в университет с вполне определенной целью: изучать студенческие настроения и вылавливать тайные кружки оппозиции. С этой задачей он блестяще справился. Да и кто бы мог устоять перед магией имени Свердлова?!

Начальство осталось очень довольно. И перебросило преуспевавшего студента — с тем же заданием — на учебу в Московский автотракторный институт, а затем — в необычайно важную! — военную Академию мотомеханизированных сил РККА. Ее Свердлов и закончил в 1935 г.

Было ему 24 года: возраст идеализма, надежд, бессребреничества. Конечно, он читал в эти годы политическую литературу всех группировок, в том числе и

книги Троцкого. Особенно, когда находился за рубежом. И, ясное дело, обсуждал прочитанное: прежде всего с Димой Осинским, сыном известного революционера, своим лучшим другом, а воз-

можно, и с другими. К каким решениям они приходили, сказать трудно. Исключать во всяком случае попытку создать маленький заговор нельзя: ведь они выросли в определенной революционной среде, где все пропитано духом паролей, явок, романтикой подполья. Такая попытка выглядела бы вполне естественно. Кончилось, однако, все тем, что в том же 1935 г. обоих друзей арестовали (хотя Ягода числился наркомом НКВД). Родственники и друзья стали выступать с ходатайствами, не остался в стороне и Бухарин, позвонивший лично Сталину. Последний пришел в сильное раздражение и сказал: «Похоже, что у них троцкистские взгляды». Вести длительный разговор он не пожелал, свалив решение вопроса на Ягоду.

Скоро обоих «вождей» выпустили. Жена Андрея Свердлова считает, что именно тогда ее муж был сломлен и дал согласие на тайное сотрудничество с НКВД. Рой Медведев полагает, что это «менее вероятная версия». Он пишет: «Арест Андрея Свердлова в этой связи можно рассматривать, как часть его профессионального образования и как необходимый элемент для создания «нужной ему легенды». В чем она заключалась и для чего она ему была нужна, Рой Медведев, правда, не говорит. По нашему мнению, молодому Свердлову показывали на практике, что такое тюрьма, какие там обычаи и нравы, как держатся аресторанные; придав ему вид «пострадавшего», на него обращали внимание Бухарина и старались к нему приблизить.

В 1936—1938 гг. Свердлов работает по специальности на заводе «ЗИС», позже «ЗИЛ» (старшим мастером, начальником цеха). Он вращается в кругах технической интеллигенции и всюду изображает из себя ОППОЗИЦИЮ. Он блестяще играет свою роль: многие открывают ему разные секреты. Результат: множество арестов, страшные провалы в тайных организациях оппозиции. Чтобы спасти агента от подозрений, его снова хватают и на некоторое время отправляют в Бутырскую тюрьму, где он находится до декабря 1938 г. К этому времени в кругах оппозиции он полностью разоблачен, как «подсадная утка». Сам Свердлов позже, смеясь, рассказывал друзьям о «приключениях» в Бутырке, и о том, что и за время «ареста» бухгалтерия НКВД платила ему вторую зарплату.

Теперь, как тайный агент, он явно «засветился»! Поэтому оставалось его легализовать, что и было сделано в декабре 1938 г. — к ужасу всех его знакомых! Он открыто одел форму офицера НКВД и приступил к работе в качестве следователя. Молодая жена Бухарина, хорошо знавшая его и уже попавшая в заключение по обвинению в принадлежности к организации «правых», пишет в воспоминаниях, какое удручающее впечатление произвело на нее такое преображение Свердлова!

Последний лично провел большое количество допросов. Особенно он специализировался на «право»-троцкистской молодежи, которую по прошлой деятельности хорошо изучил. Обобщив громадный материал, который он знал, Свердлов написал для молодых сотрудников своей

организации две книги: «Специальный курс чекистской работы» и «Возникновение и разгром «право»-троцкистской организации в СССР». Он читал и многочисленные лекции по специальным дисциплинам. Его деятельность получила признание начальства. К 1941 г., т.е. всего в возрасте 30 лет, он являлся уже полковником и заместителем начальника специального отдела. Он отличался

тонким нюхом, сумел вовремя отречься от Ежова и перескочить на «корабль Берии», оказав тому немало важных услуг.

Последующие этапы его карьеры таковы: в войну он принимал активное участие в формировании диверсионных и разведывательных групп, забрасывавшихся в тыл врага, после войны участвовал в охране предприятий, изготовлявших первые атомные бомбы; кончил Академию общественных наук, вернулся к старой «любви» — Латинской Америке, изучил два языка (испанский и английский), защитил диссертацию на тему «Англо-американские противоречия в Южной Америке» и работал в этой организации. В 1953 г. вышел в отставку по состоянию здоровья (три инфаркта!), перешел на работу в Институт марксизма-ленинизма. Там он усиленно занимался историко-теоретической тематикой, принимал участие в создании книги своей матери об отце и «Записках коменданта Кремля» Малькова, биографии С. Орджоникидзе и т.п. В 60-е годы под псевдонимом А.Я. Яковлева выпускает детективные повести. Вел яростную борьбу с молодыми сторонниками Бухарина и Троцкого (те стали объявляться после XX—XXII съездов КПСС), писал многочисленные письма в редакции газет и ЦК КПСС. Он был первым, кто резко выступил против книги А. Некрича «1941. Июнь», сбежавшего затем в США и осевшего там в качестве профессора. Противники пытались, в свою очередь, изобличить его во всяких злодеяниях в период работы следователем, в незаконных методах допроса и т.п. Но их письма в ЦК партии тоже не получали нужного резонанса.

Умер в возрасте 58 лет. После восьмого инфаркта. На сберкнижке у него ничего не оказалось, так как большую часть своего заработка он тратил на облигации займа, что тогда широко практиковалось.

Личность и дела А. Свердлова по-настоящему еще никем не изучались. А необходимость такая есть, ибо он причастен ко многим очень важным делам. Поэтому необходимо начать документальную разработку его биографии. И для общественного контроля выпустить, без всякого «редактирования», сборники его исторических работ, писем, записок, докладов и всего прочего, что важно и имеет к нему отношение.

* * *

Андрей Свердлов был вовсе не из самых знаменитых следователей. В 1938 г. бежал за границу (в Японию) Люшков Генрих Самойлович (1900—1945, чл. Партии с 1917) и там выступил со скандальными разоблачениями.

179

Бывший начальник Управления по Дальневосточному краю, депутат Верховного Совета СССР от Камчатско-Колымского округа, сын еврея-портного из Одессы, начинавший свою карьеру сотрудником Одесского комитета РСДРП, Люшков почти всю свою жизнь был связан с системой ВЧК. Он получил образование в Гуманитарно-общественном институте (1920), с 1928 г. являлся работником ЦК, имел тесные связи с Ягодой, руководил Управлением пограничных войск НКВД. При таком опыте и положении его свидетельства имели, конечно, очень большой вес. А он отрицал правомерность всех процессов, объявлял их фальсифицированными[188]. И давал всему следующее объяснение: «Так Сталин избавлялся всеми мерами от политических противников и от тех, кто может стать ими в будущем. Дьявольские методы Сталина приводили к падению даже весьма искушенных и сильных людей. Его мероприятия породили много трагедий. Это происходило не только благодаря истерической подозрительности Сталина, но и на основе его твердой решимости избавиться от всех троцкистов и правых, которые являются политическими оппонентами Сталина и могут представить собой политическую опасность в будущем». (Там же, с. 89.)

Разумеется, этот Г.С. Люшков, благодаря своей «право»-троцкистской ориентации, тут же оказался возведен в ранг наилучшего свидетеля! Господа «похоронщики Сталина»! Почему это вы все время «кое о чем» забываете?! Вы «забыли», что замаранный и грязный свидетель, о котором почти ничего не известно, который дал свои «показания» не в суде, где его можно публично допросить, чьи изобличения до сих пор не изданы, — такой «свидетель» мало чего стоит! Тем более что сам о себе он говорит: «Я до последнего времени совершал большие преступления перед народом». Или: «Я действительно предатель». (Там же, с. 88.) Но с каких это пор «большие предатели» и «большие преступники» призываются на роль лучших свидетелей?! Не говорит ли это кое о чем?! Пора собрать все материалы по биографии и деятельности Люшкова, все его «обличающие» материалы, все воспоминания о нем, — и все это быстро издать! Вот тогда и увидим, кто будет иметь жалкий вид!

А пока можно сказать следующее. Все «объяснения» Люшкова и Орлова выглядят смехотворно! Во-первых, никакой «политической опасности» сломленные и дискредитированные троцкисты и «правые» для Сталина не представляли ни в 1937 г., ни тем более в будущем! Во-вторых, нелепо звучит утверждение об «истерической подозрительности» генсека. Сталин был человеком с очень устойчивой нервной системой. Ее не сломила даже внезапно начавшаяся война 1941 г. Другого, наверное, тут же разбил бы паралич, хватил инфаркт, а Сталин устоял, собрался с силами и довел войну (несмотря на страшные поражения и неудачи!) до победного конца. И после победы руководил государством еще 8 трудных лет. В-третьих, разговор о «дьявольских» методах отдает какой-то мистикой. А для нее места не имелось вовсе! Были люди определенных взглядов, определенные действия и определенные

преступления. За последние несут ответственность те, кто давал соответствующие распоряжения. Вот это все на основе документов и надо выяснить! И без всякой мистики, с помощью которой читателей хотят одурачить.

Надо сказать еще пару слов о том, как Люшков кончил свою жизнь. Убежав к японцам, Люшков семь лет работал на японский Генеральный штаб в составе «Бюро по изучению Восточной Азии». Он занимался проработкой данных советской прессы, читая «между строк», был участником планирования работ местной разведки и входил в состав сотрудников по психологической войне. Жил в Токио, находясь под присмотром любовницы японки и носил фамилию Маратов, а в самом конце войны сменил ее на Ямогучи. Теперь, в связи с изменением обстоятельств, Люшков жил в Дайрене (по-китайски Далянь, а по-русски город Дальний; он и был основан русскими на месте рыбацкого поселка в конце XIX в.). Дайрен — крупный порт и город на северо-востоке Китая с разнообразной промышленностью, ведущий значительную торговлю. Этот город был захвачен Японией еще в результате Русско-японской войны 1904—1905 гг. и с тех пор принадлежал ей. Вот в этом городе и очутился Люшков, продолжая здесь свою работу. Видя, что война проиграна, он хотел бежать, так как боялся попасть в руки Красной Армии. Но японское руководство вовсе не было склонно выпускать его из своих рук, так как он знал много секретов. Поэтому генерал Я. Гендзо, занимавший пост начальника штаба обороны Квантунского полуострова, предложил ему по японскому обычаю «благородно» покончить с собой. Люшков, естественно, отказался, и тогда два сотрудника японской военной миссии пристрелили его. После этого тело кремировали, как японского военнослужащего.

Для характеристики Люшкова будет весьма интересно привести воспоминания сотрудника разведки японского Генштаба М. Сагуэса:

«В нем было что-то демоническое. Под его взглядом хотелось съежиться, спрятаться. Руки и ноги делались вялыми. Мысли путались. Вероятно, подобное чувство испытывает кролик, встречаясь взглядом с удавом. Я безоговорочно верил рассказам Люшкова о том, как он добивался признаний у арестованных оппозиционеров. Ему, конечно, ничего не стоило загнать человеку иголку под ногти или прижечь тело горящей папиросой».

* * *

Необходимо дать биографические справки еще некоторых лиц, которые играли большую роль в событиях тех лет. Едва ли не на первом месте среди них, вместе с М. Фриновским, будет стоять Леплевский.

Израиль.Моисеевич Леплевский (1896—1938, чл. партии с 1917) — комиссар государственной безопасности 2-го ранга (1935), один из ближайших сотрудников Ежова, руководивший чистками в армии на пер-

181

вом этапе. Родился в Брест-Литовске в еврейской семье (Гродненская губерния). Трудовую деятельность начал в 13 лет (1909) в шляпочной мастерской, затем работал на аптечном складе. В 14 лет вступил в «Бунд», в 18 лет был призван в армию. Участвовал ли в Первой мировой войне, данных нет, хотя скорее всего участвовал. С 1917 г. член комитета РСДРП в Екатеринославе. Ведал партийной разведкой и потому уже в 1918 г. оказался на работе в саратовской ЧК. 1918 и 1919 гг. провел на подпольной работе, затем занимал руководящие посты в ЧК Екатеринослава. Позже (1922—1925) занимал посты начальника Подольского губернского отдела ГПУ, а затем секретаря Подольского губкома партии. Затем вновь оказался переброшен на работу в ГПУ (1925—1929) начальником Одесского окружного отдела. С конца 1929 г. занимал пост начальника Секретно-оперативного управления Украины. По должности боролся с украинскими националистами. Ягода был им весьма доволен. В 1931 г. Леплевский оказался переведен в Москву и занял пост начальника Особого отдела. Он уверенно шел на повышение, начальство его очень ценило. Уже в феврале 1933 г. он вновь возвращается на Украину заместителем начальника ГПУ. Правда, в последующий период у него была какая-то важная размолвка с начальством, и, потеряв свою высокую должность на Украине, он был переведен на пост полпреда ГПУ по Саратовскому краю. По-видимому, в этот период он сделал ставку на Ежова и при его закулисной поддержке оказался на посту наркома внутренних дел Белоруссии. Несомненно, что на этом посту Ежову он оказал очень большие услуги, ибо с конца 1936 г. вновь возвращается в Москву на пост начальника Особого отдела теперь уже НКВД СССР. С 1937 г. Леплевский депутат Верховного Совета СССР. В допросах Тухачевского и его соратников он принимал очень большое участие. Ежов был вполне доволен его действиями и 14 июня 1937 г. послал его наркомом внутренних дел на Украину. Он пробыл там до конца января 1938 г., после чего вновь вернулся в Москву в Главное управление государственной безопасности и занял важнейший пост начальника отдела транспорта и связи. В дальнейшем много непонятного, ибо 26 апреля 1938 г. его самого арестовали. Он был приговорен к высшей мере и расстрелян.

Необходимо также упомянуть его брата Григория Моисеевича Леплевского. С 16-ти лет он работал для партии «Бунд». Через 4 года вышел из ее состава, очень активно занялся учебой и в 1915 г. закончил Киевский коммерческий институт. После Февральской революции 1917 г. вступил в РСДРП(б). Уже через 2 месяца очутился на посту члена Полесского комитета партии, следовательно, вошел в самое близкое знакомство с Лазарем Кагановичем, которого в последующие периоды многократно снабжал важными секретными сведениями. Уже в октябре 1917 г. он на посту председателя Гомельского губернского исполкома. В

последующие годы занимает следующие посты: заместителя председателя Самарского губисполкома и горсовета, заведующий организационно-инструкторским отделом НКВД РСФСР, член Коллегии НКВД, и.о. зам. наркома, пред-

седатель Малого СНК, председатель административно-финансовой комиссии СНК СССР, наконец с 1934 г. зам. прокурора СССР. В 1939 г., как сторонник Ежова, арестован, приговорен к смертной казни и разделил судьбу своего брата. Во времена Хрущева был реабилитирован.

* * *

Николай Галактионович Николаев-Журид (1897—1940, чл. партии о 1920), комиссар государственной безопасности 3-го ранга. Весьма редкий случай, когда на работу в ЧК попадает такой представитель господствующего класса (сын домовладельца), которых сюда не очень-то принимали. Биография была весьма необычная. Образование он получил на юридическом факультете Киевского университета и в Одесской школе прапорщиков (1917). Работать ему пришлось только конторщиком на железной дороге (с июня 1916). Когда в январе 1917 г. его призвали в армию, он находился в Москве на положении прапорщика запасного полка. В конце 1917 г. демобилизовался, но уже в феврале 1918 г. вступил в РККА. Двадцати одного года очутился на работе в разведке (Полевой штаб РККА, Киевский военкомат). С 1919 г. начинается работа в ВЧК и служба в Особых отделах 12-й армии и Киевского военного округа. 1921 г. нанес ему впервые очень тяжелый удар, так как он оказался исключен из партии (как «интеллигент» и «чуждый элемент»). Свое положение, однако, удалось быстро восстановить, так как он непрерывно и быстро двигается по должностям: начальник контрразведывательного и заместитель начальника Иностранного отдела полпредства ГПУ на Правобережной Украине, начальник контрразведывательного отдела по Северному Кавказу. В 1930—1932 гг. на работе в ОПТУ в Москве. С января 1934 г. заместитель полпреда, затем начальник Управления НКВД по Азовско-Черноморскому краю. С января 1935 г. его перевели на руководящую работу в Ленинград, и он принимал активное участие в очищении города от тайной оппозиции. Он стал одним из выдвиженцев и ближайших сотрудников Ежова, принимая самое активное участие в проведении репрессий против высшего комсостава армии. В конце сентября 1938 г. Николаев-Журид занял пост начальника Отдела контрразведки. Он всеми силами поддерживал своего шефа и поэтому 25 октября 1939 г. был арестован по приказу Берии. В начале 1940 г. по приговору суда расстрелян.

* * *

Абрам Аронович Слуцкий (1898—1938, чл. партии с 1917), комиссар государственной безопасности 2-го ранга (1935), сын еврея-железнодорожного кондуктора, родом из деревни Черниговской губернии. Начал работу в 16 лет учеником слесаря, а потом судьба занесла его даже в Андижан (Ферганская долина, город, известный с IX в. и находившийся на караванном пути в Китай), где он работал конторщиком. В Первую

мировую войну (1916) был призван в армию, служил рядовым и вел партийную пропагандистскую работу. С 1918 г. работал в Андижане в партийных и советских органах, уже в следующем году очутился на посту председателя ревтрибунала, а к концу 1920 г. уже был в ВЧК Ташкента. В 23 года начинает выдвигаться на руководящие должности в ЧК. В 1921—1922 гг. он начальник Секретно-оперативной части в Ташкентской и Ферганской областных ЧК, а также заместитель председателя верховного трибунала по Туркестану, председатель

Судебной коллегии. Ведал организацией борьбы с басмачами и националистами. В том же 1923 г. побывал на посту секретаря при Ташкентском райкоме РКП(б). Высшее начальство было им чрезвычайно довольно и перевело его в том же году в Москву на пост председателя военного трибунала стрелкового корпуса. В последующий период он занимает посты: председатель ревизионной комиссии Госрыбсиндиката (1925), затем вновь на работе в ВЧК — начальник отделения Экономического управления ОГПУ. С середины июля 1929 г. — помощник начальника этого Экономического управления. По-настоящему большую роль он начинает играть с 32-х лет, когда его, с начала января 1930 г., переводят в ИНО ОГПУ (разведка). Очень быстро он здесь заменяет А. Артузова, который занимал пост начальника ИНО. Крайне трудно сказать, какая была его настоящая политическая позиция, ибо он работал и при Ягоде, и при Ежове. По-видимому, Ежов подозревал его в том, что он является скрытым сторонником Троцкого, и поэтому было решено вывести его «из строя», что и было сделано очень «деликатно». Как говорили между собой сотрудники, доверявшие друг другу, его отравили во время доклада у М. Фриновского. «Правда» удостоила его некролога и писала, что он «умер на боевом посту». Это, однако, не помешало через два месяца исключить его из партии, как «врага народа».

* * *

Агас Вениамин Соломонович (1899—1939, чл. партии с 1919) — из семьи приказчика-еврея. Несколько лет жил в США (было ему тогда 6— 8 лет). Закончил гимназию в Одессе (1910—1918). Учился на командных курсах РККА в Одессе (1919). Затем командовал артиллерийским взводом, был военкомом штаба крепостной бригады, военным следователем Ревтрибунала 6-й армии (1921), заведующим политкома в Одесском политехническом институте, лектором-пропагандистом агрокоммуны (1924—1925). В органах ОГПУ-НКВД с 1928 г. (Одесса, Херсон, Харьков, Сталино). С 1933 г. — секретарь заместителя председателя ОГПУ СССР Агранова, затем — начальник ряда отделений. С 1935 г. — майор ГБ. Награжден значком «Почетный работник ВЧК-ОГПУ (V)» (1932, 1934), орденом «Знак Почета» (22.07.1937), орденом «Красная Звезда» (1938). Арестован 25 октября 1938 г. В 1939 г. расстрелян, как «человек Ягоды», не реабилитирован.

* * *

Ярцев Виктор Владимирович (1904—1940, чл. партии с 1920). Сын маляра. Работал учеником в парикмахерской, помощником писаря в мастерской. Кончил 7-классную школу, Военную школу им. ВЦИК (1921— 1922), два курса рабфака (1926) и электротехнический институт (1930). В РККА был рядовым, политработником кавалерийского полка (1920— 1921). С 1921 по 1930 г. занимал посты инспектора треста, техника в механических мастерских и «Союзсельэнерго». С 1930 г. на работе в системе ОГПУ-НКВД: помощник уполномоченного, уполномоченный 1-го отделения ЭКУ ОГПУ, помощник начальника, начальник 1-го и 2-го отделений ЭКО, правительственный комиссар на острове Сахалин, первый зам. наркома связи СССР (1938—1939). В 1937—1938 гг. — член парткома ГУГБ НКВД. Наибольший чин — майор ГБ (1937). Награжден: орден Ленина (1937), медаль «20 лет РККА» (1935), значок «Почетный работник ЧК-ГПУ (XV)». Расстрелян, как тайный член организации «правых».

ГЛАВА 11. ПОЧЕМУ ТУХАЧЕВСКОГО СЧИТАЛИ ШПИОНОМ?

Повсюду надо содействовать возвышению лучших, обеспечивать

развитие элит и искать руководителей.

Теодор Обер[189]

В петлю никто не тянул, сам влез.

Пословица

Этот щекотливый пункт в биографии маршала обстоятельно рассматривался на предварительном следствии. Но лицемерно-восхваляющие борзописцы всегда его трусливо обходили. На вопрос наложено самое настоящее «табу». А почему, собственно говоря?! Надо его рассмотреть, собрать необходимые данные и доказательства, опубликовать их для всеобщего сведения и поставить на обсуждение.

В настоящее время известно, что вполне определенные подозрения, а потом и уверенность возникли у следователей НКВД и политического руководства страны на основе двоякого рода данных. К наиболее существенным относились данные, связанные с передачей немецкой разведке оперативного плана будущих военных действий и, естественно, плана мобилизации, который всегда тесно связан с первым. Менее существенными, по сравнению с предыдущим, выглядели подозрения относительно давности шпионских связей. Источником этих по-

дозрений являлся тот факт, что в Первую мировую войну будущий маршал, оказывается, находился в немецком плену!

Казенные биографы очень не любят этого момента в жизни маршала и стараются его всячески загримировать, отделываясь беглой скороговоркой. Напрасно! Надо выяснить, наконец, что же за подобным эпизодом скрывается! Известные нам факты таковы. Тухачевский отбыл с полком на фронт в сентябре 1914 г. За 6 месяцев пребывания на фронте получил орден. И уже через 6 месяцев оказался в плену (19.02.1915). Таким образом, его доблестные военные подвиги на фронте длились всего шесть месяцев, а все остальное время Первой мировой войны (по август 1917 г.), то есть почти три года, он находился в безопасном удалении от войны.

Не станем здесь разбирать, как он попал в плен (этот вопрос мы разбираем в другом месте). Посмотрим лучше, что Тухачевский делал в плену и как он из него освободился.

Попав в плен, Тухачевский, как утверждают, несколько раз делал попытки бежать. Но, видимо, не очень настойчивые и хорошо продуманные: ибо что была за охота снова лезть в окопы, подставлять голову под снаряды и пули, кормить своею кровью проклятых вшей?! Важно было лишь создать о себе определенную легенду на будущее — о своей непримиримой патриотичности и верности присяге. А потом позволить себя поймать и вернуть на прежнее, вполне безопасное место!

Никаким наказаниям за эти побеги Тухачевский не подвергался: его не избивали, не заковывали в кандалы, не сажали в карцер, не морили голодом. Об этом никто не говорит. Правда, после нескольких попыток «побега» немцы, которым это, видимо, надоело, отправили его в форт № 9 крепости Ингольштадт, где часовых имелось не меньше, чем пленных, где содержались особо беспокойные элементы. Но не следует думать, что там существовал какой-то уж зверский режим! Ничего подобного! Режим в крепости отличался неслыханным либерализмом и не походил на тот, что существовал в российских тюрьмах и лагерях! Во-первых, пленных не гоняли на принудительные работы, во-вторых, существовала регулярная связь с волей, систематически передавались посылки (часто даже роскошные!), которые немцы не отбирали, в-третьих, пленным не запрещалось собираться и устраивать праздники! Генерал-лейтенант А.В. Благодатов, который во времена молодости тоже находился с Тухачевским в

плену, вспоминает: «В день взятия Бастилии мы собрались в каземате французских военнопленных. На столе появились бутылки с вином и пивом, полученные к празднику нашими французскими друзьями. Каждый стремился произнести какой-нибудь ободряющий тост. Михаил Николаевич поднял бокал за то, чтобы на земле не было тюрем, крепостей, лагерей». (Маршал Тухачевский. Воспоминания друзей. М., 1965, с. 23.)

Естественно, в таких условиях пленные чувствовали себя достаточно вольготно. И вели себя соответственно. Тот же Благодатов вспомина-

186

ет: «Всех нас объединяло стремление к побегу. Никто не утратил чувства человеческого достоинства. При стычках с администрацией мы выступали дружно, сплоченно, сообща отстаивая свои интересы. Тем не менее, как и в каждом коллективе, у нас были люди наиболее деятельные и люди, отличавшиеся наименьшей активностью. К первым неизменно относился Михаил Николаевич Тухачевский. Он буквально покорял своих товарищей по несчастью жизнелюбивостью и дружелюбием. Военнопленные всегда были готовы пойти за ним на любое самое рискованное дело.

Вспоминается наша демонстрация против нового коменданта форта. Он отменил проверку по казематам и приказал нам для этой цели выстраиваться на площадке. Мы не выполнили его приказ. Комендант вызвал караул, дал команду — зарядить винтовки. В ответ раздались свист, улюлюканье, выкрики. Французы запели «Марсельезу». Побоявшись, как видно, что пленные набросятся на караул и произойдет драка, комендант махнул на все рукой и ушел. М.Н. Тухачевский был одним из зачинщиков этой демонстрации». (Там же, с. 22—23.)

Все это, понятно, очень интересно и говорит явственно о склонности самого Тухачевского ко всяким авантюрам и господствовавшем либерализме, который такие авантюры поощрял (видите ли, комендант даже не решился дать парочку выстрелов в воздух, не то что по «бунтовщикам»!).

Следует, однако, отметить, что почтенный генерал рассказывает не обо всем. Он, разумеется, «забывает» добавить об одном важном моменте: что немецкая разведка вела свою работу среди военнопленных. Она тщательно изучала их биографии, характеры, степень умственного развития, определяла перспективы будущей военной карьеры. За отобранным контингентом устанавливалось секретное наблюдение, в том числе с помощью тайных агентов. Окончательно отобранных кандидатов отделяли от прочих, их вызывали для доверительных бесед, их всячески обрабатывали и в конечном итоге старались завербовать[190]. Разговоры велись такого рода:

— Господин поручик (штабс-капитан)! Вы сами убедились: находиться в плену плохо. Разве не хотелось бы вам вернуться домой? Обнять любимую матушку, которая горюет о вас, своих близких? Этому можно помочь. Ничего особенного от вас не требуется. Лишь дайте согласие работать на великую Германию, подпишите согласие о секретном сотрудничестве! Наши две страны не будут больше воевать, прискорбная ошибка будет исправлена. Следовательно, вы не совершите ничего недостойного! Подпишите — и мы вас тотчас отпустим. И так все устроим, что никто и подозревать вас не сможет! Устроим побег! Сделаем вам героическую биографию! Вы получите большую славу — за свое мужество и патриотизм! И мы же способствуем вашей карьере, когда вы вернетесь на родину. Немцы в России всегда были сильны, занимали влиятельные

187

позиции в государственном аппарате, в полиции, в армии, в военном министерстве. Вспомните, императрица Екатерина Великая — немка! Ваша государыня Александра Федоровна, супруга Николая II, тоже из немок! Ваш

военный министр Сухомлинов работал на Германию! И многие лица из вашей разведки! О Распутине вам не надо говорить, вы сами знаете! Словом, мы сумеем обеспечить вашу карьеру, сделаем ее самой блестящей! Для этого необходимо лишь одно: тайно стать на сторону Германии и выполнять наши поручения!

Противостоять змеям-искусителям из немецкой разведки было трудно: кому же может понравиться долго сидеть в лагере?! Особенно когда аргументы казались убедительными (все факты соответствовали действительности!), когда мучительная война кончилась и уже не предстояло снова лезть в окопы?!

Обращалась ли немецкая разведка к Тухачевскому с таким предложением в период его плена? В том можно не сомневаться! Честолюбивый молодой дворянин (он заявлял: «Если не стану генералом в 30 лет — застрелюсь!»), представитель известной военной фамилии, обладавший широким кругозором, несомненными военными способностями, получивший за шесть месяцев войны будто бы 6 орденов, конечно же, должен был казаться перспективным — при подготовке его к определенного рода деятельности.

Не к одному Тухачевскому, понятно, обращались с таким предложением: немецкая разведка всегда работала с размахом. И многих людей вербовала, из самых различных армий. По разным причинам: одним надоедало сидеть в лагере, другие жаждали денег, карьеры и отличий, третьи ненавидели Россию

Как встретил указанное предложение Тухачевский? Сторонники маршала ответят с возмущением:

— Конечно отказал! Маршал являлся горячим патриотом!

Мы не станем утверждать этого столь решительно, ибо человек слаб (а слабость Тухачевского, сдавшегося врагу в плен, доказана!). Заметим, что и Ежов со своими сотрудниками, обладавшие громадной информацией о Тухачевском, держались явно иного мнения. И это мнение, в связи с известными нам фактами, выглядит более убедительно. Свой собственный «демон-искуситель» тоже нашептывал по ночам.

Ясно что:

— Да дай им, Миша, сучью бумажку с обязательством! Подпиши! Все равно она ничего не будет стоить! Самое главное сейчас — освободиться! Не сидеть же здесь еще пять лет! А там видно будет! Россия велика, можно затеряться в ее гарнизонах. Само время и обстоятельства превратят «обязательство» в ничто! А если все-таки станет известно?! Ну и что?! Всегда можно объяснить так: «Я пустился на хитрость! Чтобы вырваться из плена! Зов революции! Зов родины!»

Вот и возникает в этой связи вопрос: действительно ли Тухачевский, проведший почти три года в плену, воевавший на фронте Первой

мировой войны лишь полгода, не давал секретного обязательства работать на немецкую разведку еще в 1917 г., когда он был ничто, когда о будущей блестящей карьере не мог и предполагать?!

Возникает и другой вопрос: на какой основе сложились у него сугубо доверительные отношения с лейтенантом Ферваком, сидевшим вместе с ним в лагере и работавшим позже на французскую разведку? Близкие отношения с ним Тухачевский сохранял до самой своей гибели.

Вот на какие вопросы надо ясно и недвусмысленно ответить, приведя документы и воспоминания.

Само собой понятно, что если истинная подоплека освобождения из плена была именно такова, как сказано, то воспоминания на эту тему Тухачевскому доставить удовольствия не могли. Этот очень важный факт явственно виден в воспоминаниях сестер маршала, которых, конечно, не заподозришь в плохом отношении к брату:

«И вот однажды, когда мы все собрались за обеденным столом, неожиданно распахнулась дверь и на пороге появился худой, измученный человек. Лишь по улыбке мы узнали нашего Мишу.

Дни, проведенные им с семьей, были для нас днями беспредельного счастья и бесконечных расспросов. Мы дознавались, как он бежал, как скрывался, чем питался в пути, каким образом шел ночами по незнакомым местам. Михаил не очень охотно вспоминал обо всем этом — слишком много перенес. На привезенных им из Швейцарии фотографиях (туда он перебрался из Германии. — *В.Л.)* он походил на мумию и был страшно оборван». (Там же, с. 14—15.)

Тот же Благодатов пикантную сцену побега, о которой будущему маршалу почему-то не очень хотелось рассказывать, излагает так: «Тут как раз подвернулся удобный случай: на основании международного соглашения военнопленным разрешили прогулки вне лагеря, хотя каждый должен был дать письменное обязательство не предпринимать при этом побега. Тухачевский и его товарищ капитан Генерального штаба Чернявский сумели как-то устроить, что на их документах расписались другие. И в один из дней они оба бежали.

Шестеро суток скитались беглецы по лесам и полям, скрываясь от погони. А на седьмые наткнулись на жандармов. Однако выносливый и физически крепкий Тухачевский удрал от преследователей. Через некоторое время ему удалось перейти швейцарскую границу и таким образом вернуться на родину. А капитан Чернявский был водворен обратно в лагерь». (Там же, с. 25.)

Вот такие арабские сказки рассказываются без всякого смущения! Расчет ясен: и так сойдет.

Нет, напрасно стенает А. Чехлов в своем рассказе «Расстрелянные звезды» («Даугава», 1988, № 1, с. 48): «Все было против маршала и его товарищей. Любой эпизод их жизни, даже самый, казалось бы, незначительный, оборачивался в руках следователей и его помощников неожиданной стороной».

189

Да уж, понятно: следователи-то не смотрели на Тухачевского сквозь розовые очки, басни за чистую монету принимать не желали!

В заключение следует поставить еще один вопрос: если Тухачевский уже в 1917 г. давал обязательство работать на немцев, то кому именно? Ответ кажется очевидным: этим офицером был тот самый Нидермайер, который позже стал военным атташе Германии в Советской России, к которому имя Тухачевского во время событий 1937 г. намертво «припаяно». Не пора ли по документам прояснить, что же было в действительности?!

В биографиях таких лиц, как Тухачевский, не должно быть подозрительных моментов!

Следует обратить внимание еще на один момент, чрезвычайно интересный. Известно, сколь скупо и просто невразумительно излагается в разных книгах биография Б. Фельдмана, виднейшего соратника Тухачевского и его друга. Случайно ли это? Не стараются ли таким образом «замаскировать» некие детали биографии, как это делали и с биографией героя Гражданской войны Котовского? В интересной документальной книге «Августовские пушки», посвященной событиям августа 1914 г., Барбара Такман вспоминает (М., 1972, с. 137) «некоего лейтенанта Фельдмана», командира роты 69-го немецкого полка, который по приказу начальства начал Первую мировую войну нападением на Бельгию и захватом ее пограничного городка. К сожалению, этот Фельдман дальше не упоминается и о нем не дается никаких биографических деталей. Это обстоятельство и порождает подозрение: не есть ли названный Фельдман и русский Фельдман, «соратник Тухачевского», одно лицо?

Для такого подозрения много оснований. Известно, что в Гражданскую войну и позже в Красной Армии воевало и служило много немцев, чехов, венгров и сербов. Они продолжали службу и после Гражданской войны, занимая крупные должности. Между Красной Армией и немецкой до 1933 г. имелись почти союзные отношения, скрепленные общими военными интересами (военная техника, организация, стратегия, обучение кадров и прочее). Тухачевский почти всю Первую мировую войну провел в немецком плену. Немецкая разведка тщательно «работала» с ним, считая его «перспективным». Она старалась завербовать его и обещала помочь сделать блестящую карьеру, которую тот в Красной Армии и сделал.

Было бы вполне логично при таких обстоятельствах приставить к нему «для присмотра» и связи с немецкой стороной одного из офицеров немецкой разведки, чтобы они делали карьеру в РККА вместе. Фельдман, «соратник Тухачевского», при нем и играл всегда роль его «правой руки», занимая пост начальника штаба. К концу карьеры он добрался до высокого поста в Наркомате обороны и ведал здесь перемещениями всех высших командных кадров!

Не мешало бы с документами в руках разъяснить спорные моменты начального этапа в биографии Фельдмана! Вполне понятно, что если

190

Фельдман был на деле немецким евреем, офицером немецкой армии в Первую мировую войну, а потом еще и работал в немецкой разведке, то обвинение Тухачевского в шпионской деятельности в пользу Германии получит новое и очень серьезное основание.

* * *

Во всех этих закулисных событиях большую роль играла немецкая разведка — абвер. Ее возглавлял 50-летний адмирал Фридрих Вильгельм Канарис (1887—09.04.1945). Адмиралом сделал его Гитлер, хотя по происхождению своему и связям он мог бы отлично обойтись и без него. Ибо отец Канариса — преуспевающий промышленник, акционер и директор металлургического завода. Снедаемый честолюбием (в императорской армии отец имел чин обер-лейтенанта резерва), он пытался всем доказать, что немецкие Канарисы — потомки героя греко-турецких войн, видного политического деятеля Греции Константина Канариса (копию его греческого памятника он даже поставил в своем родном городе Дуйсбурге). Он был вполне человеком своего времени: непримиримым противником социал-демократии, рабочего движения и профсоюзов. Сын пошел еще дальше отца. В 1938 г. один из приспешников адмирала издал труд, в котором доказывалось, что его генеалогическое дерево восходит к итальянскому аристократическому роду XVI в. Канаризи, а родоначальник того имеет корни даже в XIV в.! Коллеги по итальянской разведке тоже польстили адмиралу и прислали ему труд по генеалогии, где устанавливалось его родство по матери с Наполеоном! Неизвестно, не установил ли честолюбивый Тухачевский, что сам находится в родстве с Канарисом?! Для его дел такое «родство» было бы очень выгодно!

Как бы там ни было, молодой Канарис начинал свою жизнь в обстановке полного благоденствия: отец его имел шикарный особняк с садом, теннисные корты, его возили (!) в школу в экипаже, с 15 лет он владел собственной лошадью. И, конечно, он имел доступ к отцовской библиотеке, музыке, спорту, к интересным и влиятельным собеседникам, посещавшим дом его отца.

Как и многие из буржуазной среды, Канарис-младший бредил военной карьерой. Ибо Германия Гогенцоллернов была создана силой оружия и дипломатией. И престиж военщины, сумевшей воплотить в жизнь многовековые мечты немцев о едином и сильном государстве, находился на исключительно

высоком уровне. Казарма и офицерское казино представлялись рядовому бюргеру раем на земле!

В 17 лет Канарис-младший потерял отца. Это печальное обстоятельство упростило для него вопрос о карьере. Окончив гимназию, он поступил в кадетскую школу в Киле (1905). Морскую службу практичный Канарис рассматривал, как трамплин к будущей блестящей карьере (армия была учреждением аристократическим, и это очень мешало про-
191
движению тех, кто не принадлежал к немецкой знати). Через два года будущий адмирал закончил кадетскую школу. Стажировался он на крейсере «Бремен», вместе с ним защищал «немецкие интересы» у берегов Латинской Америки, получил чин лейтенанта и за «особые заслуги» — иностранный орден (к величайшему удивлению сослуживцев!).

Затем он участник плаванья у берегов Балканских государств (в 1912 г. они воевали с Турцией), совершал разведывательные вояжи по Стамбулу — городу международного шпионажа. Потом участвовал во втором плавании к берегам Латинской Америки. Получил чин обер-лейтенанта. На крейсере «Дрезден» участвовал в успешной битве немецких кораблей против английских при Коронеле. Успех, однако, сопутствовал недолго, эскадра адмирала Шпее была уничтожена англичанами. Крейсер Канариса с трудом спасся. Но чилийские власти не дали спасительного убежища. Корабль после боя пришлось затопить, команда отправилась в лагерь.

С трудом Канарис выбрался оттуда и вернулся на родину с чилийским паспортом на имя чилийца Розаса. (На этом фоне биография Тухачевского до 1917 г. выглядит просто жалко!)

Маленький, тщедушный Канарис (внешне чем-то похожий на Ежова) показал очень устойчивые черты своего характера: любезность, скрытность, храбрость, решительность, железную выдержку, трудолюбие, склонность к закулисным комбинациям, широкий кругозор, умение вызывать на откровенность, умение вести переговоры. Он больше предпочитал слушать, а не говорить.

Канарис кончил Первую мировую войну, пройдя курс в военно-морских школах, выступая также и преподавателем, был командиром подводных лодок и потопил три вражеских транспорта. Имел за боевые заслуги два железных креста (1 и 2 классов). Он получил чин капитана. Начальство отправило его для работы в Испанию в качестве военного атташе. И он хорошо работал, хотя имел на счету одно крайне сомнительное дело. Тогда провалился один из способнейших агентов — знаменитая танцовщица, исполнительница восточных и эротических танцев Мата Хари[191]. Недоброжелатели говорили: «Случайно или намеренно, но он выдал ее французам» (казнена ими 15 октября 1917). Канарис сумел, однако, оправдаться.

Следующие этапы бурной карьеры: офицер связи между морскими частями Добровольческого корпуса и военным министром Носке, участие в военно-полевом суде над убийцами Розы Люксембург и Карла Либкнехта, старший офицер адмиралтейства в Киле, один из организаторов тайного вооружения ВМФ и обучения немецких летчиков в Марокко (!), референт при начальнике штаба ВМФ, старший помощник командира корабля «Силезия» (1926), а затем (с 1932) и его командир, комендант крепости Свенемюнде, видный сотрудник военного министерства, где он возглавляет отдел военно-морского транспорта. Благочестивое название прикрывало совсем иную сферу деятельности. На са-
192
мом деле Канарис занимался реорганизацией морской разведки, поскольку считалось общепринятым, что немецкая разведка не оправдала себя во время

войны, и во всяком случае оказалась хуже английской. Размах работ требовал больших денег. Их давали магнаты немецкой промышленности, и Канарис ведал связью с ними, получая от последних значительные суммы в секретные фонды. Часть этих денег он использовал тайно в собственных интересах, участвуя в биржевой игре и всяких сомнительных махинациях, приносивших ему, однако, неплохой «навар», так как он всегда располагал всякой важной секретной информацией.

На этой почве он однажды попал в скандал. Когда прогорела киностудия «Фебус», выяснилось, что он там имел миллионные капиталы, да еще вкладывал миллионы в не очень респектабельные зарубежные предприятия. Пришлось уволить его в отставку. Но так как ходатаев оказалось достаточно (видимо, тайные компаньоны), то он не «утонул» и при этих неприятных обстоятельствах. Предприимчивый разведчик продолжал усердно трудиться, составляя план будущей работы всей военной разведки, имея значительное состояние.

После прихода Гитлера к власти (1933) Канарис получил видный пост в министерстве иностранных дел. Здесь им был организован «Отдел кадров Б», занимавшийся шпионажем. Сюда с отчетами приезжала высокопоставленная агентура: Абец (Франция), Генлейн (Чехословакия), Типпельскирх (Балканы) и т.д. Главной задачей отдела Канарис считал подкуп влиятельных людей за рубежом, пригодных для работы на Германию. С этой целью на всех интересных людей составлялись обширные картотеки данных, где учитывалось решительно все: родословная, карьера, покровительства, браки, любовные и гомосексуальные связи, финансовые дела, соперничество, неудовлетворенное честолюбие. Отдел сумел провести ряд очень значительных тайных операций, подкупив множество самых разных людей. Наиболее известными являлись: генерал Сыровы (Чехословакия), Квислинг (Норвегия), Бек и сенатор Бисера, руководитель немецкого национального меньшинства (Польша), бывший социалист Анри де Ман, имевший влияние на короля Леопольда и его семью (Бельгия), лейтенант Домбре, сотрудник бельгийского генерального штаба, бывший премьер Цанков (Болгария), генерал Косич, начальник югославского генерального штаба, промышленник Делонкль и Лаваль (Франция). Нацистское руководство очень считалось с данными Канариса. Решения его отдела утверждались всегда тройкой, самим Канарисом и двумя нацистскими лидерами — Гессом и Риббентропом. (Рисе К. Тотальный шпионаж. М., 1945, с. 91—93, 96.)

В январе 1935 г. Канарис стал главой немецкой военной разведки — абвера. Он в корне реорганизовал ее, по задолго до того момента разработанным планам, и создал целую армию шпионов для работы во всех странах, представлявших интерес для немецкой военщины. К нему стекались также сведения от зарубежных нацистов, объединенных местны-

193

ми нацистскими организациями. Эта пятая колонна являлась очень значительной, если с ней не вели настоящей борьбы[192]. В Австрии, например, она составляла почти 20 тысяч человек накануне аншлюса. Австрийские власти засадили нацистов в тюрьму, но затем под давлением Гитлера выпустили по «амнистии». Остался в тюрьме всего 151 человек, — особенно замаранных уголовными преступлениями. Разумеется, расплата за «доброе деяние» последовала очень быстро, — и Австрия была стерта с географической карты! А выпущенные из тюрьмы нацисты помогли своему фюреру «провернуть» всю операцию в кратчайший срок. (В.М. Турок. Очерки истории Австрии 1929—1938. М., 1962, с. 387.)

К этому надо добавить, что Канарис был личным другом диктатора Испании Франсиско Франко (1892—1975). В 1937 г. будущему диктатору исполнилось 45

лет. До испанской революции Франко являлся генералом и главнокомандующим на Канарских островах, до того — начальником пехотной школы в Сарагосе, командующим марокканскими войсками во время колониальной войны (1924—1926). При невысокой фигуре он отличался яростным честолюбием, решительностью и напором. Взгляды имел крайне реакционные. Свел знакомство с немецкими коммерсантами в Испании, на деле занимавшимися политической разведкой. Стал выполнять их задания и во время Первой мировой войны был завербован лично Канарисом — для деятельности против Англии и Франции.

Доверительные связи с Канарисом, обеспечившим поддержку второго лица Германии — Геринга, вывели Франко на роль «вождя нации»! Нацистская партия Германии послала в Испанию большое количество пропагандистов и консультантов, обеспечила помощь немецкими воинскими частями, самолетами и оружием. Большую помощь оказала и фашистская Италия. В результате Франко победил в Гражданской войне, захватил власть и сумел надолго укрепить ее[193].

Полковник Ганс Ремер, бывший немецкий военный атташе в Испанском Марокко, о Канарисе в 1946 г. заявил так: «Мне известно, что из всей германской верхушки только Канарис поддерживал контакт с Испанией при любой возможности. В ходе гражданской войны в Испании он делал все, чтобы действиями абвера поддерживать Франко. С другой стороны, создание в Испании во время Второй мировой войны, по его инициативе, учреждений абвера следует отнести за счет хороших отношений, связывавших его и с начальником испанской секретной службы. По моим подсчетам, Канарис посещал Испанию минимум четыре раза в год, но оставался там всего на 2—3 дня, каждый раз бывая у начальника испанской секретной службы». (Мадер Ю. Империализм: шпионаж в Европе вчера и сегодня. М., 1985, с. 132.)

Надо сказать, что сотрудничество Франко и Гитлера было очень выгодно для обеих сторон. Вермахт в Испании испытывал новое оружие, тактические приемы, давал офицерам военный опыт. Здесь же обучались диверсанты всех видов. Стратегия «пятой колонны» была прекрасно отработана именно здесь (а сам термин пустил в оборот фаши-
194
стский генерал Мола, заявивший, что «пятая колонна» обеспечит падение Мадрида изнутри).

Обрисовав таким образом вкратце фигуру адмирала, вполне естественно поставить вопрос: в каких же отношениях находились Тухачевский и этот глава немецкой военной разведки? Ведь они знали друг друга (каждый имел на другого досье!), встречались при поездках Тухачевского в Германию, беседовали. О чем? Уж, конечно, не о погоде!

И поэтому отнюдь не случайны поездки Канариса с секретными дипломатическими миссиями в первой половине 1937 г.: в Рим к Муссолини (главная тема обсуждения — германо-итальянские военные действия в Испании), в Вену — к начальнику разведывательного отдела австрийского федерального министерства обороны, переговоры с вождями «Организации украинских националистов» (ОУН), наконец, поездка в буржуазную Эстонию — в целях активизации и координации антисоветского шпионажа. (Мадер Ю. Империализм: шпионаж в Европе вчера и сегодня. М., 1985, с. 178.)

Столь же трусливо обходится тема взаимоотношений советского маршала и Гемппа, главы немецкой контрразведки, обязанной вылавливать русских разведчиков! А ведь и он тоже знал Тухачевского, не раз беседовал с ним!

Так о чем представители военной верхушки Германии могли с ним говорить? Ясно о чем: о состоянии вооруженных сил, своих и чужих, о возможных планах войны с Польшей и Францией (очень злободневные вопросы!), об отношениях

военных и политиков, о работе промышленности, сельского хозяйства, действиях Коминтерна и т.п. Общие точки зрения легко нащупывались. Канарис и все кадровые разведчики, отражая взгляды аристократического прусского генералитета, презрительно относились к своему «ефрейтору», который навязался им в вожди! В разговорах между собой они насмехались над ним и думали о его свержении при удобных обстоятельствах: когда «этот безголовый зарвется»! Тухачевский намеками отвечал, что и в России подобное возможно. А новая Россия получит следующие основы:

1. Будет она «единой и неделимой».
2. Советская власть уничтожается, компартия распускается.
3. Белая эмиграция возвращается в страну, ее потери компенсируются.
4. Восстанавливается частная собственность и сословия.
5. Нерушимый союз с Германией против общих врагов.

Такая программа вполне устраивала немецкий генералитет и делала Тухачевского и оппозицию, связанную с ним, желанным и естественным союзником. При таких обстоятельствах был вполне понятен обмен «информацией», среди «своих», естественно.

Однако в немецкой военной верхушке 1937 г., хотя она и имела «русскую ориентацию», только двое могли выступать как надежные союзники:
195

1. Уволенный Гитлером в отставку генерал Хаммерштейн (1878— 1943), настроенный к фюреру очень оппозиционно. Он находился в связи с участниками заговора против Гитлера. Прежде занимал пост командующего сухопутными войсками Германии (1930—1934). В 1939 г. был вновь призван на службу в армию. Умер в Берлине.

2. Начальник Генштаба 57-летний генерал-полковник Людвиг Бек (1880—1944). Этот пост он занимал в 1933—1938 гг. Вполне разделял взгляды Хаммерштейна, военная оппозиция рассматривала его как преемника Гитлера. Позже покончил с собой[194].

Два других высших военачальника не очень внушали доверие Тухачевскому, так как активно поддерживали Гитлера:

1. Военный министр генерал-фельдмаршал 59-летний Бломберг (1878-1946).

2. Командующий сухопутными войсками генерал-полковник 57-летний Фрич (1880—1939). Он поддерживал во всем Бломберга, как и тот, вступил с Гитлером в ссору, опасаясь войны, и был смещен с поста. Погиб в бою под Варшавой, в польскую кампанию.

Итак, главную ставку Тухачевский мог делать лишь на начальника Генштаба Людвига Бека, поддерживая с ним письменно тайный контакт через Канариса и своих посланцев, привозивших шифрованные письма.

Неудивительно: когда Гейдрих, соперник Канариса, начал фабриковать свою папку компромата на советского маршала, то Канарис, по сообщению Шелленберга, отказал ему в помощи. Хотя как будто он ему и не противился, пустив дело на самотек.

Во всяком случае, Канарис был в курсе очень многих тайных дел Тухачевского. И.К. Абжаген в биографии адмирала пишет (с. 160—161):

«По иронии судьбы Канарису было известно, что Тухачевский отнюдь не совсем безвинно был расстрелян. У него были достоверные сведения о том, что советский маршал во время своего пребывания в Лондоне в качестве представителя Советского правительства во время похорон короля Георга вел переговоры с посланцами стоящего во главе русской эмиграции в Париже генерала Миллера. Вполне возможно, что ОГПУ также было осведомлено об этом и завело судебное дело против Тухачевского, так как из судебных расследований,

которые последовали одновременно с исчезновением в Париже генерала Миллера, явствовало, что в самом центре русской эмиграции во Франции имелись шпионы, которых оплачивали Советы, в том числе по крайней мере один в чине генерала». (Ныне известно, что им был начальник белогвардейской разведки генерал Скоблин.)

Подобного рода продажность различных армейских чинов очень существенно облегчала деятельность разведки в любой стране. Немецкий полковник Эрвин Штольце (1891—1950?), ветеран немецкой разведки, чей разведывательный стаж в 1945 г. составлял 22 года, трудился на шпионском поприще под начальством группенфюрера СС (равняется чину

генерал-лейтенанта) В. Шелленберга в большом количестве стран: Швеции, Венгрии, Румынии, Болгарии, Чехословакии, Польше, Греции, Югославии, захватил он своей деятельностью также Прибалтику, Белоруссию, Украину. В 1944 г. он занимал пост начальника «Берлинского района сбора донесений» — особо секретного подразделения в Главном управлении имперской безопасности.

Непосредственным начальником полковника Штольце длительное время являлся австриец из Вены генерал Лахузен, шеф диверсионной службы вермахта. В вермахт сам Лахузен перешел из австрийской армии после аншлюса Австрии. Лахузен являлся высшим офицером австрийской секретной службы. В вермахте он получил за свою деятельность редкую награду — «Золотой германский крест». (Интересно отметить, что Гитлер сам себе такую награду не присвоил!) В январе 1945 г. Лахузен от своего фюрера получил чин генерал-майора. С ним-то в дружном согласии и работал Штольце.

Он повидал тысячи людей! Одних агентов он сам завербовал, других ему «передали» коллеги. Среди них находился бывший царский генерал Достовалов (Берлин), бывший царский полковник Дурново; (Белград), майор румынского Генерального штаба Урлуциано (Бухарест), капитан в отставке Кляйн (Каунас) и многие другие. Попав в советский плен, Штольце вспоминал: «Агента абвера в Бухаресте, румынского майора в отставке, Урлуциана, я тоже «получил» от майора Юста. Связь с ним шла через германское посольство в Бухаресте, с ответственным сотрудником которого он тайно встречался. Однажды в 1936 г. я посетил его в Бухаресте. Несмотря на отставку, он продолжал служить в румынском военном министерстве и был, таким образом, в состоянии передавать нам данные об организации румынской армии и ее запланированном выступлении против Венгрии в случае войны между ней и Румынией. Кроме того, он снабжал нас сведениями румынского военного министерства о Советском Союзе.

<...> От майора Юста я «заполучил» полковника Дурново, бывшего врангелевского офицера, жившего в Белграде. Он был представителем германских фирм в Югославии, в частности, металлургического завода Штольберга (в Рейнланде). Сообщал сведения о Югославии, а иногда передавал краткие сообщения о Советском Союзе.

<...> Осуществляя диверсии и действуя в целях разложения вооруженных сил противника, Абвер-II вербовал в агенты лиц из числа национальных меньшинств. Ими были прежде всего немцы иностранного подданства, так называемые «фольксдойче», например в Чехии (судетские немцы) и в Польше <...>, а также бретонцы во Франции. В принципе главарям национальных меньшинств никаких политических заверений не давалось. Однако в случае их активности, сулившей успех, с ними заключались соглашения, содержавшие взаимные обязательства. Наиболее ценных агентов, например полковника Коновальца, принимал лично начальник управления.

Абвер-II весьма дифференцированно относился к белоэмигрантам, украинским националистам, разделяя их на группы.

Поэтому в 1937 г. был возобновлен контакт с группой Коновальца, установленный Абвером-I еще в 1925 г.». (Мадер Ю. Империализм: шпионаж в Европе вчера и сегодня. М., 1985, с. 88—89.)

Интересно также и следующее место из показаний Эрвина Штольца: «Особенно пригодны в качестве агентов были те военнослужащие иностранных вооруженных сил или те работающие в военной промышленности лица, у которых имелся какой-нибудь моральный изъян — склонность к алкоголизму или легким связям, или те, кто по различным причинам (например, иные взгляды на внутреннюю политику, враждебность к государству или недовольство из-за задержек в повышении по должности) бывали сильно раздражены. С людьми такого сорта, обычно находившимися в затруднительном финансовом положении, действовали через посредников, которые сначала одалживали им деньги на вполне приемлемых условиях. Если к установленному сроку долг не возвращался, то срок продлевался только в обмен на военные сведения». (Там же, с. 86—87.)

Последний решающий шаг относительно своих немецких «друзей» Тухачевский сделал, по-видимому, в начале марта 1937 г. (точная дата пока неизвестна). Именно тогда он, как нередко делал, через своих людей дипломатической почтой отправил негативные пленки в Берлин — на этот раз с операционным планом будущей войны, в руки Ханфштенгля, доверенного лица Гитлера, с просьбой немедленно передать их фюреру[195]. Маршал настоятельно просил, ибо возможности Людендорфа были исчерпаны, а сил все равно не хватало, выделить для намеченной им операции на границе 20 немецких кадровых дивизий.

Он хорошо понимал риск такого шага. В самом деле, что сделает Гитлер? Удовлетворит просьбу? Или по соображениям ненависти и эгоизма выдаст его Сталину с головой? Но какой смысл выдавать, если он подносит немцам «на блюдечке» самый важный в мире документ — советский оперативный план будущей войны?! За такую заслугу у порядочных людей и умных политиков полагается ответная важная услуга!

Но Гитлер не проявил никакого «благородства»! Считая Тухачевского опасным и неприятным противником, имея в виду его непомерно раздутую репутацию «великого стратега», он решил раз и навсегда покончить с ним, а заодно создать в русской армии погромную атмосферу, в результате которой, если повезет, половина высшего генералитета будет постыдно перебита, чем армия окажется катастрофически ослаблена.

Поэтому, ничуть не колеблясь, с полного согласия Бломберга и Фрича, которые панически боялись конфликта и войны с Россией и всеми силами хотели от них уклониться, он тут же отправил полученные негативы (естественно, оставив себе отпечатки), вместе со своим сопроводительным письмом, назад в Москву. Письма Тухачевского к

198

фюреру, понятно, не было (оно не писалось по соображениям безопасности), просьба маршала излагалась его посланцем Гитлеру устно.

Обстоятельства передачи русского мобилизационного плана немцам достаточно быстро «просочились» в западную печать. Особенно удивляться не приходится. Все крупные западные газеты имели тайные связи с собственными разведками, а также министерствами внутренних дел, и оттуда черпали «приватно» много важной и секретной информации. Часть ее появлялась затем в виде «информационных бомб» в наиболее выгодный момент на страницах влиятельных газет. Характерный пример составляет парижская буржуазная газета

«Эко де Пари». На основе именно такой информации в своей статье от 30 августа 1937 г. она писала:

«История его (Тухачевского. — *В.Л.)* измены — потому что это был изменник — может быть сейчас раскрыта. Доверенным лицом у него был доктор Эрнст Ханфштенгль, которому больше всего доверял канцлер Гитлер. Именно Ханфштенглю Тухачевский передал русский мобилизационный план. Ханфштенгль — молодой, чрезвычайно богатый, болтливый человек, открыто похвастался тем, что купил Тухачевского. Поверив этому заявлению, русское правительство арестовало Тухачевского. С другой стороны, Ханфштенгль вызвал неистовый гнев Гитлера. Для того, чтобы избежать ареста, он вынужден был поспешно покинуть Германию. В то время, как Тухачевский был расстрелян, Ханфштенгль — приговорен заочно к смерти, а его имущество конфисковано».

В той же статье газета еще пишет:

«Пусть не удивляет его (Тухачевского) упорное молчание перед Верховным военным судом Москвы. Он ни единым словом не ответил на тяжелые обвинения обвинительной речи. Каким образом смог бы он их опровергнуть?»[196]

Но не только зарубежные газеты обличали Тухачевского. В июне 1937 г., уже после расстрела маршала и его коллег, Вальтер Кривицкий, работник советской внешней разведки, встретился в Париже с помощником начальника контрразведки ОГПУ Сергеем Михайловичем Шпигельглассом (1893—1938). И разговор после деловых вопросов неизбежно перешел на Тухачевского, минувший процесс и причины его. Кривицкий был другом Тухачевского и его соратником и в силу этого никак не мог поверить в заговор Тухачевского и его товарищей. Он в осторожной форме начал высказывать сомнения в виновности Тухачевского и его коллег, а также в правомерности приговора. При этом вспомнил изречение капитана Фрица Видеманна, личного секретаря Гитлера по политическим вопросам (о чем сообщил Кривицкому его агент):

«У нас не восемь шпионов в Красной Армии, а гораздо больше. ОГПУ еще не напало на след всех наших людей в России». Кривицкий воспринимал данное заявление с большим недоверием, рассматривая его как дезинформацию. Шпигельгласс согласился с ним только наполовину.

199

— Уверяю вас, — сказал он, — за этим ничего не стоит. Мы все выяснили еще до разбора дела Тухачевского и Гамарника. У нас тоже есть информация из Германии. Из внутренних источников. Они не питаются салонными беседами, а исходят из самого гестапо. — И он вытащил бумагу из кармана, чтобы показать мне. Это было сообщение одного из наших агентов, которое убедительно подтверждало его аргументы.

— И вы считаете такую чепуху доказательством? — парировал я.

— Это всего лишь пустячок, — продолжал Шпигельгласс, — на самом деле мы получили материал из Германии на Тухачевского, Гамарника и всех участников клики уже давным-давно.

— Давным-давно? — намеренно повторил я, думая о «внезапном» раскрытии заговора в Красной Армии Сталиным.

— Да, за последние семь лет (с 1930. — *В.Л.),* — продолжал он. — У нас имеется обширная информация на многих других, даже на Крестинского. (Крестинский был советским послом в Германии на протяжении десяти лет, а позже заместителем наркома иностранных дел)». (Кривицкий В. Я был агентом Сталина. М., 1991, с. 244—245.)

Передав этот диалог со своим коллегой, Кривицкий замечает:

«Для меня не было новостью, что в функцию ОГПУ входило наблюдение и сообщение о каждом шаге должностных лиц и военных, независимо от ранга, и в

особенности когда эти лица находились в составе миссий за границей. Каждый советский посол, министр, консул, или торговый представитель, был объектом такого наблюдения. Когда такой человек, как Тухачевский, выезжал из России в составе правительственной комиссии для участия в похоронах короля Георга V, когда человек масштаба генерала Егорова направлялся с визитом доброй воли в страны Балтики, когда офицер типа генерала Путны получал назначение на пост военного атташе в Лондоне, — все их приходы и уходы, все их политические разговоры становились предметом донесений, в избытке направляемых в Москву агентами ОГПУ». (Там же, с. 245.)

По поводу этого высказывания возникает естественный вопрос: «Где же эти «избыточные донесения», которые направлялись в Москву по поводу Тухачевского, Крестинского, Путны и других?! Почему они утаиваются?! Разве это не мошенничество, не доказательство подлых махинаций?!

Дальше тот же Кривицкий пишет:

«Когда Шпигельгласс сказал мне, что сведения против Тухачевского получены от агентов ОГПУ в гестапо и попали в руки Ежова и Сталина через кружок Гучкова, я едва удержался, чтобы не ахнуть.

Кружок Гучкова представлял собой активную группу белых, имеющую тесные связи, с одной стороны, в Германии, а с другой стороны, самые тесные связи с федерацией ветеранов царской армии в Париже, возглавляемой генералом Миллером.

Основателем кружка был Александр Гучков, известный член Думы, возглавлявший Военно-промышленный комитет при царском правитель-

стве во время Первой мировой войны. В юности Гучков возглавлял добровольческую русскую бригаду во время Англо-бурской войны. После свержения самодержавия был военным министром. После Октябрьской революции организовал за границей группу русских военных экспертов и поддерживал связи с теми элементами в Германии, которые были прежде всего заинтересованы в экспансии Германии на Востоке.

Кружок Гучкова долгое время работал на генерала Бредова, генерала контрразведки германской армии. Когда Бредов был казнен в ходе гитлеровской чистки, 30 июня 1934 г., его отдел и вся его заграничная сеть были переданы под контроль гестапо. Кружок продолжал служить гестапо даже после смерти самого Гучкова в 1936 г.

По данным Шпигельгласса, связь ОГПУ с кружком Гучкова была по-прежнему такой же тесной. Дочь самого Гучкова была агентом ОГПУ и шпионила в пользу Советского Союза. Однако у ОГПУ был человек в самом центре кружка. Было очевидно, что клика Миллер—Гучков, состоящая из белых, имела в своих руках оригиналы главного «доказательства» измены Тухачевского, использованного Сталиным против высшего командного состава Красной Армии». (Там же, с. 246—247.)

К этому Кривицкий еще добавляет:

«Итак, генерал Скоблин — центральная фигура заговора ОГПУ против Тухачевского и других генералов Красной Армии. Скоблин играл тройную роль в этой трагедии макиавеллиевского масштаба и был главным действующим лицом, работавшим по всем трем направлениям. В качестве секретаря кружка Гучкова он был агентом гестапо. В качестве советника генерала Миллера он был лидером монархического движения за рубежом. Эти две роли выполнялись им с ведома третьего, главного хозяина — ОГПУ».

«Скоблин был главным источником «доказательств», собранных Сталиным против командного состава Красной Армии. Это были «доказательства»,

родившиеся в гестапо и проходившие через «питательную среду» кружка Гучкова в качестве допинга для организации Миллера, откуда они попадали в сверхсекретное досье Сталина». (Там же, с. 248-259.)

Вот как излагает предысторию осуждения Тухачевского и его товарищей В. Кривицкий. Как видим, в ней очень много интересного. Но мы также видим, что он очень сильно ошибается, полагая, что данные, которые исходили от кружка Гучкова, генерала Скоблина и гестапо, были главным материалом для осуждения Тухачевского и его коллег. На самом деле это было совершенно не так. Главным звеном в разоблачении Тухачевского явилось получение тех микропленок, которые Тухачевский пересылал в Берлин Ханфштенглю для Гитлера и которые тот «любезно» вернул Сталину назад.

Ярость Сталина, получившего такой «подарок» (свидетельство грандиозной измены!), не знала границ. Вся русская история не содержит ничего подобного! А ведь еще недавно (вопреки всем разговорам о сво-
201
ей «подозрительности»!) он отвергал все данные против Тухачевского, даже когда ему представили полное и свежее досье. Шеф разведки ГДР на протяжении более 30 лет Маркус Вольф в своей книге «По собственному заданию. Признания и раздумия» (М., 1992, с. 29) сообщает: «Бывший судья рассказывал ему, Хоннекеру, что Сталин был изумлен и заколебался, когда ему были представлены материалы по делу Тухачевского».

Что негативы были с подлинного оперативного плана, хранящегося за «семью печатями», это он, Ворошилов и Шапошников поняли очень скоро. А так как в последнее время план, будто бы по соображениям работы, побывал лишь в руках друга Тухачевского — начальника организационно-мобилизационного отдела СИ. Венцова-Кранца (1897— 1937), то было вполне ясно, кто стоит за пересылкой секретнейшего документа в Берлин!

Кранц был арестован немедленно и очень быстро выложил все. Этого оказалось вполне достаточно, чтобы вынести смертный приговор ему и Тухачевскому!

Этой «услуги» Гитлера, который помог ему сокрушить банду предателей и заговорщиков в армейской верхушке, Сталин не забыл. Именно на ней базировалось его «доверие» к слову немецкого фюрера, которое роковым образом обратилось в трагедию 22 июня 1941 г.!

Сам Гитлер и его окружение испытали невероятную радость, когда узнали, какие масштабы приняла у Сталина чистка командного состава армии.

Как вспоминал известный немецкий разведчик В. Шелленберг, выдача Тухачевского Сталину явилась для Гитлера одним из самых роковых решений, которые привели Германию к поражению. По его мнению, фюреру надо было поддержать русского маршала и намеченный им переворот, так как он неизбежно ослаблял Россию и порождал жестокую внутреннюю борьбу.

Вопреки надеждам, чистка, при многих печальных перегибах, дала совсем обратный эффект. Во-первых, она освободила генеральский и офицерский состав от предателей, самодовольных невежд и воровских элементов. Во-вторых, способствовала выдвижению целой плеяды по-настоящему талантливых и высокообразованных полководцев, которые нормальным образом прошли по всем ступеням военной карьеры и кончили военные академии (им. Фрунзе, Генерального штаба). Именно эти полководцы, вышедшие из низов, приняли на себя страшный удар немецкого вермахта в 1941 г. и, несмотря на многие ошибки и неудачи, рожденные тяжелой обстановкой, довели войну до блестящей победы, сокрушив немецкий фашизм, заняли Берлин, заставив фюрера, как убеждала печать, кончить самоубийством.

В конце войны Гитлер мучительно размышлял, почему война, начатая столь блестящими успехами, так позорно и унизительно для него кончается?
202

В своем последнем интервью в апреле 1945 г. швейцарскому журналисту К. Шпейделю он ответил на пять важнейших вопросов. Из них особенно интересен один ответ. Вспомнив про Тухачевского, Гитлер сказал так: «А вермахт просто предал меня, я гибну от рук собственных генералов. Сталин совершил гениальный поступок, устроив чистку в Красной Армии и избавившись от прогнившей аристократии»[197].

Оценка Гитлера есть оценка высокоинформированного главы государства, помноженная на ужасный опыт страшной войны. Гитлер прекрасно знал немецкий генералитет. Последний, несмотря на внешнюю лояльность, всегда ненавидел своего «ефрейтора» и, наконец, в 1944 г. попытался избавиться от него путем взрыва во время совещания[198].

Если возможны были заговоры против Гитлера и других глав различных государств (Кеннеди, Насер и др.) и попытки их убийства, имевшие нередко успех, то совершенно непонятно, почему Сталин, столь ненавистный империализму и собственной оппозиции, должен был составлять исключение?!

* * *

Появление новых источников дает возможность уточнить ряд положений и ввести в текст повествований новых и вполне реальных людей, а также привести разные биографии.

Кем же являлся названный выше Кранц? Его биография, до сих пор составлявшая секрет, стала, наконец, известна[199].

Семен Иванович Венцов-Кранц (1897—1937, чл. партии с 1918). Родился в городе Резекне (Латвия) в семье преуспевающего еврейского адвоката Израиля Кранца. Кончил среднюю школу. В 1914 г. призван в армию, окончил офицерскую школу и получил чин поручика. В боевых действиях принять участие не успел, числился в запасном полку. После Октябрьской революции 1917 г. принял участие в Гражданской войне, вступив в Красную Армию, где быстро продвигался по должности. Гражданскую войну кончил в должности командира полка, с орденом Красного Знамени за боевые заслуги. Как способный командир, отправлен на учебу в Военную академию им. М. Фрунзе (1922—1924), которую хорошо кончил. Выступал как пламенный поклонник Троцкого и мировой революции на фронте и в академии. Имел литературные способности, писал статьи в газеты и журналы. Вел военную и исследовательскую работу. На него обратил внимание сам Троцкий, и он стал одним из соавторов их книги «Как вооружалась революция». После окончания академии руководил одним из Управлений Штаба РККА. Затем командовал штабами округов (Московский, Белорусский).

За широкий кругозор и организаторские способности его очень ценили Ворошилов и его сотрудники, Тухачевский, Уборевич и Якир. В 1932 г., пользуясь полным доверием правительства, Венцов-Кранц работает на Женевской конференции по разоружению вторым экспертом.
203

Он продолжал упорную исследовательскую работу и публиковал в журналах свои исследования по тактике. Получил чин комдива и с мая 1933 г. по декабрь 1936 г. занимал пост военного атташе во Франции. Он устанавливал связи с французскими военными кругами (особенно с «левым» офицерством), издателями, евреями-промышленниками и финансистами. И одновременно собирал «сведения» о французской армии, вербовал агентов, создавал собственную разведывательную сеть[200]. Во второй половине 1935 г. французские

политики стали открыто обвинять его в шпионаже и в том, что он создал во Франции террористическую организацию для убийства консервативных политиков. В порядке обмена «любезностями» Венцов-Кранц проходил 3-дневную стажировку (1934) в качестве командира полка во французском 91-м полку. При этом военное министерство предупреждало французского командира полка и его офицеров, что Венцову-Кранцу не должны передаваться никакие секретные сведения.

На глазах военного атташе менялись правительства (Г. Думерга, П. Фландена, П. Лаваля, А. Сарро), профашистские группировки пытались захватить власть. Антифашистский Народный фронт настаивал на заключении франко-советского пакта, который и был заключен 2 мая 1935 г. На очередных выборах (апрель—май 1936 г.) одержал блестящую победу, и было создано правительство во главе с социалистом Л. Блюмом, а компартия получила 18% голосов избирателей (1,5 миллиона человек, 72 места в Палате депутатов).

Французской командировкой военного атташе Ворошилов в качестве наркома обороны остался очень доволен. Венцов-Кранц переходит в центральный аппарат, занимает пост начальника оперативного отдела (о чем трусливо умалчивается! Почему?).

Он выступает как советник Ворошилова по французским делам, как его «правая рука», ибо военный союз с буржуазно-демократической Францией против фашистской Германии стоит в повестке дня.

Пробыв в новой должности несколько месяцев, Венцов-Кранц вдруг оказался переведен в Киевский военный округ на должность начальника 62-й стрелковой дивизии, а 11 июня арестован НКВД, к величайшей неожиданности для многих. Ему вменяли в вину:

1. Принадлежность к тайной троцкистской оппозиции.

2. Участие в военном «право»-троцкистском заговоре.

3. Шпионаж в пользу французской и немецкой разведок.

4. Вредительство в своей 62-й стрелковой дивизии в области боевой и политической подготовки.

Арестовав Венцова-Кранца в Киеве, несомненные оппозиционеры из местной прокуратуры пытались спустить дело «на тормозах», обвинив его только по первому пункту. В Москве, однако, с этим не согласились и затребовали его к себе. Разбором его дел занимались сразу три квалифицированных следователя: А.М. Ратынский-Футер, А.М. Гранский-Павлоцкий, Э.М. Правдин-Колтунов. Венцов-Кранц, после неко-

204

торого запирательства, дал совсем иные показания, чем в Киеве. Они сводились к следующим пунктам:

1. Принимал участие в антисоветском военном заговоре. Завербовал в тайную организацию лично Тухачевский в начале 30-х годов.

2. Это удалось, так как в прошлом был близок к Троцкому, во время учебы в Академии им. Фрунзе (1922—1924) находился в тесной связи с руководителями троцкистской оппозиции; эта связь возобновилась после высылки Троцкого из СССР.

3. С 1935 г. по распоряжению Троцкого установил тайные контакты с французской и немецкими разведками, передавал им секретные сведения о состоянии Красной Армии и ее вооружении. Цель такова: у французов и немцев пробудить недоверие к силе РККА, первых отклонить от союза с СССР, вторых — подтолкнуть к агрессии, утверждая, что Красная Армия — «колосс на глиняных ногах». Немецкая агрессия должна помочь оппозиции захватить власть.

4. Особо важные секретные документы по РККА и Белорусскому военному округу переданы были в Париже военному атташе Германии Эриху Кюллленталю (бывшему полковнику, помощнику генерала Гаммерштейна, с которым он приезжал в Россию для переговоров с Ворошиловым о помощи Германии СССР по военным и техническим вопросам). Предполагалось, что когда начнется война, немцы нанесут главный удар именно через Белоруссию, поскольку она — кратчайший путь к Москве. С Уборевичем все согласовано, он жаждет независимости, он — пламенный поклонник немцев, что свойственно всем прибалтам.

5. Он лично, находясь на Украине у Якира, в качестве командира 62-й стрелковой дивизии, проводил «особые мероприятия» в сфере боевой и политической подготовки. Этой дивизии предстояло «открыть фронт» и дать возможность немцам совершить прорыв в глубь советской территории. Это должно было:

а) дискредитировать Сталина,

б) вызвать панику в населении и его бегство на Восток, резко затруднив оборону,

в) вызвать панику в войсках и массовое отступление из боязни окружения.

Какова степень достоверности приведенных обвинений, которые Венцов-Кранц на допросах в НКВД признал? Судя по тому, что его биография и вина долго и трусливо замалчивались, очень велика. Упорная приверженность к Троцкому и его единомышленникам, обеспечивавшим закулисно карьеру Венцова-Кранца, делало неизбежным его участие в тайных делах троцкистской оппозиции. Попытки «паладинов» Тухачевского защитить его «ангельскую чистоту» выглядят смехотворно! Аргументация сводится к таким пунктам:

1. Его вынудили «признать» гнусные пункты обвинения (Где доказательства? Разумеется, их нет!).

205

2. Раз он пользовался «полным доверием» советского правительства, а у Ворошилова являлся «правой рукой» и французы обвиняли его в шпионской деятельности во Франции, то одновременно шпионить в их пользу он никак не мог. (А почему? Его разведывательная деятельность во Франции являлась официальным поручением Разведывательного управления Генштаба; прилежное выполнение заданий обеспечивало положительные характеристики начальства и карьеру. Но и тайное фракционное начальство требовало исполнения своих приказов. Вступать с ним в пререкания — даже в связи с выполнением шпионских поручений! — было невозможно и неразумно, — Венцов-Кранц это отлично знал по опыту.)

3. Третий аргумент еще более смехотворен: раз «такое авторитетное учреждение, как гестапо», фиксирует в своей картотеке (11.12.1935), что Венцов-Кранц занимался во Франции советским шпионажем, то отсюда следует, что шпионить для Франции он не мог.

4. Четвертый «аргумент»: «авторитетно подтвердило», что обвинения в шпионаже Венцова-Кранца «не имели под собой никакой почвы», Первое главное управление КГБ СССР при Совете Министров СССР. Разве это не мошеннический аргумент?! Кто именно (фамилия, звание, родственные связи) это «подтвердил»? И на каком основании? Где публикация положенных документов? Верить заведомым мошенникам, карьеристам, родственникам предателей всех видов нет никаких оснований! Особенно после того, как они себя вполне определенным образом показали, активно участвуя в буржуазном перевороте 1991 г.

Кто же такой Венцов-Кранц на деле? Ответ может быть один: документы — в печать! И без обычных подлогов!

Судьбу Венцова-Кранца (расстрелян по приговору суда после трех месяцев следствия 8 сентября 1937 г.) разделила его жена Раиса Евсеевна, получившая, как и он, высшую меру — расстрел. Работая в разведке, соратница Тухачевского по Гражданской войне, она обеспечивала связь мужа и маршала, знала о его одиозной шпионской деятельности — и, разумеется, не донесла о ней, поскольку сама являлась членом «право»-троцкистской оппозиции и не раз передавала на Запад (французам и немцам) секретные сведения по РККА. При этом возможно, что на определенном этапе часть «сведений» являлась фальшивой, поскольку шла борьба разведок, а бессмертный опыт операции «Трест» не умирал никогда.

Понятно, что и жена Венцова-Кранца в 1956 г. оказалась реабилитирована— и, разумеется, опять без всяких доказательств. Необходимо поэтому напечатать ее полную биографию с фотографиями, следственные материалы, показания свидетелей по делу, стенографический отчет ее процесса. Только так можно прийти к истине, а не к каким-то новым фальшивкам.

206

*** * ***

Второе лицо, о котором необходимо рассказать, — это Ринк, военный атташе в Японии 1932—1937 гг. Почему он вызывал большой интерес и у следователей НКВД? Чтобы это понять, следует дать краткий очерк его жизни.

Иван Александрович Ринк (1886—15.03.1938, чл. партии с 1919) — из зажиточных крестьян, родом из Латвии. В 18 лет призван в царскую армию, служил рядовым. В 1910 г. закончил Вильнюсское военное училище и снова вернулся в армию — офицером. Участвовал в Первой мировой войне и заработал погоны штабс-капитана (побывав перед этим в плену у немцев). В немецком плену Ринк сблизился с немецкими социал-демократами и принял их программу. Поэтому, вернувшись в Россию, революцию воспринял положительно. После некоторых колебаний, в 1919 г. вступил в РККА. Отличался умом, храбростью, деловитостью и хорошим знанием военного дела. С самого начала сделал ставку на Троцкого, Председателя РВС республики, и успешно шел вверх по карьерной стезе. На фронте командовал полком, бригадой, затем упорно учился (в том числе восточным языкам), работал в штабах округов, затем в центральном аппарате Наркомата обороны. Прекрасно знал немецкий язык, поэтому работал по немецкому направлению. Участвовал, как представитель наркомата, на различных военных маневрах. У него имелись тесные связи с дипломатами, особенно с К.К. Юреневым[201], с крупными командирами-прибалтами: И.И. Вацетисом (1873—1938), В.К. Путной (1893-1937), Р.П. Эйдеманом (1895-1937). В тесной дружбе находился с начальником Политуправления РККА Я. Гамарником. Он считался «его человеком», и тот очень способствовал карьере Ринка.

Ответственных зарубежных командировок выпало на его долю две: военный атташе в Афганистане и военный атташе в Японии. Всюду он был связан с легальной и нелегальной разведкой. Им лично руководил зам. начальника Разведупра Александр Матвеевич Никонов (1893— 26.10.1937, чл. партии с 1918), работавший в Разведупре с 1921 г. Его труды за границей оценивались положительно. Он получил чин комдива (1935). В промежутках между двумя поездками занимал важный пост в Наркомате обороны (начальник отдела внешних сношений, 4-й отдел штаба РККА). Карьера, таким образом, развивалась блестяще, к несомненной зависти многих. Тем неожиданнее явилось ее крушение.

В октябре 1937 г. Ринк был арестован НКВД. После пяти с лишним месяцев следствия был судим и 15 марта 1937 г. расстрелян.

В чем же дело? Что такое случилось? «Изнанка» истории, невидная посторонним, оказалась такова:

Ринк, как и другие крупные командиры, делал карьеру отнюдь не за счет только личного ума и в индивидуальном порядке, но в составе влиятельной военной группы, где люди были связаны общностью взгля-
207
дов, родственными и дружескими узами, партийной, военной и дипломатической работой, совместной службой в период Гражданской войны. Последняя ясно показала меру ума и удачливости каждого, выдвинула лидеров, на которых равнялись все остальные, чье слово для младших являлось законом.

Для Ринка такими людьми являлись Вацетис, Примаков и Путна, а на самом высшем уровне — Гамарник и Тухачевский. Годы яростной оппозиционной борьбы, распространение огромного количества оппозиционных платформ, листовок, памфлетов, злобных стихов, материалов от Троцкого из-за границы, а также от белогвардейцев, проникавших в страну нелегально, усердно и тайно читавшихся, огромное количество хозяйственных ошибок, низкий уровень жизни, плохие жилищные условия, невыполнение в целом данных в Октябре 1917 г. обещаний относительно мировой революции и быстрого создания изобильного коммунистического общества — все это привело к ужасному разочарованию многих людей, в первую очередь на верхах, где в силу должности и поездок за границу знали много больше, чем рядовые граждане. Политические убеждения рушились, ибо свободный обмен мнениями запрещался. Нельзя было открыто критиковать ни ЦК партии, ни Ленина; сами партийные съезды превратились, особенно в политической части, в упражнение по части говорильни и непременного прославления «мудрости» ЦК и Сталина. Между тем между собой члены партии, а нередко и беспартийные, повторяли хорошо известные им слова Ленина:

«Если мы провалимся с нашим строительством и мировой революцией, возврат к старому неизбежен!»

А меньшевики, эсеры и им сочувствующие добавляли: «Надо возвращаться к буржуазной республике как можно скорее». «Народ и без того заплатил большую цену за «безумные ленинские эксперименты»! Пусть пока буржуазия, умеющая руководить и работать, направляет общество, обеспечивая внутренний мир с изобилием! А рабочему классу предстоит еще долго учиться и организовываться. Он еще не завтра и даже не через 20 лет снова возьмет власть!»

Такого рода разговоры, а с ними и «правые» (буржуазного типа) концепции чрезвычайно широко распространились — в верхах армии и НКВД, в профсоюзах, в партийном и хозяйственном аппарате и даже в самом ЦК партии. Все «бывшие» и те, кто происходил из семьи кулаков, оказались к такой концепции очень чувствительны. Авторитет Ленина в глазах всех непрерывно падал, несмотря на весь казенный фимиам. (И то, что ныне с ним произошло, — закономерное завершение!). Теперь даже соратники «Железного Феликса», прославленные своей борьбой с кознями контрреволюции, страшно разочаровались в результатах 20-ти лет работы, по-иному смотрели на прошлое. Теперь они были не склонны ни к какому пиетету по отношению к Ленину и его концепции. Совершенно не случайно признание Артузова[202] (22 мая 1937 г.) в
208
НКВД, арестованного в качестве соучастника преступных дел Ягоды, всего через 8 дней после ареста:

«Раньше, чем давать показания о своей шпионской деятельности, прошу разрешить мне сделать заявление о том, что привело меня к тягчайшей измене Родине и партии. После страшных усилий удержать власть, после нечеловеческой

борьбы с белогвардейской контрреволюцией и интервенцией, наступила пора организационной работы. Эта работа производила на меня удручающее впечатление своей бессистемностью, суетой, безграмотностью. Все это создавало страшное разочарование в том, стоила ли титаническая борьба народа достигнутых результатов. Чем чаще я об этом задумывался, тем больше приходил к выводу, что титаническая борьба победившего пролетариата была напрасной, что возврат капитализма неминуем.

Я решил поделиться этими мыслями с окружающими товарищами. Штейнбрюк показался мне подходящим для этого лицом. С легкостью человека, принадлежащего к другому лагерю, он сказал мне, что опыт социализма в России обязательно провалится. А потом заявил, что надо принять другую ориентацию, идти вперед и ни в коем случае не держаться за тонущий корабль.

Через некоторое время у нас состоялся еще более откровенный разговор, в ходе которого Штейнбрюк упомянул о своих встречах с влиятельными друзьями в Германии, об успехах использования СССР в подготовке и сохранении кадров немецких летчиков и танкистов. А в конце беседы он прямо сказал, что является немецким разведчиком и связан с начальником германского Абвера фон Бредовым. Далее он заявил, что генерал Людендорф и фон Бредов предложили создать ему в России крупную службу германской разведки. Само собой разумеется, что после столь откровенного заявления я дал свое согласие сотрудничать в германской разведке, так как считал, что, помогая европейскому фашизму, содействую ускорению казавшегося мне неизбежным процесса ликвидации советской власти и установления в России фашистского государственного строя.

Вопрос: С чего началось ваше сотрудничество с немцами? *Ответ:* Что касается меня, то я должен был стать особо законспирированным политическим руководителем резидентуры. Особо высоко было оценено мое желание работать идейно, без денежной компенсации. Основная директива сводилась к тому, чтобы не уничтожать, не выкорчевывать, а беречь остатки опорных организаций в Германии и в России. Была даже указана, как одна из форм сохранения разведывательной сети на Кавказе, Германская винодельческая фирма «Конкордия».

Вопрос: Какие материалы вы передавали через Штейнбрюка немцам? *Ответ:* Детально вспомнить не могу, но материалов было передано немало. Передавалось все, представляющее ценность для немецкой разведки, за исключением нашего контроля их дипломатической переписки». («Военно-исторический архив». 2000. № 10, с. 234, 236.)

209

Артузов показал на предварительном следствии много чего интересного, особенно по вопросу о шпионаже. И не случайно его показания в НКВД до сих пор трусливо замалчивают. Их не хотят выпустить отдельной брошюрой, как и следственный материал, которого было достаточно!

Попытка все свалить на следователей (комиссар ГБ третьего ранга и начальник секретариата НКВД СССР Я.А. Дейч и лейтенант ГБ Аленцев), которые сочинили от себя (??) его «идеологическое признание», выглядит смехотворно! Зачем им было трудиться, если подследственный очень быстро «раскололся» и прямо-таки списком «сдал» большое количество руководящих членов тайной оппозиционной организации?! Стойкость Артузова, как и многих других оппозиционеров, находилась на очень низком уровне! Он не имел за спиной царского подполья, тюрем и ссылок, за многие годы привык допрашивать других, но отвечать сам, в качестве подследственного, обыкновения не имел.

Да и сами идеи, за которые теперь приходилось тайно бороться (восстановление капитализма, с его лютым эгоизмом, эксплуатацией и воровской частной собственностью), никак не способствовали проявлению стойкости!

Ринк, как «бывший», конечно, тоже был разочарован результатами революции, легко принял концепции «правых» и позволил завербовать себя в оппозицию троцкистского плана своему непосредственному начальнику Я. Гамарнику, начальнику Политуправления РККА (1932). Непосредственно по его заданиям он осуществлял связь с японским Генеральным штабом через японского офицера Уэда, передавал туда секретные сведения о состоянии Красной Армии, а в Москву — лживые сведения о состоянии армии Японии. Комдив А.М. Никонов, зам. начальника Разведупра, сам участник заговора, об этой части его деятельности в НКВД показал:

«Ринк, военный атташе в Токио, усиленно нас дезинформирует. В период последнего военного нападения Японии на Северный Китай, когда по всем данным определился маневр японского империализма, направленный к тому, чтобы под шумок северо-китайских событий мобилизовать свою армию и перебросить ее на материк для последующей войны против СССР, пройдя безнаказанно опасный для Японии этап морских перевозок, — Ринк слал здесь информационные успокоительные телеграммы о том, что в японской армии все нормально». (Там же, с. 253.)

Ринк угодничал также и перед немцами. Тот же А.Н. Никонов вспоминает:

«Ринк, будучи начальником 4-го отдела штаба РККА (отдел внешних сношений), поддерживал близкую связь с германским военным атташе Нидермайером. Последний часто посещал Ринка, приносил ему подарки и приглашал к себе на квартиру. Ринк же стремился удовлетворять все заявки Нидермайера, иногда целыми днями занимался исклю-

210

чительно немецкими делами (подбор книг, циркуляров, билетов на парад и проч.)». (Там же.)

Понятно, ради чего это делалось:

1. Надо было успокоить военное и государственное руководство относительно дальневосточной границы.

2. Максимально ослабить мощь Дальневосточной армии Блюхера, выдавая японцам все секреты связанные с ней, в том числе ее оперативный план.

3. Вести дело так, чтобы нападение на СССР произошло с Запада и Востока одновременно; только при этом обстоятельстве можно было надеяться на успех переворота в Москве. Но осторожные японцы не хотели торопиться и таскать каштаны из огня для других.

После убийства Кирова в Ленинграде и начавшейся волны массовых репрессий, захвативших и оппозиционные верхи, последние сантименты относительно «союза» у всех оппозиционеров были отброшены.

В 1935 г. Ринк в глубокой тайне вступает в антисоветскую и фашистскую организацию, работавшую по указаниям местного диктатора Ульманиса. Вербует его туда тот, кто сам в нее уже вступил: начальник разведотдела штаба ОКДВА А.Ю. Гайлис (Валин) (1895?—1938). В результате Ринк начал передавать секретные сведения и белым латышам. Предполагалось, что они примут участие в нападении на советскую западную Россию, в составе пестрого воинства «из добровольцев» — русских белогвардейцев, немцев, поляков, финнов, венгров и других наемников.

Ринк признал все обвинения не только на предварительном следствии, но и в суде. По суду оказался приговоренным к расстрелу, лишению звания «комдив», конфискации личного имущества.

В 1956 г., при Хрущеве, был объявлен «реабилитированным»: опять-таки без всяких доказательств, публикации следственных материалов и стенографического отчета судебного процесса. В 1955 г. реабилитировали его жену, получившую в 1938 г. от Особого совещания 8 лет Акмолинских лагерей, а затем административную ссылку в порт Аральск, на берегу Аральского моря — центр крупного рыбопромыслового района среди песков и солончаков, основанный в 1905 г.

*** * ***

Третий персонаж тоже представляет большой интерес.

Сергей Александрович Меженинов (1890—1937, чл. партии с 1931) — русский, из дворян, уроженец торгового города Кашира на реке Оке. Закончил военное училище и Академию Генерального штаба в 1914 г. Участник Первой мировой войны. Имел чин капитана царской армии. С 1918 г. находился на службе в РККА: в 4-й и 8-й армиях был начальником штаба, командовал 3-й, 12-й, 4-й, 15-й армиями. Имел награду: орден Красного Знамени (1922). Занимался практической и теоретичес-

211

кой работой. Главные труды: «Вопросы применения и организации авиации» (1924), «Основные вопросы применения ВВС» (1926), «Воздушные силы в войне и операции» (1927). В 1935 г. получил звание комкора. Занимал пост начальника Первого отдела Генерального штаба и заместителя начальника Генштаба РККА (начальник генштаба — будущий маршал Егоров А.И., 1931—1937).

10 июня 1937 г., как раз перед судом над Тухачевским и его подельниками, он вдруг сделал попытку самоубийства, дважды выстрелив в себя (в грудь и голову). Его отправили в больницу, пытаясь спасти. Примчались люди Ежова и в его служебном кабинете нашли записку странного содержания: «Я был честным командиром и ни в чем не повинен. Беспечность и отсутствие бдительности довели до потери нескольких бумаг». Записка, конечно же, невразумительная. Что это, спрашивается, за «бумаги», если их владелец зам. начальника Генерального штаба РККА? И как это он мог их «потерять»? Он что, таскал их всюду с собой в портфеле и вместе с последним в пьяном виде потерял?! Или их «похитили» из служебного сейфа?! Меженинов старается напустить тумана! Разве это свидетельство честности?! Нет, так поступает лишь мошенник и плут, да еще тайный фракционер, боящийся ответственности!

Ясно, что из бронированного сейфа Наркомата обороны похитить документы не могли. Это же не какая-то лавочка! Там царит строжайший режим. Ключом от сейфа заместителя начальника Генерального штаба владеет лишь он (да еще, может быть, запасным начальник охраны, который, однако, не может входить к нему в кабинет без вызова, тем более открывать сейф).

Итак, документы украли не из сейфа и не где-то в кабаке. Где же тогда? У него на квартире или в доме любовницы? Первое маловероятно: ведь он брал документы для какой-то срочной ночной работы, дома не имелось посторонних; закончив работу, заместитель начальника Генерального штаба должен был немедленно вернуть их в Генеральный штаб, как всегда в таких случаях поступал и прежде. Другое дело — посещение любовницы[203] (кто она, надлежит установить). Немецкая разведка имела большой опыт добычи документов через красивых женщин, своих тайных агентов[204]. Скорее всего, Меженинов попался именно на этом. И тогда становятся понятными его слова о «беспечности» и «потере бдительности».

Следователи НКВД, опросив сотрудников Первого отдела Генштаба (Меженинов ими руководил), принимая во внимание лицемерие записки, а также рапорты зам. начальника Разведуправления комдива А.Н. Никонова и его

сотрудников, бывших в курсе потери документов, и оперативную слежку нескольких месяцев, сделали такой вывод: Меженинов документы вовсе не «потерял», а передал (или продал?) представителям немецкой разведки, на которую работал с 1932 г. Дальнейшая разработка вопроса, изучение всяких документов, опрос свидетелей, данные от своей разведки из-за границы, дали руководству НКВД
212
основания для еще более резкого вывода: что Меженинов передавал секретные документы Наркомата обороны также польской, итальянской и японской разведкам! То есть был на деле четырежды шпионом!

Относительно «характера документов» нет сомнений: это были не какие-то инструкции, старые приказы, методические разработки, военная статистика по РККА и округам. Нет! Это был подлинный оперативный план военных действий в мае 1937 г. против Польши с территории Белорусского, Киевского и Харьковского военных округов, с участием Балтийского и Черноморского флотов, с выносом военных действий также на территорию Германии, с необходимыми картами, схемами и расчетами по боевому применению войск.

Составленный «как положено», со всеми руководящими подписями, план ярко демонстрировал советскую «агрессивность». Он привел в ужас польский Генеральный штаб и сильно смутил немцев.

Там не знали, что данный план, как и его подписи — фальшивка, хорошо сработанная. Существовал параллельно и настоящий план. Его цель — дать польской армии «законный предлог» вместе с союзниками из «добровольцев» (немцы, итальянцы, финны, прибалты, русские белогвардейцы и прочие) самим совершить нападение на СССР «для самозащиты» — с быстрым захватом Минска и Киева, двух республиканских столиц.

Кто состряпал данную фальшивку, сомнения нет! Это дело рук «военной оппозиции» во главе с Тухачевским. Именно они нуждались в большом приграничном конфликте и интервенции, приуроченных к своему выступлению, с непременным захватом части советской территории. Только так (с зарубежной помощью) могли они пробиться к высшей власти.

Был еще один момент, вызывавший у следствия большие подозрения. Перед началом процесса какие-то группы военнослужащих делали попытку освободить Тухачевского и его товарищей из тюрьмы, но она провалилась. Предполагали, что план налета разработал именно Меженинов, и он же, имевший большие возможности, как заместитель начальника Генерального штаба, отбирал исполнителей.

Неизвестно, сумел ли последний отбиться от такого обвинения. Во всяком случае Меженинов внушал Ежову большие опасения. И с ним стремились поскорее покончить.

Он еще находился в больнице (с 10 июня 1937 г.), а партийная организация наркомата с утверждением партийной комиссии при Политуправлении Московского военного округа от 17 июня 1937 г. исключила его из партии с такой формулировкой:

«За попытку покончить жизнь самоубийством и тем самым скрыть свои связи с врагами народа».

Вслед за исключением из партии последовало увольнение из армии.

21 июня, спустя 10 дней после попытки самоубийства, за Межениновым прибыла машина НКВД, и сопровождавшие доставили его из
213
гражданской больницы в лазарет Бутырской тюрьмы. Так как он уже пришел в себя, хотя и плохо еще чувствовал, самый знаменитый следователь Ежова

Ушаков, по его приказу, приступил к допросу арестованного. Уже через неделю Меженинов сдался, ибо:

1. Вооруженной интервенции не произошло и стало ясно, что ее не будет.

2. Все попытки выступления в Москве и других городах оказались сорваны.

3. Тюрьма быстро наполнилась сторонниками оппозиции, все думали лишь о собственном спасении, с легкостью выдавали все, что знали, и «топили» друг друга.

Теперь оставалось думать только о том, как смягчить собственную вину. И Меженинов тоже стал на путь «чистосердечного признания». Ушаков аккуратно оформил эти признания четырьмя протоколами[205]. Ежов и Фриновский были очень довольны результатами.

27 сентября 1937 г. состоялся суд Военной Коллегии Верховного суда СССР (председательствующий — Ульрих, члены суда — И. Голяков, Ждан). В судебном присутствии Меженинов признал, что:

1. Являлся одним из руководителей антисоветского «право»-троцкистского заговора.

2. Тухачевский действительно занимался шпионской деятельностью.

3. Именно он его завербовал и довел до такого позора: ведь был ему Тухачевский, как дворянин, гораздо ближе, чем какой-то Сталин.

Вместе с тем Меженинов на 80% отрицал свои показания на предварительном следствии, отрицал собственную шпионскую работу и признавал лишь клеветнические оппозиционные разговоры в адрес армии, ибо утверждал, что она слаба, плохо обучена и непременно будет врагом разбита, так как Ворошилов неспособный полководец и все его окружение не лучше.

На вопрос председательствующего о своих показаниях на предварительном следствии Меженинов отвечал, что «он врал на себя и на Красную Армию. Думал, что своими показаниями на предварительном следствии он принесет пользу (??) Красной Армии».

Вот такие жалкие и смехотворные речи держал на суде зам. начальника Генерального штаба РККА. Разумеется, ему не поверили. Суд приговорил его к смертной казни и конфискации имущества, лишил звания «комкора» — за шпионаж и измену, за участие в заговоре. В тот же день, 28 сентября 1937 г., приговор привели в исполнение.

Семье Меженинова пришлось несладко. Жена его, Софья Петровна, бывшая врачом, получила 8 лет лагерей (умерла в 1950 г.). Сын Петр, учившийся в Военной академии, был отчислен, в ноябре 1937 г. арестован НКВД и через месяц расстрелян с двумя подельниками (сыновья комкора и дворянина Н.Н. Петина (1876—1937, чл. партии с 1919) и корпусного интенданта Д.И. Косича (1896—1937, чл. партии с 1918?).

214

Им инкриминировали создание террористической тройки с целью убийства в порядке отмщения за отцов — Сталина, Молотова и Ворошилова. Вещь вполне возможная, продиктованная безграничной ненавистью. Было бы правильно издать записи их допросов в НКВД и краткого судебного процесса.

В 1957 г., по указанию Хрущева, С.А. Меженинов, его жена и сын, разумеется, были объявлены реабилитированными. (Как водится, без всяких доказательств и публикаций документов.)

Достоверно ли обвинение и осуждение Меженинова? Что могло заставить его вступить в оппозицию, затем в заговор? Обстоятельства этого несомненны вполне:

1. Он был дворянином, хорошо образованным человеком. Несоответствие обещаний и реальных достижений, огромное количество всяких безобразий,

воспоминания о прекрасной жизни до 1917 г. и неприязнь к «неучу» Ворошилову толкали в оппозицию к существующему порядку и «пролетарскому» руководству.

2. Он знал историю Наполеона, и она казалась ему привлекательной — применительно к русской революции.

3. С Октябрьской революцией 1917 г. Троцкий, как выдающийся организатор Красной Армии, охотно бравший на службу военных специалистов, вызывал у него большую симпатию.

4. «Правые» со своими концепциями, относительно которых на Западе говорили, что они приведут к восстановлению старых порядков, вызывали у него большое сочувствие.

5. «Дворянская часть» офицерско-генеральского корпуса во главе с маршалом Тухачевским занимала сильные позиции в РККА, помогая «своим» людям делать карьеру и проталкивая их вверх. Отделиться по трусости от «своих» — значит было поставить на карьере крест.

6. Семейные дворянские связи с заграницей определяли совсем иное отношение к контактам с представителями буржуазных армий Европы. С ними легко было найти общий язык, как с родственными людьми по духу и воспитанию.

7. Вопрос о передаче шпионской информации не вызывал никаких драм в душе (точь-в-точь как сегодня!). Во-первых, давало тайные распоряжения фракционное начальство (и он был с ним согласен); во-вторых, поддерживала надежда, что длиться это будет недолго, так как «проклятых коммуняк» скоро скинут, а их армия развалится, и будет установлен «настоящий порядок».

8. Наконец, значительные фракционно-дружеские связи. Они возникали в период Гражданской войны, и Меженинов ими очень дорожил, так как это были все крупные люди в общественно-политическом плане, полезные для жизни и карьеры. Даже по очень неполному списку можно сделать некоторые выводы. В 80-й армии, где он занимал пост начальника штаба, членами РВС были: В.А. Трифонов (1888—22.08.1938, чл. партии с 1904), Н.И. Муралов (1877—01.02.1937, чл. партии с 1903),

215

Н.Н. Кузьмин (1883—08.01.1938, чл. партии с 1903). Когда сам командовал армиями, то членами РВС у него были: в 12-й армии — Н.И. Муралов, в 15-й армии — АП. Розенгольц (1889—15.03.1938, чл. партии с 1905), Н.И. Муралов.

Наконец, следует отметить, что среди командующих 8-й армии числился и Тухачевский (24.1—15.03.1919), а в членах РВС среди прочих находились: И. Якир (8.10.1918—1.07.1919) и А. Розенгольц (7.12.1918— 18.03.1919).

Разве не ясно, что отсюда вытекает? Все эти люди обладали огромным авторитетом и влиянием, славились как выдающиеся ораторы. Ворошилов тягаться с ними не мог. Удивительно ли, что Меженинов очутился в оппозиции и действовал в ее интересах?!

* * *

Остается сказать о последнем лице, представляющем для нас большой интерес, — о Яне Берзине.

Ян Карлович Берзин (Петерис Кюзис, 1889—29.07.1938) — сын батрака из Прибалтики. 16-ти лет вступил в РСДРП, был связным, агитатором, распространителем листовок и газет, разведчиком, боевиком. Участник первой русской революции 1905—1907 гг. В 1907 г. попал на каторгу (8 лет за убийство опасного для подпольщиков полицейского). Кто-то (очень влиятельный!) выступил ходатаем за него. В результате, отбыв лишь два года наказания, он оказался освобожден (1909). Вновь вернулся к партийной работе. В 1911 г. полиция вновь арестовала его и, не вспоминая о прошлом, отправила в

либеральную ссылку в Иркутск (вместо того, чтобы заслать в ужасный Туруханский край или украсить его «столыпинским галстуком» — революционеров тогда вешали очень охотно). Разумеется, из Иркутска Берзин бежал и с новыми лаврами вернулся вновь к партийной работе. Грянула Первая мировая война, его призвали в армию, но он дезертировал и — поразительное дело! — не прячется где-то в лесу, а устраивается работать на заводе прямо в Петрограде, не боясь столичной охранки! Он приобретает большой авторитет, его выбирают членом Выборгского и Петроградского комитетов РСДРП(б).

После Октябрьской революции 1917 г., как человек хорошо знакомый с разведкой и контрразведкой, по рекомендации Дзержинского, занимает пост начальника охраны Ленина и членов правительства, составленной по преимуществу из латышей и эстонцев, сторонников советской власти, потерявших родину из-за немецкого нашествия. Гражданская война бросает Берзина на фронт, где он занимает пост начальника Особого отдела 15-й армии (1919—1920). Затем его переводят на работу в Разведуправление РККА (начальник отдела и заместитель начальника управления, 1921—1924).

С марта 1924 г. советская разведка (4-е управление штаба РККА) значительно обновляется и расширяется. Среди новых работников появля-
216
ются те, кого позже будут считать из числа лучших (Зорге, Треппер, Карин и др.). Многие разведчики (и сам Берзин) тайно настроены на Троцкого (в силу своей национальности, особенностей биографии, веры в «перманентную революцию»). Высшее начальство знает это и переводит Берзина из разведки на совсем иную работу — начальником Дальстроя. Здесь многочисленные заключенные концлагерей (из воров и антисоветских элементов) вдоль Дальневосточной железной дороги строили для укрепления обороноспособности советского Дальнего Востока предприятия металлургии, судостроения, цемента, нефтепереработки, пищевые, развивали местное сельское хозяйство, чтобы снизить необходимость в подвозе продовольствия из центральной части страны.

У оппозиции на этот счет имелись свои расчеты. Они намеревались, доведя заключенных до неистового бешенства всеми видами притеснений и рабского труда (!), поднять их в «час X» на восстание с помощью нелегальных организаций, тайно действовавших в их среде. «Часом X» должна была стать высадка японской армии на советском берегу. Программа восстания предусматривала такие пункты:

1. Ликвидация Советской власти.
2. Восстановление частной собственности.
3. Реорганизация компартии, с переходом руководства в руки оппозиции.
4. Установление буржуазной власти и многопартийности.
5. Отделение Дальнего Востока от СССР, установление «протектората» Японии.
6. Переход многих предприятий в руки японских предпринимателей.
7. Всякие торговые льготы, поставки руд, леса, продовольствия и т.п.
8. Поставки населению исключительно японских товаров.

Вот что было «за кулисами», а вовсе не «безумная тирания Сталина»!

Для укрепления авторитета Берзина заключенные, которых он обхаживал, демонстрируя «справедливость», поставили памятник, который позже, по приказу Сталина, снесли.

С апреля 1935 г. решением Ворошилова он переводится в Хабаровск на пост второго замполита командующего Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армии, обязанного заниматься на деле разведкой (первый замполит — армейский комиссар 2-го ранга еврей Аронштам).

На этом посту Берзин находился по июнь 1936 г. Лавина арестов в связи с убийством Кирова принимала все более страшные размеры. Зиновьев и Каменев снова попали в центр политического циклона. И на этот раз стали главными обвиняемыми по делу «Антисоветского троцкистско-зиновьевского центра». Процесс кончился их расстрелом (24.08.1936). В результате процесса «засветилось» очень много видных оппозиционеров. Под подозрение попало и руководство разведки, Берзин в первую очередь.

Тогда Берзин делает ловкий «финт» и уговаривает Ворошилова послать его в Испанию. Главным военным советником при республиканс-

кой армии, чтобы он навел там порядок и обеспечил победу. Нарком, всегда хорошо относившийся к главе советской военной разведки и ценивший его заслуги, согласился. И таким образом, к великому удивлению многих, Берзин отбыл вдруг в Испанию, откуда возвратился лишь в июне 1937 г. Он получил орден Ленина за проделанную там работу и вновь принял прежний пост начальника Разведуправления РККА.

Его положение было крайне опасным: люди Ежова то и дело хватали его сотрудников, а он ничего не мог сделать. Ужасный пожар грозил поглотить его самого, так как Ежов установил за ним слежку, о чем он знал, а агенты «Кровавого карлика» «копали» дела Берзина в Испании, обвиняя его в шарлатанстве. Перспектива казалась однозначной: или дать отрубить и свою голову без сопротивления, или сконструировать против Ежова и Сталина новый заговор, ни перед чем не останавливаясь, с любыми союзниками, даже с японцами и немцами. Сделать это было тем легче, что фактически тайные отношения давно существовали, ибо им в течение многих лет, через свою зарубежную агентуру, передавали вполне правдоподобную «дезу». И очень хорошо знали, кто есть кто в военных верхушках двух названных стран.

Чтобы побудить немцев и японцев к «решительному шагу» — нападению на СССР, Берзин должен был лично передать им важнейшие военные документы относительно положения Красной Армии на Востоке и Западе. То есть подкрепить секретные документы своим личным авторитетом, ибо обе стороны знали, чем он по должности занимается. Берзин имел постоянную поддержку Ворошилова, который не мог просто так выдать «на расправу» начальника разведки своего наркомата. Именно он настаивал на его награждении орденом Ленина и в приказе по наркомату высказался о нем самым лестным образом:

«Тов. Берзин проработал в Разведывательном Управлении без перерыва более 14-ти лет, из них последние 10 лет возглавлял разведывательную работу РККА.

Преданнейший большевик-боец, на редкость скромный, глубоко уважаемый и любимый и своими подчиненными, и всеми, кто с ним соприкасался по работе, т. Берзин все свое время, все свои силы и весь свой богатый революционный опыт отдавал труднейшему и ответственнейшему делу, ему порученному.

За долголетнюю, упорную работу, давшую очень много ценного делу укрепления РККА и обороны Советского Союза, объявляю т. Берзину Яну Карловичу благодарность.

Уверен, что и в будущей своей работе т. Берзин вполне оправдает свой заслуженный авторитет одного из лучших людей РККА». («Военно-исторический архив». М, 2000, № 10, с. 227—228.)

Ежов против этого как будто и не очень возражал: его больше беспокоило, что Берзин, отзываемый в Москву, вдруг не пожелает вернуться и станет «невозвращенцем», выдав западным разведкам все, что он знает, нанеся страшный ущерб боеспособности армии и главным

военным округам. Награждения и всякие лестные обещания должны были отклонить его от столь опасного решения. Хитрость удалась. Берзин вернулся, получил орден и поздравления окружающих, вновь занял свой руководящий пост в разведке. Чем он занимался до своего ареста (27.11.1938), точно неизвестно: материалы Ежова не опубликованы, хронологического перечня дел Берзина и встреч с разными лицами нет до сих пор («реабилитаторы» боятся своего разоблачения).

Мог ли он уклониться от заговора? Ни в коем случае! Ужасное впечатление произвел на него процесс Бухарина—Рыкова (март 1938 г.), который оппозиция преподносила, как «истребление старых большевиков и соратников Ленина». Показаниями подсудимых были скомпрометированы очень многие. Волны арестов все нарастали. Что оставалось делать? Или ждать собственной погибели в состоянии полной прострации, или оказывать на всех уровнях бешеное «закулисное» сопротивление. Практически все старые большевики «правой» и троцкистской ориентации включились в такую борьбу, так как считали, что иначе не спастись. К ним присоединились молодые фракционеры,, воспитанные в тайных кружках, питавшие лютую ненависть к Сталину и его окружению.

Предварительное следствие Берзина длилось семь месяцев (явное доказательство тщательности работы следователей и отчаянного сопротивления арестованного!).

Только после того как новый заговор явно провалился, Берзин сдался и поведал если не всю, то большую часть правды. 29 июля 1938 г. по приговору суда Берзин был признан виновным в тягчайших преступлениях (измена, заговор, шпионаж в пользу разведок Польши — с 1930 г., Германии — с 1930 г., Англии — с 1931 г., Франции и Японии — с 1935 г.) и расстрелян.

До какой степени материалы следствия фальсифицированы? Поклонники и «адвокаты» Берзина утверждают, что в очень значительной мере. Однако основания для подобного утверждения очень сомнительны. Если бы все дело было в фальсификации, то:

1. Следователи путем физического принуждения (зверские избиения) и лукавых обещаний уже через несколько дней сломили бы сопротивление Берзина и заставили подписать что угодно. Однако следствие продолжалось семь (!) месяцев. Следовательно, пытки не применялись.

2. Материалы предварительного следствия были бы немедленно опубликованы ради их разоблачения (но этого до сих пор не сделано!).

3. Подробно, с фотографиями и точными датами, с указаниями «покровителей» и друзей были бы описаны все следователи, имевшие отношение к Берзину. Ничего подобного нет и поныне!

4. Не опубликовано никаких документальных материалов, связанных с первой и второй женами Берзина. Случайно ли?

5. А почему не опубликованы свидетельские показания против Берзина: А.Х. Артузова (чл. партии с 1918), СП. Урицкого (чл. партии с 1912),

А.М. Никонова (чл. партии с 1918) и других, которые имели к нему прямое отношение?

Из перечисленных выше пунктов видно, с полной несомненностью, недобросовестность, махинации и явная бесчестность «реабилитаторов», трусливо утаивающих документы. Никто не обязан верить их голословным заявлениям, особенно когда собственная честность «адвокатов» никакого доверия не внушает!

Предполагал ли Берзин, что люди Ежова смогут «добраться» и до него? Несомненно. Об этом убедительно говорят даже всего три факта:

1. История подозрительного «развода» с первой женой.

2. Странная история второго брака.

3. «Кража» Берзином на Дальнем Востоке собственного сына. Расскажем обо всем подробнее и по порядку.

Берзин женился в 1919 г. на Е.К. Нарроевской («адвокаты» по своему обыкновению не дают ее биографии и родовой справки, не указывают, чем занималась и где работала. А это — верный признак грязных махинаций), в 1935 г. — среди репрессий по «делу Кирова» — с ней разошелся. Жена его о том рассказывает так:

«В июле 1935 года, по моей вине, я порвала брак с Берзиным П.И. и вышла замуж за летчика Полозова А.А., оставив по договоренности с Берзиным П.И. ему нашего сына.

Вскоре после моего отъезда в Ленинград к новому мужу, Берзин П.И. получил назначение в ОКДВА и уехал с сыном Андреем в Хабаровск. Наши отношения с Берзиным П.И. после разрыва были исключительно дружескими и полными уважения друг к другу. Летом 1936 года я поехала с ним в Хабаровск на время моего отпуска. Тоска по ребенку и человеку, с которым я прожила 16 лет, а также письмо от Берзина П.И. ко мне в Ленинград перед его отъездом в Испанию, где он писал мне, что едет в длительную командировку и очень хочет, чтобы я на время его отсутствия поехала в Хабаровск к сыну, отрезвили меня от моего увлечения и я разошлась с Полозовым. И в начале 1937 года уехала в Хабаровск к сыну, где жила в квартире Берзина П.И. вместе с сыном». («Военно-исторический архив». М., 2000, № 10, с. 224.)

Вся эта «романтическая» история, «пылкая любовь» не к токарю, преподавателю, искусствоведу, но к летчику! — внушает большое недоверие. Не таков был момент для нежной лирики среди массовых арестов! «Временный развод» и переезд к летчику Полозову, который базировался на аэродроме под Ленинградом, больше напоминает тайную дипломатическую миссию. А какая могла быть цель? Да самая простая: бегство всей семьи из страны в Финляндию с помощью летчика-любовника! Судя по быстрому расторжению этого брака «по страсти», дело не выгорело: летчик принять участие в бегстве не пожелал. Не потому ли его показания в НКВД до сих пор не опубликованы?

Со второй женой, молодой красавицей испанкой Авророй Санчес[206] Берзин познакомился осенью 1936 г. в Испании, в Мадриде, куда приле-

тел на пост главного военного советника республиканской армии, обязанного навести здесь порядок, наладить разведку и контрразведку, очистить тыл от вражеской агентуры.

И вот среди адской 24-часовой работы вдруг возникла «романтическая любовь» с 20-летней красавицей неизвестного происхождения, которая на 27 лет моложе него. Вернувшись в Москву, Берзин в день расстрела Тухачевского и его товарищей (12 июня 1937 г.) регистрирует с ней законный брак! Контраст между двумя супругами казался столь значительным, что Берзин, стесняясь, представлял супругу другим (даже сотрудникам Разведупра!) как свою «воспитанницу»!

Возникает вопрос: «А откуда взялась данная прелестница? Кого она представляла?» Что она — испанка, в том сомнений нет, как и в том, что она из семьи местных «левых» интеллигентов, хорошо образованных и состоятельных. Учитывая, кем был Берзин (о чем знали все разведки), можно предположить, что данную красавицу испанку (очень соблазнительный объект!) завербовала одна из разведок. На кого же она работала? В Испании в период революции яростно боролись английская, французская, немецкая, испанская, американская и советская разведки, собирая секретные сведения и обрабатывая в свою веру влия-

тельных людей. Подобрать «ключик» к Берзину казалось, конечно, очень соблазнительным. И неприятельские разведки пытались это делать. Но сомнительно, чтобы они в том преуспели. Берзин, в силу своей должности, был человеком очень подозрительным. И в близкие личные отношения вступал только с теми, кого, не торопясь, выбрал сам. Кажется вполне бесспорным, что ни западные разведки, ни генерал Франко не могли «подсунуть» Берзину своего агента. А вот разведка Ежова вполне могла. Что Аврора Санчес была секретным сотрудником НКВД, с этим согласны те, кто изучал данный вопрос[207]. Ее завербовали еще в Испании, сотрудники НКВД тщательно ее «опекали» (в Испании и СССР), ибо она осуществляла внутреннюю слежку за Берзиным и его сотудниками, а в СССР — и за испанскими эмигрантами, среди которых имелись тайные троцкисты и агенты Франко.

В 1987 г., будучи уже в очень преклонных годах (70 лет), Аврора Санчес дала редкое интервью известному советскому писателю и бывшему разведчику Овидию Горчакову. В нем было нечто очень интересное:

«У меня ведь был жених. Но началась война. Жених остался в Сарагосе, а я в Мадриде. И я его больше не видела. Потом я приехала сюда. Я думала, что год побуду, выучу русский язык, посмотрю Москву и вернусь. Я не знала, что выйду за него замуж, что останусь здесь на всю жизнь.

— Берзин, конечно, был очень сдержанный человек, владел собой, но ясно видел, что надвигается большая беда, трагедия, идут повальные аресты среди руководства Красной Армии. Характер, настроение у него в это время менялись?
221

— Нет, он был очень веселый, ласковый, как всегда, и со мной, и с Андрейкой.

— Знал ли он, что его ждет? Как себя вел?

— В начале я думала, что он ничего не знал. Но потом, уже когда годы прошли, я стала больше понимать, я думаю, все-таки он ждал». («Военно-исторический архив». М., 2000, № 10, с. 228—229.)

Почтенная дама сказала, конечно, не все, но для умного человека достаточно. Будучи женой столь опального лица, в отличие от других жен, Аврора Санчес настоящим репрессиям не подвергалась. Она не знала тюрем и лагерей, поддерживала личные отношения с замом Ежова могущественным Фриновским, получила прекрасную комнату с телефоном в «Доме правительства» (!), вышла вторично замуж — за одного работника НКВД (не за своего ли «опекуна» Черняева?) — и осела тут на постоянное житье. И своих сестер, тоже «засвеченных», как секретных сотрудников советской разведки, с помощью Ворошилова (!), которому писала соответствующее письмо, сумела переправить в СССР, вырвав их из концлагеря. В СССР они тоже вышли замуж и прочно осели. Ее пасынок Андрей, знавший, какую роль она сыграла в гибели отца, не желал поддерживать с ней отношений. Сам он погиб в конце 1941 г. на фронте 18-ти лет, сражаясь с немцами в латышской дивизии в первые же дни боев. Обстоятельства его гибели очень темные (они никогда не изучались). Вполне возможно, что ведомство Берии внесло в них свою лепту. Ведь молодой человек являлся очень неудобным свидетелем, а в будущем — несомненным противником.

Неудачи войны в Испании, несмотря на известное количество блестящих успехов, были не случайны. И дело было не в одних «кознях» анархистов, троцкистов и клерикалов, представителей местной буржуазии и «правых» кругов республиканской армии, недостаточной сознательности масс, но и многих грубых ошибках самой компартии. Долорес Ибаррури, в то время заместитель генерального секретаря КПИ, один из организаторов Народной армии, депутат кортесов, с 1937 г. их вице-председатель, позже с горечью признавала:

«Поистине, мы были слишком наивны и простодушны». (Воспоминания. М., 1988, т. 1, с. 445.)

О женах Берзина достаточно.

Осталось сказать относительно истории «кражи» его сына. Первая жена Берзина продолжает свой рассказ:

«В августе 1937 г., совершенно неожиданно и при необоснованных обстоятельствах, у меня украли сына. Кражу сына проводил какой-то военный в форме НКВД, пришедший ко мне вечером в день кражи и сообщивший мне, что он отправил сына в Москву к отцу и что я не должна по этому поводу поднимать никакого шума, а должна покинуть эту квартиру[208] и устраиваться либо в Хабаровске, либо ехать в Москву, что я и сделала через неделю, рассчитавшись с учреждением, где я работала. (Что это за учреждение — молчание. — *В.Л.)*
222

По приезде в Москву я встречалась с Берзиным П.И., который, находясь уже под домашним арестом (!), говорил мне, что кражу сына Андрея он сделал для того, чтобы, в случае ареста, сохранить для меня сына». (Там же, с. 224—226.)

Приведенный эпизод очень характерен: он ясно говорит о том, что, даже находясь под домашним арестом, Берзин мог еще «проворачивать» всякие операции.

Добавим к сказанному и еще один момент. Берзин, даже под угрозой ареста, не пожелал застрелиться, как Гамарник, не выступил с разоблачительным письмом, как Раскольников. Почему? Слабая у него оказалась душа? Или надеялся оправдаться с помощью Ворошилова? Но разве пример всех прочих арестов не говорил, что из рук Ежова не вырваться? Понимал он это? Конечно понимал.

Так в чем тогда дело? Объяснение одно: «про себя» он отлично знал, что перед страной и партией виновен. И именно поэтому не мог выступить с разоблачительными письмами в стране и за границей, не хотел кончать с собой, но думал, что еще, может быть, с помощью наркома как-нибудь удастся избежать расплаты.

Теперь, на основе сказанного, каждый пусть сам решит: мог ли Тухачевский, находясь в окружении таких людей, остаться вполне честным и не угодить в антисталинский и антисоветский заговор?

ГЛАВА 12. ЖЕНЫ, ЛЮБОВНИЦЫ, СВЯЗНЫЕ И СЕКРЕТНЫЕ ОСВЕДОМИТЕЛИ МАРШАЛА

На тропах счастья, на дорогах бед,
Где ни шагнешь, стопа оставит след.
Останется твой след воспоминаньем
И вновь когда-нибудь всплывет на свет.
Восточная мудрость

Михаил Николаевич Тухачевский был женат, как говорили, трижды (при этом второй брак являлся тайным, поэтому о нем знали немногие, и он продержался недолго). Первый брак оказался неудачным. Будущий маршал женился в начале Гражданской войны на своей «даме», с которой постоянно танцевал на балах — дочери машиниста пензенского депо Марии Васильевне Игнатьевой. Она была неплохой девушкой, стремилась хорошо устраивать домашние дела, любила мужа, но имела вполне мещанское воспитание, которое быстро пришло в столкновение с необычной военной средой, — в последней все время вращался ее муж. Она не понимала эти умные разговоры, они были ей чужды, интеллектуальных запросов у нее также не имелось. Очень возмущали ее

любовные истории мужа. После многих резких объяснений в 1920 г. в Смоленске, как говорили, в знак протеста она
223
застрелилась. Этот тягостный эпизод лицемерные «Воспоминания» (М., 1965, с. 55) обтекаемо называют «трагической гибелью», не приводя никаких фактов.

После эпизодичного второго брака (в ходе которого умерла его маленькая дочь и последовал развод) Тухачевский женился на Нине Евгеньевне Гриневич, молодой, очень приятной и хорошо воспитанной женщине, по-видимому, польско-литовского происхождения, из шляхетской семьи. Впрочем, поручиться за это трудно, зная свойственную той эпохе систему частых разводов, новых браков и простых сожительств. Вполне вероятен и другой вариант: что была Нина Евгеньевна до брака с Кузьминым и Тухачевским женой Когана-Гриневича или его родной сестрой. О последнем следует сказать несколько слов, так как он вполне заслуживает внимания.

Коган-Гриневич М.Г. (1874—1938?) — еврей, видный деятель революции и профсоюзного движения. Был членом «Союза русских социал-демократов за границей» (1894—1903), основанного по инициативе группы «Освобождение труда» (Г. Плеханов, П. Аксельрод, В. Засулич и др.; их группа создана в 1873 г., это первые марксисты России!). В 1900—1902 гг. Коган-Гриневич — сотрудник журнала «Русская мысль», с 1903 г. — член фракции меньшевиков, от них ушел к кадетам и сотрудничал в их газе те «Товарищ», занимавшейся «лицемерно-скрытой борьбой с социал-демократией» (Ленин), в которой печатались, однако, Плеханов, Мартов и другие меньшевики. После Октябрьской революции 1917 г. возобновил работу в профсоюзном движении и входил в окружение одного из лидеров «правых» — Томского. Имел большие зарубежные связи по линии социал-демократии (среди ортодоксов и оппортунистов: в Германии, Швейцарии и Франции). Несомненно, Тухачевскому родственная связь с таким лицом, имевшему громадные связи на Западе и хорошо знавшему историю мировой социал-демократии с самого ее начала по личному опыту, была чрезвычайно выгодна. Поэтому брак с Гриневич, вне зависимости от того, была она сестрой (племянницей) или женой данного меньшевика, оказался чрезвычайно выгоден, так как давал возможность к установлению доверительных отношений и очень важных политических контактов.

Эту третью жену Тухачевский получил, отняв ее у законного мужа, тоже крупного командира — Кузьмина. С ней он достаточно долго состоял в тайной любовной связи. Эту жену он очень любил, как и свою дочь Светлану. Но любовниц продолжал иметь в большом количестве, отыскивая среди различных дам тех, кто подходил ему в его секретных политических делах.

Последние два года Тухачевский твердо решил развестись и с Ниной Евгеньевной (она тяжело болела). Но из-за дочери тянул с разрывом. И это жену погубило. Она, как и все его близкие, кончила жизнь в лагере, поскольку, подобно другим избранным дамам, занималась делами внутренней разведки, собирая для мужа всевозможные данные,
224
которые его интересовали. Ее расстреляли в 1941 г. вместе с женами Гамарника и Уборевича.

С этой женой Тухачевского связана еще одна тайна, очень любопытная. Суть ее заключается вот в чем: думая о разводе и новом браке с Сац, Тухачевский не мог «просто так» бросить жену. Это было бы неблагородно (не по-дворянски!), да вдобавок и небезопасно: слишком много опасных его секретов она знала. Значит, надо было «устроить» ее судьбу при разводе так, чтобы она не пострадала:

1) по части престижа,

2) материально.

Никто из «адвокатов» Тухачевского не говорит, как он собирался решить столь трудную задачу. Да вдобавок и имя Сац лицемерно замалчивается!

Рассмотрение разных материалов выводит в конце концов на одну интересную фигуру: академика-химика Н.Д. Зелинского (1861—1953). В чем тут интерес? А вот в чем: у последней жены академика и последней жены маршала, жаждавшего развестись и удобно «пристроить» жену, одно имя и отчество! Их обеих (если это разные лица!) зовут одинаково: Нина Евгеньевна. Это, конечно, великое чудо! При острой необходимости для маршала найти своей бывшей жене респектабельного и очень обеспеченного мужа у почтенного академика и у него — жены носят одинаковые имена и отчества!

Может, это действительно одно лицо? И маршал, имевший широкую систему связей, в том числе и с академиками[209], очень даже мог пожелать отдать бывшую жену в супружество почтенному академику 76-ти лет. Такой брак мог бы полностью удовлетворить честолюбивые амбиции супруги и дать ей привычный уровень материального обеспечения. А уж академик, получая молодую жену, бывшую супругу маршала (!), был бы ему благодарен по гроб жизни!

Итак, разные это лица или одно? Что вызывает подозрение? По крайне мере два обстоятельства: 1) во всех книгах, посвященных Зелинскому, за исключением одной, тщательно обходится вопрос о его семье; 2) среди фотографий, которые даются, фото Нины Евгеньевны нет! (См: Воронков М. Академик Николай Дмитриевич Зелинский. Альбом портретов. М., 1948.) Что за подозрительное нерасположение? Его можно понять только в том случае, если эта Нина Евгеньевна — бывшая жена маршала Тухачевского, осужденная судом и расстрелянная по приговору! В указанном случае, конечно, «портить» биографию академика подобным родством очень нежелательно!

Но что же делать, если такое было? Остается привычный путь — фальсификация. И так вот появляются в почтенном академическом издании (Академик Н.Д. Зелинский. Избранные труды. М, 1941, т. 1, с. 16) следующие данные, маскирующие не очень красивую действительность:

— Первая жена академика, с которой он вступил в брак на втором курсе университета, — Раиса Ивановна (урожденная Дрокова). Она умерла от болезни в 1908 г., оставив сына Александра.

225

— Вторая жена (с 1909 г.) — Евгения Павловна Кузьмина-Караваева. Она умерла в 1934 г., оставив дочь Раису (вышла замуж за доцента МГУ А.Ф. Платэ).

— Третья жена (академик, как видим, жуир-троеженец!) — Нина Евгеньевна Бок (урожденная Жуковская). От нее академик имел двух сыновей — Андрея и Николая.

Ни о Бок, ни о Жуковском-отце никто ничего не говорит, хотя последний мог бы быть известным академиком, специалистом в сфере авиации или его родственником. И такой брак был бы Зелинскому весьма выгоден. Но поскольку никто не говорит о таком родстве, значит скорее всего имеет место случайное совпадение фамилий. Что касается Бока, то это явно немецкая фамилия, ее представители имели родственников в Германии (известен фельдмаршал Гитлера Федор фон Бок). Тухачевскому, следовательно, была интересна семья Боков, так как она могла играть полезную роль связных в Германии.

Итак, в настоящее время вопрос остается все-таки открытым, хотя больше шансов в пользу того, что эти две Нины Евгеньевны — одно лицо. За это говорит особенно одно обстоятельство — лица, находившиеся в дружеских связях с семьей академика Зелинского: 1) не хотят предъявить фото его третьей жены, 2) рассказать ее биографию, 3) не хотят точно сказать, когда и при каких

обстоятельствах она умерла, 4) предъявить ее письма и дневники, которые будто бы существуют.

Показательно и еще кое-что: всезнающий Интернет о жизни и судьбе третьей жены Тухачевского не может поведать ничего вразумительного. Все это вместе взятое и подтверждает тот взгляд, что третья жена Тухачевского была позже третьей женой академика Зелинского.

* * *

Стойкий сам себе создаст славу.
Пословица

А теперь предстоит поговорить о любовницах Тухачевского.

Этот вопрос — совершенно новый. И возник он вообще случайно, после того как дочь Барбэ, ныне пенсионерка, дала интервью одной из газет. (См.: А. Котлова-Бычкова. Рядом с маршалом. — Вечерняя Москва. 05.04.1989.)

Интервью в газетном варианте (оно подверглось, вероятно, сокращению) не отвечает на многие вопросы. А они неизбежно возникают — и во множестве. Перечислим их:

— Какие должности занимала Барбэ, комиссар 5-й армии Тухачевского в Гражданскую войну, после ее завершения и в 1937 г.?

— Кто был ее мужем? Какова его судьба? Какова национальность этих лиц, а также их родословная?

226

— Некоторые считают, что Барбэ имела с Тухачевским любовную связь. Верно ли это?

— Барбэ и Барбу — это одна фамилия? Член компартии Румынии и Барбэ не родственники?

— Каково, вообще, ее родословие? Откуда, из какой страны берет начало фамилия? Обращают внимание на себя некоторые фамилии, которые наводят на размышление. Франсуа Барабэ-Морбуа (1745—1837) — известный французский дипломат и государственный деятель, маркиз; Арман Барбэс (1809—1870) — французский революционер-демократ; Барбе д'Оревильи (1808—1889) — французский писатель и романтик, автор исторических романов о борьбе шуанов, политических статей и памфлетов, а также множества рассказов; Огюст Барбье (1805—1882) — французский поэт, член Французской академии; Барбу Исковеску (1816— 1854) — румынский художник-революционер; Эуджен Барбу (1924—?) — румынский писатель, изображавший жизнь бухарестского «дна» перед войной, а также установление народной власти в Румынии. Все эти фамилии чрезвычайно близки друг к другу. И можно думать, что представители фамилий подобного рода не раз переезжали на жительство из Франции в Румынию и обратно. Применительно к Барбэ, любовнице Тухачевского, этот вопрос чрезвычайно важен. Если у нее имелись родственники во Франции и Румынии, то это давало возможность поддерживать широкие неформальные связи, что для Тухачевского было чрезвычайно выгодно. Можно быть полностью уверенным, что он выбирал любовниц не только по их личным качествам, но также и по их зарубежным семейным связям, что должно было способствовать ему в его оппозиционной деятельности.

Особый интерес среди всех представляет Ефим Барбу — член ЦК Французской компартии, исключенный из нее за троцкизм. Он был основателем вместе с коллегой Гелертером «Партии унитарных социалистов» (?). Был ее представителем в IV (троцкистском) Интернационале. Как имевший родственные связи, перебрался в Румынию для продолжения троцкистской работы, яростно боролся против местной компартии, Народного фронта и СССР. Кто он такой? Муж Барбэ, ее родной брат или родственник? Данных пока нет.

Есть и еще вопросы:

— Какого числа, в какое время («незадолго до ареста») приходила Барбэ с дочерью к Тухачевскому? Долго ли у него находилась? О чем шел разговор? Передавал ли он ей какие-либо документы, письма, записки, давал ли поручения?

— С кем обычно связывала Барбэ маршала в качестве посредника?

— С кем Тухачевский встречался и переписывался после смещения с должности? Каковы даты свиданий?

— Когда Зелинская (жена престарелого академика!), игравшая в доме Тухачевского роль учительницы музыки и иностранного языка для дочери Тухачевского и дочери Барбэ, впервые встретилась с маршалом?

227

При каких обстоятельствах? Как часто с ним встречалась? Какие поручения выполняла? Как сложилась ее жизнь? Верно ли, что она полька, из дворянской семьи?

— Как сложилась судьба Светланы Тухачевской? Когда она умерла? Была ли замужем и за кем? Оставила ли воспоминания?

— Какие посты занимали родственники и братья Тухачевского?

— Почему не напечатан полный текст воспоминаний П. Редченко, работника НКВД, который являлся свидетелем ареста маршала?

На эти важнейшие вопросы, к сожалению, в настоящее время нет ответа. Но можно надеяться, что они все-таки появятся — и тогда многое прояснится. А пока приведем важнейшее место из интервью:

«В один из вечеров, незадолго до ареста, мама и я пришли к нему. Антонина Казимировна извлекла из портфеля фотографию: в высоком худом человеке Михаил Николаевич узнал себя, а рядом с ним у братской могилы красных воинов стояла моя мама. Эту фотографию времен Гражданской войны я храню и сейчас.

Вскоре Михаил Николаевич был схвачен подручными Ежова, в июне 37-го расстрелян. Арестовали и маму, отвезли в Бутырскую тюрьму, и она, сорокалетняя, умерла под пытками, не подписав ни одного листа допроса».

Что же заставляет думать, что Барбэ являлась связной секретной организации Тухачевского? Несколько обстоятельств:

1. Она являлась комиссаром его армии еще в Гражданскую войну, следовательно, очень хорошо проверенным человеком. Людей такого рода отбирали единицами из тысяч. Они были нужны для всяких секретных поручений. Без таких людей не может быть никакой политики.

2. «Незадолго до ареста» (какого числа?) она посмела явиться к маршалу, зная, что он уже находится в опале, что за ним, за домом его установлена слежка. Надо было обладать громадным мужеством для подобных контактов.

3. Уж конечно, она явилась к Тухачевскому не для лирических воспоминаний, не для просмотра фотографий и разговора по их поводу. До того ли было маршалу?! Голова буквально висела на ниточке! Нужна очень серьезная причина для подобного визита. Скорее всего, она пришла или с запиской, или с устным сообщением от кого-то из единомышленников маршала (Гамарника, Блюхера и т.д.).

4. Ежов, имевший по должности в своих руках все материалы, которые касались Барбэ и Тухачевского, в этом во всяком случае не сомневался. Не сомневался он и в том, что она — связная для исключительно важных поручений. Отсюда и арест, отсюда, что вовсе невероятно, и пытки. Надо опубликовать эти материалы Ежова отдельной книгой.

5. Неслыханная стойкость, которую Барбэ проявила (достаточно вспомнить, как вели себя сам маршал и его соратники в подобных же обстоятельствах!), говорит с полной несомненностью о том, что: 1) она

находилась в любовной связи с Тухачевским (только любовница может проявить такое феноменальное упорство!), 2) что выбирали ее очень долго и тщательно, с учетом замечательных качеств характера.

Правильны ли эти утверждения — покажет будущее. Пока же ясно одно: давно пора снять фальшивое «табу» и выпустить очень важную книгу (сначала статью), основанную на воспоминаниях и документах под названием «Женщины и Тухачевский». Рассмотрев всех женщин маршала, с которыми он находился в достаточно близких отношениях, надо выяснить, кто из них, помимо Барбэ, играл роль связных в его организации, которая, конечно же, существовала.

* * *

Барбэ была не единственной пассией Тухачевского. Другой любовницей являлась Павлова-Давыдова, служившая делопроизводителем в штабе дивизии Гая, входившей в армию Тухачевского в период Гражданской войны. Мужья у нее были люди незаурядные. Александр Васильевич Павлов (1880—14.08.1937) — комдив с 1935 г. Родом он из Одессы, из семьи служащего, кончил школу прапорщиков, участвовал в Первой мировой войне. Во время Гражданской войны на Восточном фронте командовал полком, бригадой, дивизией. Затем командовал 10-й армией, воевал с Деникиным и мятежными крестьянами Антонова. После Гражданской войны делал успешную карьеру: инспектор пехоты, командир корпуса, с 1930 г. — помощник инспектора пехоты РККА, начальник факультета и помощник начальника Академии им. М. Фрунзе. За военные заслуги имел два ордена Красного Знамени. Тухачевский в служебной характеристике аттестовал его так:

«Выдающийся работник. Обладает блестящим оперативным мышлением. Характера твердого и смелого. В походной жизни вынослив, искренне революционно настроен и предан Советской власти. Много работает в военно-научном деле. Вполне достоин и вполне подготовлен к должности командарма и командокра». («Воспоминания», с. 153.)

Вот жена этого Павлова встретилась впервые с Тухачевским в 1918 г., будучи штабным письмоводителем в отряде Гая (1887—1937), впоследствии организатора знаменитой Железной дивизии, командующего 1-й революционной армией, известного военачальника, профессора в Академии им. М. Фрунзе. И она и Тухачевский быстро оценили друг друга. Павлова была представлена его первой жене еще в ходе боевых действий (штаб 5-й армии размещался в городе Уфе). Она так вспоминает о поездке к Тухачевскому вместе с начдивом В.И. Павловским и адъютантом дивизии Б.Л. Леонидовым:

«Узнав о нашем приезде, Михаил Николаевич пригласил всех к себе домой. Он и его жена Мария Владимировна отнеслись к нам, как к самым близким друзьям. Никогда я не забуду тот сердечный вечер, милые беседы, шутки, смех.

После этого я до конца войны больше не виделась с Михаилом Николаевичем. Встречи наши возобновились только в Москве на новогодних вечерах у Г.Д. Гая. Однажды Михаил Николаевич, вспомнив, как я ревела на станции Охотничьей, стал дружески поддразнивать меня и предложил тост в честь «бабушки Железной дивизии».

В 1920 году умерла его жена Мария Владимировна. Михаил Николаевич женился на Нине Евгеньевне Гриневич. С ней я тоже подружилась и нередко бывала у них в гостях, в так называемом Чижовском подворье на Никольской улице». («Воспоминания», с. 109—110.)

В Москве Павлова работала в секретариате Орджоникидзе, наркома тяжелой промышленности, друга Тухачевского. «Зинаида Гавриловна, жена Серго,

говорила мне, что Орджоникидзе считает Тухачевского одним из самых близких своих друзей». (Там же, с. 110.)

Относительно 1937 г. она же пишет: «Это было трудное время. Чуть ли не каждый день мы теряли товарищей, соратников, родных». (Там же.)

Вторым мужем Павловой был В.В. Давыдов (1898—1941). Этот и вовсе величина крупнейшая! Он занимал пост заместителя начальника Разведупра РККА (начальник Разведупра — Я. Берзин: 1924—1935 и 1937; 1936—1937 — главный советник испанской республиканской армии). Сам Давыдов из рабочих, участник Гражданской войны в Средней Азии, командир батальона, с 1920 г. он работает в разведке Туркестанского фронта, затем в Разведупре РККА. Репрессирован в связи с делами Тухачевского в 1938 г. Получил сначала длительный срок заключения, но 16.10.1941 г. в Москве был расстрелян. Такова вторая фигура. Уже сам «калибр» мужей очень о многом говорит!

* * *

Заслуживает внимания и еще одна дама: Л.В. Гусева (1902—1974?), жена заместителя начальника разведки фронта.

Гусева познакомилась с Тухачевским в 1920 г. Она работала тогда шифровальщицей в штабе Кавказского фронта, куда его назначили командующим для борьбы с войсками Деникина. Тухачевский очаровал ее выгодной внешностью, сдержанностью и демократизмом. Но судьба быстро развела их, так как Тухачевский уже 29 апреля 1920 г. оказался назначенным командующим Западным фронтом — для борьбы с белой Польшей. К ее удивлению и радости мужа, Гусева вдруг перебрасывают на работу в Смоленск и он получает квартиру в том же доме, что и Тухачевский (!). Так они стали соседями. О том счастливом времени Гусева вспоминает:

«Так я познакомилась, а затем на всю жизнь подружилась с женой Михаила Николаевича, умной, тактичной, располагавшей к себе молодой женщиной Ниной Евгеньевной.

Она ввела меня в свой тесный, хотя и очень обширный семейный круг. Тут было интересно всегда. Но особую привлекательность приобрел дом Тухачевских с переводом Михаила Николаевича в Москву» (1924).

230

Тухачевский очень хорошо сработался с Гусевым, умным командиром, обладателем красивой жены. Перебравшись в Москву, будущий маршал забрал их с собой (сначала он был там помощником начальника штаба РККА М.В. Фрунзе, с конца 1925 г. — его преемником). В его квартире на Никольской быстро возник салон для избранных, где собиралась очень различная публика, по преимуществу из молодых музыкантов и художников (бывали тут молодой Шостакович, исполнитель Оборин, скрипичный мастер Витачек и другие). Здесь за ужином и чаем велись разговоры обо всем, но по преимуществу о композиторах и исполнительском искусстве. Гусева говорит:

«Михаил Николаевич и Нина Евгеньевна умели создать обстановку непринужденности. У них каждый чувствовал себя легко, свободно, мог откровенно высказать свои мысли, не боясь, что его превут или обидят. В домашних разговорах Михаила Николаевича излюбленной темой было скрипичное дело. Он знал массу историй, связанных с изготовлением скрипок, и десятки профессиональных секретов, которыми охотно делился. С умением истинного мастера, Тухачевский сам создавал превосходные музыкальные инструменты»[210].

Д.Д. Шостакович, в будущем известный композитор, со своей стороны так определяет качества Тухачевского:

«Подкупали его демократизм, внимательность, деликатность. Даже впервые встретившись с ним, человек чувствовал себя словно давний знакомый — легко и свободно. Огромная культура, широкая образованность Тухачевского не подавляли собеседника, а, наоборот, делали разговор живым, увлекательно интересным».

«Каждую свободную минуту — а такие у Михаила Николаевича случались не часто — он старался проводить за городом, в лесу. Порой мы выезжали вместе и, прогуливаясь, больше всего беседовали о музыке. Меня восхищала уравновешенность Михаила Николаевича. Он не раздражался, не повышал голоса, даже если не был согласен с собеседником»[211].

При такого рода качествах Тухачевский, конечно, оказывал большое влияние на окружающих, особенно на женщин. И всем тем, кто представлял для него интерес, кого он отбирал с расчетом на будущее, он тщательно прививал антисталинизм. Все люди, которые окружали Тухачевского, в обязательном порядке отличались именно этим качеством.

Названная выше дама, прославленная своими любовными историями, несомненно, состояла с Тухачевским в любовной связи, а он очень способствовал карьере ее мужа.

Пройдя соответствующую подготовку в разведке, по заданиям своего могущественного любовника, она собирала сведения на интересовавших его высокопоставленных лиц, вовлекала их в свои сети и, тонко их обрабатывая, старалась уговорить вступить с Тухачевским в тайный союз.

231

Что касается самого мужа Гусевой, то он — личность в высшей степени загадочная. Неизвестны (и тщательно почему-то скрываются!) его имя и отчество, должность в 1937 г., вся его карьера и происхождение. Раз эти данные скрываются, то уж, конечно, не просто так! Пока ясно одно: в 1937 г. он работал во внутренней разведке, ведь Тухачевскому нужны были именно такие люди, чтобы обеспечивать безопасность своей организации и выяснять тайные планы своих врагов. В этом смысле на такую роль больше всего подходил бы один из трех названных ниже лиц: 1. Владимир Федорович Гусев — заместитель начальника разведки при Главном морском штабе, прежде — ответственный работник ЦК ВКП(б); 2. Д.С. Гусев — (Дмитрий Соломонович?) — полковник, один из видных руководителей НКВД; в 1941 г. он занимал пост руководителя Гомельского областного управления государственной безопасности (человек Кагановича и Мехлиса!). Ему Мехлис поручил щекотливую миссию — арест бывшего командующего Белорусским военным округом Павлова, направлявшегося из Гомеля в Москву (1941). Но он сделать это не успел, так как последнего «перехватила» спецгруппа, присланная из Москвы. (Ю. Рубцов. Alter ego Сталина. М., 1999, с. 179); 3. Наконец, известен еще один Гусев (без инициалов!) — майор НКВД, производивший в конце войны арест в Харбине лидера русских фашистов из белогвардейцев — Константина Родзаевского. (Д. Стефан. Русские фашисты. Трагедия и фарс в эмиграции 1925—1945. М., 1992, с. 414—415). Возможно, он — одно лицо с предыдущим, хотя чины у них различные.

Но, как бы там ни было, ясно одно: Каганович и Ежов сумели переманить Гусева, прежде сторонника Тухачевского, на свою сторону (вероятно, напирая на то, что Тухачевский сделал его «рогоносцем»!). И Гусев оказал Сталину огромные услуги, способствуя разоблачению тайных дел маршала. Не в этом ли заключается причина «нерасположения» к нему со стороны поклонников Тухачевского? Не потому ли они его всячески замалчивают?!

* * *

Еще одной заметной дамой в этом ряду являлась видная певица Большого театра — Вера Александровна Давыдова. В 1937 г. ей был 31 год. Она находилась в расцвете красоты и таланта, пользовалась бешеным успехом у любителей оперного пения и имела множество поклонников. Замужем была за грузинским актером Мчелидзе, но с ним не жила, имея много серьезных разногласий.

Она родилась в Нижнем Новгороде, отец ее по профессии — землемер. Закончила ленинградскую консерваторию (1930), недолго пела в Ленинградском театре оперы и балета (1929—1932), где ее заметил Киров, а потом и Сталин. Благодаря последнему, ибо вождь любил певцов и певиц, переехала в Москву и стала петь с выдающимся успехом в Большом театре, ей принадлежали ведущие партии в «Хованщине», «Борисе

232

Годунове», «Аиде», «Кармен», в 1-х советских операх («Тихий Дон» и др.). Она успешно и часто выступала в концертах. Обладая прекрасным меццо-сопрано и ярким сценическим дарованием, вполне заслуженно дважды получила Сталинскую премию, имела два ордена и медали, была депутатом Верховного Совета СССР, народной артисткой РСФСР и заслуженной артисткой Грузинской ССР. В конце жизни обосновалась в Грузии на постоянное житье и преподавала в Тбилисской консерватории.

Такова внешняя канва ее жизни. То, что видели и знали все.

Но имелась еще и другая сторона жизни — тайная, кремлевская, о которой знали немногие. Знаменитая красавица певица многие годы находилась в интимной связи со Сталиным. Последний после смерти своей жены тяжело страдал от одиночества, думал устроить личную жизнь новым браком и очень придирчиво и осторожно рассматривал различные кандидатуры. Среди них находилась будто бы сестра Кагановича и даже, как говорили, юная дочь его. Но преимущество имели известные певицы: Валерия Барсова (1892—1967), Наталья Шпиллер, Бронислава Златогорова и даже одна балерина — Ольга Лепешинская[212]. Но больше всего сердце Сталина склонялось к Давыдовой: ее он ценил не только за голос и внешность, но также за ум, такт и сильный характер[213].

Кремлевские «царедворцы», погруженные в страшные интриги и поедом «евшие» друг друга, хорошо видели, куда клонится стрелка компаса, и со всех сторон осаждали певицу знаками назойливого внимания. В их ряду находились: Зиновьев и Рыков (уже низвергнутые со своих постов), опасный Ягода, его преемник Ежов, маршал Буденный, нарком Ворошилов, секретарь ЦК Маленков, начальник сталинской канцелярии генерал Поскребышев, председатель Моссовета, бывший чекист (1918—1922) Булганин, Орджоникидзе, Киров, сибарит Енукидзе, Вышинский, Берия, Тухачевский и его лучший друг — писатель Б. Пильняк.

Кое для кого приходилось время от времени делать «исключение». Но это было связано со смертельным риском: Сталин, человек кавказского темперамента, за обман, нарушение доверия, мог приказать просто уничтожить. Но что было делать при такой сложной обстановке и столь опасных и мстительных «поклонниках»?! Каждый больше всего хотел иметь ее при Сталине своей шпионкой и узнавать через нее, о чем думает «державный властелин».

Ее же сердце легко и быстро склонилось в сторону маршала Тухачевского. Несмотря на то, что она знала ходившие слухи, будто у него в каждом городе имелось по несколько любовниц. Из прочих она больше других ценила Кирова, Маленкова и Поскребышева. Ягода же и Ежов внушали ей просто ужас, особенно первый своей злобой и откровенным цинизмом. О Тухачевском она сохранила навсегда самые лучшие воспоминания и отзывалась о нем так: «Интересный, подтянутый, выутюженный, он мне импонировал».

233

Любовная связь между ними возникла летом 1934 г., еще до смерти Кирова. Певица действительно его любила и даже много лет спустя говорила:

«Радостно и тревожно в его объятиях. Каждая линия его тела казалась мне воплощением мужской красоты. При одном воспоминании о нем меня начинает бросать в дрожь, закипает кровь, по-молодому бьется сердце.

— В.А., я все обдумал. Только одно ваше слово — и разведусь с женой. Нина Евгеньевна, только между нами, перенесла сложную операцию, она тактичная и понимает, что мне нужна здоровая женщина.

Невозможно передать обыденными словами то ощущение высокой радости, которое я испытала от общения с М.Н. Тухачевским. Пришло долгожданное блаженство, мы забыли о бренности жизни, времени, еде, питье, мир для нас кончился.

— Если бы моя власть, запер бы тебя в теремок и приходил бы только ночью»[214].

Тухачевский многие свои важные мысли от нее не скрывал, рассказал ей всю свою жизнь, описал самых примечательных людей, с которыми приходилось сталкиваться, не скрыл и отрицательного отношения к Сталину:

«Осторожно спросила:

— Мишенька, почему убили Кирова? Сергей Миронович — первая и не последняя жертва сталинского террора.

М. Н. помрачнел:

— Мне кажется, что ты не сумеешь меня предать?

— Если сомневаешься, тогда лучше не говори.

— Не обижайся, времена наступили ужасные, смутные. Сталина я давно раскусил. Он маленький кривоногий деспот, корчит из себя Наполеона. В юности неотесанный И. Джугашвили вступил в грузинскую националистическую меньшевистскую организацию «Месаме-Даси». С ними Сосо находился в добрых отношениях до 1917 г. Друзей по партии он без сожалений отдал на растерзание Вячеславу Менжинскому. Зиновьев и Каменев открыто выступали против Ленина и его «Апрельских тезисов». Они были против конфискации земель и национализации банков, оказывали всяческое сопротивление НЭПу. Теперь он пытается с ними рассчитаться. Не смотрите на меня удивленными глазами, так будет со всеми нами. И.В. боялся, что Киров займет его место. Скажите, пожалуйста, кто из диктаторов готов добровольно уступить свою власть? Все годы Киров поддерживал Ленина. На пленумах и закрытых совещаниях СМ., никого не боясь, требовал закрыть или по крайней мере сократить количество концентрационных лагерей. В 1921 году Киров, по инициативе Ленина, стал первым секретарем Центрального Комитета партии Азербайджана. Через пять лет Сталин рекомендовал его на пост руководителя Ленинградской партийной организации, где он заменил ставленника Зиновьева — Евдокимова. Таким образом, Киров стал пол-

234

невластным хозяином Ленинграда и, не считаясь со Сталиным, многие важные вопросы решал самостоятельно. И.В. — малоспособный человек, ограниченный дилетант. Он стремится узурпировать власть и бесконтрольно руководить такой огромной страной. Безнравственностью и жестокостью он превзошел всех русских царей и римских императоров. Любовь народа, которой Сталин так долго и тщетно добивался, пришла теперь сама собой. Он спокойно ею наслаждался. После смерти Ленина, постепенно расправляясь с соперниками, он облегченно вздохнул. Он упивался любовью народа, подхалимы изобретают новые утонченные способы подогревать ее.

— Мишенька, вы человек какого нрава? Простите за откровенность, вы разве лучше их?

— О себе трудно говорить, многих людей, оказавших сопротивление революции, я приказал расстрелять.

— Неужели тебе не знакомы чувство жалости, раскаяния, угрызения совести? Не мучает ли тебя по ночам, что в любой момент может настигнуть возмездие?

— Во всех моих действиях всегда на первом месте стоит гражданский долг. В борьбе, если она справедлива, нет места сентиментальности.

— Ты — потомственный дворянин, помещик, офицер царской армии, родовой аристократ, тебе легко было изменить идеалам, строю, чувствам? Я задаю такие неоднозначные вопросы, потому что впервые в жизни полюбила по-настоящему, без остатка, навечно, навсегда.

Тухачевский расстегнул ворот рубашки, ему стало душно. Мы вышли за ограду сада, долго шли по тихому волшебному лесу. Неожиданно дорогу перебежал быстроногий заяц, на ходу с любопытством посмотрел на нас.

— Верочка, ты спрашиваешь о самом страшном. Ты хочешь, чтобы я вывернул наизнанку душу, обнажил сердце? Мы встретились, стали близкими, но жизнь все равно нас разъединит. Ты это знаешь лучше меня. Я совершил роковую ошибку, за которую сполна придется заплатить. Что может быть у меня общего с неотесанными мужиками Ворошиловым и Буденным, которые путем вероломства приблизились к Сталину и теперь верховодят в Красной Армии? Я — образованный, интеллигентный человек, неплохо разбирающийся в стратегии, всецело зависим от настроения бездарного наркома. Трудно победить косность и юродство сталинского бюрократического аппарата. Моя жизнь, как кинематографическая лента, прокручена до самого конца.

— Мишенька, так что же нам делать?

— Набраться терпения и ждать конца»[215].

В этом рассуждении, чрезвычайно реалистическом, — весь Тухачевский. Это то, что никогда не попадает на страницы лживых учебников и «научных монографий»! Правду всегда старались утаить (так было во все времена), но она все равно пробивает себе дорогу и рано или поздно выходит на свет!

235

* * *

Незадолго до своего конца Тухачевский затеял роман с молодой симпатичной еврейкой Наталией Ильиничной Сац (1903—1993), главным режиссером Центрального детского театра (1936). Эта дама происходила из очень интеллигентной семьи. Отцом ее был известный композитор Московского художественного театра И.А. Сац. Она находилась также в родстве с наркомом просвещения СССР Луначарским (по его жене) и имела возможность выезда за границу.

Сац не рассказывает, как именно она познакомилась с Тухачевским. Но когда в 1937 г. попала в руки людей Ежова, то в письменных показаниях, среди прочего, писала «о нашем общем восхищении М.Н. Тухачевским, его остроумием и музыкальной культурой, десятками его поклонниц»[216] .

Их любовная связь крепла день ото дня, и Тухачевский уже твердо решил расстаться с прежней женой, чтобы вступить в новый брак.

Новая дама сердца была дамой с весьма большим опытом. Первым мужем Н. Сац являлся Н.И. Попов, видный финансист в Москве, торгпред в Польше, потом в Германии. Второй муж оказался фигурой еще более значительной — народный комиссар внутренней торговли СССР Израиль Яковлевич Вейцер (1889—1937, чл. партии большевиков с 1914)[217], до этого член Бунда (с 1906). Еврей из бедной семьи (сын бухгалтера), он умудрился, однако, закончить два курса Казанского

университета (юридический факультет) и Политехнический институт в Ленинграде. Работал в Симбирске, Чернигове, Вятке, Пензе, Туле. Был фанатиком работы; уходил на работу в 9 часов, а возвращался в 4 часа утра следующего дня, часто даже спал в своем учреждении. Вейцер долго вел жизнь аскета, был человеком без семьи. Он пользовался в партии и у партийного руководства большим уважением. За границей у него имелся «белый лист» — все его расходы правительство признавало своими. «Как дорого это было ему и как дешево обходился государству его «белый лист»! Он для меня был идеалом большевика-ленинца», — так говорила о нем жена. (Сац Н., с. 272.) Этапы его карьеры: 1924—1925 — член коллегии Наркомата внутренней торговли СССР, 1927—1929 — начальник хлебофуражного управления, 1929—1930 — нарком торговли Украины, 1930—1934 — зам. наркома внешней торговли СССР и торгпред в Германии, 1934—1937 — нарком внутренней торговли СССР.

Со своим вторым мужем Сац жила в Карманицком переулке (до его ареста 3 ноября 1937 г.). Соседями в доме были самые высокопоставленные лица: наркомфин Г. Сокольников, генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ А. Косарев, зам. председателя Моссовета П. Волков и вечный оппозиционер Л. Каменев с женой Глебовой и 4-летним сыном. Сын Каменева Владимир Львович все-таки остался живым, несмотря на все репрессии (в 1991 г. он преподавал в Новосибирском университете). На семейных фотографиях Н. Сац сохранились изображения мно-

гих видных лиц того времени. С ней фотографировались также А. Косарев и А. Микоян.

Хотя новый брак был решен, заключить его не успели. Ежов, который тщательно следил за всеми делами Тухачевского, велел арестовать Сац и усиленно допрашивал в своем ведомстве, стараясь «вытряхнуть» из нее известные ей секреты маршала. Неизвестно, какие она давала показания, зато известен ее приговор — большой срок в лагере, откуда она вышла лишь после смерти Сталина, когда власть перешла в руки бывшего украинского лидера Хрущева.

В качестве компенсации за перенесенные мучения, а также за труды на театральном поприще она получила три ордена и ряд медалей, звание Героя Социалистического Труда и народной артистки СССР. Она ушла из жизни, оставив интересные мемуары[218], пьесы и либретто детских опер и балетов, много статей по вопросам детского музыкального воспитания.

Ее мемуары чрезвычайно показательны и ярко рисуют облик эпохи. Но, конечно, в них не обо всем говорится. Самоцензура продолжала действовать. Наибольший интерес в связи с Тухачевским вызывает следующий отрывок:

«30-е годы. Чехословакия. Карловы Вары. Лечу печенку. Приехала одна — трогательно позаботился Московский комитет партии (а кто же персонально? — *В.Л.)*. Назначили мне «опекуна». Это — Глеб Максимилианович Кржижановский, легендарный друг В.И. Ленина, инженер электрификатор, укрывавший Ильича от жандармов, автор «Варшавянки»[219].

Глеба Максимилиановича вызвали в Москву, и он передал опеку надо мной Вейцеру».

Отрывок этот очень многозначителен, полон недоговоренностей. Что за ними скрывается? Неопределенно обозначены «30-е годы», а это вполне несомненно 1935 г. — пора яростной вакханалии арестов и расстрелов в Союзе в связи с убийством Кирова, последовавшим затем арестом Зиновьева и Каменева, которых обвиняли в подготовке этого убийства. Среди старых большевиков несталинских группировок — настоящая паника и кружковые совещания: что делать?

Можно быть уверенным, что Кржижановский не просто так выехал вдруг за границу, что здесь он, видно, с кем-то встречался и вел переговоры. Вейцер,

нарком внутренней торговли СССР, еврей, ворочавший очень большими деньгами, ставший в следующем году вторым мужем Сац, тоже оказался за границей, да еще в обществе Кржижановского, конечно, не случайно. Он имел репутацию человека «умного, хитрого и злого», и первый муж Сац, как он сам говорил, интуитивно его не любил. Его следственное дело не опубликовано, и можно лишь предполагать, что он путем «экономии» денег внутри своего наркомата направлял значительные суммы Троцкому за границу. По этой причине и «погорел».
237

Во всяком случае ясно одно: столь крупный человек, как Кржижановский, не просто так взял вдруг на себя обязанности так называемого «опекуна». Что, ему больше нечего было делать, как «опекать» 30-летнюю красотку из театрального мира? Если он это делал, значит, был какой-то очень серьезный интерес политического плана. И весь этот эпизод, как и два ее брака, так и связь с Тухачевским, неоспоримо свидетельствуют, что и она была участницей каких-то закулисных крупных дел!

* * *

Еще одной интересной фигурой, сыгравшей большую роль в описываемых событиях, являлась Жозефина Гензи.

Соблазнительная блондинка с голубыми глазами и прекрасной спортивной фигурой, пышными волосами и прекрасными зубами. Настоящая Гретхен! Она была певицей с чудным голосом и выступала в офицерских клубах, исполняя арии из опер, народные песни и французские легкомысленные шансоны, которые господа офицеры всегда встречали аплодисментами. Ее отличало разностороннее образование. Она знала литературу, поэзию (древнюю и современную), историю различных государств, современную политику, историю войн и видных военачальников, интересовалась живописью и вообще искусством. Легко применялась к любому характеру, умела вести интересную беседу, словом, быть обворожительной. Это признавали даже женщины, которые не любят подобных достоинств, рассматривая таких дам, как опасных соперниц в своих любовных делах.

Жозефина имела массу поклонников, начиная от младших офицеров и кончая старшими, находившихся уже в генеральских званиях. Те, кто имел более близкое знакомство, знал за ней и другие достоинства: цветущее здоровье, умение быстро бегать, отлично плавать и даже метко стрелять, умело вести машину и мотоцикл. Она любила быструю верховую езду (настоящая амазонка или валькирия!), поездки вдвоем, душевные разговоры, воспоминания и игру в аристократический теннис. Играла очень хорошо, что всегда удивляло поклонников.

О себе говорила, что происходит из потомственной военной датско-французской семьи, что и наложило отпечаток на ее воспитание. Отец — офицер, представитель Французской республики в Дании. Здесь он женился на местной девушке, чьи родители принадлежали к местной политической знати. Дед ее — Адам Мольтке (1785—1864) — видный государственный деятель Дании, занимавший посты министра финансов, министра иностранных дел и даже премьер-министра. Дед из Франции — тоже не маленькая величина: генерал Гонзу, один из руководителей французского военного министерства. Ее прадед и прапрадед служили старшими офицерами у императора Наполеона — покорителя Европы, дед— у императора Наполеона III (1808—1883), проигравшего
238
пруссакам свою империю в битве при Седане (1870). Ее дед — участник этого сражения, получивший там тяжелую рану. В семье всегда господствовал культ Наполеона Великого, и свое имя Жозефина получила в честь его первой жены —

красавицы креолки. От отца она хорошо знает повседневную жизнь французской армии и ее руководителей: начальника генерального штаба Буадефера, военных министров Бийо, Цурлиндера, Кавеньяка (Эстергази называл его «ослом» и «паяцем»), военного губернатора Парижа, похотливого старика Соссье, генерала Мерсье, злобного фальсификатора, врага Дрейфуса. Немало знает о президентах Ф. Форе, К. Перье и Э. Лубе. Со слов отца, знает о безобразной истории с осуждением невиновного 35-летнего французского офицера Альфреда Дрейфуса (1859—1935); его осудили только потому, что он являлся евреем и богачом (в Париже с 1850 г. существовал концерн «Дрейфус», основанный банкиром из Швейцарии, который занимался экспортом зерна и спекуляциями). Обвиняли же его, Дрейфуса, в шпионаже, в работе на кайзера Вильгельма П. Но на самом деле шпионом являлся выходец из Венгрии, самозваный граф Эстергази (именно он торговал секретными документами Генерального штаба, продавая их Германии, России, Англии, Италии и Австрии). В конце концов разоблаченный, он бежал в Англию, где и умер. Эстергази — тип авантюриста: кончил военную академию в Вене, участвовал в австро-прусской войне, служил во французском Иностранном легионе, потом попал на работу в генеральный штаб. Освобожденный от наказания каторгой, Дрейфус был помилован президентом (1899), а после острой общественной борьбы в 1906 г. оказался полностью реабилитирован и возвращен на военную службу.

Много интересного дед рассказывал и о немецком военном атташе полковнике Шварцкопене, который купил Эстергази и сделал его шпионом, о служаке из унтер-офицеров майоре Анри, которого прикончили в тюрьме собственные начальники в силу скандала, о его начальнике полковнике Сандере из Второго бюро, что ведает контрразведкой, также о полковнике Пикаре. Он с большим риском для себя сумел оправдать Дрейфуса. И о том рассказывал дед, как капитан Вейль, прибывший в контрразведку из запаса, с помощью своей жены-красавицы, родом из Австро-Венгрии, попал в штаб генерала Соссье, военного губернатора Парижа: та стала его любовницей и прибрала к рукам глупого старика. А еще он рассказывал о работе русской разведки в Париже, где всеми командовал военный атташе барон Фредерике, игравший затем большую роль при дворе покойного Николая II.

Много Жозефина рассказывала интересного и на другую тему: о жизни Наполеона I и Наполеона III, о знаменитых маршалах Наполеона и коварном Фуше, о прохвосте Талейране, о Коленкуре, о неудачном походе в Россию, о королях Франции Людовиках, о знаменитой мадам Помпадур, влиятельной королевской любовнице, о широко известных авантюристах графе Сен-Жермене, Казанове и Калиостро, о

неудачных маршалах Базене и Мак-Магоне, приведших императора к позору Седана. И о том она могла поведать, как после этого поражения император Наполеон III жил в плену — в знаменитом кайзеровском дворце в Вильгельмсхое, под Касселем. Это было чудесное место, воспетое поэтами, — с огромной статуей могучего Геракла, видной издалека, прекрасным садом и всемирно известным каскадом, который как могучий водопад, рассеивая брызги, с большой высоты низвергался в парковое озеро. Жозефина всегда говорила о своем глубоком восхищении гением фельдмаршала Мольтке-старшего (1800—1891), организаторе выдающихся военных побед.

Дама столь выдающихся достоинств неизбежно должна была попасть в поле зрения немецкой разведки. Последняя очень любила использовать женщин-разведчиц и считала их работу высокоэффективной (знаменитая танцовщица Мата Хари, о которой много писали, считалась одним из лучших образцов). Да и

как было не обратить внимания на такую привлекательную даму, которая происходила из потомственной военной семьи, не была связана брачными узами, знала четыре языка (французский, английский, немецкий и польский) и вращалась все время в военной среде — часто среди высшего офицерства, обладала высокой интеллигентностью и очень большой привлекательностью?!

Канарис, глава абвера, лично завербовал ее, собрав на нее значительное досье. Вербовка прошла достаточно легко. С ее стороны было лишь одно пожелание: не работать против Франции, родины ее отца. С этим Канарис легко согласился: имелось много и других направлений разведывательной работы.

Итак, после тщательного обучения в немецкой разведывательной школе в Лоррахе, в Баварии (где обучалась и знаменитая Мата Хари!), новый агент начала свою секретную разведывательную деятельность, разъезжая, как и прежде, с концертами по разным городам, но уже за пределами Германии и целенаправленно собирая военную информацию и вербуя новых подходящих агентов.

Радиус поездок становился все шире: Бельгия, Голландия, Англия, Чехословакия, Югославия, Польша, Румыния, Австрия, Венгрия, Прибалтика. Бывала она и во Франции, но с поручениями безобидного свойства.

И, наконец, после большой подготовки, наступил черед России. Гитлер думал о возможной войне с ней и был очень озабочен формированием немецкой военной агентуры в Красной Армии. На помощь Кестрингу в Москве Канарис и решил отправить эту свою протеже, успевшую стать «звездой» первой величины в его разведывательной сети, в столь обширной, какой Германия не имела никогда. Главным объектом внимания и вербовки должен был стать сам маршал Тухачевский и его ближайшие соратники, а также ряд дипломатических и советских работников, на которых немецкая разведка давно собирала материалы — в расчете на их шантаж и вербовку.

240

Все ли знал Канарис о собственном агенте? Он думал, что все. Неизвестно, однако, точно: знал ли он, что его гордость и наилучшая немецкая разведчица, которая высокопоставленным лицам зарубежья обычно говорила с легкой улыбкой: «Рейхсминистр Риббентроп — мой сводный брат!» — на самом деле агент-тройник, одновременно ведущий работу на разведки Германии, Дании и Франции, что специальную подготовку она получила именно во Франции, в разведшколе Второго бюро, поскольку ее близкие работали в разведке и контрразведке.

Возможно, что Канарис о том догадывался, а может, и знал, ибо прекрасная разведчица, показавшая свою высокую полезность, закрепила отношения с адмиралом полезной любовной связью.

Во всяком случае, знал Канарис или только догадывался, к такого рода «шалостям» он относился снисходительно, находя подобную линию действий вполне обычной для разведки, когда тем более имелось налицо наполовину французское происхождение.

Надежда и гордость Канариса с данным ей поручением справилась блестяще, вступив в контакты с Тухачевским и многими его сторонниками и рядом оппозиционных деятелей из Наркомата иностранных дел. Каждого она очень искусно вовлекала в любовную связь, а потом, прибрав к рукам, вербовала на работу для немецкой разведки, что было, как оказалось, не очень трудно, так как оппозиция отчаянно нуждалась «в своих» людях в немецкой разведке и рейхсвере.

Тухачевский, как кажется, пошел на эту вербовку без особых угрызений совести. С советским режимом и искренней партийностью он уже давно

внутренне порвал; связь с лучшей разведчицей рейха и абвера, любовницей самого Канариса, давала надежду укрепить отношения с последним, создав обстановку личного доверия, что в деле заговора было очень важно.

Сталин, получив материалы о деятельности немецкой разведки от Ежова, деятельность Жозефины Гензи оценил высоко, сказав о ней с несомненной досадой: «Она красивая женщина. Разведчица. Завербовала на базе бабской части Тухачевского, Карахана. Она же завербовала Енукидзе. Она держала в руках Рудзутака»[220].

Но детали взаимоотношений завербованных с немецкой разведчицей в настоящее время открыть мы еще не можем: сведений пока нет. Это работа для будущего. Это особая глава[221].

* * *

Известны имена и еще двух любовниц, но те как будто особо доверенными связными не были: Тухачевский их отверг, полагая, что им недостает ума.

Первая — вдова Максима Пешкова, сына М. Горького, Надежда Алексеевна Пешкова, бывшая художницей, игравшая заметную роль в доме писателя. Ягода приставил ее, свою любовницу, тайно наблюдать

за «Буревестником». Тухачевский вступил в связь с любвеобильной «Тимошей» (так звали ее близкие) с намерением использовать ее для своих целей — в том числе и для негласной связи с Ягодой, но быстро в ней разочаровался.

Другой дамой была Шура Скоблина, племянница белогвардейского генерала Скоблина, одновременно тайного агента НКВД. Ягода приставил ее к Тухачевскому, видно, тоже свою любовницу (на том уровне такие дела часто практиковались), с приказом тщательно следить за ним и доносить ему о всех разговорах и контактах маршала. Та послушно вела слежку и несколько лет писала на него тайные доносы, которые становились все более озлобленными, так как она по натуре оказалась очень ревнива и «внимание» Тухачевского к другим дамам ее крайне оскорбляло.

Докладные записки этих дам до сих пор не опубликованы. А между тем они содержат чрезвычайно интересный материал. Но поклонники Тухачевского трусят ввести их в оборот: слишком неблагоприятный материал они содержат.

Лидия Норд (Северная[222]), сумевшая эмигрировать во Францию и написавшая там воспоминания о Тухачевском, оставила интересную зарисовку беседы маршала, снятого с должности зам. наркома, и его близкого друга Гамарника, начальника Политуправления РККА. Беседа происходила у последнего на дому во время его болезни.

«Кто-то под тебя, Михаил Николаевич, сильно подкапывался последнее время, — сказал он. — Но, между нами говоря, я считаю, что все обвинения ерундовые. Зазнайство, вельможничество и бытовое разложение, конечно. Бабы тебя сильно подвели — эта твоя блондинка, Шурочка. И «веселая вдова» — Тимоша Пешкова». — «Со Скоблиной я уже несколько лет тому назад порвал, — ответил Тухачевский, — а за Надеждой Алексеевной больше ухаживал Ягода, чем я». — «А ты со Скоблиной не виделся, когда вернулся из Англии, не привозил ей подарков?» — «Не виделся и никаких подарков не привозил. Она мне несколько раз звонила по телефону, но я отвечал, что очень занят». — «И лучше не встречайся с ней больше. И с Ягодой не соперничай. А в остальном положись на меня. Обещаю тебе, что постараюсь это всё распутать, и уверен — ты недолго будешь любоваться Волгой, вернем тебя в Москву».

Михаил Николаевич вернулся от Гамарника несколько успокоенный, но возмущаться не переставал. «Когда у нас хотят съесть человека, то каких только гадостей ему не припишут, — говорил он, шагая по комнате. — Разложение. Три

раза был женат. Ухаживаю за женщинами. Вот наш мышиный жеребчик — Михаил Иванович Калинин — отбил Татьяну Бах от Авербаха и третий год содержит ее в роскоши, и ЦК партии покрывает все «Бах-Бахи» всесоюзного старосты».
242
* * *

Лидия Воронцова — наиболее таинственное лицо среди всех перечисленных. На Западе тоже не знали ее биографии, но было известно (через оппозиционные элементы в НКВД), что она сыграла очень видную роль в разоблачении Тухачевского, поскольку входила в его группу и работала на него, была арестована и выложила в НКВД, что знала.

Неизвестно, где она родилась, какова настоящая фамилия. Возможно, что Воронцова — фамилия ее мужа. Тогда наиболее вероятно, что она — жена Михаила Воронцова (1900—1986, чл. партии с 1924), капитана первого ранга (1939—1941), советского военно-морского атташе в Берлине перед войной, позже контр-адмирала. Берия его не любил и старался испортить ему карьеру, так как тот угодничать не любил. Его донесения в Москву до сих пор не опубликованы, хотя это давно следовало сделать и опубликовать его воспоминания, если они есть в рукописи. Жена Воронцова, как это было в обычаях того времени, выступала его помощницей.

Какой она национальности? Весьма вероятно, что еврейка, поскольку евреи в разведке играли большую роль и в этой сфере прекрасно работали (очень помогали международные еврейские связи и даже связи с сионистами, которые считали допустимым «обмен услугами»).

Если правильно первое предположение, то, наверное, будет истинно и вторые: что она связана была с Одессой, крупным революционным центром и городом очень еврейским, откуда родом многие разведчики, политические деятели, работники ВЧК, НКВД.

Поскольку деятельность и Якира в самом начале Гражданской войны связана именно с Одессой, то почти неопровержимым можно считать утверждение, что она уже в этот период познакомилась с ним, принимала участие в боях его отряда, потом уже работала в разведке.

От Якира после Гражданской войны перешла в ЧК и по линии ИНО решала разведывательные задачи в соседних странах (Румыния, Австрия, Польша, Литва, Германия).

Затем, в 30-е годы, работала в центральном аппарате ИНО НКВД, подчиняясь корпусному комиссару Артуру Артузову (1891—1937) и его преемнику, комиссару государственной безопасности 2-го ранга Абраму Слуцкому (1898—1938), доверенным лицам Ягоды, тайным членам троцкистской оппозиции.

Якир после долгой ее работы на базе Киевского военного округа передал любовницу в окружение своего друга Тухачевского, как человека достаточно проверенного.

Удалось ли ей избежать тюрьмы и лагеря по «делу Тухачевского»? Скорее всего, да. К смягчающим обстоятельствам должны были отнести:

1. Безупречное прошлое и большие заслуги по линии разведки.

2. Блестящую подготовленность в своем деле, что давало возможность дальнейшего ее использования в интересах дела.
243

3. Большую помощь в изобличении преступных дел Тухачевского.

Если данное предположение правильно, то кажется самым вероятным, что ее затем перебросили для продолжения разведывательной работы во Францию под именем таинственной Лидии Норд, — той самой, что написала блестящие

воспоминания о Тухачевском, полные точных подробностей, которые может знать лишь очень близкий человек.

Выполнение подобных заданий требовало, естественно, вполне специфических качеств. Что это означает, хорошо видно на примерах других работников подобного рода — Зои Рыбкиной (Воскресенская, ав- тор известных книг) и ее мужа, работавших в Швеции. Павел Судоплатов, один из видных руководителей в НКВД, специалист по разведке, диверсиям и террору, вспомнил о них в своей книге («Спецоперации. Лубянка и Кремль, 1930-1950 годы». М., 1997, с. 434-435):

«В годы войны Рыбкин и его жена руководили нашей резидентурой в Стокгольме. Одна из их задач заключалась в поддержании контактов с агентурной сетью «Красной капеллы» в Германии через шведские каналы. Жена Рыбкина известна многим как детская писательница по книгам «Сердце матери», «Сквозь ледяную мглу», «Костры» и др. Она печаталась под своей девичьей фамилией Воскресенская. В дипломатических кругах Стокгольма и Москвы эту русскую красавицу знали как Зою Ярцеву, блиставшую не только красотой, но и прекрасным знанием немецкого и финского языков. Рыбкин, высокий, прекрасно сложенный, обаятельный человек, обладал тонким чувством юмора и был великолепным рассказчиком. Супруги пользовались большой популярностью среди дипломатов в шведской столице, что позволило им быть в курсе зондажных попыток немцев выяснить возможности сепаратного мирного соглашения с Соединенными Штатами Америки и Великобританией без участия Советского Союза. Кстати, немецкая разведка в провокационных целях распространяла в Стокгольме в 1943—1944 годах слухи о возможных секретных переговорах между СССР и Германией, о сепаратном мире без участия американцев и англичан.

Рыбкины принимали активное участие в подготовке и оформлении секретных экономических соглашений».

Вот такова же была и Лидия Воронцова, которая в ходе своей деятельности, как и другие, не раз меняла свое имя и фамилию, а заодно и биографию для той страны, куда она отправлялась.

Последнее ее задание, как кажется, было связано с США, где она являлась «ловцом атомных секретов» и налаживала связи с людьми, которые могли в данном деле помочь. Именно по этой причине в число ее любовников попали сын Шаляпина, пианист С. Рахманинов и сам великий физик Эйнштейн. Из всего сказанного становится понятным, почему ее биография до сих пор замалчивается, хотя уже оглашены биографии самых великих злодеев: Ягоды, Ежова, Берии, Меркулова, Серова и многих других из известного ведомства.

244

Но охота за «атомными секретами», хотя и написано на эту тему порядочное количество статей и книг[223], содержит еще много тайн, которые не спешат открывать.

Если это не случайное совпадение фамилий, то тогда Лидия Воронцова и Маргарита Ивановна Воронцова (1902—1980), дочь адвоката из Сарапула, возможно, одно и то же лицо. Как и Лидия Грозовская (в 1937 г. ей было 35 лет), разведчица ИНО НКВД, принимавшая участие в «ликвидации» в Швейцарии Игнатия Рейсса (1899—1937), разведчика НКВД, капитана госбезопасности, награжденного орденом Красного Знамени, перебежавшего на сторону Троцкого и отправившего Сталину в Москву дерзкое письмо. Это был очень крупный разведчик, связанный с Коминтерном, работавший в Германии, Австрии, Чехословакии, Голландии, Швейцарии и Франции. Есть известная вероятность, что Лидия Грозовская и Маргарита Воронцова одно и то же лицо. Во всяком

случае, по своим качествам они очень походили друг на друга и в разведке все сыграли вовсе не маленькую роль.

* * *

О Маргарите Ивановне удалось найти некоторые новые подробности.

Родной город ее Сарапул на берегу реки Камы — крупный центр кожевенно-обувной промышленности, с большой торговлей и связями, высоким благосостоянием и уровнем культуры по тому времени.

Дочь преуспевающего присяжного поверенного, женатого на красивой еврейке из торговой семьи, имевшей большие родственные связи в Германии, она, по желанию отца, перебралась в Москву. Училась на юридических курсах и жила в семье друга отца, доктора Бунина (1916). Принимала участие во всех сходках «левой» молодежи, читала революционные листовки и литературу, очень интересовалась искусством и живописью, знала поэзию, включая современную, умела хорошо музицировать. Свободно говорила по-немецки и по-английски, поскольку прилежно училась в гимназии и на этих языках говорили дома; позже легко выучила французский, польский и испанский, весьма необходимые в ее вояжах. Обладала смелостью и выдержкой, быстрым и сообразительным умом. Занималась спортом, обожала езду на лошади и теннис. Имела много молодых поклонников, с которыми ходила в музеи и на концерты, любила пение и танцы, была компанейским человеком, имела массу обаяния, славилась своей привлекательностью.

Скульптор С. Коненков (1874—1971) однажды весной 1916 г. увидел ее фото у своего приятеля-скульптора Петра Бромирского (1886—1919) и сразу в нее влюбился. Позже он о ней вспоминал:

«Девушка на фотографии была так прекрасна, что показалась мне творением какого-то неведомого художника. Особенно прекрасен был поворот головы и руки — необыкновенно красивые руки, с тонкими,

изящными пальцами, были у девушки на фотокарточке. Таких рук я никогда не видел»[224].

Коненков упросил приятеля их познакомить. Они пришлись друг другу по душе и нередко встречались. Но прошло почти 7 лет (весна 1922), прежде чем они вступили в брак, испытав чувства друг друга. Известному скульптору было уже 48 лет, его молодой жене — 26. За плечами у нее имелась большая школа: участие в революции и Гражданской войне, учеба в школе разведки ЧК, подготовка к работе в антисоветских и белогвардейских кругах. Как прекрасного и ценного работника ее высоко ценили Дзержинский и его сотрудники. Ибо в ней сочетались большой ум и шарм, прекрасное знание человеческой психологии, невероятное хладнокровие и выдержка, умение выпутываться из всех опасных ситуаций.

Перед Отечественной войной 1941—1945 гг. она вместе с мужем Михаилом Воронцовым[225], военно-морским атташе, находилась в Берлине в качестве его помощницы. Они жили в большом особняке в Грюневальде и охотно принимали всякое общество. В. Бережков, первый секретарь советского посольства с декабря 1940 г. и до начала войны с Германией, вспоминал позже атмосферу встречи Нового года:

«Как и все дома в затемненном Берлине, особняк нашего военно-морского атташе снаружи казался нежилым. Но внутри было светло, тепло и оживленно. Хозяйка дома — высокая стройная брюнетка — подносила каждому новому гостю, зябко ежившемуся после промозглой берлинской погоды, чарку водки. Кое-кто, видимо, уже успел повторить эту процедуру: в комнате становилось

шумно. Все чувствовали себя непринужденно, а в соседней комнате гостей ждал длинный, по-праздничному убранный стол.

Радио было настроено на Москву. За несколько минут до 12 Михаил Иванович Калинин поздравил советских людей с Новым годом. Мы сели за стол. Раздались выстрелы бутылок шампанского В эти минуты все, казалось, забыли о повседневных делах и заботах. Отовсюду сыпались остроты, сопровождавшиеся взрывами смеха. Мы поздравляли друг друга с Новым годом, провозглашали тосты за то, чтобы наступающий год был для нашей Родины еще одним мирным годом. Мы не знали тогда, что в уже наступившем 1941 году начнется самая тяжелая и кровопролитная война в истории нашего народа. В ту ночь война, казалось, была где-то далеко. Налета английской авиации не было, мы приятно провели время и разъехались по домам лишь в шестом часу утра»[226].

Весьма интересно отметить тут степень секретности Воронцовой: даже в 1966 г. (!), через 25 лет после войны, Бережков, сам разведчик, дипломат и переводчик, участник многих международных конференций, имени Воронцовой и фамилии даже не называет, не то чтобы дать ее фотографию или биографию. Уж, конечно, неспроста вводилась относительно данной дамы такая секретность!

После войны с фашизмом, достаточно поколесив ради выполнения разведзаданий по Европе, Воронцова осела в начале 50-х годов в Запад-
246
ной Германии, во Франкфурте-на-Майне, где основала «Салон красоты» с очень красивыми девушками, куда стали часто приходить дельцы и спекулянты, чиновники, дипломаты и старшие офицеры. «Салон» занимался теми же делами, что и «Салон Китти» при Гитлере, где всем командовал швед Рауль Валленберг: он тайно записывал все разговоры, все любовные усилия клиентов в постели, а затем вербовал неосторожных для работы на иностранную или немецкую разведку.

Особенно блестящих результатов Воронцова добилась в начале 60-х годов, когда с помощью своего «Салона» сумела завербовать 44-летнего сержанта армии США Глена Рорра, ведавшего в учебно-оперативном центре ЦРУ Германии проверкой сотрудников на детекторе лжи. В силу этого он знал почти все секреты центра и всех его тайных агентов, отправлявшихся на Восток для шпионской деятельности.

В начале 1965 г. Popp оказался разоблачен ЦРУ, в газетах разразился страшный скандал. «Салон» пришлось закрыть, Воронцову отозвали в Москву. Провал казался очень досадным, но результаты работы оказались великолепными: сотни американских агентов попали в руки КГБ, 20 лет работы ЦРУ погибли самым жалким образом, вызвав в Ленгли множество склок.

Реально оценивая этот результат, довольное начальство присвоило ей чин полковника. После этого она несколько лет трудилась в центральном аппарате — советником по делам секс-шпионажа в Западной Германии. А затем, заскучав в обществе стариков с их интригами, стала проситься «на более живую работу». И ее отправили директором секс-школы при разведке, функционировавшей недалеко от Казани, в закрытом поселке Верхоной. Здесь готовили специальных агентов из мужчин и девушек, отбирая последних среди добровольцев, вполне подходящих по внешности, уму и характеру.

Воронцова пользовалась среди них большим авторитетом, так как все знали, что в недалеком прошлом их наставница являлась выдающейся разведчицей. Она отличалась подтянутостью, прекрасным здоровьем, шармом и простотой, девушки звали ее по имени — Лидией. О ней отзывались так:

«Она была красива, умна и расчетлива, выглядела намного моложе своих лет и на собственном опыте прошла все то, чему обучала «ласточек»»[227] .

В начале 70-х Воронцова вышла в отставку. Оставшиеся годы она жила на даче, с удовольствием занималась садом, книгами, искусством, собирая вокруг себя внуков и молодежь, среди которых по привычке искала подходящих для своей работы людей.

Неизвестно, написала ли она мемуары на склоне лет. Жизнь пришлось прожить весьма бурную, рассказать можно было бы о многом. Но вряд ли страницы воспоминаний доставили бы удовольствие начальству: слишком многие низости пришлось бы тогда открыть.

Как бы там ни было, Лидия Воронцова могла чувствовать известное удовлетворение: жизнь удалось прожить долгую, приятную и очень

интересную, по работе ей пришлось узнать Варшаву, Софию, Белград, Прагу, Женеву, Париж, Лондон, Мадрид со всеми их достопримечательностями. А среди ее любовников числились самые знаменитые люди: А. Артузов, С. Урицкий, Я. Берзин, Г. Ягода, Н. Ежов, Л. Берия и даже три маршала — М. Тухачевский, А. Егоров и С. Буденный. Это только соотечественники. Воистину, как тут не вспомнить изречение Шиллера, великого немецкого поэта:

«Свободным от страстей еще никто не рождался».

Следует прибавить и еще кое-что интересное. Тайная политика Коминтерна, направленная на внесение революций в Западную Европу и завоевание новых приверженцев, нередко создавала удивительные, невероятные ситуации. Вот любопытный пример. Известно, что основателем нацистской партии Германии вместе с Гитлером являлся слесарь Антон Дрекслер (1884—1942). А секретарь Г. Зиновьева, его эмиссар при КПГ (1922-1923), ФКП (1924-1925), в Латинской Америке (1929-1933), видный работник Коминтерна, член ЦК КПГ, негласный разведчик НКВД, работавший также в США, дважды сидевший в собственной тюрьме (1936—1938 и 1950)[228], Яков (Абрам) Яковлевич Гуральский (Хейфиц) (1890—1960, чл. партии с 1919, с 1904—1919 — член Бунда) был женат на Эстер Дрекслер[229].

Вот и возникает пикантнейший вопрос: не являлась ли названная дама сестрой или бывшей женой соратника Гитлера?! «Семейно-любовные комбинации» на верхах очень в то время почитались! Так, жена Ворошилова еврейка Горбман была во времена молодости любовницей темпераментного грузина Авеля Енукидзе, а жена еврея Пятницкого стала женой Рыкова!

Такого рода обмен женами и любовницами у видных политиков, революционеров и мятежников давал дополнительный источник для создания особо доверительной и важной связи (разумеется, нелегальной!).

* * *

Может быть, кто-нибудь из поклонников Тухачевского и его друзей пожелает возразить, сказав: «Не надо так преувеличивать роль женского шпионажа. Он никогда не играл большой роли в истории. Поэтому думать, что немецко-датская разведчица сумела сыграть столь большую и зловещую роль в истории Тухачевского, совершенно неправильно».

На это возражение можно ответить так: «Ничего подобного! Женский шпионаж играл большую роль в истории. Немцы же и французы особенно любили использовать красивых женщин в разведке».

Приведем некоторые примеры, которые хорошо знают специалисты: «На службе Терло[230] находились и женщины-разведчицы. В мае 1655 г. в роялистских кругах Антверпена появилась молодая красивая Диана Дженнингс. Она ловко изображала вдову недавно убитого на дуэли роя-

листа — не существовавшего на свете кузена графа Дерби. Диана произвела сильное впечатление на полковника Роберта Фелипса, который с готовностью взял на себя заботы об интересной леди. Немало смеялись приятели Фелипса, когда вскоре выяснилось, что мнимая вдова была явной обманщицей. Однако они зубоскалили бы значительно меньше, узнав, что Диана Дженнингс за время своего флирта с Фелипсом сумела разузнать у него все детали подготовлявшегося им и несколькими другими кавалерами покушения на Кромвеля. Заговорщики намеревались застрелить лорда-протектора и бежать под прикрытием вооруженного отряда в 50 человек. Диана Дженнингс быстро села в Дюнкерке на корабль, идущий в Англию, и вскоре уже сумела передать Терло список участников заговора, а также адрес «почтового ящика», через который они вели переписку со своими сообщниками».

«В годы реставрации Стюартов подвизалась в качестве разведчицы Афра Бен, получившая известность как автор популярных романов. Дочь губернатора Суринама, она по возвращении в Англию вышла замуж за голландского купца Бена. После смерти мужа Афра Бен стала куртизанкой, одной из многочисленных любовниц Карла II, а позднее 4- первой профессиональной писательницей в Англии. В 1666 г. Афра Бен была послана в Голландию следить за бежавшими туда после Реставрации республиканцами. Она нашла свою новую работу крайне невыгодной — правительство платило так скупо, что разведчица должна была заложить свои золотые кольца.

Большого успеха удалось достигнуть в начале XVIII в. французской разведчице мадам де Тансен. Министр иностранных дел Франции Торси представил Тансен английскому министру, знаменитому Болинброку. Француженка произвела столь сильное впечатление на англичанина, что скоро сумела получить доступ к секретным государственным бумагам. Французское правительство постоянно подсылало к иностранным дипломатам своих агентов-женщин. Так, в отношении герцога Дорсете -кого, бывшего послом во Франции в 80-е годы XVIII в., эта роль была поручена актрисе Бачелли. Однако она явно «переиграла», когда, сняв с герцога высший английский орден Подвязки и нацепив его на себя, танцевала в таком виде на сцене Парижской оперы».

«Одной из наиболее важных союзных разведчиц была Луиза Беттиньи. Родившись в аристократической, но обедневшей семье во Франции, она получила образование в Оксфордском университете, а потом служила гувернанткой в богатых немецких и бельгийских семействах. Луиза безупречно говорила на нескольких языках. Во время наступления германской армии в Бельгии в августе 1914 г. Луиза Беттиньи бежала в Англию, и здесь ее быстро убедили поступить на службу в союзную разведку. Получив фальшивые документы на имя Алисы Дюбуа, кружевницы, Луиза вернулась на бельгийскую территорию, занятую немецкими войсками. «Кружева» ее работы не могли понравиться немцам. В созданную Луизой разведывательную организацию вступили химик де Жейтер, из-

готовлявший чернила для тайнописи, картограф Поль Бернар, оказавшийся способным шифровальщиком, и другие лица. Вскоре число членов новой организации превысило три десятка. Ближайшей помощницей Луизы Беттиньи стала Мария-Леони Ванутт («Шарлотта») из города Рубэ. Им удавалось доставлять донесения в Голландию английскому разведчику майору Камерону. Луиза постоянно меняла систему передачи информации — сегодня донесение находилось в плитке шоколада, завтра его засовывали в протез старого инвалида, чтобы послезавтра спрятать прозрачную бумагу с микроскопическими знаками

шифра под глянцевидной поверхностью фотографии, наклеенной на паспорте «Алисы Дюбуа».

Самообладание не покидало Луизу Беттиньи при частых арестах. Однажды Луиза и Мария-Леони находились в поезде, всех пассажиров которого тщательно проверяла немецкая контрразведка. Обе девушки проползли под составом до вагона, в котором уже была закончена проверка, и счастливо избежали опасности. В другом случае Луизу допрашивала немецкая полицейская, которая не только заставила арестованную раздеться догола, но смазала ее кожу особым составом, надеясь проявить тайнопись. Однако донесение было запрятано у Луизы в небольшом шарике, который она держала под языком. Чувствуя, что при дальнейшем обыске не удастся сохранить донесение, разведчица поспешно проглотила шарик, но немка заметила глоток. Она потребовала, под видом заботы об арестованной, чтобы та выпила стакан молока, в котором было растворено рвотное. Луиза инсценировала припадок кашля и выронила переданный ей стакан. За время, пока подготовили бы новый стакан с рвотным, шарик все равно уже успел бы раствориться. Уничтожив единственную улику, Луиза Беттиньи вырвалась на свободу.

Много раз ее предупреждали об опасности, и она избегала арестов. Сначала провокатор выдал Марию-Леони. Луиза была в Голландии, но предупреждение, посланное ей, чтобы она не возвращалась в Бельгию, запоздало. Некоторое время немецкая контрразведка наблюдала за разведчицей, пытаясь выявить ее связи, а потом арестовала. Луиза Беттиньи и Мария-Леони Ванутт были приговорены к смертной казни, которая потом была заменена многолетним тюремным заключением. Луиза Беттиньи умерла в немецкой тюрьме незадолго до окончания войны. Мария-Леони была освобождена после поражения Германии.

Не менее известной разведчицей была... Но перенесемся мысленно в захваченный немцами Брюссель. Там в доме № 68 по Театральной улице квартировал в то время молодой немецкий лейтенант Хеннинг. Он снимал две комнаты — одну для себя, другую для своей любовницы. Комната лейтенанта всем своим видом демонстрировала, что здесь проживает военный — повсюду валялись топографические карты, а на столе стояли в рамках фотографии наиболее известных генералов и фельдмаршалов германской армии. Лишь одна фотография резко контраста-

решала с фотографиями грузных стариков в пышных мундирах, усыпанных орденами. Это была фотография хорошенькой возлюбленной Хеннинга. Кое-кто из жителей бельгийской столицы мог бы сказать, что молодую красавицу, изображенную на фотографии, зовут Габриела Пети. Однако вряд ли даже кто-либо из них догадался, что Габриела играла разом две роли — и возлюбленной немецкого офицера, и самого лейтенанта Хеннинга!

Габриела Пети родилась в Турне в 1893 г., так что к началу войны ей был 21 год. Она рано лишилась матери и воспитывалась в монастыре, где научилась бегло говорить по-немецки. Впоследствии она переехала к тетке в Брюссель и служила продавщицей в одном из модных универсальных магазинов столицы. Война нарушила планы Габриели, собиравшейся вскоре выйти замуж. Жених Габриелы вместе с ней перешел голландскую границу и вступил в бельгийскую армию во Франции. Но Габриела вернулась в Бельгию.

Еще ранее девушка вошла в организацию, взявшую на себя переправку в нейтральную Голландию французских и английских военнопленных, а также бельгийцев, желавших вступить в бельгийскую армию, которая сражалась во Франции против немцев. Одним из руководителей этой организации была английская медицинская сестра Эдит Кавелл, позднее казненная немцами по

обвинению в шпионаже. Вскоре Габриеле удалось использовать свои актерские способности. Она остригла коротко волосы и стала часто переодеваться в мужское платье, в том числе и в мундиры немецких офицеров. Есть сведения, что в военном мундире она пробиралась даже на фронт. Считают, что именно Габриела была тем таинственным лейтенантом в Аррасе, который был замечен в подаче сигналов английским и французским войскам, но сумел скрыться.

Габриела Пети работала в тесной связи с Алисой Дюбуа. Вместе с другими участниками бельгийских тайных организаций Габриела была связана с английской разведкой. Несколько раз она тайно переходила границу и ездила в Англию. Целая армия немецких сыщиков стала охотиться за ней после того, как германская контрразведка получила сведения о деятельности Габриелы. Не раз ее спасал счастливый случай. Так, когда она впервые после длительной тренировки перед зеркалом поехала в офицерском мундире на поезде из Лилля в Гент, ее сразу же заподозрил сидевший в том же купе германский капитан. В отель Габриела прибыла в сопровождении своего нового знакомого — капитана. Вскоре она скрылась через боковую дверь, оставив на вешалке шинель. Вернувшись на свою квартиру, она обнаружила слежку и спешно уничтожила все компрометирующие вещи, включая военное обмундирование. Ей удалось ускользнуть от агентов и даже вернуться в отель уже в качестве продавщицы газет. Она слышала, как капитан и представитель тайной полиции спрашивали, не вернулся ли лейтенант за своей шинелью.

Немецкая контрразведка тем временем собрала немало сведений о Габриеле. Однако она была неуловима. Вновь и вновь под самым носом у

немецкой охраны она переходила границу с важными поручениями. С ее помощью из Голландии было передано известие об одном бельгийце, предавшем ряд своих земляков немецкой полиции. Изменник был убит.

Одним из главных занятий Габриель была по-прежнему переправка союзных военнопленных, а также разведчиков, находившихся в Бельгии, через бельгийско-голландскую границу. Как-то раз она сопровождала очередную группу из четырех человек — двух бельгийских офицеров, одного английского солдата и британского разведчика, возвращавшегося в Голландию. У всех были фальшивые документы, однако они мало помогли бы при тщательной проверке. В частности, английский солдат, знавший лишь свой родной язык, имел бумаги на имя какого-то голландца.

Первая часть пути из Брюсселя прошла сравнительно спокойно, но когда небольшая группа вступила в пограничную полосу, опасности стали подстерегать на каждом шагу. Габриела вела все переговоры с патрулями, и ей удалось отлично дурачить германских солдат. Долго тянулась процедура контроля на пограничной заставе, но в конце концов и она сошла благополучно. Габриела и ее спутники двинулись по дороге, ведущей к самой границе. Неожиданно из небольшого леса вышел немецкий полицейский и заявил Габриеле, не скрывая своего торжества:

— Вот уже месяцы, мадемуазель, как я вас дожидаюсь!

Он потребовал, чтобы вся группа пошла с ним, и быстрым движением поднес к губам свисток, желая вызвать охрану. Но бельгийский офицер одним прыжком подскочил к немцу и вонзил ему нож в грудь. Габриела первая пришла в себя после общего замешательства. Она направилась навстречу медленно приближавшимся двум немецким часовым, а остальные беглецы оттащили труп в канаву, забросали его кустарником и посыпали песком следы крови на земле. Габриеле удалось «заговорить» и этот очередной патруль. У самой границы немецкий офицер задал Габриеле несколько вопросов и, по-видимому, был в нерешительности.

— Вы не встретили ли по дороге немецкого полицейского офицера? — наконец, спросил он.

Габриела ответила, что да, встретила, и тут же описала приметы убитого.

— Он мне говорил о подозрительной девушке и сообщил по телефону, что тут имеется в виду молодая француженка, — продолжал немец.

У Габриелы был готов ответ: ведь она и ее спутники встретили этого полицейского офицера и тот сам убедился в беспочвенности своих подозрений! Вскоре Габриела и другие участники ее группы были уже на голландской территории.

В другой раз на пути в Голландию Габриела приехала в гостиницу близ границы. Гостиница была набита немецкими солдатами. Габриела быстро удалилась в свою комнату, куда к ней вскоре пришел встревоженный хозяин, один из участников тайной организации.

252

В гостинице, заявил он, появилась явно подозрительная супружеская пара. Судя по паспорту, это были некие Анри Дюрье и его жена, однако мужчина, хотя и был в штатском, очень походил на германского военного. Из окна своей комнаты Габриела узнала в «мадам Дюрье» некую Флору, особу легкого поведения, давно уже поступившую на службу в немецкую полицию. Ее сопровождал, как впоследствии выяснилось, немецкий унтер-офицер, до войны работавший в Бельгии в качестве директора филиала одной немецкой фабрики роялей. Как человека, знакомого со страной, немецкая полиция и послала его по следу разведчицы, причинявшей столько хлопот германскому командованию. Однако немец не знал ее в лицо, поэтому к нему и приставили в качестве спутницы Флору, не раз видевшую Габриелу. Впрочем, «супруги Дюрье» мало подходили друг другу. Он едва скрывал брезгливость, которую испытывал к своей неожиданно обретенной половине, а Флора и вовсе не скрывала чувства облегчения, когда ее угрюмый супруг на время удалялся и она могла выпить не один стакан крепкого вина со своими поклонниками из числа немецких солдат, особенно с рослым услужливым ландштурмистом (он оказался, как выяснилось, агентом тайной полиции, посланным проследить за «супругами Дюрье»). Вернувшись к своим начальникам, этот агент мог лишь доложить, что он в сопровождении другого солдата доставил и уложил мертвецки пьяную мадам Дюрье в комнате одного из местных жителей. Мнимому супругу удалось добудиться ее только к вечеру, и лишь на следующий день достойная пара отбыла в Голландию.

Габриела перешла границу вместе с несколькими бельгийцами в ту же ночь, когда она увидела Флору.

Разумеется, в Голландии супругам Дюрье никак не удавалось напасть на след Габриели и определить, какими путями она переходит границу. Зато сама супружеская пара находилась под наблюдением антантовских разведчиков. Не отыскав Габриели, Флора пыталась добиться каких-то успехов, которые оправдали бы ее в глазах начальства. Она встретила одного из известных участников бельгийского подполья, Жана Бордена, который не знал о службе Флоры в немецкой полиции. С его помощью она надеялась получить сведения о Габриели и о других союзных разведчиках. Но Борден был вскоре же предупрежден той же Габриелей и ее товарищами. Флора привезла немцам фальшивые сведения. Немцы, впрочем, не дались в обман, быстро сообразив, что их пытаются надуть. Флоре перестали давать заграничные задания, а ее «супруга» перевели в другую часть.

А Габриель тем временем продолжала свою смертельную игру с немецкой контрразведкой. Девушка снова вернулась в Бельгию и едва сразу же не была

задержана при обыске на тайной квартире, находившейся вблизи границы. Габриель издалека увидела приближавшихся полицейских. Она и хозяйка квартиры успели уничтожить все опасные бумаги. Обыск не дал никаких результатов, и производившие его неопыт-
253
ные полицейские поверили Габриели, что она случайно оказалась на этой квартире в поисках ночлега. Однако это был последний счастливый случай. Габриель была арестована на улице поджидавшим ее немецким полицейским патрулем. При ней нашли уличающие ее бумаги. Девушка отказалась купить жизнь ценой выдачи всего известного ей о бельгийских организациях, которые вели тайную войну против немецких оккупантов. Военный суд приговорил Габриель к расстрелу. Ее казнили 1 апреля 1916 г.

Одним из наиболее удачливых французских шпионов-двойников была Марта Рише — красивая 20-летняя женщина, муж которой погиб на фронте в первый год войны и которая тщетно пыталась поступить в военную авиацию. С нею познакомился начальник французской военной контрразведки капитан Ладу и убедил пойти к нему на службу. Кажется, впрочем, вначале Ладу не очень доверял своей новой подчиненной: в обстановке шпиономании, царившей тогда во Франции, Марта возбудила подозрения одного из своих друзей. Он знал об ее знакомстве с журналистами, за которыми было установлено наблюдение.

Первое выступление Рише в роли разведчицы окончилось полной неудачей. Ее послали в Швецию в надежде, что там она сможет завербоваться на немецкую службу, однако германская разведка сразу же заподозрила в молодой француженке агента Второго бюро, и Марте пришлось (после ряда опасных приключений) спешно покинуть Швецию и вернуться в Париж.

Капитана Ладу не смутила первая неудача. Летом 1916 г. Марта Рише направилась на модный испанский курорт Сан-Себастьян, где богатые туристы из воевавших стран весело прожигали жизнь. Она приняла свою девичью, по-немецки звучащую фамилию Бетенфельд. В Испании находился в то время крупный немецкий разведывательный центр, который возглавлялся, помимо посла, военным атташе фон Калле и военно-морским атташе фон Кроном.

Немцы установили строгую иерархию среди своих тайных агентов. Вслед за руководителями центра шли сплошь немцы, как штатские, так и офицеры армии и флота, действительной службы или запаса, которых война застала в Испании. Следующим звеном являлись агенты-вербовщики («секретари»). Главную массу агентов составляли «осведомители», состоявшие, как правило, из испанцев. Немцы им не доверяли и даже, более того, считали, что значительная часть «осведомителей» работала на обе стороны. Кроме этой иерархии агентов, были шпионы, не включенные в нее и получавшие время от времени специальные задания. Следует добавить, что по мере ухудшения военного положения Германии информация «осведомителей» становилась все более тенденциозной — они представляли события в угодном для их нанимателей духе. В одном сообщении о результатах воздушного налета на Париж весной 1918 г. говорилось, что в городе насчитывалось 600 убитых и миллион (!) раненых. Помимо шпионажа, немецкий разведывательный
254
центр был занят организацией различных диверсий, в частности, поскольку дело шло о Франции, отравлением съестных припасов, заражением скота, разрушением гидростанций, взрывом военных заводов.

С германским разведывательным центром вела упорную борьбу английская агентура. Английские прогулочные яхты часто являлись наблюдательными пунктами, с которых британские разведчики следили за прибытием немецких

подводных лодок в Испанию для пополнения запасов горючего. Англичане подкупили главаря контрабандистов в южной Испании, чтобы его люди также наблюдали за прибытием и отплытием подводных лодок. Немцы попытались переманить нужного человека. Для этой цели была даже откомандирована одна смазливая девица из Гамбурга. Английский полковник Тортон очень нервничал, наблюдая за быстрым развитием романа между контрабандистом и немецкой обольстительницей. В конечном счете все окончилось благополучно — для англичан. Девица спутала все карты немецких властей. Ей показались недостаточными 10 тысяч песет, подаренных ей влюбленным контрабандистом. Испанец вернулся из Мадрида с царапинами на носу и ярым англофилом.

Все же англичанам не удалось проникнуть в немецкий разведывательный центр. Эта задача была поставлена перед Мартой Рише.

В казино города Сан-Себастьян за Мартой стал ухаживать немец, который при случайной встрече познакомил ее с германским морским офицером, назвавшимся Стефаном. Узнав, что француженка испытывает нужду в деньгах, Стефан при следующей встрече предложил ей работать на немцев. Марта согласилась, дав ясно понять, что она ожидает хорошей оплаты, и потребовала свидания с начальником Стефана.

Встреча состоялась рано утром на пляже. Высокий худой немец в темных очках, встретивший Марту, усадил ее в роскошный «мерседес», который быстро помчался по незнакомым улицам. Немец вручил Марте конверт с 3 тыс. песет и список вопросов, касавшихся противовоздушной обороны Парижа и морального состояния населения французской столицы. Марте было вручено также специальное перо с серебристо-черными шариками. При растворении их в воде получались симпатические чернила — колларгол, — только недавно изобретенные немецкими химиками. Получив адрес в Мадриде, куда следовало направлять добытые сведения, Марта простилась со своим спутником.

Капитан Ладу мог быть доволен. Высокий худой немец был бароном фон Кроном, военно-морским атташе в Мадриде и племянником одного из светил немецкого генерального штаба — генерала Людендорфа Вернувшись из Парижа в Испанию, Марта уже на пограничной станции в Ируне встретила фон Крона. Выяснилось, что письмо, которое от имени Марты должен был послать Ладу, почему-то не прибыло по назначению: один из необъяснимых промахов французской разведки. Но фон Крон не придал этому особого значения. Ведь, хотя с запозданием, он получил от Марты, как ему казалось, полезную информацию. К

тому же 50-летний барон оказался увлеченным своей молодой сотрудницей, которая стала его любовницей.

По поручению Крона Марта снова уехала в Париж. Капитан Ладу не мог ей сообщить ничего вразумительного относительно пропавшего (или вообще неотправленного) письма.

В удобной квартире на улице Баркильо в Мадриде, которую снял фон Крон для Рише, морской атташе даже стал принимать своих агентов. Вместе с бароном Марта отправилась на юг Испании, в Кадис. Немцы пытались завязать связи с вождями марокканских племен, используя их ненависть против французских колонизаторов. Марта сумела подслушать из соседней комнаты через окно обрывки разговора фон Крона с каким-то незнакомым человеком. Она услышала, как он по-немецки сообщил точное место в испанских водах, где шесть лодок будут ждать транспорта. Большего ей не удалось услышать: фон Крон захлопнул окно. Марта немедленно написала открытку в Париж, сообщая добытые важные сведения. Но дальше ей еще более повезло. Фон Крон решил послать Марту в

Танжер с инструкциями для германской агентуры. Он передал ей, на первый взгляд, нераскрытую коробку почтовой бумаги. Однако добрая половина листов, как предупредил Марту барон, содержала текст, написанный симпатическими чернилами. Для поездки в Танжер требовались французская и английская визы. Сравнительно легко получив визу во французском посольстве, Марта рискнула и прямо пошла к английскому консулу в Мадриде, сообщив, кто она и с какой целью отправляется в Танжер, а также подслушанные сведения о подводных лодках. Консул дал визу. В Танжере носильщик, который принес вещи Марты в номер отеля, произнес условный пароль «С-32» (под этим номером Рише значилась в списке агентов фон Крона). Получив коробку с почтовой бумагой, мнимый носильщик назначил на следующий день Марте свидание в портовой таможне. Но он не явился. Принятые англичанами меры не дали возможности немцам доставить оружие в Марокко.

К этому времени фон Крон не только находился под влиянием своей красивой подчиненной, но и щедро тратил на нее казенные деньги, выдавая без всякого основания «премии» и «наградные». В Париж потекла ценная информация.

Через некоторое время фон Крон поручил Марте важную миссию: поездку через океан в Аргентину с инструкциями тамошним германским агентам и, главное, с двумя термосами, в которых находились сельскохозяйственные вредители — долгоносики. Германская разведка надеялась заразить долгоносиками пшеницу, отправлявшуюся из Аргентины в страны Антанты. На пароходе, наконец, Марта встретила помощника, присланного из Парижа, — лейтенанта Мари. Французские разведчики действовали решительно: сначала они утопили долгоносиков, а потом просушили их и смешали с пшеницей, которую Марта везла для прокорма прожорливых вредителей. Листки с инструкциями немец-
256
ким агентам были отправлены в Париж. Взамен Рише написала колларголом какой-то ничего не значащий текст и окунула бумагу в морскую воду. Прибыв в Буэнос-Айрес, она передала германскому морскому атташе Мюллеру термосы с обезвреженными долгоносиками и бумаги, которые, как предупредила Марта, вымокли, когда вода залила ее каюту через иллюминатор. Разумеется, немцы не могли прочесть вымокший текст и не знали, что делать с переданными им термосами.

Многие предложения Марты Рише не были одобрены Вторым бюро, занимавшим непонятно пассивную позицию во всей этой истории. А потом планы Рише были нарушены автомобильной катастрофой. У Марты была сломана нога, осколками стекла ранена голова, у ехавшего с ней фон Крона было изрезано все лицо.

Осенью 1915 г. в Англию прибыла сорокалетняя шведская подданная Ева Бурновиль. Ее предки были выходцами из Франции, чем и объяснялась ее по-французски звучавшая фамилия. Она была агентом немецкой разведки. До этого Ева Бурновиль перепробовала много профессий — была актрисой, гувернанткой в аристократических семьях, медицинской сестрой, а одно время даже секретарем посольства. Она свободно говорила на шести языках.

Ева Бурновиль приехала в Англию формально для лечения. Одна знакомая шотландка рекомендовала ее своим приятелям, жившим в Хекни, на севере Лондона. Ева завязала связи с этой семьей, но своей неумеренной любознательностью возбудила подозрение. В частности, шведка донимала своих лондонских знакомых расспросами о численности и расположении орудий противовоздушной обороны, о результатах налетов цеппелинов. Ева Бурновиль также просила помочь ей устроиться на работу в «шведскую» секцию почтовой

цензуры, но никто не решился дать ей рекомендацию. Часто меняя гостиницы, Ева Бурновиль продолжала свои расспросы у прислуги и даже у офицеров, встреченных ею в отелях. Другой немецкий шпион, работавший английским цензором, Зильбер (о нем речь пойдет ниже), со всякими предосторожностями довел до сведения Евы Бурновиль, что она таким путем лишь привлекает внимание английской контрразведки.

Ева Бурновиль посылала свои донесения на имя некоей «госпожи Фольштрем». Английская цензура быстро распознала, что наряду с невинным «открытым» текстом имелись строки, написанные симпатическими чернилами. Разумеется, ни одно письмо, хотя сведения, сообщаемые в них, и не были особо важными, не покинуло английских берегов. После этого английская контрразведка занялась поисками адресата. В одном из писем был указан обратный адрес — Лондон, отель на Бедфордской площади. В этой гостинице проживало более тридцати человек. Чтобы установить, кто именно из них является немецким агентом, в отель был направлен агент контрразведки. Представившись артиллерийским офицером, он стал нашептывать постояльцам, которые вызвали его подозрение, самые невероятные истории о новом военном

257

снаряжении. На другой день почтовая цензура задержала точный пересказ одной такой истории в письме в Копенгаген. Контрразведчик знал, кому он сообщил эту басню. 15 ноября 1915 г. немецкая шпионка была арестована. Суд приговорил ее к смертной казни, замененной пожизненной каторгой. В 1922 г. Еву Бурновиль выслали в Швецию.

Надо оговориться, что «роковые красавицы» несравнимо реже встречались среди агентов разведки, чем на страницах бесчисленных бульварных романов о шпионах. Но все же встречались. Это были специально отобранные, тщательно обученные агенты, которым поручалось проникать в высшие слои общества, в правительственные сферы той или иной страны, чтобы, используя распущенность нравов и продажность буржуазных и аристократических верхов, добывать особо важную информацию.

В этом амплуа «роковой женщины» ряд лет подвизалась английская разведчица, известная под именем Флора. Об ее происхождении не было известно ничего определенного — одни считали ее ирландкой, другие — австриячкой. Она явно получила хорошее воспитание и свободно владела доброй дюжиной языков. Когда ее направляли с секретным поручением в какую-нибудь страну, то поручение ввести Флору в высшее общество давалось кому-либо из дипломатов или связанных с разведкой крупных дельцов. Щедро снабженная деньгами и принимавшая то одно, то другое аристократическое имя, Флора с успехом действовала в Италии, Австро-Венгрии, Турции и других странах.

В июне 1915 г. она познакомилась в Монтре и стала любовницей «профессора» Эрардта, одного из руководителей немецкого шпионажа в Швейцарии. Однажды они обедали в доме «профессора». Отослав немца за какой-то вещью, шпионка попыталась проникнуть в комнату, где Эрардт хранил списки своей агентуры. Однако в комнату ворвался секретарь Эрардта, которому давно казалась подозрительной красивая знакомая его шефа. Вернувшийся Эрардт в гневе решил тут же передать Флору как воровку в руки швейцарской полиции. Но разведчица, рыдая, умоляла его любой ценой избавить ее от скандала, обещая взамен раскрыть секреты английского шпионажа. Приманка оказалась слишком заманчивой, и оба немца — начальник и секретарь — клюнули на нее. Они отпустили Флору только после многочасового допроса, выведав, как им казалось, массу важных сведений. Нечего говорить, что все эти сведения были, очевидно, заранее подготовленной выдумкой, и потребовалось немного времени, чтобы

«профессор» взамен благодарности получил из Берлина резкий выговор за ложную информацию.

В 1916 г. Флора действовала и в Бельгии, собирая информацию о передвижении немецких войск. С голландским паспортом на имя Флоры Ванполанд, в самый разгар войны, Флора разъезжала по Германии, посетив Берлин, Гамбург, Мюнхен и другие немецкие города. Заведя любовные связи с морскими офицерами, в частности с капитаном броненосного крейсера «Кронпринцесса Сесилия», Флора похитила не-

мецкий секретный код, причем ее незадачливый любовник побоялся сообщить начальству о краже. Похищенный шифр сослужил англичанам огромную службу во время Ютландского морского сражения. За этот шифр Интеллидженс-сервис заплатила Флоре 800 фунтов стерлингов. Ее еженедельное жалование равнялось 25 фунтам — значительно больше, чем у других агентов. Флора активно действовала и после войны. К сожалению, невозможно определить, что в рассказах об ее деятельности относится к области фантазии (очень подозрительна, в частности, история с шифром, похищение которого приписывалось многим разведчикам). Это, впрочем, следует сказать и об историях других разведчиц, подвизавшихся в амплуа «роковых красавиц»[231].

Приведенные выше примеры наглядно показывают, что женский шпионаж существует, что он высоко эффективен. Это можно наблюдать сегодня, так было и в прошлом. Удивительного нет ничего: люди всюду одинаковы, а так называемыми «идейными принципами» большинство людей жертвует очень легко! И постыдный опыт множества недавних советских политиков и военачальников, продавших Родину, перебежавших на сторону буржуазии Запада, вполне доказывают это.

Для тех, кому и этих примеров недостаточно, приведем еще некоторые:

«В 1912 году начальник германской разведки послал во Францию около четырехсот девушек и женщин. Он понимал, какую большую работу они могут проделать. История знает много случаев предательства армий и сдачи городов противнику вследствие коварства куртизанок. Немало тщательно оберегаемых тайн попадало в руки противника с помощью проституток. Женщины полусвета являются чрезвычайно ценными агентами. Они переезжают с места на место, имеют благодаря этому возможность встречаться со многими людьми, а в случае надобности быстро скрываются из виду. Сбор улик против агентов этого типа — весьма трудная задача: во-первых, эти особы ведут такой образ жизни, что немногие, если вообще удастся найти таких людей, выступят в суде с признанием своего знакомства с ними; во-вторых, подобные агенты добывают сведения тогда, когда находятся наедине со своими жертвами.

Один из способов получения улик против агента-проститутки — это слежка за ее хозяином и товарищами. Другой путь — наблюдение за ее корреспонденцией. Несколько иначе надо действовать, если подозреваемая принадлежит к высшему слою общества. Арестуйте ее — и в девяти случаях из десяти она сознается. Вы всегда можете предложить больше, чем ее наниматель, и она предаст его. Будьте, однако, осторожны и помните, что если кто-нибудь предложит ей большую сумму, чем вы, она выдаст вас с такой же охотой, как своего нанимателя. В военное время таких лиц полезно интернировать до конца войны. Соблюдайте осторожность, так как женщины этого типа часто не дорожат жизнью и поэтому легко прибегают к оружию. Старайтесь всегда захватывать их врасплох».

«Дамы полусвета часто проникают в самые верхние эшелоны власти или военного командования противника.

Известен провал восточно-прусской операции в августе 1914 года, когда успешное наступление армии генерала Сазонова не было поддержано армией генерала Ренненкампфа, в результате чего русским войскам было нанесено сильнейшее за годы Первой мировой войны поражение.

По этому поводу известный историк разведки Роуан писал: «Мария Соррель, любовница Ренненкампфа. Погибла на виселице. Промахи России в мировой войне, приведшие к катастрофе в Восточной Пруссии, сейчас всем известны, но никому и никогда не удастся установить, в какой мере вина за эту катастрофу падает на генерала, а в какой на коварную шпионку Марию».

В английской и американской разведках впечатление ужасного шока произвело разоблачение шпионской организации молодой немки Дженни Гофман, плававшей на аристократическом корабле «Европа» под видом скромной маникюрши и парикмахерши.

«Дженни обладала способностью становиться своей в любом обществе. Чем богаче были люди, с которыми она общалась, тем легче ей было. Она льстила женщинам и флиртовала с мужчинами. Иногда это приносило пользу. Американские миллионеры, конгрессмены, дипломаты, кинозвезды, богатые бизнесмены и даже их жены находили ее очаровательной.

Дженни была не только привлекательна, но и хорошо информирована, могла на равных обсуждать с клиентами текущие события».

«Из десятков «безвредных» и «невинных» разговоров она умела извлечь экстракт ценной разведывательной информации. Многие из ее клиентов были влиятельными и очень хорошо информированными людьми».

Среди поклонников Дженни числились также различные немецкие лидеры и дипломаты, чины СС, очень видные американцы. Последних ФБР постаралось оградить от скандала, связанного с разоблачением тайной деятельности этой обаятельной рыжеволосой немки, живой и приветливой, чудесной собеседницы, на кого большие надежды возлагали Гиммлер, Гейдрих и Шелленберг (она их в значительной мере оправдала).

«Дженни шпионила на высоком международном уровне. Конечно же, немцы использовали большинство женщин на более низких ступенях шпионажа. Если это было возможно, их устраивали на постоянное жительство в странах, где они работали. Это относилось прежде всего к «британскому» сектору нацистской разведки.

Многие молодые немки, направляемые в Англию в качестве домашних работниц, были хорошо подготовлены как в юношеских нацистских организациях, так и в шпионских школах. По прибытии в Лондон они постарались устроиться в дома высокопоставленных особ, служащих министерств и вооруженных сил.

Специальный отдел Скотленд-Ярда тщательно следил за этими девушками. Особое внимание было уделено «герлсклубу» в Падингтоне. Там, за закрытыми дверями, официальные лица из германского посольства читали им лекции, там же они встречались с гостями из Третьего рейха.

У некоторых из этих девушек были отобраны разрешения на работу, и их отправили домой. Государственным служащим и офицерам было рекомендовано не брать на работу немецких служанок, а тем, кто уже имел их, посоветовали уволить. Много немок прибыло в Британию в качестве туристок, студенток, изучающих английский язык, или торговых представительниц.

В марте 1936 года доктор Герман Гертц, один из главных офицеров в ведомстве адмирала Канариса, был осужден английским судом за шпионаж. Со времени его прибытия в Англию в 1934 году до дня ареста в ноябре следующего года Гертц объехал все британские аэродромы и воинские части. В этих поездках его сопровождала стройная блондинка Марианна Эммиг.

Он арендовал бунгало в графстве Суффолк для себя и Марианны, затем они перебрались в графство Кент, поблизости от военного аэродрома первой линии ПВО Южной Англии. В паре с Марианной он объехал на мотоцикле все города и местечки, где располагались или строились объекты ПВО. Гертц, заслуженный пилот Первой мировой войны, хорошо разбирался в делах авиации и ПВО.

На суде ему предъявили изъятые у него чертежи военных аэродромов. Его обвинили в том, что он сотрудник германской секретной службы. Но Гертц настаивал, что прибыл в Англию не как шпион, а в отпуск, и его целью было написать исторический роман. Марианна, которую вначале он называл своим секретарем, а позже своей невестой, уехала с ним в Германию, когда он прервал свой отпуск летом 1935 года, и больше в Англию не вернулась»[232].

*** * ***

К перечисленному списку лиц, близких к Тухачевскому, надо прибавить еще некоторых, которые занимались разведкой (в ИНО НКВД, Разведупре Генерального штаба, ведомстве иностранных дел) и, как оппозиционеры, тайно обслуживали опального маршала, что и привело их позже к печальному концу. Вот эти лица, очень интересные:

1. Бекзадян Александр Артемьевич (1879—1938, чл. партии с 1903). Один из влиятельных партийцев на Кавказе, литератор, пропагандист, организатор боевых групп, не раз руководивший «эксами», работавший в партийной разведке. В 1920—1921 гг. — зам. председателя Ревкома и нарком иностранных дел Советской Армении. Был членом советской делегации на Генуэзской конференции (1922), затем (1922—1926) — на руководящей работе в торгпредстве СССР в Германии. В 1926—1930 гг. — зам.

председателя СНК и нарком торговли ЗСФСР. В 1930—1934 гг. — полпред СССР в Норвегии, а в 1934—1937 гг. — полпред в Венгрии, положением в которой Тухачевский очень интересовался, так как рассматривал возможность нападения оттуда на советскую границу и организации крупного конфликта в интересах оппозиции. О А. Бекзадяне дипломат-невозвращенец с декабря 1937 г. Александр Бармин (1899—1988), один из великих счастливцев, воистину «уцелевший», нашедший убежище в США, отзывался так: «В Будапеште я провел один день у старого друга, посла Бекзадяна, прекрасного человека, большого знатока и коллекционера редких манускриптов и книг. И еще у него был полный погреб самых лучших венгерских вин. Вскоре после моего отъезда он был без всяких объяснений отозван и тоже исчез» (как и другие дипломаты)[233].

2. Волович Захар Ильич (Вилянский, Янович) (1900—1937, чл. партии с 1919). Из семьи торговца. Участник Гражданской войны (1919—1922), служил в разведке. В 1923—1924 гг. на учебе в ВУЗе. С 1924 г. — на работе в ОГПУ, сотрудник ИНО, направление — Западная Европа. 1928—1930 гг. — резидент в Париже, принимал участие в похищении белого генерала Кутепова. Затем работал в Москве, в центральном аппарате ОГПУ, занимал пост зам. начальника оперативного отдела НКВД (им же командовал Карл Паукер, начальник правительственной охраны). За заслуги получил орден Красного Знамени (1936), имел чин старшего майора ГБ, обеспечивал Тухачевского секретными сведениями по Франции и Парижу, а также по внутренней жизни своего ведомства.

3. Давтян (Давыдов) Яков Христофорович (1888—1938, чл. партии с 1905). Из армянской состоятельной семьи. Был пропагандистом, руководителем кружков, публицистом. Работал в партийной разведке. Участник революции 1905 г., затем эмигрировал (Прибалтика, Польша, Франция). Вернулся на родину в 1917 г. В 1918—1919 гг. — член президиума ВСНХ, недолго на военной работе (начальник политотдела кавалерийской дивизии). В 1919 г. — член миссии Красного Креста, во Франции — с октября 1920 г., начальник ИНО ВЧК, в 1920—1921 гг. — первый секретарь посольства в Эстонии (по совместительству), в 1921—1922 гг. — член коллегии НКИД РСФСР, заведующий отделом прибалтийских стран, в 1922 г. — полпред в Литве, в 1922—1924 гг. — советник посольства в Китае, в 1925—1927 гг. — советник посольства во Франции, в 1927— 1930 гг. — посол в Иране, в 1932—1934 гг. — посол в Греции, в 1934— 1937 гг. — посол в Польше.

С ним Тухачевский поддерживал особенно тесные отношения: ведь предметом его горячего интереса была именно Польша, где он в 1920 г. потерпел позорное фиаско. Показания Давтяна по Тухачевскому до сих пор трусливо скрываются, а именно они нуждаются в быстрейшей публикации. Есть явная необходимость в публикации подробной биографии Давтяна, видного политика и дипломата 20—30-х годов.

4. Инков Владимир (Вернер Раков, Феликс Вольф) (1893—1937). У этого человека биография особенно необычная. Родился в Латвии в обес-

печенной немецкой семье. Семи лет с родителями вернулся в Германию, где и кончил гимназию. Изучив банковское дело, вернулся в Россию и работал в банке (1914). В Первую мировую войну, как немец, заключен в лагерь. Октябрьскую социалистическую революцию принял всем сердцем и активно участвовал в движении военнопленных, сторонников Советской России. Редактировал коммунистические газеты на немецком языке. Активно поддерживал Троцкого. В группе Радека ездил в Германию на съезд, учредивший КПГ. Работал в разведке и на партийной работе (Кенигсберг и Гамбург), с 1920 г. — информатор Малого бюро Коминтерна, отлично знал Зиновьева и его окружение, был сотрудником секретариата Коминтерна в Берлине. В 1922 г. переброшен на работу в Вену (резидент советской военной разведки). В 1923—1924 гг., когда пытались устроить авантюрную революцию в Германии, потерпевшую, естественно, крах, руководил разведотделом военного аппарата компартии Германии. Осенью 1923 г. — член германского Ревкома. В 1925—1927 гг. — резидент советской военной разведки в США. Возвратившись на родину, работал на руководящих постах в химической промышленности и в издательстве. Как активный сторонник Троцкого, дважды исключался из партии (1928, 1933), но затем восстанавливался. Был человеком исключительно смелого и неукротимого характера.

5. Кобецкий Каземир Станиславович (Баранский) (1894—1937, чл. партии с 1918). Родом из крестьянской семьи. Поляк. Кончил школу, коммерческое училище, работал в банке. В 1919—1921 гг. на службе в РККА. Кончил командные курсы, служил в разведотделе Западного фронта, подчиняясь Тухачевскому (1920). С 1921 г. в ИНО ВЧК, затем резидент ИНО в Польше. По возвращении (1924) служил в органах ОГПУ, дошел до поста начальника отдела. В связи с делом Тухачевского был сначала уволен, затем арестован, судим и, как вполне изобличенный, расстрелян.

6. Логановский Мечислав Антонович (1895—1938, чл. партии с 1918). Поляк. Член Польской партии социалистов (ППС), затем перешел в РКП. Участвовал в Октябрьской революции в Москве. Видный участник Гражданской войны, кончил курсы красных командиров, был начальником и комиссаром разведки 15-й армии (командующий — Корк, август 1919 — октябрь 1920). С 1921 г. — на

разведывательно-дипломатической работе в Варшаве и Австрии. В 1927—1931 гг. — советник посольства в Иране. В 1931—1934 гг. — в центральном аппарате НКИД. В 1934— 1937 гг. — зам. наркома внешней торговли, с апреля 1937 г. — зам. наркома пищевой промышленности. Арестован уже 16 мая 1937 г. (еще до ареста Тухачевского). Расстрелян же 29 июля 1938 г.

Жена Логановскго Мария Ивановна (1899—1938), русская, родом из Гомеля, тоже репрессированная, была секретарем отдела кадров (!) Исполкома Коминтерна, т.е. очень хорошо знала Троцкого, Радека, Зиновьева, Бухарина и др. видных руководителей. Ориентировалась на Троцкого и мировую революцию.
263

7. Островский Михаил Семенович (1892—1939, чл. партии с 1919). Родом из семьи учителя. Учился на юридическом факультете в Петербурге. В Гражданскую войну 1919—1922 гг. на разведывательной работе. В 1922— 1925 гг. — зам. комиссара Военной академии РККА, затем — представитель Нефтесиндиката за границей (Турция, Германия, Франция). В 1930— 1934 гг. — торгпред (Франция), а в 1934—1937 гг. — посол СССР в Румынии. Этот человек для Тухачевского был тоже очень важен, так как оппозиция планировала большой конфликт и на советско-румынской границе.

8. Павлуновский Иван Петрович (1888—1937, чл. партии с 1905). 17-ти лет участвовал в революции 1905 г. В Первую мировую войну находился на фронте, окончил школу прапорщиков, имел чин подпоручика. Вел партработу всех видов, после Февральской революции 1917 г. занимал ответственные должности, в том числе члена Петросовета. Во время корниловского мятежа — командир отряда Красной Гвардии. В Октябрьской революции — член Петроградского ВРК, потом — командир отрядов на Украине, в Белоруссии. В 1918 г. — председатель ЧК 5-й армии Восточного фронта (командующий — Тухачевский), председатель уфимской ЧК, с 1919 г. — на руководящих постах в ЧК Сибири, член Сиббюро ЦК РКП(б). С 1926 г. — представитель ОГПУ в Закавказье, с 1928 г. — зам. наркома РКИ, в 1930 г. — член президиума ВСНХ, в 1932 г. — зам. наркома тяжелой промышленности, т.е. Орджоникидзе. В 1935—1936 гг. — сначала начальник Главного управления военной промышленности (связь с Тухачевским повседневная!), затем — начальник Главтрансмаша Наркомата тяжелой промышленности. В 1937 г. — начальник мобилизационного отдела (!) того же наркомата. Как близкий друг Орджоникидзе, естественно, являлся и другом Тухачевского, и после подозрительной смерти первого участвовал в делах второго. Расстрелян по приговору суда уже 30 октября 1937 г.

9. Уздановский Стефан Лазаревич (1898—1937, чл. партии с 1918). Поляк, из буржуазной семьи. Кончил гимназию, затем Алексеевское военное училище. Участник Октябрьской революции и Гражданской войны (служил в польским отдельном полку), работал в разведке, в 1922 г. окончил Военную академию РККА. В 1922—1924 гг. руководил военной резидентурой за рубежом (Польша, Вена, Балканы). В 1925 г. — в Разведупре штаба РККА, в 1926 г. — в Париже (помощник нелегального резидента). Провалился и получил 5 лет тюрьмы. В конце 1931 г. вернулся в СССР, награжден орденом Красного Знамени за большую работу и стойкость, получил чин комдива (1931). С начала 1933 г. — начальник сектора в Разведупре. В 1931 г. — зам. начальника первого отдела, с 1936 г. имел чин полковника. Арестован, как сообщник Тухачевского, и по приговору суда расстрелян.

10. Устинов Алексей Михайлович (1879—1937, чл. партии с 1918). Весьма необычный работник разведки и дипломат. По роду своему — племянник П.А. Столыпина, премьер-министра правительства Николая И. С юности вошел в партию эсеров. С течением времени стал лидером

«левых эсеров», сидя рядом с Марией Спиридоновой. Затем откололся от них и стал лидером новой партии — Революционного коммунизма, слившейся позже с РКП. В 1917 г. был членом Президиума ВЦИК, а позже работал в Разведывательном управлении Полевого штаба РВС. С 1921 по 1929 г. находился на дипломатическом фронте (первый секретарь посольства в Германии, посол в Греции), затем (1930—1932) — уполномоченный НКИД СССР в Тбилиси. Из-за расхождений с начальством оказался в «ссылке» (член президиума Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук). Выручили друзья — и в 1934—1937 гг. он вновь на посту полпреда (в Эстонии). Острое недовольство Сталиным и отрицательная оценка положения в стране толкнули его на союз с Тухачевским. В результате — грустный итог.

11. Уншлихт Иосиф Станиславович (1879—1938, чл. партии с 1900). Из семьи мещан. Родился в городе Млава (Плотцкая губерния). По специальности электротехник. С 21 года являлся членом Социал-демократической партии королевства Польского и Литвы (в 1906 г. она вошла в РСДРП). В 28 лет — делегат V съезда партии. Был членом областного и окружного комитета партии и членом главного правления СДКПиЛ. Много раз подвергался арестам и ссылкам. В Октябрьскую революцию 1917 г. — член Исполкома Петроградского Совета и член Петроградского ВРК. В Гражданскую войну сначала назначен наркомом по военным делам Литвы и Белоруссии, затем стал членом РВС 16-й армии и Западного фронта (то есть соратник Тухачевского!), в 1920 г. — член Временного польского ревкома. В 1921—1923 гг. — первый зам. председателя ВЧК—ОГПУ (с Дзержинским не поладил). С 1923 г. снова в армии (член РВС и начальник снабжения РККА), затем — куратор военной разведки. С 1926 г. — зам. наркома по военным и морским делам, зам. председателя РВС СССР, с 1927 г. (по совместительству) — зам. председателя Осоавиахима. В 1935—1937 гг. — начальник Главного управления Гражданского воздушного флота, с 1935 г. — секретарь союзного совета ЦКК. За заслуги имел орден Красного Знамени. Был делегатом партийных съездов: IX, X, XII и с XIV по XVII. С 1924 г. входил в состав партийной Ревизионной комиссии. Был также членом ВЦИК и ЦИК СССР[234]. 12. Бортновский (Бронковский) Бронислав Брониславович (1894—1937). Поляк. С 18-ти лет член СДКПиЛ. Учился в Политехническом институте (Варшава). Арестован полицией, выслан в Саратов (1914). В начале революции служил в Красной Гвардии (1917—1918), затем — в Наркомнаце и ВЧК (секретарь Дзержинского!). С 1921 по 1924 г. — на работе в Берлине, один из создателей и руководителей советской военной разведки. С 1919 г. — зам. начальника и начальник разведотдела Западного фронта (человек близкий к Тухачевскому!). В Москве — он заместитель начальника Разведупра Генштаба РККА, с 1929 г. — на руководящей работе в Компартии Польши и Коминтерне. В 1930—1934 гг. — на руководящей секретной работе в Берлине и Копенгагене. С 1934 г. — руководитель Польско-Прибалтийского секретариата ИККИ, кандидат в чле-

ны Политической комиссии Президиума Коминтерна. Этот человек, столь информированный, секретарь самого Дзержинского, был воистину «кладезем» всяких секретных сведений — по делам партии, СССР, зарубежья и биографиям отдельных лиц.

13. Лонгва Роман Войцехович (1891—1938). Поляк. Из семьи коммерсанта. Гимназию окончил экстерном (исключен за революционную деятельность). В 19 лет — член Союза молодых социалистов. С 1910 по 1918 г. — член ППС(л). 21-го года был арестован, находился в заключении до сентября 1913 г. В период Первой

мировой войны окончил военное училище, участвовал в боевых действиях, получил чин штабс-капитана. Участвовал в подавлении корниловского мятежа после Февральской революции. В Октябрьскую революцию — комендант почт и телеграфа, затем — зав. Военным отделом Польского Комиссариата в Наркомнаце. В РКП вступил в 1918 г. Быстро делал карьеру: начальник штаба пехотной дивизии, командир бригады и дивизии. Воевал против Краснова, Деникина, поляков. Был назначен командующим формировавшейся Первой Польской Красной Армии. В 1920—1921 гг. был начальником отделения Разведупра Полевого штаба РВС республики, затем — начальник разведотдела Вооруженных сил Украины и Крыма (сотрудничал с М. Фрунзе и И. Якиром). В 1922—1925 гг. — начальник и комиссар разведывательного отделения, зам. и И. О. начальника Штаба Украинского военного округа. В 1925 г. — секретарь китайской комиссии Политбюро ЦК ВКП(б). В 1926—1927 гг. — военный атташе в Китае. После возвращения на родину в 1927—1930 гг. — командир и комиссар дивизии, затем в Управлении связи РККА— инспектор (1930—1932), зам. начальника (1932—1935), начальник (1935—1937). В 1935 г. получил звание комкора. Один из самых важных людей для Тухачевского, державший в руках связь. Арестован 21 мая 1937 г. (за день до ареста маршала!), через 9 месяцев расстрелян (08.02.1938).

14. Мельников Борис Николаевич (Семенов Б.) (1896—1938). Это лицо очень необычное, оно составляет исключение среди названных лиц. Он родом казак (из Забайкалья). Кончил реальное училище, учился в Петербурге (Политехнический институт, где в 1916 г. вступил в партию большевиков). В 18 лет призван в армию и в 1917 г. окончил Михайловское артиллерийское училище. Получил чин подпоручика. Командовал гарнизоном в Иркутске, был членом и секретарем Иркутского ревкома, во время интервенции Японии побывал в плену, сумел эмигрировать в Китай, но был выдан белогвардейцам, сидел в тюрьме (до начала 1920 г.). Освободившись, начал стремительно подниматься вверх: член Военного совета временного Приморского правительства, член Амурского областного комитета РКП(б), комиссар штаба Амурского фронта и Амурской армии, военком Амурской стрелковой дивизии, командующий войск Приамурского военного округа, председатель Приамурского областного бюро партии (1921). Это в 25 лет! Время величайшего риска и невероятных карьер!

266

Перелом в жизненной стезе наступает с 1922 г. Мельников назначается помощником начальника Разведупра штаба, который работает при помощнике главкома по Сибири. Как подающий большие надежды работник, он командируется в Москву и назначается начальником Восточного отделения агентурной части Разведупра Генштаба РККА. Работа ведется под прикрытием дипломатических постов: в управлении уполномоченного НКИД СССР в Харбине (Китай), дальнейшие посты — зав. Отделом Дальнего Востока НКИД СССР, генеральный консул в Харбине (1928—1931), также член правления КВЖД (1928—1929), временный поверенный в делах в Японии (1931), уполномоченный НКИД СССР при Дальневосточном крайисполкоме (1933—1934). Одновременно Б. Мельников — зам. начальника Разведупра Генштаба РККА (1932— 1933). 1935 г. — новая решительная перемена. Вдруг перебрасывают на Украину — ответственным инструктором ЦК КП(б) У. А оттуда — на важный пост: зав. Службой связи Секретариата ИККИ (1935—1937). По-видимому, через Гамарника Мельников устанавливает прочные связи с военной группой Тухачевского, а до нее — еще и с группой «правых». В итоге: арест НКВД 4 мая 1937 г. (сам Тухачевский арестован 22 мая 1937 г.), уже 25 июня, после серии допросов, Мельников приговорен к расстрелу. Но в исполнение приговор

приведен лишь 28 июля 1938 г.: то ли заступился Блюхер, то ли колебался сам Сталин.

Такой человек, с восточными связями и большой информацией по Коминтерну, был для Тухачевского очень ценен, так как позволял корректировать важнейшие военные и политические решения.

Это лишь небольшой список лиц из закулисных соратников Тухачевского, оказывавших ему большую помощь. Совершенно ясно, что для прояснения неясных вопросов (а их много) необходимо издать целый сборник, посвященный таким лицам.

ГЛАВА 13. КАКИМИ СИЛАМИ РАСПОЛАГАЛА АНТИСТАЛИНСКАЯ ОППОЗИЦИЯ?

Все минет, одна правда останется.
Пословица

На какие силы опиралась оппозиция? Что давало основания надеяться? Откуда собирались черпать силы для переворота?

Ответить на эти вопросы в настоящий момент можно лишь приближенно: необходимые документы до настоящего времени не опубликованы. Тем не менее некоторые важные выводы сделать можно. Группа Тухачевского черпала свои силы из следующих подразделений на территории Московского военного округа и самой Москвы:

— спецотряды НКВД, созданные Ягодой из оппозиционеров, путем всяких хитроумных махинаций, тщательным отбором людей, а также длительным и терпеливым воспитанием;

267

— спецчасти в Московском военном округе, охватывавшем огромную территорию (даже и за пределами Московской области).

Состав войск самого округа[235]: три стрелковых корпуса; Московская пролетарская дивизия[236]; прославленные части из состава Первой конной армии: 14-я Майкопская кавалерийская дивизия, 1-я отдельная особая Краснознаменная кавалерийская бригада им. Сталина; дивизионы легкой, средней и тяжелой артиллерии; артиллерия резерва Главного командования (значительная часть ее находилась именно в пределах данного округа); механизированный корпус (500 танков, 200 автомашин); две механизированные бригады; боевая авиация и военно-транспортные части; воздушно-десантные войска; войска ПВО (находились под особым контролем Военного совета округа); сводный железнодорожный полк.

Командовал этой значительной вооруженной силой (до прихода сюда Буденного) командарм первого ранга Иван Панфилович Белов. При нем состояли: его заместитель Б.М. Фельдман, член Военного совета Б.У. Троянкер, начальник Политуправления округа Л.Н. Аронштам, начальник штаба округа И.А. Антонов. Все эти лица по-своему знамениты.

И.П. Белов (1893—1938, чл. партии с 1919) — из крестьян, участник Первой мировой войны, за два первых года войны получил три (!) Георгиевских креста, произведен в унтер-офицеры, за рукоприкладство в отношении офицера попал в дисциплинарный батальон. В 1917 г. вступил в партию левых эсеров, но позже вышел из нее. Активный участник революции и Гражданской войны, был главнокомандующим войсками и членом РВС Туркестанской республики. Участвовал в разгроме белых банд на Кубани (1921—1922). Командовал дивизией, корпусом, войсками Ленинградского военного округа (1923—1931),

командующий войсками Московского (1935—1937) и Особого Белорусского округов (арестован 7 января 1938). Имел два ордена Красного Знамени. Д. Фурманов, работавший с Беловым, отзывался о нем восторженно: «Человек он тугой на сближение, для многих тяжеловесный, а порой и нетерпим за свою непосредственность и прямоту. На подлость, на воровство, на махинации — он абсолютно не способен, я в этом глубоко убежден. Наоборот, такого честного и прямого человека трудно встретить» (Расправа. Прокурорские судьбы. М., 1990, с. 189). Ворошилов тоже держался о Белове самого наилучшего мнения. В 1925 г. о нем он писал: «Как партиец — безупречен. Хороший единоначальник. Может служить примером другим». (Там же, с. 190.) Этого мнения держался он и позже. Однако защитить Белова от обвинений сотрудников Ежова (майоры госбезопасности Николаев и Ямницкий), действовавших по его указанию, не смог. Впрочем, с деятельностью Белова в 1936—1938 гг. многое не ясно. Эсеровское прошлое, связи и страх за самого себя могли толкнуть на заговор. Необходимы сборники документов и показания его на следствии и в суде. Только тогда все будет окончательно ясно.

Л.Н. Аронштам (1896—1937, чл. партии с 1915). Еврей. Военком полка в Гражданскую войну, затем: военком дивизии, инспекции артиллерии

и бронесил РККА, член РВС и начальник Политуправления Белорусского военного округа, Московского и Приволжского.

Б.У. Троянкер (1900—1937, чл. партии с 1917). Еврей. Корпусной комиссар (с 1935), член Военного совета (1937, май—ноябрь). Участник Гражданской войны. После нее работал в политотделах дивизии, корпуса, бригады Северо-Кавказского, Московского и Белорусского военных округов. С 1932 г. работал в Политуправлении РККА, начальником Политуправления Гражданского воздушного флота.

А.М. Перемытов (1888—1938, чл. партии с 1918) — комдив, начальник штаба МВО (май 1936 — июнь 1937). Окончил военное училище. Участник Первой мировой войны. Капитан царской армии. В РККА с 1918 г. Командовал батальоном, затем на руководящей штабной работе: помощник начальника штаба, начальник штаба дивизии, начальник оперативного отдела штаба Южного фронта, помощник начальника штаба Западного фронта. В 1921—1924 гг. начальник штаба Северо-Кавказского военного округа и 5-й Краснознаменной армии, затем начальник штаба Московского и Белорусского военных округов (1924—1928). Был также преподавателем Военной академии РККА (1929—1936).

Б.М. Фельдман (1890—1937, чл. партии с 1919). Еврей, друг Тухачевского, комкор (1935), в Гражданскую войну начальник штаба бригады и дивизии. Кончил Военную академию РККА (1921), был начальником штаба у Тухачевского в Ленинградском военном округе (1928— 1931), занимал пост начальника Главного управления Красной Армии по начальствующему составу, долго пользовался доверием Ворошилова. Перед арестом — заместитель командующего Московского военного округа.

А.И. Антонов (1896—1962, чл. партии с 1928). Участвовал в Первой мировой и Гражданской войнах. Участник Великой Отечественной войны на крупных должностях. Выдающийся штабной работник. Генерал армии. Был начальником штаба стран-участниц Варшавского Договора.

Необходимо отметить еще одно важное лицо, игравшее в военной структуре Москвы тех критических дней очень важную роль. Это был выдвиженец Якира Михаил Лукин, военный комендант Москвы. Последний знал Якира, по его собственным словам, 15 лет! Что представлял он собой?

М.Ф. Лукин (1892—1970, чл. партии с 1919) — генерал-лейтенант с 1940 г., в РККА с 1918 г. Участник Первой мировой войны. Кончил школу прапорщиков и курсы разведчиков. Воевал в чине поручика. В 1917 г. — в Красной Гвардии. В Гражданскую войну: помощник начальника штаба дивизии по разведке, командир полка и бригады, начальник штаба дивизии. Затем: помощник командира дивизии (до 1929), начальник отдела штаба Украинского военного округа, начальник отдела Управления РККА. С 1929 г. — командир стрелковой дивизии, в 1935—1937 гг. — комендант Москвы, с 1937 г. — заместитель начальника штаба, в 1938 г. — начальник штаба Сибирского военного округа, с 1939 г. — заместитель
269
командующего Сибирским военным округом, в 1940 г. — командующий 16-й армией. В войну с немецким фашизмом — командующий армией. Попал в плен раненым под Вязьмой. Находился в лагере до освобождения в 1945 г. С 1946 г. в отставке. Работал после этого в Комитете ветеранов войны. Награды: 5 (!) орденов Красного Знамени, Красной Звезды, медали. (О нем: М.Ф. Лукин. «Мы не сдаемся, товарищ генерал». (Воспоминания). — «Огонек». 1964, № 47, с. 26—29.)

Самое интересное в биографии этого генерала следующее: начальником штаба 19-й армии, которой он в войну командовал, являлся известный предатель комбриг В.Ф. Малышкин (1896—1946, чл. партии с 1919), перебежавший на сторону немцев и ставший у Власова тоже начальником штаба (он был якобы «обижен», что Сталин не дал ему генеральского чина!)[237]. Власов на Лукина, оказывается, тоже имел виды. И предлагал ему, как соратнику Якира, стать командующим Русской Освободительной Армии (РОА), которую планировал создать для «борьбы против Сталина»! Тот, подумав как следует, ему, однако, отказал.

К сказанному следует добавить еще некоторые интересные детали. Их сообщает книга явно сочувствующих и заинтересованных лиц: В. Муратов, Ю. Городецкая. Командарм Лукин. М., 1990. (Второй автор — дочь главного героя книги.) Итак, еще раз повторяем: Лукин — член партии с 1919 г., участник Гражданской войны, служил на Украине у Якира; он являлся командующим Харьковской отдельной дивизией, в Москву уехал в 1935 г. на пост коменданта Москвы. И вот что интересно: Якир, приезжая в столицу по делам, тут же встречался с ним. Уж, конечно, делалось это не ради того, чтобы они, как невинно изображают авторы, вспоминали годы совместной работы. (С. 337.) До того ли было обоим среди бешеных репрессий, связанных с убийством Кирова в Ленинграде?!

Еще интереснее другое: Якир приезжал в столицу и в мае 1937 г., незадолго до собственного ареста. (С. 337.) Лукин чувствовал себя на своем посту очень неважно: одолевали шпионы НКВД, интриги, склоки и аресты. Желая от них избавиться, он стал проситься к бывшему начальнику на Украину. Якир, слишком много знавший, со вздохом махнул рукой: «Э, Михаил Федорович, что об этом говорить».

Это был несомненный отказ, вызванный тем, что оппозиция нуждалась в Лукине именно в Москве, на его посту.

Дальнейшую часть разговора авторы передают очень лицемерно. Собеседники будто бы говорили обо всем, «но не касались главного, что волновало обоих: что же происходит, почему арестовывают и бесследно исчезают люди, которых мы знали как отличных боевых командиров и преданных коммунистов?» (С. 337.) Трудно в это поверить, невозможно! Они слишком хорошо знали друг друга — и поэтому могли говорить откровенно.

Якир вернулся в Киев — и скоро оказался сам арестован. Лукин в разговорах с домашними о своих настроениях отозвался так:

«Арест Якира поразил меня как внезапный удар грома среди ясного неба. Разве мог я поверить, что он шпион, враг?!»

«Я любил Якира, — добавлял он, — верил ему и не мог отыскать в его жизни и работе даже малейшего пятнышка». (С. 338.)

Вот так оппозиционная верхушка воспитывала командиров дивизий и корпусов: в духе личной преданности, маскировавшейся громкими фразами и бешеной рекламой в печати и на радио! Эти командиры должны были быть готовы — без всяких уговоров! — буквально на все, по одному слову своих высоких начальников!

Лукин, вполне понятно, притворялся, будто арест Якира явился для него величайшей неожиданностью. На самом деле, благодаря своему положению в Москве и личным связям, он знал больше, чем достаточно! И мог не сомневаться, что если арестуют маршала Тухачевского, то Якир, как его близкий соратник, автоматически последует за ним. Ибо нельзя создавать заговор, не имея верных приспешников. Примеры генерала Франко в Испании, генерала Пиночета в Чили это неоспоримо доказывают!

Так спрашивается: есть ли «идеология» среди бешеной борьбы? Конечно есть! Хорошо сказали два автора:

«Идеология собирает людей, объясняет, как устроен мир, указывает друзей, врагов, путь к благоденствию. Сильная идеология — это не сухое дерево познания, а спичка, поджигающая эмоции»[238].

Оппозиция тоже воспитывала своих людей во вполне определенном духе. И отголоски этого воспитания проскальзывают через всевозможные мемуары. Так генерал А.В. Горбатов в своей книге «Годы и войны» (М., 1989, с. 95) пишет:

«Плоды нашей работы могут в полной мере проявиться только на войне. Исправлять ошибки, устранять недоделки, наверстывать упущенное будет уже поздно: за все придется расплачиваться кровью. Вот почему мы очень много работаем и очень много думаем».

Да уж понятно, как они «думали» в 1937 г. и в предыдущие годы — сторонники Тухачевского, Якира, Уборевича и других из того же лагеря!

Сказанного о Лукине вполне достаточно.

* * *

Пришедший на смену Урицкому в Московский военный округ Буденный пользовался громадной славой и авторитетом. Удивляться тому не приходится! Он действительно был легендарным и непобедимым командармом, необыкновенно одаренным полководцем, имевшим славу человека, «заговоренного от пуль» (хотя и имел несколько ран!), лучшего рубаки в Первой конной армии. Его выдающиеся успехи опирались на замечательные личные качества: феноменальную память, железное здоровье (его он поддерживал регулярными спортивными занятиями и верховой ездой), громадную работоспособность и трудолюбие,

высокую организованность и скрупулезную аккуратность в работе. Он очень любил книгу, много читал и являлся прилежным посетителем обширной библиотеки генерал-лейтенанта царской армии Снесарева, перешедшего на службу в Красную Армию. И собственную библиотеку Буденный с большой любовью собирал многие годы. По различным отраслям знаний. Склонность к ежедневному чтению маршалу привила жена Ворошилова, которая читала им обоим в Гражданскую войну разные интересные книги.

Привычка к общению с громадным множеством людей, каждого из которых следовало правильно понять и оценить, развила у Буденного необыкновенную

проницательность и умение распознавать способности людей. К людям он вообще испытывал большой и жадный интерес, помогал каждому, кто к нему обращался. Вместе со своим другом Ворошиловым он являлся почетным председателем землячества Первой конной армии, созданного в 1929 г.

Свою семью и детей Буденный очень любил и всегда заботился о воспитании молодежи. Собственных детей учил иностранным языкам с пяти лет, придавая этому большое значение. Вообще, его воспитательное искусство стояло на значительной высоте, и соратники справедливо говорили о «школе Буденного».

Влияние командарма опиралось на безупречный моральный авторитет. А тот базировался на тонком и проницательном уме, на склонности к оригинальным решениям, умении верно выбирать людей, блестящем знании дела и выдающейся личной храбрости. О последней лучше всего говорил такой факт: из окопов Первой мировой войны он вынес четыре Георгиевских креста и четыре медали, то есть имел полный бант Георгиевских наград, дававшихся в царской России нижним чинам за военные подвиги. (А что имел Тухачевский?!)

Соответственно таким своим качествам он выбирал себе и соратников. Трусливых и болтливых, ленивых и нерадивых он не выносил и сразу же изгонял. Железное правило его при приеме новых людей было таково:

— Нам нужны только герои, а трусам нет места в наших рядах. (Страницы большой жизни. Сб. М., 1983, с. 42.)

Чтобы не случалось «осечек», он с первых же боев к каждому новичку прикреплял негласно опытных бойцов, которые следили за поведением вновь прибывшего в бою и давали ему аттестацию. Дисциплину он воспринимал как святая святых и придавал ей большое значение. Будучи в делах службы человеком суровым, жестким и требовательным, в повседневной жизни он показывал себя человеком добрым, заботливым и чутким, настроенным всегда оптимистически, склонным к юмору и шутке. Он был мастером играть на гармони, любил песню и пляски, славился как замечательный рассказчик, был душой общества. Люди тянулись к нему, верили его слову, знали, что командующий никогда не подведет. Он показал себя страстным и наблюдательным охотником, большим ценителем лошадей.

В.И. Ленин держался о Буденном самого высокого мнения. Кларе Цеткин в 1920 г. он говорил так:

«Наш Буденный сейчас, наверно, должен считаться самым блестящим кавалерийским начальником в мире. Вы, конечно, знаете, что он крестьянский парень. Как и солдаты французской революции, он нес маршальский жезл в своем ранце, в данном случае — в сумке своего седла. Он обладает замечательным стратегическим инстинктом. Он отважен до сумасбродства, до безумной дерзости. Он разделяет со своими кавалеристами самые жестокие лишения и самые тяжелые опасности. За него они готовы дать разрубить себя на части».

В таком отзыве нет преувеличений. Маршал К.С. Москаленко, дважды Герой Советского Союза, с 18 лет воевал в рядах Первой конной армии и прошел в ее рядах путь от рядового бойца до начальника штаба полка знаменитой 6-й Чонгарской кавалерийской дивизии. Вспоминая прошлое, он так выразил общее мнение:

«Все мы, буденновцы, любили своего командарма за его острый природный ум, беспредельную отвагу и храбрость, мужество и волевой характер, за простоту, чуткость и сердечность. Мы мечтали быть похожими на него, подражали ему во всем». (Там же, с. 15.)

Большая и полезная для страны и народа жизнь Буденного была отмечена множеством наград: тремя Золотыми звездами Героя Советского Союза, семью

орденами Ленина, шестью орденами Красного Знамени, золотым холодным оружием с надписью «Народному герою».

Белогвардейцы Буденного люто ненавидели и отзывались о нем так:

«Эта анекдотическая личность настолько известна, что распространяться про нее не стоит. Достаточно упомянуть, что даже большевики до сих пор держали его на чисто фиктивной должности инспектора кавалерии и главным его занятием было коневодство и организация бегов и скачек. Держали его при этом в Москве, главным образом, для парадных выступлений. Никаких командных постов после Гражданской войны до сих пор Буденному давать не решались. Даже с советской точки зрения он для этого не годился. Буденный, человек крайне ограниченных умственных способностей, живущий лишь за счет приобретенного им в Гражданскую войну ореола красного Мюрата. Можно себе представить, что он натворит в роли командующего войсками в Москве»[239].

Или:

«Современная армия, возглавляемая такими героями конмарксизма, как Буденный, или такой каботажной красой и гордостью революции, как Дыбенко, такой же анахронизм, как современный аэроплан, управляемый извозчиком»[240].

Отзывы белогвардейцев входили в непримиримое противоречие с фактами! Это доказывается очень легко[241].

В паре с Буденным, в качестве нового начальника округа, стал работать только что кончивший первый курс Академии Генерального штаба

комбриг А.И. Антонов (1896—1961, чл. партии с 1928). Он находился в расцвете сил (41 год), отличался исключительной работоспособностью и творческой энергией, имел большой практический опыт и глубокие теоретические познания. Жизненный путь его был таков. Родился в семье офицера, выходца из Сибири, дед тоже офицер, мать — полька (ее отец оказался сослан в Сибирь за участие в восстании 1863—1864 годов), кончил гимназию, поступил на физико-математический факультет Петербургского университета (1915). Из-за смерти матери и острого безденежья пришлось поступить на завод. В 1916 г. закончил, в связи с войной, Павловское военное училище, отправлен на Юго-Западный фронт. Здесь получил ранение и орден. Короткое время работал в Продовольственном комитете Петрограда и, демобилизовавшись, учился в Петроградском лесном институте. Разгоревшаяся Гражданская война бросила его, как других, на фронт. Здесь он начал свою карьеру в качестве помощника начальника штаба бригады, входившей в состав Сивашской стрелковой дивизии. За успешную работу удостоен почетного оружия РВС республики и Почетной грамоты за подготовку и успешное проведение операции на Сиваше. Закончил Военную академию им. Фрунзе и с 1931 г. служил на Украине в г. Коростене. Затем вновь учился — на оперативном факультете при Академии им. Фрунзе (из него позже выросла академия Генерального штаба) (ноябрь 1932 — май 1933). После учебы занимал должности начальника штаба дивизии, начальника штаба укрепрайона, начальника оперативного отдела Харьковского военного округа. Участвовал в больших Киевских маневрах (12—17 сентября 1935 г.). Якир, знавший Антонова с 1923 г., способствовавший должностному росту последнего, остался очень доволен его работой в период апробации новинки — высадки десанта из 1200 человек. Его работа удостоилась благодарности со стороны наркома Ворошилова. С 1936 г. он вновь отправился на учебу: только что открылась Академия Генерального штаба РККА, где собрался цвет военных теоретиков страны. Его товарищами по учебе являлись А. Василевский, Н. Ватутин, И. Баграмян, Л. Говоров. Всех этих избранных слушателей готовили на самые ответственные должности: начальников штабов армии и фронта, на роли

командующих. Все они во время войны с немецким фашизмом блестяще показали себя. Позже Антонов стал генералом армии и начальником штаба стран-участниц Варшавского Договора. (И.И. Гаглов. Генерал армии А.И. Антонов. М., 1987).

Среди всех названных частей округа Московская пролетарская мотострелковая дивизия была общевойсковой лабораторией, «полигоном» Генерального штаба, кузницей командных кадров, испытателем новых образцов оружия, обмундирования, а также тактики современного боя. Она всегда участвовала в парадах на Красной площади. Над ней шефствовали Большой театр, Малый театр, Художественный театр, Театр Мейерхольда, Театр Революции, заводы «Серп и Молот», «Динамо», комбинат «Трехгорная мануфактура», швейные фабрики и т.д. Восемь

274

лучших командиров первого полка Пролетарской дивизии руководили стрелковыми кружками даже в Большом театре, вели там семинарские занятия с командирами запаса по тактике, организовывали военные игры (Московская пролетарская. С. 31):

— курсанты 75 военных школ;

— курсанты двух бронетанковых училищ (созданы в 1932 г.)[242];

— курсанты военных академий (действовали с 1932 г.): военная академия механизации и моторизации, артиллерийская, военно-инженерная, военно-химическая, военно-электротехническая, военно-транспортная (создана позже) и более старые — Военная академия им. М. Фрунзе, Военно-политическая академия. За период с 1929 по 1937 год эти академии подготовили около 10 тысяч командиров;

— особые факультеты при военных академиях (для наиболее заслуженных командиров и военачальников, не имевших высшего военного образования);

— части артиллерии и ВВС;

— авиационные базы, мотоциклетные и автомобильные клубы;

— различные спортивные общества, члены которых участвовали в комсомольских кроссах, лыжных соревнованиях, сдавали нормы на значки ГТО;

— снайперские школы;

— члены многочисленных военных кружков;

— стрелковые роты, формировавшиеся на базе крупных заводов («Динамо», «АМО», и т.д., ряда учреждений);

— комсомольские учебно-строевые подразделения (КУПСы) на крупных предприятиях;

— молодежь, группировавшаяся вокруг стрелкового кружка при Втором доме Реввоенсовета (он являлся центром стрелковой жизни столицы!);

— стрелковые клубы при ВУЗах («Бауманский» и пр.);

— студенчество Московского инженерно-строительного института[243] ;

— учебный полк Московского университета (штаб, три стрелковых батальона, артдивизион, команда химиков);

— Пединститут им. К. Маркса (почти 1,5 тысячи студентов и преподавателей имели здесь по 2—3 оборонных значка!);

— кадры военно-учебных пунктов (ВУПы) при районных Советах Осоавиахима, где проходила военная подготовка;

— кружки Мосавиахима (только к 1930 г. он создал на предприятиях 400 команд по противовоздушной и химической обороне);

— авиамотористы и учащиеся планерных школ;

— 70 планерных кружков (в 1932 г. они объединяли 1,5 тысячи членов ВЛКСМ);

— общественная школа летчиков, готовившая их без отрыва от производства;

275

— летные группы на заводах (в 1935 г. они подготовили 10 тыс. планеристов, 600 летчиков);

— студенты аэроклуба при Московском авиационном институте;

— московские аэродромы и авиационные КБ;

— парашютные кружки и парашютно-санитарные отряды из девушек, членов ВЛКСМ (кондитерская фабрика «Большевичка», Второй часовой завод, фабрика «Дукат», «Трехгорка» и др.);

— Московская городская вечерняя стрелковая школа;

— клубы ворошиловских стрелков в городском Доме пионеров и других коллективах;

— группы самозащиты предприятий, учреждений и жилых домов, принимавшие участие в массовых учениях по противовоздушной обороне. Охватывали 908 предприятий, 1315 учреждений и домоуправлений. (Московская оборонная. Краткий очерк истории столичной организации ДОСААФ. М., 1977, с. 17);

— члены Осоавиахима по важнейшим специальностям (авиация, артиллерия, связь, снайперское и подрывное дело, химия и защита от нее);

— участники массовых военных походов молодежи (в 1939 г. в них участвовало более 35 тыс. призывников);

— «отпускники» с Балтики и Черноморского флота, переброшенные в Москву к часу «Х»;

— Бауманская районная стрелковая школа «Осоавиахим»;

— первый в СССР клуб ворошиловских стрелков при Бауманском районе (открыт осенью 1934 г.).

Кто же в то время, по данным Н. Ежова, из высших командиров входил в заговор? Часть этих людей ныне известна.

В Военной академии им. М. Фрунзе:

— А.И. Корк (1887—1937, чл. партии с 1918) — начальник академии с 1935 г., в Гражданскую войну — начальник штаба армии, командующий армиями, бывший полковник;

— Б. Майстрах — руководитель кафедры истории Первой мировой войны (арестован еще в феврале 1935 г.);

— П.И. Вакулич (1890—1937, чл. партии с 1918) — начальник оперативного факультета академии и начальник кафедры Академии Генштаба. В Гражданскую войну — крупный штабной работник, бывший полковник царской армии;

— И.И. Вацетис (1873—1938) — профессор академии, кафедра «История войн». В Гражданскую войну командовал фронтом и всеми вооруженными силами Республики. Бывший полковник царской армии;

— Г.Д. Гай (1888—1937, чл. партии с 1918) — профессор, начальник кафедры «Истории военного искусства». В Гражданскую войну командовал пехотной дивизией. Блестящий командир конных корпусов;

— Н.Е. Какурин (1883—1936) — преподаватель академии по тактике и начальник военно-исторического отделения. Бывший полковник цар-

276

ской армии. В Гражданскую войну командовал дивизией, армией, был помощником командующего Западным фронтом;

— А.В. Павлов (1880—1937, чл. партии с 1918) — начальник особого факультета. В Гражданскую войну командовал дивизией и армией;

— А.Н. Перемытов (1888—1938, чл. партии с 1918) — преподаватель академии. В Гражданскую войну крупный штабной работник (дивизия, фронт). Капитан царской армии;

— Е.Н. Сергеев (1888—1938, чл. партии с 1918) — преподаватель академии. В Гражданскую войну начальник штаба дивизии и армии.

В Военной академии моторизации и механизации РККА:

— М.Я. Германович (1895—1937, чл. партии с 1918) — начальник академии.

В Военно-политической академии им. Н. Толмачева:

— Б.М. Иппо — армейский комиссар второго ранга, начальник академии;

— И. Нижичек — его заместитель, дивизионный комиссар (арестован в феврале 1937 г.).

В Академии Генерального штаба:

— М. Алафузо — начальник кафедры (арестован 15.04.1937). Естественно, имелись и другие сторонники. Ведь каждый находился

в окружении людей и искателей карьеры, часто раздраженных, по их мнению, несправедливостью Ворошилова. Каждый искал надежных единомышленников, а поскольку все прошли через Гражданскую войну и много раз видели друг друга в деле, то каждый достаточно хорошо представлял, кого можно привлечь, а кого не следует, так как он нерешителен, стар, труслив, склонен к доносам и т.п.

Опорой оппозиции являлись партийные и комсомольские организации именно Бауманского района. Здесь сосредотачивались наиболее значительные их кадры, тут велась особенно упорная работа в массах — среди молодых рабочих, пришедших недавно из деревни, среди комсомольцев, студентов и школьников. Тут особенно быстро росло число первичных организаций Осоавиахима. В состав общества входила примерно половина коммунистов района, а в 1940 г. — уже 60% (!) (Московская оборонная. С. 20).

Почему оппозиция, подготавливая переворот, уделяла такое большое внимание именно Бауманскому району? Почему отдавалось ему предпочтение перед другими? Это определялось рядом обстоятельств, имевших, по мнению оппозиции, практическую важность:

1. Бауманский район — крупнейший промышленный узел.

2. Здесь находилось здание НКВД («Большой дом» на пл. Дзержинского).

3. И тут же располагался Политехнический музей, в котором 7 ноября (25 октября) 1917 г. состоялось заседание Советов рабочих и солдатских депутатов, на котором был избран Московский военно-революционный комитет.

277

4. В здании Московского высшего технического училища им. Н.Э. Баумана (2-я Бауманская ул., 5) базировался в октябрьские дни 1905 г. большевистский Московский комитет РСДРП, здесь же собирались московские городские и областные партийные конференции.

5. В реальном училище Фидлера (д. 5/16 на углу улиц Макаренко и Жуковского) во время вооруженного восстания московского пролетариата в 1905 г. происходили заседания, собрания и митинги революционной Москвы, здесь находился штаб восставших рабочих, собирались представители боевых дружин разных районов города, студенты университета и Высшего технического училища. В залах училища Фидлера устраивались стрелковые и строевые занятия дружинников, в подвалах хранилось оружие, здесь заседали Московский комитет РСДРП(б) и Совет рабочих депутатов, а также Общемосковская конференция большевиков с участием представителей городов Подмосковья, на которой было вынесено решение о начале Декабрьского восстания 1905 г.

6. Здесь (ул. Грибоедова, д. 4) происходил I съезд Российского коммунистического Союза Молодежи. (Москва. Путеводитель по районам. М., 1981, с. 196.)

7. На бывшей Мясницкой (ул. Кирова, 40) находилась почта и телеграф, именно в этом здании с 1905 г. устраивались массовые собрания почтово-телеграфных работников.

8. Район тянется почти до Красной площади (крайняя черта его — метро «Площадь революции»), а туда ведет широкая магистраль — проспект Карла Маркса, очень удобный для многолюдной народной манифестации.

Словом, все было связано с определенными традициями, которые широко популяризировались.

Почти всюду в войсках и всяких учебных заведениях оппозиция имела определенное количество приверженцев, главным образом из офицерского и преподавательского, а также руководящего состава.

При этом намечавшемся перевороте руководители заговора главную надежду возлагали на слепую дисциплину и авторитет военачальников-оппозиционеров, а также на хитрость и обман рядовых бойцов и командиров. Они вовсе не собирались идти в бой, устраивать баррикады, выбрасывать лозунги «Долой Сталина, долой Советскую власть!». Нет, они хотели совершить переворот, прикрываясь лозунгом защиты Советской власти, которую будто бы путем восстания и захвата Кремля, с убийством вождей, пытались уничтожить белые, связанные с Западом и ведущие свою «работу» в согласии с ним. Предполагалось, что при подобной хитрой тактике удастся увлечь за собой массу бойцов и командиров, к оппозиции не принадлежавших.

Эти расчеты оказались совершенно несостоятельными, в силу чего из переворота ничего не получилось. Тухачевский с горечью признал эфемерность имевшихся надежд во время предварительного следствия:

278

«Политико-моральное состояние красноармейских масс было на высоком уровне. Невозможно было допустить и мысли, чтобы участникам заговора удалось повести за собой целую часть на выполнение преступной задачи. Надежды Примакова на то, что ему удастся повести за собой механизированные войска ЛВО, представлялись больше фантазией». (Кровавый маршал. С. 100.)

Это позже Тухачевскому взгляд Примакова представлялся «фантазией»! А в 1936 г. маршал вполне разделял надежды своего соратника!

Вербовка новых людей, даже при опоре на Ягоду, являлась все время делом сложным и опасным, все время приходилось балансировать на грани провала. Позже в НКВД Тухачевский показал:

«Завербованных много. Однако, несмотря на строгие внушения о необходимости соблюдения строжайшей конспирации, таковая постоянно нарушалась. От одних участников заговора узнавали данные, которые должны были знать только другие (т.е. высшие командиры. — *В.Л.),* и т.д. Все это создавало угрозу провала». (Там же, с. 99.)

Поведение оппозиционеров понятно: передавая друг другу важнейшие сведения, они старались поддержать свой моральный дух. Ибо их подлинные планы слишком мало имели шансов на то, чтобы получить поддержку широких народных масс.

В Москве, в день ареста Тухачевского, имелись в разных районах попытки произвести какие-то выступления, но они с позором провалились. Во-первых, не поддержал народ, который боялся новой смуты и не доверял темным уличным ораторам. Милиция быстро разогнала митинги и схватила часть подозрительных болтунов. Во-вторых, в решительный момент колебнулись оппозиционные командиры со своими солдатами. Они не пожелали взяться за оружие.

Все оказалось блефом! Впрочем, сами вожди оппозиции хорошо это знали, потому и искали заграничной поддержки! Только эта поддержка могла приверти их к власти!

* * *

Были ли иностранные посольства в курсе дел оппозиции? В целом да. Послы знали многое по официальной линии, от министров иностранных дел своих государств и их сотрудников, кое о чем догадывались на основе анализа полученных ими материалов, часть сведений получали они «приватно» — из доверительных разговоров с разными руководителями тайной оппозиции и от собственной разведки.

Среди послов в Москве главную роль играли: от Германии — Герберт Дирксен (1882—1949), посол в СССР с 1928 по август 1933 г.[244] и Фриц фон Шулленбург (1934—1941), от Франции— Кулондер[245] (XI. 1936—X. 1938), от Англии— Чилстон, от Италии— Черетти, от США — Вильям Буллит (1934—1936), журналист и разведчик, представитель США на Парижской мирной конференции еще в 1918—1919 гг.,

позже — посол в Париже (1936—1941), через брата-банкира и лично связанный с военно-химическим концерном «И.Г. Фарбениндустри», и его преемник Д. Дэвис (1936—1938). Посольства регулярно устраивали всевозможные обеды и рауты, на которых шли важные разговоры. Сотрудники посольств, торговые и военные атташе, приезжавшие из западных стран представители заводов и фирм по делам многократно бывали в Наркомате обороны, в Наркомтяжпроме и на заводах, ибо велись переговоры о перевооружении РККА с помощью Германии (начиналось это еще при Веймарской республике на основе секретного соглашения), об опытах с новейшими самолетами и танками, бомбометанием, обучении курсантов и т.п.

Среди этих послов — в силу обстоятельств Версальского мира — для СССР главную роль играл посол Германии Фридрих фон дер Шуленбург (1875—1944). Он родился в аристократической семье (по происхождению — граф). Род его принадлежит к древнейшим в Германии и ведет начало от рыцаря-крестоносца, убитого в 1119 г. Один из представителей рода был камергером Саксонии, получив графское достоинство Римской империи. Его сын Людвиг находился на русской службе, получив чин генерал-майора. В России род Шуленбургов имел также графское достоинство и с 1854 г. числился среди дворян Черниговской губернии[246] . Таким образом, у этой фамилии были очень давние связи с Россией, что Гитлер, при своей самоуверенности, во внимание вовсе не принимал.

Граф Фридрих фон дер Шулленбург получил прекрасное воспитание. В 26 лет начал службу в дипломатическом ведомстве, побывал в Варшаве, Тифлисе, Эрзеруме, Дамаске, Тегеране, Бухаресте. Считался образцовым чиновником консервативного склада, добросовестно служившим сначала кайзеру, потом — Веймарской республике. Своей инициативы он никогда прежде не проявлял, не устраивал никаких оппозиций. В 1934 г. он беспрекословно вступил в нацистскую партию, хотя в среде дипломатов долго чувствовалось закулисное сопротивление. Гитлер это оценил и решил назначить его новым послом в Москву, где прежний посол Рудольф Надольный[247], несмотря на свое сочувствие нацистскому руководству, успел уже вызвать его неудовольствие. Он стал проводить слишком прорусскую политику и Н. Крестинскому, заместителю наркома по иностранным делам, в ноябре 1933 г. заявил: «Вы знаете меня давно, я держусь того мнения, что меняются правительственные системы, возникают и исчезают небольшие недоразумения, но основная линия, требующая крепкой связи между Советским Союзом и Германией, остается непоколебимой». (Ю.Л. Дьяков, Т.С. Бушуева. Фа-

шистский меч ковался в СССР. М., 1992, с. 339.) Такой курс Гитлеру не понравился, и он своего посла сместил, заменив его Шулленбургом, в надежде, что тот окажется более покладистым.

Но и последний очень скоро показал, что является сторонником политики «железного канцлера» Бисмарка, давшего совет избегать воо-
280
руженных конфликтов с Россией. Таково же было настроение почти всех профессиональных дипломатов, даже самого главы министерства иностранных дел Риббентропа (1893—1946) и его ближайшего сотрудника Вайцзеккера (1882—1951), занимавшего пост статс-секретаря МИДа (1938—1943). Невероятно, но в исключительно тяжелых условиях (28 апреля 1941 г.) он посмел написать Риббентропу так:

«Я не вижу в русском государстве какой-либо действенной оппозиции, способной заменить коммунистическую систему, войти в союз с нами и быть нам полезной. Поэтому нам, вероятно, пришлось бы считаться с сохранением сталинской системы в Восточной России и в Сибири и с возобновлением военных действий весной 1942 г. Окно в Тихий океан осталось бы закрытым.

Нападение Германии на Россию послужило бы лишь источником моральной силы для англичан». (Вторая мировая война в воспоминаниях Уинстона Черчилля, Шарля де Голля, Корделла Хэлла, Уильяма Леги, Дуайта Эйзенхауэра. М., 1990, с. 104—105.)

Неудивительно, что и Риббентроп постепенно склонился к такой точке зрения. Войны с СССР он не хотел и боялся. 22 июня 1941 г. в здании министерства иностранных дел Германии ему, однако, пришлось объявить советскому послу В. Деканозову (1898—1953), исполнявшему посольские обязанности в течение 1940—1941 гг., бывшему в то же время заместителем наркома иностранных дел (1939—1947) и крупным чином НКВД (заведующий иностранным отделом), соратником самого Берии, о разрыве отношений двух государств и войне. Когда советский посол, произнеся соответствующие моменту ответные фразы, пошел к выходу, в сопровождении секретаря посольства Бережкова, произошло вдруг нечто неожиданное:

«Риббентроп, семеня, поспешил за нами. Он стал скороговоркой, шепотком уверять, будто он лично был против этого решения фюрера. Он даже якобы отговаривал Гитлера от нападения на Советский Союз. Лично он, Риббентроп, считает это безумием. Но он ничего не мог поделать. Гитлер принял это решение, он никого не хотел слушать.

— Передайте в Москве, что я был против нападения, — услышали мы последние слова рейхсминистра, когда уже выходили в коридор» (В.М. Бережков. Годы дипломатической службы. М., 1987, с. 54; Он же. С дипломатической миссией в Берлин. М., 1966, с. 102.)

Во время этой утренней беседы, когда происходило объявление войны, министр находился явно не в себе: «У Риббентропа было опухшее лицо пунцового цвета, и мутные, как бы остановившиеся, воспаленные глаза». (С. 53.)

При таком раскладе вещей, понятно, что и Шулленбург являлся сторонником мира с Россией и вполне разделял взгляды авторитетных дипломатов и военных, которые генерал Гаммерштейн, начальник Управления сухопутных сил рейхсвера, во время беседы с Ворошиловым 5 сентября 1929 г. выразил так: «У вас коммунистический строй являет-
281
ся государственным строем, у нас коммунизм враждебен государственному строю <...> Основами дружественных отношений двух стран являются три фактора: дружба армий, возможно дружественная внешняя политика и взаимное признание

внутренней политики каждой страны». (Ю.Л. Дьяков, Т.С. Бушуева. Ук. соч., с. 100.)

Шулленбург являлся горячим поклонником советско-германского пакта о ненападении и очень ему способствовал. Гитлер, естественно, знал о его настроениях. И в течение первой половины 1941 г. водил за нос собственного посла, отрицая намерение воевать с Россией. В апреле 1941 г. встревоженный ходящими слухами о войне, посол в сотрудничестве с советником посольства Хильгером и военным атташе Кестрингом (с явного одобрения Риббентропа!) разработал для Гитлера докладную записку о взаимоотношениях двух стран. Он старался отвратить фюрера от войны, которая, по его мнению, привела бы не к выигрышу, но могла стать погибельной для Германии. Его мнение в этом плане опиралось на авторитетное суждение генерала Гаммерштейна, который , тоже крайне отрицательно относился к идее такой войны и 11 декабря 1932 г. венгерскому посланнику в Берлине Кании говорил: «Все же, по моему мнению, Россия неприступна. И ее соседям придется горько. Русская армия и русские рабочие будут фанатично защищать свою родину. Я знаю, насколько велик рост заводов военной промышленности в Перми, но если они только подготовлены к пуску, то и тогда Россия при ее блестящем географическом положении непобедима. Ну какое для России это может иметь значение, если удастся на время захватить даже Москву?» (Там же, с. 137.)

Шулленбург вручил свою записку Гитлеру и после краткой беседы с ним 30 апреля 1941 г. вернулся в Москву крайне удрученный. Он не скрыл от своих сотрудников, что «выбор сделан, война — дело решенное», и что «Гитлер намеренно обманул меня».

Неудачный ход войны (что посол предвидел) вызвал у него страшную ненависть к фюреру. Он начал искать сближения с оппозиционными Гитлеру кругами, нашел нужных ему влиятельных людей (Герделер, Тресков и др.) и составил с ними совместный заговор. Целью его являлось свержение Гитлера и создание либерального правительства. Предполагалось, что в нем он займет пост министра иностранных дел. Заговорщики создали сильную партию, из людей очень влиятельных. Бывшему послу сумели доставить очень важный пост — заместителя полицай-президента Берлина, который помогал обеспечивать безопасность[248].

Заговор, однако, был раскрыт из-за неудачного покушения и малодушия военных руководителей, не посмевших в открытую выступить против Гитлера. В итоге вместе с рядом других сторонников Шулленбург был арестован гестапо и казнен. Участием в заговоре против Гитлера бывший посол неоспоримо доказал свою стойкость, смелость, убежденность, патриотизм и антифашизм на деле. Его членство в нацистской партии оказалось чистой формальностью.

282

Правой рукой посла во всех делах являлся советник Густав Хильгер (1886—1965). Он был родом из семьи немецкого фабриканта, имевшего свое дело в России. Учился в Москве, в немецкой школе, с детьми из богатых русских семей. Кончил Высшую техническую школу в Германии (Дармштадт) с квалификацией инженера. В 1910 г. вернулся для работы в Россию. Выгодно женился на дочери французского промышленника, осевшего в Москве. Дела его шли хорошо, карьера складывалась удачно. В начале Первой мировой войны оказался выслан на окраину, в небольшой поселок на северо-востоке европейской России, через некоторое время возвращен в Москву, где занимался защитой интересов немецких военнопленных. После Бреста (1918) ведал вопросами репатриации. Во времена Веймарской республики с небольшими перерывами занимал в Москве дипломатические и другие посты, считаясь, по справедливости, знатоком русской

и советской истории, германо-советских отношений' помощником всех послов Германии, их переводчиком во время бесед со Сталиным и другими руководителями СССР. В 1941 г. был отозван в Германию. Несмотря на репутацию политика, настроенного прорусски, занимал в МИДе на Вильгельмштрассе заметное положение, был экспертом по русским делам, руководителем отдела референтов (докладчиков). После войны, как сотрудник Риббентропа, оказался интернирован в США и находился в заключении. По возвращении на родину вновь работал в МИД (Бонн). До смерти успел выпустить интересную книгу «Мы и Кремль»[249].

Знавшие Хильгера единодушно отмечали его высокий профессиональный и культурный уровень, как и его жены. Оба знали по три иностранных языка (он — русский, французский, английский, она — русский, английский, немецкий). Сотрудник посольства Кегель, вспоминая о совместной работе с Хильгером, отзывается о нем так:

«Его солидное, хотя, конечно, полное классовых предрассудков знание истории России и развития Советского Союза вызывало у меня уважение. Я также ценил такое его личное качество, как всегда сдержанное и политически уравновешенное поведение. Я убедился и в том, что он по убеждению, которое, правда, основывалось на совсем ином мировоззрении, чем мое, считал готовившуюся Гитлером и явно приближавшуюся войну против Советского Союза несчастьем для Германии». (В. Кегель. В бурях нашего века. М., 1987, с. 152.)

«Я не сомневаюсь, что его, прекрасного знатока страны и людей, активно использовали для организации самых различных провокаций и интриг против Советского Союза». (Там же, с. 127.)

Хильгер за многие годы жизни в России и СССР вжился в местную жизнь, и хотя советскую власть, понятно, не любил (она его разорила), но озлобления белогвардейцев у него не было. Советский дипломат В. Бережков, переводчик В. Молотова на встрече его с Гитлером, так характеризовал Хильгера:

«Он много лет провел в Советском Союзе, русский язык знал не хуже своего родного языка. Он даже внешне походил на русского. Когда

по воскресеньям в косоворотке и соломенной шляпе, с пенсне на носу он рыбачил где-нибудь под Москвой на Клязьме, прохожие принимали его за «чеховского интеллигента». (Там же, с. 126.)

Третьим лицом немецкого посольства являлся военный атташе полковник Кестринг. Этот человек, в силу своей должности и прямых выходов на Наркомат обороны СССР, особенно интересен.

Эрих Кестринг (1876—1953) родился в Москве, учился в местной школе. Отец его до революции был богачом, владел доходным издательством, потом купил имение под Тулой и выступал уже как российский помещик. Своего состояния Кестринг в результате революции, естественно, лишился. Поэтому советские порядки он ненавидел, как грабительские. Закончил Михайловское военное училище, вернулся в Германию и в Первую мировую войну находился на Восточном фронте, служил начальником разведки при Главном штабе немецкой армии. Закончил военную академию. В 1918 г. был направлен в составе немецкой миссии на Украину к гетману Скоропадскому, чтобы помочь сформировать сильную украинскую армию.

Предполагалось, что Кестринг будет помощником начальника Генерального штаба Украинской армии. Подобному тому как, по немецкому обычаю, делал это в 1885 г. фон дер Гольц (1843—1916). Эта весьма известная личность авантюрного склада участвовала в двух войнах (австро-прусской и франко-

прусской), затем находилась на турецкой (!) службе, имела сан паши (!), в Германии (с 1911 г.) — чин генерал-фельдмаршала! Фон дер Гольц руководил реорганизацией турецкой армии (1909—1910), был затем адъютантом султана (!), командовал турецкой армией в Месопотамии (1915), победил английскую армию, стяжав почетные лавры (1916). Умер этот крупный политик и военный, автор ряда военно-исторических книг (в том числе книги «Вооруженный народ», русское издание 1886 г.) в городе халифов Багдаде! Вот что значило быть членом военной миссии за границей!

Предприятие оказалось малоуспешным из-за яростного сопротивления трудящихся и народной войны. По собственному признанию Кестринга, в то время «вся Украина превратилась в ад». Ноябрьская революция в Германии (1918) положила конец деятельности миссии и заставила вернуться домой. Надо полагать, что после этого он все-таки выполнял разные секретные миссии по связям с белогвардейскими армиями, воевавшими с Красной Армией. И выполнял их, вероятно, неплохо, так как успешно делал карьеру. Был командиром кавалерийского полка, а в 1928 г. приехал в Россию вместе с группой немецких офицеров-наблюдателей военных учений в Белорусском и Киевском военных округах. Чем он занимался, у советского руководства не было сомнений, и уже тогда оперуполномоченный Особого отдела в служебном документе записал: «Кестринг заслуживает особого внимания». При Веймарской республике, работая под начальством генерала Адама, занимал пост старшего адъютанта начальника управления сухопутных сил

284

генерала Ганса фон Секта. Получает назначение в Москву на пост военного атташе (1931) в чине полковника. Был связующим звеном между немецким военным руководством и советским, а также переводчиком генерала Адама, когда тот приезжал в Москву. Чрезвычайно интересна беседа, которую вели его начальник и Ворошилов в 1931 г. по военным вопросам. В ней, между прочим, затрагивался и вопрос о танках, о масштабах применения которых велись в то время дискуссии. Вот любопытный фрагмент беседы:

ВОРОШИЛОВ. Разрешите задать Вам вопрос немного, быть может, посторонний. Как Вы считаете, как Начальник Генштаба Рейхсвера, — танки в будущей войне будут играть действительно первостепенную роль, или они являются подсобным боевым средством?

АДАМ. Категорически придерживаюсь того мнения, что танки в будущей войне будут играть вспомогательную роль и что нам надо обратить особое внимание на противотанковые средства; при хороших противотанковых средствах танки не будут иметь большого значения.

ВОРОШИЛОВ. Если танки не будут иметь большого значения, зачем тогда противотанковые средства?

АДАМ. Танки очень дорогое оружие, и только богатое государство может позволить себе иметь их (.)

ВОРОШИЛОВ. Я с вами не совсем согласен. Если нужно противотанковое оружие, то против хороших танков. Я уверен, что Вы, невзирая на трудное положение Германии, будете применять танки, и хорошие танки. Танки у Вас будут, следовательно, Вы заинтересованы в развитии танкового дела. Танки Рейнметалла, Круппа и еще один, которые Вы привозили, далеко отстают от современной техники танкостроения.

АДАМ. Тогда это ошибка — нам надо быть всегда в курсе развития танков и строить современные танки. Неверно, что танки решили войну, но танки надо иметь, чтобы защищаться против танков, следить за их развитием и строить танки.

ВОРОШИЛОВ. Как тогда Вы расцениваете английскую линию на широкое развитие механизации вооруженных сил?

АДАМ. Англичане тоже ограничены в средствах и воздержатся от широкого развития танков. Большие битвы никогда не будут решены танками, а людьми. (Ю.Л. Дьяков, Т.С. Бушуева. Ук. соч., с. 126—127.)

В 1932 г. Кестринг получает чин генерал-майора. Он подумывает уже об отставке (56 лет), но пришедшие к власти нацисты его не отпускают. Они Кестринга отправляют для разведывательной работы в Маньчжурию и Китай (эта командировка заняла почти 2 года), а затем в Москву, потом в Чехословакию, где назревали большие события. В Москве его заменил 45-летний баварец из артиллеристов полковник Гартман, окончивший Академию Генерального штаба и с 1932 г. принимавший участие в работах разведывательного отдела военного министерства.

После того как Кестринг вступил в НСДАП, он вновь был возвращен на свой пост в Москву (1935). И оставался на нем по 1940 г., отлуча-

285

ясь на время для поездок в Берлин и Прагу в связи с ликвидацией Чехословакии, как самостоятельного государства (весна 1939 г.). В 1937 г., по существу, Кестринга отозвали в Берлин из-за разразившегося скандала: советская печать обвиняла его в том, что он поддерживал тайные оппозиционные контакты с Тухачевским и даже занимался шпионской деятельностью, что сам Кестринг категорически отрицал.

В Берлине не стали устраивать свару из-за своего военного атташе и, отозвав, заменили его новым — полковником фон Бонином. Последний, как и его друг, посол фон Блюхер, потомок немецкого фельдмаршала, входил в «русскую партию». В Москве он установил прекрасные отношения с Наркоматом обороны, познакомился с предприятиями советской военной промышленности (таким путем Сталин надеялся удержать Гитлера от войны, продемонстрировав ему реальную советскую силу). После этого фон Бонин направил в Берлин объективный доклад. Но Гитлер и немецкий Генеральный штаб отвергли его, считая, что он «преувеличивает силу Красной Армии». После же советско-финской войны Гитлер вообще сделал вывод, что Красная Армия «колосс на глиняных ногах», и не раз оскорбительно говорил: «Если ты русский, то чего ты стоишь?!»

Советско-германский пакт немецкий фюрер рассматривал исключительно как хитрое прикрытие на период подготовки войны. Фон Бонин был отозван, поскольку лишился доверия, но в конце 1940 г. он приехал в Финляндию как частное лицо и там секретно передал важнейшие документы советской разведке о разработке плана нападения на СССР. В 1944 г. он, с рядом других офицеров, принял участие в неудачной попытке покушения на Гитлера, был схвачен и казнен.

Кестринг, по необходимости, оказался возвращен в Москву. Руководство решило, что он вовсе не самый плохой военный атташе, а тот, со своей стороны, пытался всеми силами руководство успокоить. Он принимал участие в военных консультациях своего руководства в связи с подготовкой войны и последующей ликвидацией независимости Польши. В этой связи приходилось встречаться не только со своим непосредственным начальством генералом Матцки, но и с Гитлером, его главным адъютантом полковником Фридрихом Хоссбахом (1894—1980), который часто стенографировал совещания фюрера с высшим руководством Германии (в 1944 г. он примкнет к заговорщикам!), главнокомандующим воздушным флотом генерал-полковником Г. Герингом и его советником Эрхардом Мильхом (1892—1980), Мартином Борманом (1900—1945),

Йозефом Геббельсом (1897—1945), его референтом В. Хейрисдорфом, доктором Таубертом, начальником специального отдела, где сочиняли всякие злостные политические выдумки, распространявшиеся затем через газеты или в виде слухов, с Карлом Бемером — правой рукой министра пропаганды, руководившего обычно пресс-конференциями с иностранными журналистами, с адмиралом Канарисом, Гейдрихом, Шелленбергом, бывшим военным министром генералом Вернером фон

286

Бломбергом (1878—1946), бывшим начальником Генерального штаба генералом Людвигом Беком (1880—1944) и многими высшими чинами вермахта — бывшими работниками немецкого Генштаба. И, разумеется, с начальником ОКВ (Верховное командование вермахта) Вильгельмом Кейтелем (1862—1946). В порядке консультаций Кестринг вел беседы также с чиновниками Центрального департамента по делам колонизации, уже созданного в предвидении большой войны. Зная о скором ее начале, по указаниям своего начальства в строгом секрете занимался формированием на территории Германии подразделений «казаков», большей частью из белогвардейцев и их сыновей. В мае 1941 г. уже генералом вновь вернулся на свое место в Москву, где замещал его полковник Ганс Кребс (1898—1945), работавший в посольстве в качестве помощника (с 1945 г. он — генерал пехоты, кончил самоубийством). Этот Кребс был прислан сюда в марте 1941 г. и пробыл в качестве заместителя до начала мая, так как Кестринг сказался больным. Его разговоры в Берлине вызвали сильное неудовольствие высшего начальства. Последнее полагало, что он, как и Шулленбург с Хильгером, сильно переоценивает обороноспособность СССР и пропаганду принимает за чистую монету. Одному из своих сподвижников фюрер даже сказал с осуждением: «Эти дипломаты и военные атташе в Москве вообще хуже всех информированные люди» (А.И. Полторак. От Мюнхена до Нюрнберга. М., 1960, с. 161.) Разумеется, это тотчас стало известно в Москве в посольстве и произвело здесь удручающее впечатление на всех. И когда после парада 1 мая 1941 г. на приеме у посла в честь его возвращения из Берлина Кегель спросил Кребса, как он расценивает парад и его военную технику, тот вдруг побагровел и буквально заорал: «Все вы здесь слишком верите советской пропаганде! Считая нас, немцев, дураками, Кремль хочет заставить поверить, что участвовавшая в параде дивизия действительно оснащена оружием, которое сегодня провезли по Красной площади. Если речь идет о трех показанных на параде длинноствольных орудиях, то они изготовлены на пльзеньском заводе «Шкода». И мы точно знаем, что во всем Советском Союзе имеются всего лишь три таких орудия. Это значит, что современная техника, которую вы видели на параде, собрана со всего Советского Союза, чтобы произвести впечатление на иностранцев, которых здесь считают дураками». (Г. Кегель. Ук. соч., с. 193.) Кестрингу такие разговоры было, конечно, смешно слышать, так как он в течение ряда лет, вместе с другими немецкими офицерами и специалистами, бывал в разных местах страны и видел, что там идет напряженная работа и учеба. Так, например, в 1931 г. он побывал в Курске (8 дней в 55-й стрелковой дивизии), в Оренбурге (8 дней в 11-й кавалерийской дивизии), в Свердловске (10 дней в 57-й стрелковой дивизии), в Бердичеве (5 дней в 3-й кавалерийской дивизии). Свои впечатления он имел возможность сравнивать с впечатлениями коллег. И они никак не совпадали с тем, что говорил Гитлер и многие из его окружения.

287

Кестринг был человек очень умный, с высокой военной и общей квалификацией. Поэтому советская контрразведка бдительно следила за каждым его шагом, учитывала все его связи, старалась ограничить его поездки за пределы Москвы,

подстроила так, что однажды один из сотрудников советской разведки оказался его спутником.

«Генерал Кестринг, — отмечал он в своем отчете, — человек умный, хитрый, чрезвычайно наблюдательный и обладающий хорошей памятью. По-видимому, он от природы общителен, но общительность его и разговорчивость искусственно им усиливается и служат особым видом прикрытия, чтобы усыпить бдительность собеседника. Он задает не один, а десятки вопросов самых разнообразных, чтобы скрыть между ними те два или три единственно существенных для него вопросов, ради которых он затевает разговор. Он прекрасный рассказчик, но и то, что он говорит, обычно ведет к совершенно определенной цели, причем так, что собеседник не замечает этого. В течение часа или двух он может засыпать собеседника вопросами, рассказами, замечаниями и опять вопросами. По первому впечатлению это кажется совершенно непринужденной беседой, и только потом становится ясным, что вся эта непринужденность и видимая случайность на самом деле вели к какой-то определенной цели»[250].

В архиве советской разведки с течением времени собрался значительный материал о деятельности Кестринга, а также различные его характеристики. Одна из них, принадлежавшая такому тайному советскому агенту, гласила: «Сам Кестринг отчаянно пытался прорвать устроенную ему блокаду». И отчасти ему это удалось, о чем он позже рассказал в своих мемуарах.

А в своем секретном докладе в Берлин он так рассказывал о своих противниках из НКВД:

«Сотрудники НКВД, одетые в штатское, сменялись в каждой области и в каждой республике. Хотя они никогда не вмешивались, им удавалось одним только своим присутствием делать почти невозможной какую-либо продолжительную беседу. Их было во время моей поездки около 40 человек. За исключением одного еврея, они были тактичны и сдержанны. Если отбросить то неприятное чувство, что за тобой постоянно наблюдают, будь то в театре, в гостинице, во время пути, в столовых и в самых интимных местах, и игнорировать то обстоятельство, что это мешало осуществлению моей цели — много видеть и много говорить, я могу охарактеризовать сотрудников НКВД только как очень любезных и дельных людей»[251].

В сущности, Кестринга можно считать представителем «русской партии» в Германии. Нацистов он не любил, но в НСДАП вступить пришлось — по житейским обстоятельствам. И Гитлеру он не очень верил. Но поскольку генерал находился на государственной службе, а Гитлер являлся главой государства, он, как истинный немец, считал необходимым добросовестно подчиняться его распоряжениям.

Вместе с тем Кестринг считал, что правильна та линия, которую прямо и честно бывший посол Дирксен отстаивал перед фюрером, которому он в апреле 1933 г. писал: «Большевизм в России не вечен. Процесс развития национального духа, который показывается теперь во всем мире, охватит в конечном итоге и Россию. Большевизм с его нуждой и ошибками сам подготовляет почву для этого. Мы должны оставить это в центре нашего внимания.

Исторически мы должны держаться за хорошие отношения с Россией, с которой мы безусловно рано или поздно опять будем иметь непосредственные границы. При таких условиях мы должны проявлять особенную осторожность во всех тех внутреннеполитических и полицейских мероприятиях, которые могут прямо ухудшить наши отношения с Москвой». (Ю.Л.Дьяков, Т.С. Бушуева. Ук. соч., с. 313.)

В посольстве уже с января 1941 г. не сомневались, что в этом году будет война. Но относительно даты шли споры, так как факты было трудно отделить от фантастических слухов. В середине мая Кестринг вдруг спросил Кегеля, как коллегу по посольству, как, по его мнению, немецкой администрации следовало бы относиться к колхозам в оккупированных районах СССР? Кегель осторожно ответил:

«Интересы обеспечения производства продовольствия потребуют сохранения колхозов. А, впрочем, мне совсем не нравится делить шкуру неубитого медведя. Почему генералу проходится раздумывать над такими вопросами?» Кестринг ответил:

«Я полностью разделяю ваше мнение. Но мое начальство в Берлине хотело бы знать это и многое другое. Я противник коллективизации сельского хозяйства. Но если мы распустим колхозы и вновь превратим колхозников в единоличников, то наступит хаос». (Кегель. Ук. соч., с. 183.)

В это же приблизительно время из посольства начинается массовый отъезд женщин, жен дипломатических работников, которые прежде уже дипломатической почтой отправляли отсюда купленные ими ценности: украшения из золота, драгоценные камни, иконы, ковры, произведения искусства (вывоз их был запрещен). Это все Кестрингу очень не понравилось, и он своему начальству в Берлин написал так:

«Последствия таковы, что, поскольку эту переправку ценностей можно утаить разве что от посыльных, но не от русских наблюдателей, она дает пищу самым диким слухам. Как недостойно все это! Другие последствия мне представляются еще более серьезными. Как и в Чехословакии, все, что я еще раз называю барахлом, через границу могут переправить лишь те, у кого есть дипломатический паспорт, то есть высокопоставленные чиновники. И еще: почти все жены дипломатов из нашего посольства уже удрали. Кое-кому из них, возможно, действительно нужно выехать, но большинству, конечно, нет. Можно представить себе, что думают жены других служащих и машинистки посольства, когда они видят, как их подруги с дипломатическими паспортами удирают. И хотя мое мнение нередко считают грубым, я, несомненно,

289

прав: «Бабам на войне делать нечего»! Нужно ли, чтобы все прибывающие для усиления посольства сотрудники везли с собой семьи? Они приезжают сюда, наедаются до отвала маслом и икрой, увешивают себя мехами и ожерельями, купленными за дешевые рубли, а потом отваливают или по меньшей мере стремятся спасти свое добро в ущерб великому делу, во вред нашим единству и сплоченности. Я испытываю грешное желание, чтобы бомбы англичан попали в те дома, где хранится это вывезенное недостойным путем в Германию добро». (Там же, с. 191-192.)

Даже отдельные штрихи в деятельности Кестринга показывают, что он находился в курсе всех важнейших мероприятий по плану «Барбароссы», под чем подразумевалось нападение на СССР (подписан Гитлером 18.12.1940). Он не раз бывал в «Штабе Валли» под Варшавой, который возглавлял опытный разведчик Шмальшлегер, где координировались действия команд и групп, предназначавшихся для ведения разведывательных и диверсионных операций, контактировал с начальником Абвер-П полковником Эрвином фон Лахузеном (1897—1955), с руководителем сверхсекретного подразделения полковником Эрвином Штольце (1891 — после 1997), — оно должно было наносить мощные удары по военно-промышленным объектам для выведения их из строя, с главарями украинских националистов Бандерой и Мельником, подготовлявшими выступление националистов на Украине, приуроченным к началу войны, с

генерал-фельдмаршалом Вильгельмом Кейтелем (1882— 1946), который был очень популярен в Германии, среди военных ближе всех стоял к Гитлеру, являлся начальником штаба ОКВ (Верховного командования)[252], заменив собою непокорного генерала Людвига Бека (1880—1944), с генерал-фельдмаршалом Вальтером Браухичем (1881— 1948), главнокомандующим сухопутными войсками; встречался по делам службы с руководством военно-исследовательского центра — Институтом геополитики и, естественно, с начальником отдела Иностранных армий Востока полковником Кинцелем. И с Канарисом пришлось не раз беседовать, и с его ближайшим сотрудником и соратником Остером, и бывать в военных лагерях украинских националистов под Берлином и Бранденбургом, и в разведывательной школе близ Кенигсберга, и в берлинской школе абвера, готовившей агентов высшей квалификации (15-месячная программа). И к финнам приходилось ездить, поскольку предполагалось их участие в войне с СССР, в ставку маршала Маннергейма, к начальнику финской разведки Меландру для обмена разведывательной информацией. И уж само собой понятно, что приходилось встречаться с немецким послом в Финляндии фон Блюхером (1883—1963) и военным атташе генерал-майором Россингом. Не обходились вниманием и прибалтийские буржуазные государства. Особенно тесные связи установились с Эстонией, и Кестринг бывал здесь по служебным делам у начальника разведывательного отдела Генерального штаба полковника Маазинга, настроенного пронацистски, и на-
290
чальника штаба армии генерала Рээка. Главнокомандующий эстонской армией генерал Лайдонер контакты с немцами оценивал вполне определенным образом: «Нас главным образом интересовали сведения о дислокации советских военных сил в районе нашей границы и о происходящих там перемещениях. Все эти сведения, поскольку они имелись у них, немцы охотно сообщали нам. Что касается нашего разведывательного отдела, то он снабжал немцев всеми данными, которыми мы располагали относительно советского тыла и внутреннего положения в СССР. (Ф. Сергеев. Тайные операции нацистской разведки. М., 1991, с. 170—171.) Генерал Пикенброк, один из ближайших сотрудников Канариса, о тех же связях позже показывал так: «Разведка Эстонии поддерживала с нами очень тесные связи. Мы постоянно оказывали ей финансовую и техническую поддержку. Ее деятельность была направлена исключительно против Советского Союза. Начальник разведки полковник Маазинг ежегодно наведывался в Берлин, а наши представители по мере необходимости сами выезжали в Эстонию. Часто бывал там капитан Целлариус, на которого была возложена задача наблюдения за Краснознаменным Балтийским флотом, его положением и маневрами. С ним постоянно сотрудничал работник эстонской разведки капитан Пигерт. Перед вступлением в Эстонию советских войск нами заблаговременно была оставлена там многочисленная агентура, с которой мы поддерживали регулярную связь и через которую получали интересовавшую нас информацию». (Там же, с. 171.)

Ради укрепления отношений с разведкой Эстонии и в связи с «предприятием» Тухачевского, Канарис и Пикенброк выезжали туда и сами (1937—1939), разумеется, под чужими именами, ради сохранения секретности. В апреле 1939 г. генерал Рээк был даже приглашен на день рождения Гитлера (!), который праздновался всей страной.

Готовясь к войне с СССР, Гитлер обольщал себя пустыми надеждами, от «ошибочных данных», сообщавшихся генералами и разведкой, отмахивался. Он всецело уповал на свои победы во Франции и, убеждая Кейтеля и Йодля в своей правоте, торжествующе говорил: «Теперь мы показали, на что способны.

Поверьте, поход против России будет в сравнении с этим простой детской игрой». (Там же, с. 186.)

Уже с 6 сентября 1940 г. Управление разведки и контрразведки самым энергичным образом проводило свои акции против СССР. А в конце декабря 1940 г. Йодль сообщил Канарису и Пикенброку, что начало войны с СССР — лето 1941 г.

В соответствии с тайными планами проводились вполне определенные мероприятия, вызывавшие большую настороженность руководства СССР: направление военной миссии Германии, а затем и войск в Румынию, заключение договора с Финляндией о размещении там германских войск, развертывание финской армии и немецкой дивизии на ленинградском направлении, формирование в Германии финского эсэсовского батальона, развертывание войск против Югославии.

291

В мае 1941 г., как определенное знамение, в Москве в немецком посольстве вдруг объявился Шелленберг в качестве «представителя химической промышленности». Эта хитрая и опытная бестия из ведомства Гейдриха, сделавшая невероятную карьеру в 30 лет (в декабре 1941 г. он уже возглавлял внешнюю разведку!), прибыл в Москву якобы для того, чтобы побывать на каком-то химическом заводе (одни сотрудники посольства говорили, что где-то на Нижней Волге, другие — на юге Урала). Выезжать туда он, однако, не торопился. В промежутках между своими таинственными делами он в сопровождении одного из сотрудников посольства осматривал «достопримечательности Москвы», а потом напивался (видно, его мучил страх!) и вел с сотрудниками опасные разговоры. При этом разглашал такие сведения, за которые полагается отрубание головы. Разговоры были такого рода: «Дни Советского Союза уже сочтены, и война между Германией и Россией неизбежна. Эта война начнется скоро. А Советский Союз — это «колосс на глиняных ногах». Одного сильного удара немецкого вермахта будет достаточно, чтобы «господство большевиков» рухнуло. Надо-де только сбросить с самолетов на русские деревни достаточно пулеметов, винтовок и боеприпасов, и в мгновение ока всю страну охватит пожар. Русские крестьяне сами рассчитаются «с еврейскими большевистскими заправилами». (Кегель. С. 184.)

Странные были разговоры. Учитывая характер ведомства, общую обстановку, дух соглядатайства, царивший в посольстве, можно не сомневаться, что Шелленберг не просто так распускал язык, «по пьянке». Скорее всего, Шелленберг догадывался (даже не сомневался!), на основе имевшихся в его распоряжении служебных документов, что в посольстве есть два или три лица, которые работают на неприятельские разведки, в том числе и на русскую. Разглашая секретные сведения, он и Гейдрих хотели на будущее (весьма неверное!) заручиться расположением этих разведок, дать им доказательства своей нужности, чтобы в случае проигрыша войны они помогли им спасти свои шеи от петли! Шелленбергу это вполне удалось! А Гейдрих не дожил до конца войны: он умер от ран (04.06.1942), полученных в результате покушения английских парашютистов, заброшенных для этой специальной акции в Чехословакию, где он тогда свирепствовал.

Велика ли была для Гейдриха и Шелленберга степень риска? Риск, конечно, присутствовал. Но имелось и могущественное прикрытие. Работавших на английскую разведку сначала прикрывал Гесс, заместитель Гитлера по партии, который сам держался английской ориентации и делал последнюю попытку договориться с Англией «по-хорошему». Он даже лично полетел туда на самолете. Но попытка сорвалась: не хватило бензина. Он угодил в неожиданный

плен и за совместные с Гитлером преступления был приговорен к пожизненному заключению (умер в 1987 г.)[253]. Его заменил Геринг, тоже державшийся английской ориентации. Оказывал поддержку и шеф гестапо Мюллер, у которого Шел-

292

ленберг служил начальником контрразведки до перехода к Гейдриху (середина октября 1939), и могущественный Борман, эта «тень фюрера», даже министр иностранных дел Иоахим Риббентроп (1893—1946), который прежде занимал пост посла в Англии, кому буржуазная пресса создала репутацию «сверхдипломата», а Гитлер называл человеком, чье имя «будет вечно связано с политическим расцветом германской нации».

Кегель, будучи советским разведчиком, встретил появление Шелленберга с большим подозрением. До этого он с ним не встречался, и Хильгер в своем кабинете их познакомил. Шелленберг «под строжайшим секретом» рассказал действительно феноменальные вещи, но и опасные в высшей степени. «Когда, бойко отсалютовав нам приветствием «Хайль Гитлер», господин Шелленберг удалился, не преминув еще раз сослаться на абсолютно доверительный характер сообщенных нам сведений, я спросил Хильгера, что он обо всем этом думает и зачем пригласил меня участвовать в разговоре. Ведь это просто сумасшедший, заметил я. Во всяком случае, мне кажется, что он — общественно опасная личность. К сожалению, ответил Хильгер, этот человек явно представляет угрозу безопасности, но он не сошел с ума. Он — весьма высокопоставленный и влиятельный деятель НСДАП, который благодаря своему положению действительно может иметь доступ к самым секретным планам, если такие планы существуют. Но все услышанное представляется ему дурным сном. Зачем он пригласил меня участвовать в этом разговоре? Ему, Хильгеру, не хотелось беседовать с этим человеком без свидетеля. И лучше всего было бы, если бы я забыл все, что слышал». (Кегель. С. 186.)

Обстановка стала тревожной до крайности, благодаря определенным действиям правительства Германии и лавине чудовищных слухов. Очень встревоженный, Сталин вызвал из Берлина для беседы советского посла Деканозова. Воспользовавшись его приездом, Шулленбург и Хильгер, желая предотвратить войну любой ценой, с большим риском для себя, устроили встречу с ним. И в разговоре напрямую предупредили его о времени начала войны. Деканозов их сообщение отверг, считая за провокацию! Позиция Шулленбурга и Хильгера вполне понятна: на 6 июня 1941 г. вдоль советской границы были уже развернуты силы около 4 млн. немецких и румынских солдат. (Канун и начало войны. Документы и материалы. Л., 1991, с. 310.)

Накануне войны в посольстве царила полуистерическая атмосфера. «Руководящие сотрудники бездельничали. Фашистское правительство в Берлине утратило интерес к своему послу в Москве и к его бумагам.

Сотрудники посольства слонялись по кабинетам, пытаясь как-то отвлечься от раздумий над причинами этого небывалого затишья. Строго ограниченный ранее обеденный перерыв длился теперь по несколько часов и заполнялся бесконечной болтовней. Ожидание неизбежной катастрофы изматывало нервы». (Кегель Г. С. 197—198.)

293

И вот наступило 22 июня 1941 г., — тот же день, в который Наполеон напал на Россию. И Шулленбургу, получившему соответствующую телеграмму от Риббентропа, со стесненной душой пришлось отправиться в Кремль и объявить Молотову о начале войны, хотя война уже на деле шла в течение 1,5 часа, немецкие самолеты бомбили Одессу, Киев и Минск.

Вместе с послом и Хильгером Кестринг возвращается в Германию самолетом, остальные сотрудники — поездом, после хлопотливой и неприятной процедуры размена посольствами. Как человек, выступавший за договор о дружбе с Россией еще в 1934 г., Кестринг сначала находится под подозрением. Целый год он служит, находясь под наблюдением.

И с вполне понятным огорчением (патриотизм есть и у него!) видит, как обещание фюрера добыть быструю победу рассыпается в прах. Война идет совсем не так, как им намечено. Застигнутые врасплох русские полки, дивизии, армии, неся большие потери, отчаянно отбиваются, консолидируют фронт, часто бросаются в яростные контратаки, стараясь отвоевать отданную территорию, сами несут большие потери, но значительные потери причиняют и врагу. Английский историк Алан Кларк в книге «Барбаросса». Русско-германский конфликт 1941— 1945 гг. (Лондон, 1965) так описывает положение в начале июля 1941 г.:

«Гальдер[254] отмечает, что «все (в ОКХ) наперебой рассказывают страшные истории о силе русских войск (позади танковой группы в районе Пинских болот)».

(От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. М., 1988, с. 70.)

«На фронте группы армий «Север» немецкое командование также начало проявлять неуверенность, столкнувшись с упорным сопротивлением противника. Русские спешно перебрасывали с финской границы солдат, танки и авиацию, чтобы усилить измотанные в боях армии генералов М.М. Попова и Ф.И. Кузнецова. Эти регулярные части, сплотив вокруг себя отряды, составленные из новобранцев, ополченцев и милиции, предприняли серию яростных контратак, в результате чего «на ряде участков фронта немецкие войска оказались в критическом положении». (Там же, с. 71.)

«В районе Могилева большая часть соединений 13-й армии оказалась в окружении. Тем не менее русские продолжали сражаться с неукротимым героизмом, который вызывал восхищение даже у Гальдера, и их «дикое упорство», на которое он будет часто сетовать в своем дневнике, постепенно подтачивало вооруженную мощь вермахта». (Там же, с. 77.)

В таком изображении не было никаких преувеличений. Немецкие отчеты той поры рисуют следующую типичную картину, которая делает понятным, почему была выиграна война:

«Русские не ограничиваются противодействием фронтальным атакам наших танковых дивизий. В дополнение к этому они ищут любую

удобную возможность, чтобы ударить по флангам наших танковых прорывов, которые в силу необходимости оказываются растянутыми и относительно слабыми. В этих целях они используют свои многочисленные танки. Особенно настойчиво они пытаются отсечь наши танки от наступающей за ними пехоты. При этом русские, в свою очередь, нередко оказываются в окружении. Положение подчас становится таким запутанным, что мы, со своей стороны, не понимаем, то ли мы окружаем противника, то ли он окружил нас». (Там же, с. 75.)

Гитлер, однако, не обращал внимания на первые неудачи, считая их естественными. Больше впечатления производила на него захваченная территория, которую Красная Армия, отчаянно сопротивляясь, все-таки вынуждена была оставлять из-за общего неравенства сил. Гитлер ликовал, считая, что война идет к победной развязке. 13 июля, ориентируя генерал-фельдмаршала Браухича (1881—1948), командующего сухопутными войсками, он сказал ему: «Не столь важно быстро продвигаться на Восток, как уничтожать живую силу противника». (Там же, с. 73.) При этом фюрер ставил задачей захватить сначала

Ленинград, как колыбель революции, крупный экономический центр, лишить русскую сторону выхода в Балтийское море и обеспечить беспрепятственный подвоз железной руды из Швеции. Потом уже, в зависимости от обстоятельств, выходить на новую цель — Москву или Украину. Сам он больше склонялся к последнему, считая необходимым захватить ее, как несравненный источник продовольствия и сырья.

Будучи в великолепном настроении от первых успехов, Гитлер велел вызвать в свою ставку «незадачливого пророка» Кестринга, с торжеством показал на карту и сказал: «Ни одна сволочь никогда не выгонит меня отсюда». — «Надеюсь, что нет», — осторожно ответил Кестринг, не питавший никаких иллюзий и имевший не одну радужную информацию. (Там же, с. 72.)

Но уже к 4 августа (меньше чем через 2 месяца войны!) Гитлер понял, наконец, что он просчитался, совершил ужасную ошибку. От других он это скрывал, чтобы не лишить их мужества, но вождю танковых войск знаменитому Гудериану (1888—1954), не раз бывавшему в России до войны по делам военного министерства, в кулуарах совещания в ставке фон Бока (командующего группой армий «Центр») с огорчением признался: «Если бы я знал, что приведенные в вашей книге («Внимание, танки!» — *В.Л.)* данные о мощи русских бронетанковых сил соответствовали действительности, я думаю, что никогда бы не начал эту войну». (Там же, с. 82.)[253]

С 1944 г. Гитлер стал задумываться над собственной судьбой. Раньше он не возражал против того, что его называют новым Чингисханом. Это ему нравилось. Теперь же он сам стал называть себя помесью Чингисхана и Христа! Свои странные слова фюрер пояснял так: хотя он и совершил величайшие завоевания, но он все-таки может кончить как Христос — на Голгофе.

295

О размерах закулисного сопротивления политике Гитлера в рядах самой нацистской партии, сопротивления, которое не прекращалось, несмотря на ярое насаждение культа личности фюрера, которое охватывало «старых соратников», министров, военных, финансистов, ответственных чиновников, родовую знать и т.д., говорит множество фактов. Войны с СССР (по идейным соображениям или из страха за собственную голову) не хотели очень многие. Особенно те, кто был облечен большой властью, купался в лучах славы и материальных благах (как Геринг и ему подобные) и по должности был осведомлен относительно фактов действительности. Все они были не склонны витать в облаках, стремиться к химерическим целям. Поэтому-то отчаянно упирались, прикрываясь формальным согласием и любезными улыбками (кому хотелось потерять голову?!). Среди них находились: Гесс, Геринг, Кана-рис со многими сотрудниками, министр иностранных дел Нейрат со своим преемником Риббентропом, финансист Шахт, граф Штауфенберг, генерал Бек, Бломберг и еще большое количество очень важных лиц. Только принимая во внимание это тайное сопротивление, неизбежно принимавшее вид интриги (ничего «единого» нацистская верхушка, партия и общество, не представляли!), можно понять, каким же образом советской разведке удавалось проникать всюду, несмотря на аппарат тотального сыска и страшнейших репрессий. Поэтому и признают ныне исследователи, что советской разведке удалось укрепиться в центральном аппарате гестапо, штабе Геринга, шифрослужбе абвера, МИДе, научных и промышленных кругах, во многих посольствах, в Италии — тоже в МИДе, в армии, даже в канцелярии Муссолини. Шли агентурные сведения из правящих кругов Югославии, Болгарии, Венгрии, Румынии, Польши. (Канун и начало войны. Документы и материалы. Л., 1991, с. 310-311.)

Чрезвычайно интересен такой вот необычный факт. 9 мая 1937 г. посол СССР в Германии Я. Суриц сообщает в свой наркомат: «Один видный немецкий промышленник третьего дня мне рассказывал, что Шахт в разговоре с ним с большой тревогой отзывался о советско-германской торговле. Шахт предвидит, что очень скоро Германия лишится советской нефти, марганца, заменить которые будет «чертовски трудно». Он говорил, что обо всем этом сигнализировал Гитлеру, которому нашептывают эти «проклятые Геббельсы». Мой собеседник со слов Шахта уверяет, что выпад, направленный Гитлером против нас в его первомайской речи (1937 г. — *В.Л.)*, не был воспроизведен в печати. К числу сторонников изменения курса по отношению к нам мой собеседник также относит и Геринга». (Документы внешней политики СССР. Т. XX, с. 235.)

Это очень напоминает совет Сталину: что надо сделать, чтобы сорвать нападение Гитлера. Увы, сообщению Сталин не поверил: он был убежден, что в 1941 г. Гитлер будет нападать не на СССР! Коварный фюрер довольно ловко обманул его.

296

Неудачи на фронтах реабилитировали Кестринга. И после заминки, в 1942 г., когда подтвердились многие его предсказания о силе Красной Армии, он вновь обретет доверие. С сентября 1942 г. со своим адъютантом Виттенфельдом он вновь занимается формированием частей «казаков» из белогвардейцев и их сыновей, действуя на положении специального уполномоченного по вопросам Кавказа. Цель, которую ставили перед ним: привлечь народы Кавказа к войне Гитлера против Сталина. В

1944 г., после неплохих успехов на этом поприще (результатом явились массовые высылки Сталиным с Кавказа карачаевцев, ингушей и т.д.), он назначается командующим «добровольческих отрядов» — из власовцев, уголовников и военнопленных. Части эти очень скоро показали низкую свою боеспособность и надежд руководства вермахта совершенно не оправдали. Да и сам Гитлер был против формирования таких частей, считая их опасными.

В 1945 г., когда стало окончательно ясно, что война проиграна, Кестринг сдался в плен американцам. Он рассказал им много интересного о работе немецкой разведки, об отношениях между руководством РККА и рейхсвера, об отношениях СССР и Германии. Довольнее американцы быстро его освободили (1946), и он стал первым освобожденным из плена генералом.

Вернувшись вновь в Германию, Кестринг смог продолжить свою службу (на этот раз в ведомстве генерала Гелена). И успешно продолжал службу до выхода на пенсию, оказывая американцам важные услуги.

На старости лет, не написав мемуаров, Кестринг тем не менее выпустил сборник официальных документов, связанных с его разведывательной деятельностью, а остальную часть работы предоставил доделывать историкам. (См.: General Ernst Kostring. Der militarische Mittler zwischen dem Deutschen Reich und der Sowjetunion 1921—1941. Bearbeitet von Hermann Teske. Frankfurt/Mein. 1966.)

Оглядываясь назад, Кестринг по совести не мог считать себя вполне чистым от участия в разбойничьих делах немецкого империализма. Оставалось лишь утешать себя тем, что он совершал предосудительные дела не один, что он был не из худших и что в рейхе Гитлера он как мог служил Отечеству.

Он мог также несколько сожалеть, что не удалось ему подняться на высочайшие должности в государстве, что вписало бы его имя в анналы истории крупными буквами, как, например, Кребса, того самого, который вместе с ним работал в посольстве в Москве, а потом стал последним начальником штаба у Гитлера (будучи близким человеком к Борману!). Зато он мог утешить себя тем,

что удалось избежать и его конечной участи: бедняга Кребс застрелился в бункере фюрера 1 мая

1945 г.! И еще одним обстоятельством можно было утешить себя: что хотя он и не без грехов (а кто же их не имеет в период войны?!), но на его совести все-таки нет чудовищных преступлений против народов и человечности!

297

Да, в этом мире известность и чистая совесть часто находятся в злейшей вражде. Сколько примеров мы этому видим, в том числе и сегодня!

Вот эти три лица и определяли работу немецкого посольства до 1941 г. Остальные играли роль второстепенную. Это были: советник посольства фон Типпельскирх, правая рука бывшего посла, двоюродный брат полковника (позже генерал-майора) Типпельскирха в Генеральном штабе Германии, занимавшегося вопросами разведки; военно-морской атташе Норберт фон Баумбах; военно-воздушный атташе Ашенбреннер; фон Вальтер, глава консульского отдела; советник Греппер, незаметный чиновник; советник Швингер, из бывших австрийских дипломатов, которого сотрудники с насмешкой называли «наш трофейный немец»; начальник секретариата и хозяйственного отдела «канцлер» Ламла, ведавший контрабандными махинациями, незаконным ввозом из-за границы советских денег, что давало возможность сотрудникам посольства увеличивать свое жалованье в четыре раза (как и в других посольствах!) и жить на широкую ногу, имея прислугу и собственную машину, выписывавшуюся из Швеции.

Этот Ашенбреннер представляет весьма большой интерес. Судя по всему, он принадлежал, как и Кестринг, к «русской партии» и всеми силами хотел убедить государственное руководство не идти на конфликт с Россией. 30 апреля 1941 г. от представителя советской разведки в Берлине («Старшина») поступило сообщение, в котором содержались следующие данные:

«Доклады немецкой авиационной комиссии, посетившей СССР, и военно-воздушного атташе в Москве Ашенбреннера произвели в штабе авиации подавляющее впечатление. Однако рассчитывают на то, что хотя советская авиация и способна нанести серьезный удар по германской территории, тем не менее, германская армия быстро сумеет подавить сопротивление советских войск, достигнув опорных пунктов советской авиации и парализовав их»[256].

Данное сообщение очень наглядно показывает, что немецкие авиационные специалисты были высокого мнения о боеспособности советской авиации и, следовательно, продажные российские негодяи нагло лгут, утверждая, что «страна была не готова к войне» и что «Сталин в военном деле ничего не понимал». Все он отлично понимал, а ВВС, вместе с артиллерией, были для него любимыми родами войск!

А в торговом отделе посольства числились у Хильгера два сотрудника, которых окружающие недооценивали. Один из них — второй секретарь посольства Ганс Биттенфельд, внук еврея, сын офицера-землевладельца, которого не приняли в НСДАП из-за еврейского родства. Он участвовал в войне с Польшей, затем с помощью Кестринга получил место в одном из штабных ведомств и был связан с военной разведкой. Одновременно он являлся тайным агентом Чарльза Болена, начальника разведслужбы американского посольства в Москве. Болен сделал по-

298

том прекрасную карьеру: личный переводчик президента Рузвельта на встрече со Сталиным, советник президента Трумэна на Потсдамской конференции, посол США в Москве. В 1973 г. он выпустил сенсационную книгу воспоминаний: «Свидетель истории периода 1929—1969 гг».

Этот вот Болен с целью получения секретной информации встречался со своим агентом на конных прогулках (на даче американского посольства, 17 км от Москвы) и во время посещения теннисного корта. Иногда (из-за срочных дел!) заглядывал даже в служебный кабинет Биттенфельда. Когда тот уехал в Германию, то передал свои секретные функции советнику Вальтеру. С образованием ФРГ Биттенфельд, с помощью американцев, быстро стал продвигаться, занимая важные посты в министерстве иностранных дел (посол за рубежом, статс-секретарь и руководитель бюро президента Любке). До самого конца у Биттенфельда существовали доверительные отношения с Шулленбургом, Хильгером и Кестрингом. И можно думать, что все они делали одно дело.

Остается сказать о Герхарде Кегеле, чьи мемуары принадлежат к числу лучших в немецкой и мировой мемуаристике[257], отличаются обилием материала, колоритностью, рельефностью и правдивостью. Биография этого человека не менее замечательна, чем биография Р. Зорге, Шандора Радо и Л. Треппера! Он родился в 1907 г. на железнодорожной станции в семье железнодорожника, недалеко от пограничной станции России — Русские Щербы. В детские годы жил в Катовицах, потом в Оппельне (Катовицы отошли к вновь возникшему Польскому государству) и Бреслау. Кончил реальное училище. Хотел получить специальность электротехника. Но жизнь распорядилась иначе: он стал учеником в филиале Дрезденского банка, изучал торговое дело (с 1926). Кончил факультет права и общественных наук в Бреслау. Был репортером, познакомился очень хорошо с нравами буржуазной прессы. Участвовал в работах социалистического кружка студентов Бреслау. Затем стал одним из основателей первой коммунистической студенческой организации в университете (1930). Закончив учебу, работал в суде (1931). Из-за нелепого провала оттуда пришлось срочно уволиться. Короткое время работал редактором в одной из местных газет. В связи с усилением фашистских репрессий (1933) поспешил перебраться на дальнюю окраину — в Польшу. Сначала выступал там как зарубежный корреспондент немецких газет. Специализировался на вопросах экономики и торговли. В начале 1935 г. был приглашен на работу в немецкое посольство в торговый отдел, как знающий свое дело специалист. Был вынужден вступить в НСДАП. Участвовал в переговорах о торговом договоре с Польшей, выступал экспертом торговой делегации в Москве. И после этого (с февраля 1940) обосновался в немецком посольстве русской столицы, в отделе торговли советника Хильгера.

В компартию Кегель вступил в 1931 г. Активно участвовал в нелегальной борьбе и работе против Гитлера в Германии. С 1934 г. работал на СССР и имел постоянную связь с советской разведкой в Варшаве и
299
Москве (чекиста-связника здесь он звал Павлом Ивановичем). После 1941 г. вернулся в Германию и продолжал участвовать в антифашистском сопротивлении. В 1944 г. был мобилизован на фронт и перешел на советскую сторону. Пока шла проверка, находился в лагере пленных в Лодзи. После освобождения и реабилитации вернулся в новую Германию. Работал в берлинских газетах, занимался организацией издательства, входил в бюро Президента Пика, участвовал в создании нового министерства иностранных дел, был членом комиссии по агитации при ЦК СЕПГ, наконец, послом ГДР при ООН. Почти в 70 лет (после инфаркта) вышел на пенсию.

Пользовался большим уважением товарищей, хотя и для него бывали обидные моменты. Ибо находились лица, которые знали его как активного члена нацистской партии. Поэтому они относились к нему с подозрением. В этой связи Кегель пишет:

«К счастью, двое товарищей, участвовавших в принятии этого столь нелегкого для меня решения (о вступлении в ряды фашистской партии с целью проникновения на работу в посольство. — *В.Л.)*, остались в живых после второй мировой войны и смогли подтвердить сообщенные мной о себе сведения. И чтобы мне не пришлось снова и снова рассказывать свою политическую биографию в каждом полицейском участке и адресном столе или при заполнении более или менее важной анкеты, мне был выдан следующий документ:

«Удостоверение. Дано гр-ну Кегель Герхард, рожд. 1907 г., в том, что на основании произведенной Центральной Комендатурой проверки материалов немецких групп сопротивления против гитлеровского режима он действительно являлся активным членом одной из таких групп, в период с 1933 по 1945 г. активно боролся в городах Бреслау, Варшаве и Берлине, а в 1935 г., согласно заданию этой группы, он вступил в НСДАП в целях получения более лучших возможностей для проведения антифашистской борьбы.

В связи с этим членство гр-на Кегель Г. в НСДАП следует считать несуществующим. Центральная Комендатура не возражает против работы гр-на Кегель Г. в редакции и издательстве «Берлинер цайтунг» или в каких-либо других немецких учреждениях и предприятиях.

Уполномоченный Центральной Комендатуры по очистке немецких учреждений от нацистских элементов. Печать. Подпись. Берлин, 25 июня 1945 г.».

Но было бы неверно утверждать, будто членство в зарубежной организации НСДАП совсем не доставляло мне неприятностей. Я не имею в виду злобные выпады прессы ФРГ и одной из сионистских организаций в Вене, меня никогда не трогали злопыхательства классового врага. Но когда ко мне проявлял недоверие тот или иной старый член КПГ, то хотя это и было понятно, но все же причиняло боль». (Там же, с. 63.)

Подводя итог своему жизненному пути, Кегель в заключении книги писал: «Дожив до восьмого десятка лет, могу с чистой совестью сказать:

более полувека тому назад я твердо решил посвятить свою жизнь самому благородному на свете делу — борьбе за социализм и коммунизм. И я активно участвовал в этой борьбе, как в худые, так и в добрые времена. Когда нужно было не жалеть сил во имя победы партии рабочего класса над мрачными силами прошлого, я не жалел своих сил. Иногда это было нелегко. Но я никогда не раскаивался в решении, которое принял полвека тому назад и которое с тех пор определяло мою жизнь. Я всегда был верен этому решению». (Там же, с. 457.)

На примере деятельности Кегеля, между прочим, хорошо видно, возможно ли было проникновение антифашистов в нацистскую партию с целью ведения разведывательной работы. Таких случаев имелось, конечно, много. И пресловутый Штирлиц, о котором уже говорилось, не с потолка взят, но объединил в себе несколько вполне реальных лиц. Одним из них явился видный советский разведчик Д. Быстролетов (1901— 1975). До каких пределов доходило его преображение в интересах работы, он сам вспоминает так:

«Перед самым началом войны во мне созрело твердое решение заняться, наконец, научной работой. Вернувшись в Москву из очередной командировки, я даже написал соответствующий рапорт. Но меня не отпустили. Я был вызван к Наркому. Начальник нашей разведки поделился планами направить меня в Антверпен, где я вступаю в бельгийскую фашистскую партию, оттуда еду в Конго и покупаю там плантацию или завожу торговое дело, потом еду в Южную Америку, где в Сан-Паулу у гитлеровцев имеется мощный центр. Там я перевожусь из бельгийской в немецкую фашистскую партию. Выдвигаюсь как фанатик-активист. Перебираюсь в Германию и остаюсь там на все время войны

как наш разведчик, работающий в Генеральном штабе рейхсвера». (Тайные страницы истории. Сборник. М., 2000, с. 412.)

При проникновении советской разведки в немецкий Генеральный штаб сохранять все военные тайны было, конечно, совершенно невозможно[258] . Но и ведомства Канариса и Гейдриха тоже имели определенные успехи на советской стороне, особенно консульства, работавшие в Ленинграде, Киеве, Харькове, Одессе, Тбилиси, Новосибирске, Владивостоке. Наибольший успех имело консульство, которое работало в Ленинграде, со своим главой Сомнером.

Этот Сомнер был хитрый и пронырливый еврей, родом из Англии. Какая-то ветвь его состоятельной фамилии оказалась даже в далекой Америке. И Чарлз Сомнер (1811—1874) был там сенатором, председателем сенатской комиссии по иностранным делам, одним из основателей фермерской партии, видным руководителем в республиканской партии, сторонником отмены рабства негров. Фамилия имела еще прозвище Мэн — по острову в Ирландском море, где местное население занималось скотоводством, рыболовством и земледелием. Ветвь данной фамилии знали и в России, как давних поселенцев. Поэтому Сомнер-разведчик, этот новый Соломон (имя у них очень распространенное),

мог собирать богатую информацию с помощью местных евреев, настроенных на Запад.

Рихард Сомнер (1894?—1948?) родился в Петербурге, в семье состоятельного еврея — немецкого подданного. (Возможно, отец-Сомнер был даже немецким резидентом, «законсервированным» на случай войны.) Мать его — эстонка, но с примесью немецкой крови, из интеллигентной семьи, где имелось сильное немецкое влияние и культура. Кончил частную гимназию, затем, перед самой войной, Петербургский университет (факультет геологии). Благодаря окружающей русской среде, на русском языке говорил как на родном. Отличался завидным трудолюбием и прекрасно учился. Имел широкий кругозор и большую начитанность. Обладал обширным кругом знакомств среди русской и еврейской молодежи, а также немецкой профессуры. Состоял в элитарном морском клубе и клубе мотогонщиков, не раз успешно выступал на их соревнованиях. Усиленно занимался спортом. Отличался прекрасным здоровьем и такой же физической подготовкой. Лихо скакал на лошади, отлично водил автомобиль и мотоцикл, которые очень любил.

Когда началась Первая мировая войны, выехал в Германию, окончил военное училище и в чине лейтенанта принял участие в боевых действиях на русском фронте. Затем стал работать в разведке и за время до прихода Гитлера к власти (1933 г.) накопил большой разведывательный опыт. Хорошо знал полковника Николаи, организатора немецкой разведки в Первую мировую войну и его сотрудников, у которых многому научился[259].

Эту войну Сомнер окончил в чине капитана, имея Железный крест 1-й и 2-й степени, пользуясь уважением коллег.

При Канарисе получил чин майора, а в самом конце войны удостоился генеральства. Многократно выполнял важные разведывательные задания, бывая в разных странах. В период дружеских отношений СССР и Веймарской республики объехал страну Советов вдоль и поперек, выступая в качестве главы поисковых геологических партий, искавших новые рудные сокровища. Особенно его интересовала разведка новых нефтяных и газовых районов, месторождения марганцевых руд, а также бокситов. Это все то, чего не хватало Германии для ее военной промышленности. А бокситы были интересны тем, что являлись базой создававшейся в СССР алюминиевой промышленности, алюминий же — материал для производства боевых самолетов.

Сомнера хорошо знали и в Академии наук СССР, в Главном геолого-разведочном Управлении при Высшем совете народного хозяйства СССР, основанном по решению Советского правительства 2 января 1930 г., и в Центральном геолого-разведочном музее им. академика Ф.Н. Чернышева (Ленинград), в Геологическом музее им. академика А.П. Карпинского (Ленинград), в Центральном научно-исследовательском геолого-разведочном институте (Ленинград). Всюду ценили его как

прекрасного и опытного специалиста в геологии, с которым можно с пользой обсуждать самые сложные научные вопросы.

Разумеется, по вполне понятным соображениям, он старался подняться на самые высокие научные верхи. Он знал знаменитых академиков и видных лиц из их окружения: академика В.Н. Вернадского (1863— 1945) — основателя геохимии и биохимии, видного кристаллографа и минералога, организатора Радиевого института в Петрограде (оставался его директором до 1939 г.). Он имел массу научных зарубежных командировок (Франция, Голландия, Чехословакия, Норвегия, Польша, Германия) и зарубежных учеников. Установить связи в такой среде казалось, понятно, очень соблазнительно; И.М. Губкина (1871—1939) — академика с 1929 г., ректора Московской горной академии (1922—1936), вице-президента АН СССР (с 1936); В.А. Обручева (1863—1956) — академика с 1929 г., автора монументальной «Геологии Сибири» в трех томах (1935—1938), геолога и географа, исследователя Сибири и Центральной Азии, автора популярных приключенческих романов, среди которых находилась «Земля Санникова»; Н.Д. Зелинского (1861—1953) — создателя крупной школы советских химиков.

Все ученые мужи, работавшие в АН СССР, представляли собой достаточно единое целое, хотя личные противоречия и у них, как у других людей, имелись. Их сплачивал ряд обстоятельств:

1. Когда произошла Октябрьская революция, они все уже находились в зрелом возрасте.

2. Их мировоззрение сложилось в предыдущий период и редко выходило за пределы позволенного либерализма.

3. Являясь крупными учеными, они имели широкую систему зарубежных связей и международный авторитет, что определенным образом, но не всегда, их защищало.

4. Новая власть остро нуждалась в них для реализации намеченных программ — в сфере просвещения, науки, промышленности, сельского хозяйства, геологии, химии и т.п. Поэтому и приходилось быть снисходительным и на «неудачные» высказывания «закрывать глаза».

5. Выдающиеся светила науки привыкли к самостоятельному исследованию и смелым выводам, основанным на фактах, а не на энтузиазме, карьеризме и химерических допущениях; они иронически воспринимали многие постулаты официальной доктрины, именовавшейся «марксизмом-ленинизмом». Откровенные насмешки вызывали у них низовые партийные руководители и даже высокопоставленные. Академик В. Вернадский, получивший образование за границей и знавший Германию, особенно Мюнхен, как свои пять пальцев, писал о них в 1938 году так:

«Продолжается самопоедание коммунистов и выдвижение новых людей: без традиций, желающих власти и земных благ для себя — среди них не видно прочных людей (типа) Серго. Выдвинутая молодежь в Академии ниже среднего. Постоянные аресты разрушают. Серьезно го-

ворят и думают, что жизнь государственная разрушена НКВД, например Магнитогорск (.)

К власти продолжают лезть невежественные темные люди, желающие благ и не желающие ответственности. Их уничтожают сотнями, но на их место лезут еще более невежественные. Кровавая вакханалия, да и только. И среди ученых коммунисты, как правило, бездарные. Лесть и подхалимство таких людей верхушка принимает за поддержку. «Удивительно, что люди, прошедшие огонь и воду, как наша власть, могут им верить»[260].

Ближайшие друзья Вернадского, академик Н.Д. Зелинский и академик С.А. Чаплыгин (1869—1942), математик, механик и авиатор, с которыми он откровенно обменивался мыслями, вполне разделяли его мнение.

Следует еще отметить, что в АН СССР, как и республиканских академиях, очень сильно было влияние «правых», ибо в АН СССР долго работал Н. Бухарин, тоже являвшийся академиком. Он и его единомышленники вели персональную «обработку» нужных людей — самих академиков, их жен, детей и учеников. «Тягаться» с красноречивым и умным Бухариным, блестяще образованным, редко кто мог. Поэтому в стенах АН СССР и академических учреждениях «правые» имели много тайных сторонников, что действия западных разведок очень облегчало. Из сказанного хорошо видно, насколько сложными были задачи, стоявшие перед Сталиным. Врагов и колеблющихся имелось вокруг сколько угодно, а твердых, надежных и хорошо подготовленных людей всегда не хватало.

Сомнер умело пользовался обстоятельствами, И, чтобы не «засветиться», старался держаться очень осторожно. Он неоднократно выступал со статьями в советской и зарубежной печати, восхищаясь несметными богатствами России, дружелюбием ее народа и умением неутомимо работать при очень скромном уровне жизни и стойком патриотизме. Генеральный штаб Германии часто получал от него реалистические обзоры о положении дел в СССР.

В 1933 г. Сомнера «перебросили» работать на дипломатический фронт — с сохранением за ним разведывательных функций. В 1933—1934 гг. он исполнял обязанности консула[261] в Москве, где немецкая разведка ждала решающих событий (они совершились лишь частично — убийство члена Политбюро С. Кирова), а затем в Ленинграде (1935—1937). Всюду Сомнер поддерживал тайные контакты с оппозицией, оказывая ей всевозможные услуги, ожидая, как немецкий Генштаб, вооруженного выступления противников Сталина и местной контрреволюции. Разочарований имелось, конечно, много, но антисоветские элементы не теряли надежды.

Сомнер непрерывно повышал свое мастерство разведчика, умение завязывать связи в различных кругах общества. В советском Наркомате обороны он знал едва ли не всех, многократно беседовал с Ворошиловым и Тухачевским, объявляя себя сторонником «русской партии». Сомнер также часто контактировал по делам с руководителями эстонско-

304

го и финского Генштабов и руководителями их разведок. Он хорошо знал военное дело, ибо позже кончил военную академию. Разбирался в важных вопросах стратегии и в тактике, знал современную боевую технику и очень ею интересовался. Отлично стрелял из всех видов оружия и прекрасно владел многими видами рукопашного боя.

При этом являлся вполне светским человеком, выдержанным, вежливым и очень остроумным, умевшим вести беседу и очаровывать.

Сомнер прошел и через Вторую мировую войну, продолжая работать в разведке, обеспечивая интересы группы армий «Север», действовавших против Ленинграда. Знал, разумеется, бывшего военного атташе в Москве Кестринга и

всех его сотрудников, а также тех перебежчиков из офицеров и генералов, которые перешли на сторону Гитлера. И с ними он имел дело, полагая, как и Кестринг, что их надо организовывать в самостоятельные боевые части, но под немецким контролем. Он также имел дело с теми военнопленными, из которых пытались создать шпионскую агентуру для заброски их в советский тыл.

Когда война кончилась, Сомнеру скрыться не удалось. СМЕРШ напал на его след и скоро арестовал. Он был доставлен в Москву. Здесь его судили, и он по совокупности своих дел получил 10 лет лагерей. Умер в лагере в 1948 г. 54-х лет от роду.

Сомнер обладал большим опытом, так как работал в разведке уже в Первую мировую войну. И, как разведчик высокой квалификации, знал еще, помимо русского, английский, финский, эстонский и шведский. Считался «специалистом по Ленинграду». Его ум с изворотливостью очень ценил Канарис, его хорошо знали в разведшколе абвера под Кенигсбергом, которой руководил полковник Шиммель, и капитан Целлариус, главенствовавший в филиале абвера в Финляндии, тоже считавшийся «специалистом по Ленинграду». Знал его и майор Гелен, возглавлявший позже в качестве полковника отдел Генерального штаба вермахта «Иностранные армии — Восток».

Учитывая бурную шпионскую деятельность, все немецкие консульства в СССР в конце 1937 г. были закрыты. Вот к этим-то, названным выше послам и посольствам, прибегала оппозиция в разные годы под всякими предлогами, стараясь получить там помощь и поддержку. Посредниками служили «свои люди» из военных и делового мира, приезжавшие по делам в Москву. Первое место среди них занимали посольства Германии, Англии и Франции. Сюда, на всякие культурные мероприятия, регулярно ходили жены высокопоставленных военных (Тухачевского, Егорова, Путны и др.), завязывая многочисленные контакты. В первые месяцы 1937 г. эти визиты очень участились, многие высокопоставленные жены превратились в курьеров своих мужей, переправляя письма в ту и другую сторону. Это дорого им потом обошлось и привело к обвинению в шпионской деятельности. Обвинения этого рода выдвигались НКВД не «просто так»! Все зарубежные посольства находились под постоянным «колпаком» советской контрразведки. Сотрудники опе-

ративного отдела расставили «жучки» для подслушивания в особняке Кестринга и не раз тайно наведывались к нему и военно-морскому атташе Баумбаху в их отсутствие. Когда в мае 1937 г. Кестринг совершил «экскурсионную поездку» на автомобиле по областям Черноземья, Украины, Дона, по Крыму, Кубани и Кавказу и подготовил потом доклад для Берлина, сотрудники оперативного отдела добыли этот доклад, сфотографировали его и представили своему начальству раньше, чем он прибыл в Берлин.

Но это еще что! Знаменитый советский разведчик Николай Иванович Кузнецов (1911—1944, чл. партии с 1942), добывавший ценнейшую развединформацию во время Великой Отечественной войны в городе Ровно под видом обер-лейтенанта Пауля Зиберта, уничтоживший ряд видных немецких палачей (главный судья Украины Функ, вице-губернатор Галиции Бауэр и др.), известен и другими акциями. Он показал свои способности еще в родном Свердловске до войны, где работал на заводе, а потом в Москве. Туда его перевели (1939), поскольку он блестяще знал разговорный немецкий язык[262], обладал значительными аналитическими и актерскими способностями[263].

О другой части его деятельности, наиболее скрытной, написал позже Павел Судоплатов (Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930—1950 годы. М., 1997, с. 206—207), видный работник разведки и контрразведки:

«Он готовился индивидуально, как специальный агент для возможного использования против немецкого посольства в Москве. Красивый блондин, он мог сойти за немца, то есть советского гражданина немецкого происхождения. У него была сеть осведомителей среди московских артистов. В качестве актера он был представлен некоторым иностранным дипломатам. Постепенно немецкие посольские работники стали обращать внимание на интересного молодого человека типично арийской внешности, с прочно установившейся репутацией знатока балета. Им руководили Райхман, заместитель начальника Управления контрразведки, и Ильин, комиссар госбезопасности по работе с интеллигенцией. Кузнецов, выполняя их задания, всегда получал максимум информации не только от дипломатических работников, но и от друзей, которых заводил среди артистов и писателей. Личное дело агента Кузнецова содержит сведения о нем как о любовнике большинства московских балетных звезд, некоторых из них в интересах дела он делил с немецкими дипломатами».

Эта информация, которую прежде бы назвали скандальной, подтверждается и другими исследователями[264].

Источники «интересных сведений» и в Советском Союзе были очень разнообразны. О них пишется так:

«В СССР в 30-е годы наиболее информационно насыщенной и раскованной группой, в контакте с которой находили вдохновение партийные лидеры, наркомы, военные, советские и иностранные дипломаты, была богема: писатели, поэты, музыканты, актеры и прежде всего, конечно, актрисы.

306

С богемой дружили, с ней флиртовали. В том хмельном брожении чувств и страстей вращалась информация и обнажались настроения. Нужен был особый талант, чтобы улавливать и впитывать эти информационные и настроенческие потоки. Таким талантом обладал Кузнецов, и Ильин это понял.

Но кроме таланта охотника за информацией, нужен был талант человека, которому можно было довериться. И здесь Кузнецов не имел себе равных. А деньги и подарки — что масло для механизма. Поэтому Кузнецов вел небольшой бизнес — скупка, продажа ценных и дефицитных вещей — и весьма преуспевал на этой стезе».

«Галантный, остроумный лейтенант производил впечатление крепкого и надежного мужчины, готового быть другом и любовником, готового провернуть дело и вывернуться из любой непредвиденной ситуации. Он познавал московский бомонд на спектаклях, пирушках, вечеринках.

<...> Его видели с артистами в «Метрополе» и «Национале», он собирал компании в московских квартирах, талантливо закручивая атмосферу флирта и интриги.

А потом, очутившись в постели с утонченной блондинкой-певицей или темпераментной балериной, затевал невинные разговоры о друзьях и знакомых, выслушивал забавные истории из жизни писателей и актеров, политиков и даже вождей. Партийные деятели, наркомы, дипломаты и военные «западали» на этих же привлекательных певиц и кокетливых балерин. Ильин знал, на чем заварилась трагедия Кирова — на балеринах Ленинградского оперного. Танцующие любовницы приревновали лидера ленинградских коммунистов к официантке Мильде Драуле и постарались, чтобы ее ревнивый до сумасшествия муж узнал о приключениях своей ненаглядной жены. А маршал Тухачевский симпатизировал танцовщице из Большого и об этом, конечно, знали в НКВД». (Н.Н. Непомнящий, с. 259—260.)

При такой успешной деятельности разведки НКВД материал против Тухачевского удалось собрать очень быстро. В совокупности с другими данными

он оказался сокрушительным! В пресловутой «красной папке» Гейдриха не было никакой необходимости[265].

ГЛАВА 14. ПЕРЕДАВАЛ ЛИ ТУХАЧЕВСКИЙ НЕМЦАМ ПЛАН БУДУЩИХ ВОЕННЫХ ОПЕРАЦИЙ?

Суд крив, коли судья лжив.
Пословица

Оперативный план того времени, разработанный в спорах крупнейших военачальников[266], был планом смелых наступательных операций,
307
сразу выносившихся за государственную границу. Этот план предполагал: высокую активность войск, массовое применение артиллерии, танков, десантов, завоевание господства в воздухе, выступление повстанческих частей во главе с местными коммунистами, развитие наступления в высоком темпе и быстрое перерастание тактических прорывов в оперативные, выход механизированных и бронетанковых сил на оперативный простор для самостоятельных действий и совместных рейдов с конницей, с конечным окружением, уничтожением и пленением войск противника. Именно для таких операций Тухачевский и требовал создания четырех танковых армий! Предполагалось, что две танковые армии вторгнутся на территорию Польши, по одной — на территории Венгрии и Румынии, с наступлением на столицы враждебных государств — Варшаву, Будапешт и Бухарест.

Так планировались будущие военные действия в Генеральном штабе РККА еще в середине 30-х годов. Понятно, что вопрос об этом плане и его судьбе очень важен. Ведь против маршала и его соратников выдвигаются уж очень «крепкие» обвинения: что они, «находясь на службе у военной разведки» Германии и Польши, поддерживая недопустимые секретные контакты с руководящими военными кругами этих государств, систематически передавали им секретные сведения о Красной Армии и таким образом пытались подготовить поражение страны в будущей войне, намереваясь затем со своими сторонниками захватить власть.

Сам Сталин, на основании имевшегося у него большого материала НКВД, в таком преступлении Тухачевского и его друзей не сомневался. И, выступая на Военном совете 2 июня 1937 г., о Тухачевском со страшной злобой заявил:

«Он оперативный план наш, оперативный план — наше святое святых — передал немецкому рейхсверу. Имел свидание с представителями немецкого рейхсвера. Шпион? Шпион». (Известия ЦК КПСС, 1989, № 4, с. 53.)

Имел ли Сталин основания для такого ответственного заявления? Конечно имел! Правда, у нас мало документов по этому вопросу. Но мы не имеем документов и с другой стороны, которая жаждет оправдать Тухачевского и его коллег любой ценой и уснащает свои статьи словесной шелухой. («Эти утверждения Сталина, как видно сейчас из материалов проверки, основывались на ложных показаниях, не заслуживают никакого доверия». — Там же, с. 54.) Эти голословные заверения (а где они, «эти материалы»?! — *В.Л.)* не стоят даже выеденного яйца, никто им не обязан верить!

Позиция сторонников Сталина выглядит гораздо сильнее. Известно, что газета «Красная Звезда» 11 июня 1937 г. официально заявила (с. 2):

«Все обвиняемые в предъявленных им обвинениях признали себя виновными полностью». Иначе говоря, вина Тухачевского и его сотоварищей по процессу, при закрытом рассмотрении всяких документов, свидетельских показаний, которые, конечно, были, и их собственных

объяснений, считалась абсолютно доказанной. В опубликованных ныне показаниях маршала от 1 июня 1937 г. говорится:

«Седов от имени Троцкого настаивал на более энергичном вовлечении троцкистских кадров в военный заговор и на более активном развертывании своей деятельности. Я сказал Путне, чтобы он передал, что все это будет выполнено. Путна дополнительно сообщил мне, что Троцкий установил непосредственную связь с гитлеровским правительством и генеральным штабом и что центру антисоветского военно-троцкистского заговора ставится задача подготовки поражения на тех фронтах, где будут действовать германские армии.

В зиму с 1935 на 1936 год, как я уже упоминал, я имел разговор с Пятаковым, в котором последний сообщил мне установку Троцкого на обеспечение безусловного поражения Советского Союза в войне с Гитлером и Японией и вероятности отторжения от СССР Украины и Приморья. Эти указания говорили о том, что необходимо установить связь с немцами, чтобы определить, где они собираются двинуть свои армии и где надлежит готовить поражение советских армий». (Кровавый маршал С. 101-102.)

Совершенно несостоятельно утверждение, что маршал давал гнусное показание под влиянием «пыток». Он сам в тех же показаниях писал:

«Настойчиво и неоднократно пытался я отрицать как свое участие в заговоре, так и отдельные факты моей антисоветской деятельности, но под давлением улик следствия я должен был шаг за шагом признать свою вину». (Там же, с. 81—82.)

Возникает вопрос:

— Если Тухачевский, глава военной оппозиционной группировки, имел действительно недозволенные военно-политические связи (равные шпионажу!), то с какого времени и с кем он их поддерживал, в чем они конкретно заключались? И кому именно на немецкой стороне передал он оперативный план?

Известно, что обвинение ставило Тухачевскому в вину передачу секретных сведений о РККА уже в 1925 г., сначала польскому правительству — через члена ЦК Польской компартии Домбаля, обвинявшегося позже в шпионаже. Что представлял собой этот Домбаль, имя которого все биографии Тухачевского «стыдливо» обходят? Это была виднейшая и очень популярная фигура того времени, с официально прекрасной биографией.

Томаш Домбаль (1890—04.12.1937) — видный деятель революционного и коммунистического движения, политический писатель, публицист и исследователь[267].

Родом он из Галиции, отец его — деревенский плотник. Получил высшее образование, что далось ему нелегко (Венский и Краковский университеты, 1909—1918). Три года пробыл на Первой мировой войне, получил три раны. Пользовался очень большим уважением своих товарищей за порядочность, ум и громадную энергию. В 1918 г. возглавил ра-

309

боче-крестьянское движение Средней Галиции. Стал главой «Советской Крестьянской Тарнобрегской республики». После подавления восстания арестован, бежал, продолжал революционную работу (так называемая Западно-Украинская народная республика, возникшая после распада Австро-Венгрии, в 1919 г. была захвачена белополяками во главе с Пилсудским). В 1919 г., благодаря своей популярности, избран депутатом сейма Польши. Крестьянские делегаты избрали его генеральным секретарем, а крестьянский конгресс Польской народной партии (Левицы) — заместителем председателя. В сейме он выступал за бесплатную передачу помещичьей земли крестьянам. В коммунистическую партию вступил в 1920 г. (партия создана 16 декабря 1918 г.). Был единственным

коммунистическим депутатом сейма. С его трибуны выступал как противник советско-польской войны 1920 г. Призывал солдат к борьбе за советскую Польшу. Естественно, был связан с правительством советской Польши, которая возникла в ходе этой войны (Временный польский ревком, председатель — знаменитый польский революционер Мархлевский, 1866—1925). За свои призывы был арестован, но по массовому требованию своих избирателей освобожден. В 1921 г. с С. Ланцуцким создает в сейме коммунистическую фракцию. Вел широкую агитационно-пропагандистскую работу. В конце 1921 г. вновь арестован. По суду получил 6 лет каторжных работ. В 1923 г. вновь освобожден (путем размена политических заключенных) и выехал в СССР. В конце 1923 г. выступил инициатором созыва в Москве первой международной крестьянской конференции, участвовал в создании Крестьянского Интернационала (1923—1933) и Международного аграрного института. Этот Крестьянский Интернационал (он назывался еще Международный крестьянский совет) выпускал свой журнал под тем же именем и работал под лозунгом: «Крестьяне и рабочие всех стран, соединяйтесь!» Как признанный революционер и организатор, избран заместителем генерального секретаря Крестинтерна (генеральный секретарь — А.П. Смирнов[268]), секретарем аграрной комиссии Исполкома Крестинтерна. Работал также в МОПРе. Некоторое время поддерживал Троцкого и Зиновьева. В 1927 г. закончил Институт красной профессуры и Сельскохозяйственную академию в Москве. В 1931 г. являлся ответственным редактором польской рабочей газеты («Советская трибуна»). В 1932—1935 гг. — вице-президент АН СССР, директор Института экономики АН БССР. Близко общался по аграрным вопросам с Бухариным и Рыковым. Член ЦК КП(б)Б (1932— 1937), член ЦИК БССР (1935—1937). Автор многих работ по международному и крестьянскому движению, по экономике сельского хозяйства. Погиб 48-ми лет в качестве «правого», то есть сторонника Бухарина, и как причастный к делам Тухачевского.

Некоторое представление о взглядах Домбаля можно получить из следующих высказываний:

«Господство капиталистов и помещиков укрепляется не надолго. Капитализм не может выйти из кризиса, он не может с ним справиться

и установить на длительное время «оздоровление» хозяйственных отношений. Мы должны, товарищи, разъяснить крестьянам, убедить их в том, что терпеть власть капиталистов и помещиков значит продолжать муки и нужду крестьян. Дело угнетателей клеить, дело крестьян и рабочих буржуазные горшки колотить». (Домбаль Т. Крестьянский Интернационал. Л., 1925, с. 11. Выделено Домбалем.)

«Ленин не только гений, не имеющий себе равного до сего времени и который едва ли будет иметь себе равного в будущем, не только великий ученый-теоретик, но и олицетворение сотен миллионов трудящихся масс: он их коллективная воля, их мысль, их желание, выразитель их стремлений, руководитель их героической борьбы.

Величие Ленина не только в его гениальной индивидуальности, величие Ленина в том, что он ярко выражает большевистские лозунги нынешнего исторического периода; он не только наметил вехи и указал дорогу к новой эре, но и повел миллионы трудящихся деревень и городов по этому пути.

Даже отъявленные враги трудящихся масс с уважением преклоняли свои медные лбы перед личностью Ленина и чувствовали свое ничтожество перед этим властелином мысли и дела». (Из статьи «Ленин и крестьяне». — «Крестьянский Интернационал», 1924, № 1, с. 17.)

Вот с кем был связан опальный маршал. Легко понять, ЧТО их связывало. Домбаль его интересовал в первую очередь как знаток польских дел и специалист

по крестьянским делам, которые Тухачевского очень занимали. Ведь предполагалось, что при новой войне именно польское крестьянство, бедняки и батраки (рабочие само собой!) массами поддержат наступление Красной Армии, и уж тогда-то итог будет совсем не тот, что в злосчастном 1920 году.

Из сказанного ясно, что обвинение в шпионаже по этой линии выглядит очень сомнительным. Понятно, почему. Тухачевский являлся «специалистом по Польше», прицельно готовился к войне как раз с ней. Следовательно, будучи военным, обязан был употреблять все виды хитростей и обмана врага, чтобы как можно лучше подготовить обстановку к началу нового наступления. А сделать это оказывалось возможным лишь одним способом: подбрасывая врагу фальшивые сведения о Красной Армии, пуская в ход новую разновидность операции «Трест».

Так ли это было на самом деле? Проверить можно лишь одним путем: опубликовав его данные, предоставленные им польской разведке.

Почему Тухачевский стал давать «секретные сведения» именно в 1925 г.? Что происходило в то время в Польше? Да она буквально кипела, как котел, который грозил взорваться. В стране нарастала инфляция, экономический и революционный кризис. Буржуазно-помещичье правительство проводило крайне реакционную внутреннюю и внешнюю политику. Страну старались превратить в главное звено «санитарного кордона» против СССР, при полной поддержке западных держав. Под прямым воздействием СССР народ яростно боролся со своими угнета-
311
телями. 1923—1925 гг. характеризуются лавиной нарастающих конфликтов. Происходили многочисленные демонстрации безработных, две стачки текстильщиков (1923), стачки железнодорожников, металлистов, всеобщая забастовка шахтеров, восстание рабочих Кракова и окрестных крестьян (декабрь 1923), национальное движение на «Восточных окраинах», забастовка шахтеров и металлургов (1924), новая волна демонстраций безработных (1925), нарастала борьба крестьян за землю. Аграрный вопрос играл в стране огромную роль: в польских деревнях имелось до трех миллионов безземельных сельскохозяйственных рабочих, крупные землевладельцы не составляли и одного процента сельских хозяев, но держали в своих руках 44,8% частновладельческой земли. Мелкие крестьянские хозяйства не могли сами себя прокормить. И их хозяева искали дополнительную работу на стороне. Один польский крестьянин, имевший хозяйство в 5 га, несколько позже так описал типичную картину:

«Пройдешь по нашей польской деревне и видишь, как выглядят дети бедных людей: оборванные, исхудалые, только что через замазанные рубашонки видны вздутые животы от сухой картошки. В таких условиях они должны вырасти и стать настоящими людьми <...> Как они могут вырасти, если никогда не видят куска сахара, не оближут даже ножа после масла. Масло несут прямо из маслобойки в город, не показывая детям, чтобы они не плакали. А некоторые дети даже и хлеб получают в обрез, хотя и говорится, что у нас имеется избыток хлеба. Избыток хлеба имеется, потому что хлеб не едят и детям не дают. Я не говорю, что дети всех крестьян так живут. По большей части так живут безземельные и малоземельные крестьяне». (Гросфельд Л. Государство досентябрьской Польши на службе монополий. М., 1953, с. 65.)

Большую работу в массах проводила молодая коммунистическая партия. Всеми силами она старалась организовать их на борьбу. Непрерывно создавались новые революционные организации и партии: в 1923 г. — Коммунистическая партия Западной Украины, в 1924 г. — Западной Белоруссии, Независимая крестьянская партия, Белорусская селянско-рабочая громада[269].

Положение в западных украинских и белорусских землях являлось особенно тяжелым. Здесь проводилась беспощадная политика ограбления местного населения, обезземеливания, унижения местной культуры и ополячивания, насаждения неграмотности. В 1918 г. в Западной Украине, например, насчитывалось около 3600 народных школ, а в 1938 г. — менее 250. Английский наблюдатель Геннет (из лейбористов) отмечал в 1927 г., что страшная нищета индийского крестьянства ничто по сравнению с нищетой крестьянства Западной Украины.

В следующие 10 лет положение ухудшилось еще больше, доходя до катастрофы. Потребление сахара уменьшилось на 93%, соли — на 72%, угля — на 50%. Спички для многих стали роскошью (!), люди снова начали возвращаться к огниву и лучине!

312

Население удерживалось в подчинении жесточайшим террором. Курс был задан еще в 1925 г. В октябре газета «Речь Посполита» писала:

«На южных окраинах создалось фатальное положение; если в течение нескольких лет не произойдет перемены, вспыхнет одно сплошное вооруженное восстание. Если мы не потопим его в крови, оно отторгнет у нас несколько провинций. Ответ на восстание один — виселица, и больше ничего. Необходимо все тамошнее население сверху и донизу подвергнуть такому террору, чтобы в жилах застыла кровь». (Хороша буржуазная «демократия»?!)

Правительство отвечало народу расстрелами демонстрантов и стачечников. Одновременно оно пыталось укрепить свое положение финансовой реформой (1924), заключением союза с Ватиканом (1925), политикой уступок кулачеству (за счет середняков и бедноты).

В среде господствующего класса нарастали внутренние распри. Усиливалась среди оппозиции тяга к террористическим методам борьбы. В 1922 г. президент-пилсудчик Г. Нарутович был убит террористом-эндеком художником Е. Невядомским. В Западной Украине и Западной Белоруссии шла борьба трудящихся за воссоединение с советской Украиной и Белоруссией.

Острейшая ситуация разрешилась тем, что в мае 1926 г. произошел военный переворот и к власти прорвались пилсудчики, поддержанные кулацкой партией «Вызволение» (основана в 1915 г.), реакционным руководством ППС, буржуазно-националистическими элементами Западной Украины и Западной Белоруссии, а также английским и американским империализмом.

На открытое вмешательство в польские дела советское правительство не решилось. Начиная с декабря 1925 г. (XIV съезд партии) в партии начались неистовые фракционные бои, связанные с попытками троцкистско-зиновьевской группировки захватить в стране и партии власть, ниспровергнув Сталина. Кроме того, существовал еще ряд причин. О них Сталин сказал в 1926 г. вполне откровенно:

«Несомненно, что рабочие и крестьяне связывают с борьбой Пилсудского чаяния о коренном улучшении своего положения. Несомненно, что именно поэтому верхушка рабочего класса и крестьянства так или иначе поддерживает борьбу Пилсудского, как представителя мелкобуржуазных и мелкодворянских слоев против познанцев, представляющих крупных капиталистов и помещиков. Но несомненно также и то, что чаяния некоторых слоев трудящихся классов Польши используются в настоящее время не для революции, а для укрепления буржуазного государства и буржуазных порядков.

Играют тут роль, конечно, и некоторые внешние факторы».

«В связи с этим встает вопрос о Польской коммунистической партии. Как могло случиться, что недовольство значительной части рабочих и крестьян в

Польше пошло водой на мельницу Пилсудского, а не Коммунистической партии Польши? А случилось это, между прочим, пото-
313
му, что Польская коммунистическая партия слаба, до последней степени слаба, что она еще больше ослабила себя в происходящей борьбе своей неправильной позицией в отношении войск Пилсудского, ввиду чего не могла стать во главе революционно настроенных масс». (Соч., т. 8, с. 169, с. 171-172.)

Общий итог по пункту о Домбале таков: следовало бы опубликовать (на основе документов!) подробную биографию Домбаля, выпустить сборник его работ и книгу под названием «Домбаль и Тухачевский». Фигура этого польского и белорусского лидера в настоящее время очень неясна (почти забыта!) и дает повод к всевозможным спекуляциям, что совершенно недопустимо.

Второй эпизод: Тухачевскому ставятся в вину «шпионские дела» с майором Нидермайером, передача ему секретных сведений о РККА (1931). Кто такой этот Нидермайер?

Отто фон Нидермайер (1885—1948) — кадровый офицер немецкого рейхсвера (по основной профессии — артиллерист), учился в Мюнхенском университете (география, геология). Окончил до Первой мировой войны Академию Генерального штаба, принимал участие в этой войне, считался специалистом по России, свободно говорил по-русски, знал шесть иностранных языков, многократно бывал в разных городах СССР, хорошо знал обстановку в стране. Являлся видным офицером немецкой разведки: Берзин в 1928 г. называет его «махровым разведчиком Генерального штаба». Сам себя Нидермайер любил называть «немецким Лоуренсом», что вполне соответствовало действительности. Ибо он успешно работал также в Аравии, Иране, Египте, Сирии, Палестине. Бывал также в Стамбуле и Кабуле. Работа в Турции была предметом его особой гордости, так как он состоял тогда на службе в Генеральном штабе турецкой армии и командовал немецким экспедиционным корпусом. Последний сражался против английских войск в Аравии, а командовал им знаменитый английский разведчик Лоуренс.

За проделанную ценную работу на Востоке Нидермайер получил награду из рук кайзера Вильгельма II. Был адъютантом военного министра Гесслера (1920), после чего перешел к «русским делам». В 1924 г. генерал Сект отправил его в СССР вместе с полковником Кестрингом, Фишером и майором Чунке для руководства обучением немецких офицеров в Липецке и Казани. Одновременно являлся военным атташе в Москве (до 1931 г.). Выехав, уже не возвращался, но туда ездила его жена — под предлогом гостевания у Гартмана, нового военного атташе[270].

Вернувшись в Берлин, Нидермайер стал профессором (!) русского института при Берлинском университете (по военным наукам) и полковником по особым поручениям при Кейтеле (начальник штаба Верховного командования вооруженными силами Германии). Был докладчиком по русским военным делам, так как, по его собственным словам, «хорошо знает СССР, ежедневно читает «Красную Звезду» и следит за военной литературой». О своих прошлых связях отзывался так:
314

«Уборевич — «симпатичный человек», Тухачевский — «неприятный», ибо был большевиком на 150%, а он не терпит «ни 150%-х большевиков, ни 150%-х националистов».

О Радеке отзывается презрительно:

«Он — тип «образованного, но все отрицающего еврея-интеллигента, неспособного к действию».

О Ворошилове сказал, что «он его хорошо знает» и 10 сентября 1940 г. в беседе с советским советником при посольстве в Берлине А. З. Ко-буловым[271] (1906—1955) просил его передать Ворошилову привет.

Себя Нидермайер представлял как сторонника германо-советского сближения, за что Тауберт из «Антикоминтерна» злобно нападал на него, называя «большевиком». Из-за подозрений ему не давали свободно писать и говорить о СССР. С 1933 по 1935 г. он находился в отставке, для него было даже опасно посещать советское посольство (без специального разрешения Кейтеля).

Нидермайер вынужден был просить военное командование о защите. Злобные нападки влиятельных врагов сильно помешали карьере. Он дошел лишь до чина полковника, хотя должен был бы быть, согласно опыту и познаниям, командиром дивизии или корпуса. Он враждебно относился к прибалтийским немцам из «Антикоминтерна», считая их бесчестными карьеристами. Он высказывал свое удовлетворения по поводу заключения договора между СССР и Германией, рассматривая его как торжество своих убеждений.

О западных странах он высказывался презрительно, говорил, что война с ними будет идти до победы, после чего мир расколется на две части: одна — Америка с ее сателлитами, другая — европейско-азиатский-африканский континент, где во главе будут стоять Германия и СССР. Два мира неизбежно затем столкнутся. СССР, с целью укрепить безопасность нефтяных источников Баку, на которые зарятся западные демократии, следует захватить Иран[272].

В 1941 г. Нидермайер получил желанный чин генерал-майора. Он продолжал усиленно работать в аппарате абвера, был связан со многими разведчиками, с Кестрингом и Власовым. В общем, можно сказать, что и у него грехов на душе было достаточно.

В 20-е годы в Москве Нидермайера знали под фамилией Нойман. Служил в том отделе, который занимался изучением РККА и СССР. Он являлся главой немецкой военной делегации, приезжавшей в СССР на основе тайных статей Раппальского договора о возобновлении нормальных дипломатических отношений и урегулировании взаимных претензий (1922). С установлением официальных отношений между немецкими и советскими военными кругами до 1933 г. курировал совместные предприятия, в которых обе стороны были заинтересованы: заказы в Германии на производство снарядов, переговоры с фирмой «Юнкерс» о поставках самолетов и строительстве в СССР авиазавода, строительстве завода по выработке иприта, создание совместной танковой школы в

Казани, о взаимных допусках избранных командиров на тактические учения в поле и на маневры, командировку в Германию на учебу в Германскую военную академию высокопоставленных военачальников и т.п. До 1933 г. Нидермайер исполнял обязанности военного атташе в Москве. Поддерживал официальную связь между немецким военным руководством и Красной Армией на самом высшем уровне, включая наркома К. Ворошилова[273].

В настоящее время появились некоторые конкретные данные о работе Нидермайера. В секретном послании от 17 октября 1931 г. немецкому дипломату фон Бюлову, сыну князя Бернгарда Бюлова (1849—1929), занимавшему виднейшие должности в кайзеровской Германии (посол в Риме, статс-секретарь иностранных дел, рейхсканцлер в 1900—1909, чрезвычайный посол в Италии в 1914—1915), немецкий посол в Москве фон Дирксен писал о недавнем визите в Москву генерала Адама, начальника Генерального штаба рейхсвера, который был принят для беседы Ворошиловым, присутствовал на обеде в его честь и имел

много важных разговоров. Посол пишет о своих личных впечатлениях от бесед, в которых он тоже принимал участие:

«Ворошилов самым категорическим образом подчеркивает неизменное чувство дружбы, питаемое здесь к Германии. По его словам, как переговоры с Францией, так и Польшей представляют собой явление чисто политического и тактического характера, которые диктуются разумом. В особенности же ясно отдают себе здесь отчет об отсутствии внутренней ценности договора о ненападении с Польшей. (...) Границы с Польшей Ворошилов считает, как это он подчеркивал в разговоре с Адамом, неокончательными.

Я беседовал особенно много с Тухачевским, который имеет решающее значение в деле сотрудничества с «Рейнметаллом» и для того учреждения, которое возглавлялось до сих пор Нидермайером. Он далеко не является тем прямолинейным и симпатичным человеком, столь открыто выступавшим в пользу германской ориентации, каковым являлся Уборевич. Он скорее замкнут, умен, сдержан. Надеюсь, что и он будет сотрудничать лояльно, когда он убедится в необходимости и выгодности этого сотрудничества». (Ю. Дьяков, Т. Бушуева. Фашистский меч ковался в СССР. М., 1992, с. 121.)

Совершенно секретно 28 июля 1932 г. советник полпредства в Берлине Александровский сообщает в Москву о важной беседе:

«Под строгим секретом Нидермайер сообщил, что с осени в Берлине начнет работать военная академия, запрещенная Версальским договором. <...> Шлейхер берет курс на полное разрушение совершенно невыгодных и устарелых форм, предписанных Рейхсверу Версалем. <...> В достаточно осторожной форме Нидермайер дал понять, что такая коренная реорганизация армии направлена острием против Запада (Франция) и будет проделываться вопреки международным запрещениям. <...> Нидермайер после отпуска, если я заинтересован, то он с

316

соблюдением всяческой осторожности готов организовать встречу с Герингом и всячески содействовать постоянному контакту между Полпредством и наци». (Там же, с. 132—133.)

Тот же Александровский 7 февраля 1933 г. совершенно секретно сообщает в Москву:

«По поводу нового правительства (Гитлера. — *В.Л.)* и его перспектив Нидермайер весьма категорически заявлял, что оно составлено из настолько гетерогенных (неоднородных. — *В.Л.)* элементов, что не может быть и речи о его длительном существовании. Назначение новых выборов в рейхстаг есть победа Гитлера. <...> Нидермайер относится безразлично к результатам выборов потому, что, по его мнению, развитие пойдет в направлении установления диктатуры Гитлера. <...> Нидермайер сообщил о своем желании подготовить книгу о Красной Армии, но Унион-бильд (Издательство. — *В.Л.)* якобы не располагает теми материалами, которые он хотел бы поместить в книге и просит у советской стороны содействия.

Прибавлю от себя, что идея книги о Красной Армии вот уже год как висит в воздухе. Например, хорошо известный нам Меннерт (немецкий журналист. — *В.Л.)* пытался написать такую книгу. Не подлежит сомнению, что такая книга будет пользоваться большим успехом. Совершенно очевидно, что такую книгу очень трудно составить по-нужному. Доверить ее составление одному Унион-бильду с Нидермайером невозможно. Но если этим делом заняться по-серьезному в Москве, то книгу не только можно делать, но и так составить, что она действительно произведет впечатление и покажет не столько нашим друзьям, сколько

нашим врагам, что нас лучше не затрагивать. Этот вопрос нужно было бы обстоятельно обдумать и серьезно проработать». (Там же, с. 298-299.)

Со сменой немецких послов в Москве (Дирксена и Надольного) Нидермайер также отзывается в Германию и отходит в тень. Но с началом Великой Отечественной войны вновь появляется на горизонте он выступает командиром специальных частей, созданных из русских перебежчиков, и сближается с генералом Власовым, перешедшим на сторону Гитлера.

Еще до 1940 г., будучи человеком из ведомства Канариса, Нидермайер устанавливает тайные связи с английской и американской разведками. В 1944 г. входит в число заговорщиков, пытавшихся убить фюрера и захватить власть. Попадает в концлагерь (1944), откуда его освобождают американцы. С их санкции отправляется в советский сектор Берлина и пытается установить контакты с видными военачальниками, которых знал еще в 30-е годы. По обвинению в шпионаже арестован и отправлен в СССР. До 1949 г. отбывал заключение в Бутырской тюрьме. Затем был выпущен и стал работать на советскую разведку, находясь при генерале Гелене, возглавлявшем многие годы разведку ФРГ. Для маскировки она сначала называлась «Контора для реализации изделий южно-

германской промышленности», а затем «Федеральной информационной службой», финансировалась американской разведкой и ею же контролировалась. Сам Гелен при Гитлере занимал пост начальника отдела «Иностранных армий Востока». Он сумел добиться благосклонности американцев, так как добровольно явился к ним и доставил список фашистской агентурной сети. Его заслуги и опыт оценили. «Гелен, — как утверждала одна немецкая газета, — владел ключами от шпионской машины, сконструированной Канарисом, Гиммлером и Шелленбергом. Руководители американской разведывательной службы были в восторге от идей и материалов, которые Гелен предоставил в их полное распоряжение. Гелену разрешили создать при себе небольшой штаб из бывших немецких офицеров разведки. Несколько недель спустя Гелен уже давал донесения. Американцы были восхищены его работой и охотно разрешили увеличить ему число сотрудников, а также расширить поле деятельности»[274].

Вот этот Нидермайер в своем посольстве в Москве в 30-е годы не раз устраивал официальные рауты, на которых присутствовали, с согласия наркома, разные высокопоставленные лица РККА, в том числе Тухачевский и женщины, сотрудницы посольства, и те, кто по разным делам прибывал из Берлина. Говорят, на них присутствовала и Жозефина Гензи (Енсен), весьма обаятельная женщина, сотрудница рейхсвера и негласная разведчица-датчанка, старая знакомая Тухачевского. Вот чью фигуру сторонникам маршала следовало бы в первую очередь прояснить, дать ее подробную биографию: ведь есть люди, которые считают ее любовницей Тухачевского. Сталин со своей стороны утверждал, что именно она «завербовала Тухачевского»! Больше того: она завербовала и секретаря ЦИК СССР А. Енукидзе, близкого Бухарину и Сталину, советского посла в Турции, бывшего меньшевика Л. Карахана и заместителя председателя Совнаркома СССР Я. Рудзутака! Однако по этой новой Мата Хари нет не только ни одной книги, но даже и самой тощей статьи! Смешно после этого слышать лицемерные заявления: «Тухачевский ни в чем не виновен!»

Есть и другое серьезное обвинение. Бывший американский посол в Москве Дэвис в своих мемуарах, со ссылкой на чешский источник, информировавший французское Второе бюро (контрразведка), рассказывает:

«Утверждают, что немка Суделе, родившаяся в Франтишке Пазни, секретарь и любовница Тухачевского во время пребывания в Германии, где он побывал

несколько раз, вовлекла маршала в сети разведывательного управления рейха». (Александров. Ук. соч., с. 180.)

Не мешало бы прояснить и этот пункт, открыть подробно и по документам, а не на основе слухов и сплетен, что за ним стоит, показать портрет означенной дамы и рассказать подробно о ее жизни!

Этот же Нидермайер, о котором идет речь, поддерживал официальные отношения и с ведомством Ягоды — НКВД! В силу всего сказанно-

го у немецкого представителя было, конечно, много нужных связей и контактов, в том числе с Фельдманом, Путной, Корком, Якиром и Уборевичем. Особенно много оснований для всяких разговоров имелось с Якиром и Уборевичем, самыми знаменитыми слушателями немецкой Академии Генерального штаба (1928—1929).

Поэтому вполне понятно неистовое озлобление Вышинского, в течение многих месяцев «путешествовавшего» по дебрям тайной политики оппозиции. Вспоминая Ягоду, он так представляет его суду:

«Ягода, как мухами, был облеплен германскими, японскими и польскими шпионами, которых он не только прикрывал, как он сам здесь это признал, но через которых вел шпионскую работу, передавая разведкам секретные государственные материалы, продавая и предавая нашу страну этим иностранным разведкам».

«Это — один из крупнейших заговорщиков, один из виднейших врагов Советской власти, один из самых наглых изменников, человек, который пытался в самом НКВД организовать группу и отчасти и организовал ее из изменников Паукера, Воловича, Гая, Виннецкого и, других, оказавшихся польскими и немецкими шпионами и разведчиками. Таким является и сам Ягода, который, вместо того чтобы нашу славную разведку направить на благо советского народа, на благо социалистического строительства, пытался повернуть ее против нашего народа, против нашей революции, против социализма». (Судебные речи. М., 1955, с. 496, 558.)

Что могло побудить Тухачевского в условиях 1931 г. передавать руководству рейхсвера какие-то «материалы», если доверять обвинению? Только распоряжение собственного военного руководства (согласованное со Сталиным), вытекавшее из общей политической ситуации. Иначе говоря, «материалы» представляли собой ловкую дезинформацию.

Что представляла Германия в 1931 г.? Она была страной, катившейся к катастрофе. Тяжелое экономическое положение (в 1931 г. — 8 миллионов безработных!), резкое падение влияния буржуазии, частые смены правительств, которые были не в силах долго держаться, сбои государственного механизма, дикая борьба партий (на парламентских выборах 1930 г. социал-демократы получили 8,6 млн. голосов, фашисты — 6,4 млн., коммунисты — 4,6 млн.). Компартия на глазах наращивала свое влияние в массах. В ее распоряжении находился Союз красных фронтовиков (100 тыс. человек, формально, правда, запрещен в 1929 г.). В буржуазных кругах нарастает желание передать власть одному постоянному попутчику с «сильной рукой». В этом же направлении идет агитация в массах со стороны буржуазных газет. Очередные парламентские выборы президента (1932) кое-что показывают в этом плане. Новый президент, 85-летний фельдмаршал Гинденбург, получает 19 млн. голосов, а кандидат компартии 45-летний рабочий-докер Э. Тельман — 3,2 миллиона. Ничего удивительного: в политике действует принцип долгой известности и авторитета, сложившегося в стране и за ее пределами. Гинденбург

именно таков: он — монархист, крупнейшая фигура Первой мировой войны с немецкой стороны (начальник Генерального штаба, с 1916 г. фактический главнокомандующий), один из организаторов военной интервенции против Советской России, доверенное лицо немецкой военщины, юнкеров, промышленников и банков, то есть тех людей, которые реально держат власть[275].

Компартия занимала по численности депутатов 3-е место в рейхстаге. И это внушало реакции большие опасения. Все больше распространялось убеждение, что выход только в одном: уничтожить буржуазно-демократические свободы, установить открыто террористическую диктатуру, военную и фашистскую, развязать новую войну, способную отвлечь народное внимание и ликвидировать за чужой счет острейшие социальные противоречия. Правда, в буржуазном лагере, как и в среде военных, не все стояли за подобный исход. Войны с Россией не хотела могущественная «российская партия», объединявшая часть промышленников, банкиров, генералов, влиятельной интеллигенции, правительственных чиновников, простого народа. На этой же позиции стояла и часть функционеров различных партий. У них довольно долго были еще сильные позиции (социал-демократическое правительство Брауна в Пруссии реакция сумела разогнать только в середине 1932 г.).

Однако другой лагерь оказывался явно сильнее, действовал более энергично и сплоченно. Фашисты выступали в нем как партия крайней реакции, прикрывавшейся беспардонным шовинизмом, национализмом и демагогией. Гитлер всячески рекламировал себя во всех общественных прослойках, устраивал многочисленные митинги и собрания «для избранных». Своих планов он не скрывал и говорил так:

«Я хочу войны, и все средства для меня хороши. Война будет вестись по-моему, война — это я». (Бланк А. Из истории раннего фашизма. С. 132.)

«Советская Россия, как революционное социалистическое государство, является врагом национал-социалистических сил порядка, но есть и кое-что большее. Как великое территориальное образование, Россия является постоянной угрозой Европе. Принцип самоопределения также относится к России. Русская проблема может быть разрешена только в согласии с европейскими, что означает с германскими, идеями. Не только русские пограничные территории, но и вся Россия должна быть расчленена на составные части. Эти компоненты являются естественной имперской территорией Германии»[276].

Вот она, программа войны и тотального грабежа! И ее-то повторяют российские негодяи! Обворовав Гитлера, они визжали со всех трибун: «Ликвидируем последнюю империю! Позволим выделиться республикам! Зачем они нам?! Пусть Россия действует в одиночку! Тогда она станет богаче и сильнее! Да и ее надо разделить на 50 республик! Пусть будет конфедерация! Тогда нас примет в объятия цивилизованная Евро-

па!» Вот программа банды врагов, взращенных за последние 50 лет! И говорят еще, что Сталин напрасно казнил руководящих предателей!

При таких обстоятельствах в Германии задача для генералитета СССР была вполне ясна: крепить связи с «русской партией» среди немецкого генералитета, заключать негласный союз с целью не допустить Гитлера к власти, а если он все же прорвется, то организовать его свержение общими усилиями.

Скорее всего, в то время Тухачевский занимался именно этим. Ничем другим он и не мог бы заниматься! Во-первых, зачем было подвергать риску свою очень успешную карьеру? Во-вторых, он имел еще недостаточную власть (начальник вооружений РККА, заместитель председателя РВС СССР), которая не давала

шансов на успех самостоятельного военного заговора (и этого он не мог не понимать).

Итак, этот пункт обвинения следует снять, как недостоверный. А по деятельности Нидермайера в России тоже, конечно, необходима обстоятельная статья и специальная книга — для прояснения вопроса и освещения его реальной деятельности. Пока сказать ничего определенного нельзя, фактов мало.

Лишь третий эпизод, связанный с обвинениями в передаче немецкой разведке и рейхсверу оперативного плана в 1937 г., выглядит вполне реально. Что могло побудить к таким опасным и преступным действиям? Несомненно, крайняя опасность положения. По собственным словам, Тухачевский вошел в «правую» оппозицию в 1928 г., будучи командующим Ленинградского военного округа; вовлек его в «правую» организацию А. Енукидзе, секретарь ЦИК СССР, один из друзей Бухарина. Уже в конце 1936 г. тайный «право»-троцкистский блок, за кулисами боровшийся со Сталиным, находился на грани полного разоблачения. 14 августа 1936 г. в Ленинграде арестован В. Примаков, 27 сентября 1936 г. покровитель блока Ягода был уволен с поста наркома НКВД, 20 августа 1936 г. люди Ежова арестовали лучшего друга Тухачевского В. Путну, — руководящего участника заговора, бывшего военного атташе в Берлине, Токио и Лондоне. На январском процессе 1937 г. Радек в очень двусмысленной форме вспомнил вдруг о Тухачевском, после чего его имя упоминалось еще по крайней мере 10 раз. 14 и 23 мая 1937 г. Корк и Эйдеман, соратники Тухачевского, тоже оказались арестованы (по обвинению в тайных сношениях с нацистской Германией и шпионаже). Итак, вопрос стоял совершенно однозначно: или надо оказать сопротивление, или следует положить голову на плаху

Да, вопрос стоял буквально о голове. Высокопоставленные троцкистские руководители в СССР (Розенгольц, Крестинский и др.) в своих секретных письмах Троцкому за границу, уже в конце 1936 г., высказывались за немедленное выступление.

Закулисные дипломатические переговоры с западными державами и торг из-за условий, на которых оппозиции окажут помощь в ее борьбе за власть (вел переговоры главным образом Троцкий, хотя свою линию

имели и другие лидеры), длились долго и все никак не приводили к успеху. Западные державы (Англия, Франция, Германия, Польша) много запрашивали, а оппозиция не хотела слишком много обещать — из боязни скомпрометировать себя. Так длилось до конца 1935 г., когда ход событий припер оппозицию к стене: в Европе распространялся фашизм, его позиции в Германии усиливались, угроза мировой войны росла со страшной быстротой. И тогда Троцкий решил пойти напролом, поставив собственных нерешительных компаньонов в СССР перед фактом сговора с западными «союзниками». Известие о его действиях повергло ведущих оппозиционеров в шок. Радек так передавал свои чувства от знания того, что происходило «за кулисами»:

«Я, пересылая ему (Троцкому в 1934 г. — *В.Л.)* ответ Центра, добавил от себя, что согласен на зондирование почвы, — сами не связывайтесь, обстановка может измениться. Я предлагал: пусть переговоры ведет Путна, имеющий связи в руководящих военных японских и германских кругах. И Троцкий мне ответил: «Мы не свяжемся без вас, никаких решений не примем». Год молчал. Через год поставил нас перед фактом своего сговора. Вы поймите, что это не есть моя добродетель, что я против этого восставал. Но это — просто факт, чтобы вы поняли».

«Я мало-мальски военно-грамотный человек и могу оценить международную обстановку. И для меня было ясно: 1934 год — период, в который я, при моей

склонности к пессимизму, считал неизбежным поражение, гибель; уже в 35 году есть все шансы на победу этой страны, и кто раньше маскировал перед собой, что он пораженец по необходимости, чтобы спасти то, что можно спасти, — тот должен себе сказать: я — предатель, который помогает покорить страну, сильную, растущую, идущую вперед. Для каких целей? Для того, чтобы Гитлер восстановил капитализм в России». (Последнее слово Радека.)

Теперь по-новому приходилось смотреть на аргументы Троцкого, которыми он пытался убедить своих сторонников в СССР еще в 1933 г., публикуя программную статью в «Бюллетене оппозиции». В статье этой, имевшей подзаголовок «Проблемы IV Интернационала», имелись такие строки: «Было бы ребячеством думать, что сталинскую бюрократию можно снять при помощи партийного или советского съезда. Для устранения правящей клики не осталось никаких нормальных конституционных путей. Заставить их передать власть в руки пролетарского авангарда можно только силой». (См.: Вышинский. Судебные речи. С. 475.)

Итак, Троцкий призывал действовать решительно. Теперь по необходимости приходилось играть ва-банк! Тем более что другая сторона, пользуясь обстоятельствами, буквально хватала за горло и ставила вопрос ребром: «Хотите получить помощь от нас? Предоставим! Но взамен дайте сведения — по армии, промышленности, транспорту, сельскому хозяйству, финансам. Пристраивайте наших людей на различные должности, помогайте их передвижениям по стране». Иначе говоря, толкали к шпионажу.

322

Возникает вопрос (его задают сторонники маршала):

— Но мог ли Тухачевский, самый горячий патриот, выдающийся военачальник на фронтах Гражданской войны, награжденный советским правительством за заслуги, склониться со своими товарищами, тоже настоящими героями, на такие мерзости?! Он и в оппозиции-то не бывал никогда.

Действительно, в формальной оппозиции Тухачевский никогда не числился. Однако с Бухариным и Троцким он всегда ладил. А к Троцкому чувствовал явное расположение. Современные зарубежные троцкисты, люди весьма информированные о делах своего почившего лидера, пишут в этой связи так:

«Тухачевский противостоял невыносимому давлению и отказывался не только обвинять, но даже критиковать своего бывшего командира в печати. Даже в 1928 г. он продолжал цитировать Троцкого в книге «Вооруженное восстание»[277].

Все известные троцкисты[278] с редким единодушием утверждают, что Тухачевский и его соратники были ликвидированы Сталиным, как представители «демократической оппозиции», как группа «антифашистских генералов». Их-де ликвидация составляла необходимое условие для заключения пакта Гитлера—Сталина в 1939 г. Эти утверждения выглядят очень сомнительно. Во-первых, велик разрыв между пактом и ликвидацией Тухачевского и его друзей. Что же Сталин, этот «тиран», так тянул?! Во-вторых, эта «демократическая оппозиция» никогда Сталину и нигде открыто не возражала. А в-третьих, раз это «демократическая оппозиция», то какова же была ее программа? Чем она отличалась от сталинской? На эти вопросы вразумительных ответов нет! Случайно ли?!

Но главное все-таки не в этих соображениях. Главное то, что признает сам Троцкий: «Тухачевский, как и остальные казненные генералы, несмотря на тесную боевую связь со мною (самая тесная форма связи, как известно! — *В.Л.)*, политически никогда не были троцкистами. Они были солдатами. Если в последний период Тухачевский встал в оппозицию к Сталину, то руководили им исключительно чувства патриотизма». (Там же, с. 43.) (Сам Тухачевский, в своих

объяснениях в НКВД, признавал, что он установил личную связь с Троцким в 1936 г. через Льва Седова, сына изгнанника, с которым во время поездки в Лондон сумел устроить свидание Путна.)

Итак, первый факт (закулисные действия Тухачевского против Сталина!) для Троцкого несомненен. А вот второй факт (в виде оценки): «генералы (во главе с маршалом. — *В.Л.)* стремились защитить Красную Армию от деморализующих интриг НКВД. Они защищали лучших офицеров от фальшивых обвинений. Они противостояли установлению диктатуры НКВД в Красной Армии. Генералы боролись за интересы безопасности Советского Союза, а не Сталина. Поэтому они и погибли». (Там же, с. 43.)

323

Признания Троцкого подкреплены признаниями Тухачевского, сделанными в НКВД (1 июня):

«Примерно в тот же период, т.е. в 1933—1934 гг., ко мне в Москве зашел Ромм и передал, что он должен сообщить мне новое задание Троцкого. Троцкий указывал, что нельзя ограничиваться только вербовкой и организацией кадров, что нужна более действенная программа, что германский фашизм окажет троцкистам помощь в борьбе с руководством Сталина, и поэтому военный заговор должен снабжать данными германский Генеральный штаб, а также работающий с ним рука об руку японский Генеральный штаб, проводить вредительство в армии, готовить диверсии и террористические акты против членов правительства. Эти установки Троцкого я сообщил нашему центру заговора»[279].

Здесь будет, видимо, небесполезно привести еще одно свидетельство — зарубежную газетную вырезку, приводимую бывшим немецким коммунистом (позже троцкистом) Эрихом Уолленбергом, который работал в Коминтерне. Переиздавая в 1970 г. книгу «Вооруженное восстание» (где среди соавторов числился Тухачевский), он в своем предисловии привел, как типичную для того времени, цитату: «Маршал Советского Союза «Туха» был ликвидирован Сталиным как член оппозиционной группы, наиболее известными членами которой были старые большевики Бухарин, Рыков, а в армии — «еврей» Гамарник, политический комиссар, и «еврей» Якир, армейский генерал! Показания против «Тухи» дал Радек, который на своем суде надеялся спасти шкуру, упомянув имя маршала Советского Союза в связи с советской демократической оппозицией». (Там же, с. 42.)

Сделав эти необходимые замечания, постараемся воспроизвести общую картину событий, как мы ее себе представляем.

* * *

Итак, передача оперативного плана (и, скорее всего, также мобилизационного, так как друг без друга они не давали полной картины развертывания боевых сил и хода боевых действий на первом этапе войны) представлялась совершенно неизбежной[280]. Это была цена за оказание военной помощи другой стороной (если не говорить о чисто экономических и политических пунктах «соглашения»).

В соответствии с принятым решением Тухачевский переснял документы, а негативы опечатал немецкой печатью (маленькая хитрость!) в прочном пакете. Затем дипломатической почтой все полученное, опять-таки с помощью своих, отправили в Берлин. Один из оппозиционеров, работавший в посольстве, этот пакет укрыл в особом тайнике, на одной из конспиративных квартир. Устроил ее Путна в то время, когда он сам работал здесь военным атташе.

В феврале 1936 г., возвращаясь из поездки в Лондон и Париж (маршал ездил на похороны английского короля), Тухачевский на самое

короткое время остановился в немецкой столице, естественно, в советском посольстве. Посол Яков Суриц (1882—1952) и военный атташе ввели маршала в курс самых последних новостей. Новости касались чистки, устроенной Гитлером в армии, слухов, ходивших в Берлине, в военных, журналистских и дипломатических кругах, разных дипломатических документов и пр.

В связи с осложнениями в отношениях с рейхсвером Тухачевский пробовал через посла получить тайную аудиенцию у Гитлера, но тот не принял его. Встреча с руководством рейхсвера (военный министр Бломберг, начальник сухопутных вооруженных сил генерал Фрич, начальник Генерального штаба генерал Бек) тогда тоже не состоялась. Любопытный комментарий к этому позже дал Геринг, второе лицо в Германии. 16 февраля 1937 г. он имел в Варшаве встречу с польским руководителем маршалом Рыдз-Смиглой. В беседе он сказал ему (любопытно отметить, что это превосходное место никогда не фигурирует ни в какой биографии Тухачевского!):

«До прихода к власти канцлера Гитлера в германской политике было сделано много серьезных ошибок. Опасная политика Раппало проводилась в отношении России. В результате такой политики Германия оказывала России военную помощь, вооружала ее инструкторов, помогала ей создать собственную военную промышленность. В старом рейхсвере было много сторонников сближения с Советской Россией. Но этому был положен конец удалением всех подобных элементов из германской армии. Правда, генерал Шлейхер говорил, что он хочет бороться с коммунизмом внутри страны, а за ее пределами он искал контактов с Советами. Были сделаны серьезные ошибки, которые никогда не должны повториться. Господин Гитлер полностью изменил эту политику и установил принцип, против которого не было возражений, по которому всякие контакты с коммунизмом были запрещены. Он недвусмысленно подчеркнул свою позицию, когда маршал Тухачевский проезжал через Берлин. Он не только не принял его лично, но не разрешил никому из военных кругов иметь с ним какой бы то ни было контакт.

Нельзя забывать, что новая Германия начала свое существование таким же путем, как и новая Польша. Германия никогда не вернется к прорусской политике. Ибо всегда следует помнить, что имелась одна большая опасность, идущая через Россию с Востока и грозящая равным образом Германии с Польшей. Эта опасность существовала не только в виде большевистской и коммунистической России, но России вообще, будь то монархической или либеральной. В этом отношении интересы Польши и Германии были совершенно едины». (Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1969, т. 6, с. 323.)

Посольские разговоры для советского маршала были наименее интересными, так как они не дали ему ничего принципиально нового и важного. Другое дело — тайная встреча, которую подготовил Путна, всюду его сопровождавший. Как позже утверждало обвинение, это была

325

встреча с «немецким генералом», имя которого официально не называлось. Речь шла о заключении формально-секретной сделки — о совместных выступлениях против Сталина и поддержке выступления оппозиции вооруженными силами Германии.

Легко себе представить, какой биографией и весом в военных и правительственных кругах должен был обладать человек, который брался все это устроить! Только один человек, по нашему мнению, мог бы претендовать на это: 70-летний генерал в отставке Эрих Людендорф (1865—1937), давний соратник Гитлера. Разумеется, генерал явился на встречу не один, но с сопровождением,

составлявшим род свидетелей и поддержки при важном разговоре. В его сопровождение входили: старый соратник по Первой мировой войне, которой Людендорф руководил вместе со своим шефом фельдмаршалом Гинденбургом; бывший начальник военной разведки Вальтер Николаи (1873—1947), учитель Канариса[281] и представитель Гитлера, ведавший связями с иностранной печатью Эрнст Ханфштенгль (1887—1975), 50-летний человек, очень остроумный и знающий, по прозвищу Путци, написавший после войны мемуары: «Гитлер: потерянные годы». (Лондон, 1957.)

Разговор оказался кратким и вполне деловым. Каждая из сторон имела ясное представление о настоящем положении дел и достаточно времени, чтобы обдумать ситуацию. Времени на пустые разговоры или «уговоры» тратить не пришлось. Во время свидания Тухачевский вручил Людендорфу переданные ему «своими» негативы важных документов и фотоснимки с них, сделанные уже здесь, в Берлине, одним из надежных людей. Людендорф и Николаи, как люди весьма искушенные, тотчас стали с жадностью рассматривать столь драгоценные документы, издавая возгласы одобрения, обмениваясь многозначительными взглядами и замечаниями. Ханфштенгль в это время прокручивал пленки, проверяя четкость изображения (хотя мог бы и не делать этого, поскольку снимали профессионалы).

Когда просмотр закончился, старшие коллеги шумно выразили свое полное удовольствие. И тогда Ханфштенгль вручил советскому маршалу очень крупную сумму — в качестве платы за риск и труды.

Стороны обменялись еще некоторой информацией военно-технического характера, уточняя намеченный ими ход событий. После этого на память сфотографировались. Затем пожали друг другу руки и, пожелав успеха, разошлись в разные стороны. Полученную валюту маршал спрятал в секретное хранилище, оттуда частями она пошла на оппозиционную работу за границей. А Людендорф полученную от гостя документацию отправил на секретную разработку будущих военных операций на Восточном фронте своим молодым сотрудникам. У старика, очень честолюбивого, имелась своя политика. И он не собирался раньше времени своими секретами ни с кем делиться.

326

*** * ***

На чем основано утверждение, что участниками данного секретного совещания с немецкой стороны были именно названные лица, а не какие-то другие? Для такого мнения есть серьезные основания:

Организацией вооруженного конфликта с СССР (с участием многих дивизий!) мог ведать лишь политик и военный в одном лице, способный оказывать решающее влияние на все дела страны, на армию и политическое руководство. Таких людей в Германии имелось очень мало. Старых прославленных военачальников, известных всем, уже давно не было в живых: генерал-фельдмаршала Альфреда Шлиффена (1833—1913), бывшего начальника Генерального штаба в 1891—1922 гг.; генерала Гельмута Мольтке (1844—1916), начальника Большого Генерального штаба в 1906—1914 гг.; генерала от инфантерии Эриха Фалькенгайна (1861— 1922), бывшего военным министром (1913—1914), начальником Генерального штаба (1914—1916), командующего 9-й и 10-й немецкой армии; генерал-фельдмаршала Пауля Гинденбурга (1847—1934), воистину любимца богов, которые даровали ему сверхдолгую жизнь и громадную славу, командующего немецкими силами на Востоке, начальника Генерального штаба с 1916 г. до его упразднения по условиям Версальского мира, фактического верховного командующего всеми немецкими вооруженными силами[282].

Из людей молодого поколения к «важным птицам» принадлежали: среди политиков — Гитлер, Геринг и Гесс, среди «вояк» — военный министр Бломберг и его сотрудники — Фрич и Бек[283]. Политики в таких переговорах сразу отпадали: уровень Тухачевского для них был недостаточен (всего лишь первый заместитель наркома обороны!), и общий язык найти было бы крайне трудно (повседневный язык фашистских лидеров — самая бессовестная и безудержная демагогия!). Вдобавок свидание с этими лицами было для советского маршала смертельно опасно: коварный фюрер — в своих интересах! — мог запросто «продать» Сталину. Его партийные соратники во всем походили на него.

С военной верхушкой было попроще: все знакомы (с 1925 г.), и хорошо, мысли друг другу понятны, «провернуть» операцию, конечно, могли бы. Но! Все они — официальные лица! А в подобных переговорах это очень неудобно! И к тому же свои должности они заняли недавно, их авторитет не успел еще достаточно укрепиться. А нужен очень большой авторитет для подобной операции! Значит, больше всего подходит для такого дела Людендорф. У него авторитет громадный. Он не связан официальным положением, так как находится в отставке. У него и необходимые связи в фашистской партии, он пользуется нужным авторитетом у Гитлера.

Что же представлял собой Людендорф? Эрих Людендорф (1865— 20.12.1937) — видный немецкий генерал, военный идеолог германского империализма. Вместе со Шлиффеном разрабатывал план развертыва-
327
ния немецких войск в Первой мировой войне. Затем он был видным руководителем на Восточном фронте (начальником штаба в 8-й армии у генерала П. Гинденбурга). С августа 1916 г. и до конца войны вместе с последним руководил всеми немецкими вооруженными силами. С величайшей горечью увидел в конце войны полное крушение всех своих планов, разгром двух наступлений, на Востоке и на Западе, которые он лично готовил. Уволен в отставку и уехал в Швецию, так как общественное мнение очень выступало против него.

Собственными глазами видел Людендорф ноябрьскую революцию 1918 г., крах империи, отречение кайзера от трона, сильное падение престижа кадрового офицерства, 80% которого оказалось истреблено на фронтах.

Людендорф был убежденным монархистом и заядлым реакционером, не признавал не только «красных», но и «бледнорозовых». После 1918 г. он как-то сказал одному из своих соратников:

«Величайшей глупостью революционеров было то, что они оставили нас в живых. Ну, погодите! Если я вернусь к власти, пощады не будет. Я со спокойной совестью глядел бы, как Эберта и Шейдемана с их товарищами вздернут на виселицу». (Гус М. Безумие свастики. Очерки. М., 1973, с. 205.)[284]

Революция на основе того, что он увидел, вызвала у Людендорфа страшную злобу. И в своей книге «Мои воспоминания о войне 1914— 1918» (М, 1923-1924) он записал:

«Она (революция. — *В.Л.)* наложила на германский народ тяжелое ярмо и сделала жизнь под этим рабским игом совершенно невыносимой. Народу грозит полное истребление.

Революция поощряет неохоту к работе и искореняет сознание, что работа важнее заработка. Она препятствует деятельности творческих сил и вычеркивает всякое проявление личности. На место личности является господство массы и посредственности. (Как видим, это обвинение делалось уже при Ленине, в то время, когда Сталин не накладывал на Россию, тем более на Германию, «тиранического ярма»! — *В.Л.)* Народ, с пониженным нравственным чувством,

разгуливает, пользуясь свободой революции; низменные инстинкты получают полный простор и не считаются ни с чем. Везде господствует беспорядок, страх перед работой, обман и погоня за чрезмерной наживой». (Т. 2, с. 313.)

Возвратившись в Германию, Людендорф пытается восстановить Германию. Тщетные усилия. Укрепляется буржуазно-демократическая Веймарская республика. На политической арене появляется партия фашистов во главе с Гитлером. Людендорф устанавливает с ней контакт, как вполне родственной ему по духу. С молодым фюрером он в самых наилучших отношениях. Тот относится к нему весьма почтительно: ведь он обеспечивает связь с армейскими верхами. В 1923 г. Людендорф участвует в «пивном путче» Гитлера в Мюнхене и готовится вместе с ним к походу из Баварии на Берлин. При этом самоуверенный Гитлер объяв-

328

ляет имперское и баварское правительства низложенными, сам себя назначает главой правительства Германии, а Людендорфа главой общегерманской армии. Путч, однако, провалился. Людендорфа слегка пожурили за такие «шалости», а скверному и нахальному ефрейтору дали пять лет заключения в крепости. Он отсидел всего полгода (в комфортабельной камере!), а затем по ходатайству Людендорфа и других своих сторонников вышел на свободу

Связи с Гитлером продолжали укрепляться. В 1924 г. Людендорф становится членом рейхстага. От какой партии? Разумеется, от фашистской! Фюрер и все его руководство всячески восхваляли «старого полководца», клялись ему в верности и выдвигали в будущие диктаторы Германии! (Галкин А. Германский фашизм. М., 1989, с. 99.) В рейхстаге Людендорф аккуратно посещал все заседания, но хранил презрительное молчание.

Однако среди генералов у него имелись явные соперники. Они сами метили на высшие должности в государстве. Особенно недоброжелательно и с подозрениями Людендорф относился к генералу Гансу фон Секту (1866—1936) и его заигрываниям с национал-либеральной партией, с ее главой Штреземаном (1878—1929), бывшим министром иностранных дел (1923—1929), пытавшимся восстановить военную мощь Германии путем использования противоречий между Англией, Францией и США. Взаимная грызня и выражение неудовольствий доходили до того, что в 1923 г. фашисты даже вели кампанию против «еврейской диктатуры Штреземана—Секта». Они коварно намекали, что жена министра Доротея, игравшая роль советницы своего мужа, недостаточно арийского происхождения

До конца жизни Людендорфа грызло неудовлетворенное честолюбие. Он яростно завидовал более молодым и удачливым. Что он только не делал, чтобы подняться на заветную вершину, следуя примеру Гинденбурга! Он создал свой собственный кружок молодых офицеров, поддерживавших его во всех делах и помогавших в военных работах. Ради прославления собственного имени и придания себе веса усиленно занимался теоретической работой, выпускал свой журнал «У источника германской силы», писал мемуары. Его перу принадлежали важные по тому времени книги: «Руководство войной и политика» (1923), «Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг» (М., 1923—1924), «Мировая война угрожает немецкой земле» (1931), «Тотальная война» (1935). Генералитет считал Людендорфа за видного военного теоретика. Книги его внимательно изучались советскими военачальниками. Именно Людендорфу принадлежала идея «блицкрига», ставшая составной частью военной доктрины Гитлера. До самой своей смерти в родной Баварии Людендорф пользовался доверием Гитлера, хотя и между ними бывали серьезные размолвки[285].

Смерть Людендорфа, вскоре после расстрела Тухачевского, кое-кому показалась подозрительной. Среди генералов циркулировал слух, будто
329
соглашение с Тухачевским предусматривало также одновременное устранение от власти обожаемого фюрера, а потому тот со своей стороны позаботился.

Такой слух распространяла, конечно же, советская разведка. На самом деле Людендорфа ликвидировала группа террористов генерала Судоплатова. Едва ли тут могут быть сомнения после прочтения книги генерала о спецоперациях НКВД. Если убивали менее значительных людей (Бандера и др.), то тем более должны были сделать это и с Людендорфом. Ибо он представлял собой крайне опасного врага, обладавшего большим опытом высшего военного командования, вынесенного из Первой мировой войны. Ему предстояло командовать войсками интервентов в большой военной экспедиции, намечавшейся на 1937 г. для поддержки Тухачевского в совершении им государственного переворота. В силу указанной причины Людендорф был обречен: его ждала судьба генерала Гофмана. Террористы с большой ловкостью сделали свое дело, спрятав «концы в воду».

Людендорф умер утром 20 декабря 1937 г., «сохраняя сознание до последней минуты», как сообщали о том газеты. Известие о его кончине произвело в мире большое впечатление на политиков и военных. В Германии на правительственных зданиях в знак скорби приспустили фашистские флаги. Гитлер прислал вдове сочувствующую телеграмму, сам, однако, не приехал. В телеграмме он констатировал, что «в лице покойного немецкий народ потерял одного из лучших и самых верных своих сынов, имя которого будет вечно жить в истории Германии». («Последние Новости». 21.12.1937, с. 1.)

Французский генерал Ниссель в связи со смертью Людендорфа писал о нем:

«Людендорф обладал исключительной работоспособностью, необыкновенно сильной волей и огромными военными знаниями. Наряду с этим, он отличался резкостью, заносчивостью и гордыней. До конца своих дней продолжал остро ненавидеть Францию, — и, если бы войну выиграла Германия, он бы был самым безжалостным из победителей. От него побежденные не могли бы ждать ни благородства, ни снисходительности». (Там же, с. 3.)

Людендорф являлся крупным штабным работником, хорошим тактиком, но скверным стратегом. Свою великую победу над русскими войсками при Таненберге он разделял с фельдмаршалом Гинденбургом (в 1925 г. он с ним насмерть рассорился и, будучи ярым антисемитом, обвинял его даже в том, что он «продался евреям»!). Уничтожением 5-й английской армии в значительной мере Людендорф обязан разработкам, сделанным до него генералом Гофманом и генералом Кюлем.

О его недостатках знали все военные, все правители Германии. Поэтому, когда встал вопрос о восстановлении армии, потерпевшей поражение в Первой мировой войне, на первую роль выдвинули не его, а менее известного Секта, обладавшего крупными организаторскими способностями, хитрого политика.
330

Будучи очень склонным к самовозвеличиванию, Людендорф всегда с особым удовольствием вспоминал 1915—1918 гг., когда он полновластно распоряжался судьбами Германии. Это был, действительно, зенит его карьеры. Большего могущества не удалось ему добиться в своей жизни уже никогда, хотя он делал множество попыток и пускал в ход все виды интриг.

Теперь следует привести некоторые изречения Людендорфа, поскольку афоризмы лучше всего показывают духовный облик человека. Вот суждения генерала:

«О личностях и партиях в политике я не заботился». (Воспоминания Т. 1, с. 12.)

«Полководец несет ответственность. Он ответственен перед миром и, что еще тяжелее, перед самим собою, перед своей армией и отечеством». (С. 16.)

«Меня радовали слава и доброе имя моих сотрудников». (С. 18.)

«Я отвечаю за все свои действия». (С. 16.)

«Я ни «реакционер», ни «демократ». Я стою единственно за благосостояние, за культурное процветание и национальную силу германского народа, за авторитет и порядок. На эти столбы опирается будущее отечества». (С. 13.)

«Я никогда не был склонен к крайностям, и если они имели место, то я вступал с ними в борьбу. Пока в Германии будет существовать известный государственный порядок, должен существовать и авторитет, а, следовательно, сохранятся и общественные различия». (Т. 2, с. 210.)

«Наполеоновские планы завоевания всего мира меня не занимают». (С. 220.)

«Мысль об образовании немецкого колониального государства на берегу Черного моря я отбрасывал, как фантастическую». (С. 221.)

«Я стремился к объединению эстонцев и латышей, которые были воспитаны в германской культуре, в одно государство, которым бы руководили немцы, при условии исключения всякого слияния эстонской и латышской национальности». (С. 221.)

Возникает, однако, вопрос: почему Гитлер столь недружественно обошелся с заслуженным генералом, старым соратником? Ответ знали тогда немногие, хотя имелись люди, правильно угадавшие. Эти два лица поссорились между собой по вопросу о первенстве и проведении внешней политики, наиболее безопасной и выгодной для государства.

Это действительно было так. Генерал разочаровался в Гитлере, не хотел его больше поддерживать. И сам желал стать канцлером Германии. Но Гитлер имел одно существенное преимущество в закулисной борьбе: он опирался на политическую партию, где являлся бесспорным главой; его хорошо знали народ, буржуазия и армия, он имел всюду множество восторженных приверженцев, считавших его героем и защитником Германии. Своих взглядов, как и генерал, он не скрывал. И проявил очень много ловкости в борьбе за власть, умея при необходимости от-

ступать и заключать тактические компромиссы, продвигавшие его вперед. Поэтому президент Гинденбург и назначил его новым главой коалиционного правительства, которое он очень быстро сделал однопартийным. Это привело генерала в страшное раздражение. А увидев первые шаги Гитлера на новом поприще, он уже в начале февраля 1933 г. написал президенту с грубой прямотой:

«Назначив Гитлера рейхсканцлером, Вы выдали наше немецкое отечество одному из наибольших демагогов всех времен. Я торжественно предсказываю, что этот человек столкнет наше государство в пропасть, ввергнет нашу нацию в неописуемые несчастья. Грядущие поколения проклянут Вас за то, что Вы сделали»[286].

Такого письма, ставшего широко известным, Гитлер не мог генералу простить — и отныне они стали врагами.

Таков был Людендорф[287]. Если высказанное относительно него предположение верно, то кандидатура второго собеседника, Вальтера Николаи, абсолютно несомненна. Он был его старым, испытанным сотрудником, участником Первой мировой войны, главой немецкой разведки в чине полковника (позже он стал генералом). Следовательно, как никто, подходил для такого щекотливого дела. Это вполне ясно. (Что он собой представлял, видно по его

работам: Германская разведка и контрразведка в мировой войне; Тайные силы. Интернациональный шпионаж и борьба с ним во время мировой войны и в настоящее время. М., 1925.)

Третий участник встречи с немецкой стороны также несомненен. Гитлер, конечно, знал о предстоящем свидании. И не мог не желать (осторожности ради!) иметь своего свидетеля, верного, умного и квалифицированного. Официальное лицо крупного ранга он послать не мог: как ради престижа, так и ввиду щекотливости ситуации. Другое дело Ханфштенгль! Этот вполне подходил!

Биографический справочник так рисует основные черты его биографии:

«Ханфштенгль, Эрнст Франц, доктор философии, родился 11.02.1887 г. в Мюнхене, 09.11.1923 г. — участник «пивного» путча Гитлера в Мюнхене, 1923—1924 гг. — в изгнании, 1931 г. — шеф отдела заграничной прессы НСДАП, Мюнхен, Бриенштрассе, 15, 1935 г. — в штабе заместителя фюрера (т.е. Гесса. — *В.Л.)*, руководитель отдела заграничной прессы, местопребывание — Берлин, Вильгельмштрассе, 64, 1937 г. — побег в Англию, издатель книги «Гитлер в мировой карикатуре»[288].

Все это, конечно, весьма неполно, почти двусмысленно. Американский посол Додд дает другие данные, очень важные подробности. Отец Ханфштенгля — баварский юнкер. Выгодно женился в Америке, в Бостоне. Сын кончил Гарвардский (привилегированный!) университет и вернулся на родину, чтобы вступить во владение доставшимся ему крупным поместьем. Присоединился к нацистскому движению, поскольку оно объявляло о борьбе за восстановление могучей Германии. Прини-

332

мал участие в подготовке к «пивному» путчу 1923 г. и вообще обильно ссужал деньги фюреру. В день стрельбы, во время подавления путча, спас фюреру жизнь. Став главой правительства, Гитлер назначил его, как вполне верного человека, главой пресс-бюро: для пропаганды нацистских идей среди зарубежных корреспондентов. Он устраивал встречу посла Додда с Гитлером. Связей с США не прерывал, подыскивая родственных нацизму по духу людей.

В конце 1936 г. у него произошла крупная размолвка с фюрером. «Гитлер почему-то невзлюбил его, отказался принимать, лишил должности и поставил его в тяжелое положение». (Дневник посла Додда. М., 1961, с. 451). Он уехал в Париж, считая, по его словам, опасным оставаться в Германии, и там принимался, как жертва нацизма!

Что же так «рассердило» Гитлера? Почему он лишил его должности, забыв о многочисленных услугах (Ханфштенгль даже помогал ему в издании книги «Моя борьба»!)? Это стало известно из устной молвы, распространявшейся в журналистских кругах, а позже это подтвердил сам «пострадавший» в своих мемуарах, изданных после войны. Оказывается, дело было в том, что однажды в пьяном виде Ханфштенгль в обществе собратий по перу неосторожно похвалился:

— Это я купил Тухачевского!

Криминальная фраза, быстро распространившись, вызвала много толков относительно положения дел в России и связи русского маршала с немецкими военными и политическими кругами.

Слухам верили и не верили. Ибо журналистский и дипломатический мир живет все время среди слухов, часто самых диких.

Трудно поверить, что Ханфштенгль просто так, «спьяна», проболтался: уж очень серьезно проверяли людей по всем статьям при всяком важном назначении. Скорее всего, была организована намеренная «утечка» информации, шедшая по линии Геббельса. Преследовала она одну цель: ускорить выступление оппозиции в СССР (о предстоящем выступлении фюреру все время напоминали разные

источники, в том числе и Троцкий!). «Утечка» информации не позволяла больше трусливо колебаться! Она буквально заставляла выступать — под страхом разоблачения и гибели.

Бежав во Францию, затем в Англию, Ханфштенгль скорее всего продолжал выполнять тайные задания своей партии. Трудно поверить, что так просто мог изменить свои взгляды человек очень близкий к Гитлеру, вполне разделявший его доктрины, чья сестра, как утверждали, приходилась любовницей фюреру.

Есть и еще один сильный аргумент в пользу передачи немцам секретных документов. Формулируется он так: передача действительно имела место, если существовал заговор, ибо без зарубежной помощи прорваться к власти заговорщики не могли.

Но существовал ли заговор? Если существовал, то должны быть объективные признаки его. В чем они заключаются? В том, что в сосед-
333
них странах реакционные круги и белая эмиграция должны были готовиться к военному конфликту, намеревались поддержать заговорщиков. Есть ли такие факты? Да, есть! Они будут видны в ходе дальнейшего рассказа.

ГЛАВА 15. ОТКРЫТИЕ ФРОНТА — ВАЖНЕЙШЕЕ ЗВЕНО КОВАРНЕЙШЕГО ПЛАНА ОППОЗИЦИИ

Ведь ясно, что нельзя свергнуть большевиков иначе,
как ИНОСТРАННЫМИ ШТЫКАМИ.
В. И. Ленин

Как представлялся оппозиционному руководству механизм государственного переворота с участием иностранных сил? План был разработан очень подробно, во многих вариантах, и включал в себя вполне определенные пункты (западные военные округа находились в центре этого плана):

1. В результате тайного соглашения, заключенного верхушкой оппозиции с буржуазными западными правительствами, вооружение силы 4-х стран (Польши, Румынии, Венгрии, Болгарии) и «добровольцы» из 5-й (Германии) внезапным нападением открывают военные действия против СССР.

2. Советская авиация уничтожается сразу же на аэродромах, а с ней склады боеприпасов и горючего. Яростной бомбежке подвергаются железнодорожные узлы, военные объекты, скопления боевой техники и пехоты — до приведения советской стороны в состояние полной дезорганизации.

3. Танковые колонны идут впереди, за ними — войска. Танковые клинья рассекают боевые порядки войск, пытающихся организовать сопротивление, организуют глубокие прорывы, сокрушают тыл, диверсионные отряды уничтожают связь, мосты, командные пункты, распускают слухи, вызывают у населения страх и замешательство, стремятся побудить всех к массовой эвакуации и бегству, неоправданному взрыву предприятий, чтобы увеличить общую дезорганизацию и сломать всю хозяйственную жизнь.

4. Авиация непрерывно бомбит мобилизационные пункты, срывая мобилизацию и подход к границе новых частей, продовольственные склады и пункты санитарной обработки войск.

5. Диверсионные группы, заблаговременно созданные на военных заводах, шахтах, железных дорогах, подготовленные специально к дню
334
«Х», теперь одновременно производят массовые взрывы, срывая снабжение армии танками, самолетами и боеприпасами, артиллерией и пулеметами, срывают нормальную работу транспортной сети, занятой переброской войск к фронту,

наносят удары по нефтяным скважинам и нефтеперерабатывающим заводам, производящим горючее и смазочные масла, стараясь вызвать там страшные пожары.

6. В разных местах страны, сорвав предварительно снабжение городов продуктами, стараются организовать «народное возмущение». Специально созданные отряды (из обманутых и контрреволюционеров, освобожденных из тюрем и до сих пор скрывавшихся) нападают на советские, партийные и военные учреждения, срывают мобилизацию и распространяют повсюду листовки с призывами к «новой революции» и свержению «тиранической власти Сталина». (А что мы недавно имели?!)

7. В столице устраиваются народные и рабочие демонстрации с требованием отставки правительства, поскольку оно не справилось с задачей обороны страны, Сталина вместе с его окружением.

8. Командующие военных округов на западе страны худшие части своих войск подставляют под удары и отдают «на съедение», остальные постепенно отводят и расставляют так, чтобы можно было их окружить и прорваться в тыл, чтобы дезорганизация нарастала, принимала лавинообразный характер. В итоге — открытие фронта. Вина за это публично сваливается на Сталина — для его дискредитации.

9. Пользуясь возмущением масс, оппозиция устраивает решающее выступление в столице, захватывает город и формирует новое правительство. Тут же заключается с агрессорами мир «по требованию народа» — путем различных уступок, в том числе и территориальных. Вводится «широкая демократия» и восстанавливаются все партии, что были в царской России. Путем непрерывных преобразований создается коалиционное правительство: из «правых», троцкистов, националистов, меньшевиков и эсеров.

10. Троцкий публично реабилитируется, вызывается из-за границы и в новом правительстве получает пост председателя. Пятаков получает пост военного министра. Секретный пункт плана руководства оппозиции: для ликвидации в корне «корсиканской опасности» виновников поражения на фронте (Тухачевского, Якира и пр.) отдать под суд и затем отправить в тюрьму.

11. Партию подвергнуть чистке на всех уровнях и большому преобразованию, сделать ее более европейской. Бухарин и Рыков станут секретарями партии. Ягода получит пост наркома НКВД, заместителя главы правительства. Остальные получат посты по заслугам в момент переворота.

Вот каков был хитроумный план. Вот что планировалось. Возникает, однако, вопрос:

— А не приписываем ли мы «несчастной оппозиции» то, что она и не замышляла?!

335

Ответ:

— Ни в коей мере! Все эти утверждения основаны, во-первых, на официальных материалах процессов 1937—1938 гг., которые, несмотря на всю демагогию, до сих пор убедительно не опровергнуты; во-вторых, на различных очень веских уликах, которые ниже будут приведены; в-третьих, на данных реального опыта Второй мировой войны (во всех странах, с которыми она воевала, гитлеровская Германия действовала одинаково).

Итак, напомним сначала, о чем говорилось на процессе 1938 г. по интересующему нас вопросу. Вот данные обвиняемых, которые, в силу своего высокого положения в оппозиции, находились «в курсе»:

Г. Гринько (1890—1938, украинец, бывший эсер: 1906—1912, чл. ВКП(б) с 1919 г., бывший нарком финансов СССР):

«В этой борьбе мы (националисты Украины, в 1934 г. — *В.Л.)* уже имели связь с некоторыми кругами одного враждебного Советскому Союзу государства. Эти наши союзники помогали нам. Для поддержки партизанской борьбы они усилили переброску на Украину диверсантов, петлюровских эмиссаров, оружия и т.д. Эта связь велась через Конара, через Коцюбинского». (С. 68.)

«В начале 1935 г. мне от Любченко стало известно о создании на Украине национал-фашистской организации, поставившей себе целью отторжение Украины от СССР (А что сейчас на Украине делают определенные силы?! — *В.Л.)* и рассчитывавшей на помощь военной интервенции со стороны тех сил и элементов, с которыми у меня в то время уже была персональная связь. Национал-фашистская организация ставила также своей задачей соединение с «право»-троцкистским блоком, установившим связь с военными заговорщиками. Любченко рассказывал мне о Центре этой организация на Украине, куда входили Любченко, Порайко и др. Он рассказывал, что в этом Центре дискутировался вопрос о характере партийной организации и типе Украинского государства, если бы эта организация имела успех. По словам Любченко, организация стала на путь создания централизованной партии по типу национал-социалистической партии. В случае успеха организации предусматривалось создание буржуазного украинского государства по типу фашистского государства». (С. 69.)

«И Пятаков[289], и Гамарник рассказали мне, что Троцкий договорился по поводу компенсации за счет Украины за военную поддержку нашей борьбы против советской власти». (С. 69.)

«Постепенно расширяя свои связи с «право»-троцкистским Центром и знакомясь с его участниками, я составил себе в начале 1934 г. представление о том, что собой представляет «право»-троцкистский Центр.

На основании ряда разговоров, связей и заданий, которые давались Рыковым, Бухариным, Гамарником, Розенгольцем, Яковлевым, Антиповым, Рудзутаком, Варейкисом и целым рядом других людей, для меня стало ясным, что «право»-троцкистский Центр в это время бази-

336

ровался, главным образом, на военной помощи агрессоров. Это было общей позицией и для правых, и для националистических организаций, в частности, для украинской националистической организации. Это означало: подрыв оборонной мощи Советского Союза, подрывную работу в армии и оборонной промышленности; открытие фронта в случае войны и провокацию этой войны; это означало расширение связи с агрессивными антисоветскими силами за границей; это означало согласие на расчленение СССР и на компенсацию агрессора за счет окраинных территорий СССР.

Наряду с этим у «право»-троцкистского Центра существовал вариант захвата Кремля.

Разговоры об этом велись на протяжении 1935—1936 гг. Об этом говорили все время. Может быть, это было и раньше». (С. 74.)

Из последнего слова: «Я в течение больше чем двух лет знал о заговоре в Красной Армии, был лично связан с рядом крупнейших военных заговорщиков, осуществлял подрыв оборонной мощи и подготовку поражения СССР. Я знал и связан был с людьми как по украинской организации, так и по Красной Армии, которые подготовляли то открытие фронта, о котором шла речь на этом процессе. (С. 634.)

П. Буланов (1895—1938, русский, чл. партии с 1918, в ВЧК с 1921 г., секретарь Ягоды с 1929 г.): «Он (Ягода) прямо говорил, что у них («правых») — существует прямая договоренность (с правительствами Запада. — *В.Л.),* что в

случае удачи переворота новое правительство, которое будет сконструировано, будет признано и военные действия будут прекращены». (С. 490.)

В. Иванов (1893—1938, русский, чл. партии с 1915, с 1931 г. — первый секретарь Северного крайкома партии, с 1937 г. — нарком лесной промышленности СССР):

«Бухарин несколько раз к этому делу возвращался, в частности, после убийства Кирова. Он говорил о том, что выстрел в Кирова показал, что одиночные террористические акты результата не дают, что нужно готовить массовые террористические акты, и только тогда получим результат. Его установка была на то, чтобы ликвидировать руководство партии, причем были такие рассуждения: если это удастся сделать до войны, тогда дело будет ясно, и возможно, вслед за этим вспыхнет немедленно война с Советским Союзом. Если же нам почему-либо не удастся осуществить акты по ликвидации руководства партии до войны, то мы это сделаем во время войны, что вызовет большое смятение, подорвет обороноспособность страны и будет резко содействовать поражению советской власти в войне с империалистами». (С. 115—116.)

«Бухарин меня информировал, что принимаются меры, чтобы обязательно побудить в 37 г. к выступлению фашистские страны — и Японию, и Германию — и что на это шансы есть». (С. 118.)

Ну, а что же сам Бухарин? Уж, наверное, все отрицал и изобличал своих сотоварищей во лжи и клевете? Да нет! Со страшным «скреже-

том» в душе (о, как бы не хотелось заниматься такими паскудными «воспоминаниями»!) он все-таки признал следующее:

«Радек мне рассказал относительно его переговоров с Троцким, что Троцкий имел переговоры с немецкими фашистами о территориальных уступках за помощь контрреволюционным организациям». (С. 360.)

«Я не возражал против идеи сговора с Германией и Японией, но не был согласен с Троцким в вопросах размеров». (С. 361.)

Относительно «установок Троцкого» Бухарин был не всегда согласен и заявлял на процессе так: «Я не считал директивы Троцкого для всех нас обязательными». (С. 362.)

Однако в главных вопросах (курс на пораженчество, иностранная помощь) он был с ним вполне солидарен и, как признает, соратников в определенном духе убеждал.

«Одним словом, я был обязан, как один из руководителей «правого» Центра, доложить одному из руководителей периферийного центра нашу установку. Коротко эта установка заключалась в том, что в борьбе с советской властью возможно использование военной конъюнктуры и тех или иных уступок капиталистическим государствам для их нейтрализации, а иногда и для помощи с их стороны.

Вышинский. Иначе говоря, ориентация на помощь некоторых иностранных государств?

Бухарин. Да, это можно и так сказать.

Вышинский. Иначе говоря, ориентация на поражение СССР?

Бухарин. В общем, суммарно, повторяю, — да». (Вышинский, с. 529— 530.)

В 1936 г., после августовского процесса Зиновьева и Каменева, закончившегося смертными приговорами всем подсудимым, для всех оппозиционных группировок обстановка складывается пиковая: грозило полное разоблачение! Самые слабые и рядовые начали думать о спасении собственной шкуры, о возможностях явки с повинной. Дикий страх охватил всех, Иванов так передавал тогдашние настроения:

«Вся организация жила страхом, я бы сказал, что деятельность правых была по сути дела накануне коренного разоблачения». (С. 118.)

«Где бы я не встречался с членом нашей организации, непременно заводился разговор о том, что война непременно начнется в ближайшее время, что подготавливаемый нами разгром Советского Союза в корне изменит наше положение. Я хотел войны, ждал ее. Я помню, что всякие дипломатические успехи Советского Союза, отодвигавшие войну, всякие успехи Народного Фронта в борьбе с фашизмом и войной вызывали у нас у всех чувство уныния и подавленности». (С. 642.)

Малодушные руководители и члены организации пробовали устроить с Бухариным разговор «по душам». Ничего хорошего не получалось. Попробовал однажды и Иванов подступиться с разговором, что мы-де «становимся целиком банкротами». «Любимец партии» вышел из себя («никогда я Бухарина не видел таким яростным и злобным». — С. 118):

338

«Он на меня набросился, — вы трус, вы паникер, вы мне все тычете — «массы» — массам не нужно потакать, вы должны знать, что организация правых против масс будет вести войну, а вы им хотите потакать». (С. 118). И дальше не постеснялся пригрозить: «Вы, де, знаете, что мы ни с кем не поцеремонимся, если у нас кто сдрейфит и задрожит, и что у нас есть специальные люди, которые осуществляют необходимые мероприятия, значит убийства». (С. 148.)[290]

После таких и подобных признаний в суде, подкрепленных большим документальным материалом, составлявшим 100 томов, имевшим много общих моментов с процессом Пятакова—Радека (1937), ничуть не кажутся удивительными яростные филиппики прокурора СССР Вышинского, которые говорят сами за себя[291]:

«В беседе с Пятаковым в декабре 1935 года Троцкий, по словам Пятакова, прямо говорил о неизбежности войны в ближайшее же время. Мы здесь это проверили, насколько возможно. Называлась дата — 1937 год.

Я не могу здесь не сказать об одном обстоятельстве, которое было вчера рассмотрено в закрытом заседании. Именно в связи с установкой Троцкого и, очевидно, соответствующих компетентных в этом деле кругов и учреждений одного иностранного государства, с которым договаривался Троцкий, установка на 1937 год обусловливалась необходимостью ряда таких мероприятий, которые должны были бы действительно к этому времени подготовить неизбежность поражения СССР. Вчера на закрытом судебном заседании Пятаков и Ратайчак дали подробные объяснения, что они сделали для того, чтобы обеспечить наше поражение в случае возникновения войны в 1937 году и, в частности, в деле снабжения нашей армии необходимыми средствами обороны. Они нам показали вчера, как глубоко и как чудовищно подл был их план предательства нашей страны в руки врага.

Они показали, как они своим планом хотели обезоружить в наиболее для нас важный и опасный в случае возникновения военных действий период времени — нашу Красную Армию, нашу страну, наш народ.

Теперь становится понятным, почему их планы были приноровлены к тому, чтобы именно в 1937 году поставить нас в тяжелое положение в области некоторых мероприятий оборонного значения.

Именно к 1937 году было подтянуто то чудовищное преступление, которое вчера было установлено в закрытом судебном заседании. Именно на 1937 год ставилась основная ставка на поражение.

Надо вспомнить, что еще 10 лет назад Троцкий оправдывал свою пораженческую позицию по отношению к СССР, ссылаясь на известный тезис о

Клемансо. Троцкий тогда писал: надо восстановить тактику Клемансо, восставшего, как известно, против французского правительства в то время, когда немцы стояли в 80 км от Парижа.

«Ускорить столкновение» — спровоцировать войну, подготовить поражение СССР — вот к чему сводилась программа троцкистского «центра» в области, так сказать, внешней политики.

Две программы — непримиримые, как смертельные враги, стоят одна против другой. Две программы, два лагеря». (Вышинский, с. 463—464.)

В этой связи Вышинский яростно обличает троцкистскую группировку, не стесняясь в выражениях:

«Троцкисты ушли в подполье, накинув на себя маски раскаявшихся и якобы разоружившихся людей. Следуя указаниям Троцкого, Пятакова и других руководителей этой банды преступников, ведя двурушническую политику, маскируясь, они вновь проникли в партию, вновь проникли на советскую работу, кое-кто пролез даже и на ответственные государственные посты, припрятав до поры до времени, как это теперь с очевидностью установлено, свой старый троцкистский антисоветский груз на своих конспиративных квартирах, вместе с оружием, шифрами, паролями, связями и своими кадрами.

Начав с образования антипартийной фракции, переходя все более и более к обостренным методам борьбы против партии, став, особенно после изгнания из партии, главным рупором всех антисоветских групп и течений, они превратились в передовой отряд фашистов, действующих по прямым указаниям иностранных разведок.

Судебный процесс объединенного троцкистско-зиновьевского центра уже разоблачил связи троцкистов с гестапо и фашистами. Настоящий процесс пошел в этом отношении дальше. Он дал исключительной доказательной силы материал, еще раз подтвердивший и уточнивший эти связи, подтвердивший полностью и уточнивший в процессуально-доказательном смысле и в полном объеме предательскую роль троцкизма, полностью и безоговорочно перешедшего в лагерь врагов, превратившегося в одно из отделений СС и гестапо.

Путь троцкистов, путь троцкизма завершен». (С. 431.)

«Уход троцкизма в антисоветское подполье, превращение его в фашистскую агентуру — только завершение его исторического развития.

Превращение троцкистских групп в группы диверсантов и убийц, действующих по указанию иностранных разведок и генеральных штабов агрессоров, лишь завершило борьбу троцкизма против рабочего класа и партии, борьбу против Ленина и ленинизма, длившуюся десятилетия».

(С. 433.)

«Предсказания товарища Сталина полностью сбылись. Троцкизм действительно превратился в центральный сборный пункт всех враждебных социализму сил, в отряд простых бандитов, шпионов и убийц, которые целиком предоставили себя в распоряжение иностранных разведок, окончательно и бесповоротно превратились в лакеев капитализма, в реставраторов капитализма в нашей стране». (С. 435.)

«Троцкий и троцкисты долго были капиталистической агентурой в рабочем движении. Они превратились теперь в передовой фашистский отряд, в штурмовой батальон фашизма».

«Это не политическая партия. Это банда преступников, представляющих собой простую агентуру иностранной разведки. На прямо поставленный Пятакову вопрос:

«Были ли связаны члены вашей организации с иностранными разведками?» — Пятаков ответил: «Да, были». И рассказал о том, как эта связь была установлена по прямой директиве Троцкого. Это подтвердил и Радек — специалист «параллельного» центра по «внешним делам». Это подтвердили Лившиц, Князев, Шестов, ряд других подсудимых — прямые и непосредственные агенты этих разведок.

Корни этой группы — не в народных массах нашей страны, которых эта банда боится, от которых она бежит, как черт от ладана. От народных масс эта банда прячет свое лицо, прячет свои звериные клыки, свои хищные зубы. (А как ведут себя их нынешние продолжатели и потомки?! Не они ли визжат: «Социализм не оправдал себя, подайте нам капитализм, частную собственность, фермерство, банки и публичные дома?! — *В.Л.)* Корни этой компании, этой банды надо искать в тайниках иностранных разведок, купивших этих людей, взявших их на свое содержание, оплачивавших их за верную холопскую службу. Вы видели этих штатных и внештатных полицейских шпионов и разведчиков». (С. 447.)

«Странно слышать, когда эти господа говорят здесь о каком-то соглашении этой «партии», а попросту банды преступников, с японскими и германскими фашистскими силами. С серьезным видом Пятаков, Радек и Сокольников говорили о «соглашении», которое Троцкий заключил или о котором Троцкий договорился с Германией и Японией. Эти господа с серьезным видом рассказывали, что они рассчитывали использовать эти страны в своих интересах. Но как можно серьезно об этом говорить, когда этот самый «параллельный» центр — просто несчастная козявка по сравнению с волком.

Соглашение! Сказали бы просто «сдались на милость победителя». Это, конечно, не соглашение, а сдача на милость победителя.

Это соглашение мне напоминает басню Крылова «Лев на ловле». В басне говорится, как собака, лев да волк с лисой между собой заключили соглашение — «положили завет» — сообща зверей ловить. Лиса поймала оленя, начали делить. Тут одна из «договаривающихся сторон» говорит: «Вот эта часть моя по договору, вот эта мне, как льву, принадлежит без спору, вот эта мне за то, что всех сильнее я, а к этой чуть из вас лишь лапу кто протянет, тот с места жив не встанет».

(Смех.)

Очень похож этот «завет» на ваше соглашение, господа подсудимые, господа офицеры германского и японского фашизма!» (С. 449—450.)

Вышинский яростно обличает главарей. Вот Пятаков, первый заместитель Орджоникидзе в Наркомате тяжелой промышленности: «Мы знаем, что расстановка сил проводилась и проходила по определенному плану не случайно. Были специальные люди, в адреса которых направлялись прибывшие из-за границы разведчики. Эти разведчики расставлялись также по определенному плану, их направляли именно туда,

где, казалось, необходимо нанести наиболее чувствительный, как говорили Пятаков и Троцкий, удар.

Пятаков враг партизанщины и в области террора, и в области вредительства, и в области диверсии. Он действует по строгому хозяйственному расчету: вредит там, тогда, так и столько, где, когда, как и сколько ему в этом помогают и содействуют обстоятельства. Учет обстоятельств находится в его руках, учет средств — в его руках. Средства маскировки также находятся в его руках. Отсюда достаточно широкая, планомерная, разветвленная вредительская, диверсионная

деятельность, чудовищность которой иногда может просто привести в содрогание. На предварительном следствии Пятаков показал:

«Я рекомендовал своим людям (и сам это делал) не распыляться в своей вредительской работе, концентрировать свое внимание на основных крупных объектах промышленности, имеющих оборонное и общесоюзное значение. (А сейчас что делается?! Где происходят непрерывные поджоги, взрывы и пр.?! — *В.Л.)* В этом пункте я действовал по директиве Троцкого: «Наносить чувствительные удары в наиболее чувствительных местах».

Мы видели на судебном следствии, что означала эта троцкистско-пятаковская формула в действии: она означала порчу и уничтожение машин, агрегатов и целых предприятий, поджог и взрыв целых цехов, шахт и заводов, организацию крушений поездов, гибель людей.

Организуя вредительские диверсионные акты, троцкистский антисоветский центр решал по существу одновременно две задачи: подорвать хозяйственную мощь Советского государства и обороноспособность нашей страны, другую задачу — вызвать у рабочих, у трудящихся, у населения озлобление против советской власти, натравить народ на советскую власть. Эту вторую задачу они решали при помощи самых изуверских преступлений. Они не только не останавливались перед этими преступлениями, они, наоборот, старались эти преступления организовать в возможно более широком масштабе, старались увеличить число жертв возможно больше. И не прав Пятаков, когда говорит, что принимал «это», как неизбежное. Он здесь не имеет мужества сказать всю ту правду, которую сказал сидящий за его спиною Дробнис». (С. 465—467.)

А вот характеристика С.А. Ратайчака[292]: «Если бы у Пятакова не было никаких других преступлений, то только за одно то, что он этого человека подпустил ближе одного километра к химической промышленности, его надо было привлечь к самой суровой ответственности.

На ответственном посту начальника Главхимпрома Ратайчак, этот обер-вредитель, разворачивает свои преступные таланты, пускается в широкое преступное плаванье, раздувает паруса вовсю, — взрывает, уничтожает плоды трудов народа, губит и убивает людей». (С. 441.)

Дальше Вышинский приводит пример «самобичевания» Бухарина: «Мы все превратились в ожесточенных контрреволюционеров, в измен-

342

ников социалистической родины, мы превратились в шпионов, террористов, реставраторов капитализма. Мы пошли на предательство, преступление, измену. Мы превратились в повстанческий отряд, организовали террористические группы, занимались вредительством, хотели опрокинуть советскую власть пролетариата». (С. 494.)

«Бухарин говорит о стабилизации капитализма, о том, что в этом деле сыграл огромную роль фашизм, особенно немецкий фашизм. Он всячески, как верный пес этого фашизма, радостно лает, возвещая свой восторг перед этим фашизмом». (С. 535.)

«Философия, за дымовой завесой которой пытается здесь укрыться Бухарин, — это лишь маска для прикрытия шпионажа, измены. Философия и шпионаж, философия и вредительство, философия и диверсия, философия и убийства — как гений и злодейство — две вещи не совместимые!

Я не знаю других примеров, — это первый в истории пример того, как шпион и убийца орудует философией, как толченым стеклом, чтобы запорошить своей жертве глаза перед тем, как размозжить ей голову разбойничьим кистенем!» (С. 494.)

«Бухарины и Рыковы, Ягоды и Булановы, Крестинские и Розенгольцы, Икрамовы, Шаранговичи, Ходжаевы и другие — это та же пятая колонна, это тот же поум (организации троцкистов в Испании. — *В.Л.)*, это тот же Ку-клукс-клан. Это один из отрядов фашистских провокаторов и поджигателей войны, действующих на международной арене.

Разгром этого отряда — великая услуга делу мира, делу демократии, делу подлинной человеческой культуры». (С. 495.)

«Сколько раз Бухарин клялся именем Ленина лишь для того, чтобы сейчас же лучше обмануть и предать и партию, и страну, и дело социализма.

Сколько раз Бухарин прикасался к великому учителю с лобзанием Иуды-предателя!

Бухарин напоминает Василия Шуйского и Иуду Искариота, который предавал с лобзанием.

Так и Бухарин, — вредительство, диверсии, шпионаж, убийства организует, а вид у него тихий, смиренный, почти святой, и будто слышатся смиренные слова Василия Ивановича Шуйского: «Святое дело, братцы!» из уст Николая Ивановича.

Вот верх чудовищного лицемерия, вероломства, иезуитства и нечеловеческой подлости». (С. 522.)

Подводя итог разговору о вероломной деятельности оппозиции, Вышинский так сформулировал свой вывод: «Весь блок во главе с Троцким состоял из одних иностранных шпионов и царских охранников.

Бухарин и Рыков через своих сообщников были связаны с рядом иностранных разведок, которые они систематически обслуживали». (С. 496.)

343

«Никто не умеет так маскироваться, как они. Никто не овладел в такой мере мастерством цинического двурушничества, как они.

Перед всем миром разоблачается теперь презренная, предательская, бандитская деятельность Бухариных, Ягод, Крестинских, Рыковых и прочих право-троцкистов. Они продавали родину, торговали военными тайнами ее обороны, они были шпионами, диверсантами, вредителями, убийцами, ворами, — и все для того, чтобы помочь фашистским правительствам свергнуть Советское правительство, свергнуть власть рабочих и крестьян, восстановить власть капиталистов и помещиков, расчленить страну советского народа, отторгнуть национальные республики и превратить их в колонии империалистов». (С. 497.)

Особо останавливается Вышинский на причинах, по которым заговор так долго не удавалось разоблачить. Он говорит:

«Преступники действовали с наглостью и цинизмом. На них оказывало некоторое влияние их положение, позволявшее им думать, что они настолько крепко законспирированы и замаскированы, что не будут разоблачены до конца. В самом деле, как могли они в течение сравнительно длительного времени совершать эти преступления, оставаясь безнаказанными? Это вопрос, конечно, законный. Но что же, если те самые консулы, на которых лежит обязанность заботиться, чтобы никакого ущерба не понесло государство (старая формула, которая говорит, что консулы обязаны не допускать никакого ущерба государству), эти самые консулы оказались основными вредителями, основными организаторами этих преступлений! Тут, конечно, можно вредить месяц, можно вредить год, два, пять лет, может быть, даже целые десять лет, если играть эту подлейшую двойную игру, если жить той двойной жизнью, какой жили обвиняемые по этому делу. Да, эти преступления были возможны потому, что они совершались под прикрытием тех, кто должен был бы первый поднять тревогу,

дать сигнал и броситься в борьбу не на жизнь, а на смерть против подобных преступлений. Это объясняет все». (С. 471—472.)

Читаешь — и невольно вспоминаешь кое-что из деяний разных лиц дня сегодняшнего. Ба, какая знакомая картина! Полная аналогия! И еще более чудовищные дела! Кто же они, эти министры, полностью развалившие народное хозяйство?! Какой они тайной фракции?! Не «право» ли троцкистской?! А те «консулы», которые покрывают их предательскую деятельность, сидя на ответственных постах в партии, ныне уже распущенной?! Они сами из какой фракции?! Не из той ли самой?! И какой фракции те «следователи» и «прокуроры», которые — с помощью махинаций! — протащили «реабилитацию» «право»-троцкистской оппозиции?! Пожалуй, не так-то уж трудно теперь догадаться! Особенно когда слышишь нарастающий визг со страниц разных газет и журналов определенного рода:

— Не желаем «казарменного социализма»! Подайте нам «социализм по-шведски, по-израильски, по-американски»!

344

Или в другом варианте:

— Не желаем никакого «социализма»! Что это такое — «социализм»?! Никто и не знает! Верните нас к нормальному образу жизни, как на Западе!

Ах, господа! Стыдно быть такими невежественными! Ну, почитали бы Вышинского, если вам так уж неприятны Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин! Да, почитали бы Вышинского! Право же, будет очень полезно! Чтобы вы знали (у него дается очень интересный анализ), как люди с партбилетами и на ответственных должностях становятся предателями! Чтобы знали, как карается государственная измена, вредительство и шпионаж!

Что же касается определения социализма, то у Вышинского оно, право же, неплохо:

«Социалистический строй — это строй без эксплуатации и эксплуататоров, это строй без купцов и фабрикантов, без нищеты и безработицы. Это строй, где хозяином являются рабочие и крестьяне, строй, где уничтожены все эксплуататорские классы, где остались рабочий класс, класс крестьян, интеллигенция». (С. 458.)

Это вот оппозиции не нравилось. Воспитанная на базе дикого анти-сталинизма, она жаждала совсем другого! Чего же? Вышинский ясно это указывает:

«Они хотят изменить общественно-политический строй в СССР. Это значит — изменить общественно-политическое положение в нашем государстве рабочих, крестьян и интеллигенции и вернуть их в положение, какое они занимают в старом капиталистическом обществе, бросить их в омут эксплуатации, безработицы, каторжного, беспросветного и тупого труда, вечной нищеты и голода». (С. 459.)

Точно ли изложение сути «право»-троцкистской программы? Несомненно! К такому итогу должен был привести оппозицию ее путь. Сами лидеры оппозиции это понимали. Вот Вышинский ведет в суде диалог с Сокольниковым, выясняя, кто на что надеялся:

«Вопрос: Конкретно, на какие силы вы рассчитывали внутри страны? На рабочий класс?

Сокольников: Нет.

Вопрос: На колхозное крестьянство?

Сокольников: Конечно нет.

Вопрос: На кого же?

Сокольников: Говоря без всякого смущения, надо сказать, что мы рассчитывали, что сможем опереться на элементы крестьянской буржуазии.

Вопрос: На кулака, на остаточки кулака?

Сокольников: Так». (С. 445—446.)

Не делают себе никаких иллюзий и другие оппозиционные вожди. Троцкий, поучая своих единомышленников, пишет им в 1935 г. в Москву: «Ни о какой демократии речи быть не может. Рабочий класс прожил

345

18 лет революции, и у него аппетит громадный, а этого рабочего надо будет вернуть частью на частные фабрики, частью на государственные фабрики, которые будут находиться в состоянии тяжелейшей конкуренции с иностранным капиталом. Значит — будет крутое ухудшение положения рабочего класса. В деревне возобновится борьба бедноты и середняка против кулачества. И тогда, чтобы удержаться, нужна крепкая власть, независимо от того, какими формами это будет прикрыто. Если хотите аналогий исторических, то возьмите аналогию с властью Наполеона и продумайте эту аналогию». (С. 457.) (Разве это не современная «право»-троцкистская «концепция» о «смешанных» формах советской экономики?! Видите, откуда «концепция» взята?! Кого современные мошенники обокрали?!)

У собственных соратников Троцкого его «директива» 1935 г. не вызывала никаких сомнений относительно того, как следует ее понимать. Радек так передавал свои и Пятакова чувства от нее: «И для меня и для Пятакова было ясно, что директива подвела блок к последней черте, что, подводя итоги и намечая перспективы работы блока, она устраняла всякие сомнения насчет ее буржуазного характера.

Понятно, мы этого вслух признать не могли, ибо это ставило нас перед необходимостью — или признать себя фашистами или поставить перед собой вопрос о ликвидации «блока»». (С. 460.)

Но, разумеется, ни о какой «ликвидации» блока кучка авантюристов не могла и помыслить: во-первых, мешала лютая жажда власти (Пятаков спал и видел себя премьером, на худой случай — военным министром, как ему обещали соратники!), во-вторых, азарт борьбы и надежды, которые все-таки не умирали, в-третьих, их «за горло» держали иностранные разведки, лишавшие всякой самостоятельности.

Отделаться от последних было невозможно: они давали деньги и знали слишком много. При таких обстоятельствах, конечно, ничего не оставалось, как действовать в духе антисоветизма и шпионить по чужой указке!

Этот пункт вызовет у современных сторонников оппозиции неистовый вой:

— Ложь и клевета! Признания добывались под пыткой! Всем известно! Нельзя принимать слов Радека и прочих во внимание!

Ответ таков:

— «Можно» или «нельзя» — надо еще посмотреть! А пока напомним поучительный диалог Рыкова на открытом суде. На глазах всего мира, в присутствии иностранных юристов, дипломатов, журналистов, писателей, представителей советской и коммунистической общественности Запада, он вел с Прокурором СССР такой диалог:

«*Вопрос:* Следовательно, Червяков и люди, связанные с вами, имели систематическую связь с поляками? *Рыков:* Да. *Вопрос:* Какая это связь?

346

Рыков: Там была и шпионская связь.

Вопрос: Шпионская связь в части вашей организации имелась с поляками по вашей директиве?

Рыков: Конечно.
Вопрос: В том числе и Бухарина?
Рыков: Конечно.
Вопрос: Вы и Бухарин были связаны?
Рыков: Безусловно.
Вопрос: Значит, вы были шпионами?
Рыков: (Молчит.)
Вопрос: И организаторами шпионажа?
Рыков: Я ничем не лучше шпиона.
Вопрос: Вы были организаторами шпионажа, были шпионами?
Рыков: Можно сказать — да». (С. 498—499.)

Чудная картинка, не правда ли?! Разве она не доказывает «стойкость» Рыкова?! Или его «принципиальность» и «верность» идеям Ленина?! Вот так «старый большевик», похвалы которому ныне бесстыдно расточают разные («право»-троцкистские!) авторы! Впору спросить: он такую же «стойкость» проявлял и в царской полиции?! Так, может, его тогда при такой «стойкости» и завербовали?! И тогда все его оппозиционные «зигзаги» надо будет уже рассматривать совсем по-другому!

Посмотрел бы на поведение этого «ни в чем не виновного» Ленин! Очень бы хотелось узнать, как он его оценил! Наверное, сказал бы то же самое, что и относительно Р. Малиновского, члена ЦК партии, своего лучшего «друга», председателя фракции большевиков в IV Государственной Думе, когда его измена оказалась полностью доказанной:

— Обманул-таки, сукин сын!

Да, кадровые просчеты у Ленина случались! Не у одного только Сталина! В царской охранке тоже не дураки сидели, на всех видных большевиков составляли психологическое досье, каждый поступок, каждую фразу взвешивали и разыгрывали сложнейшие многолетние психологические комбинации, дававшие в результате большие успехи. (См.: Б. Эренфельд. Тяжелый фронт. М., 1983; Н.Н. Ансимов. Борьба большевиков против политической тайной полиции самодержавия. 1903—1917. М., 1989; Большевики. Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 год бывшего Московского Охранного Отделения. М., 1990.) Не из-за плохой работы охранки произошла удачная революция, а из-за неспособности царского правительства! Было бы дано вовремя распоряжение избавиться от Ленина и других крупных большевиков до февраля 1917 г. — и никакой Октябрь без опытных и очень талантливых политиков и вождей победить бы не смог!

Итак, кто же они, эти современные сторонники частной собственности, фермерства (за спиной которых стоит возрождаемый кулак!), банков, акционерных обществ, казино, многопартийности, продажи земли, широчайшей «приватизации», возрождения купечества и дворян-

ства (уже возрождены дворянские собрания!), распространения в стране сионизма (в ноябре 1990 г. прошел в Москве сионистский съезд, поставлена была задача создать сионистскую федерацию СССР!), введения «парламентской демократии»? Разве не ясно, кто?! Это дети и внуки «бывших», это детки «право»-троцкистских предателей и диверсантов! Это они с помощью чудовищной лжи, засев на радио и ТВ, в редакциях газет и журналов, стремились развалить и добить всю идеологию, компартию, даже идею Советского Союза! А предатели-политиканы из той же среды создавали им для этого наилучшие условия!

Неудивительно! Ведь это та самая клика, что за последние 40 лет, и особенно за 10—15 лет буржуазной и антинародной «перестройки», пользуясь

доверчивостью людей, их неумением правильно решать большие политические вопросы, полностью дезорганизовала народное хозяйство, продала империализму весь социалистический лагерь, набила свои карманы и сундуки наворованными ценностями, а также западной валютой, полученной за гнусное предательство под видом «премий» и «гонораров»! Теперь они жаждут поскорее пристать к буржуазному берегу, чтобы пользоваться со своими детками и внуками плодами предательства и избежать ответа за преступления![293]

Вот ведь как прошлое перекликается с современностью! Начинали с Тухачевского и Троцкого, а кривая судьбы выносит на современность! Перейдем теперь ко второму аргументу — рассмотрению улик наличия заговора оппозиции. Что это за улики? Посмотрим, что происходило на Западе в период, предшествовавший аресту Тухачевского и его друзей. Исходный тезис таков: если заговор был, его должны были сопровождать определенные события, там происходившие. Так ли это? Посмотрим:

Уже в 1932 г. V съезд Румынской компартии отмечает: «Оккупация Маньчжурии является преддверием к нападению на СССР».

«Японская военщина систематически провоцирует инциденты с целью ускорить войну и попытаться разрешить капиталистические противоречия за счет СССР.

Одновременно Франция ведет усиленную подготовку к военному нападению на западные границы СССР. Растут темпы военной подготовки в Польше и Румынии. Двукратный приезд Пилсудского в Румынию и заключение соглашения о назначении Пилсудского главнокомандующим объединенными польско-румынскими силами, приезд Пилсудского в Бессарабию и его конференция с военными и административными властями; конференция генштабов Малой Антанты под руководством генерала Вейгана, руководившего польской армией в 1920 г. против Советского Союза, — все это свидетельствует о лихорадочной подготовке нападения на СССР». (С. 165.)

«Румынская социал-демократия принимает активнейшее участие в этой подготовке к новой военной интервенции против СССР. Угроза

антисоветской войны сильна, как никогда еще». (V съезд Румынской компартии. М., 1933.)

Февраль 1936 года. Немецкие газеты поднимают страшный шум, утверждая, что СССР устроил себе в Чехословакии сеть аэродромов, что Чехословакия является «советским авианосцем» и «мостом для проникновения большевизма в Европу». (Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. М, 1978, т. 3, с. 301—302.)

7 марта 1936 года. Немецкие войска вступают в демилитаризованную Рейнскую зону. Тем самым нарушается одно из важнейших положений Версальского мирного договора и Локкарнских соглашений.

Июль 1936 года. Начало германо-итальянской интервенции против Испанской республики. Советский секретный информатор из румынских военных, связанный с германским генеральным штабом, сообщает Москве: «Военная акция Германии против России и обеспечение германского господства в бассейне Черного моря и на Украине не могут быть осуществлены, по мнению германского генерального штаба, без окончательного упрочения позиций в Румынии». (А.А. Язьков. Румыния накануне Второй мировой войны. М., 1963, с. 129.) Для вовлечения страны в прогерманскую орбиту Гитлер путем угрозы экономических репрессий свергает румынского министра иностранных дел Титулеску (август 1936), который ориентировался на западные демократии и СССР, и протащил на его

пост Виктора Антонеску, сторонника тесного сотрудничества с Польшей и Германией.

Август 1936 года. Один из лидеров фашистской национал-христианской партии Румынии (О. Гога) так характеризует разницу двух идеологий — германской и советской: «Это две среды друг другу противоположные. Между ними пропасть, которую можно заполнить лишь кровью».

Сентябрь 1936 года. Побывав на нацистском партийном съезде, О. Гога с удовлетворением констатирует: «В Нюрнберге проблема была поставлена ясно: большевизм должен быть уничтожен». (А.А. Язьков. Румыния накануне Второй мировой войны. С. 122—123)[294].

«Осенью 1936 г. (в Германии. — *В.Л.)* было намечено значительное по сравнению с предвоенным годом увеличение армии военного времени. К тому времени армия мирного времени имела 41 дивизию. В новом мобилизационном плане было предусмотрено формирование еще 25 дивизий, а также создание армий резерва, проведение реорганизации пограничных войск и формирование строительных частей». (Мюллер-Гильдебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг. М., 1956, с. 70— 71.) Всего в мобилизационный период 1936—1937 гг. имелось в наличии 66 соединений (пехотных дивизий, дивизий ландвера, кавалерийских и горно-стрелковых бригад).

Осень 1936 года. В Чехословакии руководство аграрной партии начинает кампанию о договоре с СССР. Предлагается создать блок с Польшей и другими государствами Центральной и Юго-Восточной Европы, затем поладить экономически и политически с Германией.

349

Сентябрь—октябрь 1936 года. В Румынии усиливается наступление реакционных сил (продлевается действие закона об осадном положении, арестовывается ряд руководителей компартии, находящейся в подполье, идет массовая облава на членов партии).

26 ноября 1936 года. Германия и Италия вместе с Японией подписали Антикоминтерновский пакт, направленный против СССР. Уже на другой день Япония устраивает провокацию (их было много в течение всего 1936 г.): до батальона японских и маньчжурских солдат переходит советскую границу у озера Ханко и удаляются лишь после ожесточенного боя.

26 ноября маршал Польши Рыдз-Смиглы беседует с немецким посланником Г. Мольтке и заявляет ему, что «в случае конфликта Польша никогда не будет на стороне большевиков» и что будет продолжаться линия Пилсудского, то есть ярого антисоветизма. (Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., с. 325.)

29 ноября 1936 г. Белогвардейская газета младороссов «Бодрость» (сами себя ее издатели квалифицируют, как «интегральных монархистов», у которых в доктрине «сочетание монархии, фашизма и социализма» (??), анализирует в своей передовой («Сталинская дипломатия в тупике. На краю бездны») заключенный только что германо-японский договор. И в этой связи пишет:

«Мы совершили великое преступление, 20-ю годовщину которого в начале будущего года смогут отпраздновать все враги России: МЫ НЕ ВЫДЕРЖАЛИ (выделено газетой. — *В.Л.)*, мы поступились своей честью, своим достоинством, своими насущными интересами и даже кровью лучших из нас, пролитой ради победы. Мы отказались от победы, которая далась нашим союзникам и без нас. Мы затеяли смену государственного строя в разгар величайшей войны. Прослыв в мире сумасшедшими, дезертирами, предателями, мы захотели заслужить репутацию и варваров. И мы занялись истреблением своих сограждан и соплеменников, своего достояния, накопленных нашей историей ценностей. Мы

ухватились за нелепейшее учение, которое только могла родить человеческая мысль упадочнического XIX века. И, перевернув вверх дном ради этого учения свою собственную жизнь, мы задумали было разжечь «мировой пожар». Со своим уставом мы полезли во все чужие монастыри. Мы посеяли ветер.

БУДЕМ ЖЕ ГОТОВИТЬСЯ ПОЖАТЬ БУРЮ (выделено газетой. *—В.Л.).* Если сложно международное положение после заключения германо-японского пакта, то для Русской нации оно трагически просто. Если нынешний режим удержится еще некоторое время, разразится катастрофа, из которой страна наша рискует выйти разгромленной и расчлененной. Пока речь не идет об обороне Отечества. Речь идет теперь о том, что, что пока существует режим, возглавляемый и представляемый Сталиным, опасность катастрофы будет не только существовать, но и возрастать. Этот режим своей политикой завел страну в тупик. Сме-

350

на режима уже не есть необходимость вообще. Это задача дня, злоба дня ЭТО ПЕРВАЯ ЗАДАЧА ОБОРОНЫ СТРАНЫ (выделено газетой.— *В.Л.)* — новая политика на новых путях — таково требование сегодняшней действительности.

В Советском Союзе есть сила, есть люди, есть вожди. Вожди должны повести людей, поднять силу. Власть во всей ее полноте должна быть взята теми, кто отвечает за оборону страны.

ПОКА НЕ ПОЗДНО, ВСЯ ВЛАСТЬ АРМИИ! (выделено газетой.— *В.Л.)*» («Бодрость». 29.11.1936, с. 1.)

Декабрь 1936 года. Япония признает фашистское правительство Франко. В военных кругах разрабатывают все новые операции по захвату Северного Китая и даже вторжения в Восточную Сибирь. В Риме посол Японии Сигемура объясняет фашистским дипломатам, что цель уже ведущихся операций в Китае — прервать пути, связывающие Китай и СССР. «Если Советский Союз «вмешается», тогда японцы нанесут удар через Северо-Восточный Китай на Иркутск». (Л.К. Кутаков. История советско-японских дипломатических отношений. М., 1962, с. 168.)

1 декабря 1936 года. В Праге в журналистских кругах распространяется слух о разделе Чехословакии: Германия получит судето-немецкие части страны, Венгрия — Словакию и часть Закарпатской Руси, Румыния — Карпаты, Польша — Моравскую Силезию и прирезки на границах в Татрах и Карпатах. Прага и окрестности будут объявлены «самостоятельной Богемией» и заключат «договоры» с соседними государствами. Одновременно говорится, что Гитлер дал согласие на восстановление Габсбургов на троне Австрии. (Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. М., 1978, т. 3, с. 291.) Чехи сильно обеспокоены. Советский посол Александровский в этой связи пишет: «Испуг у чехов растет, а с ним растет и опасность их капитуляции перед Гитлером». (Там же, с. 292.)

Интересные события происходят в Румынии. Троцкий, как утверждает Вышинский (см.: Судебные речи. С. 487), к тому времени уже оформил тайное соглашение с немецким руководством о совместной «работе» против Сталина (соглашение утвердил Гитлер; переговоры велись через Нидермайера, проф. Хаусхофера, ближайшего сотрудника Розенберга по внешнеполитическому отделу фашистской партии Дайца, и, наконец, самим Гессом!). И вот теперь Троцкий вызвал к себе в Норвегию, где тогда жил, исключенного из партии за троцкизм Гелертера, сумевшего уже организовать «Партию унитарных социалистов» (на самом же деле просто группу). Ему он после переговоров дал ряд заданий, вполне понятных в связи с «предприятием» Тухачевского: организовать диверсионно-шпионские группы, вести работу против румынской

компартии и СССР, срывать единый фронт и единство профсоюзов, готовить «обеспеченный тыл» на случай войны с СССР.

Данная «партия» очень рьяно взялась за работу по всем направлениям. Удивляться тому не приходится! Многие ее руководители — аван-
351
тюристы, темные дельцы и спекулянты, связанные с фашистской «Железной гвардией» (Войтек) или прямо входившие в нее (Вурмбрандт, лютый антисоветчик).

Главным пропагандистом этой «партии» являлся Ефим Барбу, живший прежде во Франции и игравший роль представителя в IV Интернационале (троцкистском)[295]. Перебравшись в Румынию, он стал здесь выступать с лекциями, направленными против компартии, Народного фронта и СССР.

Румынской тайной полиции (сигуранце) так нравилась эта деятельность, что комиссар префектуры Бухареста, лично избивавший коммунистов кулаками и дубинкой, советовал им вступать в эту партию троцкистов!

«Партия Гелертера, — нравоучительно говорил он, — левее коммунистической (??) и пользуется полнейшей свободой». (В. Колесник. Шпионский Интернационал. Троцкисты на службе у фашистских разведок. Сб. «О международном положении». М., 1937, с. 129—130.)

Декабрь 1936 года. Начальник генерального штаба Румынии Самсонович вместе с Антонеску нанес визит в Польшу и вел там переговоры о более тесном сотрудничестве двух разведок и создании второй железнодорожной линии связи подальше на запад от советской границы. (Документы внешней политики СССР. М., 1976, т. II, с. 705.) Антонеску боялся войны, всячески маневрировал и посланнику Чехословакии в Польше Славику заявил: «Румыния не желает участвовать в блоках с СССР, ни в блоках против СССР». Это тотчас было доведено до сведения советского руководства.

Начало 1937 года. В Румынии происходит усиление профашистского курса: премьер Татареску в январе становится военным министром, а в феврале еще и министром внутренних дел. (Настоящий диктатор!) Его заместитель генерал Маринеску, близкий к королю Каролю II, получает неограниченные полномочия в области управления полицией и сигуранцей. (А.А. Язьков, с. 140.)

9 января 1937 года. Некто Звездочет, обобщив предсказания астрологов, ясновидцев, гадалок на картах, помещенные в газетах Запада, так пишет о предстоящих событиях, стараясь порадовать белогвардейскую интеллигенцию Парижа: «Под влиянием внешних причин Сталин будет вынужден идти на новые уступки в смысле отказа от коммунистических лозунгов. Совершенно прекратятся преследования церкви». «В СССР произойдут две крупные авиационные катастрофы и ряд железнодорожных крушений. Несколько видных политических деятелей умрут насильственной смертью, а внутренняя борьба в коммунистической партии дойдет до еще невиданной остроты». (Иллюстрированная Россия. Париж. 1937, № 3, с. 18.)

16 февраля. Геринг, второе лицо фашистской Германии, вдруг прилетает в Варшаву для встречи с главой Польши маршалом Рыдз-Смиглы.
352

Февраль—апрель. Наглые выходки румынских фашистов, страшно накалившие политическую обстановку в стране. Производятся публичные похороны двух румынских фашистов из партии «Железная гвардия», убитых на войне в Испании. Их торжественно везли в Бухарест через Берлин (Гитлер и Геринг официально возложили им венки на гробы!). Они погребены с величайшей помпой, с участием зарубежных представителей, как «национальные герои». В то же время были схвачены фашистами студенческие руководители

национально-либеральной партии (они выпустили манифест против «Железной гвардии»). Фашисты всю ночь истязали их. Дело это вскрылось, и виновных арестовали, но они очень быстро вышли на свободу. Тогда же один из фашистов нанес ножевые раны известному демократу, ректору Ясского университета. Делались попытки силой освободить арестованных фашистов из тюрьмы. Была совершена попытка государственного переворота, с вовлечением в него брата короля принца Николае, занимавшего важный пост генерального инспектора румынской армии. В третий раз (в марте) продлен закон об осадном положении, с распространением его на новые местности. Он запрещает устную и письменную пропаганду (!) среди рабочих, проведение рабочих собраний, заседание легальных профсоюзных комитетов. Общее положение Румынии один из тогдашних делегатов, принадлежавший к крупнейшей буржуазной оппозиционной партии, определил так: «Мы живем на вулкане внутри страны». (Там же, с. 157.)

3 марта. Под влиянием Гитлера Муссолини и Большой фашистский Совет приняли решение о милитаризации всего населения в возрасте от 18 до 55 лет, с тем, чтобы при вооруженном конфликте иметь армию в 8—9 миллионов человек, а также мобилизации на помощь армии научных и технических сил. («Последние Новости». 04.03.1937, с. 1.)

14 марта. Советский посол в Германии Я. Суриц сообщает в Москву: «Сейчас почти все сходятся на том, что первая очередь в наступательном плане Германии крепко уготована Чехословакии. Существует большое единодушие и в вопросе о том, в какие формы это наступление, скорее всего, выльется». (Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. М., 1978, т. 3, с. 316.)

8 марта. Советский посол из Праги Александровский сообщает в Москву: «Крофта как особую причину выдвинул утверждение, что СССР подготовляет нападение на Германию и пользуется Чехословакией как плацдармом для подготовки такого флангового удара, который может оказаться для Германии исключительно опасным. Крофта уверял, что этот страх действительно существует. Отсюда упорность травли Чехословакии, отсюда вопли о советских аэродромах и офицерах, отсюда же факт оборонительных мероприятий вдоль чехословацкой границы (!).

Я ответил, что не верю этому и меня беспокоит то, что Крофта поддается этой германской лжи. Крофта знает, что у нас нет ни малейшего желания изолировать Германию, которой мы предлагаем Восточ-

353

ный пакт. Если бы Германия действительно боялась нападения, а не готовила сама нападение на других, то она и сегодня могла бы вернуться к идее Восточного пакта». (Там же, с. 321.)

8 марта. Белая газета «Рассвет» (издавалась в США, в Чикаго) помещает вдруг заметку под таким названием: «Слухи о волнениях в СССР» (с. 1). Заметка сообщает:

«По словам «Сендэй Пиктораль» (Лондон. — *В.Л.),* на Украине вспыхнуло восстание в Красной Армии. При подавлении мятежа было убито 3 и ранено 60 человек. «Сендэй Экспресс» сообщает о загадочных пожарах в разных частях Советской России.

Тухачевский якобы впал в немилость и о его деятельности производится сейчас расследование. Военная академия требует его смещения. По сведениям «Дейли Экспресс», в течение последнего месяца арестовано больше 2 тысяч человек по обвинению в троцкизме».

9 марта. О том, до какой степени накалилась обстановка к этому моменту в высшем военно-политическом руководстве, говорит такой факт: Тухачевский вдруг, под предлогом «болезни», взял отпуск и отправился с женой и дочерью на

побережье Черного моря. Там, в Гаграх, на даче Генерального штаба «Волна», и провел он последний отпуск в своей жизни (10—20 марта 1937 г.). Сохранились исключительно ценные данные, что маршал там в это время делал. «Большую часть дня он проводил, играя со своей дочерью. Остальное время он играл в теннис, плавал, ездил на лодке, иногда занимаясь рыбной ловлей, что было одним из его любимых занятий. Он казался спокойным, но избегал беседовать на известные темы со своими коллегами, также отдыхавшими в «Волне»; в частности, он не говорил с ними о процессе Радека. Зачастую в его комнате свет горел допоздна». (Александров В. Дело Тухачевского. Ростов-на-Дону. 1990, с. 157.)

Свои ночные бдения маршал объяснял тем, что продолжает усиленную работу над новым полевым уставом РККА. (А где она, эта рукопись?)

Спустя несколько дней вдруг явились сановитые посетители: Якир, Уборевич и Фельдман (к ним Александров почему-то присоединяет еще Примакова, что явная ошибка, так как его арестовали 14 августа 1936 г.). Прибывшие заявили в разговоре, что они имеют намерение обратиться с коллективным протестом в Политбюро по поводу клеветнического заявления Радека о Тухачевском на процессе. «Офицеры пробыли у него длительное время, беседуя на различные темы». (Там же.) Тухачевский отклонил это предложение. И тогда все ушли, за исключением близкого друга — Фельдмана. Разговор о трудных обстоятельствах возобновился, и тот поставил вопрос ребром, что надо-де «спасти Советский Союз, свергнув нынешнее руководство партии». (С. 159.) Разумеется, маршал «благородно» отказался. Тогда Фельдман произнес в его адрес надгробный панегирик: «В окружении многочисленных авантюристов, наемных убийц, доносчиков и разбойников с большой дороги ты остался комму-

354

нистом, верным своим идеалам. Но сколько еще таких людей, как ты? Вот почему ты осужден на поражение» (С. 160.)

Интересный, конечно, эпизод! Очень интересный! Принадлежит он белому эмигранту и западному разведчику, знавшему лично Тухачевского, имевшему хорошие источники союзного характера.

Апрель. В Венгрии распространяется провокационный слух о предстоящем нападении на нее СССР. В связи с этим газета компартии Венгрии пишет: «Эта небылица, естественно, является лишь одним из средств подстрекательства к войне и подготовки в союзе с нацистами похода на Советский Союз. Самым лучшим средством защиты страны явилось бы заключение пакта о ненападении с Советским Союзом, который готов заключить такой пакт с любой страной, не выдвигая никаких условий» (А.И. Пушкаш. Венгрия во Второй мировой войне. М., 1963, с. 17.) Разумеется, такое предложение было отвергнуто. И фашистская Венгрия продолжала свой курс на сближение с Германией и Италией, согласно установке своего диктатора, адмирала Хорти.

23 апреля. Кадетствующая «Русская газета» (издавалась в Буэнос-Айресе, в Аргентине!) пишет: «Диктатура большевиков не вечна. Мы убеждены, что она должна скоро пасть. Мы верим, что Русский Народ в конце концов своими собственными силами сбросит с себя это ярмо, это новое татарское иго на Русской Земле». (Передовая, с. 1.)

2 мая. Советский посол в Италии Б.Е. Штейн пишет в свой наркомат о том, что в Риме происходит нечто невероятное: «Поездки германских государственных деятелей в Италию за последнее время сыплются как из рога изобилия. Только что убыл Геринг, через неделю после него Нейрат (министр иностранных дел. — *В.Л.)*. В мае ожидается приезд фельдмаршала Бломберга, ставится и уже, вероятно, разрешен вопрос о свидании Муссолини с Гитлером. Здесь справедливо

говорят о том, что при всем желании обеих сторон разговаривать об итало-германских отношениях, для всех разговоров не хватило бы конкретных тем. Очевидно, что все эти визиты отнюдь не являются деловыми встречами. Можно считать установленным, что основная цель этих визитов и контрвизитов заключается в продолжающейся психологической атаке, направленной, и притом с обеих сторон, на Англию». (Документы внешней политики СССР. Т. XV, с. 219.)

Май. Организация казаков-белоэмигрантов, именующая себя «Советом казацкого центра в Чехословакии», усиленно рассылает письма по разным адресам, прося оказать ей материальную помощь «для ведения на территории СССР террористической деятельности». (Там же, с. 267.)

В Италии и Германии происходят военные маневры. (С. Буденный. М. Основы тактики конных соединений. М., 1938, с. 11.)

4—5 мая. Немецкий министр иностранных дел Нейрат совершает визит в Рим (к королю, Муссолини, в дипломатическое ведомство к графу Чиано). («Последние Новости». 05—06.05.1937, с. 1.)

355

8 мая. Геббельс посещает Данциг (с целью разведки, поближе к советским границам и к своей резидентуре). Перед местными фашистами он произнес воинственную речь. (Гданьск, а по-немецки Данциг, старинный польский город, лежащий у впадения Вислы в Балтийское море; по Версальскому мирному договору 1919 г. поставлен в положение «вольного города» под протекторатом Лиги наций. Но фактически там господствовала Германия.)

11 мая. Советский посол из Праги пишет: «По-видимому, тактическая цель Германии и Италии уже достигнута. Не встречая отклика со стороны Австрии и Венгрии, которым Чехословакия готова была протянуть руку — между прочим не без одобрения Франции, как это я знаю от Дельбоса, — чехословаки готовы пойти на капитуляцию перед Берлином. Этот психологический момент может иметь весьма серьезные политические последствия. Мы просим вас со всем вниманием следить за развитием вышеуказанной тенденции во внешней политике Чехословакии. С другой стороны, мы предложим нашему полпредству в Берлине столь же пристально наблюдать за ответной реакцией Германии на авансы, которые даются Берлину из Праги». (Документы и материалы М., 1978, т. 3, с. 329.)

В связи со смещением Тухачевского с поста первого заместителя наркома по военным делам (11 мая) мировая печать оживленно обсуждает эту новость. И правая французская газета «Фигаро», одна из старейших и наиболее информированных, авторитетно пишет: «В Советской России все идет от Сталина, и все идет к Сталину. Понадобилось 20 лет большевистского строя, чтобы дойти до этого. Сталин породил Тухачевского, Сталин же его и убил». (Печать. — «Последние Новости». 14 мая 1937, с. 3.)

14 мая. Вместо Гитлера (о чем сообщали газеты) в Италию, в Венецию прибыл вдруг Геринг, якобы ради свидания с женой. («Последние Новости». 15 мая 1937, с. 1.)

16 мая. В Праге состоялся тайный съезд украинских монархистов. Туда явились представители белогвардейских организаций из Германии и Италии. Съезд принял решение о сотрудничестве с генлейновцами и другими фашистскими группами Чехословакии. (Документы и материалы, т. 8, с. 335.)

22 мая. В этот день (день ареста Тухачевского!) военный министр Германии Бломберг вдруг срочно, в порядке «ответного визита», отправляется в Венгрию, где идет разговор о восстановлении всеобщей воинской повинности. Он ведет секретные переговоры с военным министром генералом Редером. Вслед за тем он совершает блиц-визит в Рим, где его принимают король и Муссолини. («Последние новости», Париж. 23 мая 1937, с. 1.) Не трудно догадаться, с какой

целью совершаются эти визиты, о которых «биографы» Тухачевского, конечно, не упоминают! Разве не пикантно это «совпадение»?! Едва НКВД подвергает Тухачевского аресту, как в тот же день военный министр фашист-
356
ской Германии (!) отправляется для некоего «совета» в Венгрию, соседствующую с СССР, а затем в Италию, вторую по значению державу фашистского блока! Очень пикантное «совпадение»!

25 мая. Та же «Русская Газета» (Аргентина) дает характеристику русской эмиграции: «И по идее, и по образу действий Русские эмигранты являются принципиальными и непримиримыми врагами большевиков.

Вместе с собой они вынесли с Родины ненависть к поработителям Русского народа и неутолимую жажду отмщения за позор и страдания родины». (Вот они каковы, эти «христиане», любившие проповедовать при царях смирение и то, что «всякая власть от бога»! — *В.Л.).* И дальше передовая пророчит: «И час отмщения и суда придет. Он близится. Что же тогда скажут те, кто работал с врагами России и Русского Народа? Какое оправдание они найдут?..

Они за чечевичную похлебку продали свою Родину, и им не будет места среди сыновей ее в свободной возрожденной России». (С. 1. Выделено автором статьи.)

28 мая. Стало известно, что по советскому требованию министерство внутренних дел Чехословакии распустило «Совет казацкого центра» в Чехословакии, этот орган белых офицеров, и постановило выслать их главу, казачьего полковника Чапчикова. (Документы и материалы, т. 8, с. 334.)

В этот же день на покой, после третьего премьерства (1935—1937) ушел премьер-министр Великобритании Болдуин, лидер консерваторов, враг СССР. Много грязных дел числилось за ним: он проводил военную интервенцию против китайской революции (1925—1927), покровительствовал собственным фашистским организациям, поощрял итальянскую агрессию в Эфиопии, итальяно-германскую агрессию в Испании, выступал как сторонник сговора с фашистскими державами для организации новой войны против СССР.

Вместо него главой страны стал Н. Чемберлен (1869—1940, премьер 1937—1940), фальшивый миротворец. Он возглавлял «кливлендскую клику» — объединение самых реакционных кругов английской буржуазии — и был вполне под стать своему предшественнику. (И.М. Майский. Воспоминания советского посла. М., 1964, с. 387.) Относительно будущего Чемберлен питал большие иллюзии. Это он явственно показал в своей речи 25 июня 1937 г., заявив: «Я верю, что хотя лавина угрожающе нависла, она не придет в движение. Если мы проявим выдержку и терпение, если мы сохраним холодные головы, европейский мир еще может быть спасен». Все его надежды, однако, лопнули в мае 1940 г. После вторжения немецких войск в Бельгию и Голландию (что было сделано для войны с Францией!) ему пришлось уйти в отставку

Прояснилась также обстановка и в Париже. Здесь с начала 1937 г. шли переговоры о возможной помощи СССР Франции, если она подвергнется нападению Германии. Советские руководители соглашались помочь: частями ВВС, флотом, сухопутными силами (даже потреби-
357
тельскими товарами), при мирном проходе через территорию Польши или Румынии, или доставкой военных грузов и вооруженных сил по морю. СССР соглашался оказать помощь и Чехословакии при нападении на нее Германии. Переговоры успеха не имели, так как на Генеральный штаб оказывали сильное давление фашистские круги. Любопытно, конечно, это совпадение с «делом Тухачевского»! «В докладной записке французского генштаба, представленной

правительству в мае 1933 г., отмечалось, что заключение военной конвенции между Францией и СССР вызвало бы отрицательную реакцию и недоверие в Германии, Польше и Румынии и не было бы одобрено и Англией». (Документы внешней политики СССР. Т. XX, с. 704.)

8—9 мая. В обстановке строгой секретности во Франции, на небольшом курорте Таллуар (Верхняя Савойя), встретились для личных переговоров советский нарком иностранных дел М. Литвинов, прибывший с секретарем, и бывший министр иностранных дел Румынии Титулеску, сторонник мирных отношений с Советским Союзом[296], приехавший в сопровождении 8 румынских дипломатов, работавших в Швейцарии, в Женеве. («Последние Новости». 30 мая 1937, с. 1.) О чем могли говорить дипломаты? Это более чем очевидно: о том, как предотвратить военный конфликт двух сторон, о кознях Германии, о роли Тухачевского в разжигании конфликта. Нет сомнений, что Титулеску дал против маршала письменные доказательства, как против заговорщика. А знал он по своей дипломатической линии (как дипломат монархической Румынии!), конечно, много.

2 июня. Бломберг, военный министр Германии и фельдмаршал, «любезный и светский человек», как его определяют газеты, вновь прибывает в Рим (на протяжении нескольких недель «вторично», как подчеркивает газета «Эко дэ Пари») для встречи с военным руководством Италии. О чем говорят, нетрудно догадаться: арест маршала Тухачевского в СССР для всех газет и виднейших правительств Европы — тема № 1.

4 июня. Бломберг присутствует на военных маневрах: на суше (пехота, авиация, моторизованные части) и на море.

7 июня. Президент Польши Мосцицкий в сопровождении полковника Бека прибыл с трехдневным визитом в Румынию, к королю Каролю и Антонеску. «Переговоры касаются вопроса об усилении военной мощи и политического престижа Польши и Румынии, в связи с ослаблением СССР в Центральной и Западной Европе». Идет слух о создании оси Варшава—Бухарест. («Последние Новости». 08.06. 1937, с. 1.)

Итак, общий итог не вызывает сомнений: за границей, в реакционных руководящих и фашистских кругах, знали о готовящемся военном перевороте в СССР и всевозможными акциями старались поддержать его. Не случайны визиты германских политиков и военных высшего ранга в Италию, Польшу и Венгрию! Не случайно именно в 1937 г. производилась такая концентрация власти в руках главы правительства в Румынии! Именно оттуда предполагалось нанести первый удар — по

советской Украине! Естественно, с участием немцев, ибо богатства Украины не давали спать спокойно немецкой военщине и немецким монополиям.

Есть еще одно доказательство, не похожее на предыдущие. В 1933 г. в Германии вышел роман под названием «Земля в пламени». Автор его — военный летчик. Свой роман он посвятил шефу ВВС, второму лицу в Германии, маршалу Г. Герингу. На обложке книги напечатано, что рейхсмаршал принял посвящение.

Каково содержание романа? Он рассказывает о войне против Советского Союза и приключениях ста германских офицеров. На советском севере вновь высаживаются интервенты — англо-французская армия — и угрожает движением на Москву. Против интервентов направляются советские войска, в том числе с Украины. Пользуясь их уходом, местные контрреволюционеры во главе с «богатым земледельцем» Александром Герковым, имеющим дядю, бывшего киевского купца, отсидевшего у большевиков три года в тюрьме, и обаятельную невесту, дочь одного из местных контрреволюционеров, поднимают восстание.

Узнав об этом восстании, молодые немецкие офицеры, против воли национал-социалистского правительства, захватывают несколько «Юнкерсов» и улетают на Украину.

Герков знает, что без внешней поддержки всякое восстание обречено на поражение. Поэтому прибывших встречает с восторгом.

— Добро пожаловать в Россию! — восклицает он, обращаясь к немецким летчикам. — Добро пожаловать на Украину, вы, мужественные немцы!

Предводитель летчиков держит ответную речь такого рода:

— Военная драма на Востоке есть начало нашей собственной освободительной борьбы. Друзья! Протянуть руку украинскому восстанию — значит бороться за Германию. Нам нечего терять, но мы можем приобрести все! Да здравствует свобода!

Наступление англичан и французов происходит успешно, красные части отступают. Повстанцы одерживают победы и на Украине. И вот наступает важный момент — восставшая Украина посылает своего представителя в Москву для вручения Сталину ультиматума. Кто же этот представитель? Герков? О нет! Данный представитель немецкий полковник Брендис[297]. Он заставляет красное руководство согласиться на следующие требования:

1. Полная независимость Украины, признание ее «суверенитета».
2. Безнаказанность для всех борцов «за украинское дело».
3. Отказ на Украине от коммунистической пропаганды.

Война не окончена, наступает лишь некая передышка. Коммунистический режим продолжает существовать в России, но Украину он теряет.

Таков этот любопытный роман — прогноз[298]! Право, его не мешало бы перевести! Он очень злободневен! В чем его интерес? В том, что он в
359
1933 г. четко обозначает дату интервенции и восстания на Украине — 1937 год. То есть как раз год «заговора Тухачевского»! Случайно ли это совпадение? О нет! Ведь автор — военный летчик, он вхож в окружение Геринга, не раз видел его самого, слышал всякие неофициальные речи. Поэтому, несомненно, он отразил в романе то, что горячо обсуждалось за кулисами, к чему психологически готовили военную молодежь — к вмешательству в события на Украине в 1937 г. Немецкое военное и политическое руководство знало от своих «союзников» из советской оппозиции о том, что в СССР готовится. Таким образом, вывод, сделанный на основе романа, полностью подтверждает предыдущий вывод, сделанный на основе анализа фактов реальной политической жизни за рубежом.

Следует напомнить еще одно лицо, как вполне реальное, которое тоже может быть прототипом полковника Брендиса. Полковник Бредис (Бреде), немец из Прибалтики, работник царской разведки и контрразведки, по взглядам — эсер, в 1918 г. являлся одним из руководителей военно-заговорщической организации Бориса Савинкова — «Союз защиты родины и свободы» и начальником отдела разведки и контрразведки, одновременно руководителем московского отделения «Национального совета латышских воинов», представлявшего собой кучку контрреволюционных офицеров прибалтийского происхождения. Он считался опытным и ловким разведчиком, имевшим обширные связи в различных кругах общества. Своим единомышленникам на Дону он регулярно отправлял шифрованные шпионские донесения. Одно из них перехватило ВЧК, и автора арестовали на квартире бывшего крупного нефтяного промышленника Степана Лианозова (1872—1951), в 1919 г. главы созданного при Юдениче «Северо-Западного правительства» (в Эстонии).

Локкарт, известный английский агент и разведчик, находившийся в Петрограде, пытался организовать его побег, но не преуспел. На допросах в ЧК

Бредису пришлось «расколоться», и он поведал о своих агентах много интересного. В том числе и о тех, кто пробрался в советские военные учреждения, даже в Военконтроль, занимавшийся борьбой с вражеским шпионажем[299].

Дальнейшая судьба Бредиса неизвестна. Скорее всего, благодаря ходатайствам посольств, немецкого, английского и французского, советское правительство распорядилось его отпустить и он убыл в Германию, где продолжал свою работу, направленную против СССР.

Оглядываясь назад и подводя итоги опыту войн в Европе в XX веке, поражаешься чудовищным ошибкам политиканов всех стран, их невероятной беспечности, соседствовавшей с непроходимой глупостью! А ведь имелось множество исключительно реалистических предсказаний! И исходили они от очень осведомленных людей! Так, полковник Ж. Фабри, работавший в разведке, в начале 1937 г. в статье, посвященной положению Бельгии, писал: «Грядущая война начнется с внезапного на-

360

падения. Это будет чудовищное нагромождение всех истребительных средств, рассчитанное на то, чтобы сломить у неприятеля волю к сопротивлению. В течение первых же дней войны создастся положение, предвидеть которое заранее немыслимо; можно только сказать, что для одной из воюющих сторон оно неизбежно будет носить трагический характер. Само начало войны собьет с толку политических деятелей, спутает все планы и разрушит все расчеты». («Печать». — «Последние Новости». 02.05.1937, с. 3.)

Так писали предусмотрительные и умные люди, знатоки своего дела. Казалось бы, прими это во внимание и тотчас проведи в жизнь сумму необходимых мер для предотвращения внезапного военного нападения! Но нет, эти предсказания (действительно научные, как показала скоро жестокая действительность!) не действовали ни на кого! Человечество всегда идет вперед худшими путями.

*** * ***

План наступления войск интервентов мыслился так: сначала организуются пограничные конфликты на польской и румынской границах и советскому правительству вручаются ноты, полные всяких обвинений; затем конфликт превращается очень быстро в военные действия и вторжение.

План предполагал вторжение на советскую территорию силами двух групп армий, по двум направлениям — московскому и киевскому. По наиболее удобному и краткому пути, где лучше всего развиты железные дороги, предполагалось двинуть главную группу войск (немцы, поляки)! Это был путь Варшава—Минск—Смоленск—Москва. От этой группы войск, в зависимости от успеха наступления, предполагалось затем отделить особую армию для наступления на Ленинград. Южная группа (румыны, венгры, поляки, немцы) должна была вести наступление с территории Румынии (по направлению Люблино—Житомир—Киев). Житомиру поляки придавали очень большое значение, как важному городу их истории (с 1320 г. он входил в состав Литвы, с 1569 г. — в состав Польши; в 1920 г., к великой досаде поляков, здесь Первая конная армия произвела знаменитый житомирский прорыв польского фронта (5—7 июня). Прорыв положил начало контрнаступлению советских войск Юго-Западного фронта, после больших неудач и потери Киева (7 мая), имел громадное значение в провале третьего похода Антанты.

Основная цель намеченного плана представлялась так: энергичными операциями, используя фактор внезапности, прорвать советский фронт и вести быстрое наступление в глубину, не позволяя отходить дезорганизованным силам РККА, но дробя их на части и уничтожая; главные советские силы окружить на

Украине и заставить их сложить оружие; что касается северной группы советских войск, наиболее значительных по численности, где будет командовать кто-то из людей, близ-
361
ких к Сталину (скорее всего, Тимошенко), то они подлежат окружению и беспощадному уничтожению. Наступать стремительно, сильными танковыми и моторизованными соединениями, совершать глубокие прорывы, нарушать вражеские коммуникации, совершать глубокие охваты, наносить концентрические удары.

Первым успех должен определиться на Украине и в Белоруссии, где есть сочувствующие силы и антисталинское подполье. В силу этого добровольно сдадутся многие[300]. Падение Минска и Киева потрясет сталинское государство до основания, Германии же придаст новые громадные силы: ведь Украина — главный производитель хлеба для СССР и множества других продуктов, здесь же находится Донбасс — крупнейший угольный и промышленный центр. Молодежь, взятую в плен, можно будет сначала частично отпустить (для создания благоприятного отношения к немцам!), старослужащих, коммунистов и евреев заключить в лагерь.

Туда же отправить всех работников НКВД, советского и партийного аппарата, поэтапно всю интеллигенцию. После операции «очищения» быстро начинать колонизацию захваченной территории, которой суждено перейти под протекторат рейха. За 20 лет на Украину следует переселить 4,5—8 миллионов немцев. Они сделают этот край немецким. Чтобы местное население не оказывало им сопротивления, 50 млн. надо уничтожить, остальных выселить на восток, за Урал.

На севере придется действовать еще более жестоко. Главные города будут стерты с лица земли. Речь идет не просто о достижении победы или захвате территории, но об уничтожении СССР, Русского государства вообще, искоренении коммунизма, как сталинской идеологии, с которой национал-социализм ведет борьбу на истребление. Для подрыва коммунизма в стране придется истребить 3,5 млн. членов ВКП(б). Трупы, в обстановке величайшей секретности, тотчас сжигать или подвергать захоронению в массовых могильниках в удаленных местах[301].

Операции против Москвы должны начинаться после взятия Пскова, Кронштадта и Ленинграда. Кронштадт — важная крепость, пристанище боевых кораблей Балтийского флота. Ленинград — бастион большевизма, крупнейший центр военной промышленности, база военного флота, центр возможного контрнаступления войск против армии, наступающей на Москву. Наступать на Москву будет Бок, лучший из немецких стратегов. (Позже он получит звание фельдмаршала за взятие Варшавы и Парижа.)

От первых же серьезных неудач СССР рассыплется, как карточный домик: во-первых, у Сталина всего 50—75 хороших дивизий; во-вторых, все сталинское государство — колосс на глиняных ногах; в-третьих, едва начнется война, всюду будут подниматься народные восстания — против коммунизма, против сталинской тирании. (Эти заверения Тухачевского и его единомышленников, до него доведенные, Гитлер выслушал с большим удовольствием.)
362

Как возник подобный план, который нельзя назвать иначе, как чудовищным? Первый вариант плана операций дал Тухачевский и его соратники. Он до нас не дошел: то ли «пропал», то ли где-то все еще хранится в секретном стальном сейфе. С этим планом знакомился Гитлер и его ближайшее окружение, очень узкий круг лиц наивысшего ранга. Затем план подвергся определенной

переработке в штабе Людендорфа, где просчитывались разные варианты и обсуждались меры по «технике безопасности» (на случай «азиатского коварства»), а также выяснялся вопрос о предпочтительности для Германии в новых условиях первоначального взятия более близкой Украины или более отдаленных Ленинграда и Москвы. Оба плана обсуждались у Гитлера — в обстановке величайшей секретности, с очень небольшим количеством лиц, при участии его военных советников — генералов Кейтеля и Браухича. Затем в общей форме кое-кого фюрер поставил в известность относительно своего замысла. Гросс-адмирал Редер позже вспоминал: «Как-то в 1937 или 1938 году он (Гитлер. — *В.Л.)* сказал, что собирается ликвидировать Россию». (Л. Безыменский. Особая папка «Барбаросса». М., 1972, с. 40.)

Эти планы ориентировались на молниеносную войну — 4—6 недель! У заговорщиков в России просто нет иного выхода: если не такая война, — и победа! — то для них полная и несомненная гибель. Поэтому Тухачевский и ориентирует своих «союзников» именно на такую скоротечную кампанию.

Предлагаемый Тухачевским план, при его проработке в военно-политической верхушке Германии, мало-помалу изменяется, но сохраняет с этим первоначальным планом свою генетическую связь. Полезно посмотреть на этапы этих изменений, в результате которых появляется, наконец, окончательный вариант нападения на СССР — план «Барбаросса». Вот что в настоящий момент известно:

— 25 и 30 июня 1940 г. в беседе с Гальдером Гитлер дает задание на разработку плана нападения на СССР.

— 3 июля такое же задание дается генералу Грейфенбергу.

— 22 июля по тому же поводу Гитлер беседует с Браухичем, дает и ему такое же поручение, а Гальдер записывает их совместную директиву разработчикам. В ней, в частности, содержатся такие пункты: а) развертывание продлится четыре-шесть недель, б) Политические цели: украинское государство, союз прибалтийских государств, Белоруссия, Финляндия. Прибалтика — заноза в теле (там же, с. 196).

— Гальдер поручает оперативную разработку начальнику штаба 18-й армии Эриху Марксу, человеку очень опытному. Тот берется за дело 29 июля.

— Почти одновременно с ним ту же работу ведут генерал Грейфенберг и полковник генштаба Фойерабенд.

— По заданию же Гальдера свою разработку делает представитель военной разведки ОКХ полковник Кинцель, начальник отдела иностранных армий Востока.

363

Предлагаемые решения оказываются разными. Идея генерала Маркса такова: «Наносить только один главный удар из Румынии, Галиции и Южной Польши в направлении на Донбасс, разбить находящиеся на Украине армии и вслед за этим маршировать через Киев на Москву». (Там же, с. 196.)

Генерал Грейфенберг и полковник Фойерабенд также считают самым выгодным наносить удар с юга, через Украину, идти на Москву, предварительно захватив Киев.

Абвер с этим, однако, не соглашается. У Кинцеля другой вывод: наступление следует вести в направлении Москвы с севера, примыкая к побережью Балтийского моря (В.И. Дашичев. Стратегическое планирование агрессии против СССР. — «Военно-исторический журнал». 1991, № 3, с. 15.)

Гитлер знакомится с этими разработками, ведет с близкими людьми обсуждение.

31 июля он вновь встречается с руководством ОКХ и говорит о своих решениях: «Начало похода — май 1941 года. Срок для проведения операции — пять месяцев». По поводу порядка операций он высказывается так: «Первый удар — Киев, выход на Днепр, авиация разрушает переправы, Одесса; второй удар: Прибалтика, Белоруссия, направление на Москву» (Л. Безыменский, с. 197.)

Гитлер мотивирует, почему он перенес начало войны с СССР на 1941 г., хотя сначала говорил о 1940 г.: «Операция только тогда будет иметь смысл, если мы одним ударом разгромим государство. Остановка зимой опасна. Поэтому лучше подождать, но потом, подготовившись, принять твердое решение уничтожить Россию». (Там же, с. 197.)

3 сентября 1940 г. в дело включается генерал Паулюс, который получит в истории тройную славу: как человек, сведший воедино все рациональное из разных планов и подготовивший кровавую «Директиву № 21» («План «Барбаросса»); как военачальник, проигравший одно из крупнейших в мире сражений — Сталинградскую битву; и как первый немецкий фельдмаршал, попавший в неприятельский плен.

— 15 сентября поступает на ознакомление высшего начальства разработка генерала Лоссберга, руководителя группы сухопутных войск в оперативном отделе штабе Верховного Главнокомандования вооруженных сил Германии. Он рассматривает различные варианты действий при наличии двух групп армий — северной и южной. При этом, хотя и очень осторожно (учитывая мнение Гитлера!), высказывается за действия на севере, как главные, замечая, что в итоге «можно было бы в скором времени овладеть Ленинградом и Москвой». (Там же, с. 25.)

— 19 сентября представляет на рассмотрение Йодля свой план генерал Варлимонт, предусматривающий разделение армии на три группы: «Север», «Центр» и «Юг». Он стоит за то, чтобы удар, как главный, наносился на Москву, по кратчайшему направлению — Минск—Смоленск. Варлимонт занимал тогда пост заместителя начальника опера-

тивного отдела германского верховного главнокомандования (ОКВ). Узнал он о намерении Гитлера воевать с СССР 29 июля 1940 г. от Йодля, вместе с другими крупными работниками штаба. «Йодль, — показывал он позже на Нюрнбергском процессе, — ошеломил нас этим сообщением, к которому мы не были подготовлены». (Л.И. Полторак. Под судом фашизм. М., 1966, с. 41.)

— Начало ноября. Свой план представляет Паулюс. Вспоминая о том давнем времени, он дал в Нюрнберге такие показания: «3 сентября 1940 года я начал работать в главном штабе командования сухопутных войск в качестве обер-квартирмейстера. В качестве такового я должен был замещать начальника главного штаба, а в остальном должен выполнять отдельные оперативные задания. После моего назначения я нашел в той области, в которой я должен был работать, еще не готовый оперативный план, который касался нападения на Советский Союз. Начальник штаба сухопутных сил генерал-полковник Гальдер поручил мне дальнейшую разработку этого плана, начатого на основании директивы ОКВ.

Разработка, которую я сейчас обрисовал, была закончена в начале ноября и завершилась двумя военными играми, которыми я руководил по поручению главного штаба сухопутных войск. В них принимали участие старшие офицеры генерального штаба». (Там же, с. 41—42.)

— В декабре представил свою разработку генерал Зоденштерн (она помечена 7 декабря). Его мнение было очень важно, так как он являлся начальником штаба армий «А» (позже «Юг»). Он стоял за действия на флангах и удар на Москву по

сходящимся направлениям. При этом полагал, что временно следует отказаться от овладения областями на окраинах.

— 5 декабря Гальдер делает Гитлеру итоговый доклад о предполагаемой восточной кампании с тремя стратегическими направлениями (ленинградское, московское, киевское), с выделением главного удара на севере (по линии Варшава—Москва). Он предусматривает наличие для войны 105 пехотных, 32 танковых и моторизованных дивизий, участие в войне определенных сил союзников — Румынии и Финляндии.

Сам Гитлер очень колебался перед принятием окончательного решения. Своему Генеральному штабу он не раз делал упреки в том, что тот рассматривает все вопросы чисто по-военному и забывает про экономические потребности Германии, которая сейчас испытывает большие затруднения с продовольствием и сырьем. Буквально за два дня до нападения на СССР фюрер так сказал своему министру вооружений Фрицу Тодту (1894—1942): «Надо завоевать то, в чем мы нуждаемся и чего у нас нет. Нашей целью должно быть завоевание всех областей, имеющих для нас особый военно-экономический интерес». (Безыменский с. 213.)

Генералы, очень ободренные величайшими успехами войны на Западе, призывали своего фюрера быть решительнее и не упускать мо-
365
мента. Гитлер то соглашался, то снова отступал и впадал в задумчивость. Это было, как он позже признавался, самым тяжелым решением его жизни. 18 декабря 1940 г. адъютант фюрера майор Герхард Энгель (1906— 1976) записал в дневнике: «Фюрер не знает, что делать. Военным не верит. Неясность относительно численности русских. По-моему, фюрер считает, что русские слабы. В этом его укрепили донесения и доклады Кестринга». (Там же, с. 268.)

В тот же день фюрер все-таки решился. 18 декабря 1940 г. он подписал план «Барбаросса», план нападения на СССР, и тем самым сделал первый шаг к своей собственной гибели.

Даже из этих кратких заметок наглядно видно, как трудно и противоречиво складывается оперативный план большой войны. Он всегда результат работы значительных групп людей и подвергается многим изменениям — под воздействием самых разных причин. В конечном итоге оперативный план всегда результат определенных компромиссов разных точек зрения. Последние многократно обсуждаются на различных руководящих совещаниях, противоречат и дополняют друг друга. Нередко бывает так, что первоначальная идея плана оказывается буквально погребенной под более поздними напластованиями. Так случилось и с секретным планом Тухачевского, который он передал Людендорфу. После многократных переработок и приспособления к интересам исключительно немецкой стороны, он почти полностью потерял прежний вид. И сейчас лишь с большим трудом можно выделить его основные идеи, получить о нем хотя бы некоторое представление.

10 августа 1940 г., получив оптимистический доклад генерала Гудериана о Красной Армии (последний умело подстраивался под настроения фюрера) и ознакомившись с ним, Гитлер воскликнул: «Если только умело подобраться к этому колоссу, то он развалится быстрее, чем может об этом догадываться весь мир. Ах, если бы уничтожить этот Советский Союз!» (Безыменский, с. 269—270.)

Не выгорели мечтания, не исполнились! Советский народ спас сам себя: громадной, титанической работой, неслыханным в истории патриотизмом! Величайшей организаторской работой в те годы прославилась Коммунистическая партия, все военное руководство и сам Сталин! Величайший патриотизм, воспитанный за годы Советской власти, дал свои плоды! (См.: «Говорят погибшие

герои. Предсмертные письма советских борцов против немецко-фашистских захватчиков. (1941—1945)». М., 1986.)

Народ знал, за что борется: за социализм, за счастливую жизнь, против фашистского варварства! Он не хотел быть уничтоженным! Ведь именно это готовил ему фюрер со всеми своими подручными! Гитлер говорил так (записал его слова аккуратный Гальдер): «Борьба с Россией. Уничтожение большевистских комиссаров и коммунистической интеллигенции. Надо воспротивиться тому, чтобы появилась новая интеллигенция».

366

И еще: «Дело идет о борьбе на уничтожение. Если мы этого не поймем, то сейчас разгромим врага, а через 30 лет перед нами снова предстанет коммунистический противник. А ведь мы ведем войну совсем не для того, чтобы консервировать противника».

Гитлер полагал, что надо «создать республики без сталинского духа. Интеллигенцию, которую вырастил Сталин, следует уничтожить. Уничтожить надо весь механизм русского государства, в великорусском пространстве надо применять грубейшую силу. Идеологические узы еще недостаточно связывают русский народ. Как только будут устранены функционеры, эти узы распадутся». (Безыменский, с. 226—228.)

Вот теперь становится совершенно ясно, из какого источника черпали свои «аргументы» современные предатели с партбилетами и без них, те, что много лет визжали со всех сторон: «Упраздним Советский Союз, последнюю империю! Ликвидируем сталинизм!»

Кто вдохновитель и вождь названных господ? Их вождь — лидер немецких фашистов Адольф Гитлер! Вот ведь какой интересный вывод!

И второй вывод, не менее интересный: антисталинизм, чем бы он ни маскировался, есть путь к предательству и контрреволюций!

Так может ли теперь вызывать сомнение вопрос, стоящий перед нами: а куда мог привести этот же путь «демократа» Тухачевского, да еще при секретных связях с реакционной немецкой военщиной?!

*** * ***

Поражение оппозиции всех родов в борьбе со Сталиным явилось делом глубоко закономерным. Несмотря на свои человеческие недостатки, из которых вытекали некоторые неправильные решения, Сталин имел в борьбе и свои громадные преимущества: во власти, обширнейшем и всестороннем опыте, тонком знании человеческой психологии, умении настраивать широкие массы. Он имел явную поддержку большинства партии и народа. Это понимали многие его противники, не могли скрыть даже белогвардейские газеты. Уже упоминавшаяся газета «Рассвет» (Чикаго) в своей статье «После московского процесса» (2 марта 1937 г.) с плохо скрытой злостью и разочарованием писала: «Худо ли, хорошо ли, но сейчас в Советской России можно жить, в магазине купить кусок колбасы и без всяких трудностей достать хлеб и другие продукты питания. (А что народные массы имеют сейчас? — *В.Л.)* Уровень жизни так долго был примитивным и тяжелым, что всеобщая ярость обрушилась на тех, кто пытался создать опасность лишения достигнутых маленьких удобств.

Значительная часть населения взволнована и тем, что подсудимые готовы были уступить части советской территории. Патриотическая пропаганда последних лет пустила глубокие корни и процесс дал повод к новому усилению государственно-национальных настроений». (С. 2.)

367

Это признание белогвардейской газеты, конечно, очень примечательно! Она не сомневается, что социализм, патриотизм и «сталинизм» одно и то же!

А что видим и слышим ныне? Вся антисталинская клика буквально визжит: «Долой социализм, как миф и обман! Долой красную империю! Долой сталинизм! Да здравствует свободное предпринимательство, свободные, ничем не ограниченные цены, частная собственность, «деполитизация» и публичные дома! Конфискуем собственность «коммуняк»! Жаль, что Гитлер нас не победил! Жили бы сейчас как все цивилизованные государства!»

Вот она, шпионская и антинародная программа! Разве не ясно отсюда, кто есть кто на деле?!

ГЛАВА 16. КАК МЫСЛИЛСЯ ПЛАН ПЕРЕВОРОТА В МОСКВЕ?

В любом случае дотронусь
лишь до вершины айсберга;
Полковник Михаил Любимов,
бывший разведчик и писатель

С планом военного переворота оппозиция носилась, по крайней мере, с 1934 г. Думали устроить его прямо в период XVII съезда партии. Но тогда дело сорвалось: сами руководители поняли, что благополучный исход сейчас будет сомнителен. Затем переворот планировали на ноябрьские праздники 1936 г., на Новый год, на 23 февраля, 8 марта и 1 мая 1937 г. Надеялись, что поможет сама атмосфера праздника и всеобщего благодушия. Но каждый раз из-за всяких неувязок дело срывалось и дату переворота приходилось переносить. Теперь, однако, в мае 1937 г., больше невозможно было отступать и колебаться — в силу смещения Ягоды с поста главы НКВД и многочисленных арестов, в том числе Путны и Примакова, видных руководителей заговора.

Руководство оппозиции делилось на две части. Политическая часть его — своего рода новое Политбюро: Енукидзе, Бухарин, Рыков, Томский, Тухачевский, С. Каменев (военный), Пятаков, Примаков. Политический Центр, где постепенно были арестованы все, заменил другой, заранее сформированный. Во главе его стали Радек, Раковский, Крестинский, Гринько и другие оппозиционеры, которые не находились под подозрением.

Ко дню переворота Н. Крестинский (1883—1938, чл. партии с 1903), бывший советский посол в Германии, бывший заместитель наркома по иностранным делам, бывший секретарь ЦК партии при Ленине, бывший член Политбюро (1919—1921), бывший левый коммунист, видный сторонник Троцкого, формально от него отмежевавшийся (1928), ныне

заместитель наркома юстиции СССР, то есть Н. Крыленко, «правого» оппозиционера, должен был приготовить со своими сотрудниками уточненные тайные списки, согласно которым одних руководителей следовало арестовать, а других назначить на их место.

Начинать предполагалось с маленьких импровизированных митингов на улицах, накаляя людей, выбрасывая разные соблазнительные и резкие лозунги, увлекая в первую очередь молодежь и школьников, как наиболее податливых.

План переворота предусматривал следующие пункты:

1. Серия вооруженных конфликтов на границах — с целью создать напряженную атмосферу в стране и столице.

2. Захват Кремля, с убийством Сталина, Молотова, Ворошилова — ведущих политических фигур режима.

3. Захват здания НКВД на Лубянке, с убийством Ежова.

4. Взятие отрядами оппозиции зданий Наркомата обороны и Московского военного округа.

5. Захват городской телефонной станции и всех телеграфных отделений, чтобы помешать сторонникам Сталина вызвать помощь из соседних городов.

6. Занятие своими людьми всех городских вокзалов и жесткий контроль движения.

Самая трудная часть плана была связана с захватом Кремля и «ликвидацией» Сталина и его соратников. Операцию в Кремле брал на себя Аркадий Розенгольц (1889—1938, чл. партии с 1905), всем известный нарком внешней и внутренней торговли СССР (1930—1937), человек исключительной храбрости, из числа крупных командиров периода Гражданской войны, в течение многих лет глава советского торгпредства в Берлине, занимавшийся вопросами разведки, бывший также членом РВС СССР, полпредом СССР в Англии (1925—1928), заместителем наркома РКИ СССР (1928—1930). Он должен был ранним утром попасть к Сталину на прием под предлогом разоблачения заговора. Оппозиционные руководители были абсолютно уверены, что Сталина удастся поймать «на крючок», когда Розенгольц позвонит ему и скажет примерно следующее:

«Товарищ Сталин! Заговор! Ужасный заговор! Ко мне явились два моих бывших работника, сейчас они в армии. Они впутались в дела «правых» и, благодаря этому, получили сведения о страшном заговоре. Им руководят Блюхер, Буденный и Егоров. Эти преступники хотят уничтожить нас всех, устроить в Москве резню. Позвольте сейчас прийти к вам, привести этих двоих свидетелей. Они вам сами все доложат, дадут ответы на все вопросы! Ужасный заговор! Такого у нас еще не бывало!»

Ответ Сталина был бы, конечно, утвердительным. И вот, явившись в его рабочий кабинет, в присутствии Молотова, Кагановича, Ежова и Поскребышева (а лучше без них), Розенгольц собирался лично произвести покушение на Сталина, а его спутники, тщательно выбранные, с

369

большим боевым опытом, должны были стрелять в других, кто находился бы в кабинете. Важно было вывести из игры Сталина, с остальными, даже если их в кабинете не будет, оппозиция полагала, что легко справится, благодаря их ничтожеству.

Успешное покушение на Сталина во всех вариантах являлось ключевым звеном. Оно должно было создать в стране обстановку хаоса и паники.

Большие колонны демонстрантов предполагалось собирать на самых знаменитых улицах, служивших олицетворением революции — ул. К. Маркса, ул. Дзержинского, ул. Богдана Хмельницкого, ул. Чернышевского, ул. Спартаковской, ул. Бауманской

Как во времена Н. Баумана (1873—1905), известного деятеля партии, предполагалось в день переворота устроить массовую демонстрацию рабочих. С революционными лозунгами и песнями все должны были направиться к зданию НКВД на пл. Дзержинского и неожиданно ворваться в него, смяв слабую охрану, захватив средства связи и освободив всех арестованных, которые тут же должны включиться в переворот.

Чтобы облегчить захват здания НКВД, Наркомата обороны и Генерального штаба, предполагалось направить вторую массовую народную колонну по ул. Горького в сторону Кремля. Рассчитывали, что она с резкими антисталинскими лозунгами в духе «платформы Рютина» будет отвлекать внимание и силы НКВД на себя.

Предполагались также захват здания ЦК партии и городских электростанций. Намечалось вызвать из Смоленска Уборевича, а из Киева Якира. Они прилетят строго секретно военными самолетами со специальными отрядами и тоже примут участие в перевороте. Якир вместе с Фельдманом, комкором А.И. Геккером[302] и

комдивом Саблиным[303] должен захватить Наркомат обороны, Уборевич со своими людьми — Генштаб, Гамарник — НКВД, Крестинский — здание ЦК партии.

Убийство вождей предполагалось свалить на «акции контрреволюции», под этим предлогом объявить военное положение, запретить всякого рода собрания и митинги, оттеснить сторонников Сталина от власти, сформировать новое Политбюро и Правительство — из троцкистов и «правых», а также сторонников М. Калинина, с которым надеялись поладить. Затем думали вызвать в Москву Тухачевского, объявить его на время диктатором, а позже провозгласить президентом! После этого предполагалось провести чистку партии от сторонников Сталина и наполнить ее элементами вполне буржуазными и послушными. Программа и Устав подлежали быстрой переработке. Намечалось, что после завершения переворота Якир и Уборевич вернутся со своими людьми назад, чтобы в Киеве и Минске также быстро «провернуть» подобную операцию.

В Москве самыми рискованными считались операции против здания НКВД и Кремля. Розенгольц на суде позже показывал: «Причем Гамарник предполагал, что это нападение — (на здание НКВД. — *В.Л.)* осу-
370
ществится какой-нибудь войсковой частью непосредственно под его руководством (!), полагал, что он в достаточной мере пользуется партийным, политическим авторитетом в войсковых частях. Он рассчитывал, что в этом деле ему должны помочь некоторые из командиров, особенно лихих. Помню, что он назвал фамилию Горбачева». (Дело антисоветского «право-троцкистского блока». Стенографический отчет. М., 1938 с. 233.)

Об этом последнем в своих показаниях на суде вспомнил и Рыков:

«Этот вопрос (о «дворцовом перевороте». — *В.Л.)* встал в 1933 г. Опорой для осуществления этого контрреволюционного плана явился Енукидзе, который вступил в качестве активного члена в организацию правых в 33 году. Большую роль играл Ягода, который возглавлял ОГПУ. Вот эти исходные линии, которые давали возможность приступить к организации плана переворота.

Первая информация была о группе кремлевских работников, и особенно тут фигурировали Ягода, Петерсон, Горбачев, Егоров; я имею в виду не начальника штаба, не знаю, что он теперь делает, а Егорова — начальника кремлевской школы. Эти три фамилии, которые играли большую роль во внутрикремлевской жизни, которые командовали школой и всем хозяйством в Кремле». (Там же, с. 164.)

Что они собой представляли? Петерсон Р. А. (1897—1940, чл. партии с 1919) — латышский комиссар, участник Первой мировой войны и войны Гражданской, начальник поезда Троцкого, начальник связи 5-й армии Восточного фронта (командующий Тухачевский!), участвовал в подавлении мятежа в Тамбовском и Козловском уездах, был членом РВС 9-й армии (VIII—IX 1920, командующий — друг Тухачевского Левандовский) и 6-й армии (XI.1920 — 11.1921, командующий Корк!). Имел орден Красного Знамени (1922). Член ЦИК СССР. В последние годы — комендант Кремля.

Когда этот Петерсон влип в опасное «Кремлевское дело» (1935)[304], тогда еще влиятельная оппозиция смогла его спасти, вывела из-под удара и направила на периферию. Но куда? Вот что интересно! В Киев — к Якиру — заместителем командующего военного округа по материальному снабжению. Уже отсюда ясно, что Якир был отнюдь не чужой человек для Троцкого, раз он спасал его верного приспешника. И, естественно, Петерсон мог служить связующим звеном между ними.

Вот при этом Петерсоне по нелегальным делам видную роль играл Карл Паукер (1895—1937) — комиссар госбезопасности 2-го ранга, член ЦИК СССР,

соратник Г. Ягоды, работавший в ЧК с 1918 г. Человек этот проделал весьма бурный путь развития. Родился он во Львове. Воевал с Россией в составе австро-венгерской армии в Первую мировую войну. Был в плену, вступил в партию большевиков (1917). Активно работал среди военнопленных, вербуя их на сторону Советской власти, работал в разведке. С начала 20-х годов занимал пост начальника Спецотделения ВЧК, пользуясь доверием Дзержинского и Менжинского, что и

привело его на пост начальника охраны Сталина. В 1933 г. стал на сторону «правой» оппозиции. С ноября 1936 г. по апрель 1937 г. — начальник отдела охраны Управления государственной безопасности. За свои прошлые (вполне положительные!) дела имел награды: орден Ленина, два ордена Красного Знамени, орден Красной Звезды, Почетное оружие и почетные значки чекиста. Долго пользовался расположением Сталина, занимал также пост начальника оперативного отдела НКВД.

Но особенно интересен среди названных лиц Горбачев. По тем временам это была личность очень значительная. А ныне практически неизвестная, вот что поразительно! Фамилия же имеет зловещую одиозность, благодаря предательской деятельности первого «президента» СССР! Трудно сказать сейчас, находились ли они в родстве, хотя отношения дяди и племянника не исключаются.

Борис Сергеевич Горбачев (1892—1937, чл. партии с февраля 1917) родом из крестьян Белоруссии. В детстве и юности был пастухом, батраком, работал на железной дороге. В 1913 г. призван на военную службу. Участвовал в Первой мировой войне, стал унтер-офицером. Получил Георгиевский крест первой степени. Возглавляя Игуменский совет, вел яростную борьбу с меньшевиками и эсерами. В октябре 1917 г. организовал красногвардейский отряд (200 человек). Участвовал в боях с поляками, немцами, с белыми в Донбассе, сражался против Деникина, Мамонтова, Шкуро, Врангеля, Махно. Воевал в составе Первой конной армии Буденного. Боевыми товарищами имел Ворошилова, Тимошенко, Мехлиса, Щаденко, Городовикова, Косогова, Апанасенко, Горячева. Участвовал в победоносном штурме Перекопа, взятии Севастополя и Крыма. Пять раз был ранен, имел три (!) ордена Красного Знамени. Его выдающаяся храбрость, организаторские способности, умение воевать не раз отмечались в приказах РВС республики. После Гражданской войны закончил Военную академию РККА (1926). Затем занимал видные командные посты: командир и военком 12-й кавалерийской дивизии, глава военных учебных заведений Московского военного округа (1933—1934), помощник и заместитель командующего Московским военным округом (1933—1934), начальник гарнизона Москвы, командующий Забайкальским и Уральским военными округами. (Г. Леонов. Комбриг Горбачев. — «Советская Отчизна». (Минск). 1959. № 5, с. 133—136.)

Вопрос о том, кто будет производить покушение на Сталина, рассматривался руководителями оппозиции неоднократно. Кандидатуры будущих террористов многократно обсуждались и периодически заменялись. Ибо нервы будущих террористов не выдерживали длительного напряжения. Внутренне их всех ужасало то, что им предстояло делать. Покончила с собой жена Сталина, твердый сторонник «правых» (ей не хватило решительности). Застрелился один из сыновей Михаила Калинина, возглавлявший ячейку террористов и ждавший ареста как раз под новый, 1937 г. Его тело выставили в клубе Верховного Совета СССР «Дома на набережной» (Берсеневская набережная), где жили ответственные

руководители: 6 членов и кандидатов в члены Политбюро, 63 наркома и министра, 94 их заместителя, 19 маршалов и адмиралов. Смерть была для всех неожиданной, а обстановка очень тревожной. «С покойным прощались тайно, ночью, под Новый год. Разобрали елку, простились и собрали снова. А в 10 часов утра возле лесной красавицы уже водили хороводы и читали стихи дети военачальников и наркомов». (Краскова В. Наследники Кремля. Минск. 1997, с. 488.)

После оппозиция имела еще и другие кандидатуры на мученическую роль. Одной из них являлась Нина Евгеньевна, жена маршала Тухачевского, приходившая с ним на все праздничные обеды, на которых присутствовал и Сталин. Жизнь этой жены Тухачевского всегда замалчивается, а она очень даже заслуживает внимания. Уже хотя бы потому, что она, жена маршала, регулярно приходила в тир «Дома на набережной» и там среди пионеров, зарабатывавших значок «Юный ворошиловский стрелок», регулярно набивала руку в точной стрельбе из именного нагана. (Там же, с. 488.) Как будто ей больше нечего было делать при ее положении!

Ее нервы тоже не выдержали страшных психических нагрузок.' И здоровье так расстроилось, что Тухачевский стал думать о разводе с ней. Свое внимание он перенес на красивую молодую певицу из Ленинграда, работавшую в Большом театре, Веру Алексеевну Давыдову. С ней он вошел, как она позже призналась, уже после смерти Сталина, в любовную связь. У маршала были на нее свои виды, так как она, по слухам, пользовалась любовной благосклонностью самого генсека и была также в одновременной любовной связи с Ягодой, Ежовым, Буденным, Маленковым, Поскребышевым, пользовалась настойчивым вниманием Ворошилова, Булганина и даже Вышинского[305]. В сущности, всех интересовало одно: с помощью красивого агента «выкачивать» секретные сведения из вражеского лагеря!

В конечном итоге, на основе неудачных опытов, женские кандидатуры были отвергнуты все. И руководители оппозиции остановились на мужчинах, проверенных в ходе Гражданской войны, — на Розенгольце и самом Гамарнике, поскольку оба имели возможность близко видеть Сталина, а подозрений против них он не имел[306].

Об этом самом Гамарнике на заседании Военного совета 2 июля Сталин выразился очень хитроумно, видимо не желая говорить абсолютно прямо: «Если бы, к примеру, покончивший с собой Гамарник был последовательным контрреволюционером, я бы на его месте попросил бы свидания со Сталиным, сначала уложил бы его, а затем убил бы себя».

В то время случилась еще одна, очень запутанная, история: будто бы в конце 1936 г. Ягода завербовал в ряды «правых» С. Буденного, шантажируя его «шпионскими связями» его новой жены — красавицы, оперной певицы. Многие, знавшие Ягоду, полагали, что он сам подсунул эту певицу маршалу, строя коварную интригу.

373

Когда Ягоду арестовали, бывший глава НКВД сам подвергся конвейерному допросу. Круглые сутки, сменяя друг друга, его допрашивали: Сталин, Ежов, Молотов, Каганович, Маленков, Вышинский, Хрущев, Андреев, Шкирятов.

В конце концов Ягода не выдержал и дал показания против Пятакова, Радека и многих других, в том числе и на Буденного (видимо, он ему все-таки не доверял и поэтому решил им пожертвовать).

Вместе с женой знаменитый глава Первой конной армии был арестован и 6 недель просидел в сыром подвале у Ежова. После бесед с Егоровым и Сталиным, после своего покаяния и благодаря ходатайству своего друга Ворошилова, он

вышел на свободу, дав обязательство помочь партии и правительству разоблачить весь заговор. Перед оппозиционерами он продолжал изображать «своего».

На апрельском пленуме ЦК партии, собравшемся в зале заседаний правительства в Кремле, куда собрали также наркомов, ответственных работников ЦК, секретарей райкомов города, областных и краевых комитетов, директоров предприятий, армейских руководителей, Сталин в своей речи о текущем положении подверг резкой критике военное руководство; он говорил также о деятельности вражеских разведок, которые оплетают своими щупальцами даже и видных военачальников, что приносит армии большой вред.

Буденному и здесь пришлось выступить с покаянием. При этом он сказал:

«Я никогда ничего не утаивал от большевистской партии. Благодаря дальновидности наших чекистов я прозрел, всю жизнь буду нести в своем сердце глубокую благодарность Николаю Ивановичу Ежову. Моя бывшая жена, гражданка Варвара Николаевна Михайлова, от которой я публично отказываюсь, активно сотрудничала с троцкистами и их приспешниками Зиновьевым, Каменевым, Пятаковым, Радеком. Никакого снисхождения врагам советского государства! Для Михайловой я требую высшей меры наказания — расстрела и сам готов привести приговор в исполнение. Заверяю вас, товарищи, что моя рука не дрогнет».

Все военные руководители сидели молча: удар оказался тяжелым и неожиданным. Уж если не пощадили репутации Буденного, столь великого героя и близкого к Сталину человека, то значит...

Один Гамарник, как зам. Ворошилова, попробовал возразить. Он сказал:

«Чистоту Красной Армии можно сравнить с родниковой водой. Товарищ Сталин, заверяем вас, в нашей армии нет места шпионам и вредителям»!

Сталин хмуро перебил:

«Нам кажется, товарищ Гамарник, что вы незаслуженно почиваете на лаврах. Боюсь, что самоуверенность может вас погубить!»

Такого рода разговоры заставляли оппозицию торопиться. Все, казалось, предусмотрели: роли распределили, назначили ответственных за

проведение всех операций, приготовили машины с автобаз для быстрой переброски людей из одного района в другой, заготовили опытных агитаторов для выступлений на митингах, в колеблющихся полках и среди народа, отпечатали прокламации. Предусмотрели возможные заминки, разные запасные варианты. Договорились относительно самых коварных политических ходов. Крестинский характеризовал их так: «Придется при такого рода выступлении скрыть истинные цели переворота, обращаться к населению, к армии, к иностранным государствам. Во-первых, было бы правильно в своих обращениях к населению не говорить о том, что наше выступление направлено к свержению существующего социалистического строя, мы будем выступать под личиной советских революционеров: свергнем плохое советское правительство и возродим хорошее советское правительство. Так мы собирались говорить, но про себя мы рассуждали иначе». (М. Сейерс, А. Кан. Тайная война против Советской России. М., 1947, с. 333.)

Все, однако, произошло не так, как оппозиционеры ожидали. Правительство и Сталин через своих тайных агентов были в курсе решительно всего: знали день выступления, знали план действий.

Больше всего подвели оппозицию ложные «заговорщики» — Буденный и Шапошников, которые должны были сыграть при выступлении очень важную роль. Буденный брал на себя руководство в захвате здания НКВД. («Расплатись со своими мучителями!» — подстрекательски говорили ему видные

оппозиционеры.) Но он не собирался работать на них. И он, и Шапошников приняли самое активное участие в разгроме заговора и аресте заговорщиков.

Здесь будет полезно прибавить еще один эпизод. Чрезвычайно характерно, что все современные авторы, сочувствующие Тухачевскому, старательно обходят праздник 1 Мая 1937 г. Между тем как он вполне заслуживает внимания. По какой причине, увидим ниже.

К этому торжественному празднику велись большие приготовления. И был он очень внушителен: с большим парадом и демонстрацией трудящихся, несших лозунги и портреты вождей, дружно отвечавших на всевозможные призывы с трибуны Мавзолея. В этом отношении он напоминал другие парады подобного же рода.

Интересным оказывается не это. Парад еще не начался, но войска уже построились, народные колонны стояли на соседних улицах, ожидая своей очереди. От Спасских ворот до Мавзолея стояла цепь охраны из работников НКВД, отделяя Мавзолей от площади.

Незадолго до начала парада из Спасских ворот вышла группа высших руководителей и направилась к Мавзолею. Среди них находились: Сталин, Молотов, Ежов, Каганович, Калинин, Микоян, Андреев, Хрущев, Маленков, Шкирятов. Они шли к Мавзолею мимо второй цепи — из высших военачальников, с которыми по очереди здоровались за руку. Военные стояли так: Ворошилов, Гамарник, Буденный, Тухачевский, Егоров — и т.д., согласно своему положению и рангу.

375

Сталин любезно здоровался со всеми, но когда подошел к Тухачевскому и тот сам протянул ему руку, считая данное рукопожатие обычным и служебным, Сталин сделал вид, что не заметил и прошел мимо с каменным выражением лица. Его примеру тотчас последовала его свита.

У Тухачевского упало сердце. Он хорошо понял, что означает подобный остракизм. Это был сигнал: что-то вроде красного фонаря для мчащегося локомотива.

С трибуны его, впрочем, не согнали и он стоял вместе со всеми, заложив руки в карманы. Позади стояли и дышали в затылок два здоровяка — Буденный и Егоров. Они прочно блокировали его, не давая сдвинуться с места.

Лишь когда кончился военный парад и на трибуне произошли некоторые перемещения, Тухачевский понял, что ждать больше нечего, и решил удалиться.

Вальтер Кривицкий (1899—1941), видный работник разведывательного управления Штаба РККА, тщательно законспирированный сторонник Троцкого и соратник Тухачевского, пользовавшийся доверием Ежова (!) и его зама Фриновского, приехал к празднику из-за границы. И он присутствовал на нем как почетный гость. Самое интересное из того, что пришлось увидеть, он отметил позже в своей книге[307]:

«Последний раз я увидел моего старого начальника маршала Тухачевского 1 мая 1937 года на Красной площади.

Праздник Первого мая — один из редких моментов, когда Сталин показывается на публике. Предосторожности, предпринятые ОГПУ в майский праздник 1937 года, превосходили все, что было в истории нашей секретной службы. Незадолго перед праздником я побывал в управлении Карнильева, в специальном отделе, который выдает разрешение правительственным служащим на проход в огороженное место у Мавзолея Ленина, представляющее собой трибуну для наблюдения за парадом.

Он заметил: «Ну и времена! 14 дней мы ничего не делаем в специальном отделе, кроме как разрабатываем меры предосторожности на майский день».

Я не получил своего пропуска до самого вечера 30 апреля, пока наконец курьер из ОГПУ не доставил его мне.

Утро майского дня было ярким и солнечным. Я рано отправился на Красную площадь, и по дороге меня по крайней мере 10 раз останавливали патрули, которые проверяли не только мой пропуск, но и документы.

Я подошел к Мавзолею Ленина без пятнадцати минут 10 — время, когда начинается празднование.

Трибуна была уже почти заполнена. Весь персонал ОГПУ был мобилизован по этому случаю, их сотрудникам предписывалось одеться в гражданскую одежду, чтобы они выглядели как «наблюдатели» парада.
376

Они находились здесь с 6 часов утра и занимали все свободные ряды. Позади и впереди каждого ряда правительственных служащих и гостей выстроились ряды сотрудников и сотрудниц ОГПУ. Таковы были чрезвычайные меры для обеспечения безопасности Сталина.

Несколько минут спустя после того как я расположился на трибуне, знакомый, стоявший рядом со мной, подтолкнул меня локтем и прошептал: «Вот идет Тухачевский».

Маршал шел через площадь. Он был один. Его руки были в карманах. Странно было видеть генерала, профессионального военного, который шел, держа руки в карманах. Можно ли прочесть мысли человека, который непринужденно шел в солнечный майский день, зная, что он обречен? Он на мгновение остановился, оглядел Красную площадь, наполненную толпами людей, платформами и знаменами, и проследовал к фасаду Мавзолея Ленина — традиционному месту, где находились генералы Красной Армии во время майских парадов.

Он был первым из прибывших сюда. Он занял место и продолжал стоять, держа руки в карманах. Несколько минут спустя подошел маршал Егоров. Он не отдал чести маршалу Тухачевскому и не взглянул на него, но занял место за ним, как если бы он был один. Еще через некоторое время подошел заместитель наркома Гамарник. Он также не отдал чести ни одному из командиров, но занял место в ряду, как будто бы он никого не видит.

Вскоре ряд был заполнен. Я смотрел на этих людей, которых знал как честных и преданных слуг революции и Советского правительства. Несомненно, они знали о своей судьбе. Каждый старался не иметь никакого дела с другим. Каждый знал, что он узник, обреченный на смерть, которая отсрочена благодаря милости деспотичного хозяина, и наслаждался тем немногим, что у него еще оставалось: солнечным днем и свободой, которую толпы людей и иностранные гости и делегаты ошибочно принимали за истинную свободу.

Политические лидеры правительства во главе со Сталиным стояли на ровной площадке на вершине Мавзолея. Военный парад начался.

Обычно генералы оставались на своих местах во время демонстрации трудящихся, которая следовала за военным парадом. Но на этот раз Тухачевский не остался. В перерыве между двумя парадами маршал вышел из ряда. Он все еще держал руки в карманах, шагая по опустевшему проезду прочь с Красной площади, и скоро скрылся из виду».

«Записки» Кривицкого имеют выдающуюся ценность, так как он работал в военной разведке, близко знал Тухачевского и его сотрудников, а также самого Ежова и его окружение. Каждая фраза из «Записок» подлежит поэтому тщательному анализу.

Приводимый выше многозначительный и странный эпизод допускает лишь одно толкование: на 1 Мая 1937 г. планировался военный переворот, к которому

оппозиция приготовила свои силы. Тухачевский должен был лично произвести покушение на Сталина прямо на трибу-
377
не Мавзолея. Именно поэтому он и держал руки в карманах, где и лежало по заряженному пистолету со спущенными предохранителями.

Противная сторона все это знала — от своих тайных осведомителей. Ежов и Ворошилов приняли все меры предосторожности. Поэтому покушение сорвалось и выступление пришлось отменить, так как без предварительного «устранения» Сталина и Ворошилова шансы на успех считались ничтожными.

Оппозиция не могла больше откладывать с попыткой переворота (в сущности, эта была последняя возможность!). Кривицкий прямо говорит:

«В эти дни (после смещения Тухачевского с поста зам. наркома обороны. — *В.Л.)* последовал такой поток арестов и расстрелов людей, с которыми я был связан всю жизнь, что казалось, будто крыша трещит над Россией и все здание Советского государства рушится вокруг меня.

У меня еще не было разрешения на отъезд, и я действовал, решив, что его не выдадут. Я послал телеграмму жене в Гаагу, чтобы она подготовилась к возвращению в Москву с ребенком.

И вдруг мне неожиданно сообщили, что мой паспорт готов и я могу приступить к исполнению своих обязанностей за границей, причем немедленно.

Нечто похожее на панику охватило всех командиров Красной Армии. В последние дни перед моим отъездом из Москвы общая тревога достигла небывалого накала. Каждый час доходили до меня известия о новых арестах.

Я пошел прямо к Михаилу Фриновскому, заместителю наркома ОГПУ, который вместе с Ежовым проводил великую чистку по приказу Сталина.

— Скажите, что происходит? Что происходит в стране? — добивался я от Фриновского. — Я не могу выполнять свою работу, не зная, что все это значит. Что я скажу своим товарищам за границей?

— Это заговор,— ответил Фриновский. — Мы как раз раскрыли гигантский заговор в армии, такого заговора история еще никогда не знала. Но мы все возьмем под свой контроль, мы их всех возьмем. Нам теперь стало известно о заговоре с целью убийства самого Николая Ивановича (Ежова).

Фриновский не привел доказательств существования заговора, так «неожиданно» раскрытого ОГПУ. Но в коридорах Лубянки я столкнулся с Фурмановым, начальником отдела контрразведки, действующего за границей среди белоэмигрантов.

— Скажи, тех двоих первоклассных людей это ты послал к нам? — спросил он.

Я не понял, о чем речь, и спросил:

— Каких людей?

— Ты знаешь, немецких офицеров, — ответил он и начал шуткой укорять меня за упорство, с которым я не желал отпускать моих аген-
378
тов в его распоряжение. Это дело полностью выскользнуло у меня из памяти. Я спросил у Фурманова, как ему удалось узнать обо всем этом.

— Так это было наше дело,— с гордостью ответил Фурманов.

Я знал, что Фурманов в ОГПУ отвечал за антисоветские организации за рубежом, такие, как Международная федерация ветеранов царской армии, во главе которой стоял живший в Париже генерал Миллер. Из его слов я понял, что двое моих агентов были направлены на связь с русскими белоэмигрантскими группами во Франции. Я вспомнил, что Слуцкий назвал это делом величайшей

важности. Фурманов теперь дал мне понять, что существовал реальный заговор, послуживший мотивом чистки Красной Армии. Но до меня это тогда не дошло.

Я выехал из Москвы вечером 22 мая. Это было похоже на бегство из города в разгар землетрясения. Маршала Тухачевского арестовали. В ОГПУ ходили упорные слухи о том, что Гамарника тоже арестовали, хотя «Правда» дала сообщение о том, что он избран в состав Московского комитета партии, что делалось только с ведома и одобрения самого Сталина. Я вскоре смог разобраться в этих противоречивых фактах. Сталин загнал в угол Гамарника, одновременно предложив ему в последнюю минуту передышку при условии, что он согласится на то, что его имя будет использовано для уничтожения Тухачевского. Гамарник отверг это предложение.

В конце месяца я прибыл в Гаагу. Официальный бюллетень из советской столицы оповещал мир о том, что заместитель военного наркома Гамарник покончил жизнь самоубийством в ходе расследования. Позже я узнал, что Гамарник не покончил жизнь самоубийством, а был убит в тюрьме людьми Сталина»[308].

Итак, для самой оппозиции не было никакой «внезапности» в нападении на нее Сталина и Ежова: о том, что произойдет грандиозное столкновение, говорила уже вся Москва! Следовательно, «невинная» оппозиция, если дорожила своей головой, должна была в свою очередь приготовиться к контратаке! Ждать иного поведения со стороны людей, прошедших через Гражданскую войну, в которой они командовали дивизиями, армиями, фронтами, было бы более чем странно! Но приготовить такую контратаку, в свою очередь, можно было лишь: 1) при наличии нелегальной организации; 2) длительной заговорщической работе в течение ряда лет.

* * *

Вот еще один эпизод, в высшей степени показательный. Рассказывает Александр Семенович Чуянов (1905—1977, чл. партии с 1925). Он был в 1938—1946 гг. первым секретарем Сталинградского обкома и горкома ВКП(б), кандидатом в члены ЦК ВКП(б) (1939—1952), во время Великой Отечественной войны (1941—1943) — председателем городского Комитета обороны, а затем — членом Военного совета трех фронтов
379
(Сталинградского, Донского, Южного). Чуянов — автор интересных мемуаров «На стремнине века. Записки секретаря обкома» (1977). Вот он-то в своем дневнике (редкая штука для людей подобного рода!) 22 июня 1941 г. делает поразительную запись:

«Оставшись один, достаю из несгораемого шкафа солидный пакет с надписью: «Вскрыть при объявлении войны». Пакет мне достался «по наследству» от моего предшественника — Петра Смородина, который, по всей видимости, к нему не прикасался. Содержание пакета приводит меня в изумление. В нем, за пятью сургучными печатями, нахожу элементарное наставление, называемое мобилизационным планом, за давностью устаревшим, и подробную инструкцию о том, как проводить агитационную работу на призывных пунктах.

Конечно, это чья-то оплошность» (?) (А.С. Чуянов. Сталинградский дневник. Волгоград, 1979, с. 8.)

Чтобы понять значимость данного отрывка, следует напомнить: Петр Иванович Смородин (1897—1939, чл. партии с 1917) — с 1928 г. занимал посты первого секретаря ряда райкомов партии в Ленинграде, в 1937 г. он — второй секретарь Ленинградского обкома партии, а с августа 1937 г. — первый секретарь Сталинградского обкома партии, делегат XVI—XVII съездов партии, где избирался кандидатом в члены ЦК партии. В июне 1937 г. арестован как участник

заговора, 25 февраля 1938 г. расстрелян. Разумеется, Хрущев — без всяких доказательств и публикаций судебных и следственных материалов — реабилитировал его и объявил «невиновным» (1956). Такое решение — сплошная махинация! Ленинград являлся центром антисталинской оппозиции (зиновьевской и троцкистской). Партийные, комсомольские, газетные и прочие работники подбирались строго по фракционному признаку. Особое внимание обращалось на: 1) верность; 2) храбрость; 3) решительность. Их приходилось долго доказывать на деле. Одним красивым обещаниям здесь не верил никто. Смородин явно принадлежал к фракции «правых», участвовал в «деле» Тухачевского. Ему предстояло сыграть при нападении на сторонников Сталина (после смерти его и переворота в Москве!) очень видную роль. Он и его соратники, тщательно законспирированные, были, как питерцы, людьми серьезными. Поэтому трудно поверить, чтобы Смородин, готовясь принять участие в перевороте, стал держать в своем сейфе шутовской план («Элементарное наставление», по словам Чуянова).

Нет, до его ареста в июне 1937 г. там находился план настоящий, где все подробно было расписано: как и в каком порядке отнимать власть у сторонников Сталина.

Но когда заговор Тухачевского рухнул, настоящий план он тут же изъял из сейфа, уничтожил его или куда-то припрятал. А вместо него положил в сейф «филькину грамоту» — «план», изготовленный наспех, за один день, глупость которого так и бросалась в глаза. Чуянов, так как он являлся лицом такого же ранга, хорошо знал, что подобного рода

планы (да еще в Сталинграде, с его танковым заводом, а не где-то в провинции!) так не составляются.

Наличие этого смехотворного «плана» в сейфе Смородина, первого секретаря обкома, говорит в высшей степени против него и подтверждает наличие заговора Тухачевского, в котором принимали участие многие партийные и профсоюзные работники, работники НКВД и т.д.

ГЛАВА 17. УЖАСНОЕ ЗАСЕДАНИЕ ВОЕННОГО СОВЕТА ПРИ НАРКОМЕ ОБОРОНЫ (1—4 ИЮНЯ 1937 Г.)

Я ответил, что НИКАКОЙ КОНТРЫ У НАС НЕТ.
Эдвард Герек[309]

Чрезвычайные события, связанные с опасным заговором, раскрытым НКВД, разворотили весь Наркомат обороны, словно муравейник. К открытию заседания было уже арестовано до 400 человек военачальников, 20 человек из 108, входивших в настоящий Военный совет.

В связи со сложностью ситуации заседание было объявлено расширенным и на него пригласили дополнительно 116 военных работников — с мест и из центрального аппарата. До начала работы всем участникам роздали копии протоколов с показаниями Тухачевского, Якира, Уборевича и их арестованных единомышленников. Показания были таковы, что волосы становились на голове дыбом.

Положение самого наркома перед началом работы выглядело очень затруднительным и двусмысленным: в течение многих лет он всегда стойко защищал людей своего ведомства и особым приказом от 3 февраля 1935 г. установил такой порядок, что арест лиц начальствующего состава (от командира взвода и выше!) дозволялся только с разрешения наркома обороны или его

первого заместителя. (Расправа. С. 45.) Много раз имел он разные стычки с Троцким, обвинявшим его в выращивании «бонапартиков». Много раз, защищая своих людей, имел неприятные разговоры с ОГПУ—НКВД.

Еще на февральско-мартовском пленуме ЦК партии в 1937 г. Ворошилов заявлял, что нет оснований для тревоги. «К настоящему моменту, — говорил он, — армия представляет собой боеспособную, верную партии и государству вооруженную силу, отбор в армию исключительный. Нам страна дает самых лучших людей». (Известия ЦК КПСС. 1989, № 4, с. 45.) И, заявляя так, он собирался отстаивать своих людей вместе с Гамарником! За такую линию на него обрушились Молотов и Каганович. И в своем заключительном слове на пленуме Молотов заявил:

381

«Если у нас во всех отраслях хозяйства есть вредители[310], можем ли мы себе представить, что только там нет вредителей? Это было бы нелепо. Военное ведомство — очень большое дело, проверяться его работа будет не сейчас, а несколько позже, и проверяться будет очень крепко». (Там же, с. 45.)

Наконец, сопротивление наркома тоже было сломлено. Он оказался просто подавлен множеством признательных показаний арестованных командиров всех степеней, которые регулярно присылались ему, оказался не в силах опровергнуть их.

Он сам признался позже, на февральско-мартовском пленуме ЦК партии, в трагичности своего положения: «Частенько бывают у меня разговоры с «органами» т. Ежова в отношении отдельных лиц, подлежащих изгнанию из Красной Армии. Иной раз приходится отстаивать отдельных лиц. Правда, сейчас можно попасть в очень неприятную историю: отстаиваешь человека, будучи уверен, что он честный, а потом оказывается, он самый доподлинный враг, фашист». (Расправа. С. 46.)

28 мая 1937 г. руководство НКВД вручило Ворошилову список 26 командиров Артуправления РККА, на которых имелись показания, как на участников заговора, с приложением в виде протоколов показаний. Это было мучительное чтение.

На этом списке Ворошилов с зубовным скрежетом наложил резолюцию: «Тов. Ежову. Берите всех подлецов. 28.V.1937 года. К. Ворошилов». (Там же, с. 58.) Ясно было, что НКВД на этом не остановится.

Показания Тухачевского, Якира, Уборевича и других ведущих работников наркомата Ворошилова совершенно сокрушили. Теперь и он ничего уже не мог сделать, даже если бы и хотел.

На расширенном заседании Военного совета, с участием членов правительства и членов Политбюро, ему пришлось выступить с докладом «О раскрытом органами НКВД контрреволюционном заговоре в РККА». Вся группа Тухачевского характеризовалась как «фашистская организация». Ворошилов приводил разные факты ее коварной деятельности, пускался в разного рода воспоминания. О своем собственном «ротозействе» нарком отозвался так: «Я, как Народный Комиссар, откровенно должен сказать, что не только не замечал подлых предателей, но даже когда некоторых из них (Горбачева[311], Фельдмана и др.) уже начали разоблачать, я не хотел верить, что эти люди, как казалось, безукоризненно работавшие, способны были на столь чудовищные преступления. Моя вина в этом огромна. Но я не могу отметить ни одного случая предупредительного сигнала и с вашей стороны, товарищи. Повторяю, никто и ни разу не сигнализировал мне или ЦК партии о том, что в РККА существуют контрреволюционные конспираторы». (Там же, с. 53.)

На другой день (2 июня) на Военном совете выступал и Сталин. С вполне понятной злобой и гневом он обрушился на заговорщиков. В своей речи он опирался на многолетнее знание этих людей, протоколы
382
допросов и очные ставки, в которых лично участвовал. О заговорщиках генсек сказал так:

«Это военно-политический заговор. Это собственноручное сочинение германского рейхсвера. Я думаю, эти люди являются марионетками и куклами в руках рейхсвера. Это агентура, руководящее ядро военно-политического заговора в СССР, состоящее из 10 патентованных шпиков и 3 патентованных подстрекателей шпионов. Это агентура германского рейхсвера. Вот основное. Заговор этот имеет, стало быть, не столько внутреннюю почву, сколько внешние условия, не столько политику по внутренней линии в нашей стране, сколько политику германского рейхсвера. Хотели из СССР сделать вторую Испанию и нашли себе и завербовали шпиков, орудовавших в этом деле. Вот обстановка». (Там же, с. 54.)

Сталин перечислил руководителей заговора: по политической части — Л.Д. Троцкий, А.И. Рыков, Н.И. Бухарин, Я.Э. Рудзутак, Л.М. Карахан, А.С. Енукидзе, Г.Г. Ягода, по военной — М.Н. Тухачевский, И.Э. Якир, И.П. Уборевич, А.И. Корк, Р.П. Эйдеман, Я.Б. Гамарник. (Там же, с. 53.)

С особой ненавистью партийный глава обрушился на Тухачевского, очень скомпрометированного показаниями и разными документами: «Он оперативный план наш, оперативный план — наше святое святых передал немецкому рейхсверу. Имел свидание с представителями немецкого рейхсвера. Шпион? Шпион».

Не давалось пощады и прочим: «Якир — систематически информировал немецкий штаб. Уборевич — не только с друзьями, с товарищами, но он отдельно сам лично информировал. Карахан (посол СССР в Турции. — *В.Л.)* — немецкий шпион, Эйдеман — немецкий шпион, Корк информировал немецкий штаб, начиная с того времени, когда он был у них военным атташе в Германии». (Там же, с. 53.)

Сталин коснулся также того вопроса, как некоторые лица оказались завербованными. Он уверял, что Рудзутак, Енукидзе, Карахан оказались завербованы немецкой разведчицей-датчанкой Жозефиной Гензи (Енсен). Она же «помогла завербовать Тухачевского».

Ныне все эти утверждения материалами «проверок» (естественно, «право»-троцкистских) категорически отметаются, как ложные. Однако никаких доказательств не дается. Больше того, на предложение подробно рассказать о деятельности Жозефины Гензи ответом является трусливое молчание! Это, конечно, очень показательно! Там, где нет никаких махинаций, карты выкладывают на стол!

Нет, не так-то все глупо в том, что говорит Сталин! Во все века военачальников подкупали и вербовали! И для этого короли и разведки имели достаточно золота и красивых женщин, подобных знаменитой Мата Хари![312]

Участники Военного совета не могли молчать и отсиживаться. Один за другим ведущие работники наркомата выходили на трибуну и обру-
383
шивали брань и проклятия на головы заговорщиков. Легко догадаться, что они при этом чувствовали: смесь страха и подозрений — и против Сталина, и против Ежова, и против личных врагов

Очень скоро была внесена ясность: из 42 выступавших 34 были арестованы.

Масштабы арестов быстро нарастали[313]. Кто из выступавших остался на свободе?

Всего 8 человек: Ворошилов (1881—1969), Буденный (1883—1973), Шапошников (1882—1945), Тимошенко (1895—1970), Апанасенко (1890— 1943), Городовиков (1879—1960), Кулик (1890-1950), Мерецков (1897— 1968). Все они яростно боролись на стороне Сталина и оказали ему много услуг. Противная сторона делала все, чтобы вывести их из строя, и относительно Мерецкова на время это удалось.

Однако через некоторое время он был реабилитирован, продолжил успешный подъем по ступеням военной карьеры (командовал армией, занимал пост начальника Генштаба, командовал фронтом). Прожив 71 год, Мерецков за свои заслуги получил звание Героя Советского Союза (при Сталине!) и Маршала Советского Союза (1944), удостоился 7 (!) орденов Ленина, ордена Победы, ордена Октябрьской Революции, 4 орденов Красного Знамени, 2 орденов Суворова, ордена Кутузова, имел ордена и медали иностранных государств. С величайшим почетом был погребен у Кремлевской стены на Красной площади. Оставил мемуары: «На службе народу. Страницы воспоминаний». (М., 1969.)

Ворошилов в меру своих возможностей отругивался и, не стесняясь в выражениях, поносил арестованных. О том, какова была его стилистика в это время, можно судить по его приказу от 12 июня 1937 г.:

«Советский суд уже не раз заслуженно карал выявленных из троцкистско-зиновьевских шаек террористов, шпионов и убийц, творивших свое предательское дело на деньги иностранных разведок, под командой озверелого фашиста, изменника и предателя рабочих и крестьян, Троцкого. В свое время Верховный Суд вынес свой беспощадный приговор бандитам из шайки Зиновьева, Каменева, Троцкого, Пятакова, Смирнова и др.

Однако список контрреволюционных заговорщиков, шпионов и диверсантов, как теперь оказалось, не был исчерпан осужденными тогда преступниками. Многие из них, притаившись под маской честных людей, оставались на свободе и продолжали творить свое черное дело измены и предательства. Эти предатели хорошо знали, что они не могут найти поддержки среди рабочих и крестьян, среди бойцов Рабоче-Крестьянской Красной Армии, и поэтому работали обманом, скрывались от народа и красноармейцев, боясь открыть подлинное свое лицо.

Эти враги народа пойманы с поличным. Под тяжестью неопровержимых фактов они сознались в своем предательстве, вредительстве и шпионаже. .

384

Враги просчитались. Не дождаться им поражения Красной Армии. Красная Армия была и остается непобедимой. Мировой фашизм и на этот раз узнает, что его верные агенты гамарники и тухачевские, якиры и уборевичи и прочая предательская падаль, лакейски служившая капитализму, стерты с лица земли, и память о них будет проклята и забыта». («Красная Звезда». 14 июня 1937, с. 1.)

Не следует так уж поражаться этой фразеологии. Она была, во-первых, в духе времени, во-вторых, ее породили чрезвычайные обстоятельства.

Да и откуда было браться хорошим нравам?! Все отношения в стране и партии при Сталине выросли из предыдущей эпохи — эпохи мировой и Гражданской войн, со страшной экономической разрухой, голодом, эпидемиями, вшами, отсутствием топлива, разграблением помещичьих имений, разрушением трудовой дисциплины, анархией, всеобщим озверением и безработицей, когда главным аргументом во всех спорах были маузер и отборная матерная брань, да еще ссылки на царя-батюшку или на Ленина с Троцким.

* * *

Только в последнее время, под влиянием требований выдать документы, так как «реабилитации» Хрущева очень у многих не вызывают доверия, стало появляться кое-что, и по части документов, и по части воспоминаний.

Несколько страниц воспоминаний генерал-лейтенанта в отставке К. Полищука принадлежат к числу интереснейших и ценнейших, хотя они и окрашены политическим настроем вполне своеобразным. Дело в том, что автор стоит на позициях антисталинизма — «правого» или троцкистского, надо думать, плана.

Фигура автора очень колоритна! И жаль, очень жаль, что он не выпустил книги своих мемуаров, которые мог бы, конечно, как Хрущев, продиктовать. К. Полищук дожил до самого преклонного возраста (в 1990 г. ему было 93 года!). Родом из крестьян. Член партии с 1916 г. Участник Гражданской войны. В 1937 г. — начальник и комиссар Электротехнической академии РККА, позже именовавшейся Военной академией связи. (Следовательно, высшим шефом для него по должности являлся нарком связи А. Рыков!) В 1937 г. среди многих прочих «сел» и находился в заключении по 1943 год. Потом был выпущен, работал в закрытом авиационном КБ и многие годы преподавал.

Необходимо дать эту маленькую справку, чтобы понять, каким образом автор мог очутиться на закрытом заседании РВС СССР, где разбирались важнейшие вопросы, и каково было там его собственное положение.

А теперь приведем наиболее важные фрагменты воспоминаний, опустив лишь второстепенные детали, не имеющие для нашей темы

большого значения. Сначала, в порядке реминисценции, Полищук вспоминает о процессе Промпартии (Рамзин) и троцкистского Центра (1937). И делает при этом следующее злобное и голословное замечание: «При этом не было засвидетельствовано ни одного конкретного случая вредительства. Процессы носили явно театральный характер с игрой на публику, на возбуждение кровавых эмоций. Они достигали своих целей». (Заседание РВС 1—3 июня 1937 года. Свидетельство очевидца. — «Знание-сила». 1990, № 5, с. 27.)

Подготовив таким образом читателя, Полищук переходит к Тухачевскому и его коллегам, к рассказу о роковом заседании РВС. Он не скрывает, что накануне заседания в Академии, которой он руководил, шла бешеная борьба: слушатели и преподаватели писали друг на друга заявления, изобличая фракционных и личных недругов в предательских делах.

«Одно за другим шли партсобрания, на которых рассматривались дела об исключении из партии либо тех, над которыми висел меч, либо тех, на которых он уже опустился. В последних случаях парторганизации сообщалось, что такой-то изобличен как враг народа и арестован, следовало единогласное решение об исключении.

Все наши частные события шли на фоне громких всенародных процессов «троцкистских блоков», сначала Каменева—Зиновьева, а затем Пятакова—Радека». (С. 28.)

Здание РВС, где происходили всегда совещания, находилось на ул. Фрунзе. Сюда в день рокового заседания предварительно собрали его участников — командующих войсками, начальников центральных управлений и академий, избранных командиров соединений. Все они брали разложенные на столах сотрудниками секретариата Ворошилова Смородиновым, Хмельницким и Штерном протоколы следственных показаний Тухачевского и его товарищей, отпечатанные на машинках и подписанные обвиняемыми, и начинали читать их. Протоколы представляли собой краткое извлечение и строились в виде ответов на вопросы: 1) Какова цель преступного заговора, в котором вы участвовали? 2) Кто

вас завербовал, при каких обстоятельствах? 3) Какие преступные задания вы выполняли? 4) Какие шпионские сведения передавали иностранной разведке, сколько денег получили за это? 5) Кого сами завербовали, при каких обстоятельствах?

Ответы следовали краткие и стереотипные. Тухачевский, в частности, показывал, что передавал фашистской разведке чертежи и документацию новых образцов танков, самолетов, ракетного оружия и другой техники и направлял конструкторские исследования на заведомо бесперспективный путь. Фельдман указывал, что его вербовали трижды: сначала в Германии, затем в троцкистскую организацию — Гамарник и в военную — Тухачевский, что он среди многих завербовал своего бывшего заместителя Тодорского, ныне начальника Управления академий, и заместителя командующего войск Ленинградского военного округа

386

Гарькавого, что он передавал немецкой разведке данные о командных кадрах РККА, передавал мобилизационные планы и занимался саботажнической работой по части организации частей и соединений. Уборевич заявил, что его завербовали дважды: сначала Тухачевский, затем — немецкая разведка во время пребывания в Германии, что он за деньги продавал сведения о положении в собственном округе, намеренно плохо обучал войска, создавал неэффективный укрепленный район на границе, составил план сдачи округа врагу при начале военных действий, что он завербовал многих подчиненных, в том числе и бывшего начальника своего штаба К. Мерецкова, только что вернувшегося из Испании. Эти протоколы повергали в шок!

«Всегда бодрый, доброжелательный, общительный Тодорский был смертельно бледен, неподвижен и безмолвен. Ни он, ни кто-нибудь из его друзей не сказал ни слова. (Разве так ведут себя невиновные люди? — *В.Л.)* Все угрюмо молчали, старались не глядеть друг на друга. Обстановка могильная». (С. 29.)

С таким настроением все отправились на заседание в Кремль. Заседали в Свердловском зале ВЦИК СССР. Всего собралось не более 100 человек — генеральские и адмиральские верхи, политические и технические руководители, члены Политбюро.

На улице повсюду охрана из войск НКВД.

«Все сидят в рядах амфитеатра отчужденно, подавленно. Нет обычных шуток и каких-либо разговоров. Организаторы заседания тихо ходят по ковровым дорожкам и разговаривают между собой шепотом». (С. 29.)

В президиуме сидят Сталин, Ворошилов, Калинин, Молотов, Жданов, Каганович, Ежов, Буденный, Блюхер. За боковыми столами — Смородинов, Хмельницкий, Штерн и другие сотрудники, близкие к Ворошилову, руководящие работники НКВД, секретари ЦК партии.

«Все в президиуме выглядели очень озабоченно, даже угрюмо, если не считать Ежова. Маленького роста, почти карлик, с квадратной головою, похожий на Квазимодо из «Собора Парижской богоматери»: он был суетлив, улыбчив и о чем-то перешептывался с сопровождавшими его генералами НКВД. Он победно оглядывал президиум и зал. Сталин в своем привычном френче, в сапогах и брюках навыпуск выглядел постаревшим с тех пор, как я видел его на заседании РВС в декабре 1936 г. в Доме Красной Армии. Он тоже не показывал признаков угнетенности, наоборот, имел уверенный, даже веселый вид. Он с заинтересованностью оглядывал зал, искал знакомые лица и останавливал на некоторых продолжительный взгляд. Что касается Ворошилова, то на нем, что называется, лица не было. Казалось, он стал ростом меньше, поседел еще больше, появились морщины, а голос, обычно глуховатый, стал совсем хриплым.

Буденный с пышными усами носил, как всегда, благожелательную улыбку, а Блюхер был сверхозабочен, тревога сквозила во всех его движениях. Маршала Егорова в зале не было.
387

Приглашенные разместились главным образом в передних рядах, прямо перед президиумом. Правда, первый ряд был пуст, его занимать избегали». (С. 30.)

Первым выступал Ворошилов. Он посвятил свою речь группе заговорщиков и собственному «ротозейству» и доблестным органам НКВД, сумевшим вскрыть тайное гнездо заговорщиков. Он призвал всех разоблачить преступников, других соучастников заговора, беспощадно уничтожить их и восстановить сильно поколебленную обороноспособность страны.

Затем начались выступления участников совещания: Дыбенко (а он только что виделся с Тухачевским в Куйбышеве!), маршала Блюхера, друга Гамарника, адмирала Орлова, Кучинского, бывшего начальника штаба Якира, Алксниса, тоже друга Гамарника, Осепяна, еще одного друга Гамарника, Кулика, будущего маршала, знаменитого кавалериста Городовикова, Мерецкова.

Все проклинали заговорщиков и требовали для них беспощадной кары. Они выражали свое возмущение коварством их преступной деятельности и заверяли в своей преданности партии и лично Сталину. Тодорский на первом заседании не выступал, а на второе и третье уже не явился».

«При всяком выступлении (они происходили с мест, без выхода на трибуну) Сталин внимательно слушал оратора, пристально смотрел на выступавшего, изредка попыхивая трубкой, а иногда вставал и прохаживался возле стола. Никаких бумаг перед ним не было, и я не замечал, чтобы он записывал что-либо. Реплики он давал редко. Замечания его были краткими. Так, во время выступления Мерецкова, когда тот клялся, что он ни в чем не виноват, Сталин сказал: «Это мы проверим», а на его заявление доказать на любой работе преданность Родине, Сталин сказал: «Посмотрим». Все время заседаний Сталина не покидала уверенность, приподнятое настроение и даже ироничная усмешка.

Молотов, Калинин, Каганович все заседание сидели молча, с сосредоточенным видом, тоже внимательно слушали и изредка о чем-то переговаривались между собой. Ежов, напротив, вел себя очень оживленно, он то и дело вскакивал со своего места. Уходил куда-то, потом снова появлялся в проходе, приближался к Сталину, шептал что-то ему на ухо, опять вскакивал и надолго исчезал из поля зрения. На лице его была квазимодовская усмешка и желание показать энергию и смелость действий. Иногда, выходя из зала, он забирал и всю команду своих помощников, которые плотно толпились у входа в зал; через час-полтора все вновь появлялись в зале, а Ежов снова шептался со Сталиным». (С. 31.)

В ходе первого дня заседания, прямо во время перерыва, люди Ежова хватали того или иного, на кого у них имелись компрометирующие материалы, и отправляли его на Лубянку.
388

«Все мы понимали, что происходит, в кулуарах фамилии исчезнувших шепотом прокатывались волнами, но в зале все молчали, с ужасом ожидая, кто следующий».

«Все, как кролики, смотрели на Сталина и Ежова, все наэлектризованно следили за движениями Ежова и его помощников, толпившихся у входа, все следили за перешептываниями Ежова со Сталиным, все думали: «Пронеси, Господи!» Над всеми царил дух обреченности, покорности и ожидания». (С. 31.)

«За первый день с покаяниями разного рода и заверениями в своей преданности выступили все самые знаменитые военачальники. Можно было бы заседание закрывать. И тут по залу пронеслись шум и оживление».

«В зал в очередной раз вбежал Ежов с кипой каких-то бумажек. Он подошел к Сталину, дал ему две бумажки, пошептался с ним, а затем с остальными бумажками подошел к входу в зал, к толпе своих помощников, которые удовлетворенно переговаривались друг с другом. Ежов передал своим агентам бумажки, и они начали разносить эти бумажки по рядам заседающих военачальников и давали каждому по две бумажки. Получил и я также две бумажки в пол-листа. Это оказались заявления Бухарина и Рыкова. Они были напечатаны на машинке и имели следующее содержание. Я помню их дословно. Вот они:

«Народному комиссару внутренних дел Н.И. Ежову

Ник Ив. Бухарина.

Заявление

Настоящим заявляю, что я готов давать показания о своей контрреволюционной деятельности.

Н. Бухарин, 1 июня 1937, Москва, Внутренняя тюрьма НКВД». (С. 31.)

То же — и от А.И. Рыкова.

Возбужденный и смеющийся Ежов торжествовал победу своих пыточных мастеров». (С. 31.)

Участники совещания вышли на улицу в состоянии совершенной прострации, не веря самим себе. Никто не подвергал сомнению то, что слышал[314].

«Откуда такая слепота? Если хоть чуть-чуть критически отнестись к протоколам, то «липа» обнаруживается просто блистательно.

Все читавшие эти протоколы были слепые люди, они потеряли остроту зрения до 1937 г., они были изувечены культом личности, они не хотели думать, критиковать, анализировать. Они верили. И почти всем им пришлось вскоре подписывать такие же липовые собственные показания и идти на плаху.

Несмотря на грубость, невежество и очевидность обмана, постановка Ежовым спектакля военного заговора заворожила «стреляных воробьев» революционной борьбы и гражданской войны и опытных полемистов во внутрипартийных дискуссиях и оппозиции. Как кролики, они смотрели в змеиные очи великого вождя и смиренно ждали, когда их

389

схватят и проглотят. Иначе, чем массовым обалдением, это состояние не назовешь». (С. 31—32.)

«В таком же духе прошел и второй день заседания. Над всеми царил дух обреченности, покорности и ожидания. В общем, из Свердловского зала после двух дней заседаний своим ходом вышло меньше половины высших военачальников Красной Армии, а другая половина под охраной ежовской команды оказалась уже на Лубянке». (С. 31.)

«Вернувшись в Ленинград, в академию, я ощущал полную опустошенность; дни за днями шли слухи, что новые и новые мои руководители и товарищи исчезают в неизвестности».

10 мая и сам К. Полищук тоже оказался арестован. Его заключили в ленинградскую тюрьму «Кресты». Начался для него собственный долгий путь хождения по мукам.

Таковы эти интересные воспоминания, имеющие большие достоинства: яркое изображение Сталина и его товарищей, колоритная передача духа времени, множество конкретных ценных деталей, определяющих ситуацию. Вместе с тем

явственно видны недостатки. Автор несомненно грешит против психологии и фактов истории. Отметим эти моменты:

1. Смешно слышать, что во времена Сталина «не было конкретных случаев вредительства», что они-де не были «засвидетельствованы»! А кто их, собственно, должен «засвидетельствовать?! Сам диверсант, явившись для этого к нотариусу или в редакцию какой-то газеты? Но такого еще ни в одной стране мира не водилось, если не говорить о немецких разведчиках после Второй мировой войны, которую Германия проиграла, да еще о высокопоставленных предателях в СССР, разваливших страну! И потом, из чего это следует, что актов вредительства принципиально не было? Что же, прекратилась классовая борьба? Империализм стал ручным? Возлюбил вдруг коммунистов, своих заклятых врагов? Решил помогать им строить социализм? Распустил армии и разведки? Как будто нет! Вся история с 1917 г. (включая день сегодняшний) это доказывает! И очень характерно вполне откровенное признание-призыв официальной программы «Русской национал-фашистской революционной партии», созданной в 1933 г. в США беглым деникинским офицером и «графом» А. Вонсяцким: «Помните твердо, братья фашисты! Мы вредили, вредим и будем вредить». (М. Сейерс, А. Кан. Тайная война против Советской России. М., 1947, с. 394.) Эта партия, как и многие другие партии буржуазного профиля, действовала в тесном контакте с немецкой и японской разведкой и снабжала их шпионской информацией, которую собирала в СССР.

Есть и другое возражение. Если все процессы при Сталине являлись «липой», то почему же стенографические отчеты их до сих пор не переизданы?! Ведь каждый тогда сможет прочитать — и сам убедиться в пресловутой «липе». Однако этого почему-то делать не хотят! Но на слово верить никто не обязан!

390

2. Зачем Сталину была нужна «игра на публику»? Для возбуждения «кровавых эмоций»? А зачем нужны последние? Что они могли дать? Если процессы являлись «липовыми», убедить они никого ни в чем не могли! Кроме того, о каких «кровавых эмоциях» могла идти речь, если по процессу «Промпартии» (1930) обвиняемые казнены не были, но получили лишь 10-летние сроки заключения?!

3. Автор сам себе противоречит в попытке представить Сталина «тираном», а военачальников — безобидными барашками. Так, в одном месте он говорит: «Все мы понимали, что происходит». А в другом: в зале собрались «слепые люди», «изувеченные культом личности», которые «не хотели думать, критиковать, анализировать». Кто же в такую сказочку поверит?! Слишком долго шла в партии фракционная борьба, явная и тайная, слишком много тайно читалось оппозиционных материалов (Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина, Рыкова и др.), слишком много существовало тайных оппозиционных кружков (в партии, комсомоле, НКВД, армии), чтобы поверить, что в войсках могли существовать «тишь и гладь, да божья благодать». Не могло такого быть! Особенно при яростном честолюбии людей, зависти, ослеплении, фракционной и личной злобе! Нет, высшие командиры (на уровне начальников округов и их заместителей, комкоры и комдивы, руководящие работники штабов и политорганов) думали, анализировали, обсуждали, критиковали в своем кругу — и Ворошилова, и самого Сталина! И последним они не верили! Полищук отлично это знает! И потому не сообщает, что же он и другие делали после заседаний: где собирались, о чем беседовали, в какие кучки группировались, что предпринимали! И старается создать ложное впечатление, будто высшие командиры «как кролики» (??) смотрели на Сталина «и смиренно ждали, когда их схватят и проглотят». Трудно в такое поверить! Люди, которые в силу профессии привыкли действовать,

бороться с препятствиями, рисковать головой, не могли столь смехотворно вести себя! Тем более что за предыдущие годы начитались оппозиционной литературы! Не могли они также не понимать самой простой вещи: что пока они находятся на свободе и при войске, шансы на спасение еще есть, ибо можно поднять восстание, с надеждой на успех больший, чем была у какого-то Антонова, бывшего начальника милиции (!) на Тамбовщине! А вот если струсят, тогда все, тогда — крышка! Если они это понимали, то тогда обязательно должны были действовать! И, конечно, действовали! Недаром же Блюхер, этот лучший друг Гамарника, «был сверхозабочен, тревога сквозила во всех его движениях»! Имелись, понятно, основания! Как старший по званию среди военных, направлять всю закулисную операцию должен был именно он! Больше некому! Пустить дело на самотек он не мог! Его собственные связи с арестованными грозили эшафотом! Так что выбирать не приходилось! Тем более что в 1930 г., во время коллективизации, он, как считали на Западе, уже пробовал устроить заговор, но тогда из него ничего не получилось. Сталин, однако,
391
не посмел в то время привлечь Блюхера к ответу из-за большой его славы и крайне сложной общей ситуации! (Роман Гуль. Красные маршалы. М., 1990, с. 204—206.)

Не случайно, конечно, Полищук в своих воспоминаниях не цитирует документы, не приводит списка арестованных военачальников, не указывает даже, в каком порядке хватали их и по каким обвинениям. Не случайно и то, что он не желает приобщить подлинные цитаты из показаний Тухачевского, Якира и других арестованных, которые они читали в день заседания Военного совета. Показания эти были очень реалистичными, а вовсе не отличались «грубостью, невежеством и очевидностью обмана». Если бы это было на деле так, уж, конечно, Полищук с удовольствием бы их процитировал! Однако не желает! Разве не ясно, почему?! Боится разоблачения собственных махинаций!

4. Наконец, заслуживает быть отмеченным тот факт, что «диктатор» Сталин вел себя со своими товарищами очень демократично: он никому не затыкал рот и вообще говорил мало («Реплики он давал редко»). Так ли ведут дело, когда занимаются фальсификациями всякого рода?!

Итак, резюме следующее. Для разоблачения лжи и сказок необходимо опубликовать книгу, включающую в себя: 1) полный текст показаний, с которыми знакомились члены Военного совета. 2) стенографический отчет всех заседаний Военного совета, 3) воспоминания чекистов того времени, если кто остался еще жив и на том заседании в составе охраны присутствовал, 4) неопубликованные части воспоминаний Л. Кагановича, как члена Политбюро того времени, 5) показания и объяснения арестованных в те дни командиров, участников Военного совета. Необходимо также включить в этот том приложение из биографий (с тщательно разработанной хронологией и фотографиями).

Вот тогда будет другой разговор! Не лицемерные басни станут распространяться в обществе, а неоспоримые факты! Только на фактах должна строиться подлинная наука! Для выдумок же не должно быть места!

*** * ***

Совещание 1—4 июня создало, конечно, ужасную атмосферу: за кулисами шла неистовая борьба, распространялись нелегальные листовки, велась тайная агитация. Начальственный состав всех рангов находился в панике, солдатская масса — в брожении и колебании.

Западные газетчики и журналисты жадно ловили слухи и посылали в свои газеты и журналы очень красноречивые статьи. 6 июня «Последние Новости» помещают такую заметку под заголовком «События в СССР»:

«Подозрения в шпионаже, поиски вредителей и троцкистов достигли предела. Никто не уверен в своей безопасности. Вредителями оказываются люди, еще недавно бывшие идолами. Только что стало известно
392
о падении Эйдемана. Все его считали председателем «Осоавиахима», неожиданно оказалось, что председателем уже состоит Горшенин. В Москве ходят самые невероятные слухи. Проверить их нет никакой возможности.

По последним слухам, арестованы Крестинский, Карахан, Розенгольц и Тухачевский. Ежедневно объявляются «врагами народа» сотни других, менее видных людей. Сколько произведено арестов, неизвестно, но число их все растет.

Большинство заподозренных людей немедленно лишается работы. Многих выселяют из их квартиры. Как они ухитряются жить, не имея работы, заработка и крова, трудно понять. Некоторым разрешается работать и дальше, но под постоянным и строгим наблюдением» (с. 1).

До какой степени было острым положение, говорит один пикантнейший факт. 7 июня в Москве вдруг распространяется слух, что Сталин имеет намерение в третий раз жениться, что свадебные торжества он наметил на осень. А в жены хочет взять некую Ирину (Себиову?), зав. отделом в Наркомтяжпроме, даму 42-х лет, вдову бывшего красноармейца, умершего в 1922 г. Таким образом, принимая во внимание массовую психологию, Сталин явно хотел понравиться солдатской массе, представляя ей себя, как вполне «своего» («Последние Новости». 08.06.1937, с. 1.)

ГЛАВА 18. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР УЛЬРИХ

Расстрелов никто из нас не пугается.
Мы все —старые революционеры.
Но надо знать, кого,
по какой главе расстреливать.
Когда мы расстреливали,
то твердо знали, по какой главе.
Троцкий

Ныне объявилось большое количество охотников все осуждать, не утруждая себя доказательствами. Особенно яростным осуждениям подвергается сам Ульрих. Один из авторов определяет его так: «Уже давно стяжавший себе известность полным пренебрежением к логике и правосудию». (Г.И. Чернявский. Х.Г. Раковский на судебном фарсе 1938 г. — «Новая и новейшая история». 1990, № 4, с. 84.) Другой автор пишет о нем следующим образом: «Для него не имело значения, признавал ли подсудимый вырванные пытками признания или же, очутившись перед членами Военной коллегии, набирался мужества отмести чудовищные и нелепые обвинения. Финал был один. Когда Г.Г. Ягоду сменил Н.И. Ежов, В.В. Ульрих с обычной легкостью приговорил к расстрелу бывшего
393
Наркома внутренних дел и его ближайших сподвижников. А когда настала очередь Н.И. Ежова и его окружения идти на расстрел, Ульрих скрепил своей подписью и эту санкцию. Создается впечатление, что Ульриху совершенно безразлично, кто именно представал пред судом, — он лишь педантично выполнял сталинскую волю, цинично попирая нравственные и законодательные принципы правосудия.

Ульрих отличался редкой, можно сказать патологической, бессердечностью. Его не трогали ни мольбы, ни жалобы, ни проклятия. Многие жены, родители и

дети репрессированных (среди них было немало людей, хорошо знавших его лично) обращались к нему с просьбами о помощи. Он не отвечал. Закончив свой рабочий день, заключавшийся в штамповании очередной пачки смертных приговоров, Ульрих отправлялся в обжитый гостиничный номер «Метрополя», читал приключенческие книжки или разглядывал коробки с бабочками и насекомыми. Похоже, что и людей он отправлял на гибель с легкостью, с какой накалывал на булавки жуков». (Архипенко В. Василий Ульрих — заплечных дел мастер. — «Агитатор». 1989, № 17, с. 38.)

Что же он представлял собой по биографии, этот любитель коллекции жуков и бабочек, этот «судейский монстр», как его некоторые определяют?

Василий Васильевич Ульрих родился в 1889 г. в Риге, в обеспеченной немецкой семье (отец являлся потомственным почетным гражданином). Мать его была известной писательницей, она оказала значительное влияние на своего сына.

В 1909 г. Ульрих окончил реальное училище, затем Рижский политехнический институт (коммерческое отделение). Участвовал в ученическом и студенческом революционном движении. Партстаж его числился с 1908 г. Работал конторщиком, а неофициально — пропагандистом и в партийной разведке. В империалистическую войну мобилизован солдатом, окончил школу прапорщиков и получил чин подпоручика, работал в разведке. После Октября 1917 г. очутился в системе НКВД-ВЧК на посту заведующего финансовым отделом. В 30 лет (1919 г.) — комиссар штаба войск внутренней охраны. Затем — начальник Особого отдела флота Черного и Азовского морей. В 1922 г. — член суда над полковником Перхуровым, возглавлявшим кровавый мятеж белогвардейцев в Ярославле. Становится членом Военной коллегии Верховного суда СССР. В 1926 г. заменяет на посту председателя старого большевика В.А. Трифонова (1888—1938, чл. партии с 1904), сторонника Троцкого и Зиновьева, отправленного торгпредом в Финляндию. После убийства Кирова (1934) начинается его резкое возвышение. Чуть не ежедневно Ульрих делает Сталину устные и письменные доклады. Он утверждает смертные приговоры тем, кого обвиняли в причастности к террористическим актам. Во всех видных процессах 30-х годов он играет главенствующую роль. В 1948 г. в результате внутренней борьбы и интриг, разойдясь в чем-то с Берией, Ульрих теряет свое положение и его перемещают на

пост начальника курсов усовершенствования (!) при Военно-юридической академии. Он имел большие связи на партийных верхах, ибо его жена Анна Давыдовна Кассель (1892—1974, чл. партии с 1910) работала в секретариате В.И. Ленина. Умер Ульрих очень вовремя — 62-х лет (1951). Он был похоронен с почетом на Новодевичьем кладбище, где лежали герои войны 1812 г. (Денис Давыдов и др.), декабристы, Гоголь, Чехов и прочие уважаемые люди страны. Его смерть была отмечена в газетах. (В.В. Ульрих. Некролог. — «Правда», «Известия», «Красная Звезда». 1951, 10 мая; А. Хорев. Судья Ульрих. История и судьба. — Красная Звезда. 08.04.1989, с. 4.)

От Ульриха не сохранилось, к сожалению, дневников, не публиковались его доклады Сталину или письма. Без этих документов трудно судить об Ульрихе как юристе и человеке[315]. Но все-таки мы можем составить себе о нем достаточно верное представление — по следующему, например, отрывку, взятому из стенографического отчета процесса В.С. Абакумова (1908—1954), соратника Берии, министра государственной безопасности (арестован 12 июля 1951 г.). Этот изумительно интересный отрывок ярко показывает также черты характера самого; Абакумова и то, как в те сложные годы делали карьеры:

ВОПРОС ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР В.В. УЛЬРИХА. Скажите, подсудимый, за что вас двадцать лет назад, в апреле 1934 года, исключили из партии?

АБАКУМОВ. Меня не исключали. Перевели на год в кандидаты партии за политическую малограмотность и аморальное поведение. А потом восстановили.

УЛЬРИХ. Вы стали за год политически грамотным, а поведение ваше — моральным?

АБАКУМОВ. Конечно. Я всегда был и грамотным, и вполне моральным большевиком. Враги и завистники накапали.

УЛЬРИХ. Какую вы занимали должность в это время и в каком состояли звании?

АБАКУМОВ. Об этом все написано в материалах дела.

УЛЬРИХ. Отвечайте на вопросы суда.

АБАКУМОВ. Я был младшим лейтенантом и занимал должность оперуполномоченного в секретно-политическом отделе — СПО ОГПУ.

УЛЬРИХ. Через три года вы уже имели звание старшего майора государственной безопасности, то есть стали генералом и заняли пост начальника Ростовского областного НКВД. С чем было связано такое успешное продвижение по службе?

АБАКУМОВ. Ну и что? Еще через полтора года я уже был наркомом госбезопасности. Ничего удивительного — партия и лично товарищ Сталин оценили мои способности и беззаветную преданность делу ВКП(б).

УЛЬРИХ. Садитесь, подсудимый. *(КОМЕНДАНТУ.)* Пригласите в зал свидетеля Орлова. *(СВИДЕТЕЛЮ.)* Свидетель, вы хорошо знаете подсудимого?
395

ОРЛОВ. Да, это бывший министр государственной безопасности СССР генерал-полковник Абакумов Виктор Семенович. Я знаю его с тридцать второго года, мы служили вместе в СПО ОГПУ оперуполномоченными.

УЛЬРИХ. Что вы можете сказать о нем?

ОРЛОВ. Он был очень хороший парень. Веселый. Женщины его уважали. Виктор всегда ходил с патефоном. «Это мой портфель», — говорил он. В патефоне есть углубление, там у него всегда лежала бутылка водки, батон и уже нарезанная колбаса. Женщины, конечно, от него с ума сходили — сам красивый, музыка своя, танцор отменный, да еще с выпивкой и закуской.

УЛЬРИХ. Прекратить смех в зале! Мешающих судебному заседанию прикажу вывести. Продолжайте, свидетель.

<...> Свидетель Орлов, вы были на партийном собрании, когда Абакумова переводили из членов ВКП(б) в кандидаты? Помните, о чем шла речь?

ОРЛОВ. Конечно, помню. Они с лейтенантом Пашкой Мешиком, бывшим министром госбезопасности Украины, вместе пропили кассу взаимопомощи нашего отдела.

УЛЬРИХ. Наверное, тогда еще Мешик не был министром на Украине?

ОРЛОВ. Ну, конечно, он был наш товарищ, свой брат оперативник. Это они погодя, после Ежова, звезд нахватали.

УЛЬРИХ. А за что Абакумов нахватал, как вы выражаетесь, звезд, вам известно?

ОРЛОВ. Так это всем известно. Он в тридцать восьмом поехал в Ростов с комиссией Кобулова — секретарем. Там при Ежове дел наворотили навалом. Полгорода поубивали. Ну, товарищ Сталин приказал разобраться — может, не все правильно. Вот Берия, новый нарком НКВД, и послал туда своего заместителя Кобулова. А тот взял Абакумова, потому что перед этим выгнал прежнего секретаря, совершенного болвана, который и баб хороших добыть не мог.

УЛЬРИХ. Выражайтесь прилично, свидетель!

ОРЛОВ. Слушаюсь! Так вот, Витька сам ростовчанин, всех хороших это людей на ощупь знает. Ну, приехали они в Ростов вечером, ночью расстреляли начальника областного НКВД, а с утра стали просматривать дела заключенных, тех, конечно, кто еще живой. Мертвых-то не воскресишь. Абакумов тут же разыскал не то какую-то тетку, не то знакомую, старую женщину, в общем, она еще до революции держала публичный дом, а при советской власти по-тихому промышляла сводничеством. Короче, он за сутки с помощью этой дамы собрал в особняк для комиссии все ростовское розовое мясо.

УЛЬРИХ. Выражайтесь яснее, свидетель!

ОРЛОВ. Да куда же яснее! Всех хорошеньких б... мобилизовал, простите за выражение. Выпивку товарищ Абакумов ящиками туда завез, поваров реквизировал из ресторана «Деловой двор», что на Казанской,

ныне улица Фридриха Энгельса. В общем, комиссия неделю крепко трудилась: по три состава девок в сутки меняли. А потом Кобулов решение принял: в данный момент уже не разобрать, кто из арестованных за дело сидит, а кто случайно попал. Да и времени нет. Поэтому поехала комиссия в тюрьму на Багатьяновской, а потом во «внутрянку», построили всех зеков: «На первый-второй — рассчитайсь!» Четных отправили обратно в камеры, нечетных — домой. Пусть знают: есть на свете справедливость!

УЛЬРИХ. А что Абакумов?

ОРЛОВ. Как «что»? Его Кобулов за преданность делу и проворство оставил исполняющим обязанности начальника областного управления НКВД. И произвел из лейтенантов в старшие майоры. А через год Абакумов в Москву вернулся. Уже комиссаром госбезопасности третьего ранга.

УЛЬРИХ. Подсудимый Абакумов, что вы можете сообщить по поводу показаний свидетеля?

АБАКУМОВ. Могу сказать только, что благодаря моим усилиям была спасена от расправы большая группа честных советских граждан, обреченных на смерть в связи с нарушениями социалистической законности кровавой бандой Ежова—Берии. Попрошу внести в протокол. Это во-первых. А во-вторых, все рассказы Орлова Саньки насчет якобы организованного мною бардака являются вымыслом, клеветой на пламенного большевика и беззаветного чекиста! И клевещет он от зависти, потому что его самого, Саньку, в особняк не пускали, а мерз он, осел такой, в наружной охране, как цуцик. И что происходило в помещении во время работы комиссии, знать не может.

УЛЬРИХ. Вопрос свидетелю Орлову. Ваша последняя должность до увольнения из органов госбезопасности и ареста?

ОРЛОВ. Начальник отделения Девятого Главного управления МГБ СССР, старший комиссар охраны.

УЛЬРИХ. Благодарю. Конвой может увести свидетеля.

(Вайнеры А. и Г. Евангелие от палача. М., 2000, с. 253—256.)

Картина очень впечатляющая, она ярко характеризует нравы! Стоит ли поэтому удивляться тому, что в 30-е годы происходило? Всюду старались создать атмосферу круговой поруки. Сломать ее не мог даже Сталин!

*** * ***

Не бойся суда, а бойся неправедного судьи.

Пословица

Конечно, уважаемых подсудимых судил прежде всего глава партии и государства, то есть сам Сталин, хотя формально в число судей он не

входил. Но только ли он один?! А как же, спрашивается, другие члены Политбюро? Куда смотрели Ворошилов, Молотов, Калинин, Жданов, Микоян, Андреев и др.?! Они ведь рассматривали все материалы вместе со Сталиным еще до процесса и много раз говорили с Ежовым! Доклад Ворошилова о заговоре обсуждался на Военном совете в присутствии членов правительства. Рассмотрение шло с 1 по 4 июня 1937 г. И все нашли представленные материалы о заговоре убедительными, и арестованных осудили.

Наконец, где находился Хрущев, «лучший друг» Якира, Ягоды и Берии (в чем он сам признается)? Ведь Хрущев числился в любимцах у Сталина (как и Якир!), кандидатом в члены Политбюро (с 1938 г.!), затем членом Политбюро (с 1939 г.). Это ясно говорит о его влиянии. Мог бы, не очень рискуя, хотя бы самым тоненьким голоском сказать:

— Товарищ Сталин! Ужасно боюсь я, что в этом деле — ложь, клевета и поклеп в самой основе. Не поддавайтесь раздражению и подозрительности! Лучше вспомните: сколько у них заслуг перед нашим государством, перед народом! Нельзя поверить, что могут они изменить! Подумайте сами, как будет ужасно, если мы казним их за измену, а потом выяснится, что они невиновны! Как все мы будем тогда себя чувствовать?! Какой ответ дадим народу и партии?!

Вот что следовало бы сказать Хрущеву, этому «страдальцу за народ», непримиримому «критику культа личности»! Сказал он? Да нет, предпочел отсидеться где-то в кустах! Если бы сказал, то его продажные трубадуры тут же воспели бы этот великий подвиг! Но, так как воспевать оказалось нечего, пришлось ограничиться молчанием[316].

Но ведь помимо членов Политбюро и правительства, рассматривали дело еще и специальные судьи. Судил не один В.В. Ульрих, председатель Военной коллегии Верховного суда СССР, армвоенюрист. Судила еще целая коллегия из крупнейших военных, знавших все дела наркомата и всю необходимую статистику, личные качества обвиняемых, а также их связи! Вот эти судьи:

1. Зам. наркома обороны СССР, начальник воздушных сил РККА командарм 2-го ранга Я.И. Алкснис (1896—1938);

2. Маршал С.М. Буденный (1883—1973), командующий войсками Московского военного округа;

3. Маршал В.К. Блюхер (1889—1938), командующий войсками ОКДВА;

4. Начальник Генерального штаба РККА, командарм 1-го ранга Б.М. Шапошников (1882—1945);

5. Командующий войсками Белорусского военного округа, командарм 1-го ранга И.П. Белов (1893—1938);

6. Командующий войсками Ленинградского военного округа, командарм 2-го ранга П.Е. Дыбенко (1889—1938);

7. Командующий войсками Северо-Кавказского военного округа, командарм 2-го ранга Н.Д. Каширин (1888—1938);

8. Командир 6-го Кавалерийского казачьего корпуса им. Сталина из Белорусского военного округа (прежде входил в Первую конную армию) В.И. Горячев (1892—1938), бывший порученец Буденного.

Это были самые уважаемые и заслуженные в армии люди, известные своим умом, опытом и храбростью. И что же: они тоже были простофили и ослы?! Или каждый из них жаждал спасти собственную шкуру любой ценой и за нее был готов продать кого угодно?![317]

Радзинский Э., написавший в целом очень интересную книгу «Сталин» (М., 1997), держится именно такого мнения. Но трудно верить ему: он допускает в ней слишком много передержек всяческого рода. У него Ворошилов — «глуповатый»

(с. 396), Якир, хотя и храбрый человек и герой, но «отличается матерной речью»[318] (с. 397), Шмидт— «бесстрашный герой, великолепный конник», но одновременно — «урод» (в каком смысле?), и при том прославленный «любовными победами» (над кем?), Уборевич (вот сногсшибательное открытие!) — «гигант-бородач»[319] (с. 397).

Переходя к судьям, Радзинский снисходительно о них замечает: «Смелость исчезла — остались трусливые и покорные рабы». (С..401.)

Нет, не такая была картина на деле, и события это быстро доказали.

Интересно будет, пожалуй, отметить, что состав суда не сразу приобрел окончательный вид. Сначала предполагалось составить его из «тройки» плюс председатель суда Ульрих. В «тройку» намечались: маршал Блюхер, командарм 2-го ранга зам. наркома обороны СССР по ВВС Я. Алкснис и командир кавалерийской дивизии Е. Горячев. Делалось также предложение Я. Гамарнику включиться в число судей, но он категорически отказался.

Через некоторое время, учитывая остроту момента, решили заранее наметить запасных судей: маршала С. Буденного, командарма первого ранга Б. Шапошникова, командарма 1-го ранга И. Белова, командарма 2-го ранга Н. Каширина, командарма второго ранга П. Дыбенко.

10 июня 1937 г. Пленум Верховного суда СССР, заслушав доклад прокурора СССР А. Вышинского, решил образовать Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР, объединив всех перечисленных кандидатов для придания наибольшего авторитета предстоящему суду.

ГЛАВА 19. ДОКУМЕНТЫ СУДЕЙСКОЙ ПАПКИ. СТРАШНЫЕ ОБВИНЕНИЯ

Не спеши корить,
спеши выслушать.
Пословица

Что же содержала зловещая судейская папка? Какие документы? Викторов перечисляет их: 1. Справки НКВД на арест подсудимых. 2. Протоколы допросов на предварительном следствии. 3. Обвинительное зак-
399
лючение. 4. Протоколы допросов обвиняемых в Специальном судебном присутствии Верховного суда СССР 11 июня 1937 г. под председательством армвоенюриста В.В. Ульриха. 5. Последнее слово подсудимых. 6. Текст приговора. 7. Копию газетного сообщения от 11 июня 1937 г. — «В Прокуратуре Союза СССР».

И все! Больше ничего! Таковы оказались документы этой папки к началу расследования — в 1955 г.

И вновь со стороны следователей и прокуроров специальной группы Хрущева странная «близорукость»: их вовсе не удивляет, что в папке не фигурирует итоговый приказ по Наркомату обороны, посвященный суду над Тухачевским и его товарищами. Но ведь не нужно быть человеком великого ума, чтобы понять, что этот итоговый приказ должен быть в наличии обязательно. Он многим интересен, а особенно следующим местом: «Эти враги народа пойманы с поличным. Под тяжестью неопровержимых фактов, они сознались в своем предательстве, вредительстве и шпионаже». («Красная Звезда». 14 июня 1937, с. 1).

Для того чтобы так писать, мало иметь одни «признания» подсудимых, надо иметь еще показания многих свидетелей, данные наружного наблюдения, компрометирующие письма обвиняемых[320], какие-то письменные документы с соответствующими подписями и резолюциями. Только тогда можно было бы

говорить, что Тухачевский и его коллеги «пойманы с поличным», что следствие, прокуратура и суд располагают «неопровержимыми фактами». Однако никаких документов подобного рода в деле нет!

Но это важнейшее обстоятельство группа специально подобранных прокуроров и следователей каким-то образом вновь умудрилась «просмотреть»! А Викторов, глава этой группы, уже в 1988 г., т.е. через 33 года (!) после расследования, пишет: «Первые страницы дела. Справки на арест: органы НКВД располагают данными о враждебной деятельности. О самой деятельности ничего конкретного.»

И все! И никаких дальше комментариев! То есть, иначе говоря, усиленно создается впечатление, что весь процесс строился только на показаниях обвиняемых, оговоривших самих себя (о причинах будет говориться особо!)

Увы! Большую «свинью» подложил Викторову известный писатель Л. Никулин! Он пришел в Главную военную прокуратуру в качестве важного свидетеля, разложил на столе бумаги своего архива и гордо сказал:

— С «главарем», маршалом Тухачевским, я был знаком. Хорошо знаю весь его жизненный путь.

Вот этот-то Л. Никулин (конечно, с подачи самого Хрущева, который в 1961 г. публично объявил о реабилитации Тухачевского и его товарищей по процессу!) в своей книге «Тухачевский. Биографический очерк». (М., 1963) объявил: в папке обвинения, помимо всего прочего, было еще несколько документов на немецком языке. Документы имели

фальшивые подписи Тухачевского, генералов немецкого вермахта, подлинные резолюции Гитлера и т.д. (С. 193.)

Возникает вопрос: куда же делись эти важные документы? Почему их не было в папке по делу Тухачевского ни в 1955 г., ни даже в 1988 г.? Почему Викторов о них даже не заикается?!

А ведь на них ссылался сам Хрущев с трибуны XXII съезда партии:

«Как-то в зарубежной печати промелькнуло довольно любопытное сообщение, будто Гитлер, готовя нападение на нашу страну (в 1937 г.?!), через свою разведку подбросил сфабрикованный документ (!) о том, что товарищи Якир, Тухачевский и другие являются агентами немецкого генерального штаба. Этот «документ», якобы секретный, попал к президенту Чехословакии Бенешу, и тот, в свою очередь, руководствуясь, видимо, добрыми намерениями, передал его Сталину. Якир, Тухачевский и другие товарищи были арестованы, а вслед за тем и уничтожены». (XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М., 1961, т. II, с. 585—586.)

Где же, спрашивается, эти «документы» или «документ»? Ни] Сталин, ни Вышинский в изъятии их не были заинтересованы: ведь подлинность их свидетельствовали не они, а соответствующие эксперты. Так что за немецкие документы они никак не отвечали. Следовательно, устранять их из дела задним числом расчета они не имели.

Где же эти документы, куда делись?! Почему Хрущев, который с величайшим удовольствием подбирал всякий гнусный слух о Сталине («Как-то в зарубежной печати промелькнуло»), почему он этот важный документ (или документы) не опубликовал тогда же?! Почему?! Разве не ясно, что тут что-то не чисто?! И почему Викторов об этих документах на немецком языке не упоминает? Почему о них лицемерно помалкивает?! Вывод очевиден: он намеренно старается создать извращенную картину того, что происходило в действительности!

Это то возражение, которое приходит в голову сразу. Но есть и другое, еще более важное. Подозрительно тощим является набор документов из судейской

папки. Между тем сам Ежов в 1937 г. ясно указал на то, каким должно быть следственное дело: «К делу приобщается: ордер на арест, протокол обыска, материалы, изъятые при обыске, личные документы, анкета арестованного, агентурно-учетный материал, протокол допроса и краткое обвинительное заключение». (Оперативный приказ Ежова № 004447 от 30 июля 1937 г. — Расстрел по разнарядке. — «Труд». 04.06.1992.)

Возникает поэтому неучтивый вопрос: куда же столь важные документы делись?! Где протоколы обысков у Тухачевского и его товарищей?! Где материалы, изъятые при этом?! Где личные документы?! Где анкеты арестованных?! И, главное, где агентурно-учетный материал?! Куда это все делось?! Тем, кто судил Тухачевского и К°, кто формировал судейскую папку и затем сдавал ее в архив, незачем было что-то

401

изымать из нее. Да ее бы в таком виде (с изъятыми документами!) и не приняли! А вот как насчет тех, кто хочет оправдать Тухачевского любой ценой?! Даже с помощью мошенничества и подлога?! Они не могут украсть из папки важные документы, обличающие Тухачевского и его компаньонов?! Или — еще лучше! — вообще всю ее подменить — на другую папку, фальшивую насквозь?!

Уже то, что читателю известно о методах «реабилитации» Викторова, к доверию не располагает!

Теперь перейдем к самим обвинениям. Обвинительное заключение ставило в вину участникам процесса следующие преступления:

— создание в Красной Армии строго законспирированной военной оппозиционной организации;

— план устранения от власти советского правительства и партийного руководства во главе со Сталиным, с заменой их военно-фашистским правительством и новым партийным руководством;

— создание террористических групп с целью убийства Сталина, Молотова, Ворошилова, Кагановича и Ежова;

— тайные связи с генеральными штабами и военными разведками Германии, Италии и Польши, то есть с фашистскими державами;

— целенаправленное совершение различных акций саботажа с целью подрыва мощи Красной Армии на разных уровнях и в округах, а также в военной промышленности и в области армейского снабжения;

— подготовка крупных диверсионных актов для дезорганизации обороны в начале предстоявшей войны;

— передача зарубежным разведкам секретных сведений военного характера: о состоянии сил пограничных военных округов — Ленинградского, Киевского, Харьковского, Белорусского, а также Московского и Кавказского, о командных кадрах РККА, о перспективных новинках военной техники[321], о военных заводах, их мощностях, планах, руководящих кадрах, о заранее намеченных военных операциях, о систематической дезорганизации красной конницы под предлогом ускорения танковых формирований в округах, о намеренном замедлении темпов строительства новых военных объектов в округах, реконструкции железнодорожных узлов, о формировании воздушнно-десантных частей из враждебных элементов, плохой военной подготовке призывников и их низкой политической подготовке;

— обязательство передать Германии Украину, Японии — Дальний Восток, Польше — Белоруссию в случае помощи оппозиции в борьбе за власть[322];

— восстановление в стране капиталистических отношений путем проведения буржуазного курса после прихода заговорщиков к власти.

Таковы были обвинения. Каждое грозило смертной казнью. Официально опубликованное обвинительное заключение повергло все общество, армию и партию в шок. А ведь соответствующий слух о

402

преступных деяниях Тухачевского и его сообщников распускался предварительно, чтобы смягчить впечатление от того, что предстояло. Конечно, ситуация являлась самой тяжелой и неприятной: судить как предателей предстояло известных в стране людей, еще недавно бывших эталоном честности, порядочности, воинского мастерства, величайшей авторитетности в армии.

Несмотря на риск, доверявшие друг другу люди обсуждали ситуацию и старались разобраться в том, что же происходит. НКВД имело достаточно информации о подозрительных и опасных разговорах, особенно в армейской среде, среди офицерства. Учитывая все это, Сталин поспешил произвести кадровые перемещения. 9 июня «Красная Звезда» объявила о новых назначениях в округа путем переводов: Буденный (1883— 1973, чл. партии с 1919) стал официально командующим Московским военным округом, П. Дыбенко (1888—1938, чл. партии с 1912) — Ленинградского военного округа, Н. Куйбышев (1893—1938, чл. партии с 1918) — Закавказского военного округа, И. Белов (1893—1938, чл. партии с 1919) — Белорусского военного округа, И. Федько (1897—1939, чл. партии с 1917) — Киевского военного округа[323]. Лишь один М. Ефремов (1897— 1942, чл. партии с 1918), бывший московский рабочий-инструментальщик, прошедший во время Гражданской войны путь от красноармейца до начдива и бывший в Приволжском военном округе командиром корпуса, за особые заслуги остался на месте и стал командующим этого округа.

За границей внимательно следили за всеми переменами в СССР, особенно на военных верхах. На все лады газеты описывали новых командующих и их карьеру.

О И. Федько, например, газета Струве «Возрождение» писала так: «Федько, конечно, законченный коммунист; он слепо выполняет приказы гениального Сталина, и если Тухачевский мог позволить себе мечтать о перевороте, или готовиться в бонапарты, то Федько, несмотря на всю его хохлацкую хитрость и умение приспособляться, всего лишь марионетка в руках Сталина». (Опишня И. Замвоенком Федько. — «Возрождение». 04.03.1938, с. 5.)

Упоминание о «Бонапарте» в газетной статье вовсе не случайно. Руководством СССР было сочтено, что такое объяснение наиболее верно при данных обстоятельствах. В своих воспоминаниях видный писатель И. Эренбург (из очень осведомленных свидетелей того времени!) сообщает об интересном разговоре, который он имел с М. Кольцовым, одним из своих друзей, видным журналистом, членом редакции «Правды»: «Я спросил Кольцова, что произошло в действительности с Тухачевским. Он ответил: «Мне Сталин все объяснил — захотел стать наполеончиком». (Эренбург И. Собрание сочинений. М., 1967, т. 9, с. 135.)

403

ГЛАВА 20. ПОДСУДИМЫЕ НА СУДЕ (11 ИЮНЯ 1937 Г.). ПОЗИЦИЯ СТАЛИНА И ВОРОШИЛОВА

Под этим небом всему свое время и всему свой час.
Восточная мудрость

Дело Тухачевского, бывшего маршала и первого заместителя наркома обороны, дело его товарищей, крупных военачальников, являлось делом о военном заговоре. Поэтому трудно было ждать, что оно станет рассматриваться

иначе, чем на основе закона от 1 декабря 1934 г. Принятый сразу после убийства С. Кирова, члена Политбюро ЦК ВКП(б), секретаря ЦК партии, главы Ленинградской партийной организации, этот закон означал немедленное приведение приговора в исполнение без всякого обжалования. В судебном процессе подобного рода участие защитника не предполагалось (впрочем, от услуг казенной защиты, как мало эффективной, подсудимые в таких случаях чаще всего отказывались и предпочитали защищаться сами).

Стенограмма судебного заседания, происходившего 11 июня (с 11 часов утра, с явной задержкой!)[324], занимала в подозрительной папке с делом всего несколько страниц. В этой связи Б. Викторов замечает: «Это свидетельствовало о примитивности разбирательства со столь тяжкими и многочисленными обвинениями, да и тот факт, что весь «процесс» длился один день, говорил сам за себя. Пересказывать все содержание стенограммы нет необходимости».

Викторов, по своему обыкновению, «забывает», что подсудимых было всего восемь человек. За день суда установить целый ряд гнусных фактов, обличавших подсудимых в совершении тяжелых преступлений, можно вполне. Тем более что главная работа была проделана на предварительном следствии и сами судьи обвиняемых знали «как облупленных»: их характеры и все дела, поскольку работали с ними многие годы. С их письменными показаниями они знакомились предварительно.

Для сравнения напомним, что дело агента царской охранки Р. Малиновского, сумевшего втереться в доверие к Ленину, набиться ему в «друзья» и стать председателем большевистской фракции в 4-й Государственной Думе (1913), при рассмотрении его в Верховном трибунале ВЦИК, было решено в один день (05.XI.1918). В ту же ночь приговор привели в исполнение[325]. Что лежало в основе этого приговора? Во-первых, показания крупных чинов департамента полиции (Виссарионова, Мартынова, Джунковского, жандармского полковника Иванова); во-вторых, показания свидетелей-большевиков; в-третьих, самого обвиняемого, его признания. Это видно из следующего места обвинительной речи Н. Крыленко: «Обвинительный материал, изложенный в об-

404

винительном заключении по настоящему делу, нашел себе достаточное подтверждение в тех объяснениях, которые были даны подсудимым». (Н.В. Крыленко. Судебные речи. М., 1964, с. 26.)

Право же, не заняться ли кое-кому и оправданием Малиновского, который осужден на основе собственных «признаний» и показаний работников департамента полиции?!

Другой пример. «Восстановление в правах» Бухарина и части его товарищей по процессу 1938 г. (всего 10 человек, другие 10 были реабилитированы еще раньше), чей следственный материал насчитывал 100 томов, тоже заняло всего один день (05.02.1988). Это Викторова почему-то не ужасает и не возмущает! В этом случае он почему-то «не видит» ни мошенничества, ни подлога, ни «примитивности разбирательства»! Хотя каждый здравомыслящий человек спрашивает с недоумением:

— Как это можно произвести честную реабилитацию за один день, когда даже для осуждения этих лиц на открытом процессе потребовалось одиннадцать?!

Краткость стенограммы на процессе, вопреки Викторову, говорит не о «примитивности разбирательства», а о том, что или запись давали максимально краткую — (уж как водится в российском суде и ныне!) по сравнению с тем, что говорилось в действительности, или эта краткая редакция — поздняя по происхождению, она заменила в папке более раннюю и подробную. Выяснить это

«деликатное» обстоятельство и должна была группа «мудрых» следователей, утвержденных Руденко. Должна была. Но, разумеется, опять не выяснила.

Очень, конечно, странно! Одна «ошибка» — последовательно ложится на другую! И потом за такие «ошибки» благодарят повышениями в чине.

«Пересказывать все содержание стенограммы нет необходимости», — говорит поклонник Тухачевского. Пересказывать, разумеется, нет! А вот опубликовать стенограмму полностью — такая необходимость есть. В таком важном деле на слово не обязан верить никто!

Б. Викторов приводит маленький кусочек из защитительной речи Тухачевского на суде, отрицавшего предъявленные ему обвинения (такие же речи произносили и другие обвиняемые). Из книги Никулина известна его реплика на предъявленные ему документы на немецком языке: «Мне кажется, я во сне». (С. 191.)

Документы на немецком языке, очень может быть, и подлог. Для решения вопроса об этом надо их опубликовать и подвергнуть публичному анализу, чтобы заинтересованные лица не занимались закулисными фальсификациями. Сами эти документы достаточно, конечно, подозрительны. Ибо кто же, занимаясь заговорщической деятельностью, станет подписывать на свою голову обличающие документы?! Бесспорно одно: при наличии антиправительственного заговора все «деликатные» соглашения заключают только устно, чтобы не было улик (как делал и генерал Пиночет в Чили, занимавший в государственной струк-
405
туре место, подобное месту Тухачевского!). Именно это соображение является решающим. Больше всего именно оно говорит за то, что документы на немецком языке — фальшивка!

Но это обстоятельство не делает их менее важными и интересными, заслуживающими тщательного изучения и анализа. Подложность этих документов еще не доказывает несправедливости возбужденных обвинений. Ведь генерал Пиночет тоже клялся и божился в преданности правительству и президенту, а потом сверг их!

Воистину странным выглядит наигранно-недоуменный вопрос автора книги и публикации: «Какие же именно виды военной техники или сведения разгласили подсудимые, и действительно ли они составляли военную тайну? Ответа в деле не оказалось. Да его тогда и не искали». Относительно этого последнего пункта Викторов впадает в противоречие сам с собой, потому что буквально через три абзаца пишет: «И другие члены присутствия задавали подсудимым вопросы, пытаясь изобличить их в предательстве интересов Красной Армии: и Блюхер, и Белов, в особенности Алкснис, добиваясь, например, от Корка ответа на вопрос по поводу передачи сведений представителям немецкого генерального штаба о войсках Московского военного округа». Много вопросов задавалось Тухачевскому, Якиру, Уборевичу, Эйдеману, Путне[326], Примакову и Фельдману. Спрашивать было о чем, ибо каждый знал в силу своей должности очень много.

В свою очередь М. Нордштейн не пропускает случая злобно пройтись по адресу Буденного. И делает это так: «Зато Буденный не упустил возможности свести счеты с теми, чья слава и военный талант мешали его популярности. Он, не стесняясь в выражениях, клеймил подсудимых за их приверженность к развитию танковых и механизированных войск в ущерб столь любимой им кавалерии, за создание партизанских баз, за «вредительские» статьи и еще бог весть за что». («Революционер, и поскольку необходимо — военный». — Советский воин». 1989, № 18, с. 67.) Все это выглядит просто смешно! Ни Якир, ни Уборевич, ни Корк, ни Фельдман, ни Примаков, ни Путна (исключение один Тухачевский!) не

составляли Буденному конкуренции. (По этой причине нечего ему было с ними «сводить счеты»!)

«Откровение» Нордштейна необычайно ясно показывает, как многие авторы из определенных корыстных и фракционных интересов лгут и лицемерят без всякого стыда!

Б. Викторов, естественно, не один такой сомнительный «реабилитатор». Другие ничуть не лучше! Вот «логика» рассуждений Н. Полякова: «Беглого взгляда (на 15 томов дела! — *В.Л.)* достаточно, чтобы убедиться, — все обвинения основаны исключительно на признании арестованных. В деле есть только «собственноручные» заявления арестованных и «обобщенные» протоколы допросов (то есть составленные не сразу после допроса, как того требует закон, а задним числом, на основе многих допросов и разного рода справок). Все!
406

Кроме этих «признаний», в деле нет никаких объективных доказательств — ни протоколов осмотров, выемки и т.п., ни официальных документов, ни вещественных доказательств. Да и «признательные показания» неконкретны, голословны, а порой просто неправдоподобны». (Заговор, которого не было. — «Социалистическая законность». 1990, № 10, с. 60.)

Все это, в свою очередь, выглядит неубедительно. И если Н. Поляков думает, что для проведения реабилитации достаточно бросить на 15 томов дела лишь «беглый взгляд» — и после этого «дело в шляпе», можно объявлять Тухачевского и его коллег невиновными по всем статьям, то это, конечно, говорит о его уровне недобросовестности и явной бесчестности! Совершенно непонятно, почему читатели обязаны такому махинатору верить?! Может, он принадлежит к числу современных сторонников Бухарина и Троцкого?! Тогда следовало бы это сказать!

Кроме того, он почему-то «забывает» отметить:

1. Сколько страниц входило в каждый том дела и каково содержание этих листов (точность в таких делах обязательна!).

2. Что данные тома дела являются подлинными, 1937 г., а не укороченным дубликатом, из которого многое изъято. Почему он не дает на этот счет никакого свидетельства и ручательства?! Разве Хрущев не был лично заинтересован в фальсификации дела Тухачевского, чтобы выставить против Сталина, своего врага, как можно более страшные обвинения?! Конечно же, Хрущев был заинтересован! Но раз это так, то тогда сами тома дела с его «стенограммами» подлежат прежде всего исследованию на подлинность. Это очевидно вполне. Если Хрущев тысячи раз нагло обманывал партию и советский народ, все мировое коммунистическое движение, то что могло ему помешать обмануть их и в этом деле?!

Можно ли верить старому двурушнику, мошеннику и скрытому троцкисту, который всю свою жизнь ходил в маске лицемера?!

* * *

Сразу же после опроса подсудимых и получения от них ответа на процессуальный вопрос: «Признаете ли себя виновным?» (подсудимые отвечали утвердительно), начались допросы. Первым давал показания Якир. Викторов излагает эту часть намеренно невразумительно (в книге с. 231—233). Н. Поляков, принадлежащий к тому же лагерю (Заговор, которого не было. — «Социалистическая законность». 1990 № 10, с. 61), дает кое-какие интересные детали. Он считает, что Якира выпустили первым, так как он являлся «более покладистым». Он-де должен «задать тон», начав разоблачать Троцкого, затем Тухачевского, потом себя и прочих, выражая раскаяние в собственной преступной

деятельности. Но он якобы не сказал ничего, «кроме общих деклараций и лозунгов» (с.
407
61). Ничем этот свой тезис Поляков не подтверждает, так что он повисает в воздухе! Материалы процесса говорят о другом: Якира выпустили для показаний первым, как начальника военного округа, имевшего личную связь с Троцким и работавшего по его заданиям. Давая показания, Якир, по словам Полякова, доходил «до явных нелепостей». (Они, однако, не приводятся! Опять все голословно!) Вот Буденный задает ему вопрос по поводу его действий, должных подготовить поражение авиации округа в предстоящей войне. «Якир попытался было дать такие разъяснения, но запутался окончательно» (с. 61—62). Смехотворно! Это Якир-то, видный военачальник, путается «в трех соснах»?! И еще говорят, что их «тщательно готовили к процессу»!

Нет, господа! Начало Великой Отечественной войны очень даже хорошо показало, к чему сводится такая подготовка: намеренно задерживают поставку в округ новых самолетов, бензина, запасных частей, летчиков обучают плохо (по кратким программам), перед началом «конфликта» не выдают боезапас, летчиков держат на каких-нибудь вечеринках, а не у самолетов в полной готовности, ПВО доводят до полной ничтожности, врагу дают возможность «накрыть» бомбежкой самолеты прямо на аэродроме.

За допросом Якира пошли остальные: Примаков, Путна, Фельдман, Корк, Уборевич, Тухачевский. Порядок выступления устанавливали в силу личных связей с Троцким, которого надлежало разоблачать. Тухачевского из осторожности поставили в самый конец, чтобы он не мог подавать пример «упрямства», чтобы все его разоблачили, чтобы в итоге он стал покладистым. Больше всего суд интересовали следующие вопросы: отношения с немецким Генеральным штабом и поляками[327], с немецким военным атташе Кестрингом в Москве и немецким генеральным консулом Рихардом Сомнером в Ленинграде (в конце 1937 г. был отозван).

Этих последних Канарис очень ценил: они имели большой опыт в «обработке» нужных людей и добывании полезных сведений. Сомнера советские военнопленные считали прямо-таки «своим», так как он говорил на безупречном русском языке, знал все обычаи и мог поспорить с любым по вопросам марксизма, русской литературы и русского искусства. Да и Кестринг, будучи генералом, пожалуй, ни в чем ему не уступал.

А еще суд интересовал показ немцам советской военной техники, связи с лидерами троцкизма и правой оппозиции, деятельность, направленная на ослабление и подготовку поражения Красной Армии, сговор по поводу убийства или отстранения Ворошилова.

Каждый из подсудимых старался отделываться общими фразами. Ульрих, послушав, через некоторое время прерывал их, задавая всем один и тот же вопрос:

— Вы подтверждаете показания, которые давали на допросе в НКВД?
408

Подсудимые, верные своей тактике, пытались начать витиеватые и длинные объяснения, уводящие куда-то в сторону. Тогда Ульрих вновь прерывал их:

— Вы не читайте лекций, а давайте показания.

Военные судьи слушали молча, но время от времени бросали реплики. Вопросы и ответы были такого рода:

Блюхер. Вы вели систематически работу по дискредитации авторитета Блюхера по заданию Гамарника?

Путна. Да, пытался дискредитировать вас.

Блюхер. В чем конкретно выражалась ваша подготовка поражения авиации в будущей войне?

Якир. Я вам толком не сумею сказать ничего, кроме того, что написано там в деле (Викторов. С. 248.)

(А что там было написано? Разумеется, опять молчание. — *В.Л.)*

В таких разговорах и прениях быстро прошло время. В 15.00 объявили перерыв на обед. Арестованных увели. Судьи стали совещаться. И вот тут-то возникает неясный момент. В чем он? Ежов и Ульрих вдруг отправились к Сталину докладывать! Хотя день суда еще не кончился! И докладывать, собственно, пока еще было не о чем!

Казалось бы, к чему спешить?! Только нечто чрезвычайное могло сорвать этих двоих с места и отправить вместо обеда к Сталину: якобы на доклад, а скорее всего за инструкциями, ввиду неожиданной ситуации. Правильно ли это предположение? На него буквально наталкивает один интересный эпизод, случайно дошедший до нас от того времени. Сообщил о нем И. Эренбург, очень известный в 1937 г. 46-летний писатель, имевший обширные связи: «Помню страшный день у Мейерхольда. Мы сидели и мирно разглядывали монографии Ренуара, когда к Всеволоду Эмильевичу пришел один из его друзей, комкор И.П. Белов.

Он был очень возбужден, не обращая внимания на то, что, кроме Мейерхольдов, в комнате Люба и я, начал рассказывать, как судили Тухачевского и других военных. Белов был членом Военной коллегии Верховного суда. «Они вот так сидели — напротив нас. Уборевич смотрел мне в глаза[328]. Помню еще фразу Белова: «А завтра меня посадят на их место».

Белова вскоре после этого арестовали». (И. Эренбург. Собрание сочинений. М., 1967, т. 9, с. 190.)

Почему арестовали, Эренбург не говорит. Но по другим источникам это известно. Его арестовали летом 1938 г. по обвинению в том, что он создал военно-эсеровскую антисоветскую организацию и установил связь с агентом английской разведки, что последней он продался еще в 1918 г. (А. Рыбчинский. Командарм Белов. — Расправа. С. 190.)

Есть всё основания думать, что военные члены суда, которых оппозиция засыпала письмами, предсказывая, что они сами кончат, как Тухачевский и его товарищи, если их не спасут, пытались сговориться

409

между собой для общих действий — на предмет оправдания подсудимых — и предлагали процесс отложить или продлить, чтобы во всем тщательно разобраться. Произошел очень горячий спор между военными и Ежовым. При этом Белов прошелся по его адресу отборной бранью и обвинил в фальсификациях! (Вот почему он опасался, что его «завтра посадят»! Такого оскорбления злопамятный глава НКВД простить, конечно, не мог!) Его поддержали Блюхер[329] и Дыбенко, затем еще трое.

И когда в интриганской борьбе Ежов одолел, он после заседания Военной коллегии Верховного суда СССР, на котором Белов был осужден (29 июля 1938), прибыл к месту казни и лично присутствовал при расстреле своего врага, обходя осужденных и спрашивая: «Есть ли что сказать?» Белов с ненавистью ответил: «Теперь уже нечего».

Этому дружному выступлению судейских (факт совершенно неоспорим: за исключением двоих, все были казнены уже в 1938 г.!) не приходится удивляться! Ведь из числа этих судей пять (Блюхер, Дыбенко, Белов, Каширин, Алкснис, Горячев, — последний еще и близкий друг Уборевича!) принадлежали к кругу друзей Тухачевского.

Каждый из военных — тогда, как и ныне! — входил в какую-то группировку, которая обеспечивала его карьеру. Здесь ценились лояльность и верность. И ее укрепляли всеми силами: целенаправленным воспитанием, браками, совместными попойками, общими любовницами, обменом женами и т.п. Громадную роль имела массированная пропаганда, создававшая культики всевозможных военачальников, особенно героев Гражданской войны[330]. Она показала себя очень действенной: ведь занимались ею специалисты своего дела, старые большевики, накопившие в этой сфере громадный опыт. С такой пропагандой, хитроумной и многоликой, не мог бороться даже и сам Сталин! Пропаганда действовала на всех командиров, от начальника отделения до командиров корпусов. Очень интересно посмотреть, как она преломлялась в сознании будущего маршала Г. Жукова, который проделал большой и трудный путь: в 1920 г. — командир взвода, в 1925 г. — командир полка, в 1932—1937 гг. — командир кавалерийской дивизии в Белорусском военном округе. Вот некоторые из его характеристик, рожденные, естественно, и личным опытом:

БЛЮХЕР: «Встреча с В.К. Блюхером была большим событием для всех бойцов и командиров полка. К нам его пригласил посмотреть учебно-воспитательную работу комдив Г.Д. Гай. Для полка это была большая честь». (Воспоминания и размышления. М., 1990, т. 1, с. 136.)

«Я был очарован душевностью этого человека. Бесстрашный боец с врагами Советской республики, легендарный герой, В.К. Блюхер был идеалом для многих. Не скрою, я всегда мечтал быть похожим на этого замечательного большевика, чудесного товарища и талантливого полководца». (С. 137.)

ПРИМАКОВ: «Плотный, среднего роста, с красивой шевелюрой, умными глазами и приятным лицом, В.М. Примаков сразу завоевал

410

симпатии слушателей. Это был человек широко образованный. Говорил он коротко, четко излагая свои мысли». (С. 138.)

Д.А. ШМИДТ (комдив из округа Якира, бывший сторонник Троцкого): «Д.А. Шмидт — умница, свои мысли выражал кратко, но, к сожалению, не любил кропотливо работать». (С. 146.)

ТУХАЧЕВСКИЙ: «В суждениях М.Н. Тухачевского чувствовались большие знания и опыт руководства операциями крупного масштаба». (С. 112.)

«Человек атлетического сложения, он обладал впечатляющей внешностью. Мы еще тогда (в 1921 г. — *В.Л.)* отметили, что М.Н. Тухачевский не из трусливого десятка: по районам, где скрываются бандиты, он разъезжал с весьма ограниченным прикрытием.

Теперь на посту первого заместителя наркома обороны Михаил Николаевич Тухачевский вел большую организаторскую, творческую и научную работу, и все мы чувствовали, что главную руководящую роль в Наркомате обороны играет он. При встречах с ним меня пленяла его разносторонняя осведомленность в вопросах военной науки. Умный, широко образованный профессиональный военный, он великолепно разбирался как в области тактики, так и в стратегических вопросах. М.Н. Тухачевский хорошо понимал роль различных видов наших вооруженных сил в современных войнах и умел творчески подойти к любой проблеме.

Все свои принципиальные выводы в области стратегии и тактики Михаил Николаевич обосновывал, базируясь на бурном развитии науки и техники у нас и за рубежом, подчеркивая, что это обстоятельство окажет решающее влияние на организацию вооруженных сил и способы ведения будущей войны». (С. 180—181.)

«Тогда (в 1931 г. — *В.Л.)* мы были менее искушены (!) в вопросах военной науки и слушали его как зачарованные. В М.Н. Тухачевском чувствовался гигант военной мысли, звезда первой величины в плеяде выдающихся военачальников Красной Армии». (С. 182.)

УБОРЕВИЧ: «Это был настоящий советский военачальник, в совершенстве освоивший оперативно-тактическое искусство. Он был в полном смысле слова военный человек. Внешний вид, умение держаться, способность коротко излагать свои мысли, все говорило о том, что И.П. Уборевич незаурядный военный руководитель. В войсках он появлялся тогда, когда его меньше всего ждали. Каждый его приезд обычно начинался с подъема частей по боевой тревоге и завершался тактическими учениями или командирской учебой». (С. 200.)

«Позднее, в 1932—1937 годах, мы часто с ним встречались. Он был тогда командующим войсками Белорусского военного округа, где мне довелось командовать кавалерийской дивизией» (с. 116)[331].

БЕЛОВ: «Как-то не вязалось: Белов — и вдруг «враг народа». Конечно, никто этой версии не верил». (С. 229.)

411

О своем собственном уровне того времени Жуков пишет вполне откровенно: «А что греха таить, командиров, стоявших по знаниям не выше своих подчиненных, у нас тогда было немало.

Если военные вопросы я изучал досконально и последовательно, шаг за шагом, как теоретически, так и практически, то в изучении марксистско-ленинской теории мне, к сожалению, не пришлось получить систематизированных знаний.

Так получалось тогда не только со мной, но и со многими командирами. Не многим посчастливилось в свое время пройти курсы при Военно-политической академии имени Толмачева». (С. 234—235.)

Понятно, что такие командиры очень часто находились в руках тайных оппозиционеров, и они имели все основания полагать, что в силу личного авторитета и политической неискушенности им удастся своих подчиненных увлечь за собой! Этому способствовали также система дружеских связей, прошлая совместная служба и участие в Гражданской войне, совместная учеба у одних преподавателей. Так, Жуков служил под командой начальников дивизии Д. Шмидта, серба Д. Сердича (командир полка Первой конной армии), К. Рокоссовского. Учился на Высших кавалерийских курсах, где одним из ведущих преподавателей являлся сам Примаков! А в 1929 г., когда стажировался на курсах усовершенствования высшего начальствующего состава, входил в группу Блюхера и Сангурского! (С. 154.) Легко себе представить, каково было влияние на него и всех прочих этих лиц, старых большевиков, знаменитых героев Гражданской войны, крупных и опытных военачальников!

Итак, Блюхер, Белов и Дыбенко — знаменитые герои армии и страны — попытались склонить остальных судей на свою сторону. И это удалось им без труда! Каждый из судей не верил Ежову и его следователям, боялся опозорить себя, поставив подпись под несправедливым или сомнительным приговором! Боялся также, что осуждение столь важных по положению лиц поломает в армии дисциплину, развяжет руки шкурникам и доносчикам, резко снизит боеспособность, так как придется заниматься совсем не тем, чем положено заниматься. Ворошилов был в полуоппозиции. Заколебались даже Буденный и Шапошников. Но их удалось отколоть от остальных, так как хитроумный Ежов предвидел подобную ситуацию. На каждого из них он заранее заготовил штук по 20 показаний со стороны уже арестованных, обличавших их самих в тайной оппозиции. И вручил эти бумаги Ульриху, чтобы тот ими распорядился, как

сочтет нужным. Председатель суда все сделал самым наилучшим образом. В результате Буденный и Шапошников отступили в страшном замешательстве. Это и спасло им жизнь.

Ульрих же и Ежов поспешили «с докладом». Сталин выслушал взволнованный рассказ, их соображения и быстро взвесил тревожные симптомы: распространение листовок, поддерживавших подсудимых, слухи, весьма тревожные, поведение судей, настроения в партии, армии и об-

ществе, данные иностранной печати и, наконец, маленький, но опасный мятеж в Киеве и Харькове. В украинской столице выступили с ультиматумом правительству два пехотных полка, а в Харькове один кавалерийский полк. Они собрали митинги в казармах и после возмутительных речей приняли резолюции, требуя освободить Якира и Уборевича как невиновных, а их клеветников привлечь к суду.

Сталин приказал мятежников немедленно окружить надежными частями и разоружить, что быстро и было сделано. 18 заводчиков из младших офицеров (лейтенанты и капитаны) покончили самоубийством, старшин подвергли заключению, рядовых небольшими группами разослали в разные гарнизоны. Этот случай можно было рассматривать как предзнаменование.

Поэтому Сталин дал Ежову и Ульриху однозначный ответ: поскольку преступления подсудимых ясны вполне, доказаны документами, свидетельскими показаниями, их собственными признаниями, процесс свернуть. Чтобы не волновать понапрасну армию, народ и партию. В оставшуюся часть дня обговорить лишь вопрос о степени подрыва боеспособности армии. Затем всем вынести смертный приговор и тут же привести его в исполнение. Посылать в газеты и правительство требования народа смертной казни для подсудимых (что и начали делать на митингах, начиная с 12 июня).

Присутствовавшие при беседе члены Политбюро (Молотов, Каганович, Ворошилов, Калинин, Микоян) и 1-й секретарь Московского городского и областного комитетов партии Хрущев одобрили такое решение.

После возвращения назад Ульрих быстро «закруглился». И к великому своему удивлению, подсудимые узнали, что процесс уже завершен, что скоро им объявят приговор. А они-то думали, что процесс продлится не один день ввиду серьезности вопросов, что у них будет еще возможность поспорить с судьями, защищая себя, доказывая свою невиновность, отрекаясь от показаний на предварительном следствии.

Во вторую половину дня обсуждали самые важные текущие военные вопросы, то, что генсека интересовало больше всего, ибо боеспособность армии зависела именно от этого.

Крайне подозрительным выглядит принятое ныне обвинение, что подсудимым ставили в вину «официальный показ советской техники» официальным представителям немецкого рейхсвера или разговоры по организации войск. Во-первых, эти разговоры велись в тот период, когда функционировала еще буржуазно-демократическая Веймарская республика, имевшая с СССР взаимовыгодные отношения. (См.: А. Норден. Между Берлином и Москвой. К истории германо-советских отношений (1917—1921), М., 1956; В.Б. Ушаков. Внешняя политика Германии в период Веймарской республики. М., 1958; В.П. Захаров. Военные аспекты взаимоотношений СССР и Германии. 1921 — июнь 1941. М., 1992.) Во-вторых, все важные дела в наркомате вершились с санкции наркома

Ворошилова. А в-третьих, немцы многое знали из официальной литературы, которой обменивались до прихода Гитлера к власти (1933), и благодаря самому заурядному шпионажу, который с армией неразделим. Из сообщений печати известно, что тайно следят друг за другом даже страны НАТО, связанные военным союзом.

Гораздо хуже выглядело обвинение во вредительстве в сфере оперативных планов. Уборевич, в частности, признал, что «им разрабатывался вредительский план овладения Барановичским укрепленным районом конницей, поддержанной лишь слабовооруженными механизированными бригадами, без всякого участия пехоты» (1937. Показания маршала Тухачевского. «Военно-исторический журнал». 1991, № 8, с. 53), что сулило поражение.

По поводу обвинений в замедлении темпов строительства военных объектов, реконструкции железнодорожных узлов, различных «упущений» в боевой подготовке части своих войск, обвиняемые ответственности с себя не снимали. Вместе с тем они утверждали, что тут нет никакой злокозненности и тайных оппозиционных мероприятий, это обычные недостатки, которые есть в любом округе, связанные с недостатком денег, материалов, людей, что их предполагалось исправить, и для этого необходимо было лишь «немного поднажать» и «получить дополнительные финансовые средства».

Крайне резкие нападки в суде встретила пропагандируемая Тухачевским, при активном содействии Якира и Уборевича, концепция ускоренного развития танковых соединений, в первую очередь — в пограничных округах. Требуя значительно сократить кавалерийские корпуса и расходы на них, Тухачевский утверждал, что к 1935 г. в РККА должно было быть уже несколько танковых армий. (Маршал Тухачевский. Воспоминания друзей и соратников. М., 1965, с. 132)[332].

Этот пункт составлял предмет давнего спора, нашедшего отражение и в открытой печати. Кавалерию, как род войск, еще не сошедший со сцены, активно защищали нарком Ворошилов и инспектор кавалерии в течение 13 лет, маршал и член РВС СССР Буденный, бывший в 1937 г. начальником Московского военного округа[333]. Человек феноменальный по смелости, дерзости, решительности и хитрости, этот сын крестьянина-бедняка из-под Ростова, прошедший русско-японскую и мировую войну, получивший полный бант георгиевских крестов, очень прославился в Гражданскую войну в качестве главы знаменитой Первой конной армии (члены РВС — Щаденко и Ворошилов), имел в качестве почетной награды Золотое оружие с надписью «Народному герою». В 1932 г. Буденный кончил Военную академию имени Фрунзе (чего не сделал Тухачевский!), занимался организацией и руководством военными конными заводами, проводил работу по моторизации и механизации советской конницы и исполнял особо важные поручения наркома. Командиры Первой конной армии служили в различных округах, но продолжали поддерживать тесные связи со своим главой, информируя

414

его о том, что и где происходит. Сам Сталин, почетный красноармеец первого эскадрона 19-го кавполка, не позволял померкнуть славе Первой конной армии. Благодаря деятельности очеркистов, писателей и драматургов, она постоянно находилась в центре общего внимания. Боевое братство по оружию среди бойцов и командиров Первой конной армии заботливо поддерживалось, и их карьере всюду энергично способствовали.

По части боевой славы с Буденным мало кто мог соперничать. О его популярности в народе достаточно говорит тот факт, что в 1951 г. имя его носило 3125 колхозов.

Интересы кавалерии энергично защищали и другие видные военачальники и герои Гражданской войны: Тимошенко, Косогов, Щаденко, Городовиков[334], Фабрициус, Каширин, Горячев, Музыченко, Сердич[335].

Но Тухачевский, Якир и Уборевич не уступали. Они много работали над теоретическими проблемами, над изучением мировой военной литературы, много экспериментировали и поэтому хорошо знали, какова сила этого рода войск и какое внимание уделяют ему на Западе.

По вопросам перевооружения в военных верхах происходили очень резкие столкновения. Щаденко (1885—1951, чл. партии с 1904), человек очень храбрый, но ограниченный, правая рука Буденного по политической части, всюду утверждал:

«Война моторов, механизация, авиация и химия придуманы военспецами. Пока главное — лошадка. Решающую роль в будущей войне будет играть конница. Ей предстоит проникать в тылы и там сокрушать врага».

Было бы величайшим извращением утверждать, что Щаденко и его единомышленники являлись просто кучкой «невежественных глупцов». На таких же позициях стояли многие специалисты в разных армиях. Например, в немецкой армии еще в 1936 г. генерал Людвиг горячо выступал за сохранение кавалерии, с усилением ее моторизации. О новых оперативных войсках он отзывался так: «То, что они в 2000 г. могут стать только моторизованными, каждый понимающий будет сомневаться. Но танк не является преемником лошади». (Проектор. Оруженосцы III рейха. М., 1971, с. 108.) Больше того, по его мнению, перед кавалерией «открываются блестящие перспективы». Как это ни невероятно звучит, но даже эту моторизацию Людвиг считал делом далекого будущего, как, например, цветные фильмы и телевидение (это в 1936 г.!). А потому, заключал он, «мы ограничимся живущими ныне лошадьми точно так же, как одноцветными фильмами и акустическими радиопередачами».

Спорные вопросы перевооружения многократно обсуждались в ЦК партии и Политбюро. Тухачевский энергично защищал свои взгляды на всех уровнях: в Высшем академическом военно-педагогическом Совете, Военной академии РККА, штабе РККА, РВС СССР, в Ленинград-
415
ском военном округе, которым он командовал с 1928 по 1931 г., в Наркомате обороны[336].

Перемены во взглядах в военно-политических кругах происходили постепенно, по мере роста экономической мощи страны. В конечном счете все ведь упиралось в средства, металл, возможность производить броню, алюминий, бензин. Страна была еще очень бедна, и руководству во главе со Сталиным приходилось мучительно ломать голову, решая, где и что можно еще «урезать», чтобы передать эти средства армии. На оборону приходилось отрывать средства буквально «с кровью», резко ограничивая и без того низкий жизненный уровень масс. А что оставалось делать? Что война не за горами, — в том ни у кого сомнений не было.

Сторонники Тухачевского распространяют тот взгляд, что Сталин якобы «не понимал» необходимости перевооружения, что Тухачевскому он, мол, «не доверял, но до поры до времени вынужден был доверять ему руководящие посты». (Маршал Тухачевский. С. 133.) Все это совершенная нелепость! Сталин еще в 1920 г. в записке в Политбюро ЦК партии предлагал усилить бронепромышленность. В декабре 1920 г. вышли первые советские танки типа «Рено».

С 1929 г. в Московском военном округе существовал опытный механизированный полк, преобразованный в 1930 г. в бригаду. В наркомате

появляется Управление моторизации и механизации (во главе — И.А. Халепский и К.Б. Калиновский[337]). Специальная комиссия РВС СССР (председатель — зам. наркома и зам. председателя РВС СССР С. Каменев, 1881— 1936) разрабатывает структуру бронетанковых войск, а затем Штаб РККА разрабатывает структуру механизированного корпуса, способного вести самостоятельные действия. В 1929—1930 гг. в Красной Армии появились первые в мире уставы и наставления, излагавшие применение танков в бою[338].

В 30-е годы танковая промышленность бурно развивается. Разрабатываются и вводятся в дело все новые образцы танкеток, легких, средних и тяжелых танков, увеличивается их скорость (до 70 км/час), усиливается вооружение. В 1930—1934 гг. промышленность дала армии 11 тысяч боевых машин, в 1935—1937 гг. она ежегодно выпускала их по 3 тысячи. Правда, промышленность не могла еще давать большое количество средних и тяжелых танков, основную их массу составляли легкие (типа Т-26, БТ).

Одновременно промышленность наращивала для армии производство автомобилей и тракторов, мотоциклов, понтонно-переправочных и минноподрывных средств, экскаваторов, фейдеров, средств радиосвязи, телефонной и телеграфной аппаратуры. О количестве поступавшей в армию техники говорят некоторые цифры (трактора: 1929 г. — 300, 1935 г. — ок. 6000, автомобили: 1929 г. — ок. 1400, 1935 г. — 35 000). В 1929 г. одна машина приходилась на 240—250 бойцов и командиров, в 1938 г. - на 15-18).
416

Росло число авиационных НИИ, КБ, специальных предприятий, занимавшихся производством авиационной техники. Упор делался на создание мощной истребительной и бомбардировочной авиации. В течение 1940—1941 гг. намечалось построить 9 новых и реконструировать 9 старых авиационных заводов. ВВС имели на вооружении в 1929 г. ок. 1400 самолетов, а в 1935 г. — 6672.

Сильно обновилось оборудование боевых кораблей. Изменялась на глазах техника судостроения (автоматическая сварка, мощные паросиловые установки, дизели и т.п.). С 1932 г. шло строительство лидеров эскадренных миноносцев, начало увеличиваться число торпедных катеров, сторожевых кораблей и подводных лодок. В 1936 и 1937 гг. развернулось строительство легких крейсеров, типа «Киров» и «Чапаев».

Обновлялось легкое стрелковое оружие и активно конструировалось новое. В результате большой работы поступил на вооружение модернизированный пулемет «Максим» (1941), пистолет-пулемет Шпаги -на (1940). За 1939—1941 гг. войска получили 105 тысяч пулеметов, — столько, сколько прежде промышленность давала за 10—15 лет! К лету 1941 г. в армию поступили первые 100 тысяч автоматов. Разрабатывались первые образцы противотанковых ружей. В 1940 г. их выпущено уже 15 тысяч. Пошли на вооружение автоматические зенитные пушки и опытные самоходные орудия (1937—1939). Шла разработка «Катюши», в 1941 г. формируются части реактивной артиллерии. В конце 30-х годов один залп артиллерии и минометов дивизии превосходил такой же залп конца 20-х годов почти в 3 раза!

Совершенствовалась структура управления. В 1934 г. был упразднен Реввоенсовет СССР и Наркомат по военным и морским делам (что нанесло тяжелый удар по позициям тайных сторонников Троцкого!). Создан Наркомат обороны СССР и Военный совет, совещательный орган при наркоме К. Ворошилове (члены его назначались Совнаркомом СССР). Штаб РККА преобразован в Генеральный штаб РККА (1935). Упразднен Совет Труда и

Обороны, образован Комитет Обороны СССР (28.04.1937). Создан Наркомат Военно-Морского флота СССР.

В 1932—1934 гг. армия насчитывает уже 4 механизированных корпуса: два — в Ленинградском военном округе, по одному — в Белорусском и Украинском. В 1935 г. создаются танковые бригады резерва Главного Командования (в бригаде средних танков насчитывается 117, тяжелых — 94). Мотобронетанковые полки, преобразованные затем в бригады, появляются в Забайкальском военном округе (август 1938)[339].

Появляется 6 воздушно-десантных бригад (новый род войск в то время). Формируется зенитная артиллерия, войска ПВО (1935). Создаются Тихоокеанский и Северный флоты (1932, 1933). Окрепла морская авиация (1215 самолетов в 1937 г.). Вводится новая усовершенствованная система армейского снабжения (1935). Появляется самостоятельная автомобильно-дорожная служба, авиационные базы (1938), подвиж-
417
ные технические средства тыла (1938). Пограничные и внутренние войска получают новое стрелковое оружие, инженерно-техническое оборудование границы непрерывно обновляется.

Авиации, кавалерии и танкам уделяется главное внимание. В августе 1938 г. ЦК партии собирает специальное совещание по танкостроению (без всякого Тухачевского!). Внешнеполитическая обстановка заставляет действовать очень энергично и не позволяет расслабляться. Все теории быстро проверяются. И танки находят себе применение в новых условиях: в 1929 г. против китайских милитаристов на КВЖД, в 1938 г. — на Хасане, в 1939 г. — на Халхин-Голе против японцев. Кадры всесторонне обучают: в 1932 г. создана Военная академия бронетанковых и механизированных войск.

ВВС страны имеют к началу 1939 г. 3 армии, 38 бригад, 115 авиаполков. В декабре 1939 г. на вооружение приняты самые замечательные танки той эпохи — Т-34 и КВ-1 (с дизельным двигателем вместо прежнего карбюраторного, работавшего на опасном бензине). «Бронетанковые войска заняли прочное место в системе Сухопутных войск, став их главной ударной силой. За три года (1936—1938 гг.) они выросли численно более чем в два раза». (С.А. Тюшкевич и др. Советские вооруженные силы. История строительства. М., 1978, с. 202.)

В середине 1940 г. руководством страны решено развернуть в округах 8 механизированных корпусов, а в феврале 1941 г. — еще 20, для чего требовалось 30 тысяч танков и свыше 7 тысяч бронемашин. Было принято решение и началась работа (1940) по производству танков на крупных предприятиях, в том числе на Сталинградском и Челябинском тракторных. С января 1940 г. по июнь 1941 г. личный состав бронетанковых войск возрос в 7,4 раза! (Там же, с. 240.) За первую половину 1941 г. танковая промышленность дала 1110 Т-34. За период с 1939 по 1940 г. число броневиков почти удвоилось. И все сделано без указаний «великого» Тухачевского!

Появляются артиллерийские тягачи, радиостанции РАФ и РБ, 10 бригад подлодок (1941) и бригады торпедных катеров.

Подготовкой начальственного состава занимаются 19 академий, 10 военных факультетов, 7 высших военно-морских училищ. Только с середины 1939-го по декабрь 1940 г. был открыто 70 военных училищ. Численность командного состава за счет даровитой молодежи в конце 1940 г. по сравнению с 1938 г. увеличилась в 2,5 раза. Все жадно учились, понимая, что война неподалеку. И хотя меры по очистке армии в 1937—1939 гг. были, безусловно, беспощадными, в то же время принимались меры по улучшению быта офицерского и генеральского состава. Перед началом войны генерал армии, например, имел оклад в 2600 руб. и

служебную квартиру в 10 комнат. С началом войны оклад сразу увеличился на 25%. Этот факт ясно говорит о том, что партийно-государственное руководство заботилось о генеральском и офицерском корпусе армии и старалось максимально обеспечить его.

418

Численность армии резко выросла: на 1 января 1938 г. она насчитывала 1513 400 человек, а к середине 1941 г. в армии и флоте насчитывалось 5 миллионов человек!

На этом фоне менялась и кавалерия, к которой Сталин действительно относился благосклонно. Численность ее увеличилась к 1938 г., но в 1941 г. резко упала —- в результате учета уроков войны Германии с Польшей и Францией. Вот некоторые цифры (там же, с. 199):

Годы	Число соединений	Число дивизий	Отдельные бригады	Число кавалерийских корпусных управлений
1929	21	14	7	4
1938	34	32	2	7
1941	21	13 (из них 4 горные)	?	4

Сами кавалерийские части под влиянием времени сильно изменились. Механизация проникла и сюда, не давала уже возможности ограничиваться лошадью, винтовкой и шашкой. Теперь кавалерийская дивизия имела свою артиллерию, автомобили, броневики, самолеты и танки. Рота и эскадрон должны были иметь по 15 боевых машин. Появились плавающие танки.

Даже этого краткого и беглого очерка вполне достаточно, чтобы понять одну простую вещь: Сталин, возглавлявший все эти перемены и принимавший самое активное и решающее участие в намечаемых переменах, понимал все! И не было у него никакого «непонимания» роли новейших средств борьбы, как визжат о том неучи и клеветники!

Еще в начале 30-х годов на одном из парадов, где шли прославленные тачанки, он, усмехаясь, спросил Буденного: «Не пора ли это все в музей?»[340] И он не ограничивался одними риторическими вопросами.

Правильность этого утверждения подтверждается самым неоспоримым свидетелем! А является им Тухачевский! С трибуны XVII съезда партии он говорил: «В развитии нашей технической мощи товарищ Сталин не только играл общую руководящую роль, но и принимал непосредственное и повседневное участие как в выборе необходимых образцов вооружения, так и в постановке их на производство. Товарищ Сталин не только ставил общие задачи, особенно по вооружению армии авиацией, танками, артиллерией, дальнобойной и скорострельной, наиболее современной, но и созывал организаторов производства — директоров заводов, руководителей парторганизаций и практически добивался успешной постановки производства. Вероятно, директора заводов и руководители предприятия помнят, как товарищ Сталин ставил эти вопросы и как повседневно контролировал выполнение поставленных задач.

419

Эта работа, это руководство создали нам ту техническую мощь, которой обладает Красная Армия и которую на параде вы будете еще раз видеть». (XVII

съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., 1934, с. 464—465.)

С Ворошиловым та же история! Он тоже якобы «не понимал» подлинную роль танковых войск[341]. Подлая эта ложь «подтверждается» с помощью всяких извращений и такими вот «свидетельствами»: «Красная кавалерия по-прежнему является победоносной и сокрушающей вооруженной силой и может и будет решать большие задачи на всех боевых фронтах». (Из доклада «IX лет Рабоче-крестьянской Красной Армии и Военно-морского флота». 1938 г. —А. Ненароков. Броня и кони. Дискуссия о советском военном строительстве в 20-е и 30-е годы. — «Московские новости», 1988, № 14, с. 8.)

И лицемерно при этом «забывается» то, что говорит о противоположном. Вот три примера:

1928 г.: «Будущая война, война техники, химии, авиации, требует высокой культурности от ее участников. Теперь не времена Суворова и не эпоха Севастополя, времена теперь иные». (Статьи и речи. М., 1936, с. 256-257.)

1932 г. (пленум РВС СССР): «Самостоятельные танковые и мотомеханизированные части, наряду с этим пехота и артиллерия, усиленные танками и моторами, вот по-настоящему единственно правильная организационная форма использования танка и мотора в интересах обороны государства» (История Второй мировой войны. 1939—1945. М., 1973, т. 1, с. 264).

1934 г. (XVII партийный съезд): «Наша армия стала другой армией, армией техники». (С. 231.)

«Мы должны были на ходу ломать старые формы и методы работы, создавать новые, ни в одной другой армии мира не виданные типы войсковых соединений, ломать и совершенно по новому перестраивать старые роды оружия, делать из пехотных и кавалерийских командиров танковых и авиационных и одновременно быть каждую минуту готовыми идти в бой на защиту нашей великой страны, если бы того потребовала обстановка». (С. 231.)

Вот как бесстыдно лгут «поклонники» и «друзья» Тухачевского! Отсюда хорошо видно, как можно полагаться на их «воспоминания», на «научные» статьи фальшивых кандидатов и докторов наук! Нет, совсем недаром так они не любят документов, избегают их цитировать, а если такое приходится все-таки делать, то цитируют фальсификаторски и по-мошеннически!

Теперь возвращаемся снова к «единственному и несравнимому», к «великому» маршалу, критики которого его поклонники решительно не переносят!

Сталин, конечно, имел на Тухачевского некоторый «зуб» за польскую кампанию (1920). Но он никогда не позволял личным обидам

и досаде превалировать при решении важных вопросов. Именно поэтому Тухачевский получил звание маршала и играл самую видную роль в военных делах, хотя Сталин мог бы с не меньшим основанием выдвинуть на главную роль Якира или Уборевича. Но он этого, однако, не сделал, несмотря на неудовольствие последних, очень завидовавших Тухачевскому!

Острые нападки на подсудимых по вопросу о танковых войсках и их роли в войне, безусловно, страдали многими преувеличениями. Разразившаяся вскоре кровопролитная и тяжелейшая война с немецким фашизмом это полностью доказала.

Пункт о «заговоре против Ворошилова» (у Викторова) изложен очень маловразумительно. Констатируется, что часть подсудимых (Тухачевский, Уборевич, Корк, Путна) признавали «разговоры» между собой о необходимости смещения Ворошилова с поста наркома и уговор с Гамарником, замом наркома,

начальником Политуправления РККА, членом Военного совета, о совместном открытом выступлении против него в правительстве. При этом Гамарник обещал им «крепко выступить против Ворошилова».

Этот вопрос очень, конечно, интересен. Он заслуживает обстоятельного разбора. Но автор публикации ограничивается лишь следующим замечанием: «Почему хотели выступить против Ворошилова? Какие ошибки и упущения могли быть поставлены в вину наркому? На суде этого не выясняли. Намерение же подсудимых обратиться в правительство расценили как вынашивание террористических намерений в отношении товарища Ворошилова».

Трудно поверить, что в действительности в суде желание подсудимых «обратиться в правительство» по поводу Ворошилова определяли как «террористические намерения». Это как-то анекдотично звучит!

Защищаясь, обвиняемые неизбежно должны были, хотя бы в двух словах, сказать, чем они были так недовольны: например, что Ворошилов «устарел» в плане новых военных концепций и живет прошлым, что он мешает развитию армии; что он поверхностно занимается делами наркомата, перекладывает решение трудных вопросов на других; что он больше занимается театром и смазливыми актрисами, чем военным делом, и т.п.

Вероятно, так и говорилось: терять подсудимым было решительно нечего! Не могли они надеяться на защиту наркома! Ворошилов относился к ним сейчас бесконечно враждебно: мало того, что они его опозорили (такой скандал в его ведомстве!), они еще поставили под сомнение его собственную политическую честность и умение разбираться в людях! Ведь это он не раз хорошо рекомендовал Тухачевского, сделал его своим первым заместителем, был с ним в отличнейших отношениях, хотя Сталин ему делал разные намеки, а Тухачевский позволял себе разные «выпады». Теперь его собственная голова висела «на волоске».

421

О членах Политбюро, которых группа заговорщиков хотела лишить власти, и вовсе говорить нечего: те жаждали их крови и в вине не сомневались ничуть. Вполне понятно: главных лиц они знали много лет, и знание являлось отнюдь не формальным, как у современных борзописцев.

Ошибки и упущения наркома здесь нечего было выяснять: суд, где разбиралось дело об измене и заговоре, был не местом для этого. Ошибки и упущения Ворошилова надлежало выяснять на пленуме ЦК партии, на заседании Военного Совета СССР или правительства. Есть все основания думать, что из окончательно варианта стенограммы все упоминания об ошибках Ворошилова и его упущениях задним числом вычеркивались. Уже тогда Ворошилов думал, как он войдет в историю, и ему было мучительно жалко помрачить свою славу[342].

Он достиг уже 56 лет, лучшая часть жизни осталась позади. Жизнь этого луганского слесаря казалась воистину невероятной, как жизнь Адольфа Гитлера! Сын железнодорожного сторожа, Ворошилов с 6-ти лет работал на шахте, пас скот помещика, был батраком у кулака, работал на ряде заводов, знал увольнения, скитания без работы, участвовал в забастовках и массовках, издавал листовки, в 1903 г. вступил в партию и примкнул к большевикам. Участвовал в 1-й русской революции 1905—1907 гг., был главой Совета рабочих депутатов в Луганске (1905), делегатом IV, V и VI съездов партии, апрельской партийной конференции 1917 года, сидел в тюрьмах, был в ссылке (Архангельская губ., Чердынский край).

В марте 1917 г. Ворошилов — председатель луганского Совета рабочих депутатов, организатор и редактор газеты «Донецкий пролетарий».

После Октября 1917 г. поток революционных событий и собственный темперамент несет 36-летнего Ворошилова на гребне важнейших событий: он

командующий 5-й украинской армией против немцев и донской белоказачьей контрреволюции, командует 10-й армией и Царицынским фронтом, будучи здесь соратником Сталина, он — заместитель командующего и член РВС Южного фронта, нарком внутренних дел Украинской республики, командующий войсками Харьковского военного округа, командующий 14-й армией, член РВС Первой конной армии, участник X партийного съезда, командующий Северо-Кавказским (1921—1924) и Московским (1924—1925) военными округами, после смерти Фрунзе — его преемник, глава Вооруженных Сил СССР. Ему первому было присвоено звание Маршала СССР (1935).

Отношения со Сталиным складывались неровно, хотя в целом он был его сторонником. Ворошилов рассматривал себя как защитника армии и крестьянства: ведь из крестьянства в основном эта армия и состояла. Поэтому своим естественным союзником Ворошилов считал главу ЦИК СССР М. Калинина, тоже смотревшего на себя как на защитника крестьянства. Производили на него также известное впечатле-

422

ние пункты программы правых, посвященные аграрному вопросу. Следовательно, была вполне реальной основа для каких-то закулисных споров с самим Сталиным. В партию и в широкую публику они, естественно, не выходили. Но Ворошилов был смелым человеком и за свое мнение часто упорно боролся. Бывали нередко жаркие схватки, а летом 1940 г. (уже после смещения Ежова) произошел вообще скандальный случай. Сталин и Ворошилов находились на даче. И отправились они кататься на лодке на местном пруду. Предстоял тяжелый разговор (армия очень плохо показала себя в советско-финской войне 1939—1940 гг.)[343]. Раздраженный Сталин стал говорить о безобразиях и невежестве, о явном предательстве в армии, о показаниях арестованных военачальников, поданных на него, Ворошилова, которые его изобличают в том, что он «английский шпион»! Нарком сначала резко возражал, под конец побагровел, резко вскочил и влепил «вождю народов» звонкую пощечину — за нанесенное ему оскорбление. От внезапного резкого толчка лодка перевернулась и оба спорщика очутились в воде. Утонуть не утонули — пруд был мелким. И тут же выбрались на берег.

Наверное, Ворошилов ждал, что чекисты, находившиеся на берегу, тут же схватят его, но обошлось: все благоразумно сделали вид, что «ничего не заметили». Маленький инцидент объяснили тем, что лодка перевернулась. Когда схлынула горячка, Ворошилов объяснил близким, что произошло (из-за опасения, что его все-таки арестуют).

Но Сталин объявил о его устранении с поста наркома обороны и переводе на другую работу (май 1940 г.) — заместителем председателя Совета народных комиссаров СССР и председателя Комитета Обороны при СНК СССР.

Ворошилов оценил подобное великодушие и ответил позже на него хвалебной брошюрой — «Сталин и Вооруженные Силы СССР» (1950).

Но о деле Тухачевского, с которым была связана гибель многих невиновных командиров, маршал не любил вспоминать. Он с обидой жаловался близким, что Иосиф «стремился возложить ответственность за этот тяжкий грех на одного меня. Конечно, я с этим согласиться не мог и всегда отбивался». Он же говорил: «Решение о расправе с Тухачевским и другими навязали нам И. Сталин, В. Молотов и Н. Ежов». Таким образом, подтверждается, что части программы Тухачевского Ворошилов сочувствовал и пошел на истребление его группировки только под сильным внешним давлением.

Позже, среди неудач войны с Финляндией (1939) и страшных событий 1941—1942 гг., когда внезапно разразилась война с Германией, Ворошилов, конечно, не раз вспоминал 1937 г., многочисленные разговоры с Тухачевским, Якиром,

Уборевичем и другими оппозиционными командирами, и мучительно думал, где корень всех ужасных ошибок[344].

Видимо, он не раз в те годы запрашивал из секретного архива папку с судебным делом Тухачевского и заново перечитывал ее. Не в те ли годы происходила кое-какая замена документов в этой папке?..

423

Что касается суда, то он действовал в пределах поставленной перед ним задачи: установить, действительно ли виновны подсудимые, в чем конкретно, есть ли у них смягчающие обстоятельства? Ответы на эти вопросы энергично искали следователи, Ежов, прокурор СССР Вышинский, судьи, члены ЦК и Политбюро партии и, как утверждалось, нашли его. Совершенно безоговорочно. Следователь Ушаков, допрашивавший Тухачевского и Якира, Фельдмана и некоторых других, когда его в свою очередь допрашивали в Главной военной прокуратуре в 1955 г., не только не стал отпираться от своих дел, но с гордостью подчеркивал свою роль: «Я буквально с первых дней работы поставил диагноз о существовании в РККА и флоте военно-троцкистской организации, разработал четкий план ее вскрытия и первый получил такое показание от бывшего командующего Каспийской военной флотилии Закупнева. Я так же уверенно шел на Эйдемана и тут также не ошибся».

По логике вещей легко догадаться (а известные факты это вполне подтверждают), что если заговор в действительности был, то у оппозиции имелось, по крайней мере, два варианта мирного захвата военного наркомата. Первый предусматривал дружное нападение оппозиционеров на Ворошилова в правительстве, изобличение его в тяжких ошибках, требование его отставки. Предполагалось не без оснований, что преемником станет именно Тухачевский, его первый заместитель. Вполне устроил бы оппозицию и второй вариант. В соответствии с этим вариантом с 1925 г. за кулисами (с некоторыми перерывами) велась широкая кампания за передачу военного наркомата в руки С. Орджоникидзе. Этот вариант всем оппозиционерам очень нравился. Во-первых, Орджоникидзе и Тухачевский были лучшие друзья: в годы Гражданской войны первый был членом РВС в армии второго, они хорошо сработались и очень ценили друг друга. Во-вторых, Орджоникидзе достаточно терпимо относился к троцкистам. И в Наркомтяжпроме, которым он командовал, они чувствовали себя очень даже неплохо, занимали самые видные посты (Пятаков, в частности, являлся первым заместителем наркома).

Однако существовал и третий вариант, самый «острый». Он предусматривал убийство Ворошилова накануне государственного переворота. Викторов старается этот момент лицемерно затемнить (соответствующие места из стенограммы он предпочитает, по своему обыкновению, не приводить). Понятно почему: покушение на «своего» наркома выглядит очень уж гнусно!

Утверждение о подготовке покушения на Ворошилова выглядит вовсе не так глупо, как угодно утверждать некоторым. Во-первых, в свете убийства Кирова, главы Ленинградской партийной организации, который был для оппозиционеров гораздо менее опасен. Менее опасен, — а все-таки его ухлопали! Напрасны все жалкие попытки политических мошенников свалить злодеяние на Сталина! Вот уж, воистину, с больной головы на здоровую! Никаких доказательств не смогли привести за

424

40 лет, но визг о «сталинском убийстве» не прекращают до сих пор! Видывал ли мир еще таких мошенников?!

Во-вторых, в свете данных процесса Бухарина (март 1938). Именно тогда говорилось, что оппозиция составила целый проскрипционный список из своих

врагов. Помимо Кирова, в нем стояли: генеральный секретарь Сталин, председатель Совнаркома СССР Молотов, нарком обороны Ворошилов, нарком тяжелой промышленности и путей сообщения Каганович, нарком НКВД Ежов. Не нужно иметь качеств великого политика, чтобы понять простую вещь: устранение «пятерки» должно было повергнуть весь партийный и государственный аппарат в состояние растерянности и полной дезорганизации. После этих убийств, свалив вину за них на «происки контрреволюции», оппозиция имела реальные шансы на захват власти.

Правильность этого утверждения, между прочим, блестяще доказали аналогичные события после смерти Сталина в 1953 г. Едва он умер, а Хрущев захватил пост генерального секретаря, как очень быстро удалось произвести самый настоящий антисталинский государственный переворот. В ходе переворота, произведенного с большим искусством, были «выброшены» из кресел (даже без всякого убийства) Председатель Совета Министров СССР Маленков, министр иностранных дел Молотов, первый заместитель председателя Совета Министров Каганович, министр обороны Жуков. А министр внутренних дел Л. Берия (Герой Советского Союза — с 1943 г., Маршал Советского Союза — с 1945 г.!), объявленный «английским шпионом», чему доказательств дать, естественно, не пожелали, сразу был уничтожен. И после этого дело практически оказалось завершено, власть переменилась!

Для аналогии стоит вспомнить также, как различные политические группы и партии, стремившиеся к захвату власти, убивали разных президентов и глав правительств: в Африке — Лумумбу, в Чили — Альенде, на о. Цейлоне — С. Бандаранаике, в Египте — А. Садата, в Швеции — У. Пальме, в Румынии — Чаушеску, в Индии — Индиру Ганди и ее сына Раджива Ганди...

Нет, не так-то глупо звучало на процессе Тухачевского утверждение о подготовке покушения на Ворошилова! Потому-то и избегают приводить показания подсудимых по этому щекотливому вопросу! Поэтому-то и громоздят одну нелепость на другую. Так, Ворошилова якобы из всего процесса интересует лишь один эпизод — «заговор» против него самого. «Всех об этом на следствии спрашивают. Все в ответ что-то лепечут, но ничего реального». (Хорев.) Вот такими «анекдотами» угощают читателей! И с их-то помощью думают обрести доверие?!

* * *

Особый пункт разговоров на суде составлял пункт крайне гнусный — шпионаж в пользу Германии и Польши[345]. Выдержки из речей обвиняе-

мых по этому поводу опять-таки, естественно, не приводятся! Лишь голословно и с надрывом заявляется: «Они ни в чем не были виновны! Такие патриоты! Такие герои! Такие видные полководцы! Как может прийти в голову чудовищная мысль, что они — изменники?»

Пока не будут предъявлены документы, можно высказать лишь одно достаточно несомненное соображение: что Тухачевский с коллегами по военным вопросам на каком-то этапе достаточно широко употребляли правдоподобную дезинформацию. Военная оппозиция была заинтересована не в разоружении страны, не в разрушении армии, которой сама командовала, на которую предполагала и дальше опираться, не в сокрушении собственных военных округов, а в том, чтобы путем частичных поражений войск на избранных ими направлениях (тут-то и должны были пригодиться части плохо обученные!), намеренно преувеличенных, вызвать страшный политический скандал, таким путем «свалить» Сталина, обеспечить себе захват власти и изменение состава высшего партийного руководства. Видимо, Бухарин, союзник военной оппозиции,

все-таки не лгал и правильно отметил на процессе 1938 г. общий принцип, в соответствии с которым легко давались всякие «обязательства» восточным и западным «союзникам»: «Мы рассчитывали, что немцев надуем». Теоретически оппозиции все представлялось именно так.

Но, с другой стороны, иностранные разведки, «ухватив палец», начинали яростно шантажировать и говорили: «Давайте сведения — или помощи не будет! И тогда власти вам не видать! Не вздумайте «финтить»! Пошлем тогда донесение о ваших делах Сталину!» Что оставалось делать при таких обстоятельствах?! Горе-политики, воображавшие себя умнее Сталина, на каком-то этапе превращались в игрушку в чужих руках!

Тухачевский всячески оспаривал этот пункт преступных связей. Тогда призвали посторонних свидетелей, — из тех, кто не сидел с ним на скамье подсудимых. Эти лица были:

1. Г. Ягода (1891—1938) — бывший нарком НКВД, который был как мухами облеплен шпионами, которые оказывали ему помощь в его преступных делах.

2. Я. Агранов (1893—1938, чл. партии с 1915) — бывший заместитель Ягоды, смещенный с должности и отправленный на работу в саратовское НКВД.

3. А. Артузов (1891—21.08.1937, чл. партии с 1917) — бывший начальник контрразведки НКВД.

4. И. Кутяков (1897—1942, чл. партии с 1917) — бывший заместитель Тухачевского в Приволжском военном округе. Прежде он отзывался о Сталине очень крепко: «Пока «железный» будет стоять во главе, до тех пор будет бестолковщина, подхалимство и все тупое будет в почете, все умное будет унижаться». Как твердому антисталинцу, Тухачевский очень ему доверял.

5. «Тирасполец» — начальник разведки знаменитого героя Гражданской войны Г.И. Котовского (1881—1925, чл. партии с 1920), имевшего 3 ордена Красного Знамени и Почетное революционное оружие[346]. Этот «тирасполец», бывший потом на разведывательно-дипломатической работе, отлично знал Якира и Тухачевского, пользовался их доверием, так как входил в Тираспольский отряд, которым в 1918 г. командовал Котовский. Отряд стал затем кавалерийской бригадой, и она проделала свой боевой путь в рядах войск Якира, воевала на польском фронте, на Украине с петлюровцами, махновцами, с бандами антоновцев. «Тирасполец» был участником освобождения г. Тирасполя[347] бригадой Котовского 12 февраля 1920 г. Руководство оппозиции послало его для секретных переговоров с военным руководством Румынии на предмет организации большого конфликта на советской границе. Он был пойман с поличным[348]. И теперь выступал как свидетель зарубежных секретных связей Тухачевского с фашистскими кругами Румынии.

Это лишь один из вариантов, который кажется самым верным, учитывая военную среду. Однако в реальной жизни всякое бывает, казалось бы, и самое фантастическое. И вот вариант именно такого вида. Этим «тираспольцем», хорошо знавшим дела Якира и Тухачевского, мог являться и академик-химик Н.Д. Зелинский (1861—1953). Почему это так? А потому, во-первых, что он родился в городе Тирасполе и, следовательно, мог носить у чекистов кличку по своему городу. Во-вторых, он окончил Новороссийский университет в Одессе и с 1888 по 1893 г., когда его назначили профессором Московского университета, работал в своем университете приват-доцентом. Его связи с родным университетом в Одессе никогда не прерывались. И он всегда был в курсе того, что творилось в оставленном городе, этой столице Юга. Военная же деятельность Якира связана в немалой степени именно с Одессой, не столь уж далекой от молдавского Тирасполя. И если Зелинский, благодаря своим связям, получил сведения о

нелегальной деятельности Тухачевского (от его жены, ставшей третьей женой академика, или из других источников), то можно не сомневаться, что он тут же передал эти сведения лично Ежову. Академик был вполне несомненным приверженцем Сталина. В 1951 г., когда отмечался его 90-летний юбилей (!), академик в своем выступлении сказал:

«Я счастлив, что судьба позволила мне дожить до тех лет, когда мои молодые мечты стали реальностью. Я хотел бы прожить еще немного, чтобы вместе с вами потрудиться и порадоваться на тот великий исторический прогресс, который совершается в нашем государстве, благодаря великой Коммунистической партии, под руководством товарища Сталина».

А это — уже о Зелинском: «Память о нем мне очень дорога, как о человеке высочайшей культуры, выдающемся, мудром представителе интеллигенции, крупном ученом-патриархе передовой русской научной школы химиков-органиков, горячем патриоте, внешне и духовно пре-
427
красном человеке, смелом и мужественном, обращенном к людям своей открытой душой. Каждый из учеников Николая Дмитриевича Зелинского всегда с удовольствием обращается к воспоминаниям о нем, в особенности в кругу бывших соратников». (А.М. Рубинштейн. Институт органической химии Н. Д. Зелинского. М., 1995, с. 132.)

Вот второй возможный вариант относительно таинственной личности «тираспольца». Так дело представляется в настоящий момент. Оба персонажа в качестве свидетелей были для Тухачевского крайне опасны и неудобны: слишком много они знали. И их показания, в совокупности с показаниями других свидетелей, давали убийственную картину, опровергнуть которую он не мог. Впрочем, есть и 3-й вариант: «тираспольцем» вполне мог быть и начальник сигуранцы Румынии, подкупленный советской разведкой.

6. Мария Резе — немецкая разведчица, осуществлявшая связь Канариса и Тухачевского, завербовавшая маршала, как говорил Сталин, «по бабской части».

7. Лидия Воронцова — сотрудница ИНО НКВД, любовница маршала, связывавшая его с немцами из Генерального штаба. Она очень успешно работала в Берлине. Об этой красивой даме 38-и лет поговаривали, что она из рода генерала-фельдмаршала царской России М.С. Воронцова (1782—1859), одного из героев войны 1812 года, наместника на Кавказе[349]. На самом деле это весьма маловероятно. Скорее всего, она принадлежит к плеяде женщин-разведчиц из евреек, которых в разведке было вообще очень много. Что же касается ее фамилии, то скорее всего она получила ее в результате брака. Мужем ее предположительно был Михаил Воронцов (1901—1986), член партии с 1926 г., капитан 1-го ранга, военно-морской атташе в Берлине в 1941 г., ставший в годы войны контр-адмиралом.

8. Собственная жена маршала Нина Евгеньевна, бывшая жена Кузьмина.

9. Жена Путны (1893—1937) — военного атташе в Японии, Финляндии, Германии и Великобритании. Она знала очень много — в силу давнего общения с Тухачевским.

К этому списку присоединялось еще два адъютанта — Смутный и Шилов. Первый прибыл с Украины и «получен» был Тухачевским от Якира. Он служил для них офицером связи по особым поручениям. Второго, Шилова, Тухачевский «получил» от Уборевича. Он исполнял подобные же обязанности.

Биография Смутного, расстрелянного по обвинению в шпионских связях с польской и немецкой разведками, всячески замалчивается. В настоящее время о нем можно сказать только следующее:

Яков Смутный (1895—1937) — из интеллигентной еврейской семьи с польскими корнями. В переводе с польского «Смутный» означает — «печальный».

Предки жили на территории королевства Польского, но после неудачного освободительного восстания против царизма (1863—1864) пе-
428
ребрались на Украину, а оттуда судьба их забросила в Молдову, где они, как многие евреи, и осели в Кишиневе, центре Бессарабской области.

Яков вырос на улице, однако кончил гимназию. Знал два языка: польский и немецкий. Мог объясняться на румынском и чешском.

Будущего командарма Якира, родившегося в семье провизора, знал с детства. Они росли на одной улице, были соседями, входили в одну компанию мальчишек. Когда произошла Октябрьская революция 1917 г., боярская Румыния захватила Кишинев и окрестные земли. Недовольные этим, революционные элементы стали организовывать сопротивление. Главной организацией являлся Бессарабский губревком большевиков, в который Якир вошел уже в декабре 1917 г., всего 21 года (чл. партии большевиков с апреля 1917 г.). В январе 1918 г., по заданию губревкома, Якир собирает отряд из революционной молодежи для борьбы с румынской оккупацией. Отряд быстро разрастается, особенно за счет китайцев, которых судьба занесла в Бессарабию. Так что весной и летом 1918 г. создается китайский батальон, которым Якир и командует. С этого начинается путь красногвардейского отряда, который затем вливается в состав Южного фронта. За годы Гражданской войны Якир становится выдающимся командиром, получившим за военные заслуги три ордена Красного Знамени.

Смутный сопровождал своего товарища и командира всю Гражданскую войну. Сначала служил в разведке, что очень ему нравилось, поскольку был он человеком смелым и склонным к риску. В партию большевиков вступил лишь в 1918 г., а до этого входил в группу еврейской сионистской молодежи. В ходе борьбы перешел на командные должности и командовал ротой, батальоном, полком, бригадой. Имел 2 ордена Красного Знамени. Якир очень ценил его, доверял ему и взял на пост своего главного адъютанта.

После Гражданской войны Смутный, пламенный поклонник Троцкого, закончил школу командных кадров — курсы «Выстрел» и продолжал служить при штабе Якира, который с 1925 г. командовал войсками Украинского военного округа, разделенного позже на ряд округов (Киевский, Харьковский, Одесский). Карьера Якира, не получившего военного образования в России, но закончившего Высшую военную академию германского Генерального штаба по командировке своего наркомата (1927—1928), была самой блистательной: он числился в любимцах Сталина, избирался членом ЦК и Политбюро ЦК партии Украины, членом ЦИК СССР и УССР.

При таком могучем начальнике Смутный чувствовал себя очень хорошо. И играл немалую роль во всех интригах того времени, близко зная весь командный состав. Он выполнял все секретные и «щекотливые» поручения Якира, в том числе по заграничным связям. (Начальник личной канцелярии президента Чехословакии Бенеша Смутный — скорее всего, его двоюродный брат, хотя можно допустить, что и род-
429
ной: из чешских военнопленных, отпущенных после Гражданской войны на родину.)

Вместе с Якиром вошел в тайную оппозиционную группировку на Украине, направлявшуюся Тухачевским, заместителем наркома обороны, сидевшим в Москве. Свои старые политические симпатии ему пришлось на время

приглушить, ибо этого требовал начальник. Якир лично был участником XV съезда партии (делегирован с правом решающего голоса Одесской окружной партийной конференцией) и принимал участие в исключении из партии троцкистской оппозиции.

Именно к Тухачевскому в конце 1936 г. Якир и командировал Смутного на работу — в качестве офицера связи и главного адъютанта. И именно его начальник контрразведки НКВД Николаев-Журид со своими сотрудниками поймал с поличным при попытке переправить секретную документацию польскому Генеральному штабу. Доставленный в Москву на Лубянку, Смутный выложил все, что знал (а знал он много!). Захваченные документы и его признания послужили последними основаниями для ареста Якира и Тухачевского.

Биография второго адъютанта — Шилова (инициалы его не сообщаются), видимо, такова:

Дмитрий Самойлович Шилов (1893—1952) — один из видных руководителей Сибири и Дальнего Востока, боровшийся за утверждение там Советской власти. В партии большевиков с марта 1917 г. Происходит из крестьян, родился в деревне Читинской области.

Вступил в революционное движение Забайкалья с 17 лет (1910), по-видимому, в рядах эсеров, и достаточно поздно перешел в ряды партии большевиков.

Участник Первой мировой войны на Кавказском фронте в чине прапорщика (кончил Иркутское военное училище в 1915 г.). Пользовался среди солдат большим авторитетом за ум и храбрость. После февраля 1917 г. избирался председателем полкового и бригадного комитетов, затем членом Совета Кавказского фронта. В Гражданскую войну был организатором партизанского движения в Сибири, членом Центросибири — высшего советского органа края из большевиков и левых эсеров[350], в 1920—1922 гг. командующий фронтами (Восточно-Забайкальский и Амурский), председатель Учредительного собрания, заместитель председателя Совета министров Дальневосточной республики. С 1923 г. — на руководящей работе в Москве в РКИ РСФСР, потом в учреждениях культуры, чем был очень недоволен. За Гражданскую войну награжден орденом Красного Знамени.

Именно человек такого опыта, с такими связями и был нужен Тухачевскому для его секретных дел. Но все получилось не так, как предполагал маршал. Шилов активно способствовал разоблачению Тухачевского на предварительном следствии — и в результате вышел «сухим» из опасных событий 1937—1938 гг. За оказанные услуги в 1937 г. (всего 45-ти лет!) он даже удостоился персональной пенсии.

430

Неизвестно, присутствовал ли на предварительном следствии еще один адъютант Тухачевского, уже бывший и давно сидевший в тюрьме. Это Коромыслов, осужденный еще в 1929 г., чья фамилия всячески замалчивается. О нем известно пока очень мало, хотя он заслуживает внимания. Известные данные таковы: Коромыслов Петр Артемьевич .(1897— 1937) — из дворян. Участник Первой мировой войны. Кончил гимназию и военное училище, был в плену в Германии, где встречался с Тухачевским. Возвратившись на родину, вступил в РККА, участвовал в Гражданской войне, был командиром полка, бригады, дивизии, занимал штабные должности. Взят Тухачевским на должность первого адъютанта, как человек хорошо ему известный и знающий Германию. В 1929 г., когда началась коллективизация, был отправлен на работу в Западно-Сибирский военный округ и там арестован за контрреволюционную агитацию среди крестьянства. Был приговорен к тюрьме и лагерю, а расстрелян в августе 1937 г.

Так что весьма возможно, что он тоже давал показания против Тухачевского, письменные или устные.

Надо отметить еще одного человека. Есть основания думать, что и это лицо принимало участие в предварительном следствии, поскольку располагало важными сведениями относительно тайной деятельности Уборевича, Якира и Тухачевского — их секретной связи с польскими руководителями и военной верхушкой. Лицом этим была 32-летняя Ванда Львовна Василевская (1905—1964), в Польше лицо широко известное.

Она родилась в очень видной семье — одного из основателей и руководителей Польской социалистической партии (создана в 1893 г. в Париже), соратника Пилсудского, бывшего в 1918—1919 гг. министром иностранных дел Польши, отделившейся от России.

Принимала участие в революционном движении, с 16-ти лет выступала в печати со стихами, закончила Краковский университет (1929 г.), имела звание доктора философских наук. Первая книга — «Облик дня» (1934 г.), посвященная польскому рабочему классу, его революционной борьбе и росту революционного сознания. В следующей книге «Родина» она показала жизнь польской деревни. Польскому крестьянству она посвятила также книгу «Земля в ярме» (1938 г.). Критики пилсудчины подвергали ее книги яростному поношению, как враждебные буржуазному режиму Польши.

Занимаясь литературной деятельностью, Василевская вела большую общественную работу, писала статьи и очерки для прогрессивных газет и журналов, работала среди учителей, в МОПРе, в правлении «Лиги прав человека и гражданина», членом которого состояла.

За свою деятельность едва не попала в тюрьму. Когда фашистская Германия напала на Польшу (сентябрь 1939 г.), перешла в советский город Львов и приняла советское гражданство. Учитывая заслуги, Василевскую избрали депутатом Верховного Совета СССР. В Советском Союзе вышла замуж за известного советского и украинского драматурга

Александра Корнейчука (1905—1972), бывшего также председателем Союза писателей Украины (1938—1941, 1946—1953).

В 1940 г. она публикует написанную в Польше книгу «Пламя на болотах» — о национальном гнете в Польше и борьбе украинцев против него.

В 1941 г. Василевская вступает в ВКП(б) и с началом войны, как полковой комиссар, а позже полковник, работает в Политуправлении Юго-Западного фронта и Политуправлении Советской Армии. Некоторое время редактирует газету «За Советскую Украину». Ее многочисленные статьи и очерки часто появляются в газетах и выходят отдельными брошюрами.

В 1942 г. выходит ее книга «Радуга», изображающая жизнь советских людей под властью фашизма. Книга получила Сталинскую премию (1943 г.), по ней был поставлен кинофильм.

С 1943 г. Василевская — глава Союза польских патриотов в СССР, один из организаторов польской демократической армии в нашей стране. С 1944 г. занимала пост заместителя председателя Комитета национального освобождения Польши, главного редактора газеты «Советская Польша» (1943—1945).

В 1944 г. вышла ее книга «Просто любовь», тоже удостоенная Сталинской премии (1946), в 1945 г. — «Песнь над водами» (написана перед войной), в 1946 г. — «Когда загорится свет», посвященная восстановлению страны.

В послевоенный период Василевская выпускает книги очерков о современной Франции и Италии, книги для детей. Самой большой ее неудачей явилось написание вместе с мужем либретто для оперы Данькевича «Богдан

Хмельницкий», куда вкрались серьезные ошибки (1951). Только вторая редакция (после серьезной переработки текста) принесла успех. В 1952 г. за участие в этой работе она получила третью Сталинскую премию.

До самого конца жизни (она умерла 59-и лет) Василевская вела активную общественную работу, являлась членом Всемирного Совета Мира, Международного жюри по премиям мира, непримиримо боролась в печати против империализма и войны.

За свои заслуги она удостоилась польских и советских орденов, в том числе ордена Ленина[351].

Вот эта Ванда Василевская, благодаря ее связям в правящей польской верхушке, с полной несомненностью, работала на советскую военную разведку. Она передала в Москву много важных сведений, полученных в польских дипломатических кругах, так как с детства близко знала очень многих важных лиц. Она имела в силу этого множество возможностей перехватывать нелегальные связи Тухачевского и его сторонников с польскими правительственными верхами и польскими военными.

Интересно отметить, что Ванда Василевская сильно напоминает по роду своей деятельности Зою Воскресенскую, тоже полковника и

432

писателя, по роду основных занятий — разведчицу из внешней разведки, работавшую в Швеции[352].

Последний удар в качестве свидетелей организованного заговора нанесли С. Буденный и Б. Шапошников (1882—1945), которые по заданию Сталина вступили в ряды заговорщиков ради их разоблачения.

Тухачевский был буквально раздавлен таким количеством показаний — столь разных и очень видных людей. Он не мог их опровергнуть: ведь их подкрепляли его коллеги, сидевшие с ним на скамье подсудимых, да еще секретные микропленки, возвращенные из Берлина. Ему оставалось признать свою вину, что он и сделал.

Когда-то в одной из своих книг Примаков написал по поводу смерти в бою Самуся (1918), помощника командира бригады Червоного казачества, получившего на поле боя 20 (!) ран: «Снимите шапки перед его памятью. И пусть наш смертный час будет так же красив, как эта смерть на поле битвы». (Этапы большого пути. М., 1963, с. 241.)

Увы! Коварная судьба не дала ему исполнения собственного пожелания! И погиб он не как герой, даже не просто как честный человек! Перед смертью он самым ужасным образом запятнал свою прошлую героическую жизнь! Не последовал он почему-то известным китайским пословицам, которые гласят: «Достойный человек умрет, но не опозорит себя», «Павлин заботится о своем хвосте, а достойный человек — о своей чести», «Лучше один день быть человеком, чем тысячу дней его тенью», «Славу трудно добыть, но легко потерять!» Не принял во внимание и пословицы русские: «Честь головою оберегают», «Смерть лучше бесчестья!»

По поводу причин смерти Гамарника многие западные газеты гадали явно, а некоторые авторы намеками старались навести «тень на плетень». Суварин, известный противник Сталина, изображал обстоятельства данного печального дела следующим невинным образом: «Вероятно, он (Гамарник) оказал поддержку старому товарищу или сохранил отношения с родственником, не порвавшим с «троцкистами». Ничего другого в деле Гамарника быть не могло. Ни Гамарник, ни Тухачевский не были способны погрешить против политической дисциплины — а тем более, против дисциплины военной. О «противосоветских кознях» с их стороны тоже говорить не приходится. Объяснение гораздо более простое:

Сталин занялся армией, как недавно занимался полицией, а еще раньше — литературой. Не следует забывать, что он обладает абсолютной и безграничной властью везде и повсюду. Для него альфа и омега государственной мудрости заключаются в том, чтобы ссылать и расстреливать, предварительно обесчестив и оклеветав жертву. При таких условиях вполне понятно, что находятся люди, которые начинают испытывать отвращение и предпочитают добровольную смерть «веселой и счастливой жизни». («Последние Новости». 04.06.1937, с. 3.)

Однако часть буржуазных газет не была склонна к «объяснениям» подобного рода. И давала объяснения более реалистические, сообщая

при этом массу пикантных подробностей, которые «воспоминания друзей и соратников» лицемерно замалчивают. Так, они сообщают, что Гамарник приходился Ворошилову интимным другом (как это он вошел к нему в доверие, интересно?!), что он пользовался личным доверием Сталина, который именно ему поручил чистку офицерского корпуса. В этой связи рижский корреспондент газеты «Пари Миди» сообщает: «Лишь несколько недель назад неожиданно выяснилось, что сам Гамарник поддерживал связи с троцкистской организацией. Чисткой он воспользовался для того, чтобы продвинуть своих людей на все более или менее крупные посты».

Можно сказать с полной уверенностью, что все существующие биографии Блюхера написаны с большими умолчаниями, что подрывает к ним доверие. Впору умилиться: «Не человек, а какой-то Иисусик!» На самом-то деле этот друг Ворошилова был вовсе не таким. Об этом говорят некоторые важные факты:

1. В казенной биографии Блюхера имелись какие-то подозрительные и темные пятна. Относительно них многие недовольные говорили между собой, но никто никогда не требовал у Блюхера официального объяснения. И вот, наконец, в 1937 г. он сам попал под подозрение. И тогда Ежов решил заняться рассмотрением его биографии. «Для проверки биографических данных маршала, Иванову (следователю НКВД. — *В.Л.)* нужна была его автобиография. Однако ни в кадрах Наркомата обороны СССР, ни в других учреждениях автобиографии, написанной лично Блюхером или подписанной им, он разыскать не смог». (Сафонов В. Последние дни маршала Блюхера. — «Советский воин». 1991, № 2, с. 80.)

Каково?! Официальная биография маршала, а не какого-то слесаря или водопроводчика, вдруг исчезает из кадров Наркомата обороны и всех других учреждений! Разве это не говорит уже кое о чем?! Что нужно было Блюхеру скрыть, что он поручил членам организации свои автобиографии отовсюду выкрасть?!

2. Как и другие, не только «грешные» сторонники скверного Сталина, Блюхер занимается интриганством. Было бы интересно собрать и опубликовать воспоминания не друзей, а тех, кто пострадал от него, вместе с документами. Уж, наверное, они бы изобразили его отнюдь не «святым»!

Вот один интересный пример. На Дальнем Востоке всеми делами руководила тройка: секретари Верный и Лаврентьев (Картвелишвили, 1891—1938, чл. партии с 1910), командующий ОКДВА Блюхер. Со 2-м секретарем маршал в чем-то не сошелся, стал требовать его замены и добился своего (этого последнего, противника Сталина и Берии, перевели на пост секретаря Крымского обкома). Само по себе это бы еще ничего не значило: мало ли почему люди бывают друг другом недовольны! Дело становится интересным лишь потому, кого он вызвал ему на смену — Иосифа Варейкиса (1894—1939, чл. партии с 1913), весьма известную личность на Украине, в Поволжье и Царицыно (следовательно,

и Сталину!), одного из главных руководителей при ликвидации мятежа «левого» эсера М. Муравьева, тогда командующего Восточным фронтом против чехословаков[353]. Этот вот Варейкис быстро прибыл на Дальний Восток (16.01.1937 вступил в должность, то есть еще до открытия процесса Пятакова—Радека, происходившего 23—30.01.1937 года!) и тотчас энергично начал разоблачать «фашистские гнезда»! («Последние Новости». 13.06.1937, с. 2.) Блюхер, естественно, ему помогал. Было бы весьма интересно и полезно познакомиться с результатами этой деятельности, а также увидеть в особой статье и монографии, как именно шла эта «чистка», каковы были ее достижения и «искривления», получив поименные списки «разоблаченных», вместе с их фотографиями и биографиями! Интересно также, какова мера ответственности за них лично Блюхера!

6 июня 1937 года Дальневосточная партийная конференция в Хабаровске, признала неудовлетворительной работу политуправления округа, «на что маршал Блюхер также своевременно обращал внимание центральных органов» (там же). Вот это обстоятельство также весьма интересно! Ведь Политуправление с ноября 1936 г. возглавлял Хаханьян, который вовсе не считался плохим работником. Что он собой представлял? Хаханьян (1895—1937, чл. партии с 1917) — офицер царской армии, участник Гражданской войны, занимал должности военкома дивизии, командира бригады, помощника начальника дивизии, после Гражданской войны — на политработе, то есть являлся, несомненно, человеком с надлежащим опытом. Блюхер же грозил отправить его на эшафот. Хотел таким образом спасти себя или «обезопасить» свою армию?! Не мешало бы это прояснить!

Блюхера принято ныне всячески оправдывать и обелять, делая из него святого. Но есть ли для этого основания?

При вопросе о моральных качествах Блюхера представляется очень интересной одна история, о которой сторонники маршала умалчивают. Вот она: «Арестован красный генерал Рютин (брат Рютина-политика, автора антисталинского манифеста. — *В.Л.).* Интересен не сам факт ареста, а сопровождавшие его обстоятельства. Рютин, должно быть, «выдвиженец», т.е. официальный карьерист, прислужник, ревностный жандарм «генеральной линии». Он настаивал на репрессиях против Бухарина (!), добивался отстранения Томского (!), интриговал против Фрумкина. В то же время он лелеял дружбу с Блюхером, командовавшим армией. Сталину не нравилась дружба Рютина с Блюхером, — последний считается «идеологически» сомнительной и опасной фигурой. Однажды Рютин вздумал дружески и доверительно поговорить с Блюхером о необходимости «спасать положение и принять меры против пятилетнего сумасшествия». Блюхер выслушал друга, не сказав ни слова, но немедленно рапортовал по команде, доложил об этом народному комиссару по военным делам Ворошилову с просьбой сообщить Сталину. Рютина,

конечно, арестовали. Теперь идут аресты среди его друзей». («Военный заговор»». Пятницкий Н.В. Красная армия СССР. Париж. 1931, с. 58—59.)

Очень, конечно, интересная история! Не мешало бы сторонникам Блюхера ее прокомментировать с документами в руках! А следственное дело и стенограмму судебного процесса генерала и его соратников надо опубликовать! Вот тогда и видно будет, каковы на деле моральные качества Блюхера и мог ли он позднее совершить то, в чем его обвиняли!

Вот еще кое-что интересное, наводящее на размышления. Тот же В. Сафонов в своей статье «Последние дни маршала Блюхера» («Советский воин». 1991, № 2, с. 79) пишет: «Для начала Фриновский установил за маршалом круглосуточное наблюдение. Теперь фиксируется каждый его шаг, каждая встреча, каждый

разговор. Все берется на заметку». Вот оказывается, каков был фактический ФУНДАМЕНТ (вместе с документами всякого рода!) при аресте каждого важного лица!

Но где же этот дневник наблюдений? Почему до сих пор не опубликован? Всякий должен понимать, что он имеет громадную важность — именно в силу своей фотографичности. Конечно, он заслуживает большого доверия (поскольку составлялся ежедневно, сразу после события, а не в виде «воспоминаний» через 20—40 лет, да еще с учетом карьеристских соображений!). Такой дневник предпочтительнее, чем лживые «жизнеописания», которые стряпают по вполне определенным заказам!

Вот такое же наблюдение, как и за Блюхером, в течение многих лет велось и за Тухачевским. Где же эти дневники?!

Партийная конференция, после серьезной критики, объявила работу старого руководства во главе с Верным и Картвелиишвили неудовлетворительной. Им было поставлено в вину «отсутствие бдительности», ибо они не реагировали на письма и телеграммы коммунистов разоблачительного характера, говоривших о шпионской деятельности разных лиц. Было сформировано новое руководство краевого комитета партии: Варейкис, Блюхер, Хаханьян, Птуха, Викторов, Балицкий и другие.

45-летний Всеволод Аполлонович Балицкий — очень известный чекист того времени (чл. партии с 1915 г.), друг Постышева, председатель киевской ГубЧК с 1919 г., председатель ГПУ УССР (1923—1931), заместитель председателя ОГПУ СССР (1931—1933), вновь председатель ГПУ УССР (1933) и нарком внутренних дел УССР (с 1934), член Политбюро ЦК КП(б) У с XI съезда компартии Украины. В ноябре 1935 г. «Правда» писала: «Он пользуется искренней любовью в широких партийных массах и в среде рабочих и колхозников». Этот панегирек не помешал уже 27 ноября 1937 г. расстрелять по приговору суда этого сына бухгалтера, получившего образование в Тифлисской школе прапорщиков (1915), бывшего меньшевика (1913), перебежавшего к большевикам (1915) и ставшего в их рядах крупнейшим палачом в НКВД («украинский Ежов»). Это он со своими сотрудниками обнаружил в киевском архиве «доку-

менты» о сотрудничестве Сталина с царской охранкой — и тем поверг в кровавый хаос всю Украину. Вот о ком давно следовало написать целую монографию. Но ее, разумеется, и ныне нет.

ГЛАВА 21. ФИНАЛ

На лицах ясно доброе начало,
И злая сущность тоже нам ясна.
И все ж мы друг о друге знаем мало:
Не каждый разбирает письмена.
Восточная мудрость

Ульрих объявил: «Суд удаляется на совещание!»

И все члены суда с ним во главе ушили в соседнюю комнату, оставив слушателей, среди которых находился и Н. Хрущев, тогда первый секретарь городского и областного комитетов партии, в состоянии тягостного томления. Ежов, естественно, увязался за уходившими и вошел в комнату вслед за ними. Белов и Блюхер пробовали протестовать, говоря: «В совещательной комнате надлежит быть только членам суда!» Но Ежов сразу пресек попытку спора, сказав: «Я тут по распоряжению товарища Сталина!» Пришлось покориться. Ежов, сев в стороне, злобно рассматривал их, словно выбирая себе новую жертву.

В его присутствии разговора не получилось. Все сидели молча, в напряженных позах, уставившись в стол, кое-кто барабанил по столу пальцами. Через десять минут тягостного молчания Ульрих сказал: «Пора кончать! Изменники изобличены! Товарищ Сталин сказал: «Всем негодяям — смерть!» О чем тут думать? Вот приговор — подписывайте!»

И выложил на стол приговор, заранее заготовленный. Первыми подписали Буденный и Шапошников, за ними, с величайшей неохотой, все остальные. Подписал и «честный солдат» Блюхер[354]. Остальное было уже просто. Ульрих сказал: «Надо объявить приговор!» — и первый вышел из помещения в зал заседаний. За ним пошли остальные.

При их появлении подсудимые и все, кто сидел, встали. Подсудимые явно волновались: наступил решающий момент. Ставкой являлись их, а не чужие, жизни. У каждого теплилась еще надежда, что Сталин, в силу их высокой полезности для армии, не посмеет казнить и объявит им амнистию.

Увы, надежда не оправдалась! Ульрих внятно прочитал приговор, и все поняли: наказание одно — смерть! Якир впал в истерику и стал кричать: «Я не виновен! Дайте мне бумагу — я напишу Сталину и Ворошилову!» Члены суда стали говорить: «Надо дать!» Ульрих нехотя согласился. Якиру дали бумагу и ручку. Он быстро написал два письма и отдал их ему для передачи[355].

Записки тут же послали к адресатам.

437

Теперь оставалось завершение. Комендант Судебного присутствия отдал приказ: «Из зала — на улицу!» И все, покинув зал, пошли на улицу, где их ждали машины.

Осужденных вместе с конвоем посадили в крытый грузовик, высокое начальство село в персональные легковые автомашины. Подсудимые, выйдя на улицу, с тоской посмотрели на них, думая, что совсем недавно они сами ездили в таких, всем отдавая распоряжения и пользуясь величайшим почетом. А вот теперь...

Машины пошли в Лефортовскую тюрьму: впереди и позади ехали грузовики с бойцами охранения — на тот случай, если оппозиция попытается отбить силой своих высоких руководителей, — в середине машина с осужденными и кавалькада легковых машин. Кроме того, по всей трассе по распоряжению Ежова были выставлены бойцы НКВД при оружии — тоже по соображениям осторожности.

Прибыли в Лефортово быстро — и без всяких происшествий. Дорожные посты, как только кавалькада проезжала, согласно приказу, через 15 минут снимались с места и возвращались к себе в казармы.

Въехав во двор, машины останавливались. Осужденных вывели и провели в тот спецотдел, где совершали смертные экзекуции. Осужденных с охраной поставили в одном месте, всех судейских и прочих — в другой.

Прокурор СССР Вышинский еще раз зачитал приговор, затем по очереди стал вызывать осужденных, начиная с Якира и Тухачевского. Конвоиры подводили каждого осужденного к стене, а затем отступали в сторону.

Все было заранее обговорено и роли распределены. Расстрелять Якира должен был лично Ворошилов[356], бывшего маршала Тухачевского — маршал Буденный, упрямца Уборевича, доставившего столько хлопот следствию, лично Ежов, остальных — другие сотрудники наркома, которые рассматривали это как награду за тяжелую работу, которую они проделали. Эта честь досталась М. Фриновскому, Леплевскому, Карпейскому, Николаеву-Журиду, Ушакову.

Серов, комендант Судебного присутствия, свояк Н. Хрущева (они были женаты на родных сестрах), видный чин в НКВД, громким голосом давал

команды. Рядом, зло сжав губы, стоял Блюхер. Именно ему было предложено Сталиным командовать расстрелом, но он категорически отказался, заявив, что для этого есть другое ведомство. Все было проделано быстро, и руки ни у кого не дрожали. Якир крикнул: «Да здравствует товарищ Сталин!» — надеясь, что тут-то и объявят ему амнистию[357]. Ошибся. Прогремел выстрел из нагана Ворошилова, который прибыл сюда заблаговременно и успел прочитать его письмо, отклонив все просьбы по существу. Получив пулю в затылок, Якир мертвым лег на бетонный пол. За ним вызвали Тухачевского. Стоя среди своих, он, верно, думал: «Пугают! Не посмеют расстрелять маршала! Это вселенский скандал». Но увидал, как упал мертвым Якир, — и сердце у

него оборвалось. Поставленный к стенке, он крикнул: «Вы стреляете не в нас, а в Красную Армию!»

Это ни на кого не произвело впечатления. Грянул второй выстрел — из нагана Буденного, — и бывший маршал тоже мертвым рухнул на пол[358]. И так, друг за другом, пустили «в расход» всех остальных[359].

Увидав, как умерли Якир и Тухачевский, осужденные поняли: пощады не будет! И поэтому перестали сдерживать свою ненависть. Подходя к расстрельной стенке, каждый изрыгал яростную брань по адресу Сталина, называя его «предателем революции», «мерзавцем», «ублюдком», «палачом», «фашистом», «злобным убийцей», «шпионом охранки», суля ему и всему его потомству, и всем его присным страшное народное возмездие. (Тут они, как и многие другие, ошиблись.)

Скоро все было кончено. Врач, обойдя тела, засвидетельствовал смерть; те, кому это полагалось, поставили свои подписи под актом о приведении приговора в исполнение. После этого все поспешили на улицу, куда рядовые бойцы НКВД вытаскивали к грузовику тела казненных.

Расстрелянных с тем же сопровождением отвезли на Ходынское поле, ставшее позже территорией Московского центрального аэродрома им. М. Фрунзе (!), сняли здесь с машины, опустили в заранее вырытую яму, засыпали негашеной известью, закопали, а землю плотно утрамбовали[360] .

После этого высокое начальство в полном молчании вновь вернулось к своим машинам и разъехалось по домам. У всех были угрюмые лица, и все, за исключением Ульриха, которому предстояло делать доклад Сталину о минувших событиях, в тот день зверски напились. Только по разным побуждениям: Ежов и его сотрудники — от радости (они успешно завершили труднейший процесс, истребили презренную и крайне опасную шайку!), члены суда— от стыда (они отправили на «тот свет» бывших боевых товарищей, многократно награжденных Советской властью, которых столько лет советская же печать превозносила до небес, как «самых выдающихся советских полководцев»). Но что было делать?! В открытую перечить Сталину? Пытаться поднять на него народ и войска? А если не поднимутся?! Значит, остается покориться? Но тогда не прав ли был поэт, говоривший: «Сегодня — ты, а завтра — я»?!

А Ульрих, вернувшись в гостиницу, в которой он жил, в который раз уже рассматривал свою коллекцию бабочек, насаженных на острия, и, прихлебывая душистый чай из стакана в красивом подстаканнике, думал, что человек ничуть не лучше такой бабочки, как бы он высоко ни заносился в своих мыслях, и что очень мало нужно, чтобы он при всех своих званиях и орденах, при самой великой славе пришел к великому бесславию и даже вообще перестал существовать!

Он имел полное основание так думать. По страницам газет катился вал неистовой ненависти и гнева. Главная газета страны «Правда» в своей передовой

уже в день процесса, 12 июня 1937 г., сообщала своим читателям: «Острый меч социалистического правосудия обрушился на го-
439
ловы подлой военно-шпионской банды. Вместе с гнуснейшей гадиной Гамарником, покончившим жизнь самоубийством, чтобы уйти от разоблачения и суда, — эти восемь шпионов совершили самые тяжелые злодеяния, какие только мыслимо представить. Они, как Иуды, за фашистские сребреники продались врагу. Эта банда, как установлено, совершила весь круг преступлений, который 133-я статья Сталинской конституции требует карать, как самые тяжкие злодеяния».

Эта стилистика была установкой для печати всей страны. И другие газеты и журналы в течение ближайших месяцев писали в том же духе.

ГЛАВА 22. ЧЕРЕЗ НЕДЕЛЮ ПОСЛЕ ЗАВЕРШЕНИЯ ПРОЦЕССА...

Не родись богатым, не родись красивым, а родись счастливым.
Пословица

Дни неслись, как скаковые лошади. Сотрудники Ежова, почти не покидая кабинетов, работали не покладая рук, выявляя новых оппозиционеров, подвергая их арестам. Суды повсюду последних сурово судили, расстрельные команды, как им положено, — истребляли врагов. В Наркомате обороны царило похоронное настроение. Каждый боялся за себя.

Но страна трудилась, как обычно, и военные, скрипя зубами, делали свое повседневное дело. Правда, остатки оппозиции распространяли слух, что Сталин не посмел расстрелять Тухачевского, лучшего из советских военачальников, но отправил его «на отсидку» в один из советских лагерей, хотя там его никто не видел, как и в других местах[361].

Ворошилов, читая по утрам подборки отзывов зарубежной печати, тяжело вздыхал. Отрицательных отзывов на процесс Тухачевского было слишком много. Чтобы приглушить мрачные настроения в военных верхах, нарком решил устроить бал!

Арвед Аренштам, корреспондент «Последних Новостей», побывал на балу, который формально устраивал наркоминдел М. Литвинов в особняке Рябушинского, видного российского миллионера, одного из организаторов российской контрреволюции и иностранной интервенции. После этого бала Аренштам прислал в свою газету интересный материал, часть которого — в связи с делом Тухачевского! — ниже и приводится:

«Из соседнего, танцевального, зала, доносятся плавные звуки вальса. Молодые дипломаты и военные туда устремляются. Бал открывает Литвинов туром вальса с женой одного посла. Танцует он вальс «по старинке», как танцевали его лет тридцать назад на интеллигентных вечерин-
440
ках. Английский посол галантно приглашает жену наркоминдела. Госпожа Литвинова танцует лучше своего супруга.

Между тем в кругу молодых атташе вполголоса идет спор:

— Будет ли Буденный танцевать казачка?

Прецеденты есть. Но на этот раз мнения разделяются. Одни считают, что обязательно будет — после ужина. Другие не без основания замечают:

— Послушайте, — не прошло еще и недели со дня расстрела Тухачевского. Все-таки ему сейчас не до танцев!

Внимательно присматриваюсь к лицу человека, который только что подписал смертный приговор своему боевому товарищу Тухачевскому. Нет, ничего не

выражает его солдатское лицо! Нет на нем следов душевной тревоги, ни отпечатка бессонных ночей.

Час спустя меня представляют Буденному у буфета, ломившегося под тяжестью всевозможных яств. Любопытная деталь — на серебряных блюдах были выгравированы двуглавые орлы и инициалы «С.А». Посуда была из дворца предтечи Буденного на посту московского генерал-губернатора, великого князя Сергея Александровича.

Широким, гостеприимным жестом маршал указал мне на белорыбицу и на ведра с икрой во льду, на копченых гусей, заливную птицу, на великолепные закуски и весело сказал:

— Выбирайте. Угощайтесь. За ваше здоровье!

И, слегка крякнув, выпил большую рюмку водки. Гости вообще приналегли на водку, явно отдавая ей предпочтение перед кавказским шампанским, которое разливали в бокалы лакеи в белых перчатках. Закусив и выпив, Буденный решил сказать мне что-нибудь любезное.

— Я по заграницам не разъезжаю и не знаю вашей прекрасной родины. Но надеюсь как-нибудь у вас все-таки побывать!

Признаюсь, я слегка перепугался. Кто знает, какой характер может носить визит маршала Буденного? Я предпочел бы, чтобы он приехал со своей молодой женой, а не во главе Первой конной».

* * *

Этот раут у Литвинова имел для дипломатического корпуса особое значение, ибо это был первый официальный прием со времени расстрела красных генералов.

Дипломаты и иностранные журналисты, жившие в Москве, еще не имели в этот момент точной информации о заговоре Тухачевского. На приеме у Литвинова можно было обменяться мнениями и слухами. Само собой разумеется, во всех кружках, где звучала не русская, а иностранная речь, в этот вечер говорили только о Тухачевском. По особому, неписаному соглашению, из чувства осторожности, имени Сталина никто не упоминал. Говорили просто «он». Постепенно, из различных отрывистых слухов и данных создалась общая картина.
441

«К концу вечера один иностранный дипломат шепнул мне:

«За последнюю неделю в Союзе, по моему подсчету, произведено 98 расстрелов».

Можно ли говорить, что сведения эти дипломат получил от советских собеседников, тщательно уклонявшихся от разговоров на подобные темы, а не от своих иностранных коллег? С советскими гражданами рекомендуется разговаривать лишь о театрах и московской жизни.

Из многочисленных бесед, которые я имел в Москве с весьма осведомленными людьми, у меня создалось твердое впечатление, что Тухачевский действительно был душой заговора, имевшего целью устранение Сталина. В эти дни в иностранной колонии ходили по рукам копии письма Тухачевского к маршалу Ворошилову. Из письма этого явствовало, что Ворошилов был на стороне заговорщиков, что он должен был к ним примкнуть, но в последний момент отошел в сторону. В дипломатических кругах были убеждены, что письмо это — не апокриф, и что оно действительно до конца было написано Тухачевским.

Тухачевский не был «германским шпионом», несмотря на свою немецкую ориентацию. Преступление его носило более тяжкий характер: он осмелился стать поперек дороги Сталину.

В Москве рассказывают, как происходит заседание Политбюро. Сталин входит в зал и, не выслушав ничьего мнения, дает приказы.

— Я хочу, чтобы это было так.

Приказ Сталина — всегда гениален и критике не подлежит. Тухачевский и группа его приверженцев осмелились критиковать, проводить свою политику. Когда Сталин требует доклада по какому-нибудь вопросу, докладчик прежде всего желает выяснить, какова точка зрения на этот вопрос самого Сталина и чего он хочет. Все остальное не имеет значения. Тухачевский осмелился защищать свою собственную точку зрения — в частности, по вопросу о франко-советском пакте, и это погубило его.

Горе оппозиционерам! Их не спасет ни имя, ни заслуги перед революцией, ни ордена, ни чины. Когда советский сановник некоторое время не появляется на официальных приемах, в дипломатических кругах говорят:

— Такой-то, по-видимому, отправлен в Саратовскую губернию.

Это значит, что его уже нет в живых. Когда Сталин отправил в «Саратовскую губернию» зиновьевско-троцкистскую оппозицию, никто особенно не жалел расстрелянных, не пользовавшихся в широких слоях населения особенными симпатиями. Наоборот, многие искренне были удовлетворены, ибо в России, где все построено на умелой пропаганде и массовом психозе, все неудачи и срывы принято сейчас объяснять работой «троцкистов и зиновьевцев», — и многие в это искренне верят.

Совсем иное впечатление произвел на массы расстрел красных генералов. Все поняли, что на верхах идет отчаянная борьба за власть, ибо никто в душе не мог поверить в официальную версию «шпионажа». Нет, русской армией не командовали шпионы, говорят в Москве.

442

Сталин воюет сейчас не с правой или левой оппозицией, не с определенной группой лиц, а со всеми теми, кто не разделяет его мнения и кто, тем самым, автоматически попадает в категорию троцкистов, шпионов и диверсантов.

Одно имя Сталина приводит людей в трепет. В Москве, с особого разрешения, мне удалось осмотреть Кремль, в чем обычно иностранному журналисту отказывают. Рядом со мной шел, все время осмотра, кремлевский офицер, человек, на которого возложена нелегкая обязанность охранять Сталина. Во время прогулки я спросил:

— А где в Кремле живет г-н Сталин?

Во всех официальных сношениях иностранцы применяют к Сталину эпитет «господина».

— Не знаю Это не знаю, — ответил смущенно кремлевский офицер. Я не ставлю прогнозов относительно исхода титанической борьбы, которую ведет сейчас Сталин со своими многочисленными и вездесущими противниками. Но в Москве нет ни одного иностранного наблюдателя, который не говорил бы мне, что Сталин во сто крат сильнее всех своих противников, вместе взятых». («Последние Новости», 08.11.1937, с. 2.)

*** * ***

Заговор разваливался буквально на глазах. Оставшиеся на свободе руководители уже не имели тех возможностей, что Тухачевский, Гамарник и другие, игравшие в армии первенствующую роль. Но они напрягали все свои силы, пускали в ход все виды интриг, стараясь задержать наступление врага.

Теперь тайное руководство перешло в руки тройки: наркома внешней торговли А.П. Розенгольца (чл. партии с 1905 г., арестован в октябре 1937 г.), наркома финансов СССР Г.Ф. Гринько (чл. партии с 1919 г., в 1906—1912 гг. эсер, в 1913—1917 гг. — на службе в армии; арестован на Октябрьском пленуме

ЦК партии 1937 г.) и наркома земледелия СССР М.А. Чернова (чл. партии с 1920 г., в 1909—1918 гг. — меньшевик, в 1918— 1920 гг. — меньшевик-интернационалист, в 1925—1928 гг. — нарком Украины, с 1930 г. — на работе в Наркомате торговли СССР; арестован на Декабрьском пленуме ЦК партии в 1937 г.).

Это новое оппозиционное руководство чрезвычайно интересно: оно знаменует переход высшего руководства в деле заговора от старых большевиков в руки блока. В этом блоке присутствуют: один большевик, один эсер, один меньшевик. То есть, иначе говоря, в самом подпольном блоке преобладающую роль приобретают небольшевистские элементы, из тех, что были приняты в РКП в 1918 г. и позже. Значительная часть из них через свою верхушку быстро связалась с буржуазными правительствами и буржуазными партиями Западной Европы. Эти элементы ориентировались на реставрацию капитализма и прекращение неудачного

443

«большевистского эксперимента». Только при энергичной западной поддержке могли они надеяться на успех. Но отношения с «западными партнерами» требовали все новых уступок!

Несмотря на отчаянные усилия оппозиции, серия провалов на всех уровнях быстро нарастала. Аресты верхушки, севшей затем с Бухариным на скамью подсудимых (1938), шли в такой последовательности: В.Ф. Шарангович, первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии — 29 июля

1937 г.; А.П. Розенгольц, нарком внешней торговли СССР (1930 — июнь 1937), затем начальник управления государственных резервов при Совнаркоме СССР (с августа 1937) — октябрь 1937 г.; Г.Ф. Гринько, нарком финансов СССР (до 17. 08. 1937) — октябрь 1937 г.; В.А. Максимов-Диковский, руководящий работник Наркомата путей сообщения — 11 декабря 1937 г.; М.А. Чернов, нарком земледелия СССР (с апреля 1934) — декабрь 1937 г.

В контексте последующих событий становится весьма интересной деятельность бывшего эсера (!) Белова, командующего Московским военным округом, а затем Белорусским военным округом (вместо Уборевича). Действительно ли он стоял в стороне от оппозиционных интриг, как стараются читателей уверить? Или бывшие эсеры сумели все-таки «протоптать к нему дорожку» и втянуть его в тайную оппозиционную деятельность? А именно в результате того, что, по утверждению следователей НКВД, он являлся одним из тайных руководителей эсеровской военной организации в РККА, он и был расстрелян по приговору суда 29 июля 1937 г.

Необходимо составить на основе документов «хронику событий», происходивших в 1937 г. в округах Белова, а также его собственной деятельности. Тогда станет все окончательно ясно: возник ли новый военный заговор, и кто был на деле он сам? Предлагаемый же читателям очерк А. Рыбчинского «Командарм Белов» (Расправа. Прокурорские судьбы. С. 185—192) смехотворен из-за своей краткости и явного лицемерия.

Какова была реакция в те дни со стороны оппозиции на этот прошедший суд и многочисленные аресты? Опубликованные документы о том умалчивают! И все-таки составить себе представление можно — по оппозиционным листовкам, распространявшимся в Москве осенью 1938 г., когда оппозиция созвала нелегальный «съезд партии» и вынесла резолюции о терроре и восстании. Суть листовок и 1937 и 1938 гг. была одна! Вот какова стилистика листовок, пропитанная неистовым гневом и яростью:

«Уважаемый товарищ!

Вам, вероятно, как и всем мыслящим людям, стало безумно тяжело жить. Средневековый террор, сотни тысяч замученных НКВД и расстрелянных безвинных людей, лучших, преданнейших работников советской власти — это только часть того, что еще предстоит!!!

Руководители Политбюро — или психические больные, или наймиты фашизма, стремящиеся восстановить против социализма весь народ.

444

Они не слушают и не знают, что за последние годы от советской власти из-за этих методов управления отшатнулись миллионы и друзья стали заклятыми врагами».

«Наша власть — не советская, а большевистская, и притом тех большевиков, которые подхалимствуют и раболепствуют перед Сталиным, — истребила и продолжает истреблять многих честных сторонников советской власти, социализма и коммунизма. Эта власть, в нарушение конституции, сотнями тысяч арестовывает в огромном большинстве случаев ни в чем не повинных советских граждан, ссылает и расстреливает их.

Все граждане нашей страны делятся на две категории: на уже арестованных и еще не арестованных, или на бдительных и подозрительных.

Нет установленных конституцией ни неприкосновенности личности и жилища, ни свободы мысли и слова, ни печати и собраний.

Все боятся слово сказать, все боятся друг друга.

Наша власть — это Сталин и его чиновники, — подхалимы и негодяи без чести и без совести».

«Товарищи по крови. Снимите ваши шапки и станьте на колени перед страданиями народа и ваших товарищей по борьбе. Это вы же виноваты в их муках — перед вами реки крови и море слез. Помогите. Не ждите циркуляров и инструкций. Директива чрезвычайного съезда одна: Сталин и сталинцы должны быть уничтожены».

«Вечная память легендарным героям Красной Армии, погибшим от кровавой руки НКВД, т.т. Блюхеру, Бубнову, Тухачевскому, Егорову и др.»[362].

Ясно, что призывы подобного рода, да еще со ссылками на резолюции нелегального партийного съезда, должны были только усилить репрессии, что и получилось на деле.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Главная военная прокуратура явно поспешила со своим заключением о необоснованности обвинения Тухачевского и его коллег. Военная коллегия Верховного суда СССР вынесла 31 января 1957 г. крайне сомнительное и плохо мотивированное решение о полной реабилитации Тухачевского и его товарищей по суду. Следовательно, не менее сомнительным является и восстановление всех этих лиц в партии (решение КПК при ЦК КПСС от 27.02.1957).

Необходимо отметить еще один важный момент. Всем известно ныне, кто такой Хрущев. Этот мнимый «друг» Сталина, тайный поклонник Троцкого и Бухарина — величайший авантюрист, какого только знает история. Фальшивый Герой, тайный советский миллионер, чьи миллионы были созданы отнюдь не честными трудами, он развалил и разло-

445

жил все советское общество, экономику и партию. Хрущев — мастер пустозвонства и дутых политических лозунгов[363] (оправдывает его и обеляет известная всем банда политических мошенников, сторонников буржуазной реставрации, которую они усиленно, с самой наглой демагогией навязывают

стране!) Хрущев — автор и режиссер фальшивого и заведомо мошеннического спектакля под названием «Построим коммунизм в 1980 году! Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!»

Стараясь одурачить народ, политический махинатор и «кукурузник» говорил: «Может быть, у противников нашей Программы есть цифры, расчеты, факты? Ничего подобного. У нас в Программе обосновано каждое положение. У них только крикливые заявления. У нас рассчитана и доказана каждая цифра. Они боятся цифр, как черт ладана. У нас дан точный, научный (?) анализ тенденций исторического развития. У них кликушеские заклинания, бесплодные гадания на кофейной гуще. (См.: Гатовский Л. Научные основы построения экономики коммунизма. — «Коммунист» 1961, № 17, с. 11.)

Теперь всем известно, кто в действительности занимался «кликушескими заклинаниями»! Всем известно, чего стоили «научные цифры» господина Хрущева! Полностью ясен его политический облик! Хрущев — это человек, который коварно и по корыстным соображениям обманул весь народ, всю партию, все мировое коммунистическое движение (за исключением Албании и Китая!) Хрущев совершил тягчайшие уголовные и политические преступления, за которые подлежит суду даже и посмертно!

Всего через одиннадцать лет после прихода к власти Хрущев полностью разоблачил себя, полностью себя дискредитировал, потерял доверие в партии и народе, потерпел абсолютный политический крах! И поэтому с позором «слетел»!

В силу всего сказанного, ясное дело, он не заслуживает ни малейшего доверия! Как и литература, в которой он воспевал сам себя![364]

Кого же, спрашивается, может реабилитировать старый законспирированный оппозиционер, политический двурушник и мошенник?! Кого может реабилитировать тот, кто обманул весь народ, всю партию, все коммунистическое движение? Только таких людей, как он сам! Но раз это так, то по всем законам элементарной логики его реабилитации не стоят ничего! Какие бы подтасовки разными карьеристами не делались!

ВОРОН ВОРОНУ ГЛАЗ НЕ ВЫКЛЮЕТ!

446

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ ПО ВОЕННОЙ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ

Тухачевский М.Н. Стратегия национальная и классовая. М., 1920.

Он же. Война классов. Сб. статей 1919—1920 гг. М., 1921.

Шапошников Б.М. Конница. М., 1923.

Тухачевский М.Н. Вопросы высшего командования. М., 1924.

Гладков П.Д. Тактика броневых частей. М., 1924.

Меликов В.А. Война с белополяками в 1920 г. М., 1925.

Калиновский К.Б. Танки. М., 1925.

Варфоломеев Н.Е. Тактика польской армии. М., 1925.

Он же. Оперативные документы войсковых штабов. М., 1925.

Тухачевский М.Н. Вопросы современной стратегии. М., 1926.

Варфоломеев Н.Е. Работа войсковых штабов. М.—Л., 1927.

Шапошников Б.М. Мозг армии. М., 1927—1929, т. 1—3.

Гай Г.Д. На Варшаву! Действия III конного корпуса на Западном фронте. М., 1928.

Коленковский А.К. Зимняя операция в Восточной Пруссии в 1915 году. М., 1927.

Меликов В.А. Марна, Висла, Смирна. М., 1928.

Тухачевский М.Н. О наступательной операции армии, входящей в состав фронта. М., 1929.

Лапчинский АН. Тактика авиации и вопросы противовоздушной обороны. М., 1931.

Иссерсон Г.С. Канны мировой войны (Гибель армии Самсонова). М., 1926.

Иссерсон Г.С. Основы глубокой операции. М., 1932.

Он же. Эволюция оперативного искусства. М., 1932, 1937.

Коленковский А.К. Марнская операция. М., 1933.

Шапошников Б.М. Варшавская операция. М., 1933.

Лапчинский АН. Воздушные силы в бою и операции. М., 1932.

Варфоломеев Н.Е. Ударная армия. М., 1933.

Лапчинский А.Н. Воздушный бой. М., 1934.

Меликов В.А. Проблема стратегического развертывания по опыту мировой и Гражданской войны. М., 1935, т. 1.

Лапчинский АН. Бомбардировочная авиация. М., 1937.

Галактионов М. Темпы операций. М., 1937, ч. 1.

Варфоломеев Н.Е. Наступательная операция. М., 1937.

Зайончковский А. Мировая война 1914—1918 гг. М., 1938, т. 1—2.

Меликов В.А. Героическая оборона Царицына. М., 1938.

Новицкий В. Мировая война 1914—1918 гг.

Галактионов М. Марнское сражение. М., 1938.

Иссерсон Г.С. Новые формы борьбы (Опыт исследования современной войны). М., 1940.

447

Бронетанковые и механизированные войска Советской Армии. М., 1958.

Тухачевский М.Н. Избранные произведения. М., 1964, т. 1—2. Готовский В.Н. Конница. М., 1925—1928. Кн. 1—4.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Обстоятельные возражения читателей были доведены до сведения газеты «Правда». Газета отказалась их поместить под тем лицемерным предлогом, что ответ «слишком длинен» и газета «не собирается открывать дискуссию». Ныне возражения Б. Викторову и его единомышленникам даются в виде книги, с учетом новых данных и новой литературы.

[2] Известен, например, М.В. Викторов (1892—1938) — офицер царского флота, перешедший на службу в Красный Флот и сделавший карьеру (нач. флота на Балтике, Черном море и Тихом океане).

[3] Из справки лишь видно, что в 1955 г. он дослужился до поста прокурора Западно-Сибирского военного округа, где всегда была сильна оппозиция.

[4] Дополнительный материал содержится также в Военно-политическом альманахе «Пульс». 1989 г., № 1, с. 208—219.

[5] Эту роль играли генерал-майор юстиции Е.И. Барский, а затем — А.Г. Горский. Биографии их, разумеется, не даются.

[6] Викторов Б. Без грифа «секретно». М., 1990, с. 269.

[7] О Терехове и его деятельности есть, правда, кое-какой материал (см.: Головков А. Вечный иск. — «Огонек», 1988, № 18, с. 28—31).

[8] Иванов В. Пархоменко. М., 1955 (Роман).

[9] Терещенко Ф., Сафонов Ю. Шел под красным знаменем командир полка... (Тайна гибели Николая Щорса). // Пульс. Военно-политический альманах. М., 1990, с. 123—149; Скляренко С. Путь на Киев. М., 1951 (Роман); Петровский Д. М. Повесть о полках Богунском и Таращанском. М., 1953.

[10] Смирнов Г. Споры о Тухачевском. — «Литературная Россия», 1991, № 3, с. 20—22; Смирнов Г., Зенин Д. Тухачевский: легенды и реальность. // «Литературная Россия», 1990, № 32; Примеры революционных приказов маршала: Военно-исторический журнал. 1990, № 2, с. 30—31. Там же статья Г. Дадиани: Советско-польская война 1919—1920 гг., с. 24—30.

[11] Гуль Р. Красные маршалы. М., 1990, с. 35.

[12] Маршал Тухачевский. Воспоминания друзей и соратников. М., 1965, с. 20.

[13] Неизвестное о Тухачевском. Из неопубликованных рукописей. Военно-исторический журнал. 1990, № 12, с. 90.

[14] В 1918 г. И. Смирнов был командиром дивизии в армии Тухачевского. Он пользовался славой исключительно храброго и решительного

человека. В СССР после изгнания Троцкого он тайно руководил действиями «твердых» троцкистов, готовых на все, в том числе и на террор. [15]XIII съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1963, с. 163.

[16] Ему сейчас поют пламенные гимны! См.: Мельниченко В. Е. Был ли X. Раковский конфедералистом? — «Вопросы истории КПСС». 1989, № 7, с. 112—124; Фатеев П. С. Раковскй. Киев, 1989; Чернявский Г. И. Раковский на судебном фарсе 1938 г. — «Новая и новейшая история». 1990, №4, с. 76-95.

[17] Изданный Троцким и Склянским хвалебный приказ РВС республики № 868 (от 22 мая 1920 г.) был, конечно, будущему маршалу очень приятен: «...Вступив в ряды Красной Армии и обладая превосходными военными способностями, М.Н. Тухачевский продолжал непрерывно расширять свои теоретические познания в военном деле М.Н. Тухачевский искусно проводил задуманные операции, отлично руководил войсками как в составе армии, так и командуя армиями фронтов Республики, и дал Советской республике блестящие победы (!) над ее врагами на Восточном и Кавказском фронтах». (Пахман. М.Н. Тухаческий. // «Советский воин». 1961, № 12, с. 27). Также: Млечин Л. Русская армия между Троцким и Сталиным. М., 2002.

[18] В этом плане будет сейчас полезно познакомиться с извлечением из заявления Коммунистической партии Китая и Албанской партии труда от 21. 12. 1964 г. Подписано это заявление Мао Цзедуном и Энвером Ходжой. То, что они говорят, опиралось на широкое знакомство их с документами, часто секретными (все это они знали согласно своему положению глав партии и государства):

«Хрущевцы изъяли из архивов многие важные документы, свидетельствующие об их активном участии в террористической деятельности скрытых и явных врагов народа. Хрущевцы были главными вдохновителями и организаторами (!) повсеместных арестов и доносительств, но свою вину за эти преступления они сперва свалили на своего «компаньона» Берию, а затем — на товарища Сталина, устраненного ими из-за боязни, что Сталин арестует и уничтожит их, подлых двурушников и предателей»

В 1964 г. эту характеристику можно было бы, пожалуй, считать за преувеличение. Но тогда же Мао Цзедун и Энвер Ходжа отметили, что перед Советским Союзом стоит двойная альтернатива: или превратиться «в бюрократическое социал-империалистическое государство», или попасть в такое положение, что «провокационная политика Хрущева приведет к распаду КПСС и СССР, к превращению его республик в колонии и протектораты западного империализма». Дальше они же писали: «Товарищ Сталин неоднократно предупреждал об опасности стране и партии, исходящей от скрытых, внутренних врагов, действующих по заданию империалистических разведок». («Дуэль», № 44, октябрь 2000 г., с. 6.) Теперь каждый видит, после распада СССР и КПСС, насколько справедливым было это предупреждение и эта характеристика!

449

[19] Маршал Тухачевский. Воспоминания друзей и соратников. М., 1965 с. 220-221.

[20] Арватова-Тухачевская Е. Н. В тени монумента. // «Огонек». 1988 № 17, с. 21.

[21] Там же, с. 21. Дальнейшая судьба самой Арватовой оказалась такова. Получила 10 лет. Отбывала их в Акмолинском лагере. Была подавальщицей, затем учетчицей в тракторной бригаде. В 1947 г. освободилась, поселилась с дочерью в Александрове (под Москвой). Но уже в 1948 г. по доносу оказалась на Лубянке, получила новый приговор и отправилась на Колыму, где и пробыла до освобождения (03. 01. 1956). Все мучения отняли почти 18 лет. Клан Тухачевских за это время понес страшные потери. По приговору суда были расстреляны братья Тухачевского (Александр и Николай), мужья сестер — Арватов и комкор Аппога. Их сестры тоже попали в заключение, дети — в детские дома. Кое-кого взяли родственники. Не дождавшись освобождения, умерли дочь Арватовой Марина и дочь Тухачевского Светлана, оставив дочь Нину.

[22] Маршал Тухачевский. Воспоминания. М., 1965, с. 221.

[23] Маршал Тухачевский. Воспоминания М., 1965, с. 133.

[24] Там же, с. 130.

[25] Там же, с. 130-131.

[26] Там же, с. 132.

[27] Там же, с. 134.

[28] Маршал Тухачевский. Воспоминания. М., 1965, с. 128.

[29] Известия ЦК КПСС. 1989, № 4, с. 70.

[30] Никогда, например, не комментировался такой невинный, но очень важный факт: военный советник Сталина Триандафиллов (1894— 1931) был начальником штаба у Блюхера при взятии Крыма (1920).

[31] Жигалов И. М. Повесть о балтийском матросе. (П. Е. Дыбенко.) М, 1973.

[32] Артемов Е. Н., Беркутова А. М. Комкор Кутяков. Саратов, 1977, с. 122.

[33] Позже Кутяков не раз говорил: «Пока мы живы, надо воссоздать образ Чапаева. Он нас вдохновлял на подвиг личным примером» (Артемов Е. Н., Беркутова А. М. Комкор Кутяков. Саратов, 1977, с. 114).

[34] Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1990, т. 1, с. 230.

[35] Кладт А. П. Он землю родную пошел защищать. О герое Гражданской войны С. С. Вострецове. М., 1966; Липкина А. Г. и др. Степан Сергеевич Вострецов. Уфа, 1966; Тимофеев С. Д. С. С. Вострецов. М., 1981; Янгузов З. Ш. Комкор С. С. Вострецов. Уфа 1985.

[36] Артемов Е. Н., Беркутова А. М. Комкор Кутяков. Саратов, 1977, с 109.

[37] Комарова Н. В., Пантелеев Я. В. Славный начдив чапаевской. Саратов, 1969, с. 107.

[38] Артемов Е. Н., Беркутова А. М. Комкор Кутяков. Саратов, 1977, а 107.

450

[39] Комарова Н. В., Пантелеев Я. В. Славный начдив чапаевской. Саратов, 1969, с. 95.

[40] Кутяков И. С. С Чапаевым по уральским степям. М—Л., 1928; Он же. Красная конница и воздушный флот в пустынях. М.—Л., 1930; Он же. Разгром Уральской белой казачьей армии. М., 1931; Он же. Василий Иванович Чапаев. М., 1958; Он же «Киевские Канны», 1930. // «Война и революция». 1932. № 10—12; 1933, № 3—4; Он же. Чапаев. Фотоальбом. К 15-летию ликвидации Уральского фронта. М;, 1935; Он же. Ленинский комсомол и Красная Армия. // «Волжский комсомолец». 23. 02. 1936; Говорят чапаевцы. Документы. Воспоминания. Уфа, 1978.

[41] Артемов Е. Н., Беркутова А. М. Комкор Кутяков. Саратов, 1977, с. 111-112.

[42] Арватова-Тухачевская Е. Н. В тени монумента. // «Огонек». 1988, № 17, с. 20.

[43] См.: Краснознаменный Приволжский военный округ. Куйбышев. 1975; Кондратьев Н. На линии огня. (Эпизоды из жизни командарма Ивана Федько.) М., 1964; Обертас И. Л. Командарм Федько. (Историко-биографический очерк.) М., 1973.

[44] Соколовский В. Д. — будущий маршал. В 1930—1935 гг. он — командир стрелковой дивизии, с мая 1935 г. — начальник штаба Уральского военного округа, с апреля 1938 г. — Московского военного округа, затем военный советник в Китае. Этот выдающийся 40-летний военачальник, сын крестьянина, активный участник Гражданской войны (командовал ротой, батальоном, полком, бригадой) уже в 1921 г. окончил Академию Генерального штаба РККА. Занимал в последующем самые видные должности, за выдающиеся заслуги имел много орденов: среди них — 7 (!) орденов Ленина, ордена Суворова и много других. Имел звание Героя Советского Союза.

[45] Вот биографии трех «счастливцев»: Астахов Ф. А. (1892—1966, чл. партии с 1931) — сын рабочего, сам слесарь и монтер, ставший маршалом авиации (1944). Кончил авиационную Качинскую школу (1916). Участник Гражданской войны (воевал против Колчака в составе 5-й армии, был начальником ее авиации). Занимал затем следующие посты: начальник авиации Сибири (1920—1922), начальник авиашкол (Саратов, Оренбург), командир авиабригады, помощник командующего ВВС (1935— 1936), командир авиакорпуса (1936—1937), командующий ВВС в Белорусском военном округе (1937—1940); Болдин И. Б. (1892—1965, чл. партии с 1918) — командир стрелкового корпуса (1937), командующий Калининским военным округом (1938—1939), затем Одесским (с октября 1939), заместитель командующего в Западном особом (Белорусском) военном округе; Баринов А И. (1884—1960, чл. партии с 1932) — в РККА с 1918. Участник Гражданской войны. Имел два ордена Красного Знамени и орден Красного Полумесяца Бухарской республики. В 1938—1940 гг. — ст. преподаватель Военной академии им. М.В. Фрунзе.

451

[46] Голиков Ф.И. Красные орлы. (Из дневников 1918—1920.) М., 1959; Он же. В Московской битве. Записки командарма. М., 1967; Родимцев А На службе Родине. — Военно-исторический журнал. 1970, № 7.

[47] Разгон Л. Непридуманное. М., 1989, с. 46—48.

[48] Тодорский А.И. Маршал М.Н. Тухачевский. М., 1963; Горелик Я. Маршал М.Н. Тухачевский. Саратов. 1986; Иванов В. М. Маршал М.Н. Тухачевский. М., 1990.

[49] Горелик Я. Командарм остается в строю. // «Литературная газета» 22.02. 1962; Сбойчаков. Первый красный командарм. (М.Н. Тухачевский.) — «Советский воин», 1962, № 12, с. 26—27; Спирин Л. Солдат революции. К 70-летию со дня рождения М.Н. Тухачевского. // «Комсомольская правда». 16. 02. 1963; Молоков И.Е. Герои огненных лет. Омск, 1989; Дайнес В. Михаил Николаевич Тухачевский. // В кн. «Советские полководцы и военачальники». «ЖЗЛ». М., 1988; Хорев АП. Не подлежит забвению. (Тухачевский.) М., 1989.

[50] «Октябрь». 1963, № 5, с. 147.

[51] Ривош Э.Ю. П.П. Постышев. (Биографический очерк.) М., 1962; Марягин Г. А. Постышев. «ЖЗЛ». М., 1965. Собственные работы Постышева лучше всего говорят о нем: Статьи и речи. Харьков, 1934; Советская Украина на подъеме. Политический отчет ЦК КП(б)У XVII съезду КП(б)У. Харьков, 1934; Эта лучшая жизнь достанется вам, дозорные урожая. М., 1934; От XVI до XVII съезда. Статьи

и речи. М., 1934; За дело Ленина—Сталина, будь готов! Речь на областном съезде пионеров. Киев, 1934; В борьбе за ленинско-сталинскую национальную политику партии. (Речи.) Киев., 1935; Движение народа победившей страны. Киев. 1936; За большевистское воспитание молодежи. Киев. 1936; Проверки партийных документов в КП(б)У и задачи партийной работы. Киев, 1936.

[52] Котлова-Бычкова А. Рядом с маршалом. // «Вечерняя Москва». 05.04.1989.

[53] Попашенко Иван Петрович (1898—1940, чл. партии с 1918) — из семьи крестьянина-бедняка. Окончил 4-классное городское училище (Самарканд). В ВЧК— с 1918 г. Работал на Туркестанском фронте, в Кубано-Черноморской области, в Северо-Кавказском и Азово-Черноморском крае. Старший майор (1935), награжден двумя орденами Красного Знамени (1930—1932), туркменским «Трудовым Красным Знаменем» (1932), значком «Почетный работник ВЧК—ГПУ» (1930). Активный участник фракционной борьбы. 4 ноября 1938 г. арестован. В январе 1940 г. — расстрелян.

[54] О неудачной попытке «самоубийства» Тухачевского сообщает один автор — генерал-майор СС Вальтер Шелленберг, руководитель немецкой контрразведки. (Соколов Б. Михаил Тухачевский. Смоленск, 1999, с. 458).

Почему Тухачевский действительно не застрелился? Да потому, что он вначале и не собирался этого делать. Более предпочтительным и мужественным тогда казался другой конец: при попытке ареста встретить

работников Ежова огнем — и погибнуть в перестрелке. Но когда наступил решительный момент и ему предъявили ордер на арест, сердце Тухачевского дрогнуло. И в голове пронеслась мысль: «Стрелять в работников НКВД — значит поднять восстание против советской власти! Но я же не Муравьев, который едва не вовлек страну в войну с немцами! Тогда лучше уйти из жизни самому, по доброй воле. Все равно спасения нет» Но сердце дрожало, дрожала рука — в результате получилось не самоубийство, а настоящий ФАРС: пуля слегка царапнула висок и пустила кровь. Ранку заклеили пластырем, и можно было говорить, что малодушный маршал пускал в ход шантаж, давая пищу для слуха: «Тухачевский хотел кончить жизнь самоубийством!» — хотя на самом деле ничего подобного не было. Легко представить, как смеялись Сталин и его окружение над таким отсутствием мужества! Даже Гиммлер, известный своими палаческими деяниями, показал больше смелости: попав с фальшивыми документами в руки британского военного патруля, он не сдался врагам, но раскусил ампулу с ядом (21 мая 1945 г.).

[55] Страницы большой жизни. Сборник воспоминаний о Маршале Советского Союза СМ, Буденном. М., 1983; Городовиков О.И. Воспоминания. М., 1957; Леонидов О. Первая конная. Очерки из истории красной конницы. М., 1939; Борзенко С, Денисов И. Самородок России. М., 1970; Золототрубов А. Буденный. «ЖЗЛ». М., 1983; Собственные воспоминания маршала: Пройденный путь. М., 1958, кн. 1; 1965, кн. 2; 1973, кн. 3; 1975, кн. 4 (отдельные главы — журнал «Дон», № 1—4). Его же: Первая конная на Дону. Ростов, 1969.

[56] О Якире также см.: Суворов В. Очищение. М., 1998, с. 175—211. Этот автор критикует его просто сокрушительно!

[57] Оставил интересные воспоминания: Трубачи трубят тревогу. М., 1961; Особый счет. М., 1989.

[58] Черушев Н.С. Вместе со Сталиным. — Военно-исторический журнал. 1991, № 2, с. 89—94.

[59] Мельчин А. Станислав Косиор. М., 1964; Погребинский М.Б. Станислав Викентьевич Косиор. Киев, 1981.

О Станиславе Косиоре. Воспоминания, очерки, статьи. М., 1989; Бега Ф., Александров В. Петровский. М., 1963; Ключник Л., Завьялов Б. Г. Петровский. М., 1970; Воспоминания о Г.И. Петровском. М., 1978; Дробижев В., Думова Н. В. Я. Чубарь. Биографический очерк. М., 1963; Герасимов И.А. и др. Краснознаменный Киевский. М., 1979.

[60] Семен Константинович Тимошенко, Народный комиссар обороны СССР, Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза. (Краткая биография.) М., 1940; Тимошенко Семен Константинович — «Советская Белоруссия», 07. 03. 1950; Тюленев И. Маршальский жезл: маршалу Тимошенко 75 лет. — «Комсомольская правда», 18. 02. 1970; Тюленев И. Герой-полководец. (В книге: Люди бессмертного подвига.) М., 1975; Тюленев И. Памяти боевого друга. — «Красная звезда». 02. 04. 1970; Свет-

лишин Н. Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко. — Военно-исторический журнал. 1975, № 2, с. 43—48.

[61] Возможность своего ареста Якир предвидел, не мог не предвидеть, ибо НКВД «хватало» самых близких к нему людей, в том числе комдива Саблина, начальника Киевского укрепрайона. Замаскированные следователи оппозиции, с помощью всяких махинаций, старались задержать яростное наступление своих врагов. Но это им плохо удавалось. Анастасия Рубан, доверенное лицо Якира, его любовница и соратник по Гражданской войне, а теперь один из следователей НКВД, до сих пор исправно снабжавшая его секретными сведениями (в том числе и по делу Саблина), оказавшись перед угрозой ареста, покончила жизнь самоубийством.

[62] Один из первых. — В кн.: Политотдельцы. М., 1967, с. 5—17; Комкор Сергей Грибов. (Документальный очерк.) Минск, 1972.

[63] Смирнов П.А., в силу политических интриг и личных качеств, сделал большую карьеру: с июня 1937 — начальник Политуправления РККА (преемник Гамарника!), с декабря 1937 г. — начальник ВМФ СССР, затем репрессирован как тайный оппозиционер!

[64] Командарм Уборевич. Воспоминания друзей и соратников. М., 1964, с. 68. Очень интересно посмотреть, как оценивал крупнейших командиров 30-х годов маршал Конев! (См.: К. Симонов. Глазами человека моего поколения. М., 1990, с. 393—396). Он, в частности, считал, что Уборевич по таланту и подготовке был на три головы выше Тухачевского.

[65] Лысенко А.Я. Иосиф Апанасенко. Ставрополь, 1987; Иванько И.И. Генерал армии Апанасенко. Ставрополь, 1949; Чумак И.В. Степная легенда. (Рассказы о генерале армии Апанасенко.) Ставрополь, 1948. Есть кое-что принадлежащее и перу генерала: Апанасенко И.Р. Из боевого прошлого. (20 лет Первой Конной армии.) Ташкент, 1939; Он же. Поход. М., 1941.

[66] Командарм Уборевич. М., 1964, с. 206; Алдан-Семенов А.И. Слово о командарме. (Об Уборевиче.) М., 1981; Нордштейн М. «Революционер, и поскольку необходимо — военный». // Советский воин, 1989, № 18, с. 64-67.

[67] Начальники отделов у Ягоды: Гай, Миронов, Слуцкий, Паукер, Молчанов, Иоффе, Берензон, Добродицкий, Шанин.

[68] Рубцов Ю. Alter ego Сталина. (Мехлис.) М., 1999.

[69] Не напоминает ли это кое-что из современности: сокрушение СССР путем внутреннего и внешнего заговора, такое же сокрушение Югославии?

[70] Александров. Дело Тухачевского. Ростов-на-Дону, 1991, с. 163—164.

[71] А что это такое, очень хорошо видно по книге воспоминаний работника известного ведомства: Григ Е. Да, я там работал. Записки офицера КГБ. М., 1977.

[72] Аронштам Л.Н. (1896—1937, чл. партии с 1915) — член РВС и начальник Политуправления Белорусского военного округа, в 1936 г. —
454
член Военного совета Дальневосточной армии Блюхера (Тухачевский рассматривал ее как свою личную армию), в момент ареста— начальник Политуправления Приволжского военного округа.

[73] Диабет — тяжелое заболевание, при котором организм теряет способность нормально усваивать углеводы. В результате появляется ощущение слабости, постоянного голода, усиленная жажда, заметное похудание. Причина болезни: испуг, психическая травма, мучительные душевные переживания.

[74] Относительно обстоятельств смерти Блюхера также смотри: «Тайна гибели маршала Блюхера». — АИФ. 1992, № 46—47, с. 5.

[75] Так пишет в своей Записке в ЦК КПСС от 22 июля 1955 г. Генеральный прокурор СССР Р. Руденко. (Известия ЦК КПСС, 1989, № 4, с. 69) А вот полковник А. Якубовский, который тоже руководствовался какими-то официальными материалами, пишет иное: Гамарник покончил с собой двумя выстрелами!! (Реабилитированы историей. Москва, 1989, с. 83). Кто же лжет, с какой целью?! Может быть, посетители Гамарника пристрелили?! Или, если он сделал неудачный выстрел, собственная жена вторым выстрелом его добила?! Во всей концовке есть явно неясные моменты.

[76] Мухин Ю. Убийство Сталина и Берия. М., 2002, с. 425.

[77] О тайной деятельности Гамарника: Дело прокурора Суслова. — «Военно-исторический журнал», 1989, с. 67—71.

[78] В белогвардейских кругах, где тщательно следили за всеми делами в РККА, считали, что Гамарник «тесно (!) связан с группой Кагановича» и что 57% Политуправления РККА — из евреев, составляющих тесно спаянную клику. (Военная газета «Русский инвалид». Париж, 1937, № 99, с. 2.)

[79] Совершенно смехотворно выглядит Записка Генерального прокурора СССР Р. Руденко от 22 июля 1955 г., в которой он хочет обосновать полную реабилитацию Гамарника, павшего будто бы жертвой «необоснованных обвинений». Неужели для обоснования своей точки зрения по такому сложному вопросу достаточно всего двух страничек текста?! (См. Записку Генерального прокурора СССР в ЦК КПСС. — Известия ЦК КПСС. 1989, № 4, с. 68-69.)

[80] В том же 1932 году она произвела Кулику вторую дочь, тоже Киру. От первого мужа у нее еще имелся сын Миша.

Берия даже утверждал, на основании данных слежки, что она находилась в интимной связи с режиссером Большого театра Мордвиновым Б.А.

[81] Соколов Б. Истребленные маршалы. Смоленск, 2000, с. 300—301.

[82] Бобренев В., Рязанцев В. Маршал против маршала. Как нарком Берия замнаркома Кулика к расстрелу подводил. // «Армия», 1993, № 8, с. 44.

[83] Соколов Б. Истребленные маршалы. Смоленск, 2000, с. 322.

[84] За свои выступления против них Кулик получил «тайную награду»: квартиру Гамарника, своего соседа по лестничной площадке, со всей обстановкой.
455

[85] Для характеристики сложных отношений Сталина и Кулика весьма интересным представляется еще один момент. До войны Генсек очень носился с мыслью женить своего сына Василия на красавице дочке Кулика. К его большому огорчению, из подобного плана ничего не вышло. 18-летняя Валя Кулик, тайно убежав в Кишинев, вышла замуж за Героя Советского Союза, летчика и комбрига Осипенко Александра Степановича (август 1940 г.). Кулику тоже пришлось смириться, хотя он и считал, что дочь слишком юна для брака.

[86] Соколов Б. Там же, с. 329.

[87] Волкогонов Д. Триумф и трагедия. М., 1990, кн. 2, т. 1, с. 217, 219— 222; Дело маршала Г.И. Кулика (январь—март 1942). // Известия ЦК КПСС. 1991, № 8, с. 197—221; Дынин М. Игрушка вождя. // «Ветеран». 1991, № 41, с. 10—11; Иоффе Э. Трагедия маршала. (Памяти Маршала Советского Союза Г.И. Кулика. 1890—1945). // «Коммунист Белоруссии». 1991, № 8, с. 81—86; Печенкин А. Ордена и тюрьма. // «Родина». 1996, № 6, с. 55—60; Колесников А. Маршалы России. Историко-биографический справочник. Ярославль, 1999.

[88] «Красная Звезда». 1940, 12 июня, с. 2.

[89] Занимал пост наркома обороны до 7 мая 1940 г.

[90] Сталин хорошо знал, что творится в генералитете, да и среди «политиков». За кулисами «критикуют» не только правительственную политику, но и его самого. Э. Радзинский в книге «Сталин» (М., 1992, с. 579) пишет: «Пятьдесят восемь томов подслушанных разговоров (!) — таков результат наблюдения органов за маршалами Буденным, Тимошенко, Жуковым, Ворошиловым и другими предполагавшимися узниками особой тюрьмы. Эти тома были изъяты из личного сейфа Маленкова после его падения». У всех «вояк» и «политиков» в результате успешной войны резко выросли амбиции, а многие считали себя обиженными. Поэтому различные группировки вели закулисные переговоры о том, как отстаивать свои интересы. И «старая гвардия» самого Сталина не составляла исключения. Где они, эти 58 томов «прослушки», которые имеют больше значения, чем «Война и мир» Льва Толстого?! Почему до сих пор не напечатаны? Разве не ясно? Их оглашение покажет историю не каноническую и разобьет большое количество «благостных» образов.

[91] Смирнов Н. Вплоть до высшей меры. М., 1997, с. 183—190; Рыбин Е. Вестник военной информации. 2000, № 4, с. 13 (фото).

[92] Совершенно секретно. 1991, № 10.

[93] Гизевиус Г. До горького конца. Записки заговорщика. Смоленск, 2002, с. 258.

[94] Только совсем недавно был формально снят гриф секретности с материалов процесса М. Тухачевского. (См.: А. Хорев. Как судили Тухачевского. // «Красная звезда». 17. 04. 1991.) Однако сами эти материалы пока еще не все опубликованы. И когда это будет сделано, трудно сказать.

456

[95] Соловьев В., Клепикова Е. Кремлевские заговоры — от смерти Сталина до Горбачева. М., 1989; Колпакиди А., Прудникова Е. Двойной заговор. Сталин и Гитлер: несостоявшиеся путчи. М., 2000.

[96] Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Распятые революцией: Российские и советские прокуроры. XX век. 1922—1936. М, 1998, с. 18.

[97] В начале 2001 г. эту картину показали на фестивале архивного кино в подмосковных Белых столбах. («Модус». Информационно-аналитическая газета, 2001, № 6, с. 26.)

[98] Табуи Ж. Двадцать лет дипломатической борьбы. М., 1960, с. 188—189.

[99] Овсяный И. Тайна, в которой война рождалась. М., 1971, с. 118.

[100] Там же, с. 86—87.

[101] См.: Абрамов Н. «Дело Тухачевского»: новая версия. Рассекреченные документы из Архива внешней политики СССР. // «Новое время». 1989, № 13, с. 37-39.

[102] Хёттль В. Секретный фронт. Воспоминания сотрудника политической разведки Третьего рейха. 1938—1945. М., 2003.

[103] У других осведомленных лиц также не имелось сомнений на этот счет. К. Типпельскирх, бывший поверенный в делах в Москве, позже писал о том времени: «Отборные командные кадры русских пали жертвой широкой

политической чистки». (Никулин Л. Маршал Тухачевский. // «Октябрь». 1963, № 5, с. 149.)

[104] Абжаген К.Х. Адмирал Канарис. Ростов-на-Дону. 1998; Волков А., Славин С. Адмирал Канарис — «железный» адмирал. М., 1999; Мадер Ю. Абвер: щит и меч III рейха. Ростов-на-Дону, 1999; Дресвянин С. Секретная война. Ростов-на-Дону, 1998, с. 242—257; Разведка и контрразведка в лицах. Энциклопедический словарь. М., 2002.

[105] Мельников Д., Черная Л. Двуликий адмирал. М., 1965; Колвин И. Двойная игра. М., 1960; Мадер Ю. Империализм: шпионаж в Европе вчера и сегодня. М., 1985; Сергеев Ф. Тайные операции нацистской разведки 1933—1945. М., 1991; В сетях шпионажа. М., 1965, с. 12—14; Brissaud A. Canaris. N. J., 1974.

[106] Среди предков Лемана также находился советник и казначей княжеского дома Изенбурга Вольф Брайденбах, прославленный судебной тяжбой со своим княжеским домом. Этот процесс в Дармштадте он выиграл.

[107] Любопытно отметить, что видный руководитель советской контрразведки П.А. Судоплатов, внедренный в руководство ОУН в Берлине, умудрился даже попасть в специальную партийную школу НСДАП в Лейпциге! И именно в 1937 г. за участие в изобличении Тухачевского он получает свой первый орден Красного Знамени! Так могли ли быть для Сталина какие-нибудь секреты?!

[108] По-видимому, эта кодовая кличка была образована от берлинской площади Брайтенбахплац.

[109] Пещерский В. «Красная капелла». Советская разведка против абвера и гестапо. М., 2000; Разведка и контрразведка в лицах. Энциклопедический словарь российских спецслужб. М., 2002.

457

[110] Умер во время хирургической операции. Именно он восстановил в мае 1937 г. утраченную связь с Вилли Леманом в гестапо.

[111] Гладков Т. Лифт в разведку. «Король нелегалов» Александр Коротков. М., 2002.

[112] Белов Н. Я был адъютантом Гитлера. Смоленск. 2003; Видеман Ф. Гитлер глазами его адъютанта. — «Новая и новейшая история». 1998, № 5; 1999, № 1.

[113] Он занимал эту должность с 1939 по 1946 г.

[114] Павлов. В. Трагедии советской разведки. М., 2000, с. 216.

[115] Город славился своими лечебными грязями, железными рудниками, большими фруктовыми садами, промышленными предприятиями, тракторным заводом, наконец, Липецким съездом народников (1879), принявшим решение о проведении в жизнь тактики индивидуального террора против различных деятелей царизма.

[116] Это были: «За заслуги», «Железный крест 1-го класса», ордена «Льва с мечами», «Карла Фридриха с мечами», «Гогенцоллернов 3-й степени с мечами». Вполне естественно, что он был избран командиром истребительного полка № 1 «Барон фон Рихтгофен». (Гротов Г. Герман Геринг— маршал рейха. М., Смоленск, 1998, с. 62.)

[117] Горлов С. Совершенно секретно: альянс Москва—Берлин, 1920-1933 гг. М., 2001, с. 192-193.

[118] Там же, с. 195-196.

[119] Свеченовская И. Секс и советский шпионаж. С-Пб.—М., 2002. (Об Ольге Чеховой — для сравнения, с. 349—356.)

[120] Военные загадки Третьего рейха. М., 2002 (Сборник).

[121] Шелленберг В. Лабиринт. М., 1991.

[122] Правильнее — старшим лейтенантом (1928). Работал он в политическом секторе разведслужбы Балтийского флота.

[123] О биографии Гейдриха также: Мельников Д., Черная Л. Империя смерти. М., 1987, с. 184—191; Арбузов Н. Гестапо. М., 1937; Деларю Ж. История гестапо. Смоленск, 1988, с. 135—147; Aronson S., Heydrich und Anfange des SD und der Gestapo. (1931—1935), Berlin. 1967.; Макаревич Э. Политический сыск. М., 2002, с. 303—320.

[124] Мэнвелл Р., Френкель Г. Знаменосец Черного ордена Гиммлер. М., 2000.

[125] Зегер А. Гестапо-Мюллер. М. // Ростов-на Дону, 1997, с. 308—310.

[126] Кристиан Шольц (1908—1981?) — штурмбаннфюрер СС, член фашистской партии с 1930 г., в СС — с 1932 г., в СД — с 1934. В 1941—1945 гг. работал в министерстве авиации рейха. Выполнял все секретные поручения своего шефа.

[127] Шеф гестапо Генрих Мюллер. Дневники. М., 2000.

[128] Есть авторы, утверждающие, что генерал Скоблин не имел к «делу Тухачевского» никакого отношения, что ведомство Гейдриха устроило провокацию и против него, чтобы его «скомпрометировать». (См.: Прелин И. Патриот или предатель? Еще раз о генерале Н. Скоблине. //

«Неделя», 1990, № 42, с. 15.) Это утверждение очень странно выглядит! Названный автор сам признает, что в Берлине «все руководители этой организации (РОВС) были тесно связаны с СД». Почему же руководители РОВСа в Париже должны были составлять исключение? Где тут логика?! Скоблин же был очень близок к руководству, да еще и трудился на поприще разведки! Так что ему сам бог велел тоже поддерживать отношения с ведомством Гейдриха. Такого же мнения придерживается писатель Овидий Горчаков, рассматривавший данный вопрос. (См.: Сборник КГБ СССР. М., 1990.)

[129] О нем: Лурье Ф.М. Хранители прошлого. Журнал «Былое»: история, редакторы, издатели. Л., 1990, с. 14—22.

[130] Килзер Л. Предавший Гитлера: Мартин Борман и падение Третьего рейха. М., 2002; Иванов В. Призрак рейхсляйтера Бормана. М., 1988.

[131] Павленко П. Мартин Борман — «серый кардинал» Третьего рейха. Москва—Смоленск. 1998; Милин С. Тайна Мартина Бормана. // Inter полиция. 2001, № 3, с. 140—158; Крейтон К. Загадка Бормана. Смоленск, 1998. *]*

[|32]О нем см.: J. Colvin. Chief of Intelligence. L., 1951; Адмирал Канарис — шпион по призванию, нацист по убежению. — «За рубежом». 1977, № 4; Мадер Юлиус. Империализм: шпионаж в Европе вчера и сегодня. М., 1985; Абжаген К. Адмирал Канарис. Ростов-на-Дону, 1998.

[133] Вот достаточное опровержение басен о Бормане — «советском разведчике»! Ну зачем советскому разведчику писать такие вещи?!

[134] Герман Фегелейн (1906—1945) — генерал-лейтенант СС, в молодости — конюх и жокей. Служил командиром кавалерийской бригады СС, в СССР жестоко воевал с партизанами. Женат на сестре Евы Браун. С сентября 1943 г. представитель Гиммлера при Гитлере. В 1944 г. награжден Рыцарским крестом с дубовыми ветвями и мечами.

[135] Балязин В. Россия и Тевтонский орден. — «Вопросы истории». 1966, № 3.

[136] Вероятно, фамилия имеет датские корни. Форма «Беренс» есть упрощение датской формы «Берендс», что означало у первого представителя фамилии прозвище — «Подобный медведю» (за большой рост и избыток волос на теле).

[137] Таратута Ж., Зданович А. Таинственный шеф Маты Хари. Секретное досье КГБ № 21152. М., 2000.

[138] Балтийский флот в Октябрьской революции и Гражданской войне. М., 1932; Гречанюк Н.М. и др. Дважды Краснознаменный Балтийский флот. М., 1978; Корниенко Д.И., Милыром Н. Военно-морской флот Советской социалистической

державы. М., 1951; Зоткин Н.Ф. и др. Краснознаменный Черноморский флот. М., 1979.

[139] Паркер Р. Заговор против мира. (Записки английского журналиста). М., 1949, с. 34—35.

[140] Дорба И. Белые тени. М., 1981, с. 57-58.

459

[141] Альфред Розенберг (1893—1946), депутат Рейхстага, видный оратор и теоретик нацистской партии, автор трудов «Миф XX века» (1930 г.), «Будущий путь немецкой внешней политики», один из организаторов оккупационного режима на захваченных территориях СССР. По образованию архитектор (1917 г.). Этот сын башмачника из Таллина смог стать в Германии одним из высших нацистских бонз (рейхслейтер). В начале революции 1917 г. он жил в Москве и даже сочувствовал ей, но в годы Гражданской войны уже выступал как белогвардеец, люто ненавидевший всех евреев. Он начинал свою карьеру агентом белогвардейского РОВСа, а затем прибился к молодому Гитлеру, вступил в фашистскую партию (1918 г.), стал главным редактором его первой, и тогда еще захудалой, газеты «Фелькешир беобахтер». В фашистской верхушке Розенберг играл видную роль, хотя и уступал по влиянию Герингу, Геббельсу, Гиммлеру и Гейдриху.

[142] Дорба И. Белые тени. М., 1981, с. 207.

[143] Совершенно секретно: альянс Москва—Берлин, 1920—1933 гг. (Военно-политические отношения СССР—Германия). М., 2001.

[144] Звягинцев А., Орлов Н. Прокуроры двух эпох. Андрей Вышинский, Роман Руденко. М., 2001.

[145] С. Берия. Мой отец — Лаврентий Берия. М., 1994, с. 114—115. Это выдающаяся книга воспоминаний, очень хорошо документированная!

[146] Военный прокурор округа — Грызлов.

[147] Надо опубликовать весь этот очень важный материал отдельной книгой, вместе с подробной биографией Ишова.

[148] Криворученко А. Александр Косарев. Трагедия судьбы. — «Молодой коммунист». 1990, № 6, с. 60—68; Смородин Г.И. (1897—1939, чл. партии с 1917), Косарев А.В. (1903—1939, чл. партии с 1919).

[149] Антонов-Овсеенко В. В революции. М., 1983.

[150] Ваксберг А. Страницы одной жизни. (Штрихи к политическому портрету Вышинского.) «Знамя», 1990, № 5, с. 152—177; № 6, с. 122— 143; Инквизитор. Сборник статей. М., 1982; Звягинцев А., Орлов Ю. От первого прокурора России до последнего прокурора Союза. М., 2001; Льорента. Испанская инквизиция. М., 1936. Также: Вышинский А.Я. Судебные речи. М., 1955; Он же. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1941; Он же. Судопроизводство в СССР. М., 1939; Он же. Курс уголовного права. М., 1927; Он же. Вопросы теории государства и права. М., 1949; Он же. Вопросы международного права и международной политики. М., 1949.

[151] Апанасенко И.Р. (1890—1943, чл. партии с 1918) — участник Гражданской войны, командир дивизии и бригады в Первой конной армии, имел 3 (!) ордена Красного Знамени. Окончил академию им. М. Фрунзе (1932). В 1932—1937 гг. заместитель Уборевича в Белорусском военном округе.

[152] Кояндер Е. Маршал авиации С.А. Худяков. — «ВИЖ». 1982, № 1.

[153] Командарм Якир. Воспоминания друзей и соратников. М., 1963, с. 224.

460

[154] Черушев Н.С. Тридцать седьмой год: НКВД и Красная Армия. — «Военно-исторический архив». М., 1999, № 5, с. 153.

[155] Там же, с. 153.

[156] Там же, с. 153.

[157] Бармин А. Соколы Троцкого. М., 1997, с. 107—110.

[158] Такие свидетели были ему даны: его заместитель в Приволжском военном округе Кутяков и командующий Московским военным округом Буденный. Последний, по заданию Сталина, несколько месяцев разыгрывал роль человека, оскорбленного Сталиным, разочарованного, жаждущего мести. Он очень ловко поймал оппозицию «на крючок», овладел секретами врага, выявил всю руководящую верхушку и узнал даже дату предстоящего выступления, в котором брался играть самую видную роль. На процессе он превратился в самого убийственного свидетеля, опровергнуть которого Тухачевский не мог. И Буденный приговорил маршала к смерти, не имея никаких сомнений относительно его вины и остальных соучастников. Поэтому несколько позже, когда шел письменный опрос членов и кандидатов ЦК ВКП(б) относительно Судьбы арестованных, он написал без колебаний на опросном бланке: «Безусловно «за». Нужно всех мерзавцев казнить». (Роговин В. 1937. М., 1996, с. 391.)

[159] Название деревни разлагается явно на составные части: Мард-Ар-ов-ка, где «мард» и «ар» — означают одинаково «Солнце». Название реки Кучурган означает: «Река переселившихся, виновных перед небом». Основная масса переселенцев явилась сюда в XIII—XIV веках.

[160] Галкина Е.С. Тайны русского каганата. М., 2002.

[161] Васильева Л. Кремлевские жены. М., 1992, с. 231—232.

[162] Позже супруги усыновили племянницу Екатерины Давидовны Труду и племянника Ворошилова Колю, чьих родителей арестовали, а после смерти наркомвоенмора М. Фрунзе (во время операции) его детей — Тимура и Таню.

[163] Там же, с. 232.

[164] Там же, с. 234.

[165] Ворошилов К. Рассказы о жизни. М., 1968.

[166] Уже во времена Хрущева Ворошилов при реабилитации Тухачевского якобы от стыда «отводил глаза». И в свою защиту говорил: «А зачем это он писал на себя?» (Хорев.) Вопрос, конечно, вполне резонный! Ведь не давали же показаний партизаны во время войны, когда их хватали фашисты! А уж те с ними не церемонились!

[167] Беседовский Г. На путях к термидору. М., 1997, с. 271.

[168] Там же, с. 271.

[169] Беседовский Г. На путях к термидору. М„ 1977, с. 323—324.

[170] Здесь будет уместно привести оценку Н. Верта, известного французского историка, чья книга «История Советского государства» (М., 1998, с. 244) предназначена для школьников, студентов и преподавате-

лей. Историк не сомневается, что на деле идиллий не было. Он пишет совершенно недвусмысленно, что у Тухачевского «постоянные разногласия со Сталиным еще со времен польской войны 1920 г. переросли в открытое противоборство». Последовавшие чистки сопровождались посылкой эмиссаров из Москвы: в Смоленск и Иваново — Кагановича, в Белоруссию и Армению — Маленкова, в Грузию — Берию, на Украину — Молотова, Ежова и Хрущева.

[171] Это письмо в фальсифицированным виде было преподнесено делегатам XXII съезда КПСС тогдашним главой КГБ А. Н. Шелепиным. С величайшим лицемерием он опустил в нем отдельные выражения и фразы, в результате чего совершенно изменился смысл письма. Б. Соколов в книге «Михаил Тухачевский» вполне справедливо замечает: «Шелепин хотел убедить простодушных (?) делегатов съезда, будто Якир в обращении к Сталину «заверял его в своей полной

невиновности» (с. 425). Это один из примеров бесстыдной фальсификации того времени. В настоящем тексте опущенные части письма восстановлены.

[172] См. также: Бражнев А. Школа опричников. В пыточных камерах. Конец «железного наркома». — «Литературное обозрение». 1991, № 4, 6, 8.

[173] Назаретян А.М. — в 1922—1923 гг. зав. Бюро секретариата ЦК и работник «Правды», в 1924—1930 гг. — секретарь Закавказского крайкома партии, председатель ЦКК-РКМ ЗСФСР, в 1931—1934 — член коллегии НК РКИ СССР, делегат XI, XIII-XV, XVII съездов партии. Булатов Д.А. — с 1931 — член коллегии и начальник отдела кадров ОГПУ (!), в 1934—1937 — первый секретарь Омского обкома партии.

[174] Из других важных должностей Акулова: 1929 — секретарь ВЦСПС, 1930 — зам. наркома РКИ, 1931—1932 — зам. председателя ОГПУ, 1932 — секретарь ЦК КП(б)У по Донбассу. Арестован как правый 22 августа 1937 г.

[175] Черняков А.С. Петр Ионович Баранов. М., 1961; Крупнейший организатор советской авиации. — «Военно-исторический журнал». 1962, № 8; Глуховский С.Д. Когда вырастают крылья. М., 1965.

[176] Валериан Владимирович Куйбышев. Жизнь и деятельность в фотографиях и документах. М., 1987; Березов П.И. В.В. Куйбышев. Краткий биографический очерк. М., 1938; Запрудская Н. Валериан Владимирович Куйбышев. Омск, 1978; Куйбышева Е.В. Валериан Владимирович Куйбышев (1888—1935). Из воспоминаний сестры. М., 1938, 1939, 1958; Куйбышев В.В. О работе ЦК ВКП(б). М., 1930; Он же. Кто не с нами, тот против нас. М., 1930; Он же. Уборка, хлебозаготовка и укрепление колхозов. М., 1932; Он же. На борьбу за хлеб. М., 1933; Он же. Десять лет Советской конституции. М., 1933; Он же. О молодежи. М., 1937; Он же. Избранные произведения. М., 1958.

[177] Историко-революционный календарь. 1941. М., 1940, с. 42—43.

[178] Симонян М. Жизнь для революции. М., 1962; Муратов Х.И. Первый советский главковерх. М., 1979; Симонян М. Его профессия революция.

ция. М., 1985. Белая газета «Рассвет» (Чикаго), говоря о Крыленко-юристе, злобно именует его «специалистом по фабрикации «вредительских» процессов и расстрелов» (30.03.1937).

[179] Акулов И.А. За перестройку и улучшение работы суда и прокуратуры. М., 1934.

[180] Гаген-Торн Н. Из книги воспоминаний. — «Огонек». 1989. № 49, с. 9.

[181] Александров В. «Дело Тухачевского». Ростов-на-Дону. 1990, с. 77—78.

[182] Потров Н., Скоркин К. Кто руководил НКВД. 1934-1941. М., 1999.

[183] Панкратов В. Яков Свердлов. М., 1989; Костюковский Б., Табачников С. И нет счастливее судьбы. Повесть о Я.М. Свердлове. М., 1984.

[184] О судьбе семьи Свердловых. // «Семья и школа». 1990, № 10, с. 40.

[185] Голубцов В.С. Мемуары как источник по истории советского общества. М., 1970.

[186] С начала 1917 г. сионизм действовал открыто и считался «революционным» течением. Но с 1927 г., за поддержку Троцкого и Зиновьева, был объявлен вне закона и стал действовать в подполье.

[187] В круг такой молодежи входили: сын Троцкого (инженер, оставшийся в СССР, формально не участвовал в политике), сын Зиновьева (философ), сын Каменева (летчик), сын Якира и другие.

[188] В таком же духе и со страшным озлоблением выступал и другой бежавший чекист. (См.: А. Орлов. Тайная история сталинских преступлений. — «Огонек», 1989, № 46—52. Л. Фельдбин (А. Орлов) — генерал НКВД, работавший за

границей. В «органах» проработал 20 лет, был человеком «правых» убеждений, стал невозвращенцем 12 июля 1938 г., самовольно покинув свой пост в Испании.

[189] Теодор Обер — швейцарский адвокат, защитник убийц советского дипломата В. Воровского (1871—1923), организатор «Международной лиги борьбы против III Интернационала».

[190] Что это не какое-то там досужее «предположение», — о том судить можно по аналогии. Советский генерал Власов, сдавшись в плен немцам, тоже был направлен в лагерь, не рядовой, естественно, а в Винницу, где находилась тогда ставка верховного командования немецкой армии. О лагере этом он показывал позже советскому следователю так: «Винницкий лагерь находился в ведении разведотдела германской армии, и поэтому в нем содержались только те военнопленные, которые представляли интерес для верховного командования». «В Винницком лагере немцы вели работу по разложению военнопленных и привлечению их к службе в германской армии». (Катусев А.Ф., Оппоков В.Г. Движение, которого не было, или История власовского предательства. — «Военно-исторический журнал». 1991, № 4, с. 25.)

[191] Легенда о Мате Хари. — В кн.: Черняк Б. Пять столетий тайной войны. Из истории разведки. М., 1966.

[192] Мельников Д., Черная Л. Двуликий адмирал. (Главарь фашистской разведки Канарис и его хозяева.) М., 1965; Шелленберг В. Лабиринт. М., 1991; Абжаген К. Адмирал Канарис. Ростов-на-Дону. 1998; Заговоры и покушения. Энциклопедия тайн и сенсаций. Минск, 1996; Вол-

ков А., Славин С. Адмирал Канарис — «железный» адмирал. М. — Смоленск, 1999; Гизевиус Г. До горького конца. Смоленск, 2002; Даллес А. Асы шпионажа. М., 2002.

[193] Даме Х.Г. Франсиско Франко. Ростов-на-Дону, 1999.

[194] Ферстер Г., Гельмерт Г., Отто Г., Шниттер Г. Прусско-германский Генеральный штаб. М., 1966.

[195] Трюк подобного рода вовсе не нов. Один из видных исследователей дел разведки пишет: «Войну против Польши германское командование могло вести, как говорится, с закрытыми глазами — настолько точно и хорошо оно было осведомлено о всех мобилизационных и оперативных планах развертывания польской армии». (Минаев В. Тайное становится явным. М., 1960, с. 62.)

[196] Прокопенко А. Чего хотел Тухачевский. — «Военно-исторический журнал», 1990, № 8, с. 61.

[197] Мельников Д. Заговор 20 июля 1944 года в Германии. Легенда и действительность. М., 1962; Мильштейн М. А. Заговор против Гитлера. М., 1962.

[198] Там же.

[199] Черушев Н. Тридцать седьмой год: НКВД и армия. — «Военно-исторический архив». 2002, № 10, с. 250—251.

[200] К тому имелись очень серьезные основания. Гитлер не переставая кричал, что французская армия похожа на мыльный пузырь, что немцы легко ее разобьют, если дело дойдет до драки. Ему многие не верили, но в 1940 г. получилось именно так.

[201] Юренев К.К. (1888—1938, чл. партии с 1905) — видный военный работник, затем дипломат — в Бухаре, Латвии, Чехословакии, Италии, Иране, Австрии, Японии, Германии.

[202] Артузов (Фраучи) Артур Христианович (1891—21.08.1937, чл. партии с декабря 1917). Его отец — сыровар, выходец из Швейцарии. Закончил Петроградский политехнический институт (1917). С начала революции занимался делами армии, с 1919 г. на работе в ВЧК, где ведал контрразведкой. Его падение

произошло при Ежове. Арестован 13 мая 1937 г., 21 августа 1937 г. расстрелян. В 1956 г. (без всяких доказательств!) «реабилитирован».

[203] Даллес А. Асы шпионажа М., 2002; Свеченовская И. Секс и советский шпионаж. С-Пб. — М., 2002.

[204] Может быть, это та же дама, немецкая разведчица, что соблазнила и самого Тухачевского?

[205] Где они? Почему до сих пор не опубликованы? Разве это не доказательство мошенничества «защитников»?!

[206] Едва ли она дочь Санчеса Васкеса, одного из комиссаров испанской компартии при известном военачальнике демократической Испании Энрике Листере или дочь офицера-коммуниста Санчеса Томаса. Удивительно, что Долорес Ибаррури в своих «Воспоминаниях» (М., 1988, т. 1) о фамилии Санчес и Берзине даже не заикается.

[207] Военно-исторический архив. М., 2000, № 10, с. 231—231; Свеченовская И. Секс и советский шпионаж. СПб.—М., 2002.

[208] «Эта квартира» принадлежала заместителю командующего ОКД-ВА Сангурскому, уже в то время арестованному НКВД. Пресловутую «кражу» осуществлял кто-то из людей, близких к Берзину.

[209] Оппозиция была в них очень заинтересована, так как черпала в их окружении сторонников, а их самих использовала «для прикрытия».

[210] Маршал Тухачевский. Воспоминания. М., 1965, с. 154—155.

[211] Там же, с. 158-160.

[212] Молодые мастера искусства. М.—Л., 1938.

[213] Вопрос о связи Сталина с указанными дамами есть вопрос весьма щекотливый. Каких-либо документов на эту тему нет. А.Т. Рыбин и его товарищи из охраны Сталина категорически отрицают правдивость книги Гендлина «Исповедь любовницы Сталина». А.Т. Рыбин пишет: «Мы категорически против клеветы на Сталина. За 20 лет моей работы со Сталиным я не видел у него ни Давыдовой, никакой другой женщины, смахивающей на любовницу». («Сталин и Жуков». М., 1994, с. 66). Конечно, это важное свидетельство. Но ведь и Сталин был не обязан выставлять всю свою жизнь на обозрение.

[214] Гендлин Л. Исповедь любовницы Сталина. Минск. 1994, с. 63—64.

[215] Там же, с. 109-110.

[216] Сац Н. Жизнь — явление полосатое. М., 1991, с. 292.

[217] Заместителями у него были Н. Левинсон и Г. Аронштам.

[218] Сац Н.И. Новеллы моей жизни. М., 1979; Она же. Жизнь — явление полосатое. М., 1991. Есть также мемуары дочери: Сац Р.И. Путь к себе: о маме Н.И. Сац, любви, исканиях, театре. М., 1984.

[219] Кржижановский Г.М. (1872—31.03.1959) — советский государственный и партийный деятель, чл. партии с 1893 г., ученый энергетик, академик АН СССР с 1929 г., Герой Социалистического Труда (1957 г.), делегат XIV—XVII съездов партии, избиравшийся членом ЦК ВКП/б) на XIII—XVII съездах партии. Был награжден за свою деятельность пятью орденами Ленина и двумя другими орденами. Ему принадлежат многочисленные доклады по вопросам электрификации России, а также воспоминания о Ленине.

[220] Роговин В. 1937. М., 1996., с. 393.

[221] Судьба Жозефины Гензи после войны, которую она благополучно пережила, неизвестна. Скорее всего, в 1944 г. Канарис, видя, что война проиграна, отправил ее через Испанию в Латинскую Америку, вручив ей на хранение свои настоящие дневники. Там она и осела, выйдя замуж за одного из генералов типа

Пиночета или преуспевающего бизнесмена. Дела свои с разведкой закончила. Сменив фамилию, она, наконец, перешла к мирной жизни, войдя в местную элиту.

[222] По мнению Б. Соколова (Михаил Тухачевский. Смоленск, 1999, с. 236), она была женой комкора Фельдмана и родственницей Тухачевского по одной из его жен. В силу родства знала о нем многое. Была ли

Лидия Норд замужем до брака с Фельдманом? Существует мнение, вовсе не глупое, что прежде она носила фамилию Загорская. И, скорее всего, ее первым мужем являлся секретарь МК РКП(б) Загорский (1883—1919, чл. партии с 1905), убитый бомбой, брошенной в помещение МК левыми эсерами. Для карьеры Фельдмана такой брак был бы в высшей степени выгоден!

[223] Яшуньский Г. Шпионы? М., 1972; Мороз О. «Как мы делали бомбу». — «Литературная газета». 06.06.1990; Жучихин В. «Первая атомная». М., 1993; Пестов С. Бомба. Тайны и страсти атомной преисподни. СПб., 1995.

[224] Коненков С. Воспоминания. Статьи, письма. М., 1984, с. 191.

[225] Странно, что разные источники называют его то капитаном 1-го ранга, то адмиралом уже в 1940—1941 гг. (Бережков В. С дипломатической миссией в Берлин. М., 1966, с. 59, 88.)

[226] Бережков В. С дипломатической миссией в Берлин. М., 1966, с. 59-60.

[227] Свеченовская И. Секс и советский шпионаж. М., 2002, с. 34.

[228] Первый раз получил срок заключения за утверждение, что в государственном и партийном аппарате СССР засела агентура иностранных разведок. Второй раз — за утверждение о связях этой агентуры с ЕАК (Еврейский антифашистский комитет).

[229] Костырченко Г. В плену у красного фараона. М., 1994, с. 108.

[230] Терло — руководитель английской секретной службы во времена Кромвеля.

[231] Черняк Е. Пять столетий тайной войны. М., 1966, с. 165, 213—214, 461-466, 490-493, 503-504, 549-550.

[232] Дамаскин И. Разведчицы и шпионки. М., 2000, с. 209—210, 231, 233,234-235.

[233] Бармин А. Соколы Троцкого. М., 1997, с. 363—364.

[234] Голуб П.А. Жизнь — подвиг. — «Вопросы истории КПСС», 1964, №7.

[235] Ордена Ленина Московский военный округ. Авт. коллектив: Грушевой КС. и др. М., 1977, с. 161—165.

[236] Московская пролетарская. Сборник очерков и воспоминаний. Состав. Минкевич В., Плотников Ю.М., 1978.

[237] Коняев Н. Два лица генерала Власова. М., 2001. (Биография Малышкина — с. 443—444, его речь в суде — с. 425—427).

[238] Розин М., Давыдов Д. «Три кита» советской политической мифологии. — «Даугава», 1990, № 12, с. 63.

[239] «Русский инвалид», 1937, июль, № 105, с. 3.

[240] Там же, с. 2.

[241] Витошнев С. Семен Буденный. Минск, 1998.

[242] В округ первые танки Т-34 и KB поступили лишь в 1939 г.

[243] Оппозиционеры придавали очень большое значение укреплению своих связей со студенчеством и поэтому старались прибрать ВУЗы

к рукам. Бывший эсер С.А. Бессонов (1892—1941, эсер с 1911, чл. РКП с 1918), работавший в Германии с 1933 г. советником посольства, до этого был еще и ректором Уральского политехнического института (1925-1927).

[244] Затем Г. Дирксен был послом в Японии (1933—1938) и в Англии (03.1938—09.1939). Принимал участие в подготовке «Антикоминтерновского пакта».

[245] Coulonder R. Von Moskau nach Berlin 1936-1939. Bonn, 1955.

[246] Воскресенская З. Под псевдонимом Ирина. М., 1997, с. 41.

[247] Надольный Р. (1873—1953) — немецкий дипломат с образованием юриста. В 1903—1907 гг. — вице-консул в Петербурге, в 1907—1912 гг. — советник министерства иностранных дел, 1913 г. — советник посольства в Албании, 1916 —1917 гг. — поверенный в делах в Тегеране, 1920— 1924 гг. — посланник в Стокгольме. 1924—1933 гг. — посол в Турции, 1932 г. — руководитель германской делегации на конференции по разоружению, с ноября 1933 г. — немецкий посол в Москве. Из-за крупных разногласий с Риббентропом вышел в отставку (июль 1934). После окончания войны 1941—1945 гг. выступал за создание единой Германии.

[248] Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. М., 1991, т. 2, с. 439.

[249] Хильгер Г. Мы и Кремль. (Отрывки.) — Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне Третьего рейха против СССР. Смоленск, 2000, с. 50-95.

[250] Тайные страницы истории. М., 2000, с. 283.

[251] Там же, с. 285.

[252] О Кейтеле подробно: Полторак А.И. Нюрнбергский эпилог. М., 1965, с. 308—383; Кейтель Р. Размышления перед казнью. Воспоминания, письма и документы начальника штаба Верховного командования вермахта. М., 1998.

[253] Пэдфилд П. Миссия Рудольфа Гесса. Смоленск, 1999.

[254] Гальдер Ф. (1844—1972) — генерал-полковник вермахта, начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии (1938—1942).

[255] Знаменательное признание! И вот оно последнее, решающее доказательство тому, как нагло лгут антисталинские и буржуазные провокаторы в сане «профессоров» и «академиков», которые утверждают, будто бы Сталин и Ворошилов «не понимали значения танковых войск»! Но откуда же тогда взялись «мощные бронетанковые силы»?! С луны свалились?! Или появились благодаря поповским молитвам?!

[256] Военно-исторический журнал. 1992, № 2, с. 38.

[257] Вот примеры для сравнения: Лихновский К.М. Моя миссия в Лондоне 1913—1914 гг. Б. М., 1918; Вильгельм II, император. События и люди. 1878—1918. Мемуары. М. — Пг. 1923; Пурталес Ф. Между миром и войной. Мои последние переговоры в Петербурге в 1914 г. М. // Пг. 1923; Чернин О.В. В дни мировой войны. Мемуары. М. — Пг., 1923; Эрцбергер М. Германия и Антанта. Мемуары. М. — Пг., 1923; Бетман-Гольвег Т. Мысли о войне. М. — Л., 1925; Мюллер Р. Мировая война и германская ре-

волюция. М., 1925, т. 1—2; Гофман М. Записки и дневники. 1914—1918. Л., 1929; Бюлов Б. Воспоминания (1914—1918). М. — Л., 1935; Бисмарк О. Мысли и воспоминания. М., 1940—1941, т. 1—3; Гудериан Г. Воспоминания солдата. М., 1954; Вестфаль Э. и др. Роковые решения. М., 1958; Мойзиш А. Операция «Цицерон». М., 1965; Базна Э. Я был Цицероном. М., 1965; Путлиц В. По пути в Германию. М., 1957; Бруно Винцер. Солдат трех армий. М., 1971; Вильгельм Адам. Трудное решение. М., 1967; Гюнтер Тереке. Я был королевско-прусским советником. Мемуары политического деятеля. М., 1977; Рейнхардт К. Поворот под Москвой. Крах гитлеровской стратегии зимой 1941—1942. М., 1980; Франц Далем. Накануне Второй мировой войны. Воспоминания. М., 1982, т. 1—2; Хоннекер Э. Из моей жизни. М., 1982.

[258] До сих пор не раскрыта личность советского суперагента «Вернера», обладавшего вместе с Гитлером наивысшими военными тайнами Германии. Льюис Кильзер утверждает («Предавший Гитлера: Мартин Борман и падение Третьего рейха». М., 2002, с. 392), что им являлся Мартин Борман, имевший, благодаря близости к фюреру, все данные. Но это крайне сомнительно. Гитлер, человек очень подозрительный, как видно из «Завещания», абсолютно доверял ему. «Вернером» был кто-то другой. Три лица под наибольшим подозрением: генерал-фельдмаршал Вальтер фон Браухич (1881—1948), генерал-полковник Альфред Йодль (1890—1946) и брат Мартина Бормана, личный адъютант Гитлера. Браухич, человек религиозный, отрицательно относившийся к политике НСДАП, не раз споривший с гауляйтерами и Гитлером, находится под самым сильным подозрением. Он считался «победителем Польши», разрабатывал с сотрудниками первоначальный план войны с СССР и руководил армиями до своего увольнения в декабре 1941 г. — за неспособность добиться победы. Ясно, что его оппозиция после этого увеличилась еще больше. И он, конечно, думал, как спасти собственную голову при советской победе. У Йодля, ближайшего сотрудника Кейтеля, главы Штаба Оперативного руководства ОКВ, очень близкого к Гитлеру, была та же проблема. Именно они, вместе с братом Бормана, могли являться «источниками» для передачи в Москву важнейших сведений через «своего» надежного радиста. Следует еще отметить, что о брате Мартина Бормана до сих пор нет никакой литературы, его фигура очень неясна.

[259] Таратута Ж., Зданович А. Таинственный шеф Маты Хари. Секретное досье КГБ № 21152. М., 2000.

[260] Аксенов Г. Вернадский. М., 1994, с. 470.

[261] Консулы — должностные звания, употребляемые в дипломатической практике. Подчинялись своему министерству иностранных дел. Существовали 4 степени: генеральный консул, просто консул, вице-консул, консульский агент. Первых два возглавляли самостоятельные консульства в разных городах. Генеральный консул — наивысший почетный ранг. Вице-консул — обычно помощник консула. Консульский

агент имеет округ, чаще всего назначается консулом, которому и подчиняется. Функции консульского корпуса частью церемониальные (официальные поздравления, участие в официальных торжествах, устройства банкетов и пр.), частью — деловые (защита экономических и правовых интересов своего государства и своих граждан, находящихся в чужом государстве). Консулы не имеют права вмешиваться в дела чужой страны, хотя на деле никогда с этим не считаются.

[262] Он выучил его, общаясь с немецкими инженерами и техниками, работавшими рядом, и первую жену имел из этой же среды.

[263] За выдающиеся заслуги он был удостоен звания Героя Советского Союза и награжден двумя орденами Ленина. Ему и его товарищам посвящены известные книги: Медведев Д.Н. (полковник-чекист, командир партизанского отряда на Украине). Это было под Ровно. М., 1962; Кузнецов В.И., Брюханова Л.И. Сын народа. Свердловск, 1961.

[264] Непомнящий Н.Н. Загадки и тайны истории. М., 2000 (Новелла «Плейбой Советского Союза»).

[265] Пещерский В.Л. Секреты Гитлера на столе у Сталина. М., 1995.

[266] Литература в конце главы.

[267] Т. Домбаль. Дома крестьянина — сеятели коммунизма. М., 1924; Г. Зиновьев, К. Цеткин, Т. Домбаль. Крестьяне и рабочие. М., 1924, 1925; Т. Домбаль. Крестьянский Интернационал. Л., 1925; Т. Домбаль. Задачи и

достижения Коминтерна. М., 1925; Т. Домбаль. Борьба за крестьянство. Сборник статей. М., 1926; Т. Домбаль. На заре новой Польши. М., 1926; Т.Ф. Домбаль. Борьба за крестьянство. М, 1936.

[268] Смирнов А.П. (1877—1938, чл. партии с 1896) — видный партийный, государственный и хозяйственный работник, в то время Народный комиссар земледелия РСФСР, член ЦК партии в 1922—1933, член ВЦИКиЦИКСССР.

[269] См: Революционный путь компартии Западной Белоруссии. (1921— 1939). Минск, 1966; Очерки Коммунистической партии Белоруссии. М., 1961. Белорусские земли, находившиеся в руках Польши по грабительскому Рижскому договору (1921), составляли территории нынешних областей: Брестская, Гродненская, Пинская, Барановичская, Молодечненская.

[270] Сам Нидермайер — выдающийся разведчик Германии, и его жена из того же ведомства. Кто она? Не есть ли эта дама любовница Канариса, «соблазнившая» Тухачевского, Карахана и многих других?!

[271] На самом деле он был резидентом НКВД. [272]1941 год. Документы. М., 1999, т. 1, с. 222—224.

[273] Горлов С. Совершенно секретно: альянс Москва—Берлин, 1920— 1933 гг. Военно-политические отношения СССР и Германии. М., 2001.

[274] Минаев В. Тайное становится явным. М., 1960, с. 110; Кукридж Э. Гелен: шпион века. Смоленск, 2001.

[275] Руге В. Гинденбург. Портрет германского милитариста. М., 1981.

[276] Некрич А. 1941. 22 июня. М., 1965, с. 11.

469

[277] В защиту маршала Тухачевского. — «Бюллетень спартаковцев». Осень 1990, с. 42.

[278] К их числу относятся: глава советской военной разведки в Западной Европе Вальтер Кривицкий, он же Самуил Гинзбург, работавший под началом Тухачевского и выпустивший в 1939 г. за границей книгу «В сталинской разведке (Я был агентом Сталина)»; советский разведчик, польский еврей и член партии Леонид Треппер, написавший книгу «Большая игра»; известный биограф Троцкого, тоже еврей, Дойчер и др.

[279] Кровавый маршал. СПб., 1997, с. 91—92.

[280] Не случайно же, конечно, погиб в репрессиях и СИ. Венцов-Кранц (1897—1937), начальник организационно-мобилизационного управления Наркомата обороны. Как говорят воспоминания, Тухачевский его «высоко ценил».

[281] Таратута Ж., Зданович А. Таинственный шеф Маты Хари. Неизвестная война. М., 2000.

[282] См: Шлиффен А. Канны. М., 1938; Гинденбург П. Воспоминания. Пг., 1922; Радек К. Гинденбург. М.—Л., 1925; Руге В.В. Гинденбург. Портрет германского милитариста. М., 1981.

[283] Ферстер Г. и др. Прусско-германский Генеральный штаб 1640— **1965.** К его политической роли в истории. М., 1966.

[284] Эберт — «правый» лидер социал-демократической партии Германии, председатель правления партии после Бебеля, рабочий-седельщик, ставший президентом (1919—1925). Шейдеман — один из виднейших «правых» в руководстве той же партии, в 1919 г. — глава коалиционного правительства, яростно подавлявший выступления революционных масс.

[285] 7 апреля 1937 г. русская белая газета «Рассвет» (Чикаго) сообщила о примирении генерала Людендорфа и Гитлера (с. 1) и о том, что генерал начинает крестовый поход против масонства и христианства, поскольку они подрывают единство германского народа. Мечта престарелого генерала — спаять всю нацию «в тоталитарном государстве»! Устроить, так сказать, «консенсус»!

[286] Деборин Г.А., Тельпуховский Б.С. Итоги и уроки Великой Отечественной войны. М., 1975, с. 14.

[287] Goodspeed DJ. Ludendorf: genius of World war I. Boston, 1966; Kapp H. Geschihte der Ludendorf— Bewegung. 1975; Людендорф Э. К вопросу об ответственности в Германии. (Докладные записки бывшего генерал-квартирмейстера германской главной картиры Ф. Людендорфа). Новочеркасск, 1919.

[288] Stockhorst E. 500 Kopfe. Wer war was im III Reich. Kiel, 1985, S. 175.

[289] Все попытки оправдать Пятакова выглядят неуклюжими. (См.: Мильчаков А. Истоки трагедии Юрия Пятакова. — «Вечерняя Москва». 1991,30.08, с. 7.)

[290] Для «правых» эта проблема (возможность явки струсивших в НКВД с признаниями) была очень тяжелой. Разрешили они ее так: все секретные документы и списки своей организации поместили на хране-

ние в особый сейф, стоявший прямо в НКВД, неподалеку от кабинета самого Ягоды (кто бы подумал их в том месте искать?!) Там же находился всякий «компромат» на колеблющихся руководителей, в том числе дела бывшего жандармского управления на своих секретных агентов-провокаторов. Среди них числились также Иванов, Зубарев, Зеленский. (См.: Алексеев В.Ф. Свидетель. — «Молот» (газета). 1991, № 17, с. 2. Сам автор в 1938 г. — политрук роты охраны на процессе Бухарина, он имел доступ в камеры арестованных, присутствовал и в зале суда.)

[291] Инквизитор. Сталинский прокурор Вышинский. М., 1992. (Сб. статей.)

[292] Немец, участник Первой мировой войны, с 1915 по 1917 год — в русском плену, затем на службе в Красной Армии, на руководящей советской и хозяйственной работе. Член ВКП(б) с 1919. В 1932—1934 гг. — заместитель наркома тяжелой промышленности, затем до ареста в 1936 г. — начальник Главхимпрома этого же наркомата.

[293] Социология перестройки. Сб. М, 1990; Ракитский Б.В., Ракитская Г.Я. Стратегия и тактика перестройки. М., 1990; Кургинян С.Е. и др. Перестройка. М., 1990; Колесников В.В., Сидоров С.А. Забытый богом рай? Л., 1990; Альтернатива: выбор пути. Перестройка управления и горизонты рынка. Сборник. М., 1990.

[294] Какой знакомый язык! А о чем толкуют все время российские «демократы»?! Вот, оказывается, где их близкие родственники!

[295] Не он ли находился в кровном родстве с Барбэ, любовницей Тухачевского, участницей всех его дел?

[296] Опра И.М. Дипломатическая деятельность Николае Титулеску. Бухарест. 1970; Копанский Я.М., Левит И.Э. Советско-румынские отношения. 1929—1934. М., 1971; Шевяков А.А. Советско-румынские отношения и проблемы европейской безопасности. М., 1977; Grecescn J. Nicolae Titulescu. Bucuresti. 1980.

[297] Сама фамилия его символична: Брендис — «зажигающий». Слышится также звуковая перекличка с фамилией Берендс. Может быть, последний и являлся прототипом героя? Но есть и другой вариант: полковник Бредис. («Толстяк» = «Широкий».)

[298] Бондаренко С. Германский фашизм и Советская Украина. М., 1934, с. 84-85.

[299] Софинов П.Г. Очерки истории ВЧК. М., 1960, с. 63.

[300] Расчет оказался вовсе не беспочвенным. В первые месяцы войны немцам сдались в плен почти 2 млн. красноармейцев и командиров (часть оказалась в плену по ранению). А в ходе войны сотрудничали с оккупантами более 1 млн. человек. (Соколов Б. Цена победы. М., 1991, с. 80.)

[301] Загороднюк И.Х. Куропаты: фальсификация века? — «Военно-исторический журнал». 1991, № 6, с. 50—53; Преступные цели — преступные Средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941—1944 гг.). М., 1963; Мельников Д., Черная Л. Империя смерти. М., 1987.

471

[302] Геккер А.И. (1888—1937, чл. партии с 1917) — бывший штаб-ротмистр царской армии, командовал армиями в Гражданскую войну, был военным атташе в Турции (1929—1933), начальником разведывательного управления Наркомата обороны (1934—1937). Имел 3 ордена Красного Знамени. Арестован 31 мая (в день самоубийства Гамарника). Уже 1 июля расстрелян!

[303] Саблин Ю.В. (1897—1937), комдив, чл. партии с 1919 г., из бывших эсеров.

[304] По утверждению следствия, группа заговорщиков, окопавшаяся в Кремле, готовила покушение на Сталина и других членов Политбюро. Во главе их стоял Н.Б. Розенфельд, художник-иллюстратор в издательстве «Академия». Человек этот был весьма непростой: он приходился родным братом Л.Б. Каменеву, да еще умудрился жениться на княжне Бебутовой. («Вопросы истории». 2001, № 1, с. 86.) В этом старинном армянском княжеском роду особенно известен Василий Осипович Бебутов (1791—1858), участник Русско-турецкой войны (1806—1812) и Отечественной войны против Наполеона (1812), занимавший посты адъютанта генерала А. Ермолова, командовавшего войсками против восставшего Шамиля (1844—1847), бывшего также видным администратором Закавказского края, успешно воевавшем с турками (1853—1854). Очень, конечно, интересно, как это явному еврею Каменеву (Розенфельду) удалось породниться с княжеской фамилией! И не менее интересно другое: если в Кремле не замышлялся заговор, то зачем Каменев пристроил на работу туда своего родного брата?! Ведь не трудно было понять, что при той «испорченной репутации», которую имел сам Лев Каменев, его брат, в силу родства, может угодить в какую-нибудь неприятную историю! Если тем не менее они оба не посчитались с соображениями безопасности, то значит для этого были очень серьезные причины!

[305] Гендлин Л. Исповедь любовницы Сталина. Минск, 1994.

[306] Разговоры о покушениях не есть чья-то злая выдумка. Покушения в мире политики — вещь обычная. Это видно на примере жизни величайшего из китайских коммунистических лидеров XX века. «Было предпринято три покушения на жизнь Мао Цзэдуна: самолет атаковал с воздуха его шанхайскую резиденцию; личный поезд Мао был пущен под откос на пути из Шанхая в Пекин; в дом Мао, в столице, подослали убийцу, замаскированного под курьера. Когда все три попытки провалились — последняя вечером 12 сентября 1971 года, — Линь Бяо (военный министр), его жена, сын и несколько других заговорщиков поспешили сесть в самолет на аэродроме близ Бэйдайхэ» (с целью бегства из страны). (Крушение политика. — «Великие тайны прошлого». Издание ФРГ. 1996, с. 28.)

[307] Кривицкий В. Я был агентом Сталина. М., 1991, с. 238—239.

[308] Там же, с. 240-242.

[309] Терек Э. — горный инженер по образованию, из семьи шахтера. Первый секретарь Польской объединенной рабочей партии (1970—1980).

472

[310] См.: Молотов В.М. Уроки вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов. М., 1937.

[311] Горбачев Б.С. — командующий Уральским военным округом. См.: Леонов. Комбриг Горбачев. — «Советская Отчизна». Минск, 1959, № 5.

[312] Россель Ч. Разведка и контрразведка. М., 1973.

[313] О размахе страшной закулисной борьбы говорят некоторые цифры. В августе 1937 г. арестовано еще 142 руководящих военных работника. В ноябре 1937 г. утвержден список на расстрел 292 крупных военных, в июле 1938 г. — еще 138. (Известия ЦК КПСС, 1989, № 4, с. 59.) Всего за период 1937—1938 гг. было арестовано 408 человек руководящего и начальственного состава РККА и ВМФ, 401 человек были казнены, 7 отправлены в лагеря. (Там же, с. 60.) К ноябрю 1938 г. из прежних 108 членов Военного совета при наркоме обороны на месте оставались только 10. (Там же, с. 58.)

[314] Вот так Полищук лжет без всякого стыда! Зачем бы Сталину тогда было нужно репрессировать участников совещания?!

[315] Известное представление можно получить лишь по брошюре: Ульрих В.В. О бдительности советских людей. М., 1947.

[316] О нем: Бурлацкий Ф. Хрущев. Штрихи к политическому портрету. — «Литературная газета», 24.02.1988, с. 14. Автор старается, насколько это возможно, приукрасить бывшего «соратника» Сталина.

[317] О всех этих судьях см.: Кондратьев Н.Д. Маршал Блюхер. М., 1965; Малышев В.П., Якимов А.Т. Маршал Советского Союза В.К. Блюхер. Благовещенск. 1958; Темерова А.Я. Василий Константинович Блюхер. (Что читать о деятельности Маршала Советского Союза на Урале). Челябинск, 1958; Худяков Б.Я. Василий Константинович Блюхер. М., 1960, 1962; Блюхер В.В. По военным дорогам отца. (О В.К. Блюхере). Свердловск, 1987; Сафонов В. Последние дни маршала Блюхера. — «Советский воин». 1991, №2-4.

[318] Интересно, почему о том не говорят «воспоминания» и его биографии?!

[319] А это не подтверждается фотографиями!

[320] Характеристики личностей соратников Тухачевского содержатся и в их собственных воспоминаниях. См.: Этапы большого пути. Воспоминания о Гражданской войне. М., 1963. (Среди прочих здесь фигурируют воспоминания И. Якира, В. Примакова, Р. Эйдемана, В. Путны, А. Корка.)

[321] Тухачевский с 1931 г. занимал пост начальника вооружений РККА, а с 1936 г. являлся начальником нового Управления — боевой подготовки РККА.

[322] Бондаренко С. Германский фашизм на Украине. М., 1934.

[323] Смирнов А.П. Командарм И.И. Федько. Ставрополь. 1959; Кондратьев Н.Д. На линии огня. М., 1974.

[324] Предполагалось заседание суда устраивать в здании военной коллегии на ул. 25 Октября (потом здесь был горвоенкомат). Но затем

из-за тревожной обстановки решили проводить заседание в Кремле, что и сделали.

[325] Разве это не аналогично финалу процесса Тухачевского?!

[326] Куксин И.Е. Витовт Путна. — «Вопросы истории». 1989, № 1, с. 125—132; Панков Д.В. В моем сердце Отчизна одна. М., 1977 (Р. Эйдеман); Он же. Комкор Эйдеман. М., 1965; Дубинский И. Примаков. (1897— 1937). М., 1968; Эйдеман Р. Борьба с кулацким повстанчеством и бандитизмом. Харьков, 1921; Он же. Химия в войне будущего. Харьков, 1924; Он же. Гражданская война на Украине. Харьков, 1928 (совместно с Н.Е. Какуриным).

[327] «О шпионаже в пользу Германии и Польши речь (на процессе) идет, но улик (в стенограмме) не приводится. Потому, вероятно, что таковых НЕ СУЩЕСТВОВАЛО». (Хорев, с. 4.) Не убедительно! В кратком варианте стенограммы улики могли просто опустить. Здесь они были не существенны, поскольку Сталин лично внимательно изучал 15 томов дела.

[328] Что Уборевич относился к Сталину враждебно, на этот счет нет сомнений даже у его поклонников. Один из них пишет: «Его ненависть к деспотизму не могла оставаться «вещью в себе». (Нордштейн М. «Революционер, и поскольку необходимо — военный» — «Советский воин», 1989, № 18, с. 67.)

[329] Отсюда становится понятным его поведение: «Блюхер, сославшись на недомогание, ушел из зала и вернулся только к вынесению приговора» (то есть к полуночи!) (Там же, с. 67.) Где же он был? Что делал? Может, наносил «визит» Ворошилову, Молотову и Сталину?!

[330] Как отражалась она за границей, видно по биографии Блюхера у явного белогвардейца. (Роман Гуль. Красные маршалы. М., 1990, с. 172— 206.)

[331] Там же: Алдан-Семенов А.И. Слово о командарме. (Об И.П. Уборевиче.) М., 1981.

[332] Бирюзов С. Военно-теоретическое наследство М.Н. Тухачевского. — «Военно-исторический журнал». 1964, № 2, с. 37—49; Тухачевский М.Н. Новые вопросы войны. — «Военно-исторический журнал», 1962; Горелик Я. Военные труды И.П. Уборевича. — «Коммунист» (Вильнюс). 1963, № 2, с. 72-74.

[333]Буденный СМ. Красная конница. (Сб. статей). М., 1930; Он же. Красная конница страны социализма. — «Большевик». 1935, № 4; Статьи к 15-летию Первой конной армии. — «Правда». 1935, 24 апреля; Буденный СМ. Основы тактики конных соединений. М., 1938; Клюев Л. Первая конная армия на польском фронте в 20 году. М., 1932.

[334] Городовиков О. Воспоминания. М., 1959; Чонгарская 6-я кавалерийская дивизия. (Сборник.) М., 1924.

[335] Очак И.Д. Данило Сердич — красный командир. М., 1964; Сердич Д.Ф. Первая встреча с С. Буденным. — Сб. «Первая конная в изображении ее бойцов и командиров». М,—Л., 1930; Сердич Д. От Балканского

полуострова до красного Царицына. — Сб. «Оборона Царицына». Сталинград, 1937.

[336] О военно-политических взглядах М. Тухачевского лучше всего говорят не «воспоминания», а документы (которые, к сожалению, издаются с большими пропусками и подтасовками!): Тухачевский М.Н. Избранные произведения. М., 1964, т. 1—2; Он же. Военные планы нынешней Германии. Л., 1936; Он же. Границы нашей родины неприступны. Воронеж. 1936; Он же. Новые вопросы войны. (Прежде не публиковались). — «Военно-исторический журнал». 1962, № 2.

[337] Калиновский К.Б. Танки. М., 1925.

[338] Кузнецов Т.Н. Тактика танковых войск. М., 1940.

[339] Рыжаков А.К вопросу о строительстве бронетанковой Красной Армии в 30-е годы. — «Военно-исторический журнал», 1968, № 8; Буше Ж. Бронетанковое оружие на войне. М., 1965; Ананьев И.М. Танковые армии в наступлении. М., 1988.

[340] Севостьянов Г. Европейский кризис и позиция США. 1938—1939. М., 1992, с. 328.

[341] Стараясь Ворошилова «свалить», оппозиция прибегала к самой гнусной лжи. «Комкор Куйбышев, — вспоминал Примаков, — говорил мне, что Ворошилов, кроме стрельбы из нагана, ничем не интересуется. Ему либо нужны холуи вроде Хмельницкого, либо дураки вроде Кулика, либо на все согласные старики вроде Шапошникова. Ворошилов не понимает современной армии, не понимает значения техники». (Хорев, с. 4.) А между тем сын Ворошилова являлся уже до войны конструктором танков на Урале!

[342] К. Ворошилов подвергается ныне в разных журналах и газетах беспримерным по злобности нападкам. Зато превозносится и всячески оправдывается, как «доблестный антисталинец», генерал-предатель Власов! См. полемику по этому поводу: Коренюк Н. Трудно жить с мифами. Генерал Власов и Русская освободительная армия. — «Огонек», 1990, № 46, с. 29—31; Френкин А. Власов и власовцы. — «Литературная газета». 13. 09. 1989; Катусев А.Ф., Оппоков В.Г. Иуды. (Власовцы на службе у фашизма.) — «Военно-исторический журнал». — 1990, № 6, с. 68—81; См. также: Кардашов В. Ворошилов. М, 1976; Медведев Р. Они окружали Сталина. М., 1990. (О Ворошилове с. 221—274); К. Ворошилов оставил собственные мемуары. (Рассказы о жизни. М., 1968.)

[343] Мирный советско-финляндский договор подписан 12 марта 1940 г. (См.: Соколов Б. Тайны финской войны. М., 2000.)

[344] И, конечно, вспоминались ему тогда судьбы многих военных прокуроров, которые яростно боролись за справедливость и оклеветанных разными негодяями людей, бойцов и командиров, которым он, к стыду для него, не оказывал необходимой поддержки, что погубило и их самих (Билоконь А.Г. и др. Расправа. Прокурорские судьбы. М., 1990, вып. 4.)

475

[345] Колвин И. Двойная игра. М., 1960; Сахаров В.В. Военные аспекты взаимоотношений СССР и Германии. 1921 — июнь 1941. М., 1992; Колесников В. Тайная миссия Нидермайера. // «Служба безопасности». 1993 № 3—4; Колпакиди А., Прудникова Е. Двойной заговор. М., 2000.

[346] Четвериков Б. Котовский. М., 1968, тт. 1—2 (Роман).

[347] Тирасполь на левом берегу Днепра, основанный Суворовым как крепость, позже являлся столицей Молдавской АССР. (1929—1940). МАССР входила в состав УССР.

[348] Следует напомнить, что конспиративная работа РОВСа и белогвардейцев из Парижа велась именно через тайного агента НКВД генерала Скоблина и осуществлялась именно через Румынию и Прагу. В Праге у Скоблина имелись большие связи. И впервые в Берлин он приехал в 1923 г. именно из Праги.

[349] Щербинин М.П. Биография генерала-фельдмаршала князя М.С. Воронцова. СПб., 1858.

[350] Председатель его— большевик Б. Шумяцкий (1886—1938, чл. партии с 1903). Центросибири (упразднена 28 августа 1918 г.) подчинялся Забайкальский фронт, разгромивший войска атамана Г. Семенова (командующий — С. Лазо).

[351] Усиевич Е. Ванда Василевская. М., 1941; Венгеров Л. Ванда Василевская. М., 1955; Избранное. М., 1947; Когда загорится свет. М., 1947; В Париже и вне Парижа. Очерки. М., 1949; Собрание сочинений. М., 1954— 1955, тт. 1-6.

[352] Воскресенская З. Под псевдонимом Ирина. М., 1997.

[353] Лаппо Д. Иосиф Варейкис. М., 1966; О Блюхере: Конквест Р. Большой террор. — «Нева». 1990, № 11, с. 133—136.

[354] Этот приговор выставлен в демонстрационном зале музея бывшей Советской Армии.

[355] Где они, эти письма? Почему «партия Тухачевского» их скрывает? Может, они рисуют облик Якира отнюдь не с героической стороны?!

[356] Оппозиция предполагала после переворота сделать новым военным министром именно Якира, этого «подлеца и проститутку», как определили его согласно Сталин, Молотов, Ворошилов и Каганович.

[357] П. Бабенко в своей брошюре «И.Э. Якир» (М., 1963, с. 78) с величайшим лицемерием изображает этот момент. По его словам, Якиц кричал: «Да здравствует партия!» Очень ему нужна была эта «партия», которая равнодушно отправила его на расстрел!

[358] Э. Радзинский всячески делает рекламу Тухачевскому и характеризует его так: «Он рожден, чтобы повелевать», ему свойственна «таинственная сила харизмы». «В Гражданскую войну одним своим появлением он усмирял восставшие части». (Сталин. М., 1997, с. 398.) Вопрос: где, спрашивается? Уж не в Тамбовской ли губернии, где он пускал против восставших мужиков ядовитые газы и взятых в плен расстреливал пачками?! И куда делась его пресловутая «харизма» перед Сталиным и Ежовым, а также в момент расстрела?!
476
[359] Позже оппозиция распространяла слух, будто Сталин колебался относительно необходимости расстреливать всех, сразу же ночью он велел расстрелять одного лишь Якира. Но его дружно уговаривали не идти на либеральную и вредную «политику» Ежов, Молотов, Ворошилов, Каганович, Микоян, Хрущев и Андреев. В конце концов он сдался. И на рассвете 13 июня остальные тоже были расстреляны.

[360] Оппозиция, однако, распускала слух, что казненных погребли в Донском монастыре, что было совершенно невозможно. В этом монастыре-крепости (XVI—XVIII вв.), защищавшей Москву с юга, находилась древняя и почитаемая икона Донской богородицы, сопровождавшая, по преданию, великого князя и патриота Дмитрия Донского в Куликовской битве. Здесь же находилось кладбище выдающихся деятелей русской культуры: Хераскова, Дмитриева, Сумарокова, Чаадаева, Ключевского, Жуковского, и других известных людей. Следовательно, казненных по столь гнусным обвинениям заведомо не могли там хоронить

[361] Такую «утку» подхватила затем и немецкая разведка. Во время войны 1941—1945 гг. она через свою агентуру в СССР стала распространять слух, что Тухачевский был выпущен из лагеря — ради организации побед советских войск, но неблагодарный Сталин, едва война кончилась, тут же велел беднягу расстрелять, чтобы присвоить себе славу великого организатора побед. Разумеется, и это все являлось полным вздором.

[362] Некрасов В. Тринадцать «железных» наркомов. М., 1995, с. 223—226.

[363] Барсуков Н. Коммунистические иллюзии Хрущева. — «Диалог», № 5, с. 75-83.

[364] Богданов П., Гомля Г. и др. Рассказ о почетном шахтере. Н.С. Хрущев в Донбассе. Сталино—Донбасс, 1961.

Содержание

Лесков В.А.
Л 50 **Сталин и заговор Тухачевского.** — М.: Вече, 2003. — 480 с. (илл. 16 с.) («Эпоха Сталина»)
ISBN 5-94538-388-0
В книге историка В.А. Лескова рассказывается о существовавшем в 1930-е годы заговоре маршала М.Н. Тухачевского и группы высокопоставленных командиров Красной Армии. По мнению автора, заговор Тухачевского и его товарищей — это реальность, а не плод больного воображения И.В. Сталина и его окружения или тем более следователей из НКВД. Автор исследования раскрывает как внутренние, так и внешние движущие силы заговора, на богатом фактическом материале показывает малоизвестные стороны жизни и деятельности советских и зарубежных политиков, военных, дипломатов, разведчиков. Особое внимание уделено сторонникам полной реабилитации Тухачевского, действовавшим в период хрущевской «оттепели» и вновь оживившимся в ходе горбачевской «перестройки».

Валентин Александрович ЛЕСКОВ
СТАЛИН И ЗАГОВОР ТУХАЧЕВСКОГО

Генеральный директор *Л.Л. Палько*
Ответственный за выпуск *В. П. Еленский*
Главный редактор *С.Н. Дмитриев*
Корректор *Б. И. Тумян*
Верстка *М.Ю. Евдокимов*
Разработка и подготовка к печати
художественного оформления— «Вече-графика»
Д. В. Грушин
Гигиенический сертификат №77.99.02.953.П.002268.12.02 от 09.12.2002 г.
129348, Москва, ул. Красной Сосны, д. 24.
ООО «Издательство «Вече 2000» ЗАО «Издательство «Вече»
ООО «Издательский дом «Вече»
E-mail: veche@veche.ru http://www.veche.ru,
www.100top.ru
Подписано в печать 12.09.2003. Формат 60X90 $^{1}/_{16}$.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Бумага офсетная.

Печ. л. 30. Тираж 5000 экз. Заказ № 0311270.
Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97